

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

4

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1

Н. С. БОРИСОВ

ПОЛИТИКА
МОСКОВСКИХ
КНЯЗЕЙ

КОНЕЦ XIII — ПЕРВАЯ
ПОЛОВИНА XIV ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1999

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА
МГУ

Под редакцией С.П. Картова

[4]

СЕРИЯ II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(1)

МОСКВА
1999

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Н.С. БОРИСОВ

ПОЛИТИКА
МОСКОВСКИХ
КНЯЗЕЙ

КОНЕЦ XIII — ПЕРВАЯ
ПОЛОВИНА XIV ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1999

УДК 93/99
ББК 63.3
Б82

Серии Трудов исторического факультета МГУ:

♦Исторические источники ♦Исторические исследования
♦Instrumenta studiorum ♦Биобиблиографии

Редакционный совет:

С. П. Карпов (председатель), А. Г. Голиков, В. Н. Гращенков,
В. И. Кузищин, Ю. С. Кукушкин, Л. С. Леонова, Г. Ф. Матвеев,
Л. В. Милов, А. И. Морозов, В. В. Пименов, Г. М. Степаненко,
Н. С. Тимофеев, В. А. Федоров, Е. Ф. Язьков, В. Л. Янин

Рецензенты:

доктор исторических наук Б. М. Клосс,
доктор исторических наук Г. А. Федоров-Давыдов

Печатается по постановлению

Редакционно-издательского совета Московского университета

Борисов Н. С.

Б82 Политика Московских князей (конец XIII — первая половина XIV в.). — М.: Изд-во МГУ, 1999. — 391 с. — (Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 4; Сер. 2. Исторические исследования: 1).

ISBN 5-211-04020-1

В монографии раскрыты основные принципы политики первых московских князей — Даниила Александровича, Юрия Даниловича, Ивана Даниловича Калиты. Всесторонний анализ деятельности этих правителей позволяет увидеть их личный вклад в дело возвышения Москвы. Значительное место занимает реконструкция ключевых идей раннемосковской публицистики.

Для историков, преподавателей и студентов вузов, а также всех интересующихся историей России.

УДК 93/99
ББК 63.3

ISBN 5-211-04020-1

© Издательство Московского
университета, 1999

ОГЛАВЛЕНИЕ

Новые серии изданий исторического факультета МГУ (С. П. Карпов)	7
Введение	10
Источники	15
Историография	29
Глава 1. Политика князя Даниила Александровича Московского (1282–1303)	65
Глава 2. Соперничество Москвы и Твери в период великого княжения Михаила Тверского (1304–1317)	
1. Истоки московско-тверского противостояния	85
2. Сражение за Переяславль в 1304 г.	94
3. Московская политика в период великого княжения Михаила Тверского (1305–1310)	107
4. Борьба Москвы и Твери за преобладание в Новгороде в 1311–1317 гг.	131
Глава 3. Новый курс «русской политики» Орды	
1. Ставка на Юрия Московского	151
2. Возвышение Дмитрия Тверского	165
3. Юрий Московский в Новгороде и Пскове	174
4. Великое княжение Александра Тверского	182
Глава 4. Московские князья и митрополичья кафедра в первой четверти XIV в.	
1. Митрополит Петр и московские Даниловичи: предпосылки сближения	188
2. Строительство Успенского собора в московском Кремле	193
Глава 5. Усиление Москвы в княжение Ивана Калиты	
1. Тверское восстание	215
2. Перемены в «русской политике» Орды	224
3. Некоторые особенности внутренней политики Ивана Калиты	233

4. Превращение Москвы в религиозный центр Северо-Восточной Руси	244
Глава 6. Новгородско-псковское направление московской политики во второй четверти XIV в.	274
Глава 7. Возобновление борьбы Москвы с Тверью во второй половине 30-х гг. XIV в.	306
Глава 8. Идейное обоснование политики московских князей	
1. «Похвала Ивану Калите» как памятник раннемосковской публицистики	326
2. Летописный панегирик Ивану Калите	350
3. Летописный некролог Ивану Калите	357
4. Летописная запись об основании Спасского монастыря	362
Заключение	371
Литература	377
Список сокращений	391

НОВЫЕ СЕРИИ ИЗДАНИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Этой книгой исторический факультет открывает одну из серий трудов, призванных отразить результаты важнейших исследований, а также сложившийся за много лет опыт преподавания исторических дисциплин.

Несомненный рост общественного интереса к истории, расширение источниковой базы, широкое применение информационных технологий, необходимость объективного, неангажированного, критического осмысления как самого прошлого, так и методик его изучения, многообразие подходов ученых разных взглядов и направлений к событиям и фактам делают особенно важным появление таких комплексных изданий, которые бы наиболее полно представляли различные научные школы. Значение исторически достоверных научных трудов, с выверенной и надежной информацией о давнем и недавнем прошлом особенно велико сейчас, когда на отечественном книжном рынке, помимо прекрасных и добротных публикаций, немало фальсификатов, не прошедших никакой научной экспертизы, но претендующих на переворот во всей системе исторических представлений. Подчас их броские и сенсационные «выводы» проникают и на страницы учебников.

Между тем, первоосновой любого учебного материала является его достоверность и соответствие уровню мировой науки, который в немалой степени определяется именно монографическими исследованиями. Без них не может быть ни приращения знаний, ни плодотворного обсуждения дискуссионных тем. Ведь дискуссии развивают науку лишь тогда, когда спорящие точно интерпретируют источники, имеют в своем «багаже» монографические (в широком смысле этого слова) разработки тем. В ином случае цена их споров близка к нулю или составляет отрицательные величины. Преодоление определенного упадка монографического жанра и жанра критических научных публикаций — настоятельная необходимость отечественной науки сегодня.

Первая серия трудов, издаваемых историческим факультетом МГУ, — «Исторические источники». Она задумана для критических

изданий неизвестных или малоизвестных архивных и иных материалов. Помимо открывающей ее «Картотеки "Z"», содержащей ценнейшие материалы по истории второй мировой войны и проливающей свет на проблему перемещенных и уничтоженных культурных ценностей на территории России, Украины и Белоруссии, в этой серии в ближайшие годы планируется опубликовать ряд книг.

Среди них — сборник документов о трагических страницах русской истории начала XVII в. — «Памятники Смутного времени. Тушинский вор» (составители — В. И. Кузнецов и И. П. Кулакова). В него войдут записки, дневники, письма современников событий тех лет, актовый материал, летописные свидетельства, публицистика, охватывающая 1607–1610 гг.

В издание «Венчание с Россией» (составители — Л. Г. Захарова и Л. И. Тютюнник) включена переписка цесаревича Александра Николаевича (будущего императора Александра II) с отцом — императором Николаем I, относящаяся ко времени путешествия наследника престола по России в мае — декабре 1837 г. Письма содержат ценные сведения как о личности корреспондентов, так и о многих сторонах жизни различных областей Российской империи.

Вторая серия — «Исторические исследования». Это труды, посвященные разным сторонам и аспектам отечественной и всеобщей истории. Среди подготовленных изданий — «Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV в.)» Н. С. Борисова. Речь идет о собирателях Московской Руси — великих князьях Данииле, Юрии и Иване Калите. Автор предлагает свое, многомерное объяснение причин победы Москвы в соперничестве с другими феодальными центрами Руси.

М. В. Дмитриев обращается к весьма актуальной проблеме отношений православия и католицизма, унии и прозелитизма на Украине и в Белоруссии. Его книга «Украинско-белорусское православие XVI в. и генезис Брестской церковной унии 1596 г.» показывает глубокие перемены в традиционной православной культуре Украины и Белоруссии во второй половине XVI столетия и объясняет их причины.

Л. М. Брагина подготовила комплексное исследование итальянского гуманизма XIV–XVI вв., представив в единстве разные течения и региональные центры итальянского Возрождения.

В книге А. В. Тырсенко «Фельяны (у истоков французского либерализма)» рассмотрено идейно-политическое течение Французской революции конца XVIII в., составлявшее альтернативу якобинству и жирондистам. Выводы автора основываются на документах из библиотек и архивов Франции.

Данные этнографической и краеведческой литературы, материалы анкетных обследований Русского Географического общества и Этнографического бюро лежат в основе монографии В. А. Федорова «Культура и быт великорусского крестьянства в конце XIX — на-

чале XX в.» В основном это исследование мировоззрения подавляющего большинства населения России той поры.

Сравнительное изучение наследия трех немецких мыслителей, оказавших огромное воздействие на современную историографию, предпринято А. И. Патрушевым в книге «Триада: Фридрих Ницше — Макс Вебер — Освальд Шпенглер. Очерк жизни и творчества».

Третья серия трудов — «*Instrumenta Studiorum*» — материалы, непосредственно используемые в учебном процессе. Серию открыл сборник Программ общих курсов, читаемых на историческом факультете МГУ в течение всех лет обучения. В портфеле редакции в этой серии:

— вводный курс «Информатика и математика для историков», под ред. Л. И. Бородкина и И. М. Гарсковой, включающий: основы информатики, математические методы в исторических исследованиях, Интернет для историка;

— не имеющее аналогов «Введение в вещеведение: естественнонаучный подход к изучению древних вещей» Ю. Л. Шаповой;

— учебное пособие «Поздние крестовые походы (Пьер I Лузиньян — король и крестоносец)» С. В. Близнюк, содержащее первый перевод на русский язык части «Кипрской хроники» Леонтия Махеры XIV–XV вв.;

— «Источниковедение истории южных и западных славян от средних веков до середины XIX в.» под ред. Л. П. Лаптевой;

— курс лекций профессора Е. Ф. Языкова «История стран Европы и Америки в новейшее время. Часть 1 (1918–1945 гг.)».

Четвертая серия — Биобиблиография видных ученых-историков МГУ. В настоящее время подготовлены научные биографии и списки трудов Л. П. Лаптевой и В. А. Федорова.

Авторами всех изданий являются профессора, преподаватели и сотрудники исторического факультета МГУ разных поколений, работающие в тесном содружестве с учеными других научных и учебных заведений. Разумеется, серии не ограничатся только поименованными выпусками, рассчитанными на ближайшее будущее. Мы надеемся, что эти труды внесут свой скромный вклад в копилку исторических знаний нашего народа.

Декан
исторического факультета МГУ,
проф. С. П. Карпов

ВВЕДЕНИЕ

Признание политики московских князей в конце XIII — первой половине XIV в. важным (и даже решающим) фактором успеха Москвы в деле объединения русских земель давно стало общим местом в исторических трудах. Однако, как ни странно, в литературе до сих пор нет достаточно обширного обобщающего исследования, посвященного именно этой теме. В лучшем случае дело ограничивается соответствующей главой в монографии, охватывающей весь период образования Русского централизованного государства. Существует также немало работ, посвященных отдельным «составляющим» данной темы или смежным с ней сюжетам.

В настоящее время назрела потребность в своего рода «инвентаризации» всего этого материала, его систематизации и критическом разборе. Только выполнив эту работу и на ее основе представив более или менее целостную картину наших современных представлений о политике первых московских князей, можно наметить перспективные пути для дальнейших исследований темы.

Анализ политики первых московских князей, предпринятый в данной работе, не является самоцелью. Речь идет о новом подходе к одной из ключевых тем в истории средневековой Руси — проблеме «возвышения Москвы». Вопрос о том, почему именно Москва сумела победить в споре с другими крупными феодальными центрами, и в первую очередь с Тверью, издавна занимал исследователей. Со времен В. О. Ключевского в литературе доминирует предложенная им схема, согласно которой победу Москвы следует объяснять главным образом четырьмя причинами: Москва — важнейший узел торговых и иных связей между русскими землями; Москва, расположенная в центре русских земель, была наиболее безопасным от нападений чужеземцев местом, что влекло сюда многочисленных переселенцев из соседних территорий; московские князья сумели заключить союз с митрополицией

кафедрой, энергично поддержавшей их политические усилия. Четвертой причиной неизменно называлась на редкость эффективная политика московских князей. Объяснение этого феномена В. О. Ключевский видел в династической захудалости Даниловичей, для преодоления которой требовались новые подходы к решению спорных вопросов, а также чрезвычайная политическая активность.

Стройность и логическая безупречность схемы Ключевского обеспечили ей поразительное долготелie. И все же исследователи все чаще указывают на ахиллесову пяту данной концепции — ее умозрительный характер. Действительно, нет никаких оснований усомниться в огромном значении «географического фактора» для объяснения успехов Москвы. Но этот фактор не в состоянии объяснить перевес Москвы над Тверью, местоположение которой было не менее — если не более! — удачным. Разумеется, об этом можно спорить. Однако отсутствие серьезной источниковой базы по вопросу об экономическом развитии Москвы и Твери в XIII–XIV вв. переводит любые споры в плоскость все тех же умозрительных конструкций. Таким образом, «географический фактор» и выведенные из него две первые причины победы Москвы над Тверью следует вынести за скобки. Остаются лишь третья и четвертая причины: «союз с церковью» и «гибкая политика» московских князей.

Вопрос об участии церкви и особенно ее руководящего центра, митрополичьей кафедры, в политической жизни Руси рассмотрен нами в книге «Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков» (М., 1986). Критический анализ всех известных источников, проделанный в этой книге, свидетельствует о том, что для первой половины XIV в. «союз» московских князей с митрополичьей кафедрой — не более чем историографический миф. Совпадение интересов московских князей и митрополитов в ряде конкретных вопросов отнюдь не дает оснований говорить об их тесном сотрудничестве во имя объединения Руси под эгидой Москвы. Иначе говоря, роль митрополитов Петра и Феогноста в победе Москвы над Тверью и в стабилизации политической ситуации в Северо-Восточной Руси была значительно скромнее, чем принято думать.

Данная работа в определенном смысле продолжает предыдущую. Теперь предметом критического анализа становится четвертая позиция схемы Ключевского — политика первых московских князей. Мы попытаемся выяснить, насколько оригинальной была эта политика, сколь велико ее воздействие на отношение правителей Орды к Москве и Твери и, наконец, была ли эта политика чем-то исключительным для своего времени в моральном плане. Последнее утверждение довольно часто высказывают литераторы, публицисты и даже историки, склонные к категоричным и парадоксальным суждениям. Стремление представить победу Москвы в ее борьбе с другими феодальными центрами как победу

темного начала над светлым, деспотизма — над свободой, эгоизма — над самопожертвованием, подлости — над благородством уходит своими корнями глубоко в историю.

Объективная оценка роли «политического фактора» в успехах Москвы необходима для правильной постановки новых, перспективных тем исследования, на которые выходит современная историческая наука: о внутренних особенностях Московского княжества, о его социальной структуре и административном устройстве как предпосылках победы Москвы в споре за первенство в Северо-Восточной Руси. В этой связи можно высказать некоторые предварительные соображения.

Политические успехи первых московских князей можно понять лишь на общем фоне состояния Северо-Восточной Руси в XIII — начале XIV в. В предмонгольской Руси шли весьма противоречивые политические процессы, обусловленные динамикой социальных отношений. Дробление княжеств на уделы, быстрый рост численности представителей правящей династии и обострение соперничества между ними — лишь один из аспектов ситуации. Наряду с этим заметна и тенденция к территориальной и государственно-политической консолидации, которая в перспективе открывала путь к преодолению отрицательных последствий политической раздробленности Руси.

Важнейшим фактором, способствовавшим консолидации, был рост городов — крупных центров ремесла и торговли, потенциальных союзников сильной великокняжеской власти. Рост княжеского домена за счет энергичной экспансии владимирских князей в восточном и юго-восточном направлениях также создавал предпосылки для укрепления экономического фундамента владимирского «самовластия». Постепенно складывалась иерархия форм феодального сюзеренитета-вассалитета, предполагавшая и более четкое структурирование политических связей по вертикали. Крупные боярские вотчины оказывались интегрированными в более крупные, нежели удельные княжества, политические структуры.

Нашествие монголов, и в особенности складывание системы чужеземного ига, нанесли сокрушительный удар по политической консолидации в Северо-Восточной Руси, подрубили ее социально-экономические корни. Стратегической целью ордынских правителей являлось недопущение необратимой политической централизации в масштабах Северо-Восточной Руси. При этом в тактических целях (увеличение размеров дани, противостояние экспансии Литвы и т. д.) они готовы были допустить определенную военно-административную консолидацию Северо-Восточной Руси под эгидой «благонадежного» князя-порученца.

В этих условиях именно искусная политика становилась главным оружием в борьбе за поддержку Орды, которую вели между собой в первой четверти XIV в. сильнейшие княжеские семьи — тверская и

московская. Наградой за успех должна была стать долгожданная политическая стабильность, под покровом которой прежние процессы консолидации потекли бы уже по новому географическому руслу.

Примечательно, что «стартовые возможности» (то есть экономический потенциал, положение на генеалогическом древе Рюриковичей, семейная ситуация) у тверичей были более предпочтительными. Однако москвичи сумели максимально эффективно использовать уже известные и отыскать новые способы достижения поставленных политических целей. Все ресурсы княжества и все хитроумие его правителей были подчинены двуединой задаче: добиться поддержки Орды и сохранить ее как можно дольше. И эта задача была решена. Технология московской победы — одна из самых ярких страниц в политической истории средневековой Руси, а может быть, и всей Восточной Европы.

Конечно, наивно сводить дело только к «мудрости» одних и «опробитости» других. Результативная политика — лишь одна из составляющих московской победы. Очевидно, что сформировавшаяся относительно поздно и почти «на пустом месте», в отсутствие крупных вотчинников и могущественных городских верхов московская модель княжеской власти оказалась более сильной и эффективной в экстремальных ситуациях, нежели тверская модель. Можно сказать, что в плане формирования сильной княжеской власти — главного оружия в политической борьбе — Москва по сравнению с Тверью имела примерно те же преимущества, что и Владимир по сравнению с Ростовом. И не случайно методы возвышения своей власти, которыми пользовались владимирские «самовластцы» (от создания масштабных религиозно-политических теорий и интенсивного культового строительства — до публичных казней вождей боярской оппозиции), возродились в XIV в. на Боровицком холме.

Не ограничиваясь рассмотрением трудов предшественников, автор данного исследования предлагает собственную интерпретацию сохранившихся в источниках сведений о политике трех первых московских князей. При этом само понятие «политика» трактуется нами предельно широко, включая утверждение тех или иных политических (религиозно-политических) идей опосредованно: через даты событий и посвящения храмов, через памятники литературы и искусства. Только при таком расширении круга источников появляется возможность разглядеть нечто новое в привычном и скучном ландшафте изучаемой эпохи. Другой резерв — углубленное прочтение традиционных письменных источников, анализ их содержания в контексте религиозных представлений русского Средневековья.

Хронологические рамки монографии определяются как самим характером работы, ее оптимальным объемом, так и соображениями общенсторического характера. Как уже отмечено выше, именно в конце XIII — первой половине XIV в. Москва сумела вырваться вперед и

прочно занять место лидера в политической системе Северо-Восточной Руси. Сыновья Калиты Семен Гордый и Иван Красный действовали в целом в русле политики своего отца, а его внук Дмитрий Донской в изменившихся исторических условиях выработал новые принципы внешней и внутренней политики.

ИСТОЧНИКИ

Важнейшим источником для изучения ранней истории Москвы являются летописи. Применительно к изучаемой теме их можно условно разделить на две категории. В первой — собственно московское летописание, отразившее точку зрения местных правящих верхов; во второй — летописание так или иначе противоборствовавших с Москвой политических центров (Твери, Новгорода, Пскова, Рязани, Ростова, Нижнего Новгорода и Суздаля). Использование максимально широкого круга летописных источников, относящихся к обеим названным категориям, позволяет увидеть московскую политику изучаемого периода более детально и реалистично. Необходимо также помнить и о том, что большинство летописей неоднократно редактировалось и дошло до наших дней в списках XVI–XVII вв. События первой половины XIV в. представлены в них в изложении и оценке гораздо более позднего времени.

Московское летописание выросло из отрывочных записей летописного характера, фиксировавших важнейшие события в жизни правящей династии, города и княжества. По-видимому, привычка делать такие записи появилась только в правление князя Юрия Даниловича (1303–1325). Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что летописные известия, относящиеся ко времени его отца Даниила Александровича, крайне скудны и носят характер припоминаний.

С приходом на великое княжение Владимирское тверского князя Михаила Ярославича был составлен общерусский Свод 1305 г., известный в литературе под различными наименованиями: «Владимирский полихрон начала XIV в.», Свод 1305 г. Этот памятник дошел до нас в виде Лаврентьевской летописи, написанной в 1377 г. в Нижнем Новгороде монахом Лаврентием. Вопрос о том, насколько точно Лаврентьевская летопись передает текст Свода 1305 г., по-разному решается исследователями. Согласно А. А. Шахматову и М. Д. Приселкову, труд Лаврентия есть более или менее точная копия Свода 1305 г. Этот взгляд поддер-

жали А. Н. Насонов и Я. С. Лурье¹. Однако В. Л. Комарович и Г. М. Прохоров отстаивают точку зрения о самостоятельной, творческой работе Лаврентия по некоторым сюжетам².

Как источник по истории ранней Москвы Лаврентьевская летопись имеет два существенных недостатка. Во-первых, она доводит изложение событий только до 1305 г., а во-вторых, в ней утрачен ряд листов и потому рассказ о второй половине XIII в. страдает крупными пробелами.

Происхождение Свода 1305 г. по-разному определяется исследователями. А. А. Шахматов видел в нем результат деятельности книжников митрополичьего дома³, первую попытку создать общерусский митрополичий свод⁴. М. Д. Приселков, отвергая гипотезу Шахматова, представлял Свод 1305 г. как тверское продолжение великокняжеской летописной традиции XIII столетия (великокняжеский Свод 1281 г. и его предшественники)⁵. Последняя точка зрения является ныне общепринятой.

Тверское летописание, по-видимому, началось в связи с постройкой Спасского собора в 1285–1290 гг. От кратких записей о событиях местного значения тверичи постепенно перешли к систематической работе. Большинство исследователей признают, что в Твери в 1327 г. составили новый великокняжеский общерусский свод⁶. На его существование указывает идентичность текстов Рогожского летописца и Тверского сборника именно до этого года. Наблюдения над текстами тех же летописей позволили Я. С. Лурье высказать предположение о существовании великокняжеского Свода 1375 г., составленного в Твери после почти полувекового упадка летописной работы⁷. Московский Свод 1327 г. в построении Лурье отсутствует. По его мнению, Москва в XIV в. так и не смогла поднять свою летописную работу до общерусских горизонтов. Весьма незначительной была и общественно-политическая мысль Москвы до Куликовской битвы⁸.

¹ См.: Шахматов А. А. Обзорные русские летописные своды XIV–XVI вв. М.: Л., 1938. С. 37; Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 151; Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII в. М., 1969. С. 191–192; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 22–23.

² См.: Комарович В. Л. Из наблюдений над Лаврентьевской летописью // ТОДРЛ. Т. XXX. Л., 1976. С. 27–57; Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Т. XXVIII. Л., 1973. С. 77–91.

³ См.: Шахматов А. А. Указ. соч. С. 19–20.

⁴ См.: Там же.

⁵ Приселков М. Д. Указ. соч. С. 163.

⁶ Там же. С. 168; Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси XIII–XV веков. М., 1983. С. 51, 98.

⁷ См.: Лурье Я. С. Указ. соч. С. 66.

⁸ Там же. С. 61–66. Концепция Я. С. Лурье встретила энергичные возражения ряда исследователей, и в первую очередь В. А. Плугина. По его мнению, «весьма спорной представляется, например, характеристика автором состояния московского

После разгрома Твери татарами зимой 1327/28 г. и прихода на великое княжение Владимирское Ивана Калиты тверской летописный материал, по-видимому, был взят в Москву и использован для развития московской летописной традиции. Ее первые шаги, возможно, относятся еще к концу XIII в. Л. Л. Муравьева считает возможным говорить о существовании «Летописца Даниловичей, состоящего из отдельных разрозненных записей», который возник не позднее 1303–1304 гг. и велся, по-видимому, в Даниловом монастыре⁹.

Начало систематического летописного труда в Москве одни исследователи связывают с постройкой каменного Успенского собора в московском Кремле в 1326–1327 гг.¹⁰, другие — с основанием в 1330 г. придворного Спасского монастыря¹¹.

Известно мнение М. Д. Приселкова, которое с существенными оговорками не оспаривает Я. С. Лурье и активно поддерживает Л. Л. Муравьева, относительно создания в Москве в 1340 г. летописного свода, как бы подводящего итог княжению Ивана Калиты¹². В этом своде «семейная хроника московских Даниловичей» соединилась с летописными записями митрополичьего дома.

Развивая предположение А. А. Шахматова о московском летописном Своде 1354–1362 гг., Л. Л. Муравьева уточняет его хронологию как 1354–1359 гг. и отмечает общерусский кругозор и церковно-государственный колорит этого памятника¹³. Г. М. Прохоров высказал предположение о московском Своде 1375 г., который по-

летописания в XIV — первой половине XV в. Беднее картины невозможно представить...» (Плугин В. А. Нерешенные вопросы русского летописания XIV–XV веков (к выходу в свет книги Я. С. Лурье «Общерусские летописи XIV–XV вв.») // История СССР. 1978. № 4. С. 74). Плугин оспаривает и утверждения Лурье относительно отсутствия каких-либо памятников московской политической мысли первой половины XIV в., о «протипарском» характере политики предков Дмитрия Донского (Там же. С. 74–77). Однако Лурье и в последующих работах отстаивает свое представление о московском летописании XIV — начала XV в. При этом его схема несколько усложнилась. Теперь он считает возможным говорить о «двух сводах конца XIV — начала XV в.: о своде, доведенном до 1408 г., дошедшем в Троицкой, и о своде, доведенном до 1412 г., дошедшем в Рогожской и Симеоновской и составленном, по всей видимости, в Твери» (Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. Слб., 1994. С. 13–16; Luria J. S. Fifteenth-Century Chronicles as a Source for the History of the Formation of the Moscovite State // California Slavic Studies. XIX. Medieval Russian Culture. Vol. 2. University of California Press, 1994. P. 49–51).

⁹ См.: Муравьева Л. Л. Указ. соч. С. 120.

¹⁰ См.: Гудзий Н. К. Зарождение и становление московской литературы // Вестн. Моск. ун-та. 1947. № 9. С. 104–105.

¹¹ См.: Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. С. 92–134, 185–186; Муравьева Л. Л. Указ. соч. С. 143.

¹² См.: Лурье Я. С. Общерусские летописи... С. 64.; Муравьева Л. Л. Указ. соч. С. 140.

¹³ См.: Муравьева Л. Л. Указ. соч. С. 153–159.

сил имя «Летописца великого Русского» и был положен в основу Свода 1389–1392 гг.¹⁴

Среди летописных памятников XIV в., содержащих информацию о деятельности первых Даниловичей, важное место занимает «Летописец великий Русский», о котором упоминает Троицкая летопись под 1392 г. Согласно М. Д. Приселкову, это был общерусский Свод 1305 г., дополненный московскими известиями и отредактированный после кончины великого князя Дмитрия Ивановича¹⁵. Этот памятник, подводящий итог княжения Дмитрия Донского, был положен в основу общерусского Свода 1408 г., близкой по времени копией (а может быть, и оригиналом) которого была Троицкая летопись. (Свод 1408 г. некоторые исследователи предпочитают называть «Сводом 1409 г.».)

Обширные выписки из Троицкой летописи сохранились в примечаниях к «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. Оригинал древней пергаменной летописи, которым пользовался Карамзин, погиб при пожаре Москвы в 1812 г. На основе косвенных данных (параллельных текстов других летописей, выписок Карамзина) текст Троицкой летописи был реконструирован М. Д. Приселковым.

Свод 1408 г. обычно связывают с именем жившего в Москве митрополита Киевского и всея Руси Киприана. Однако среди исследователей существуют и весьма значительные разногласия по поводу идейной направленности и возможного заказчика этого памятника¹⁶.

¹⁴ См.: Прохоров Г. М. Центральнорусское летописание второй половины XIV в. (Анализ Рогожского летописца и общие соображения) // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л., 1978. Т. 10. С. 166–167, 177–181.

¹⁵ См.: Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 439; Он же. История русского летописания XI–XV вв. С. 183. Взгляды Приселкова на историю московского летописания в XIV – начале XV в. в полной мере разделяет В. А. Плугин (*Плугин В. А. Указ. соч.* С. 88).

¹⁶ См.: Греков И. Б. Заключительная часть Троицкой летописи и проблема авторства летописного свода 1409 года // *Советское славяноведение*. 1982. № 2. С. 43–60; Он же. Варианты «Повести о нашествии Египтян» и проблема авторства Троицкой летописи // *Исследования по истории и историографии феодализма*. М., 1982. С. 219–238. Греков считает, что митрополит Киприан не был создателем или вдохновителем Свода 1408 г. Согласно противоположному мнению Л. Л. Муравьевой, Свод 1408 г. «был первый памятник летописания, созданный по инициативе и при участии митрополичьей кафедры (и самого митр. Киприана)» (*Муравьева Л. Л. Московское летописание второй половины XIV – начала XV века*. М., 1991. С. 193). Исследовательница отмечает также тесную связь Троицкой летописи с историко-литературной работой инокв Троицкого монастыря. Соглашаясь с этим, Б. М. Кюсс идет дальше и путем сравнения текста Троицкой летописи (в его дошедшем до нас виде) с произведениями Епифания Премудрого доказывает, что над составлением Свода 1408 г. (Троицкой летописи) трудился этот знаменитый писатель, монах Троицкого монастыря (*Kloss B. M. Determining the authorship of the Trinity Chronicle // California Slavic Studies*. XIX. Medieval Russian Culture. Vol. 2. P. 57–72). Опровергая трактовку Кюсса, Я. С. Лурье замечает, что совпадения в текстах Епифания Премудрого и Троицкой летописи носят характер «общих формул», да и сам текст Троицкой летописи автор

Из-за утраты оригинала Троицкой летописи текст этого важнейшего для изучения истории Москвы XIV в. памятника приходится проследживать по двум уцелевшим летописям, лучше прочих передающим текст Свода 1408 г. Одна из них — Симоновская летопись. Это дошедший до нас в списке XVI в. московский памятник конца XV в. А. А. Шах-матов, первым обративший внимание на Симоновскую летопись, установил высокую степень близости ее текста от начала (1177) до 1390 г. с текстом Троицкой (насколько он был известен по выпискам Карамзина и Лаврентьевской летописи). Предполагают, что Симоновская летопись стала продуктом второго этапа переработки Свода 1408 г., тогда как первая переработка этого памятника представлена Рогожским летописцем. Наряду с Симоновской летописью это основной источник для изучения политики московских князей в первой половине XIV в.

Рогожский летописец сохранился в рукописи 40-х годов XV в. Начиная с 1328 и до 1392 г. он содержит текст, весьма близкий к Троицкой летописи. Рогожский летописец завершается известием 1412 г. Это обстоятельство позволяет предполагать, что именно в 1412–1413 гг. в Твери было предпринято редактирование Свода 1408 г.

Существенным недостатком Рогожского летописца как исторического источника является пропуск в его тексте целого ряда погодных статей. Так, по интересующему нас периоду отсутствуют статьи в интервале между 1248 (6756) и 1312 (6820) гг.

Раннее летописание Твери, тесно связанное с общерусской и московской традицией, сохранилось и в Тверском сборнике XVI в. В рамках 1288–1327 гг. он дает почти тот же текст, что и Рогожский летописец. Далее, на протяжении всего XIV в. и первой четверти XV в., он передает тверскую летопись середины XV в. К сожалению, по первой половине XIV в. Тверской сборник страдает значительными пропусками летописных статей (1300–1305, 1333–1335, 1342–1352 гг.).

Фрагменты тверского летописного свода (согласно Я. С. Лурье — Свода 1375 г.) помимо Рогожского летописца и Тверского сборника сохранились в рукописном сборнике из Музейского собрания ГИМ (№ 1473). Эти фрагменты, опубликованные А. Н. Насоновым, содержат некоторые уникальные подробности, относящиеся к московско-тверским отношениям в первой половине XIV в.

Московское общерусское летописание XV в. послужило предметом множества исследований. По мнению М. Д. Приселкова, его рубежами можно считать «общерусский Свод 1418 г., который был использован сводчиком 1448 г. и который А. А. Шахматов определил как общерусский митрополичий свод, или Полихрон времени митрополита Фотия»¹⁷.

воспроизводит лишь на основании текстов Рогожского летописца и Симоновской летописи. По мнению Лурье, нет оснований говорить о какой-либо связи Свода 1408 г. с Троицким монастырем (Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. С. 59).

¹⁷ Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. С. 206.

Однако поддержанная Приселковым идея Шахматова о «Полихроне Фотия 1418 г.» была отвергнута позднейшими исследователями летописания. Вызвал разногласия и свод, послуживший протографом для Софийской 1 и Новгородской 4 летописей. Шахматов, Приселков, Зимин и Лурье определили его как Свод 1448 г. Однако позднее и сам Шахматов и Лурье отказались от этой точки зрения и предпочли говорить о «новгородско-софийском Своде» второй четверти XV в. В настоящей работе мы пользуемся понятием Свод 1448 г., осознавая его условность.

В данном обзоре мы не имеем возможности представить сложную картину развития московского летописания во второй половине XV — первой трети XVI в. Привлекая те или иные известия из памятников этого круга, мы будем сопровождать их в примечании соответствующим источниковедческим комментарием.

Ценные сведения по истории ранней Москвы и московско-новгородских отношений сохранили новгородские летописи. Среди них выделяется своим значением Новгородская 1 летопись (далее — Н1Л). Она известна в двух изводах: старшем, доведенном до 1333 г., и младшем, заканчивающемся событиями середины XV в. Первый из них сохранился лишь в одном, Синодальном пергаменном списке XIII—XIV вв., второй — в списках середины XV в. (Комиссионный и Академический) и их копиях XVIII—XIX вв. (Толстовский и Воронцовский списки). Поздние копии ранних списков интересны тем, что они воспроизводят не только уцелевший древний текст, но и его фрагменты (листы рукописи), утраченные уже после изготовления копий.

Большой интерес для нашей темы представляет и малоизученный источник — статьи, находящиеся в рукописи Археографической комиссии перед и после Комиссионного списка Н1Л. Помимо «Русской правды» и памятников церковно-юридического характера здесь помещен своего рода справочно-исторический материал: перечни митрополитов и новгородских владык, высших должностных лиц Новгорода, а также родословия князей с указанием продолжительности пребывания у власти, с их прозвищами, краткими характеристиками и некоторыми обстоятельствами правления. В одном из таких княжеских реестров («А се князи Русьстии») содержится, например, уникальное известие о разделе княжения Владимирского между Иваном Калитой и Александром Васильевичем Суздальским. (По мнению А. Н. Насонова, статья «А се князи Русьстии» уходит своими корнями в книжность Ростова, где еще с XII в. при городском Успенском соборе велась летописная работа.) Заслуживают тщательного изучения и указанные в родословцах сроки правления князей, другие хронологические выкладки.

Особо следует отметить краткий княжеский реестр («А се роды русских князей»), содержащийся в одном рукописном сборнике середины XVI в. из библиотеки Троице-Сергиевой лавры. Основное место в этом сборнике занимает так называемый «Троицкий список» Н1Л —

фрагмент летописи, близкой по составу к Комиссионному, Академическому и Толстовскому спискам Н1Л. Вслед за летописным текстом составитель сборника поместил Уставную грамоту новгородского князя Всеволода Мстиславича церкви св. Иоанна Предтечи на Опоках, а за ней — интересующее нас княжеское родословие. Составитель родословия взял за основу одну из статей, предшествующих Комиссионному списку Н1Л в сборнике Археографической комиссии («Сице родословятся велицей князи Русьстии»). Однако он весьма творчески отнесся к своему оригиналу (или его протографу): сократил повторы, исправил ошибки генеалогического характера, добавил некоторые определения и прозвища. Отметим те различия, которые важны для темы данного исследования. В сборнике Археографической комиссии об Иване Калите сообщается так: «Данил роди Ивана, иже исправи Русьскую землю от татей и от разбойник»¹⁸. В сборнике из Троице-Сергиевой лавры этот сюжет развернут несколько подробнее: «А Данилеи роди Ивана Доброго, иже исправи Рускую землю от татей, от разбойник, ото всякого мятежа»¹⁹.

Примечательно многозначительное добавление — «ото всякого мятежа»²⁰. Известно, что прославление Ивана Калиты за борьбу с церковными «мятежами» — ересями, за «великую тишину» в смысле прекращения междукняжеских войн и татарских погромов было характерно для ранней московской литературы. Составитель сборника из Троице-Сергиевой лавры лаконично обобщил эти панегирики в трех словах — «ото всякого мятежа». Оттуда же, из фонда ранней московской письменности, взял он, вероятно, и красноречивое прозвище князя Ивана Даниловича — «Добрый»²¹. Это единственное известное нам величание московского князя таким прозвищем весьма знаменательно. Оно раскрывает подлинный смысл его более традиционного прозвища — Калита.

Характеризуя надежность статьи «А се роды русских князей» из сборника Троице-Сергиевой лавры как источника по истории ранней Москвы, заметим, что в перечне князей указаны только прямые предки Дмитрия Донского, причем последним, после самого Донского, назван его второй сын Юрий. По мнению А. А. Шахматова, оригинал этого своеобразного родословца был составлен при великом княжении Юрия Дмитриевича, то есть в 1433–1434 гг.²² Во второй половине XV в., когда составлялся Троицкий список Н1Л, в Новгороде были сильны симпатии к галицким князьям, что и обусловило воспроизведение старого родословца в приложениях к летописи.

¹⁸ Н1Л. С. 465.

¹⁹ Там же. С. 561. Эти княжеские родословия привлекли внимание А. А. Шахматова, который использовал их для датировки протографа Комиссионного и Троицкого списков Н1Л (см.: Шахматов А. А. Указ. соч. С. 171–174).

²⁰ Н1Л. С. 465.

²¹ Там же. С. 561.

²² См.: Шахматов А. А. Указ. соч. С. 174.

На связь родословца из сборника Троице-Сергиевой лавры с галицкой линией потомков Дмитрия Донского, возможно, указывает и отсутствующее в родословце из Комиссионного списка НЛ интересное замечание: «А Иван роди Дмитрея князя, тои бо Дмитрии съвещася самодръжцем»²³. Однако смысл замечания можно понимать по-разному: и как комплимент, и как упрек за самочинное присвоение столь высокого титула.

Родословец из сборника Троице-Сергиевой лавры нарочито выделяет из череды князей двух выдающихся правителей — блюстителя порядка, миротворца Ивана Доброго (Калиту) и его внука, «самодержца» Дмитрия. Такая связка весьма примечательна. В литературе давно высказано убедительное предположение, что именно Юрий Звенигородский и его сынонья в борьбе со своими политическими противниками опирались на идею верности заветам Дмитрия Донского²⁴. Вместе с тем именно Дмитрий Донской проявлял особое почтение к памяти своего деда Ивана Калиты. Об этом свидетельствует и знаменитое определение князя Ивана как «събрателя Руской земли» в некрологе Дмитрию Донскому, написанному, вероятно, Елифаном Премудрым в конце XIV — начале XV в.²⁵

Особое место среди летописных источников по истории ранней Москвы занимает Никоновская летопись. Это грандиозный летописный свод, созданный в 20-е годы XVI в. книжниками митрополичьей кафедры под руководством митрополита Даниила²⁶. Никоновская летопись впитала в себя материалы из самых разнообразных источников, в том числе и тех, которые не сохранились до нашего времени. По наблюдениям Б. М. Клосса, «основными источниками Никоновского свода являлись два извода тверской переработки Троицкой летописи (один — в виде Симеоновской летописи, другой — близкий к Владимирскому летописцу), Хронографический список Новгородской 5 летописи, Иоасафовская летопись, Свод 1518 г., Хронограф первоначальной редакции и сходной с западнорусской»²⁷. Однако кроме этого в труде митрополита Даниила отразились и «загадочные источники, которые сохранились до нашего времени лишь в передаче Никоновской летописи»²⁸. Среди них — уникальные известия, относящиеся к кон-

²³ НЛ. С. 561.

²⁴ См.: *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 195.

²⁵ Памятники литературы Древней Руси. XIV (середина XV века). М., 1981. С. 208; *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Л., 1987. С. 113.

²⁶ См.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 51, 67.

²⁷ Там же. С. 181.

²⁸ Там же. С. 189. М. Н. Тихомиров весьма скептически относился к достоверности многих известий Никоновской летописи, особенно тех, которые относились к древнейшему периоду русской истории (см.: *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 335–342).

цу XIII — первой половине XIV в. и проливающие дополнительный свет на события в Москве, в Рязанском и Ростовском княжествах, суздальско-нижегородских землях, западнорусских областях. Кроме этого, составитель Никоновской летописи широко пользовался архивом митрополичьего дома. Вероятно, именно оттуда почерпнуты некоторые уникальные сведения о деятельности митрополитов Максима (1283–1305) и Феогноста (1328–1353). Из документов Сарайской епархии, отложившихся в митрополичьем архиве, происходят, по мнению Б. М. Клосса, и уникальные сведения Никоновской летописи об орднских делах²⁹.

При изучении политической истории ранней Москвы на основе летописей важнейшим вопросом становится правильность хронологии. Летописцы XIII–XIV вв. применяли три календарных стиля — мартовский, ультрамартовский и сентябрьский. Зачастую весьма затруднительно определить, какой из них использовался в той или иной статье. Исследование Н. Г. Бережкова существенно прояснило общую картину, однако не сняло всех вопросов³⁰.

Для правильного понимания политики первых московских князей и их главных соперников необходимо привлечь не только летописи, но и самостоятельные литературные памятники, вставленные в летописные тексты. Они немногочисленны и достаточно хорошо разработаны исследователями. Из раннемосковской литературы отметим прежде всего агиографию — «Житие митрополита Петра» первой и второй редакций и «Житие Сергия Радонежского». Первый памятник недавно был опубликован и обстоятельно прокомментирован Р. А. Седовой³¹. Изучение «Жития Сергия Радонежского» (в текст которого вкраплены уникальные сведения по истории Северо-Восточной Руси первой половины XIV в.) имеет более чем вековую традицию. Им занимались Н. С. Тихонравов, Е. Е. Голубинский, В. О. Ключевский³². В советское время «Житие Сергия Радонежского» изучал В. П. Зубов³³. Им широко пользовался в своей монографии о монастырях И. У. Будовниц³⁴. В последние годы углубленный текстологический анализ памятника на основе практически всех его списков предпринял

²⁹ См.: Клосс Б. М. Указ. соч. С. 184.

³⁰ См.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

³¹ См.: Седова Р. А. Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993.

³² См.: Тихонравов Н. С. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892; Голубинский Е. Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. Ч. 1. Жизнеописание преподобного Сергия // ЧОИДР. 1909. Кн. 2. Разд. 3; Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989. С. 99–112, 129–132.

³³ См.: Зубов В. П. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб: К вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского» // ТОДРЛ. Т. 9. М.; Л., 1953.

³⁴ См.: Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. М., 1966.

Б. М. Клосс³⁵. В итоге существенно прояснился вопрос о соотношении первоначальной («ефифаниевской») и позднейшей («пахомиевской») редакций.

Литературное творчество Твери конца XIII — первой половины XIV в. представляют прежде всего три крупных произведения — «Повесть о Михаиле Тверском», «Повесть о Шевкале» и рассказ о гибели в Орде князя Александра Тверского. Первое из них послужило предметом специального исследования, предпринятого В. А. Кучкиным³⁶. Он выделил основные редакции памятника, проследил его связь с историческим контекстом. «Повесть о Шевкале» подвергнута тщательному источниковедческому анализу Л. В. Черепниным³⁷.

Важнейший элемент источниковой базы нашего исследования — связанный с Москвой и ее соседями актовый материал конца XIII — первой половины XIV в. Это прежде всего акты по вопросам внутреннего управления — духовные и договорные грамоты князей, договоры князей с Новгородом, жалованные и указные грамоты князей, княжеские уставы церкви.

Духовные грамоты первых московских князей сохранились лишь частично. Нет завещаний Даниила Александровича и Юрия Даниловича (если, конечно, они вообще существовали в виде текста). Однако уцелели в оригиналах два варианта духовной грамоты Ивана Калиты, завещание Семена Ивановича, два варианта духовной грамоты Ивана Ивановича, две духовные грамоты Дмитрия Ивановича. В духовных грамотах московских князей, написанных во второй половине XIV в. и позже, содержатся ценные сведения о деятельности их предков (например, знаменитое сообщение о «куплях» Ивана Калиты в духовной Дмитрия Донского), а также богатый материал для изучения территориального роста и внутреннего устройства Московского княжества. Духовные грамоты московских князей изучались несколькими поколениями исследователей. Однако и поныне остается немало спорных вопросов относительно датировки тех или иных документов, их правильного прочтения и увязки с историческим контекстом. Так, например, ключевой памятник первой половины XIV в., духовная грамота Ивана Калиты, и по сей день вызывает разногласия относительно датировки двух ее редакций, значения содержащихся в тексте распоряжений, связи грамоты с московско-ордынскими отношениями³⁸.

³⁵ Клосс Б. М. Жития Сергия и Никона Радонежских в русской письменности XV–XVII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. Вып. 3. Ч. 2. М., 1990. С. 271–296.

³⁶ См.: Кучкин В. А. Повесть о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974.

³⁷ См.: Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 475–497.

³⁸ См.: Кучкин В. А. Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты? // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. 1989. М., 1989; Мазуров А. Б. Ут-

Духовных грамот князей, не принадлежавших к московскому дому, за конец XIII — первую половину XIV в. не сохранилось. Однако источники свидетельствуют об их существовании и позволяют исследователям по косвенным данным воссоздать их основное содержание³⁹.

Скудость актового материала по изучаемому периоду часто затрудняет исследовательскую работу. Так, например, не сохранилось ни одного договора между князьями, участвовавшими в борьбе за власть во времена Даниила Александровича и его сыновей. Самый ранний из актов этого вида относится к 1350–1351 гг. (Докончание великого князя Семена Ивановича с князьями Иваном Ивановичем и Андреем Ивановичем)⁴⁰.

От XIII–XIV вв. (до 1380 г.) сохранилось несколько договоров Новгорода с великими князьями Владимирскими, причем почти все эти князья — из тверского дома. Прямых договоров между Новгородом и тремя первыми московскими князьями неизвестно. Лишь в одном договоре Новгорода с тверским князем Михаилом Ярославичем упомянут князь Юрий Данилович Московский⁴¹.

Социально-экономический аспект княжеской политики XIII–XIV вв. могли бы осветить жалованные грамоты, однако состояние этого вида источников весьма плачевно. Княжеских жалованных грамот XIII в. не сохранилось, «если не считать сомнительную рязанскую грамоту 1257 г.»⁴². От периода 1300–1375 гг. известно лишь 12 грамот этого типа. Их тематика весьма специфична. Как отмечает С. М. Каштанов, «среди жалованных грамот, выданных в XIV в. (до 1380 г.), совершенно нет актов на земли в пределах центральной части Московского княжества. Грамоты московских великих князей Ивана Даниловича (Калиты) и Дмитрия Ивановича (Донского) относятся к новгородским пределам (Печора) и к спорным местам на границах Новгородской республики, Тверского и Московского княжеств (районы Волока, Торжка, Костромы). Остальные акты касаются территории Рязанского, Тверского, Ярославского княжеств, Новгородской и Псковской республик»⁴³.

Указные грамоты князей этого периода также почти полностью отсутствуют. Сохранилась лишь совместная указная грамота на Дви-

верждались ли духовные грамоты Ивана Калиты в Орде? // Вопросы истории. 1995. № 5; Аверьянов К. А. Московское княжество Ивана Калиты. Ч. 1–3. М., 1993–1994.

³⁹ См.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 167–190.

⁴⁰ ДДГ. № 2.

⁴¹ ГВНП. № 13.

⁴² Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 72.

⁴³ Там же.

ну Ивана Калиты и новгородских властей, а также указная грамота на Двину великого князя Андрея Александровича (1294–1304)⁴⁴.

Другой вид актовых материалов, необходимых для изучения политики первых московских князей, — документы внешней политики Москвы и ее соседей. Собственно по Москве таких документов за изучаемый период не сохранилось. Важнейшим направлением деятельности московской дипломатии была Орда. Акты, относящиеся к русско-ордынским отношениям конца XIII — первой половины XIV в., практически отсутствуют. На основании некоторых замечаний источников можно лишь догадываться о том, что ордынские ханы посылали русским князьям свои указы в письменном виде. Однако весь фонд русско-ордынских документов (за исключением ханских ярлыков русским митрополитам) был безвозвратно утерян в конце XV — первой половине XVI в., когда эти документы уже не имели никакого политического значения. Первый известный договор Москвы с Литвой датируется 1371 г.⁴⁵

Несколько лучше сохранился внешнеполитический архив Новгорода. За период XII — XIV вв. (до 1380 г.) известно 18 документов⁴⁶. Некоторые из них представляют ценность для анализа политики московских князей по отношению к Новгороду, их роли во внешних связях боярской республики.

Своего рода итогом многолетнего изучения раннемосковских актов стал фундаментальный труд Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV–XV веков» (Ч. 1. М.; Л., 1948. Ч. 2. М.; Л., 1951). Им же подготовлена фундаментальная публикация источников «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.» (М.; Л., 1950). обстоятельный комментарий к новгородским актам времен боярской республики подготовил В. Л. Янин⁴⁷.

Дополнительным источником по интересующей нас теме могут служить акты, отразившие церковные дела этого времени. Среди них — ханские ярлыки русским митрополитам, княжеские уставы церкви, документы митрополичьего дома и константинопольской патриархии, послания и поучения иерархов конца XIII — первой половины XIV в. Практически весь корпус церковных материалов опубликован еще в XIX — начале XX в. и основательно изучен⁴⁸. Однако анализ этих

⁴⁴ АСЭИ. Т. III. № 1, 2.

⁴⁵ ДДГ. № 6.

⁴⁶ См.: *Каштанов С. М.* Указ. соч. С. 58.

⁴⁷ См.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. (Хронологический комментарий). М., 1991.

⁴⁸ Русская историческая библиотека. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. 2-е изд. Спб., 1908; *Приселков М. Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916; *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церкви в Древней Руси. XI–XIV вв. М., 1972; *Плигузов А. И.* Древнейший список краткого собрания ярлыков, данных ордынскими ханами русским митрополитам // Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. Вып. III. М., 1987. С. 571–594.

документов как источника для характеристики политики московских князей по отношению к церкви еще не осуществлен в полной мере.

Скудость сведений по изучаемому периоду русской истории заставляет с особым вниманием отнестись и к такому своеобразному источнику, как заметки древнерусских книжников на полях рукописей. Иногда они перерастают в самостоятельное рассуждение о событии или исторической личности. Так, например, знаменитая приписка к Сийскому Евангелию 1340 г. (БАН. Арх. № 338) представляет собой похвалу московскому князю Ивану Даниловичу, принявшему перед кончиной монашеский постриг под именем Авания⁴⁹. Другая известная запись находится в псковском Апостоле 1307 г. (ГИМ. Синод., № 722, л. 180). Писец Домид в приписке после текста книги сообщает о сражении между Михаилом Ярославичем Тверским и Юрием Даниловичем Московским за новгородское княжение⁵⁰. Кроме ценности этой записи как источника по междукняжеской борьбе она известна и тем, что Домид использовал в ней цитату из «Слова о полку Игореве».

Весьма интересны как источник по нашей теме и памятники эпиграфики: надписи на предметах, на стенах храмов, относящиеся к изучаемой эпохе и содержащие дополнительную историческую информацию.

Ценным источником для нас служат месяцесловы, сохранившиеся в составе разного рода рукописных книг. Сопоставляя месяцесловы, изучение и публикацию которых осуществил архиепископ Сергей (Спасский)⁵¹, с датированными летописными известиями, можно получить новый материал для характеристики религиозно-политических представлений ранней Москвы.

Важным направлением деятельности первых московских князей было идейное обоснование и прославление их политики. На основе общехристианской, библейской и святоотеческой традиций первые Даниловичи строили московскую систему духовных ценностей. В этой работе, совершавшейся по благословению и при содействии промосковски настроенных иерархов, широко использовались религиозно-политические теории Владимиро-Суздальской и Киевской Руси. Новый свет на эту малоизученную работу может пролить углубленное изучение раннемосковского строительства. Использование памятников архитектуры как комплексного исторического источника, теоретически обоснованное еще Н. Н. Ворониным⁵², оказывается весьма продуктивным при разработке некоторых аспектов нашей темы. Символизм средневекового христианского мировоззрения позволял наполнить определенным идейно-политическим содержанием такие детали общезначимых строитель-

⁴⁹ См.: Мещерский Н. А. Избранные статьи. СПб., 1995. С. 233–242.

⁵⁰ См.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 137–138.

⁵¹ См.: Сергей (Спасский). Полный месяцеслов Востока. Т. 1–3. М., 1997.

⁵² См.: Воронин Н. Н. Архитектурный памятник как исторический источник. Заметки к постановке вопроса // Советская археология. Вып. 19. М., 1954.

ных работ, как день закладки и освящения сооружения, посвящение храма и его архитектурные формы.

Произведения раннемосковской живописи и декоративно-прикладного искусства также хранят определенный пласт информации об идейных представлениях той эпохи. Анализ этой информации, имеющий определенную традицию в отечественном искусствознании⁵³, явился одним из направлений данного исследования.

Некоторые уникальные известия, так или иначе относящиеся к истории ранней Москвы, сохранились в исторических сочинениях XVIII в. Среди них особое внимание заслуживают «История Российская» В. Н. Татищева и «Записки касательно российской истории» императрицы Екатерины II⁵⁴. Труд Татищева давно стал предметом специальных исследований и жарких дискуссий. Большинство исследователей признали, что Татищев не выдумывал свои уникальные известия, а черпал их из тех источников, которые находились в его руках, но не сохранились до наших дней⁵⁵. Менее изучены исторические сочинения Екатерины II. Известно, однако, что для своих работ в этой области императрица привлекала различные летописные памятники, среди которых могли быть и такие, которые позднее исчезли из поля зрения историков⁵⁶. Среди источников «Записок» — «История» Татищева, западнорусские летописи, а также Никоновская летопись в каком-то не дошедшем до нас списке, содержавшем уникальные сообщения. Автор «Записок» обходится с источниками весьма вольно. Зачастую он переходит от изложения летописных известий к их компоновке в единый сюжетный рассказ. Для нашего исследования «Записки» Екатерины II привлекались как дополнительный источник, причем в увязке с более достоверными источниками. Особый интерес представляют для нас уникальные известия «Записок», носящие конкретный характер (точные даты, имена князей, подробности событий).

⁵³ См.: Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976; Бетин Л. В. Исторические основы древнерусского высокого иконостаса // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств. XIV–XVI вв. М., 1970.

⁵⁴ См.: Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5 и 6. История Российская. Ч. 3–4. М., 1996; Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. Труды исторические. Спб., 1906.

⁵⁵ См.: Рыбаков Б. А. В. Н. Татищев и летописи XII в. // История СССР. 1971. № 1; Кузьмин А. Г. Татищев. М., 1981. С. 337–339.

⁵⁶ См.: Моисеева Г. Н. Троицкая летопись 1408 г. в сочинениях Екатерины II // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 263–271.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Историкография темы, вынесенной в заголовок данной работы, отчетливо распадается на два взаимосвязанных, однако достаточно самостоятельных направления. Первое — отыскание общих причин, по которым Москва в XIV столетии заняла положение экономического, политического и религиозного центра Северо-Восточной Руси. Здесь существует огромная литература, рассмотрение которой может стать темой самостоятельного исследования. Имеются соответствующие историографические обзоры, выполненные Л. В. Черепниным в его монографии «Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках» (М., 1960) и А. М. Сахаровым в докторской диссертации «Проблемы образования Российского государства в дореволюционной исторической литературе» (М., 1972). В данном историографическом очерке мы отметим лишь те современные исследования, которые внесли нечто существенно новое в разработку проблемы.

Второе направление — оценка субъективного момента в успехах Москвы, характеристика политики первых московских князей. Здесь при обзоре историографии мы имеем дело лишь с целым рядом «экспертных оценок» — высказываний историков, зачастую весьма противоречивых. Систематизация и анализ этих разрозненных идей и положений — одна из задач данного историографического очерка.

Малоизученным аспектом проблемы является трактовка политического наследия первых московских князей в памятниках древнерусской публицистики (летописях, литературных произведениях). Этим сюжетом мы считаем необходимым начать данный историографический очерк: оценка деятельности московских князей первой половины XIV в. в трудах историков Нового времени во многом была предопределена суждениями древнерусских книжников на эту тему.

В Московской Руси существовал постоянный и естественный интерес к «отцам-основателям» московской государственности и их политическому наследию. Но если отношение к самим личностям (Даниилу Александровичу, Юрию Даниловичу, Ивану Калите и его сыновьям) обычно не выходило за рамки ритуального почитания «прародителей» правящего великого князя или царя, то восприятие их наследия менялось в зависимости от конкретно-исторической ситуации и политических приоритетов эпохи. Из основополагающих принципов политики Ивана

Калиты (как наиболее известного из первых московских князей) выделяли то его стремление к миру с Ордой и Литвой, то его энергичную деятельность по увеличению территории Московского княжества, то его почтительное отношение к иерархам и монастырям.

Высказывания древнерусских книжников относительно причин возвышения Москвы и деятельности ее первых правителей могут быть правильно поняты только в контексте их общих исторических представлений. Известно, что теоретическим фундаментом исторических концепций средневековья был провиденциализм — уверенность в том, что все в мире происходит по воле Божией. Познать пути Божиего Промысла смертным не дано. Однако его тайна приоткрывается в знамениях, речах боговдохновенных людей (пророков, юродивых), а порой и в случайных, на первый взгляд, хронологических совпадениях.

Пути Божиего Промысла неисповедимы. И все же Всевышний действует, принимая во внимание поведение людей, каждый из которых наделен свободой воли и в своей повседневной жизни постоянно делает выбор между грехом и добродетелью. Бог неизбежно накажет человека (или сообщество людей) за грехи и воздаст за добродетель.

В рамках этой общей парадигмы возможно множество конкретных вариантов воздаяния за добро и зло. Все они в виде первообразов представлены в Ветхом и Новом Заветах. Найти правильную библейскую параллель — значит понять смысл события. Этой общехристианской точки зрения придерживались и древнерусские книжники. В их представлении возвышение Москвы явилось лишь эпизодом той исторической драмы, которая стала воспроизведением на Русской земле сакрального прообраза — событий, изображенных в Священном Писании. Судьба Москвы и деятельность ее правителей рассматривались в тесной связи с величайшим по своему провиденциальному смыслу событием — татарским нашествием и установлением ига. Уже в ранних повестях о Батыевом нашествии было найдено несколько смысловых «ключей» — библейских параллелей к этому событию. Эти находки впоследствии постоянно использовались в произведениях, так или иначе связанных с ордынской темой. Главным из таких ключей стал текст 78-го псалма. «Боже, приидоша языци в достояние Твое, оскверниша храм святой Твой, положиша Иерусалим яко овощное хранилище; положиша трупия раб Твоих брашно птицам небесным, плоти преподобных Твоих зверем земным; пролияша кровь их яко воду окрест Иерусалима, и не бе погребай. Быхом поношение соседом нашим, подраженье и поругание сущым окрест нас» (Псалтирь, 78, 1–4).

Этим псалмом, конец которого содержит горячее прошение к Господу сменить гнев на милость, воспользовался уже неизвестный автор повести о монголо-татарском нашествии в Лаврентьевской летописи. Рассказывая о взятии татарами Владимира-на-Клязьме в феврале 1238 г., он добавляет: «...яко же пророк глаголетъ: «Боже, придоша языци в достоянье Твое, оскверниша церковь святую Твою, положиша Иеруса-

лима яко овощное хранилище, положиша трупя раб Твоих брашно птицам небесным, плоть преподобных Твоих зверем земным, прольша кровь их акы воду»¹.

Начальными строфами 78-го псалма воспользовался в своих описаниях ужасов иноземного владычества и Серапион Владимирский (ум. 1275 г.): «...Плоти преподобных мних птицам на снєдь повержени быша, кровь и отец, и братья наша, акы вода многа, землю напои... в поношение быхом живущим въскраи земля наша, в посмех быхом врагом нашим»².

Пленение язычниками Иерусалима, столь ярко изображенное в 78-м псалме, понималось древнерусскими книжниками как начало «вавилонского плена» иудеев. Сплав этих сюжетов находим, например, в повести «Об убиении злочестивого царя Батяя», составленной Пахомием Сербом в середине XV в. на основе фольклорных сюжетов. «И абие устремляется (Батый. — Н. Б.) к вечерним странам, рекше к Утром, многа места и грады пусты сотвори. И быше видети втораго Навходоносора, град Божий, Иерусалим, воююша. Сѣи же злейши и губительнейши оного, грады испровергая, села же и места пожигая, чело-веки же закалаа, и инех же пленяху. И бе пророческое слово събываемо, зряще: “Боже, придоша языци в достоиние Твое и оскверни церковь святую Твою”. И пакы: “Положиша труцна раб Твоих — брашно птицам небесным и плоти преподобных Твоих — зверем земным”»³.

Порабощение Руси татарами сравнивал с завоеванием Иерусалима царем Навуходоносором и неизвестный автор «Сказания о Мамаевом побоище»⁴. (Датировка этого памятника колеблется в весьма широких пределах: от первой четверти XV в. до начала XVI в.)⁵

Та же параллель сохранилась и в близком к летописным текстам описании событий 1380 г. в «Истории Российской» В. Н. Татищева⁶.

Тема «вавилонского плена» звучит и в «Казанской истории», созданной в 1564–1565 гг. неизвестным автором. Вспоминая о завоевании Северо-Восточной Руси «царем» Батыем, он замечает: «Осироте бо тогда и общица великая наша Руская земля, и отьяся слава и честь ея... и поработися богомерсу царю и лукавейшю паче всеа земли, и предана бысть, яко Иерусалим в наказание Навходоносору, царю вавилонскому, яко да тем смирится»⁷.

Суть русской драмы, как и драм библейских, может быть выражена в четырех словах: «преступление — наказание — покаяние — про-

¹ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 138.

² Там же. С. 446–448.

³ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 516; Прохоров Г. М. Пахомий Серб // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. «Л–Я». Л., 1989. С. 174.

⁴ Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 134.

⁵ Там же. С. 552.

⁶ См.: Татищев В. Н. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М., 1996. С. 285.

⁷ Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С. 304.

шение». Нашествие татар и установление чужеземного ига было прояснено Божием гневом, наказанием Руси за преступление — тяжкие грехи народа и правителей. Освобождение от «татарского плена» наступило лишь как результат прощения, возвращения милости Божией. Грехи искупаются ценой духовного подвига: самоотверженности, преодоления себялюбия и сребролюбия, усиленного внешнего благочестия.

Именно этот взгляд ярко выразил в своих поучениях киево-печерский архимандрит, а позднее — владимирский епископ Серапион.

Разнообразие возможных библейских прообразов позволяло книжникам отыскать необходимые (как положительные, так и отрицательные) параллели для любой конкретной политической программы или линии поведения. Так, например, поведение тверских князей Михаила Ярославича и Александра Михайловича по отношению к Орде, приведшее их к гибели, трактовалось тверскими книжниками как подвиг самопожертвования «за други своя», «за веру христианскую». Такое поведение представлялось ими как важный вклад в дело всеобщего духовного обновления, следствием которого станет Божия милость — прощение. Эти тверские идеи нашли свое выражение в «Повести о Михаиле Тверском», «Повести о Шевкале», повести о гибели в Орде князя Александра Тверского.

Однако в Москве тверскую драму понимали по-другому. Мятеж тверских князей сопоставляли с богоборчеством, сопротивлением воле Бога, пославшего на Русь татар. Явным укором тверским князьям звучали обвинения ветхозаветными пророками тех правителей, которые пытались противиться predeterminedенному свыше «вавилонскому плену», жестокой власти царя-идолопоклонника Навуходоносора. Актуально воспринималось в этой связи и осуждение мятежа иудеев против верховной власти Рима в 66–73 гг. н. э. Этот мятеж, названный современниками «иудейской войной», вызвал карательный поход на Иудею римского императора Веспасиана и его сына Тита. В итоге Иерусалим был взят и разрушен римлянами, а участники мятежа жестоко наказаны.

Эти события хорошо известны русскому читателю из византийских хроник, а также «Иудейской войны» римского историка Иосифа Флавия. Русские писатели XIII в. неоднократно упоминают о разорении Иерусалима Веспасианом и Титом, понимая его как «Божью кару»⁸.

Московская политическая программа (стержнем которой в первой половине XIV в. была покорность Орде, понимаемая как повиновение Божией воле) ставила во главу угла усиленное благочестие народа и правителей, выражением которого служит и необычайно активное строительство храмов, и искоренение ересей, и утверждение

⁸ Памятники литературы Древней Руси. XIII век... С. 426, 452; Мещерский Н. А. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958.

богоугодной «Правды» — порядка и покоя в обществе, живущем по законам христианской морали.

Московские обличения тверской политики первой половины XIV в., а также соответствующие обоснования своей собственной позиции не сохранились в виде целостных произведений. Этот факт можно объяснить тем, что почти вся раннемосковская письменность погибла во время нашествия Тохтамыша в 1382 г.

Отсутствие в источниках XIII–XV вв. сколько-нибудь подробных рассуждений о системе ига, о политике русских князей по отношению к Орде, возможно, объясняется и сознательным отказом книжников от обсуждения этих вопросов. Такой подход, названный одним из исследователей «идеологией умолчания»⁹, был своеобразной формой протеста против господства «безбожных» татар.

Не последнюю роль в истреблении письменных свидетельств раннемосковских теорий сыграл, вероятно, и отказ от старых парадигм в более поздний период истории Москвы. И если в 1327 г. в Москве осуждали мятеж тверичей против установленной Богом власти ордынского «царя», то через полвека роли поменялись. Восстание против власти Орды, начатое московским князем Дмитрием Ивановичем и его соратниками в 1375 г.¹⁰, поначалу развивалось довольно успешно. Однако в тогдашнем русском обществе наряду с «партией войны» существовала и влиятельная «партия мира». Аргументы сторон, как обычно, черпались в Библии и отечественных политических традициях, «старине». С точки зрения старой московской концепции послушания власти Орды как исполнения воли Божией действия юного Дмитрия выглядели богоборчеством, повторением пагубного тверского мятежа 1327 г. В связи с этим московскому князю срочно потребовались новые идеи, новые библейские параллели, способные оправдать и сакрализировать его антиордынскую политику. Следы этих идейных исканий заметны в литературных памятниках той эпохи.

В летописной повести о битве на реке Воже еще нет развернутой сакральной мотивировки поведения князя Дмитрия, однако уже найдена первая, самая простая мысль: татары бежали от русских воинов «гоними гневом Божиим». Иначе говоря, «ветер переменился»: объектом «гнева Божиего» являются уже не русские, а «нечестивии измаильтяне»¹¹.

Та же первоначальная, еще не разработанная в деталях идея содержится и в наиболее ранних памятниках куликовского цикла — «Задонщине» и краткой Летописной повести. Победа над «погаными» дарована свыше. Бог наконец-то «помилвал князей русских» за их «добрая дела»¹². Ветхозаветные параллели в этих ранних текстах прак-

⁹ Halperin Ch. J. *Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russian History*. Bloomington: Indiana University Press, 1985. P. 74.

¹⁰ См.: Прохоров Г. М. *Повесть о Митяе*. Л., 1978. С. 30.

¹¹ Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. С. 94.

¹² Там же. С. 110.

тически отсутствуют, а вместо них настойчиво повторяется тема оборонительной войны «за святые церкви и за православную веру христианскую и за всю Русьскую землю»¹³.

Однако развитие этой новой тенденции в московской политике и публицистике было приостановлено сокрушительным нашествием Тохтамыша в 1382 г., в результате которого власть Орды над Русью была восстановлена, а дань даже увеличена.

Плачевный финал начатой Дмитрием Донским вооруженной борьбы с Ордой заставил вспомнить тверской мятеж 1327 г., вызвавший приход «Федорчуковой рати». Тогда князь-мятежник Александр, спасая свою жизнь, укрылся от татар в недоступном для них Пскове, а брошенный своими князьями город был захвачен и razорен «погаными». Все это повторилось в 1382 г., только роль Твери сыграла Москва, а местом убежища опального князя стал не Псков, а Кострома.

Конечно, московский «мятеж» был сильнее, масштабнее тверского. Его историческое значение несравнимо выше. Он открыл Руси вековой путь к полному освобождению от чужеземного ига. И все же люди того времени, не знавшие будущего, жили опытом прошлого. А оно показывало, что тверской и московский мятежи имели сходство даже в деталях (например, ту роль, которую сыграл в 1327 г. Иван Калита, присоединившийся к татарской рати и такой ценой спасший от погрома свое собственное княжество, в 1382 г. сыграл Олег Рязанский...)¹⁴.

Можно думать, что в русской общественной мысли конца XIV — первой половины XV в. сосуществовали две политических идеи. Одну из них условно можно определить как идею богоугодности

¹³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 1965. Стб. 139.

¹⁴ Примечательно, что ни в 1327 г., ни в 1380–1382 гг. такое поведение князей никого не удивило и не возмутило. Оно было в порядке вещей и не противоречило традиции. В «Задонщине» имя Олега вообще не упоминается, а в перечне погибших в битве с татарами бояр названы «70 бояр рязанских» (московских бояр, согласно этому перечню, пало только 40). В краткой летописной повести о Куликовской битве, написанной «в близкое время к событию», о сотрудничестве Олега с Мамаем сообщается кратко, в протокольном тоне (см.: *Дмитриев Л. А.* Литература конца XIV — первой половины XV в. // *История русской литературы X–XVII веков* М., 1980. С. 234; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 140). При нашествии Тохтамыша князь Олег, как известно, повторил свой маневр 1380 г. И вновь московский летописец в рассказе об этом был весьма сдержан: «А князь Олег Рязанский обведе царя около всеи своей земли и указа ему вся броды на Оце» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 143). Другой вариант той же фразы еще более красноречив: князь Олег помогал Тохтамышу «хотяше бо добра не нам (москвичам. — Н. Б.), но своему княжению помогаше» (Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. С. 192). Такая позиция для людей XIV столетия была вполне разумной, естественной. Ценой сотрудничества с «погаными», ценой крови соседней князь спасал свое княжество от погрома. Впрочем, и разгром рязанской земли москвичами, предпринятый в качестве возмездия за участие князя Олега в походе Тохтамыша на Москву, также представлялся делом вполне естественным и не вызвал никаких комментариев летописца (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 146).

оборонительной войны с «погаными» «за землю Рускую и за веру християнскую». Она возникла в период вооруженной борьбы с Ордой в 1375–1382 гг. Другая идея была почерпнута из книги пророка Даниила. Ее суть — покорность посланному Богом «царю Навуходоносору», не допускавшая, однако, вероотступничества. Эта идея послужила в свое время обоснованием миротворческой политики Ивана Калиты.

Приверженцем «великой тишины» был, по-видимому, и митрополит Алексей (1354–1378). Старинное московское предание, записанное в середине XVII в. Григорием Котошихиным, гласит, что святитель «заклял Московское государство» не воевать с татарами, а умиротворять их дарами¹⁵.

Отзвуки этих идейных разногласий слышны и в торжественном некрологе Дмитрия Донского («Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского»), созданном вскоре после его кончины. Автор этого произведения (по убедительному предположению Г. М. Прохорова — знаменитый писатель, инок Троице-Сергиева монастыря Елифаний Премудрый)¹⁶ восхваляет победы московского князя над татарами. Он явно придерживается новых, антиордынских взглядов, но при этом не позволяет себе прямо критиковать традиционные, освященные авторитетом мудрой «старины» принципы лояльности по отношению к хану¹⁷.

И все же отношение автора «Слова» к традициям времен Ивана Калиты выражено в первых же фразах произведения. «Сий убо князь Дмитрий родися от благородну и честну родителю — сын князя Ивана Ивановича и матери великие княгини Александры. Внук же бысть православнаго князя Ивана Даниловича, събрателя Руской земли, корене святого и Богом насаженаго саду, отрасль благоплодна и цвет

¹⁵ См.: Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича // Бунташный век. М., 1983. С. 450.

¹⁶ См.: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Л., 1987. С. 113. Данную точку зрения разделяет Б. М. Клосс (Kloss B. M. Determining the authorship of the Trinity Chronicle // California Slavic Studies. 1994. XIX. Medieval Russian Culture. P. 72).

¹⁷ Такая позиция автора «Слова» была бы вполне понятной именно в первые годы после кончины Дмитрия Донского. Патриотическая позиция игумена Сергия Радонежского и возглавляемого им Троицкого монастыря, воспитанником которого был Елифаний Премудрый, существенно отличалась от уклончивой и осторожной позиции митрополичьей кафедры. Выходец из Византии, митрополит Киприан был более всего заинтересован в сохранении традиционных, мирных отношений в политическом треугольнике Москва — Вильно — Орда. Отсутствие крупных конфликтов позволяло ему сохранять власть над православными епархиями всех трех регионов. Вместе с тем внутреннюю противоречивость «Слова» следует объяснять не только своеобразием церковно-политической ситуации в конце XIV в., но также и сложным, многослойным характером дошедших до нас списков произведения (Goldblatt H. Confessional and National Identity in Early Muscovite Literature: The Discourse on the Life and Death of Dmitrii Ivanovich Donskoi // Московская Русь (1359–1584): культура и историческое самосознание. М., 1997. С. 84–115).

прекрасный царя Володимера...»¹⁸ Здесь обозначены две главные, по мнению автора и тех, для кого он писал свое произведение, черты деда куликовского героя — Ивана Калиты. Он — «православный князь», и он же — «сбратель Руской земли». Эпитет «православный» в художественной ткани «Слова» имеет особое значение. Это не формально-ритуальное величание типа «благоверный» и «христолюбивый». Никто из других князей, упомянутых в «Слове», включая и самого Дмитрия Ивановича, не отмечен этим эпитетом. Он предназначен именно Ивану Калите как выдающемуся ревнителю православия. Теми же чертами наделен образ Ивана Калиты и в послании митрополита Киприана(?) к Дмитрию Донскому, написанном в 1381 г. Святитель призывает князя быть милосердным и набожным, вспоминать благочестивых предков — князя Владимира и Ивана Калиту. О последнем сказано: «Тако же и благочестиваго и приснопамятнаго святаго деда твоего — како славится о нем еже о христоименитых людех пощение многое»¹⁹.

Примечательно и то, что Иван Калита восхваляется в «Слове» как «собиратель» Русской земли (то есть, в сущности, как захватчик чужой земли и власти), а не как ее умиротворитель, обеспечивший ей «великую тишину» на 40 лет. Таким образом, старая традиция, восходящая к записи в Сийском Евангелии, существенно отредактирована. Сохранив прославление благочестия Ивана Калиты, автор «Слова» умолчал о «тишине», но вместо этого выдвинул на первый план его «собирательскую» деятельность, что было более созвучно замыслам и деяниям Дмитрия Донского.

Был ли автор «Слова» знаком с похвалой Ивану Калите и с его оценкой в летописном Своде 1389–1392 гг. («Летописец Великий Русский»)? Судя по некоторым параллелям, он воспользовался похвалой Калите как своего рода канвой, по которой он наносил собственный словесный узор — похвалу князю Дмитрию Ивановичу. Однако глубокое различия в политике деда и внука сильно осложнили работу автора «Слова». Вариации на тему похвалы Калите встроены в текст «Слова» не вполне удачно. После рассказа о победе над Мамаем автор довольно неожиданно утверждает: «И бысть тишина в Руской земли»²⁰. Эта фраза является ключевой в летописных и внелетописных восхвалениях Ивана Калиты. В ней нет большого отступления от исторической реальности.

¹⁸ Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. С. 208.

¹⁹ Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. С. 193–194, 202–203. Прославление Ивана Калиты как «Доброго» и почти святого правителя было столь же необходимым элементом формирующейся московской идеологии, как и канонизация погребенного в Москве митрополита Петра. Выдающиеся добродетели князя и святителя служили явным свидетельством особой милости Божией по отношению к Москве (см.: Щапов Я. Н. Религиозное осмысление социальной и политической действительности в древнерусских летописях // Церковь в истории России. Сб. 2. М., 1998. С. 23).

²⁰ Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. С. 212.

Но применительно к князю Дмитрию Ивановичу она звучит довольно странно. Читатели «Слова» хорошо знали, что после Куликовской битвы настали весьма тяжелые и отнюдь не тихие для Москвы времена.

Вслед за фразой о «тишине» в «Слове» помещен целый блок восхвалений Дмитрия Донского как правителя. В его построении можно найти отдаленные параллели с похвалой Калите.

Для обоснования богоугодности свержения власти ордынского «царя» уже в конце XIV в. была намечена новая библейская параллель: Дмитрий Донской спасает своих людей от ига Орды, как пророк Моисей спасал своих соплеменников от рабства в Египте. Этот образ, неоднократно повторенный, находим и в «Слове о житии... великого князя Дмитрия Ивановича...», и в пространной повести о Куликовской битве, и, конечно, в «Послании на Угру» Вассиана Рыло²¹.

Для преодоления наследственного императива «не поднимать руку на царя» книжники времен князя Дмитрия Ивановича нашли сильный логический ход, подсказанный им все той же похвалой Калите из Сийского Евангелия. «Царем» был объявлен сам великий князь Владимирский. Его главный противник, правитель Орды, лишался этого титула. В ранних летописных повестях о битве на реке Воже и о Куликовской битве Мамай именовался подчеркнуто приниженно — «ордынский князь». Впрочем, темник Мамай действительно не был с формальной точки зрения «царем», то есть потомком Чингисхана. Однако сто лет спустя архиепископ Вассиан Рыло в своем «Послании на Угру» назвал и вполне законного правителя Волжской Орды хана Ахмата самозванцем («самому называющемуся царю») ²².

В этой связи примечательно, что «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского» с необычайной настойчивостью именуется Дмитрием «царем», «великим царем Руския земля». Согласно «Слову», именно принятие московским князем этого титула и вызвало ярость Мамаю, объявившего новоявленному «царю» войну²³. Учитывая то, что «Слово» было написано вскоре после кончины князя Дмитрия²⁴, можно думать, что он и в самом деле каким-то образом принял «царский сан», решив покончить с игом Орды. Вероятно, это

²¹ Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. С. 112.

²² Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. С. 530. В литературе отмечена связь титулования русскими книжниками правителя Орды с общим состоянием русско-ордынских отношений в данный период (*Cherniavsky M. Khan or Basileus: an Aspect of Russian Medieval Political Theory // Journal of the History of Ideas.* 1959. N 20. P. 459–476). Метаморфозами термина «царь» в средневековой Руси занимались и отечественные исследователи (см.: *Филюшкин А. И. Термины «царь» и «царство» на Руси // Вопросы истории.* 1997. № 8. С. 144–148).

²³ Памятники литературы Древней Руси. XIV – первая половина XV века. С. 210, 222.

²⁴ См.: *Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков.* С. 113.

именование использовалось лишь в определенных случаях и не носило устойчивого характера. Позднее именно так, постепенно, присваивал себе царский титул Иван III.

Хан Тохтамыш, судя по всему, не вмешивался в такие детали московских дел, как самоназвание ее князей. Обеспечив фактическую покорность Москвы, он был всецело занят своими восточными делами²⁵.

Трагический финал антиордынской борьбы Дмитрия Донского, нашествие Тимура в 1395 г., разгром Едигеем литовцев в битве на Ворскле в 1399 г., нашествие Едигея на Москву в 1408 г. — все эти события как бы подтвердили правильность старой, восходящей к Ивану Калите концепции мирных отношений со Степью. Несмотря на свои внутренние распри, Орда все еще представляла собой грозную силу.

В ранних повествованиях об этих трагических событиях вновь звучали покаянные настроения 78-го псалма: «Боже, приидоша язъши в достояние Твое, оскверниша церковь святую Твою и положиша Иерусалима, яко овощное хранилище трупа раб Твоих брашно птицам небесным плоти преподобных Твоих зверем, пролиаша кровь их, яко воду»²⁶.

В «Повести о нашествии Тохтамыша» позиция Дмитрия Донского, уклонившегося от сражения с ордынским «царем», оценивается почти одобрительно: «Князь же великий Дмитрей Иванович, то слышав, что сам царь идет на него со всею силою своею, не ста на бои противу его, ни подня руки противу царя, но поеха в свои град на Кострому»²⁷.

²⁵ Однако неожиданный и энергичный протест по этому поводу выразили греки, усмотревшие в употреблении московскими князьями титула «царь» покушение на авторитет своего императора, которого в русских документах того времени так же, как и хана Золотой Орды, именовали «царем». В 1393 г. константинопольский патриарх Антоний прислал Василию I особую грамоту по этому вопросу. В ней он убеждал московского князя не присваивать себе царского имени, которое вместе с правом первоочередного поминания на церковных службах принадлежит только византийскому императору. Дальновидные византийские дипломаты понимали, что новый титул московского правителя связан не только с его внутренними амбициями и ордынскими отношениями, но может также послужить инструментом для ослабления зависимости Русской Церкви от константинопольского патриархата. Полагают, что провизантийски настроенные русские книжники отреагировали на эту дискуссию созданием «Сказания о Вавилоне», в котором обосновывалась идея исторической преемственности царского достоинства от «царей» Вавилона к «царям» Византии (см.: Дробленкова Н. Ф. Сказание о Вавилоне // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. «Л–Я». С. 355).

²⁶ ПСРЛ. Т. 15. Ч. 1. Стб. 145.

²⁷ Там же. Стб. 143–144. Вопрос о времени создания Повести о нашествии Тохтамыша и о ее возможном авторе вызывает большие разногласия (см.: Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша // ТОДРЛ. Т. 34. Л., 1979. С. 134–151; Плугин В. А. Нерешенные вопросы русского летописания XIV–XV веков (К выходу в свет книги Я. С. Лурье «Общерусские летописи XIV–XV вв.») // История СССР. 1978. № 4. С. 82–85). Большинство исследователей относят произведение к концу XIV – началу XV в.

Здесь и на протяжении всей повести неизвестный книжник явно использовал библейскую книгу пророка Иеремии — постоянный источник образов и идей для русской публицистики конца XIII — первой половины XIV в. Сюжетная линия книги такова. Иерусалимский правитель Седекия, посаженный на престол Иудеи вавилонским царем Навуходоносором, отказался повиноваться своему прежнему покровителю. Разгневанный царь двинул войско на Иерусалим. Вдохновленный Богом пророк Иеремия призывает народ и правителя покориться царю. Бог открыл Иеремии, что в случае продолжения мятежа вавилоняне («халдеи») захватят и сожгут Иерусалим. Пророк убеждает Седекию поступить благоразумно: «И рече ему Иеремия: „Аще изыдый изыдеши к воеводам царя вавилонска, жива будет душа твоя, и град сей не пожжется огнем, и жив будеши ты и дом твой; аще же не изыдеши ко князем царя вавилонска, предастся град сей в руке халдейсте, и пожгут его огнем, и ты не спасешия от руки их”» (Иеремия, 38, 17–18).

Седекия склонен согласиться, но его останавливает гордость. Он откровенно признается Иеремии: «Аз опасение имам от иудеев, избежавших ко халдеем, да не предадут мя (халдее) в руке их, и поругаются ми» (Иеремия, 38, 19).

В итоге после длительной и тяжелой осады Навуходоносор взял Иерусалим и сжег его, а стены разрушил. Уцелевший после штурма народ победители взяли в плен и отвели в рабство в Вавилон. Седекия пытался бежать, но был схвачен и доставлен к царю. По приказу Навуходоносора сыновей мятежника казнили у него на глазах, а сам он после этого был ослеплен, закован в оковы и отослан в Вавилон. Гордыня правителей и неверие пророкам, устами которых говорил Бог, привели иудеев к «вавилонскому плену».

Именно следуя сюжетной линии книги Иеремии, ее оценке мятежа Седекии против царя вавилонского, и описывал русский книжник нашествие «царя» Тохтамыша. В своем повествовании он делает акценты на тех обстоятельствах, которые подчеркивали сходство двух сюжетов. Опасаясь великокняжеского гнева (а может быть, и по соображениям монашеской скромности), писатель выражает свое личное отношение к событиям языком библейских аллюзий. Такая прикровенная публицистика довольно часто встречается в древнерусской литературе, однако она далеко не всегда привлекает внимание исследователей, давно отвыкших говорить на языке Библии. А между тем в первоначальном варианте летописной повести о событиях 1382 г. (тексты Симеоновской летописи и Рогожского летописца, воспроизводящие несохранившуюся Троицкую летопись, а через нее — Свод 1408 г.) композиция рассказа, смысловые акценты явно воспроизводят книгу пророка Иеремии.

Обратимся к тексту повести. Она открывается темой благоразумной и спасительной покорности разгневанному на Русь ордынскому хану. Покорность изъявляют князь Дмитрий Суздальский, приславший к ха-

ну своих сыновей, князь Олег Рязанский, указавший ему удобные переправы на Оке. Относительную покорность выражает и князь Дмитрий Московский, который «не ста на бой противу его, ни подня руки противу царя»²⁸. Однако он и не покаялся перед ханом в своем мятеже, не вышел ему навстречу с дарами, а бежал в недосягаемые для татар заволжские края. Автор повести не объясняет причины такого поведения князя. Но в книге Иеремии легко найти ответ: Седекия не отдает себя на милость Навуходоносора, опасаясь своих соотечественников, которые уже перешли на службу к халдеям. Седекия более всего боится не чужих, а своих: «...да не предадут мя (халдее) в руке их, и поругаются ми» (Иеремия, 38, 19). Ненависти «своих» опасался и Дмитрий Донской летом 1382 г. Сыновья Дмитрия Константиновича Суздальского, старинного недруга и соперника Москвы, по приказу отца присоединились к войску Тохтамыша и ждали своего часа. В случае расправы татар с Дмитрием Московским именно Дмитрий Суздальский имел наибольшие шансы получить великое княжение Владимирское. Автор повести не случайно так подробно рассказал об активности нижегородских князей в этой ситуации. Это была еще одна параллель с историей, изложенной в книге пророка Иеремии.

Тема покорности сменяется в повести темой сопротивления «царю». Неведомо откуда взявшийся литовский князь Остей становится во главе московского люда, который решил защищать город от татар. Однако ничего хорошего самонадеянность «внука Ольгердова» ни ему самому, ни москвичам не приносит. Хан обманом выманил его из крепости и «уби... пред враты града»²⁹. Вслед за этим татары взяли город штурмом и сожгли его. Множество людей было пленено и уведено в рабство.

Описание бедствий москвичей носит в повести явно вторичный по отношению к книге Иеремии, утрировано-риторический характер. (Для сравнения можно напомнить, что не менее трагическое событие, взятие татарами Твери зимой 1327/28 г., тот же летописец изобразил одной фразой³⁰.)

В заключение своего рассказа автор повести приводит уникальный в своем роде точный подсчет количества погибших. Однако и эта мнимая уникальность вторична. Такой же точный подсчет уведенных в плен иудеев завершает книгу Иеремии (Иеремия, 52, 28–30).

Взяв за основу при изложении событий 1382 г. книгу Иеремии, создатель Повести о нашествии Тохтамыша тем самым достаточно ясно выразил свое отрицательное отношение к антиордынской борьбе Дмитрия Донского. Старая, восходящая к временам Ивана Калиты и митрополита Алексея концепция мирных, верноподданических отношений с ордынским «царем» получила еще одно литературное воплощение. Вероятно, этими идеями был проникнут и Свод 1408 г.

²⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 143–144.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Стб. 43–44.

Не случайно он сохранил похвалу «великой тишине» Ивана Калиты и прочувствованный некролог этому князю.

Нашествие Тимура в 1395 г. и нашествие Едигея в 1408 г. наглядно показали, что возможность новой Батыевщины еще вполне реальна. Оба эти события стали темами для летописных повестей, содержащих определенные идеи и оценки. Повести сохранились в наиболее близком к оригиналу виде в составе Свода 1408 г. и отразивших его летописей. Тема первой повести очевидна: своим спасением от нашествия Тимура Северо-Восточная Русь обязана заступничеству Божией Матери. Более сложна идейная структура летописной повести о нашествии Едигея в 1408 г. Она написана в ином ключе, нежели две предыдущие. И если в повести о нашествии Тохтамыша политические коллизии составляют как бы скрытый подтекст выдержанного в строгом и возвышенно-библейском стиле повествования, — то здесь они выдвинуты на первый план, а библейские параллели используются как дополнительный аргумент. Суть проблемы, волнующей автора повести о нашествии Едигея, — характер отношений в геополитическом треугольнике Русь — Литва — Орда. Он осуждает «юных бояр», под влиянием которых великий князь Василий Дмитриевич стал игрушкой в руках Едигея, толкнувшего князя к войне с Литвой. Московский правитель неосторожно принял военную помощь и от Орды, и от части литовской знати, враждовавшей с великим князем Литовским Витовтом — тестем Василия Дмитриевича. В результате этих просчетов Москвы татары внезапно напали на Северо-Восточную Русь и страшно разорили ее. Обласканные сверх меры литовские перебежчики не оказали русским никакой помощи в борьбе с нагрянувшими татарами и даже сами приняли участие в грабеже беззащитных волостей.

Автор повести о нашествии Едигея разделяет мнение «мудрых старцев», которые советовали великому князю воздерживаться от услуг коварных «союзников», сохранять мир с Ордой и особенно — с Литвой. В сущности именно такая позиция — мир с Ордой и Литвой — была краеугольным камнем политики Ивана Калиты. Не случайно в 1334 г. он женил своего старшего сына и наследника Семена на дочери великого князя Литовского Гедимина. Попытки втянуть Москву в ордынско-литовское противоборство не раз предпринимались ордынскими ханами, однако они неизменно нейтрализовывались умелой дипломатией Калиты и его сыновей. Лишь в 1368–1372 гг. наступила полоса московско-литовских войн, вызванных жесткими, но необдуманно действующими московскими правителями по отношению к шурину Ольгерда тверскому князю Михаилу Александровичу.

Развивая мысль о том, что трагедия Едигеевщины была вызвана отступлением от заветов мудрой старины, автор повести апеллирует к авторитету Священного Писания. Он рассматривает происходящее через призму событий, описанных в Библии. Если не учитывать этого иносказательного значения некоторых фрагментов текста, их дословное

понимание может оказаться совершенно превратным. Так, например, рассказывая о всеобщей панике, которую вызвало внезапное появление татар, автор замечает: «...за умножение бо грех наших смирил ны Господь Бог пред враги нашими. Да аще явиться где един татарии, то мнози наши не смеяхуть приблизитися ему, аще ли два или три, то мнози Руси, жены и дети мечуще, на бег обращахуся, тако бо наказаа нас Господь низложи гръдыню нашу»³¹.

Это, конечно, не «зарисовка с натуры», а парафраза глав 30–31 книги пророка Исайи. Тема этих глав казалась автору повести весьма актуальной. Устами пророка Бог осуждает иудеев, просящих у своих прежних поработителей египтян военную помощь против новых врагов — ассирийцев. «Горе, чада отступившая, сия глаголет Господь; сотвористе совет не Мною и заветы не духом Моим, приложити грехи ко грехом: идущи снити во Египет, Мене же не вопросиша, еже помощь имети от фараона и заступление от египтян. Будет бо вам покров фараонов в постыждение и уповающим на Египет укоризна» (Исайя, 30, 1–2).

Если иудеи будут надеяться не на милость Божию, а на собственную силу, помощь иноверцев или на хитрость, их постигнет страшная кара. Войско их обратится в бегство. «От гласа единого побегнут тысяща, и от гласа пяти побегнут мнози...» (Исайя, 30, 17). Помощь египтян обернется бедой. «Господь же наведет руку свою на ня, и утрудятся помагающи, и вси вкупе погибнут» (Исайя, 31, 3).

Позиция мудрых «старцев», которую восхваляет автор повести о нашествии Едигея, оставалась реальной, имеющей много сторонников политической программой на протяжении всей первой половины XV в. С одной стороны, власть Орды явно ослабевала из-за неурядиц в самой Орде. Но, с другой стороны, во второй четверти XV в. сильно ослабела и военная мощь Северо-Восточной Руси, где разгорелась усобица между потомками Дмитрия Донского.

В произведениях московской литературы середины XV в., посвященных вооруженной борьбе с татарами во времена Дмитрия Донского, явно чувствуется полемичность, стремление собрать как можно больше аргументов с целью переубедить тех, кто смотрит на события конца XIV в. с иных позиций. Отсюда, например, такое обилие знаков небесного расположения к Дмитрию Донскому и его воинам в пространной летописной повести о Куликовской битве, созданной для Свода 1448 г.³² Примечательно, что во всех вариантах повести Мамай именуется «князем ордынским», а не «царем». Сражение с одним из многочисленных «князей» выглядело с точки зрения библейских аналогий «вавилонского плена» далеко не так вызывающе, как с самим «царем». Благоразумная осторожность Олега Рязанского в пространной летописной повести изображается как вероломство, измена православию. Автор не жалеет

³¹ Там же. Стб. 183.

³² См.: *Дмитриев Л. А.* Литература конца XIV — первой половины XV в. // История русской литературы X–XVII веков. С. 236.

для него черных эпитетов. Но, в сущности, дело, конечно, не в нем самом, а в привлекательности для многих той традиционной политической линии, которой следовал князь Олег. Очерняя рязанского князя, автор пространной повести стремится дискредитировать его позицию по отношению к Орде и Москве.

Сильным аргументом сторонников мирных отношений с Ордой стали события 1445 г., когда в результате неудачного похода против татар великий князь Василий Васильевич попал в плен и был уведен в Орду. За его освобождение татары потребовали огромный выкуп, выплата которого легла тяжким бременем на всю Северо-Восточную Русь.

Скрепленный авторитетом Священного Писания, а также первых московских князей и митрополитов, императив «не поднимать руку на царя» был настолько силен в московской политической традиции, что его влияние испытывал даже Иван III в период «стояния на Угре». Во всяком случае, именно освобождение великого князя от власти этого императива было главной целью знаменитого «Послания на Угру» ростовского архиепископа Вассиана Рыло. Из суждений Вассиана можно сделать вывод, что существовал даже своего рода семейный обет («клятвы»), обязывавший потомков Ивана Калиты продолжать его политику в отношении Орды. Ростовский владыка вместе с митрополитом готов был своей духовной властью освободить Ивана III от старинной «клятвы». Он уверяет великого князя: «Аще ли же еще любопришися и глаголеши, яко: «Под клятвою есмь от прародителей, — еже не поднимати руки противу царя, то како аз могу клятву разорити и съпротив царя стати», — послушай убо, боголюбивый царю, аще клятва по нужди бывает, прощати о таковых и разрешати нам повелено есть, иже прощаем, и разрешаем, и благословляем, яко же святейший митрополит, тако же и мы, и весь боголюбивый събор, — не яко на царя, но яко на разбойника, и хищника, и богоборца»³³.

Кого разумеет Вассиан под «прародителями» Ивана III, учредителями «клятвы»? Ясно, что это не отец и не дед великого князя: они не подходят под такое определение. Не подходит и прадед, Дмитрий Донской: о нем Вассиан говорит особо, как о примере для подражания, герое войны с татарами «за веру христианскую». Таким образом, остаются лишь Иван Калита и его сыновья. Учитывая особое отношение к Ивану Даниловичу как «собирателю земли Русской» среди его потомков, можно утверждать, что речь идет прежде всего о нем (если, конечно, не вести линию «прародителей» дальше, к Даниилу, Александру Невскому и Ярославу Всеволодовичу).

³³ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 530. Термин «царь» издавна использовался древнерусскими книжниками для восхваления князей, как своего рода эпитет. Однако эти примеры всегда связывались с библейскими аллюзиями и не носили политического характера (см.: *Филушкин А. И.* Указ. соч. С. 145).

После падения ордынского ига в 1480 г. вопрос об отношении к политическим заветам «прародителей» и их «клятвам» относительно Орды уходит на периферию российской публицистики, оживая лишь в периоды обострения отношений с осколками Золотой Орды — Казанью, Крымом, Астраханью, Сибирским ханством. На первый план в московской идеологии выступают вопросы, связанные с укреплением Русского централизованного государства: ликвидация политического суверенитета удельных княжеств и церкви, ограничение привилегий боярства и его экономической самостоятельности, обоснование внешнеполитических притязаний московских государей и укрепление их авторитета внутри страны.

Тверские князья, казненные в Орде, и в Москве стали почитаться как мученики за веру. В 1549 г. Михаил Тверской занял место в общерусском пантеоне святых. Тверская версия их поведения теперь оказалась вполне «ко двору» московским книжникам, а прежняя, «раннемосковская», была оставлена за ненадобностью. Отныне и борьба тверичей с ненавистными поработителями, эпизодами которой были и Бортеневская битва 1317 г., и тверское восстание 1327 г., понималась только как духовный подвиг — борьба за веру с ее исконными врагами, «безбожными татарами», «бесерменами».

Отношение к Ивану Калите как к символу определенных политических идей и методов из древнерусской публицистики незаметно перешло и в труды русских историков XVIII–XIX вв. Однако если прежде споры шли главным образом вокруг его политики, а сам он оставался в стороне, то теперь акценты поменялись. Политику Калиты стали объяснять и оценивать исходя из характеристики его личности. При этом недостаток достоверных сведений о нем восполняли предположениями и домыслами. Все это неизбежно вело к созданию исторического мифа об Иване Калите. Миф всегда есть ответ на неразрешимую загадку. В основе мифа об Иване Калите также лежит тайна. Имя ей — Москва.

Первый русский историк Н. М. Карамзин высказался на сей счет вполне откровенно: «Сделалось чудо. Городок, едва известный до XIV века... возвысил главу и спас отечество»³⁴. Древний летописец на этом и остановился бы, склоняя голову перед непостижимостью Божьего Промысла. Но Карамзин был человеком Нового времени. Чудо как таковое его уже не устраивало. Он хотел найти ему рациональное объяснение и потому первым начал творить ученый миф о Калите.

Начитанный в источниках, Карамзин прежде всего определил князя Ивана теми словами, которые нашел для него древнерусский книжник: «Собиратель земли Русской». Однако этого было явно недостаточно для объяснения. Почему именно князь Иван стал этим «Собирателем»? В конце концов, все русские князья того времени как могли «собирали» землю и власть, иначе говоря — гребли под себя...

³⁴ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 20–21.

Тогда Карамзин предложил дополнительные пояснения. Оказывается, Калита был «хитрый». Этой хитростью он «снискал» особенную милость Узбека и вместе с нею — достоинство великого князя. С помощью той же «хитрости» Иван «усыпил ласками» бдительность хана и убедил его, во-первых, не посылать более на Русь своих баскаков, но передать сбор дани русским князьям, а во-вторых, закрыть глаза на присоединение многих новых территорий к области великого княжения Владимирского.

В портрете, нарисованном Карамзиным, «хитрость» Калиты и его способность к «злодейству» сочетаются с важными личными и государственными достоинствами. «Отменная набожность, усердие к строению храмов и милосердие к нищим не менее иных добродетелей помогли Иоанну в снискании любви общей. Он всегда носил с собою мешок, или *калиту*, наполненную деньгами для бедных: отчего и прозван *Калитою...*». Несмотря на бедствия, случившиеся в Москве и тогда, «подданные, облагодетворенные деятельным, отеческим правлением Калиты... славили его счастливое время». Он умер, «указав наследникам путь к единовластию и к величию»³⁵.

Другой классик отечественной историографии С. М. Соловьев в противоположность Карамзину был очень сдержан в характеристиках исторических деятелей вообще и Ивана Калиты в частности. Он лишь повторил найденное Карамзиным определение князя Ивана как «Собирателя земли Русской» и отметил вслед за летописью, что Калита «избавил Русскую землю от татей»³⁶.

Некоторые свежие мысли о Калите высказал Н. И. Костомаров в своем известном труде «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». Он отметил необычайно крепкую для князей того времени дружбу Юрия и Ивана Даниловичей, а о самом Калите сказал так: «Восемнадцать лет его правления были эпохою первого прочного усиления Москвы и ее возвышения над русскими землями»³⁷. При этом Костомаров не удержался от повторения созданного Карамзиным стереотипа: Калита был «человек характера невоинственного, хотя и хитрый»³⁸.

Знаменитый ученик Соловьева В. О. Ключевский был большим любителем исторических парадоксов. В сущности, вся история России представлялась им как длинная цепь больших и малых парадоксов, завораживающих слушателя или читателя, но не выводящих к маякам путеводных истин. Жертвой одного из малых парадоксов стали и

³⁵ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. 1–4. Калуга, 1995. С. 512–513.

³⁶ Соловьев С. М. Соч.: В 18 т. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1988. С. 512–513.

³⁷ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. Господство дома св. Владимира. Спб., 1915. С. 159.

³⁸ Там же. С. 166.

московские князья. «Условия жизни, — говорил Ключевский, — нередко складываются так своеобразно, что крупные люди размениваются на мелкие дела, подобно князю Андрею Боголюбскому, а людям некрупным приходится делать большие дела, подобно князьям московским»³⁹. Эта посылка о «людях некрупных» и предопределила его характеристику Калиты. По Ключевскому, все московские князья начиная с Калиты — хитрые прагматики, которые «усердно ухаживали за ханом и сделали его орудием своих замыслов»⁴⁰.

Увлечшись созданием художественного образа московского князя, Ключевский утверждал, хотя и без всяких ссылок на источники, что в руках у Калиты были «обильные материальные средства», водились «свободные деньги»⁴¹. Логика задуманного Ключевским образа потребовала следующего суждения: богатый — значит скупой. Отсюда — известная характеристика Калиты как «князя-скопидома», надолго присвоенная нашему герою. Историка не остановила даже полная противоположность нарисованного им образа прозвищу князя Ивана, указывавшему на его щедрость и доброту. Он лишь слегка прикрыл эту натяжку беглым замечанием: «Может быть, ироническому прозвищу, какое современники дали князю-скопидому, позднейшие поколения стали усвоять уже нравственное толкование»⁴².

Итак, к созданному Карамзиным портрету лстеца и хитреца Ключевский добавил еще пару темных мазков — скопидомство и посредственность. Возникший в итоге малопривлекательный образ благодаря его художественной выразительности и психологической достоверности стал широкоизвестен. Он был запечатлен в памяти нескольких поколений русских людей, обучавшихся по гимназическому учебнику истории Д. И. Иловайского. Здесь Калита — «собиратель Руси». Однако его моральные качества вызывают отвращение. «Необыкновенно расчетливый и осторожный, он пользовался всеми средствами к достижению главной цели, то есть возвышению Москвы за счет ее соседей». Московский князь «часто ездил в Орду с дарами и раболепно кланялся хану; он получал от хана помощь в борьбе с соперниками, и таким образом самих татар сделал орудием для усиления Москвы». Ко всем прежним порокам Калиты Иловайский прибавляет новый — жульничество: «Присвоив себе право собирать дань с удельных князей и доставлять ее в Орду, Калита искусно пользовался этим правом, чтобы увеличить свою собственную казну»⁴³. Прозвище князя Ивана Иловайский решительно переводит как «мешок с деньгами».

Сознательно или бессознательно, но в этой исторической карикатуре на основателя Московского государства проявилось отношение

³⁹ Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. Т. 2. М., 1988. С. 50.

⁴⁰ Там же. С. 19.

⁴¹ Там же. С. 25.

⁴² Там же.

⁴³ Иловайский Д. И. Краткие очерки русской истории. Ч. 1. М., 1992. С. 71.

либеральной русской интеллигенции к самому этому государству, точнее, к его историческому преемнику, Российской империи. Неохотно признавая историческую необходимость этого государства, интеллигенция в то же время страстно ненавидела его атрибуты — самодержавную власть и бюрократический административный аппарат.

Развенчание и охуление Ивана Калиты в конце концов вызвало законный вопрос: да мог ли столь низменный человек исполнить столь великую историческую задачу, как основание Московского государства? Ответ напрашивался двоякий: либо он и не был основателем, либо созданный историками образ Калиты недостоверен. Первый ответ дал историк русского права В. И. Сергеевич. Он решительно отнял у Калиты последнее его достоинство «собирателя Руси» и назвал его «лишенным качеств государя и политика»⁴⁴. Ко второму ответу пришел известный исследователь политической истории Руси А. Е. Пресняков. «Обзор фактических сведений о деятельности великого князя Ивана Даниловича, — писал он, — не дает оснований для его характеристики как князя-«скопидома», представителя «удельной» узости и замкнутости вотчинных интересов. Эта его характеристика, столь обычная в нашей исторической литературе, построена на впечатлении от его духовных грамот, которые, однако, касаются только московской отчины и ее семейно-вотчинных распорядков»⁴⁵.

После 1917 г. разногласия мнений в русской исторической науке быстро исчезают, сменяясь господством «высочайше утвержденных» представлений. Основатель новых, откровенно идеологизированных и политизированных подходов к отечественной истории М. Н. Покровский советовал прекратить споры об исторических личностях и перейти к изучению социально-экономических процессов. «Оставим старым официальным учебникам подвиги «собирателей» и не будем вдаваться в обсуждение вопроса, были ли они люди политически бездарные или политически талантливые»⁴⁶, — писал он.

Последовав совету Покровского, историки на многие десятилетия отказались от создания исторических портретов, исключая лишь заказные иконописные образы. Общее критическое отношение к старым правителям коснулось и Калиты. В школьных учебниках и исторических трудах о нем писали мало и в основном критически. Добрую ложку дегтя подлила «Секретная дипломатия» К. Маркса — острый политический памфлет, полный сарказма относительно русской истории и ее деятелей. Опираясь на Маркса, историк А. Н. Насонов писал: «Калита не был и не мог быть ни объединителем Руси, ни умиротворителем. Народное движение за объединение Руси началось тогда, когда открылись возможности борьбы с татарами; и это движение, поддержанное церковью, обеспечило победу московского князя внутри страны и ус-

⁴⁴ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. 1. СПб., 1890. С. 59.

⁴⁵ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 159.

⁴⁶ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Т. 1. М., 1933. С. 122.

пех в борьбе с татарами, завершившийся Куликовской битвой. О Калите Маркс правильно сказал, что он соединял в себе «черты татарского палача, низкопоклонника и главного раба»⁴⁷.

Десять лет спустя другой известный историк В. В. Мавродин последовал тому же методу в оценке Ивана Калиты. «Поборы с населения, с торговых операций, присваивание татарской дани сделали московского князя самым богатым из всех русских князей. "Сумой, а не мечом он прокладывал себе дорогу", — говорит о Калите К. Маркс»⁴⁸. Впрочем, у Маркса были разные суждения на сей счет. Мавродин соглашается и с таким: «При нем была заложена основа могущества Москвы».

Прошло еще десять лет. В 1960 г. увидел свет капитальный труд Л. В. Черепнина, посвященный истории Руси в XIV–XV вв. Есть в нем и характеристика деятельности Ивана Калиты: «Калиту не нужно идеализировать. Это был сын своего времени и класса, правитель жестокий, хитрый, лицемерный, но умный, упорный и целеустремленный»⁴⁹. Легко заметить, что все составляющие этой формулы уже имелись в трудах историков. От себя же Черепнин добавил еще несколько темных мазков. «Этот князь жестоко подавлял те стихийные народные движения, которые подрывали основы господства Орды над Русью... Жестоко расправляясь со своими противниками из числа других русских князей, не брезгуя для этого татарской помощью, Калита добился значительного усиления могущества Московского княжества»⁵⁰.

Не только характеристика личности Ивана Калиты, но и общая оценка причин, по которым Москва сумела возглавить борьбу за объединение Руси, в советской литературе во многом повторили традиционные, отчеканенные еще В. О. Ключевским положения. Здесь на первом месте — выгодное географическое положение Московского княжества, которое предопределило его роль как этнического центра формировавшейся великорусской народности, обеспечило ему относительную безопасность от внешних врагов, наполнило казну московского князя сборами с транзитной торговли через Москву⁵¹.

⁴⁷ Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.: Л., 1940. С. 111. Главное значение труда Насонова — в детальном, хотя и не всегда бесспорном анализе татарской политики на Руси в XIII–XIV вв.

⁴⁸ Мавродин В. В. Образование единого Русского государства. Л., 1951. С. 95.
⁴⁹ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 513.

⁵⁰ Там же. С. 512.

⁵¹ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 8–15; Тихомиров М. Н. Древнейшая история г. Москвы XII–XIV вв. (Доклад на заседании группы по истории г. Москвы) // Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975. Те же идеи содержатся в вузовском учебнике «История СССР с древнейших времен до конца XVIII века» под ред. Б. А. Рыбакова. (М., 1983. С. 138). Однако уже С. Ф. Платонов и А. Е. Пресняков внесли существенные коррективы в схему Ключевского. Признавая решающее значение географического фактора, Платонов акцентировал внимание на «погранично-военном» значении Моск-

Из причин возвышения Москвы, названных Ключевским, не получила полного признания в советской историографии лишь одна — «своеобразная политика» московских князей, обусловленная их принадлежностью к «одной из младших линий Всеволодова племени»⁵². Суть этой «своеобразной политики» — повышенная агрессивность, «неуважение к прежним понятиям и отношениям старшинства»⁵³.

В последние годы устоявшаяся схема, наиболее отчетливо и детально представленная в работах Л. В. Черепнина, подверглась резкой критике со стороны А. А. Зимина, оспорившего почти все названные еще В. О. Ключевским «причины возвышения Москвы» (исключая лишь сотрудничество Москвы и церкви). Критикуя старую схему за ее умозрительность, слабую обоснованность источниками, Зимин на смену ей предложил новую, также достаточно умозрительную концепцию. В процессе образования Русского централизованного государства историк выделяет как некую духовную доминанту борьбу светлого и темного начал — «свободы» и «несвободы». «Крепостнической, крестьянской и монашескую Москву противостояла северная вольница промысловых людей (солеваров, охотников, рыболовов) и свободных крестьян. Гибель свободы Галича повлекла за собой падение Твери и Новгорода, а затем и кровавое зарево опричнины»⁵⁴. Причины победы Москвы и над вольным промысловым Севером и над торговым Северо-Западом исследователь видит «в особенностях колонизационного процесса и в создании военно-служилого войска (Двора)»⁵⁵.

Критика Зиминим старой концепции «возвышения Москвы», равно как и предложенная им новая схема, в целом получили поддержку со стороны В. М. Панеяха. «Прежняя система аргументации и сделанные из нее выводы после этой работы А. А. Зимина представляются мне скомпрометированными полностью и окончательно»⁵⁶, — пишет Панеях.

Тенденция к пересмотру сложившихся взглядов на истоки политических успехов первых московских князей проявилась и в рабо-

вы, на ее ключевой роли в системе обороны Владимиро-Суздальской Руси. Продолжая эту мысль, Пресняков именно здесь видел причину относительно позднего выделения Москвы в самостоятельный удел (см.: *Платонов С. Ф. О начале Москвы // Платонов С. Ф. Статьи по русской истории (1883—1912)*. СПб., 1912. С. 76—83; *Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства*. Пг., 1918. С. 114—115). М. К. Любавский поставил под сомнение значительное воздействие транзитной торговли на экономику ранней Москвы. Вместе с тем он подчеркнул, что Москва в конце XIII — первой половине XIV в. была самым безопасным регионом Северо-Восточной Руси, что привлекало сюда потоки переселенцев (см.: *Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века*. М., 1996. С. 217—218).

⁵² *Ключевский В. О.* Указ. соч. С. 12.

⁵³ Там же. С. 13.

⁵⁴ *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М., 1991. С. 209—210.

⁵⁵ Там же. С. 203.

⁵⁶ *Панеях В. М.* Панорама истории России XV—XVI веков А. А. Зимина. К выходу в свет книги «Витязь на распутье» // *Отечественная история*. 1992. № 6. С. 80.

тах А. А. Горского. «Мнение, что московские и тверские князья в первые десятилетия XIV в. проводили две принципиально разные политики по отношению к Орде (первые — откровенно проордынскую, вторые — более независимую), не соответствует фактам. И те и другие не подвергали сомнению сюзеренитет ханов над русскими землями»⁵⁷, — полагает исследователь. Следует заметить, что рассуждения Горского выглядят вполне убедительно в той части, которая посвящена «развенчанию» тверских князей. Менее убедительна, на наш взгляд, трактовка автором некоторых действий московских князей как «прямого неподчинения хану»⁵⁸. Впрочем, исследователь справедливо отличает сопротивление русских князей ханской воле (то есть каким-то конкретным его приказам) от отрицания верховной власти Орды вообще.

Вглядываясь в события первых лет XIV столетия, А. А. Горский указывает на решающую, по его мнению, предпосылку политических успехов Москвы в эти годы: выезд на московскую службу предводителей могущественных боярских семейств — Федора Бяконта из Чернигова и Нестера Рябца из Киева⁵⁹. При этом автор в значительной мере разделяет скептицизм А. А. Зимина относительно традиционных «причин возвышения Москвы», хотя и не соглашается с предложенными им новыми объяснениями проблемы.

В работе, посвященной междукняжеским отношениям в конце XIII в., А. А. Горский, развивая наблюдения А. Н. Насонова, акцентирует внимание на том, как воздействовала на политическую жизнь Руси ситуация двоевластия в Орде. По мнению Горского, соперничество между Тохтой и Ногаем предопределило раскол Рюриковичей на две враждебные коалиции. Одна из них ориентировалась на Ногаю, другая — на Волжскую Орду. Оба степных правителя активно вмешивались в политическую борьбу в Северо-Восточной Руси, поддерживая «своих» князей. В контексте этой борьбы Горский рассматривает и московско-тверские отношения конца XIII в. и попытку Даниила Московского овладеть великим княжением Владимирским в 1296 г.⁶⁰

Другой современный исследователь ранней Москвы В. А. Кучкин в своей монографии «Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв.» (М., 1984) высказал целый ряд наблюдений о динамике роста территории Московского княжества в первой половине XIV в., увязав ее с политическими акциями московских князей. Им также опубликовано несколько статей, посвященных различным аспектам истории Москвы в XII–XIV вв. В одной из них он воссоздал

⁵⁷ Горский А. А. Москва, Тверь и Орда в 1300–1339 годах // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 42.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ См.: Горский А. А. К вопросу о причинах «возвышения» Москвы // Отечественная история. 1997. № 1. С. 3–12.

⁶⁰ См.: Горский А. А. Политическая борьба на Руси в конце XIII века и отношения с Ордой // Отечественная история. 1996. № 3. С. 74–92.

политическую биографию князя Даниила Московского⁶¹. Другая посвящена изучению причин стремительного взлета политического значения Москвы на рубеже XIII–XIV вв.⁶² В отдельной работе ученый собрал и проанализировал все данные письменных источников о Москве от ее основания до середины XIII в.⁶³ Особый интерес для нашей темы представляет статья Кучкина, в которой рассматривается вопрос о времени и обстоятельствах написания духовных грамот Ивана Калиты⁶⁴. Не менее интересна и его работа об отражении монголо-татарского ига в общественной мысли Руси XIII – первой четверти XIV в.⁶⁵

Значительное внимание уделяет В. А. Кучкин вопросам генеалогии, родственных связей русских правителей XIII–XIV вв.⁶⁶ Наряду с изучением политической истории ученый обращается и к проблемам социально-экономического и культурного развития ранней Москвы⁶⁷.

Несмотря на огромную традицию изучения истории ранней Москвы, существует еще немало «белых пятен» и перспектив для углубленного прочтения давно известных источников. Свидетельством тому может служить работа К. А. Аверьянова «Московское княжество Ивана Калиты», изданная тремя отдельными выпусками в 1993–1994 гг.⁶⁸ В центре внимания исследователя — динамика роста Московского княжества, его внутреннее административно-территориальное деление в XIV столетии. Аверьянов настаивает на том, что рост территории Московского княжества осуществлялся не столько путем захватов чужих земель, сколько благодаря династическим бракам. Переход ряда волостей и городов под власть Даниила Московского и его сыновей происходил поэтапно, на протяжении длительного времени и преимущественно мир-

⁶¹ См.: Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. № 1. С. 93–107.

⁶² См.: Кучкин В. А. Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 57–64.

⁶³ См.: Кучкин В. А. Москва в XII – первой половине XIII века // Отечественная история. 1996. № 1. С. 3–13.

⁶⁴ См.: Кучкин В. А. Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты? // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. 1989. М., 1989. С. 207–224.

⁶⁵ См.: Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников XIII – первой четверти XIV в. // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX в.: Сб. научных трудов. М., 1990. С. 20–54.

⁶⁶ См.: Кучкин В. А. Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // Исторические записки. Вып. 94. М., 1974. С. 365–380; Он же. «Свой дядя» завещания Семена Гордого // История СССР. 1988. № 4.

⁶⁷ См.: Кучкин В. А. Московское княжество в XIV в.: система управления и проблема феодальной государственной собственности // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. М., 1988. Вып. 2; Он же. Рец. на кн.: Беляев Л. А. Древние монастыри Москвы по данным археологии // Вопросы истории. 1996. № 2.

⁶⁸ См.: Аверьянов К. А. Московское княжество Ивана Калиты. (Введение. Историческая география завещания Ивана Калиты). (Московские «трети». Звенигород. История вхождения в состав Московского княжества). М., 1993; Он же. Московское княжество Ивана Калиты. (Присоединение Коломны. Приобретение Можайска). М., 1994.

ным путем. Развивая эти идеи, Аверьянов высказал ряд интересных предположений о родственных связях первых московских князей.

Традиционный для отечественной историографии взгляд на события XIV в. через призму идеи о прогрессивном значении «собираания русских земель» вокруг Москвы страдает явным схематизмом и упрощенностью. Уже А. Е. Пресняков попытался проследить процесс политической консолидации на Руси в XIV столетии во всем его многообразии, как совокупность параллельных объединительных усилий ведущих политических центров. Стремление отказаться от взгляда на события «с московской колокольни» и взять за точку отсчета другой политический центр породило в последние годы ряд исследований, посвященных Тверскому княжеству и его правителям. В обстоятельной монографии Э. Клюга «Княжество Тверское (1247–1485)» на основе источников и с привлечением широкого круга литературы нарисована картина исторического развития главной соперницы ранней Москвы⁶⁹. В сборнике «Михаил Ярославич Великий князь Тверской и Владимирский» (Тверь, 1995) помимо воспроизведения дореволюционных церковно-апологетических сочинений о святом князе содержатся статьи С. Смолик «Михаил Ярославич Тверской (Политическая биография)» и П. Малыгина «Сражение 22 декабря 1317 года (Предпосылки, летописные источники и проблема локализации)»⁷⁰. Обе эти статьи представляют определенный интерес в плане изучения московско-тверских отношений в период правления Михаила Тверского.

Свою лепту в дискуссию о причинах политических успехов первых московских князей внес и Л. Н. Гумилев. Эта тема занимает значительное место в его книге «От Руси к России. Очерки этнической истории» (М., 1992). Разнообразные высказывания автора на сей счет представляют собой причудливую смесь науки и художественной литературы, причем последняя проявляется главным образом в достаточно вольном отношении к факту. Своеобразный характер книги Гумилева, выходящей за рамки научного исследования, почти лишает ее историографического значения. Все тезисы относительно ранней Москвы — уже известные в литературе мнения, высказанные им в категорической форме. Пожалуй, единственное исключение составляет следующее суждение историка: «Но основная заслуга Ивана Калиты, до сих пор, как кажется, не оцененная традиционной историографией, состоит в другом. При Иване Калите получил свое окончательное воплощение новый принцип строительства государства — принцип этнической терпимости»⁷¹. Однако при всей эффектности данного утверждения оно не обосновано свидетельствами достоверных источников. Что же касается «этнической терпимости»,

⁶⁹ См.: Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994.

⁷⁰ Михаил Ярославич великий князь Тверской и Владимирский. Тверь, 1995. Историко-художественный взгляд на историю Твери представлен книгой А. В. Чернышова «Очерки по истории Тверского княжества XIII–XV вв.» (Тверь, 1996).

⁷¹ Гумилев Л. Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. М., 1992. С. 146.

то она была присуща уже киевским князьям, в окружении которых встречались лица самого различного этнического происхождения.

Выяснению роли различных этносов в складывании единого Русского государства посвящены работы Ю. А. Кизилова⁷². В них затронуты и некоторые вопросы, относящиеся к истории Москвы конца XIII — первой половины XIV в.

В традиционной схеме «возвышения Москвы» важнейшее место отводилось тезису о союзе московских князей с митрополичьей кафедрой. Степень близости московских Даниловичей с митрополитами Петром и Феогностом по-разному оценивалась историками⁷³. Однако уже А. Е. Пресняков обратил внимание на существенные противоречия между митрополичьей кафедрой и московскими князьями в XIV столетии. Этот аспект проблемы подчеркивал и А. М. Сахаров⁷⁴. В работах Н. С. Борисова сделан вывод о том, что традиционное представление о «союзе» московских князей с митрополичьей кафедрой для первой половины XIV в. не находит подтверждения в источниках⁷⁵. Каждая из сторон руководствовалась прежде всего своими собственными интересами, которые зачастую не совпадали. Митрополичья кафедра избегала открытого вмешательства в княжеские споры. Об активной и далеко не «промосковской» политической позиции ряда русских иерархов во второй половине XIV в. писал в своих работах Г. М. Прохоров⁷⁶.

Крайняя скудность сведений о социально-экономическом развитии Москвы в конце XIII — первой половине XIV в. обусловила слабую разработку этого сюжета в историографии. Дискуссии, возникавшие по этой проблеме в советской исторической литературе, всего лишь умножали количество умозрительных теорий, но не приводили к отысканию истины⁷⁷. При этом те или иные социально-экономические явления изучались в предельно широком хронологическом диапазоне XIV—XV вв.⁷⁸ Редкие работы затрагивали более узкую проблематику в

⁷² См.: Кизилев Ю. А. Земли и народы России в XIII—XV вв. М., 1984; Он же. Начало образования многонациональной структуры Русского государства XIII—XV вв. Ульяновск, 1986.

⁷³ См.: Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 502—503; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 223; Ключевский В. О. Указ. соч. С. 23—24; Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви. М., 1991. Т. 1. С. 305.

⁷⁴ См.: Сахаров А. М. Церковь и образование Русского централизованного государства // Вопросы истории. 1966. № 1.

⁷⁵ См.: Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV—XV веков. М., 1986; Он же. Московские князья и митрополиты XIV века // Вопросы истории. 1986. № 8. С. 30—44.

⁷⁶ Прохоров Г. М. Повесть о Митие. Л., 1978.

⁷⁷ Обзор мнений, высказанных на сей счет в советской историографии, см. в работе: Сахаров А. М. Изучение социально-экономической основы объединения русских земель в советской исторической литературе // История СССР. 1976. № 6. С. 72—92.

⁷⁸ См.: Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957; Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959; Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI века. М., 1974.

хронологических рамках конца XIII — первой половины XIV в. Из современных исследований такого рода отметим лишь статью С. М. Каштанова о финансовом устройстве Московского княжества, а также его наблюдения относительно особенностей актового материала ранней Москвы⁷⁹.

А. Л. Хорошкевич на основе анализа берестяных грамот высказала интересные наблюдения о сборе ордынской дани в Новгороде⁸⁰.

Внешняя политика первых московских князей, их отношения с Ордой были основательно изучены в работах А. Н. Насонова⁸¹. И. Б. Греков выдвинул тезис об активном, многостороннем и изощренном воздействии ордынской дипломатии не только на политическую жизнь Москвы, но и на дела церковные. Одновременно историк тщательно анализирует роль «литовского фактора» в московской политике XIV столетия⁸².

Воссозданию политической биографии великого князя Ивана Даниловича Калиты, религиозно-политических представлений его времени посвящена книга Н. С. Борисова⁸³.

История возникновения Московского государства, деятельность его правителей давно привлекали внимание и зарубежных исследователей. Однако всплеск интереса к этим сюжетам наблюдается в связи с Октябрьской революцией и созданием СССР. Понски глубинных истоков большевизма раньше всех начали представители русской эмиграции, создавшие в 1920-е годы учение «евразийства». Его суть — в утверждении «монгольских» корней московской государственности, культуры и менталитета. Публицистический пафос «евразийства» — в реабилитации «азиатского наследия», его новой историко-культурной оценке.

Общая характеристика «евразийства» выходит далеко за рамки данного историографического очерка. Однако необходимо отметить свойственное евразийцам возвращение к чеканной формуле Карамзина: «Москва обязана своим величием ханам»⁸⁴. Один из основателей учения профессор Э. Хара-Даван писал: «Главная же причина воз-

⁷⁹ См.: Каштанов С. М. Финансовое устройство Московского княжества в середине XIV в. по данным духовных грамот // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 173–189; Он же. Богословская прамбула жалованных грамот // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1973. Вып. 5. С. 81–107; Он же. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996.

⁸⁰ См.: Хорошкевич А. Л. Монголы и Новгород в 50-е годы XIII в. (по данным берестяных грамот № 215 и 218) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 69–73.

⁸¹ См.: Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940.

⁸² Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963; Он же. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975.

⁸³ Борисов Н. С. Иван Калита. 2-е изд. М., 1997.

⁸⁴ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. 5–8. Калуга, 1995. С. 153.

вышения Москвы — это сильная помощь золотоордынских ханов московским князьям»⁸⁵. Повторяется и мысль Карамзина о том, что хан предоставил Ивану Калите право сбора ордынской дани со всех остальных русских князей, которое и послужило источником его политического возвышения и экономического процветания. «Московский князь, как сборщик хана, бил свою братию — князей не мечом, а рублем»⁸⁶.

Исторические идеи «евразийства» отразились и в трудах Г. В. Вернадского, оказавших заметное влияние на всю послевоенную западную русистику, а ныне возвращенных отечественному читателю.

Заметим, что восходящее к Карамзину «евразийское» понимание генезиса Московского государства предопределяет и весьма критическую оценку политических акций первых московских князей, чьи успехи в таком случае сводились главным образом к снисканию ханского расположения самыми неприглядными средствами.

Новый подъем интереса к истории российской государственности на Западе имел место после окончания второй мировой войны, итоги которой — и прежде всего военно-политический триумф СССР — требовали глубокого осмысления.

В конце 40-х — начале 50-х годов появилась серия фундаментальных трудов по русской истории Г. В. Вернадского. Его имя уже было широко известно благодаря краткой «Истории России», которая выдержала шесть изданий и стала своего рода учебником для многих поколений русистов⁸⁷. Применительно к теме нашего исследования особый интерес представляет работа Вернадского «Монголы и Русь», изданная впервые в 1953 г. и переведенная недавно на русский язык⁸⁸. Оригинальность подхода Вернадского заключается прежде всего в его стремлении вписать историю русских земель в историю Золотой Орды. В свою очередь Золотая Орда рассматривается им как часть огромной евразийской империи потомков Чингисхана. Впечатляющая своей масштабностью и динамикой историческая картина дополняется сведениями о взаимоотношениях монгольских правителей с Египтом, Византией, Венгрией и Польшей. Особое внимание Вернадский уделяет Литве, ее отношениям с Русью и Ордой. По его мнению, уже в первой половине XIV в. «Литва стала самой мощной державой в Восточной Европе»⁸⁹.

Вернадский широко пользуется приемом исторических параллелей, зачастую вспоминая в этой связи весьма отдаленные от темы его иссле-

⁸⁵ Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Алма-Ата, 1992. С. 235–236.

⁸⁶ Там же. С. 237.

⁸⁷ Vernadsky G. A History of Russia. Sixth Revised edition. New Haven: Yale University Press, 1969.

⁸⁸ См.: Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь: М., 1997.

⁸⁹ Там же. С. 209.

дования страны и эпохи. Однако широта взглядов ученого порой вступает в противоречие с оригинальностью и глубиной анализа. Так, например, причины «возвышения Москвы» историк представляет всецело в русле концепции В. О. Ключевского⁹⁰.

Характеристика Вернадским русско-ордынских отношений в значительной мере определяется представлениями «евразийцев» о возникшем в результате монгольских завоеваний едином этнокультурном пространстве от Тихого океана до Карпат, о положительном воздействии «туранского элемента» на русскую культуру и государственность. Наряду с этим Вернадский широко использовал результаты исследований А. Н. Насонова, положения его книги «Монголы и Русь» об активной и менявшейся со временем политике Орды по отношению к русским землям.

Вполне оправданным и перспективным было стремление Вернадского наполнить конкретным содержанием весьма расплывчатое понятие «татарское иго», выявить формы и методы господства монголов над русскими землями. Остроумны и убедительны его трактовки некоторых моментов в истории русско-ордынских отношений.

Наиболее значительным вкладом зарубежных авторов в изучение ранней Москвы в 60-е годы нашего века стала работа английского историка Дж. Феннела «Возвышение Москвы (1304–1359)»⁹¹. Уже в самом ее названии обозначена иная, нежели у Вернадского, расстановка акцентов. В центре внимания Феннела находится не Орда, а Северо-Восточная Русь. В процессе исследования автор пользуется положениями как собственно русской историографической традиции (А. Е. Пресняков, А. Н. Насонов, Л. В. Чернин), так и западных исследований (Г. В. Вернадский). При этом уже в предисловии Феннел отмечает, что основные принципы его работы — строгая приверженность достоверным источникам (чего, по его мнению, не доставало Вернадскому) и в связи с этим — отказ от объяснения событий «личностным фактором», для определения которого в источниках нет данных⁹². (Заметим, что последний принцип столь сильно противоречит как склонностям самого исследователя, так и всей западноевропейской исторической традиции, что Феннел не смог в полной мере придерживаться его уже в «Возвышении Москвы» и, по существу, отбросил в своей следующей книге — «Кризис средневековой Руси».)

Общая концепция, положенная в основу книги, достаточно эклектична и противоречива. Так, исследователь присоединяется к давно известным в литературе положениям о том, что основными достижениями Ивана Калиты явились прочный союз с митрополитской кафедрой и сохранение великокняжеского стола за своим потомством путем безусловного исполнения всех требований Орды. При этом он довольно скеп-

⁹⁰ Vernadsky G. Op. cit. P. 68.

⁹¹ Fennel J. The Emergence of Moscow, 1304–1359. University of California Press, 1968.

⁹² Ibid. P. 195.

тически оценивает деятельность самого Ивана Калиты, поддерживая высказанное еще Н. М. Карамзиным мнение о решающей роли Орды в «возвышении Москвы». Стабилизацию политической ситуации в Северо-Восточной Руси в 30-е годы XIV в. Феннел объясняет новыми тенденциями в политике Орды, желанием хана Узбека превратить Московское княжество в «эффективный барьер на пути литовской экспансии»⁹³. Столь высокая оценка военно-политического потенциала Литвы в первой половине XIV в. перекликается с соответствующими высказываниями Вернадского.

Разумеется, «вторичность» многих положений Феннела не лишает их значения научных достижений. Историк приходит к ним самостоятельно, отталкиваясь от собственного анализа письменных источников и критической оценки историографии. Аналитические способности ученого блестяще проявляются и в описании им конкретных политических ситуаций, логики поведения исторических лиц.

В 1983 г. был опубликован новый труд Феннела по истории Древней Руси — «Кризис средневековой Руси. 1200–1304»⁹⁴. Эта работа позднее была переведена на русский язык и издана в Москве в 1989 г.⁹⁵ В предисловии к данному изданию, написанном А. Л. Хорошкевич и А. И. Плигузовым, названы как сильные, так и слабые его стороны. И если к первым издатели относят прежде всего тщательный анализ летописных текстов и созданное на его основе яркое изложение событий, то ко вторым — отсутствие целостной концепции социально-экономического развития Руси в XIII столетии, переоценку роли политического фактора, а также слабо аргументированную попытку «низвести с пьедестала» великого князя Александра Ярославича Невского. Ценность книги Феннела авторы вступительной статьи видят главным образом в том, что ее положения являются полезным ориентиром для новых исследователей⁹⁶.

Отношениям московских князей и церкви уделяется большое внимание в другой книге Дж. Феннела — «История Русской Церкви до 1448 г.»⁹⁷. Исследователь отмечает существенный рост политического значения митрополичьей кафедры в период ордынского ига, представляет митрополитов Петра и Феогноста как энергичных сторонников Москвы⁹⁸.

Американский историк Ч. Гальперин в своей книге «Россия и Золотая Орда», продолжая изыскания Вернадского, попытался выяснить,

⁹³ Ibidem.

⁹⁴ Fennel J. The Crisis of Medieval Russia. 1200–1304. London; New York: Longman, 1983.

⁹⁵ См.: Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989.

⁹⁶ См.: Хорошкевич А. Л., Плигузов А. И. Русь XIII столетия в книге Дж. Феннела // Феннел Дж. Указ. соч. С. 5–27.

⁹⁷ Fennel J. A History of the Russian Church to 1448. London; New York: Longman, 1995.

⁹⁸ Ibid. P. 135–140.

что представляла собой система ига, какие функции выполняли баскаки, даруги, послы и темники⁹⁹. Анализируя систему ордынской администрации на Руси, историк приходит к выводу о ее значительной изменчивости в соответствии со спецификой того или иного региона, политической конъюнктурой, а также переменами во внутреннем устройстве самой Орды. Гальперин отвергает как ничем не обоснованное предположение А. А. Зимина о том, что система баскачества в Северо-Восточной Руси была упразднена ханом Узбеком после тверского восстания 1327 г.¹⁰⁰ По его мнению, жившие на Руси баскаки были постепенно заменены в XIV в. даругами, чьи резиденции находились в степи или же в поволжских городах Орды.

Обращаясь к вопросу об отражении татаро-монгольского ига в общественной мысли средневековой Руси, Гальперин указывает на крайнюю сдержанность летописцев в трактовке этой темы. По мнению исследователя, книжники нарочито замалчивали факт завоевания Руси татарами и представляли отношения с ними в тех же выражениях, что и отношения со степняками в домонгольский период. Сообщая о нашествии Батыя и признавая господство татар над Русью, они отказывались видеть реальные причинно-следственные связи между этими событиями. Иго татар трактовалось ими исключительно в плане общехристианских представлений о «гневе Божиим». При этом, закрывая глаза на «мирские» причины господства чужеземцев, книжники неизбежно должны были отказаться и от описания «мирского» аспекта борьбы за независимость, перенося эту борьбу в область провиденциальной риторики или представляя ее в традиционной и для домонгольского периода форме кратких реляций о военных кампаниях против «поганных» степняков. Причины этой уникальной «идеологии умолчания» (the ideology of silence) Гальперин видит в особом статусе русских земель в составе Золотой Орды, в сохранении Русью прежних политических институтов и правящей династии¹⁰¹.

Те же идеи Ч. Гальперин развивает и в другой своей книге — «Татарское иго»¹⁰². Он обращает внимание на отвлеченный характер терминов,

⁹⁹ Halperin Ch. Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russia History. Bloomington: Indiana University Press, 1985. P. 34–43. Ч. Гальперин известен и как исследователь творчества Г. В. Вернадского, автор работы о его научном наследии (Halperin Ch. Russia and stepp: George Vernadsky and eurasianism // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Wiesbaden, 1985). Об этой работе см.: Культура и общество Древней Руси (X–XVII вв.) (Зарубежная историография: Реферативный сб. Ч. 1. М., 1988. С. 31–51. В том же реферативном сборнике содержится и краткое изложение основных положений книги Ч. Гальперина «Россия и Золотая Орда» (с. 209–222). Автор обоих рефератов О. А. Акимова).

¹⁰⁰ Halperin Ch. Russia and the Golden Horde. P. 38; Зимин А. А. Народные движения 20-х годов XIV века и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1952. Т. 9. № 1. С. 62–65.

¹⁰¹ Halperin Ch. Russia and the Golden Horde. P. 61–74.

¹⁰² Halperin Ch. The Tatar Yoke. Slavica Publishers Inc., 1985.

которыми пользуются русские книжники XIII–XIV вв. для характеристики ига. Анализируя содержание важнейших памятников русской общественной мысли той эпохи («Слова» Серапиона Владимирского, повести о событиях в Курском княжении, о гибели в Орде Михаила Тверского, о восстании в Твери в 1327 г.), Гальперин приходит к выводу об отсутствии в них сведений о «реальных политических отношениях между Русью и Золотой Ордой» и преобладании «традиции религиозной вражды по отношению к татарам»¹⁰³. Интересно наблюдение исследователя о соединении в источниках XIII–XIV вв. двух подходов к татарскому игу: абстрактно-принципиального, основанного на религиозной нетерпимости к «поганым», — и конкретно-прагматического, признающего необходимость сотрудничества «своего» князя с татарами во имя спасения христиан от истребления «нечестивыми». Полемический пафос работ Гальперина направлен главным образом на опровержение характерного для некоторых советских историков преувеличения размаха национально-освободительного движения на Руси в период ига.

Основательное исследование ранней истории Москвы принадлежит работавшему в эмиграции польскому историку Генрику Пашкевичу, автору книги «Начало Московской Державы»¹⁰⁴. Предвосхищая аналогичные взгляды А. А. Зимина, Пашкевич отвергает традиционные для русской историографии со времен Ключевского объяснения причин «возвышения Москвы» как несостоятельные. По его мнению, перемещению геополитического центра Владимиро-Суздальской Руси из ее восточных районов (Владимир, Городец, Кострома) в западные (Тверь, Москва) произошло не ранее начала XIV в. и было обусловлено прежде всего новым балансом сил, возникшим в ходе междукняжеской борьбы¹⁰⁵. Не последнюю роль сыграл элемент случайности, неожиданных династических ситуаций. Резкое усиление Москвы произошло лишь в 30-е годы XIV в., когда Иван Калита получил возможность перераспределять в свою пользу ордынскую дань, собираемую им в Северо-Восточной Руси и Новгороде. (Эта идея восходит к Карамзину, который также объяснял богатство Ивана Калиты его своекорыстными уловками при сборе податей в пользу Орды¹⁰⁶.) По мнению историка, хан Узбек сознательно допускал такое положение, при котором великий князь Владимирский мог завышать «ставки «выхода» с других территорий и занижать — со своей собственной. Именно эти финансовые возможности и делали великокняжеский титул столь привлекательным для князей, заставляли их идти на все для его получения.

Многочисленные ордынские погромы и междукняжеские войны первой четверти XIV в. подрывали экономику Северо-Восточной Руси,

¹⁰³ Halperin Ch. The Tatar Yoke. P. 92.

¹⁰⁴ Paszkiewicz H. The Rise of Moscow's Power. East European Monographs, Boulder distributed by Columbia University Press, New York, 1983.

¹⁰⁵ Ibid. P. 192–198.

¹⁰⁶ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. 5–8. Калуга, 1995. С. 151–152.

снижали ее платежеспособность. Осознав это, хан Узбек решил дать истощенным землям своего рода «мирную передышку». С этой целью Орда однозначно поддержала Ивана Калиту в качестве верховного правителя, предоставила ему широкие полномочия и значительную самостоятельность. Московский князь сумел в полной мере воспользоваться своей удачей. Он быстро разбогател за счет беспощадного ограбления переданных под его руку княжеств и земель. Это богатство (запечатленное и в его прозвище) стало стимулом для развития экономики и социальных отношений в Москве, позволило поднять ее военный потенциал¹⁰⁷.

Р. Пашкевич предлагает собственные, как правило, компромиссные решения дискуссионных проблем. Так, например, отмечая противоположность суждений относительно того, был ли Калита послушным орудием в руках хана (Дж. Феннел) или умело проводил собственную политику (Л. В. Черепнин), Пашкевич настаивает на третьем решении: «Здесь мы имеем дело с великим состязанием двух могучих характеров — Узбека и Калиты»¹⁰⁸. В споре о том, что преобладало в деятельности московских князей: «собрание власти» (А. Е. Пресняков) или «собрание земли» (М. К. Любавский), Пашкевич принимает обе точки зрения и утверждает, что Калита собирал и то и другое¹⁰⁹. Наконец, он подчеркивает, что не следует переоценивать достижений Ивана Калиты. Успехи его относительно краткого правления сводились главным образом к наполнению московской казны. Политическое первенство Москвы в Северо-Восточной Руси в середине XIV в. оставалось таким же зыбким, как и дрожащее пламя свечи, упомянутой в духовной грамоте Семена Гордого¹¹⁰.

Заметным явлением в изучении русской истории на Западе в 1980-е гг. стала опубликованная издательской группой «Longman» серия монографий «Longman History of Russia». В нее вошли труды Дм. Оболенского «Киевская Русь. 850–1240», Дж. Феннела «Кризис средневековой Руси. 1200–1304», а также «Образование Московии. 1304–1613» Р. Крамми¹¹¹. Последняя работа, несмотря на ее обзорный характер, представляет интерес для исследователей ранней Москвы. Автор предвзвешивает очерки политической истории обстоятельным описанием природных условий Московии, ее хозяйственного развития и социальной структуры. Примечательно критическое отношение к попытке Л. В. Черепнина показать успехи социально-экономического развития Руси в XIV–XV вв. как основу политической централизации¹¹². Вместе с тем Крамми отмечает значительное развитие внешней торговли через Новгород и по Волжскому пути. Говоря о причинах «возвышения Москвы», он замечает, что вопреки

¹⁰⁷ *Paszkiewicz H.* Op. cit. P. 239.

¹⁰⁸ *Ibid.* P. 234.

¹⁰⁹ *Ibid.* P. 241.

¹¹⁰ *Ibid.* P. 251.

¹¹¹ *Crummey R.* The Formation of Muscovy 1304–1613. London; New York: Longman, 1987.

¹¹² *Ibid.* P. 16.

традиционному мнению, «географический фактор» был столь же благоприятен для Твери, как и для Москвы. Победа Москвы объяснялась многими причинами, причем главным образом политического и психологического характера. «Мы должны также принять во внимание политический стиль и личные качества московских князей», — полагает ученый¹¹³.

Среди новейших трудов по Древней Руси следует отметить и книгу Дж. Мартин «Средневековая Русь. 980–1584»¹¹⁴. Несмотря на чрезвычайно широкие хронологические рамки, автор высказывает немало соображений исследовательского характера. Так, например, Мартин отвергает точку зрения Феннела о незначительности ущерба, нанесенного русским землям нашествием татар в 1237–1241 гг. Свидетельством обратного служит, по ее мнению, упадок каменного строительства в Северо-Восточной Руси и Новгороде во второй половине XIII в.¹¹⁵ Значительное место занимает в книге характеристика экономического развития Руси в XIII–XIV вв. и в особенности — внешней и внутренней торговли. По мнению автора, именно доходы от внешней торговли стали основой для возрождения страны после запустения, вызванного нашествием Батые и междоусобицами второй половины XIII в.

Обращаясь к политической истории ранней Москвы, Мартин прежде всего отмечает изменение принципов наследования великокняжеского стола в конце XIII — начале XIV в. Если раньше действовало правило первенства старшего брата, то после мятежа Ногая, расколовшего русских князей на два лагеря, традиционное право наследования было полностью вытеснено ханской милостью, позволявшей любому из влиятельных князей претендовать на великое княжение Владимирское. Новая ситуация открыла дорогу к верховной власти «второсортным» в генеалогическом отношении московским князьям. Династический фактор и далее играет важнейшую роль в рассуждениях автора. Не отрицая традиционно признанных в литературе причин «возвышения Москвы», исследовательница подчеркивает резко враждебное отношение многих князей к притязаниям Даниловичей, причиной которого названа все та же генеалогическая неполноценность потомков Даниила по сравнению с представителями других, более старших ветвей потомства Всеволода Большое Гнездо¹¹⁶.

Наряду с династическими счетами Дж. Мартин выдвигает на первый план и новгородский вопрос. По ее мнению, «отношения с Новгородом играли главную роль в исходе борьбы между тверскими и московскими князьями за контроль над великокняжеским престолом во Владимире»¹¹⁷.

Примечательно, что работы зарубежных авторов, выполненные в последние десятилетия, отмечены хорошим знакомством с отечествен-

¹¹³ *Crummey R.* The Formation of Muscovy 1304–1613. P. 36.

¹¹⁴ *Martin J.* Medieval Russia. 980–1584. Cambridge University Press, 1995.

¹¹⁵ *Ibid.* P. 165–166.

¹¹⁶ *Ibid.* P. 178–179.

¹¹⁷ *Ibid.* P. 182.

ной историографией, а также стремлением так или иначе осветить социально-экономические аспекты «возвышения Москвы». Вместе с тем для всех работ зарубежных авторов в большей или меньшей степени характерна слабая проработка источниковой базы. Даже в трудах такого выдающегося специалиста, как Дж. Феннел, ощущается определенная абсолютизация летописной информации, недостаток критического отношения к летописным текстам XV–XVI вв., повествующим о событиях конца XIII — первой половины XIV в. Наряду с этим заметно явное преобладание интереса к политической истории, генеалогии, идейным течениям и бедная проработка социально-экономических проблем. Ключевое для отечественной медиевистики понятие «феодальной раздробленности» и связанная с ним система отношений не вписываются в круг интересов исследователей. Данная тенденция объясняется как общей традицией западной историографии, так и состоянием источниковой базы по данному периоду русской истории.

Помимо названных работ, посвященных процессу формирования Московского государства в целом или его крупным этапам, существует и немалое количество сугубо конкретных исследований зарубежных авторов, имеющих отношение к интересующей нас проблеме. Отметим работы М. Чернявского¹¹⁸, Г. Ленхофф¹¹⁹, Д. Мартина¹²⁰, Д. Миллера¹²¹, Д. Островского¹²², Я. Пеленского¹²³, М. Рублева¹²⁴, Д. Роуланд¹²⁵, Д. Коллинз¹²⁶, Г. Купера¹²⁷, Д. Мийаваки¹²⁸.

¹¹⁸ Cherniavsky M. Khan or Basileus: an Aspect of Russian Medieval Political Theory // Journal of the History of Ideas. 1959. Vol. 20. P. 459–476.

¹¹⁹ Lenhoff G. «Canonization and Princely Power in Northeast Rus': The Cult of Leonty Rostovskij» // Die Welt der Slaven. 1992. Vol. 37. N F. 16.

¹²⁰ Martin J. «The Land of Darkness and the Golden Horde: The Fur Trade under the Mongols XIII–XIVth Centuries» // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1978. Vol. 19.

¹²¹ Miller D. Monumental Buildings as Indicator of Economic Trends in Northern Rus' in the Late Kievan and Mongol Periods. 1138–1462 // American Historical Review. (1980). Vol. 94.

¹²² Ostrowski D. Why did the Metropolitan Move from Kiev to Vladimir in the Thirteenth Century? // California Slavic Studies. 1993. XVI. Vol. 1.

¹²³ Pelenski J. The Contest between Lithuania-Rus' and the Golden Horde in the Fourteenth Century for Supremacy over Eastern Europe // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1982. Vol. 2.

¹²⁴ Roublev M. Le tribut aux Mongols d'après les Testaments et accords des Princes Russes // Cahiers du monde russe et soviétique. 1966. Vol. 7.

¹²⁵ Rowland D. Biblical Military Imagery in the political culture of Early Modern Russia // California Slavic Studies. 1994. XIX. Medieval Russian Culture. Vol. 2. University of California Press, 1994.

¹²⁶ Collins D. Early Russian Topoi of Deathbed and Testament // California Slavic Studies. XIX. Medieval Russian Culture. Vol. 2. University of California Press, 1994.

¹²⁷ Cooper H. The Bible in Rus': case Study // Canadian-American Slavic Studies. 1991. 25. N. 1–4.

¹²⁸ Miyawaki J. The Chinggisid Principle in Russia // Russian History Russe. 1992. Vol. 19. N. 1–4.

Подводя итог обзору отечественной и зарубежной литературы по проблеме «возвышения Москвы» и политике московских князей, уместно вспомнить уже упомянутое выше предисловие к книге Дж. Феннела «Кризис средневековой Руси. 1200–1304» (М., 1989), написанное А. Л. Хорошкевич и А. И. Плигузовым. Критический разбор труда известного английского историка заставил авторов сформулировать собственные представления о том, что же происходило на Руси в XIII в. и какие вопросы истории Руси этого периода требуют первоочередной разработки. Возражая Феннелу, авторы подчеркивают, что монголо-татарское нашествие было пагубно не тем, что оно окончательно разрушило старую систему внутридинастических отношений. Гораздо существеннее другое. «Система складывающегося или уже сложившегося вассалитета князей была подорвана в результате нашествия: с переносом апелляционного органа, принадлежавшего к компетенции верховной власти, за пределы Руси каждый князь получил право и возможность добиваться земель и трона самостоятельно, чем консервировалось состояние феодальной раздробленности»¹²⁹. По мнению авторов, уже в предмонгольский период «формирование вассальных отношений сопровождалось упорядочением княжеского хозяйства и фиксацией общегосударственных повинностей по поддержанию «служебной организации» князей, по строительной деятельности князей и благоустройству городов»¹³⁰. Основное содержание XIII века составлял не «кризис княжеской власти», а монголо-татарское нашествие, которое представляло собой «общерусскую катастрофу», на преодоление последствий которой стране потребовалось более столетия.

В конце своего критического очерка авторы называют ряд вопросов, которые, по их мнению, являются ключевыми для правильного понимания данного периода русской истории. «Речь идет о непроявленной логике самого процесса феодализации и о раздробленности как итоге первого этапа развития феодализма на Руси, об особой природе отношений русских княжеств с Ордой, об упущенной альтернативе полицентричного развития Руси, о роли отдельных институтов, в частности церкви, в формировании антиордынской коалиции, о времени создания и функционирования книжной исторической формулы «татарского ига»¹³¹.

Названные авторами направления исследований несомненно важны. Однако если говорить о «логике самого процесса феодализации», то применительно к концу XIII — первой половине XIV в. состояние источниковой базы не позволяет сказать что-нибудь существенно новое на сей счет. Характер отношений русских князей с Ордой, а также своеобразие отражения этих отношений в источниках — предмет исследований, выполненных в последние годы В. А. Кучкиным, А. Л. Хорош-

¹²⁹ Хорошкевич А. Л., Плигузов А. И. Указ. соч. С. 16.

¹³⁰ Там же. С. 16–17.

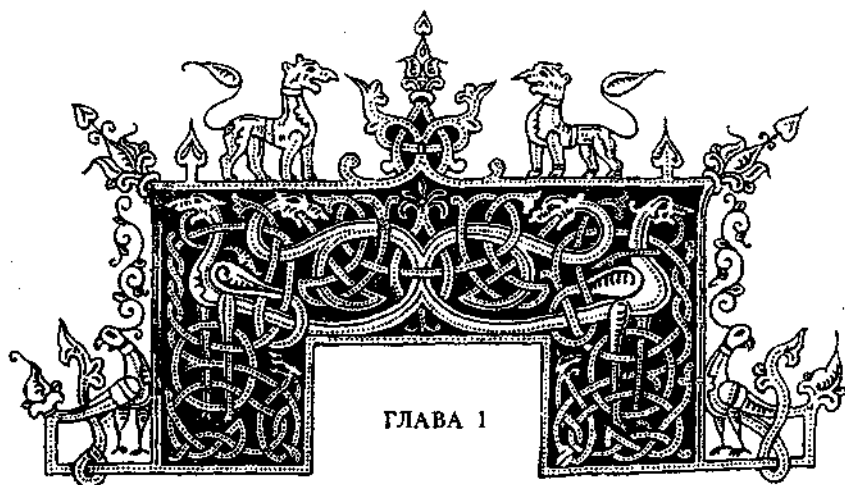
¹³¹ Там же. С. 27.

кевич, Ч. Гальпериним и др. Что касается «упущенной альтернативы полицентричного развития Руси», то, если понимать эту довольно туманную формулировку как призыв к изучению истории различных феодальных центров той эпохи (например, Твери), здесь также дело не стоит на месте, о чем свидетельствуют хотя бы названные выше работы Э. Клюга и С. Смолик. Если же понимать под «упущенной альтернативой» типологически иной путь развития государственности на Руси, — то и здесь нашла свое место в литературе оригинальная, хотя и весьма спорная концепция А. А. Зимина, изложенная им в книге «Витязь на распутье» (М., 1991).

Однако помимо названных А. Л. Хорошкевич и А. И. Плигузовым перспективных направлений поиска существуют и иные. Так, например, в последние годы явственно обозначилось стремление исследователей к более тщательной проработке политической истории XIII–XIV вв., а также к углубленному прочтению традиционных письменных источников путем осмысления тех или иных фактов, идей и книжных формул в контексте религиозного мировоззрения и библейской лексики русского Средневековья. В этой связи необходимо отметить исследования И. Н. Данилевского¹³², а также работу Я. Н. Шапова о религиозно-политических концепциях, существовавших на Руси в XI–XIV вв.¹³³ Важную роль играет сегодня и свободный доступ отечественных исследователей к трудам зарубежных коллег, сильные и слабые стороны которых становятся хорошим стимулом для совершенствования собственных трудов. Именно эти стремления и эти стимулы определили характер и основные цели нашего труда.

¹³² См.: Данилевский И. Н. Библиеизм Повести временных лет // Герменевтики древнерусской литературы X–XVI вв. М., 1992. Сб. 3. С. 75–103; Он же. Библия и Повесть временных лет (к проблеме интерпретации летописных текстов) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 78–93.

¹³³ См.: Шапов Я. Н. Политические концепции о месте страны в мире и общественной мысли Руси XI–XIV вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1987 год. М., 1989. С. 159–166; Он же. Религиозное осмысление социальной и политической действительности в древнерусских летописях // Церковь в истории России. Сб. 2. М., 1998. С. 5–26.

ПОЛИТИКА КНЯЗЯ ДАНИИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА МОСКОВСКОГО (1282–1303)

снователь московской династии князь Даниил Александрович родился в 1261 г. и был младшим сыном Александра Невского. Точная дата его появления на свет неизвестна, но можно думать, что случилось это в самом начале зимы. Преподобный Даниил Столпник, в честь которого он получил свое имя, по старым месяцесловам праздновался 11 декабря.

В ноябре 1263 г., когда умер его отец, Даниилу не исполнилось и двух лет. Согласно завещанию отца он получил весьма скромный удел — основанную Юрием Долгоруким Москву с прилегающими к ней землями.

В силу ряда причин Москва до второй половины XIII в., по-видимому, ни разу не была центром самостоятельного княжества¹. Главной из этих причин следует признать нежелание великих князей Владимирских выпускать из-под своего непосредственного контроля город-крепость, игравший ключевую роль в системе обороны западных и юго-западных рубежей Владимиро-Суздальской земли. В случае наступательных действий владимирских князей на этих направлениях Москва являлась важнейшей «точкой опоры», своего рода форпостом.

Об особом военно-стратегическом значении Москвы, ее исключительной обороноспособности свидетельствует и относительно

¹ Кучкин В. А. Москва в XII — первой половине XIII века // Отечественная история. 1966. № 1. С. 11–12; Он же. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 117–119.

длительная (пять дней!) осада города всей армией Батые в начале 1238 г.²

Разгром Москвы Батыем, а главное — изменение всей традиционной системы междукняжеских отношений в русских землях в результате установления ордынского ига привели к упадку военного значения города. Прежние военные заботы владимирских князей — мечты о Киеве, войны с черниговскими Ольговичами и смоленскими Ростиславичами, походы на непокорную Рязань — теряют свою актуальность. И если раньше геополитическая доминанта пролегла в направлении с юго-запада на северо-восток, то теперь она, словно стрелка компаса, указывала с юго-востока на северо-запад. Владимирские князья проводили свое время между Новгородом и Ордой. Разоренные татарами киевские и черниговские земли почти исчезают из их поля зрения. Замыкается в себе и живет какой-то непонятной, полустепной жизнью пограничная Рязань. В этих условиях Москве уже не от кого защищаться и не на кого копить войска. Потеряв значение военного форпоста, она вместе с ним теряет и свое население, свой экономический потенциал. Торговые пути также меняют свое направление, причем не в ее пользу.

Спасти город от полного запустения можно было лишь превратив его в удельный центр. Именно это и решил сделать Александр Невский, наделив Москвой своего малолетнего сына Даниила. Вероятно, сам Александр предложил брату Ярославу, будущему великому князю Владимирскому, придержать за собой Москву до совершеннолетия Даниила. В этом был свой резон. Смещение политического центра Черниговской земли далеко на северо-восток, в Брянск, заставляло принять меры, исключавшие захват Москвы кем-либо из потомков Михаила Всеволодовича Черниговского.

Удел Даниила, Москву, Ярослав поручил своим наместникам. Лишь через семь лет, с кончиной Ярослава, его тиуны были отозваны и управление городом, вероятно, перешло к доверенным лицам Даниила. Сообщая о кончине Даниила в 6811 (1303) г., Супрасльская летопись дает загадочное пояснение: «а княжив 11 лет»³. Очевидно, вместо 11 (ai) в протографе летописи значилось «м», то есть 40. В таком случае Даниил начал княжить в 1263 г., то есть после кончины Александра

² См.: Горский А. Д. К вопросу об обороне Москвы в 1238 г. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 182. Наблюдения А. Д. Горского хорошо согласуются с мнением С. Ф. Платонова об особом военно-стратегическом значении Москвы. Полемицируя с И. Е. Забелиным, Платонов отмечал, что «торговое значение Москвы в первую пору ее существования не выясняется текстом летописей. Если вдуматься в известия летописей о Москве до половины XIII века (даже и позже), то ясно становится не торговая, а погранично-военная роль Москвы, если только можно так выразиться. Нет сомнения, что Москва была самым южным укрепленным пунктом Суздальско-Владимирского княжества» (Платонов С. Ф. Статьи по русской истории (1883–1912). Изд. 2-е. Спб., 1912. С. 81).

³ ПСРЛ. Т. 17. Спб., 1907. С. 27.

Ярославича. Впрочем, не исключено, что и позднее, в 1270-е годы, Москва находилась под контролем великих князей Владимирских, а с 1272 по 1277 г. — Василия Ярославича.

С приходом на великое княжение Владимирское следующего поколения Рюриковичей — старших сыновей Александра Невского Дмитрия и Андрея — Даниил получает полную самостоятельность, но еще не скоро становится заметной для летописца фигурой. Поначалу его почти полностью заслоняют старшие братья.

Князь Дмитрий Александрович Переяславский занимал великое княжение Владимирское с 1277 г. Первое время он правил спокойно и уверенно, энергично занимаясь укреплением своих позиций в новгородских землях. Любовь к Новгороду, унаследованная Дмитрием от отца, была отнюдь не бескорыстной. Именно здесь, в торговых городах северо-запада, искали источников пополнения своих доходов вечно нуждавшиеся в деньгах северо-восточные князья. Много вожделенной добычи приносил и удачный набег на богатые немецкие и шведские земли.

Увлечшись новгородскими предприятиями, Дмитрий ослабил внимание к делам Северо-Восточной Руси. А между тем здесь назревали драматические события. Родной брат Дмитрия Александровича Андрей в 1281 г. решил при помощи татар завладеть великим княжением Владимирским.

Дмитрий Александрович бежал от нашествия татар в Новгородскую землю, а потом и дальше, в Швецию. Однако уже в 1282 г. он вернулся в Северо-Восточную Русь. Пользуясь отсутствием Андрея, отправившегося в Волжскую Орду, Дмитрий попытался захватить Торжок и тем самым оказать давление на Новгород. Его конечной целью был возврат новгородского княжения, перешедшего к Андрею. Однако новгородцы сохранили верность Андрею и решительно выступили на защиту Торжка. Их войско двинулось навстречу наступавшему от Переяславля войску Дмитрия. К новгородцам присоединилась тверская рать под началом князя Святослава Ярославича и московский князь Даниил со своей дружиной⁴.

Между тем Дмитрий уже дошел до Дмитрова. Здесь его войско остановилось, узнав о приближении неприятеля. Однако до битвы дело не дошло: проведя пять дней в переговорах, стороны заключили мир и разъехались по домам. Эти события весьма лаконично освещает Новгородская 1 летопись: «В лето 6791. Идоша новгородци на Дмитриа к Переяславу, и Святослав со тферици, и Данило Олександрович

⁴ НЛ. С. 325. Примечательно, что князь Дмитрий Александрович расположился с войском в Дмитрове. По-видимому, он считал этот город своим после кончины в 1280 г. местного князя Давыда Константиновича. Участие Даниила в этой войне, возможно, объяснялось его стремлением не допустить утверждения Дмитрия Александровича в Дмитрове. (см.: Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. № 1. С. 97).

с москвичи; Дмитрию же изиде противу пльком со всею силою своею и ста в Дмитрове. Новгородци стаща, не дошед Дмитрова 5-ю верьст, и стояща 5 днии близ себе съсылающеся послы; и створиша мир на всеи воле новгородчкои, и отъидоша»⁵.

Можно лишь догадываться о причинах, заставивших Даниила Московского присоединиться к войне против старшего брата. Однако очевидно, что в этом конфликте обе стороны были настроены достаточно миролюбиво.

Князю Дмитрию Александровичу нужны были союзники для борьбы с Андреем Городецким на Руси и влиятельные покровители — в степях. В 1283–1284 гг. он совершил поездку к могущественному темнику Ногаю, чья власть распространялась на территорию между Днепром и нижним Дунаем. Соперничавший с правителями Волжской Орды Ногай взял Дмитрия под свою защиту. В результате Андрей Городецкий вынужден был признать права Дмитрия на великое княжение Владимирское и отказаться на время от прямой конфронтации с ним. Однако соперничество братьев подспудно продолжалось. Активность Андрея Городецкого зависела от соотношения сил в степях. Кроме того, оба брата создали собственные коалиции, разделившие русских князей на два противостоящих лагеря. Даниил Московский и Михаил Ярославич Тверской приняли сторону Дмитрия Александровича. К этой группе поначалу склонялся и Дмитрий Борисович Ростовский. Андрея Городецкого поддерживали Константин Борисович Ростовский и Федор Ростиславич Черный.

В период между 1282 и 1293 гг. Даниил Московский лишь изредка появляется на страницах летописей. Он то действует в союзе с молодым тверским князем Михаилом Ярославичем, то, напротив, помогает своим братьям в борьбе с ним. Отрывочность сведений позволяет понять лишь то, что Даниил вел достаточно осторожную политику и не допускал разорения своего удела неприятелем.

В 1293 г. произошла новая вспышка вражды. Андрей Городецкий и его союзники обратились к хану Волжской Орды Тохте с жалобами на Дмитрия Александровича. Результатом этой акции стал карательный поход на земли тех князей, которые придерживались «ногайской» ориентации. Руководить экспедицией Тохта поручил своему брату Дюденю. Наиболее достоверно рассказывает об этом Симеоновская летопись: «В лето 6801 бысть в Русской земли Дюденева рать на великаго князя Дмитрея Александровича, и взяша столный град славный Володимерь и Суждаль, и Муром, Юрьев, Переяславль, Коломну, Москву, Можаяск, Волок, Дмитров, Угличе поле, а всех городов взяша

⁵ НЛ. С. 325. НЛ и восходящие к ней летописи датируют эту войну 6791 г. Однако показания московских летописей дают основание относить ее к 6790, то есть 1282 г. (ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949. С. 154; Кучкин В. А. Первый московский князь... С. 95; Феннел Д. Кризис средневеково-вой Русь. 1200–1304. М., 1989. С. 192).

татарове 14. Скажем же, какво зло учинися в Русской земле. Поиде бо из Орды ратью с татары князь Андрея и князь Федор Ростиславич на князя великаго Дмитрея Александровича, на брата своего старейшаго, а князь великий Дмитрей тогда был в Переяславли. Слышавше же горожане переяславци рать татарскую, разбегошася разно люди черныя и все волости переяславьскыя. После же и сам князь великий Дмитрей и з своею дружиною побеже к Волоку, и оттоле к Пскову. И тако замятеса вся земля Суждалская. Рать же татарская с князем Андреем и Феодором, пришедше в Суждаль, и град весь взяша, также и Володимерь взяша и церкви пограбиша, и дно чудное медяное выдраща, и книги, и иконы, и кресты честныя, и сосуды священныя, и всяко узорочие пограбиша, а села и волости, и погосты, и монастыри повоеваша, и мнишьскому чину поругашася, попадьи жены оскверниша. Тако потом взяша Юрьев, и села, и люди, и кони, и скоты, и имение то все пограбиша. Таче же по сем придоша к Переяславлю и стояли у города много дней, понеже людеи несть, выбегли ис Переяславля, и придоша к Москве, и московскаго Данила оболестиша, и тако въехаша в Москву, и сътвориша также, якоже и Суждалю и Володимерю, и прочим городом, и взяша Москву всю и волости, и села»⁶.

Как «оболестили», то есть обманули, татары московского князя Даниила Александровича, неизвестно. Летописец, как всегда, излагает следствия, но не стремится раскрыть причины. Такой подход соответствовал христианскому взгляду на мир, согласно которому все происходит по воле Божией. Уразуметь ее не дано простым смертным. Нашествие иноплемеников и другие «казни Божии» наказывают людей за грехи и заставляют вернуться на путь истинный. «Промысел Божий неведом и непостижим, и помыслы наши, и деяния, и будущее известны одному только Ему, — учил один из отцов Церкви святой Иоанн Дамаскин. — Говорю же я обо всем том, что не находится в нашей власти; ибо то, что находится в нашей власти, есть дело не Промысла, но нашей свободной воли»⁷.

Таинственный механизм осуществления Промысла является сокровенной темой летописей. Он представлен летописцем в чистом виде, без отвлечений на несущественные с этой точки зрения подробности и без неуместных в данном случае авторских комментариев. В этом отношении летопись подобна иконе, где представлено не столько само событие, сколько его вневременное общечеловеческое значение.

Не опускаясь до рассуждений о земных причинах «Дюденевой рати» и не вдаваясь в подробности нашествия, летописец сообщает лишь, что от Москвы татары и их русские подручники направились к Твери. Город был переполнен беженцами из подвергшихся нашествию земель.

⁶ ПСРЛ. Т. 18. Спб., 1913. С. 82.

⁷ Творения иже во святых отца нашего Иоанна Дамаскина. Точное изложение православной веры. М.; Ростов н./Д., 1992. С. 112.

Тверичи во главе со своим молодым князем Михаилом Ярославичем приготовились к борьбе с неприятелем. На помощь Михаилу, по мнению некоторых исследователей, был прислан от Ногай татарский отряд, которым командовал «царь татарский... Токтомерь»⁸. Узнав об этом, каратели Дюдены повернули назад, ограничившись разграблением Волоколамска и его окрестностей.

Разгром Северо-Восточной Руси «Дюденовой ратью» в 1293 г. современники называли новым Батыевым нашествием. Князь Дмитрий Александрович во время нашествия со своей дружиной бежал во Псков. Там находили убежище многие князья-изгнанники того времени. В случае крайней опасности из Пскова всегда можно было уйти дальше — в Литву или Швецию.

После ухода «Дюденовой рати» князь Дмитрий решил перебраться из Пскова в Тверь. Однако по дороге, где-то у Торжка, его перехватил брат Андрей с дружиной. В короткой, но жестокой схватке Андрей разгромил отряд Дмитрия, захватил его казну и «вьючный товар». Сам князь едва успел уйти от погони и плена, переправившись на другой берег Тверцы.

Некоторое время спустя между братьями был заключен мир, по условиям которого Дмитрий получал право вернуться в Переяславль-Залесский. Возможно, Дмитрий сохранил и титул великого князя Владимирского⁹. Однако добраться туда он уже не успел. Потрясенный всем случившимся, ограбленный и униженный родным братом, старший сын Александра Невского умер где-то в дороге, близ Волоколамска, в возрасте около 43 лет. Перед кончиной он по примеру отца принял монашеский постриг. Его тело было предано земле в Переяславле-Залесском.

Князь Андрей Александрович в 1294 г. окончательно утвердился на великом княжении Владимирском. Однако княжеская Русь по-прежнему делилась на два враждебных лагеря. В одном — новый великий князь Владимирский Андрей Александрович и его соратники, князья Федор Черный и Константин Борисович Ростовский; в другом — сын умершего Дмитрия Александровича Иван Переяславский и его доброты Михаил Ярославич Тверской и Даниил Александрович Московский. Военная сила этой переяславско-московско-тверской

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Л., 1926. Стб. 483; Т. 18. С. 83; Горский А. А. Политическая борьба на Руси в конце XIII века и отношения с Ордой. // Отечественная история. 1996. № 3. С. 81. По мнению Д. Феннела, отряд Токтомеря был прислан из Волжской Орды для поддержки Андрея Александровича (см.: Феннел Д. Указ. соч. С. 195–196). Следует отметить, что деление русских князей на сторонников Тохты и сторонников Ногай, а также все основанные на этой схеме толкования событий — не более чем устойчивая гипотеза, не имеющая прямых подтверждений в источниках. На слабые места этой гипотезы указывает Э. Клюг, по мнению которого «сомнительно... что Михаил Ярославич вообще когда-либо ориентировался на Ногай» (Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 79).
⁹ См.: Горский А. А. Указ. соч. С. 82.

коалиции была столь велика, что Андрей Александрович не смог одолеть ее в открытом бою, когда в 1296 году вспыхнул спор за Переяславль-Залесский. Правовой статус этого города был не вполне ясен. Андрей Александрович, по-видимому, полагал, что переяславскими землями прежние правители управляли именно как великие князья. Исходя из этого, он считал себя вправе претендовать на управление ими. Впрочем, Андрей мог претендовать на Переяславль и как брат прежнего владельца, Дмитрия. Князь Иван Переяславский, напротив, считал, что его отец, дед и прадед владели городом и землей как своим уделом и теперь все права собственника переходят по прямой линии, то есть принадлежат ему. Не имея возможности в одиночку бороться с великим князем Андреем, Иван Переяславский искал дружбы тверского и московского князей. Они решительно приняли его сторону. Показав великому князю свою готовность сражаться за интересы Ивана Переяславского, они вслед за этим явились к Андрею во Владимир для переговоров. Там, на княжеском съезде зимой 1296/97 г., великий князь отступился от своих притязаний на Переяславль¹⁰. Однако параллельно с этим он добился от своих соперников некоторых существенных уступок. Главная из них состояла, по-видимому, в том, что князь Даниил Московский вернул Андрею новгородский стол, который он занял осенью 1296 г. по приглашению новгородцев. Эта история заслуживает особого внимания, так как в ней можно разглядеть некоторые черты Даниила Московского как политика.

По традиции новгородцы принимали у себя на княжении либо самого великого князя Владимирского, либо кого-то из его сыновей. Задача князя в Новгороде состояла, прежде всего, в обороне границ и организации удачных походов на чужую территорию. В 1290-е гг. шведы развернули наступление в Карелии. Они учли, что князья Северо-Восточной Руси были заняты в это время своими собственными распрями и не могли оказать новгородцам быстрой и энергичной помощи. В 1293 г. шведы построили мощную крепость Выборг — плацдарм для наступления на Карельском перешейке. Новгородцы на другой год попытались взять Выборг, но потерпели неудачу. В 1295 г. шведы захватили город Корелу на северо-западном берегу Ладожского озера. Над балтийской торговлей Новгорода нависла смертельная угроза¹¹.

Между тем великий князь Владимирский Андрей Александрович был слишком занят своими отношениями с татарами и враждебно наст-

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 484; Т. 18. С. 83; Горский А. А. Указ. соч. С. 84. Как справедливо отметил Д. Фениел, русские князья в этот период явно избегали военных столкновений между собой и стремились решать спорные вопросы путем переговоров (см.: Фениел Д. Указ. соч. С. 197). Пагубность военных конфликтов была очевидна для всех. Однако приход татарского отряда делал кровопролитие и погром почти неизбежными.

¹¹ См.: Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978. С. 230.

роенными русскими князьями. Ему было не до Новгорода. И Новгород решил отказаться от его услуг, пригласив на княжение другого сына Александра Невского — 35-летнего Даниила Московского. Этот выбор новгородцев свидетельствует о том, что репутация Даниила как воина и дипломата была высокой. В сущности, ему предлагали сыграть роль великого князя Владимирского.

Однако московский князь не менее, чем его старший брат, был озабочен проблемами Северо-Восточной Руси. Он отправил в Новгород как знак своего присутствия малолетнего сына Ивана¹². А через несколько месяцев, на владимирском съезде зимой 1296/97 г. Даниил использовал свое новгородское княжение как предмет торга со старшим братом. Можно думать, что именно уступкой Новгорода, а вместе с ним и притязаний на великокняжеский стол Даниил сумел добиться согласия Андрея на сохранение Переяславля за князем Иваном Дмитриевичем. Если так, то это был блестящий политический ход Даниила. И если еще недавно переяславский князь считал своим главным заступником Михаила Ярославича Тверского и, отправляясь в Орду, поручал ему «блюсти отчины своее», то теперь таковым стал для него Даниил Московский. Отныне Иван Дмитриевич «любяше паче вних» своего московского дядю¹³. Эта симпатия стоила многого. Пять лет спустя бездетный Иван Переяславский, умирая, завещал свое княжество Даниилу¹⁴.

Михаил Тверской старательно защищал вотчину Ивана Переяславского, не останавливаясь даже перед войной с Андреем Городецким за Переяславль¹⁵. Однако за столом переговоров Михаил, по-видимому, оказался слабее, чем на поле брани. На княжеском съезде во Владимире

¹² Новгородские летописи не сообщают о пребывании Даниила на новгородском столе в 1296 г. Очевидно, это объясняется утратой соответствующих листов в Синодальном списке НЛ, который служил главным источником для составителя Комиссионного списка той же летописи. Дополнительный источник, на основе которого составитель Комиссионного списка восполнял утраты Синодального, не имел той полноты сведений о новгородских делах, какую имел Синодальный. Поэтому в нем отсутствовало и сообщение о кратковременном княжении в Новгороде Даниила Александровича (см.: Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской 1 летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 154–181).

¹³ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 484; Т. 18. С. 85. Как справедливо отмечает Д. Феннел, «Ивану было достаточно поддержки Даниила Московского, чтобы сохранить власть в Переяславле вопреки противодействию со стороны Андрея и, возможно, также Михаила. Это указывает на быстрый рост влияния московского князя» (Феннел Д. Указ. соч. С. 197).

¹⁴ Сомнения некоторых историков относительно достоверности данной информации кажутся нам необоснованными (см.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 128–129). Это известие, по-видимому, содержалось уже в общерусском Своде 1408 г. (см.: Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 350).

¹⁵ ПСРЛ. Т. 18. С. 84.

зимой 1296/97 г. более опытный Даниил Московский «переиграл» тверского князя по части дипломатии и занял его место главного покровителя Ивана Переяславского.

Отсюда, с владимирского съезда зимой 1296/97 г., берет свое начало враждебное отношение Михаила Тверского к Ивану Переяславскому, вылившееся в 1300 г. в открытый конфликт¹⁶. Тогда же началось и охлаждение отношений между Михаилом Тверским и Даниилом Московским. И все же то, что Даниил приобрел, стоило того, чем ему пришлось пожертвовать.

Отношения Даниила с татарами, судя по всему, были весьма осторожными. Некоторые исследователи полагают, что на владимирском съезде зимой 1296/97 г. произошло признание князьями «ногайской» ориентации сюзеренитета правителя Волжской Орды, хана Тохты¹⁷. Развивая эту убедительную гипотезу, можно предположить, что инициатором этого благоразумного и дальновидного шага был Даниил Московский. В отличие от Михаила Тверского и Ивана Переяславского он никогда не имел личных контактов с Ногаем и, насколько известно, не пользовался его военной поддержкой.

Характеризуя тенденции политической жизни Северо-Восточной Руси в последние два десятилетия XIII в. и первые годы XIV в., можно заметить, что в московско-тверском военно-политическом тандеме, задуманном еще Ярославом Ярославичем Тверским, происходит постепенная смена лидеров. Если поначалу им был, несомненно, тверской князь (до середины 80-х гг. XIII в. — Святослав Ярославич, затем — юный Михаил Ярославич), то с середины 90-х гг. эта роль переходит к Даниилу Московскому¹⁸. Одной из причин этой перемены был рост Московского княжества. В самом начале 90-х годов XIII в. (не позднее 1293 г.) Даниил включил в состав своих владений Можайск¹⁹. Вскоре настала очередь Коломны. Ее захват явился результатом сложной политической игры, в которой Даниил использовал самые различные средства для достижения поставленной цели.

В 1300 или 1301 г. Даниил с войском вторгся в рязанские земли и захватил в плен местного князя Константина Романовича. Вот что сообщает об этом Лаврентьевская летопись: «Того же лета (6809) в

¹⁶ Там же. С. 85; Фенел Д. Указ. соч. С. 197.

¹⁷ См.: Горский А. А. Указ. соч. С. 84.

¹⁸ В грамоте к новгородцам, написанной около 1296 г., Михаил Тверской называет Даниила своим «старшим братом» (ГВНП. № 4–5; Пресняков А. Е. Образование Великолукского государства. Пг., 1918. С. 88. Прим. 3; Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 150–151).

¹⁹ См.: Горский А. А. Указ. соч. С. 80–81. По мнению К. А. Аверьянова, переход Можайских земель под власть Москвы был поэтапным. Сам город Можайск Даниил получил около 1298 г. в результате женитьбы его сына Ивана на Елене, дочери князя Александра Глебовича (из рода чернигово-брянских князей), под властью которого находились тогда эти территории (см.: Аверьянов К. А. Московское княжество Ивана Калиты. Присоединение Коломны. Приобретение Можайска. М., 1994. С. 34–37).

осенине Данило князь Московьский приходил на Рязань ратью и билися у Переяславля. И Данило одолел. Много и татар избито бысть. И князя рязаньского Костянтина некакою хитростью ял и приведе на Москву»²⁰.

Учитывая близость данного события ко времени составления Свода 1305 г., содержащегося в Лаврентьевской летописи, трудно усомниться в его достоверности. В Троицкой летописи согласно выписке Н. М. Карамзина под 1300 г. читалось весьма сходное известие: «Тое же осени князь Данило Московский приходил ратью на Рязань, и билися у города у Переяславля, и князь Данила Московский измогль и много татары избиль, и князя Константина Рязанскаго некакою хитростью яль и приведе к себе на Москву»²¹. Так возникает первая проблема, связанная с рязанским походом Даниила: его датировка 1300 или 1301 г.

Н. М. Карамзин, принимая датировку Троицкой летописи (1300 г.), так оценил победу Даниила над татарами: «... смелость удивительная и не имевшая никаких следствий»²².

Любопытно проследить судьбу этого известия в позднейшем летописании. Тверская обработка Свода 1408 г. (Рогожский летописец, Тверской сборник) имеет пропуск погодных статей с 6808 по 6813 г. Симеоновская летопись, весьма близкая к Троицкой, вместо слов «и много татары избил» содержит иное — «и много бояр избил»²³. В остальном — тот же текст, что и в Троицкой, но под 6909 г. Другая летопись XVI в., близкая к Троицкой и хорошо сохранившая московскую традицию XIV в., — Владимирский летописец. Здесь известие о рязанском походе Даниила помещено под 6809 г. и выглядит так: «Тое же осени князь Данило Московский ходил ратью на Рязань, и поможе Бог князю Данилу и много татар избил, а князя Костянтина Рязаньска поимал и приведе его на Москву»²⁴.

Какое-либо упоминание о рязанском походе Даниила отсутствует в Новгородской 1 летописи, в летописях, наиболее близких к общерусскому Своду 1448 г. (Софийская 1 и Новгородская 4), а также в летописях, восходящих к ростовскому летописанию XV в.²⁵

Весьма близкое к Троицкой летописи изложение данного сюжета встречаем в Воскресенской, где сообщается, что Даниил «много татар избил»²⁶.

Некоторые уникальные подробности этой акции Даниила сообщает Никоновская летопись. «Того же лета князь Данило Александрович Московьский приходил ратью на Рязань, и бишася у града у Переславля

²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 486.

²¹ Приселков М. Д. Указ. соч. С. 350.

²² Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. 1–4. Калуга, 1993. С. 477.

²³ ПСРЛ. Т. 18. С. 85.

²⁴ ПСРЛ. Т. 25. М., 1965. С. 100.

²⁵ ПСРЛ. Т. 5. Спб., 1851. С. 203; Т. 39. М., 1994. С. 96; Т. 4. Вып. 1. Пг., 1915. С. 251–252; Там же. Т. 1. Вып. 3. Л., 1928. Стб. 528.

²⁶ ПСРЛ. Т. 7. Спб., 1856. С. 183.

и князь великы Данило Александрович Московский одоле, и много бояр и людей избил, а князя их Констянтина Романовича Рязанского некою хитростию ял, крамолюю их же бояр рязанских, и приведе его с собою на Москву, и дрѣжа его у себя в нятьи, но в брежении и в чести всяцей, хотяше бо ся с ним укрепити крестным целованием и отпустить его в его отчину на великое княженне Рязанское»²⁷.

Сообщение Никоновской летописи увеличивает количество вопросов, связанных с рязанским походом Даниила, до трех. Первый — датировка похода. Второй — кого «избил» московский князь, «татар» или «бояр»? Третий — с какой целью Даниил держал в плену Константина Рязанского и достоверен ли пассаж Никоновской летописи о «чести», оказанной пленному князю в Москве?

По первому вопросу за 1300 г. высказываются Д. Фениел, В. А. Кучкин и А. А. Горский, за 1301 — А. Е. Пресняков, Л. В. Черепнин и А. Г. Кузьмин²⁸. Датировка рязанского похода 1301 г. представляется более убедительной. Эту дату содержит древнейший источник — Лаврентьевская летопись. Кроме того, в 1301 г. великий князь Андрей Александрович в конце мая штурмовал шведскую крепость Венец близ устья Невы, а летом находился в Новгороде. Туда же отправился и Михаил Тверской. Великий князь предполагал вскоре отправиться в Орду и потому нуждался в новгородском «серебре». Скорее всего, он пробыл в Новгороде и лето и осень 1301 г. В его отсутствие Даниил Московский мог заняться рязанскими делами, не опасаясь удара в спину.

По второму вопросу — едва ли можно усомниться в чтении Лаврентьевской летописи. Даниил «избил» в рязанской земле именно «татар». Действительно, «избиение» (то есть казнь, уничтожение) рязанских бояр было бы по меньшей мере странным поступком. Бояр можно было переманить на московскую службу, или взять как заложников, или, наконец, отпустить за выкуп. К тому же Даниил, если верить дополнениям Никоновской летописи, не хотел озлоблять против себя рязанскую знать. Иное дело — «избиение» татар. Уместно вспомнить, что незадолго до рязанского похода Даниила, в 1299–1300 гг., хан Тохта одержал решающую победу над своим соперником Ногаем. Вероятно, рязанские татары были каким-то образом связаны с побежденным Ногаем. Их истребление не могло вызвать гнева Тохты, который использовал русских воинов для войны с Ногаем.

²⁷ ПСРЛ. Т. 10. Спб., 1885. С. 173. В «Истории» В. Н. Татищева воспроизводится известие Никоновской летописи, однако в испорченном виде: вместо «хотяше... отпустить» сказано «отпусти» (см.: Татищев В. Н. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5–6. М., 1996. С. 68).

²⁸ См.: Фениел Д. Указ. соч. С. 201; Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович... С. 102; Горский А. А. Указ. соч. С. 4; Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 230; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 459; Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. М., 1965. С. 196.

Истребление татар Даниилом Московским не случайно отмечено составителем Свода 1305 г. По наблюдению М. Д. Приселкова, «тверское великокняжеское летописание велось в ту пору в уклоне безусловного подчинения татарской воле»²⁹. С этой точки зрения действия Даниила против татар — факт, заслуживающий осуждения. Трудно назвать комплиментом Даниилу и замечание о том, что он захватил князя Константина Рязанского «некакою хитростью». Заказчик Свода 1305 г. тверской князь Михаил Ярославич имел весьма сложные отношения с Даниилом Московским, умершим в 1303 г. Воспоминания о совместных походах и победах перемежались со свежими обидами. Очевидно, характер этих отношений предопределил и холодноватый, однако не враждебный тон сообщений о действиях Даниила в Своде 1305 г.

Известие о победе Даниила над татарами из Свода 1305 г. перекочевало в Лаврентьевскую летопись (1377), составленную в Нижнем Новгороде в период обострения отношений с Ордой. Сохранилось оно и в отмеченной идеями патриотизма Троицкой летописи. Превращение «татар» в «бояр», скорее всего, объясняется ошибкой составителя Симеоновской летописи, откуда данное чтение позаимствовал и несколько расширил («...и людей») составитель Никоновской летописи.

Третий вопрос, касающийся летописных известий о рязанском походе Даниила, связан с пребыванием Константина Рязанского в Москве. Добавление Никоновской летописи о «чести», оказавшей пленному князю в Москве, Б. М. Клосс склонен объяснять общим дружелюбным тоном этой летописи по отношению к Рязани³⁰. А. Г. Кузьмин объясняет этот фрагмент как пассаж, направленный против князя Юрия Московского, по приказанию которого Константин Рязанский был убит в тюрьме несколько лет спустя³¹. Но откуда и зачем мог взять этот «анти-юрьевский» пассаж составитель Никоновской летописи — остается непонятным. Возможно, речь идет о каком-то не сохранившемся до наших дней рязанском источнике, известном составителю Никоновской летописи.

Обратимся к последствиям похода Даниила на Рязань. Несомненно, это был значительный успех московского князя. Он стяжал славу победителя татар. Он заполучил в качестве заложника рязанского князя и мог в этой ситуации диктовать свои условия его сыну Василию, оставшемуся в рязанской земле. Примечательно, что хан Тохта поначалу не проявил никакого интереса к судьбе рязанского пленника, хотя захват одного видного князя другим был явным нарушением баланса сил в регионе.

Согласно общепринятому мнению, в результате этого похода на Рязань к Московскому княжеству была присоединена Коломна с

²⁹ Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 164.

³⁰ См.: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 102–103.

³¹ См.: Кузьмин А. Г. Указ. соч. С. 196–197.

прилегающими к ней волостями³². Этот город, расположенный у впадения Москвы-реки в Оку, принадлежал рязанским князьям. Завладев Коломной, москвичи, кроме плодородных коломенских земель, получили свободный выход в Оку.

Составленная в 1520-е гг. в Москве Никоновская летопись, из которой взято приведенное выше сообщение о походе Даниила на Рязань, превосходит другие летописи по своей полноте. Ее создатели уделяли особое внимание московским князьям, подробно описывая их подвиги и добродетели. Еще дальше идет в этом направлении неизвестный автор «Степенной книги». Этот величественный памятник московской официальной публицистики, созданный в 1560–1563 гг. в кружке книжников, работавших под началом митрополита Макария, представляет всю историю Российского государства в виде ступеней («степеней»). Каждая ступень — близкая по форме к житию биография того или иного князя. Главной целью «Степенной книги» было прославление династии Рюриковичей, и в особенности — ее владимирско-московской ветви.

Историческая ценность «Степенной книги» состоит в том, что она сообщает много уникальных, отсутствующих в других источниках сведений о своих героях. Достоверность этих сведений, часто основанных на устных преданиях, можно, конечно, оценивать по-разному.

Поход Даниила на Рязань в «Степенной книге» изображен как война с «безбожными татарами»: «Князь Даниил Александрович некогда слыща, яко у града Рязани множество безбожных татар сбирахуся, и тамо шествова с воинством своим възбранити устремление варварское, дондеже не приидут озлобити отечество его. И у града Переяславля Рязаньскаго множество татар победи и князя рязанского Константина изымав на Москву приведе»³³.

Вслед за Коломной Даниил овладел Переяславлем-Залесским. 15 мая 1302 г. умер, не оставив наследников, князь Иван Дмитриевич Переяславский. По традиции выморочные уделы становились частью территории великого княжения Владимирского. Летом 1302 г. великий князь Андрей Александрович отправился в Орду, где, видимо, надеялся утвердить такое решение переяславской проблемы ханским ярлыком. Не дожидаясь его возвращения, Даниил Московский захватил Переяславль, изгнав оттуда великокняжеских наместников. Этот произвол московский князь, по-видимому, оправдывал ссылкой на завещание Ивана Переяславского, передавшего свое княжество дяде — Даниилу Московскому.

³² По мнению К. А. Аверьянова, присоединение Коломны, как и Можайска, происходило поэтапно. Оно завершилось лишь с приходом Ивана Калиты на великое княжение Владимирское в 1328 г. (см.: Аверьянов К. А. Указ. соч. С. 18). В. А. Кучкин допускает, что Коломна была захвачена не Даниилом в 1300 г., а Юрием Давыдовичем в 1306 г. (Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович. С. 102).

³³ ПСРЛ. Т. 21. Степенная книга. Спб., 1909. С. 297.

Разумеется, Даниил не хотел вступать в конфликт с Ордой. Можно думать, что летом или осенью 1302 г. он отправил к хану Тохте кого-то из своих сыновей. Посланец Даниила (вероятно, это был старший сын Юрий) должен был отстаивать его интересы в споре с Андреем Городецким о Переяславле. По-видимому, хан не стал выносить однозначного вердикта по этому запутанному вопросу и посоветовал князьям, вернувшись на Русь, собраться на съезд и решить дело полюбовно. (Именно это и произошло осенью 1303 г.)

Только получив известие о выжидательной, отстраненной позиции хана в вопросе о Переяславле, Даниил мог решиться на военную акцию. Имея фактический контроль над городом и поддержку его жителей, он мог увереннее отстаивать свои позиции в предстоящем торге с Андреем Городецким. Наконец, Даниил знал, что татары привыкли уважать право силы, если только эта сила не была враждебной по отношению к ним.

Кончина Даниила 3 марта 1303 г. помешала ему успешно завершить переяславскую тяжбу. Ситуация вокруг Переяславля была столь острой, что сидевший там Юрий Данилович не смог отлучиться даже на несколько дней для участия в похоронах отца. Однако «задел», подготовленный Даниилом в переяславском споре, оказался столь весомым, что на княжеском съезде осенью 1303 г. в Переяславле Юрий сумел сохранить этот город за собой, несмотря на то, что имел против себя не только Андрея Городецкого, но и Михаила Тверского³⁴.

Участие Даниила Московского в споре за Переяславль также отражено в «Степенной книге». В этой связи ее создатели развивали мысль о том, что первый московский князь получил первую крупную территорию, присоединенную к собственно московским землям, «без крамолы», то есть мирным путем, по завещанию.

Вообще первый московский князь (которого автор постоянно именует «великим князем», хотя он никогда не носил этого титула) находился в особом положении среди других князей. Он избранник Божий. «Сего блаженнаго Данила избра Бог»³⁵.

В развитие этой идеи автор «Степенной книги» обращает особое внимание на то, что Даниил «бысть последний во братии своей, яко же и прадед его, великий князь Всеволод Георгиевич. Их же уподоби Господь древнему царю, богоотцу же пророку Давыду: мал бо бе и той во братии своей»³⁶.

³⁴ По мнению В. А. Кучкина, Юрий Данилович получил Переяславль лишь во временное владение, до кончины великого князя Андрея Александровича (см.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории. С. 128). Позднее тот же исследователь высказал предположение, что после кончины Ивана Переяславского было решено передать Переяславль под управление князей из московского дома, но не включать его в состав Московского княжества. Фактически здесь возникало новое удельное княжество (см.: Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович. С. 102).

³⁵ ПСРЛ. Т. 21. С. 296.

³⁶ Там же.

Помимо семейного положения, сближающего Даниила со знаменитым родоначальником всех северо-восточных князей Всеволодом Большое Гнездо и создателем «Псалтири» библейским царем Давидом, на его богоизбранность указывало и то, что владения его никогда не подвергались нападению врагов: «Всегда десница Господня бяше защищая его и во вся дни живота его ничим же ни от кого же неврежена бысть держава его». Мирный характер Даниила проявился и в том, что он «без крамолы» получил «великий град Переяславль»³⁷.

Мысль о миротворческом характере исторической миссии московских князей принадлежала к самым ранним идеям московской публицистики. Эту идею применительно к сыну Даниила Ивану Калите содержат и летописи, сохранившие древнейшие пласты московского летописания. Однако миролюбие Даниила Московского и его ближайших потомков — не легенда, созданная позднейшими московскими книжниками. Это линия поведения (давшая повод В. О. Ключевскому упрекнуть московских князей в отсутствии военных способностей и посредственности) была реальностью: своего рода политической программой, облеченной в форму наследственного предания. Несомненно, московские правители ясно понимали, что будущее Москвы, успехи их семейного «домостроительства» зависят прежде всего от той «тишины», которая привлекала в московские земли тысячи переселенцев отовсюду. Именно эта «тишина», безопасность, как отмечал еще М. К. Любавский³⁸, явилась основой экономического и политического роста Москвы во второй половине XIII и первой четверти XIV в.

Приток населения в Москву не только позволял, но и требовал от московских князей расширения своей территории за счет более слабых соседей. Однако эту экспансию следовало вести очень осторожно, преимущественно мирными средствами, избегая столкновений, которые могли бы нарушить «тишину», питавшую, словно подземные ключи, корневую систему Московского княжества. Так под влиянием объективных факторов и их правильного понимания правителями складывалась политическая парадигма ранней Москвы, которую можно определить как доктрину «тихой экспансии».

Важнейшей составной частью этой доктрины неизбежно должно было стать сотрудничество с церковью, чья миротворческая деятельность была успешной еще во времена Киевской Руси. И потому едва ли только данью «литературному этикету» является другая яркая черта образа Даниила в «Степенной книге» — благочестие. Он не только правил своим княжеством «богоугодно», но и построил в Москве Даниловский монастырь, главный храм которого освятил во имя преподобного Даниила Столпника — своего небесного покровителя. Игумен этого

³⁷ ПСРЛ. Т. 21. С. 296.

³⁸ См.: Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 217–218.

монастыря был возведен в почетный сан архимандрита. Здесь же, в Даниловском монастыре, первый московский князь принял монашеский постриг незадолго до кончины. Согласно завещанию, его похоронили не внутри храма, где обычно погребали князей, а на общем монастырском кладбище, «идеже и прочую братию погребяху»³⁹.

Первого московского князя постигло горькое и незаслуженное забвение. Со временем запустела основанная им обитель. Заросла травой и сама могила Даниила на братском кладбище. Погруженные в собственные заботы потомки редко вспоминали смиренного предка ...

Однако Бог не забыл своего угодника. На могиле Даниила происходили чудеса. Здесь получил исцеление тяжело больной сын коломенского купца. В другой раз тут был жестоко наказан дерзкий придворный Василия III князь Иван Шуйский, осмелившийся, сядясь на коня, встать ногой на надгробный камень Даниила. Его конь взвился на дыбы и пал мертвым на землю, едва не убив при этом и своего седока. Перепуганный Шуйский тут же покаялся и велел служить панихиду по князю Даниилу. Однажды Даниил сам встал из могилы и явился некоему юноше, придворному Ивана III. Он велел передать беззаботно охотившемуся в этих местах государю свой упрек: «Се убо сам всячески себе утешаеши, мене же почто забвению предал еси»⁴⁰.

Но, несмотря на все чудеса, беспечные потомки Даниила не спешили осознать свою вину перед ним. Лишь молодой царь Иван IV, воспитанный митрополитом Макарием в духе благочестия и уважения ко всякой родной старине, приказал восстановить Даниловский монастырь и выстроить здесь каменную церковь. Он взял за правило каждый год вместе с митрополитом и духовенством приходить на могилу Даниила и совершать здесь заупокойную службу.

Поздние летописи рисуют образ Даниила Московского в том же ключе, что и «Степенная книга». Он словно иллюстрирует известную библейскую сентенцию: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1 Пет. 3, 14). Наградой за смирение стало небывалое возвышение его потомков — князей московского дома. Эта же тема (применительно к Ивану Калите) звучит и в Киприановской редакции «Жития митрополита Петра» — одном из древнейших памятников московской политической мысли.

Биография первого московского князя послужила канвой не только для сохраненных «Степенной книгой» монастырских преданий, но и для романтических легенд о коварстве и любви. Живая народная фантазия свободно ткала здесь свой причудливый узор шелковой нитью вымысла. В «Сказании об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы», возникшем в XVII столетии, благоразумный отец Ивана Калиты предстает в ореоле шекспировских страстей. Неверная жена Даниила княгиня Улита, сговорившись со своими любовниками,

³⁹ ПСРЛ. Т. 21. С. 296.

⁴⁰ Там же. С. 299.

сыновьями московского боярина Степана Кучки, готовит убийство мужа. Чудом вырвавшись из рук убийц, Даниил скрывается в лесной хижине, поставленной над чьей-то безымянной могилой. Здесь он проводит ночь, а наутро убийцы по совету Улиты пускают по следу любимого княжеского пса. Поспешив вслед за собакой, они находят Даниила «и скоро князю смерть дают лютую»⁴¹.

Но зло никогда не остается безнаказанным. Брат князя Даниила великий князь Владимирский Андрей идет войной на убийц, побеждает их и подвергает мучительной казни. После этого он берет к себе во дворец на воспитание малолетнего сына Даниила, княжича Ивана. Андрей любит Москву за ее живописность и подолгу живет здесь. Ради этого он даже снимает с себя великокняжескую корону и передает ее сыну Георгию.

Некоторые подлинные факты (убийство великого князя Владимирского Андрея Боголюбского в 1174 г. его придворными, воспитание первого московского князя Даниила в доме великого князя Владимирского Ярослава Ярославича и др.) в «Повести» смешаны и перетасованы самым невероятным образом. Однако в этой наивной игре воображения угадывается одна настойчивая и нешуточная мысль: у истоков Москвы — измена, кровь, борьба между добром и злом. Таков был взгляд людей, живших в XVII в. и знавших трехвековой исторический путь «третьего Рима».

В «Обзрении Москвы» известного археографа А. Ф. Малиновского (1820 г.) содержатся некоторые уникальные сведения о князе Данииле. О событиях 1293 г. сообщается, что Даниил, «быв на стороне Андрея, впустил в Москву призванных союзником его татар под предводительством Дюдены; но дружелюбный его прием сим хищникам не спас Московского удела и самого города от опустошения и грабежа». Согласно Малиновскому, князь Иван Переяславский в 1302 г. завещал Даниилу Московскому не только Переяславль, но и Дмитров. Сообщается также, что «около 1300 г.» Даниил укрепил Москву — «он обнес ее тыном из растущего поблизости соснового леса, ту часть города, которая занимала высокий берег над протекающей тут Москвой-рекой»⁴².

Источники этих сведений неизвестны. Возможно, Малиновский, подобно Карамзину, пользовался какими-то не сохранившимися до наших дней рукописями. Во всяком случае его данные хорошо вписываются в исторический контекст.

Первое дополнение — о том, что Даниил добровольно впустил татар Дюдены в Москву, — не противоречит летописным сообщениям,

⁴¹ Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. первая. М., 1988. С. 125; Забелин И. Е. История города Москвы. Ч. 1. М., 1990. С. 33; Салмина М. А. Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы // ТОДРЛ. Т. 41. Л., 1988. С. 141–142.

⁴² Малиновский А. Ф. Обзорение Москвы. М., 1992. С. 7, 14.

но как бы уточняет их⁴³. Был ли Даниил в 1293 г. союзником Андрея — сказать трудно. Как бы то ни было, Новгородская 1 летопись в рассказе о трагедии 1293 г. называет Москву «безвинным» городом⁴⁴. На дружбу Даниила с Андреем указывает и «Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы».

Что касается передачи Даниилу по завещанию князя Ивана не только Переяславля, но и Дмитрова, то и здесь велика вероятность этого сообщения Малиновского. Известно, что в 1280 г. умер дмитровский князь Давыд Константинович. Вполне естественно предположить, что великий князь Дмитрий Александрович, находившийся тогда в зените своего могущества, вернул Дмитров как выморочное владение в состав своего удела — Переяславского княжества, к которому этот город принадлежал до 1247 г.⁴⁵ В этом случае сын Дмитрия Александровича Иван мог распоряжаться Дмитровом на тех же основаниях, что и Переяславлем.

Наконец, рассмотрим уникальное известие Малиновского о постройке Даниилом «около 1300 г.» московских укреплений. Время названо самое правдоподобное: именно тогда Даниил готовился к борьбе за Коломну, Переяславль, а в перспективе — и за великое княженье Владимирское. Сожженный в 1293 г. Дюденем московский Кремль нуждался в обновлении. Поход Федора Черного на Смоленск в 1298 г. и обострение смоленских споров также должно было подтолкнуть Даниила к строительству новой крепости. Предположение о постройке в Москве новой крепости в конце XIII в. высказывал в свое время и Н. Н. Воронин⁴⁶.

Помимо общих соображений в пользу данной гипотезы отметим одну фактическую деталь. Сообщение Малиновского перекликается с фрагментом из «Сказания об убиении Даниила...». Там говорится, что князь Андрей построил московскую крепость «в лета 6799 (1291) месяца июля в 27 день на память святого великомученика Пантелеймона»⁴⁷. Оставив в стороне путаницу в именах князей, обратимся к дате, точнее — к дню и месяцу. Известно, что в поздних сказаниях годы событий часто указывались весьма примерно. Но точную хронологию —

⁴³ Согласно Симеоновской летописи, татары «обольстнша» князя Даниила и благодаря этому обману «въехали в Москву» (ПСРЛ. Т. 18. С. 82).

⁴⁴ НЛ. С. 327.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 18. С. 77; Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 116. Среди исследователей существуют различные мнения о том, кто владел Дмитровом в период между 1280 и 1334 гг. (Fennell J. The Emergence of Moscow. University of California Press, 1968. P. 50).

⁴⁶ См.: Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 2. М., 1962. С. 164. По мнению В. А. Кучкина, именно период между 1297 и 1300 гг. был наиболее подходящим для культового и оборонного строительства в Москве (см.: Кучкин В. А. О дате основания Московского Данилова монастыря // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 166).

⁴⁷ Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. первая. С. 127.

день и месяц — едва ли можно объяснить чистой фантазией книжников XVII в. Такие вещи выдумывать было не принято. Несомненно, дата была каким-то образом связана с древней историей кремлевских стен. Ермолинская летопись сообщает об освящении 27 июля 1462 г., в день памяти св. Пантелеймона, каменной Афанасьевской церкви в московском Кремле, «а придел у неа святыи Пантелеимон»⁴⁸. Известно, что эта церковь находилась либо у Фроловских ворот Кремля, либо прямо над ними, в качестве надвратной⁴⁹. Деревянная церковь св. Афанасия с Пантелеймоновским приделом существовала в том же месте еще во времена Дмитрия Донского и являлась храмом небольшого монастыря. Весьма редкое посвящение придела напоминает об аналогичном приделе, существовавшем в начале XIV в. в Успенском соборе Владимира-на-Клязьме. В 1305 г. в нем был погребен выходец из Византии митрополит Максим. Предполагают, что именно он и устроил этот придел после своего переезда во Владимир из Киева в 1299–1300 гг.⁵⁰ Известно, что священная реликвия — «глава св. Пантелеймона» в XIII в. находилась в храме св. Софии в Константинополе⁵¹.

Несомненно, московский князь Даниил стремился каким-то образом завоевать расположение святителя, привлечь его в Москву. Хорошим поводом для сближения могло стать устройство в Москве Данилова монастыря, а также храма (или придела), имевшего то же посвящение, что и митрополичий придел в Успенском соборе Владимира. Наилучшим поводом было бы, конечно, устройство в московском Кремле монастыря с храмом во имя св. Афанасия Александрийского (знаменитого борца с ересями) и приделом во имя св. Пантелеймона. Освящение новой московской крепости Даниил также приурочил ко дню памяти св. Пантелеймона, желая лишний раз польстить митрополиту-греку, а может быть, и зазвать его в Москву на торжество.

Информация о связи престола во имя св. Пантелеймона со временами князя Даниила, с его строительством, вероятно, сохранялась в преданиях и записях кремлевских храмов и монастырей. Оттуда она и была почерпнута создателями «Сказания об убиении Даниила Суздальского».

Подводя итог изложенному в данной главе материалу, можно констатировать следующее. Крайняя скудность источниковой базы не позволяет составить сколько-нибудь полной картины политики князя Даниила Московского. Почти каждый его шаг имеет спорные датировки и трактовки. И все же имеющиеся данные убеждают в том, что

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 23. Спб., 1910. С. 157.

⁴⁹ См.: Выголов В. П. Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988. С. 29.

⁵⁰ См.: Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 1. М., 1961. С. 355–357.

⁵¹ См.: Сергей (Спасский). Полный месяцеслов Востока. Т. 2. М., 1997. С. 225–226; Т. 3. С. 286–287.

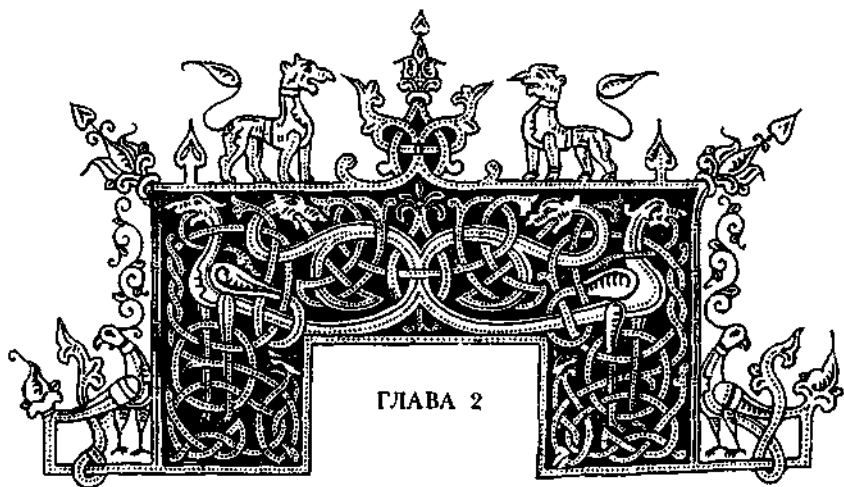
Даниил был выдающейся политической фигурой своего времени. Опираясь на значительные материальные ресурсы своего княжества, куда стекались толпы переселенцев из соседних земель, он выстроил в Москве новую дерево-земляную крепость. Помимо этого, Даниил заботился о повышении престижа Москвы как религиозного центра. Кроме Даниловского монастыря, ему следует приписать устройство Афанасьевского монастыря в московском Кремле.

Отношения князя Даниила с Ордой были весьма сдержанными. Нет сведений о его поездках в Волжскую Орду или к темнику Ногаю, а также об использовании им татарских отрядов в борьбе с соперниками-князьями. Более того, во время рязанского похода в 1301 г. Даниил позволил себе вступить в сражение с какими-то «татарами» и разгромить их.

В сфере междукняжеских отношений Даниил проводил весьма осторожную политику, предпочитая путь переговоров и компромиссов военной конфронтации. По-видимому, он хорошо понимал, что именно «тишина» привлекает в Москву переселенцев из других земель. Позднейшие московские предания, отразившиеся в «Степенной книге», в целом адекватно очерчивают образ Даниила как правителя, скорее, миролюбивого, чем воинственного.

Отсутствие каких-либо ярких черт в характере и биографии Даниила (насколько они известны из ранних источников) предопределило трактовку его образа в «Сказании об убиении Даниила Суздальского», созданном во второй половине XVII в. Здесь первый московский князь представлен как новый страстотерпец. Его образ, лишенный каких-либо живых черт, кроме любви к псовой охоте, выглядит бледной тенью рядом с колоритными фигурами злодеев — княгини Улиты Юрьевны и ее фаворитов Кучковичей. Меркнет он и рядом с эпическим образом грозного мстителя великого князя Андрея Александровича.

Князь Даниил Александрович сошел с исторической сцены как раз в тот момент, когда в его политике наметился знаменательный поворот. Приближалось его время по старшинству и по праву занимать великое княжение Владимирское. Он уже накопил достаточно сил и опыта для того, чтобы эффективно действовать как политик общерусского масштаба. Однако относительно ранняя (в возрасте 42 лет) кончина оставила его политический портрет лишь в виде эскиза.

СОПЕРНИЧЕСТВО МОСКВЫ И ТВЕРИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОГО КНЯЖЕНИЯ МИХАИЛА ТВЕРСКОГО (1304–1317)

1. Истоки московско-тверского противостояния

Тверь возникла в середине XII в. из нескольких поселений, расположенных у впадения в Волгу двух притоков. Левый приток, полноводная река Тверца, уходил своими верховьями далеко на север. Тверца являлась частью древнего торгового пути из Верхневолжья в Новгород. Верстах в 70 к северо-западу от Твери на берегах Тверцы располагался Торжок — южные ворота Новгородской земли. Правый приток, речка Тьмака, имела только местное значение.

Согласно уникальному известию В. Н. Татищева, в 1182 г. великий князь Владимирский Всеволод Большое Гнездо «на Волзе vele поставити Твердь и посади люди ту стрещи»¹, то есть поставил крепость на мысу у впадения Тьмаки в Волгу. Это и была первая Тверь — то есть «твердь», город-крепость. Она вошла в систему крепостей, выстроенных киевскими и владимирскими князьями вдоль Великого Волжского пути.

После смерти великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича в 1246 г. Тверь выделилась из состава великого княжения в самостоятельный удел. Его первым правителем был, как полагают, Александр Невский. После 1252 г. он передал Тверь своему брату

¹ Татищев В. Н. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. М., 1995. С. 298; Ключ Э. Княжество Тверское (1247–1485). Тверь, 1994. С. 47–49.

Ярославу в обмен на Переяславль-Залесский². Ярослав укоренился в Твери и стал родоначальником местной династии.

Во второй половине XIII в. Тверь быстро росла за счет многих тысяч беженцев из центральных районов Владимиро-Суздальской Руси. Свидетельством этого роста стало открытие тверской епархии около 1265 г.³ Первый тверской епископ Симеон (около 1265–1288) был выходцем из Полоцка. Его преемник епископ Андрей (1289–1315) был сыном литовского князя. «Западное» происхождение первых тверских владык не случайно. Ярослав Ярославич и его сыновья Святослав и Михаил искали дружбы со своим западным соседом — быстро усиливавшимся Великим княжеством Литовским. Сотрудничество с Литвой (которое, разумеется, прерывалось время от времени военными стычками) постепенно стало прочной традицией тверской династии⁴. В «западнической» ориентации Твери были свои преимущества, но и свои опасности. В частности, ордынские ханы очень подозрительно относились к любым самостоятельным контактам русских князей с другими правителями. Это была поистине дипломатия на лезвии ножа...

Во всех городах Руси, где имелись епископские кафедры, возвышались построенные еще в домонгольское время каменные кафедральные соборы. Вполне понятно, что уже первый тверской владыка Симеон озаботился постройкой собора. Под 1285 г. Симеоновская летопись сообщает: «Того же лета заложена бысть на Твери церковь камена благоверным князем Михаилом Ярославичем и матерюю его княгинею Оксиньею, и преподобным епископом Семеоном; преже было Козма и Дамиан, и преложиша во имя святого Спаса честнаго Преображения»⁵.

Это был первый каменный храм, построенный в северной Руси после Батыева нашествия. Его строительство шло медленно и трудно. И на то были свои причины. Сооружение каменного храма и оснащение его всем необходимым требовало больших денег и уверенности в завтрашнем дне. В первые десятилетия татарского ига на Руси не было ни того, ни другого. Примечательно, что даже в Новгороде, не испытавшем прямого погрома, первая каменная церковь после Батыева нашествия была освящена только в 1292 г. Это была очень скромная и по размерам и по оформлению церковь Николы на Липне, сохранившаяся до наших дней.

Тверской владыка Симеон спешил. Постройка Спасо-Преображенского собора была делом его жизни. А жизнь уже ощутимо близилась к концу. И потому он решился на небывалое: в 1287 г. освятил еще не достроенный храм. «Того же лета епископ Семеон Тверский свящал

² См.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 115–116.

³ См.: Ключ Э. Указ. соч. С. 66–67.

⁴ См.: Присяжко А. Е. Образование Великоорусского государства. Пг., 1918. С. 111.

⁵ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 81.

малым священником церковь камену на Тфери святого Спаса, еще не съвршешу суцу, и служааше в ней, а мастери делашу святого Спаса»⁶. На следующий год тверской владыка скончался и был похоронен в стенах еще не законченного собора. Вскоре тверичи обрели нового владыку. «В лето 6797 (1289) княгини Оксинья Ярославля с сыном Михаилом... здумаша и выведоша игумена Андрея от святых Богородица из общего монастыря, и послаша к Максиму митрополиту в Киев, и поставлен бысть епископ Тферский святому Спасу; сии Андрей быше родом Литвин, сын Ерденов, Литовскаго князя»⁷.

Епископ Андрей довел до конца дело своего предшественника. 8 ноября 1290 г. главный храм Твери был торжественно освящен. В этот день церковь праздновала Собор Михаила Архангела.

Выбор именно этого дня явно не случаен. Обычно для подобных торжеств избирали выходной день — воскресенье или «двунадесятый» праздник. Но 8 ноября 1290 г. — среда. Тверские правители хотели приурочить торжество именно к «Михайлову дню». Проще всего объяснить это стремление обычным честолюбием молодого тверского князя Михаила Ярославича, справлявшего в «Михайлов день» свои именины. Однако истинная причина лежит глубже. Такое выдающееся по своему историческому значению событие, как постройка первого после монгольского завоевания каменного храма, могло послужить сближению тверичей с главой Русской Церкви митрополитом Максимом. В этой связи тверским правителям важно было изъяснить свое почтение к византийским церковным традициям, перенести их на родную почву. Известно, что согласно константинопольскому преданию храм святой Софии находился под особым покровительством архангела Михаила, который чудесным образом являлся во время его строительства. Огромный мозаичный образ Архистратига был помещен при входе в Софию⁸. Освящая тверской кафедральный храм в «Михайлов день», тверичи как бы следовали примеру греков и передавали свой кафедральный собор под покровительство предводителя небесных сил.

Однако о многом говорит и само посвящение нового тверского собора. Он был одноименен Спасскому собору в Переяславле-Залесском, и это обстоятельство, конечно, не случайно. Прежний тверской собор был посвящен Козьме и Дамиану. Новое посвящение было обусловлено борьбой за владимиро-суздальское наследие. Особо отразилась в нем переяславская тема. Именно переяславские князья были после 1238 г. главными претендентами и основными обладателями великого княжения Владимирского. Возводя у себя собор, одноименный переяславскому, тверские правители заявляли о своем новом политическом значении.

⁶ ПСРЛ. Т. 18. С. 81.

⁷ Там же. С. 82.

⁸ *Majeska G. St. Sophia in the fourteenth and fifteenth centuries: the Russian Travellers on the Relics // Dumbarton Oaks Papers. 1973. N 27. P. 73-76.*

Постройка Спасо-Преображенского собора способствовала подъему тверской культуры. Здесь, при дворе владыки, началось местное летописание, которое позднее переросло в великокняжеское и общерусское.

Собор Спаса Преображения стал главным, но далеко не единственным источником христианского благочестия в Твери. В городе существовало необычайно много монастырей. Главный из них — Отрочь монастырь. Он был основан на левом берегу Волги близ устья Тверцы во второй половине XIII в. Основателем и ктитором обители являлся князь Ярослав Ярославич Тверской. Собор монастыря был посвящен Успению Божией Матери. Название «Отрочь» является своего рода загадкой. Существуют различные объяснения его этимологии⁹. Наиболее вероятное из них связывает слово «Отрочь» с образом Трех Отроков из библейской Книги Даниила. Этот ветхозаветный сюжет был необычайно популярен уже в домонгольской Руси. Их изображения трижды (1) встречаются в древнейших росписях Софийского собора в Киеве: в центральном нефе на первом северо-восточном столбе от иконостаса в нижнем регистре; с северной стороны хоров на западной стене — те же отроки, но уже «в пещи огненной»; в Георгиевском приделе, посвященном небесному покровителю строителя собора и заказчика росписей князя Ярослава Мудрого¹⁰. В теологическом отношении тема Трех Отроков была ветхозаветным прообразом земных страстей Спасителя и славы Божией Матери. В ней предельно ясно выражалась идея охранительной силы божества. Резные изображения Трех Отроков были помещены на южном фасаде Успенского собора во Владимире, построенного Андреем Боголюбским. Они украшают северную стену Георгиевского собора в Юрьеве Польском, соседствуя здесь с композициями «Распятие» и «Даниил во рву львином».

Библейский сюжет о Трех Отроках приобрел особое звучание в период ордынского ига над Русью. В нем, «хотя и в завуалированной и иносказательной форме, ярко и доходчиво выражалась твердость духа, стойкость в сопротивлении деспотической воле, то есть в конце концов идея героического подвига»¹¹. Учитывая всю совокупность символического смысла данной темы, можно уверенно предположить, что в тверском Успенском монастыре образ Трех Отроков был запечатлен либо в посвящении особого придела, либо в каком-то выдающемся по своему значению и местоположению изображении. По некоторым сведениям, в монастыре уже в конце XIII в. существовал каменный

⁹ См.: Семячко С. А. Повесть о Тверском Отроче монастыре. СПб., 1994. С. 58. Прим. 60.

¹⁰ См.: Головань И. А. Новые данные по иконографии древней росписи Софии Киевской // София Киевская. Материалы исследований. Киев, 1973. С. 46–49.

¹¹ Вагнер Г. К. Легенда о семи спящих отроках и ее отражение во владимиро-суздальском искусстве // Византийский временник. Т. 23. М., 1963. С. 99.

собор¹². Если это так, то композиция «Три Отрока» (резная или живописная) должна была украшать его главный фасад или же находиться на самом видном месте в интерьере.

Помимо Отроча монастыря на левом берегу Волги в XIV–XV вв. существовали восемь обителей на правом берегу. Это Федоровский, Марфинский, Спасо-Высоцкий, Михайловский, Иоанно-Богословский, Афанасьевский, Покровский и Григорьевский монастыри¹³. Трудно указать точное время их возникновения. Однако можно думать, что не менее половины из них существовали уже в начале XIV века. На это указывают посвящения их соборов. Со времен крещения Руси князья строили храмы в честь своих патрональных святых. Иногда такие храмы возводились подданными, желавшими выразить признательность правителю. Афанасьевский монастырь своим весьма редким названием указывает на первого тверского князя Ярослава Ярославича. Как и все князья того времени, он имел два имени: славянское — Ярослав и греческое — Афанасий. Михайловский монастырь посвящением Михаилу Архангелу, вероятно, был обязан князю Михаилу Ярославичу.

В тверских монастырях конца XIII в. существовал не только далекий от аскетизма особножительный устав, при котором каждый инок устраивался в обители в соответствии со своими материальными возможностями, но и более строгая, возвышенная форма монашеского устройства — так называемое «общее житие», предусматривавшее для всех иноков общую трапезу, одинаковую одежду, отсутствие частной собственности и строгое послушание игумену. Именно таким, общежительным, являлся монастырь святой Богородицы, из которого в 1290 г. был взят на кафедру епископ Андрей. Летописец не случайно отметил этот факт. Он свидетельствовал о подлинно подвижнической жизни будущего владыки¹⁴.

Перенесенное из Византии на Русь в XI в. иноческое общее житие в силу его трудности и строгости не получило широкого распространения на Руси в XII–XIII вв. В Новгороде, насколько известно, оно поддерживалось только в одной обители — Антониевом монастыре. Для русских людей того времени общежительный устав был связан с именем основоположника русского монашества преподобного Феодосия Печерского. Возрождая эту традицию в Твери, ее правители тем самым не только возвышали престиж города как религиозного центра,

¹² См.: Анисимова Т. В. Традиция местного почитания тверского кафедрального Спасо-Преображенского собора в XIII–XIV вв. // Румянцевские чтения. Ч. 2. М., 1996. С. 90.

¹³ Древнерусское градостроительство X–XV веков. М., 1996. С. 189; см. также: Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 3. М., 1995. С. 649–662.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 18. С. 82. Это известие через Троицкую летопись восходит к Своду 1408 г. (см.: Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 344). С более точной хронологией это известие в сокращенном виде сохранилось и в тверской редакции Свода 1408 г. (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 1965. Стб. 34).

но и указывали на его связь с духовным наследием Византии и Киевской Руси¹⁵.

Вполне понятно, что благочестие тверских правителей, их почтение к византийским церковным традициям привлекли к ним благосклонное внимание митрополита-грека Максима. Перебравшись на Северо-Восток Руси, он стал их другом и доброхотом. Вероятно, по совету митрополита князь Михаил Ярославич заказал для себя копию знаменитого византийского исторического сочинения «Хроника Георгия Амартола», где излагалась всемирная история от «сотворения мира» до событий в Византии в X веке. Одни исследователи считают, что «Хроника» была переписана в промежутке между 1294 и 1312 гг., другие — вскоре после кончины Михаила Тверского в 1318 г.¹⁶

В Твери в конце XIII — начале XIV в. возрождалось не только каменное зодчество и христианское благочестие, но и чувство национального достоинства. Об этом свидетельствовало мужественное поведение тверичей во главе с князем Михаилом во время Дюденевой рати 1293 г.

Однако следует заметить, что в целом Тверь, по-видимому, проводила ту же политику компромиссов, что и Москва. Ей так же, как и Москве, нужна была «тишина» для привлечения переселенцев. Сохранение этой «тишины» и стало главной целью тверских правителей. Летописи крайней скупой освещают деятельность тверских князей во второй половине XIII — начале XIV в. И все же можно полагать, что миролюбию Твери способствовали и династические обстоятельства: после кончины князя Святослава Ярославича (около 1282 г.) на тверском столе сидел малолетний князь Михаил Ярославич (род. в 1272 г.), а реальная власть находилась в руках его матери, княгини Ксении. В силу тех же династических факторов Тверское княжество в этот период не знало и внутренних усобиц.

В 1300 г. борьба между Ногаем и Тохтой, подрывавшая силы Орды и отвлекавшая ее внимание от «русского улуса», завершилась решающей битвой, в которой войско Ногая было разбито, а сам он убит. Ставившие на Ногая русские князья, среди которых, как полагают, был и Михаил Тверской, оказались в проигрыше. Однако Орда еще несколько лет не имела сил для карательных походов на Русь, да и не считала это необходимым. Сторонники Ногая быстро перестроились и теперь готовы

¹⁵ Трудно согласиться с предположением митр. Макария о том, что под «общим монастырем» летописец подразумевает обитель, где имелись как бы две половины — мужская и женская — под управлением одного настоятеля (см.: *Макарий (Булгаков)*. Указ. соч. С. 136). Подобная практика во все времена не могла рассматриваться иначе, как отклонение от общепринятых монашеских уставов. Между тем в летописном известии 1289 г. о поставлении епископа Андрея весь контекст носит характер панегирика этому владыке.

¹⁶ *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 469.

были платить дань Тохте¹⁷. Большого от них и не требовалось. Орда почла за лучшее предоставить князьям самим решать свои споры.

Поссорившись со своими московскими союзниками из-за их притязаний на Переяславль-Залесский, Михаил Тверской с лета 1302 г. начинает сближаться с великим князем Андреем Александровичем. Возможно, спор о Переяславле стал только поводом, а суть дела состояла в том, что Михаил Тверской надеялся, что великий князь окажет ему поддержку при дворе хана Тохты, с которым он был в давней близости. Андрей Городецкий пошел навстречу Михаилу.

Смерть великого князя Андрея Александровича 27 июля 1304 г. послужила сигналом для начала новой тяжбы между русскими князьями. Однако вопрос о том, кто займет великое княжение Владимирское, судя по всему, не вызывал особых споров. После кончины Андрея владимирские бояре, выполняя волю покойного, отправились к Михаилу Тверскому, признав его тем самым своим новым великим князем. Не вполне понятно, чего же добивались в этом случае москвичи. Если верить новгородскому летописцу, Юрий также искал владимирского стола. «И спростася два князя о великое княжение: Михаилу Ярославичу Тферьскому и Юрьи Даниловичу Московьскому, и поидоша в Орду оба, и много бысть замятни Суждальской земли во всех градах»¹⁸. Эта колоритная фраза из Синодального списка Новгородской Первой летописи кратко обобщает то, что Свод 1408 г. (в передаче Троицкой летописи) излагает в виде разрозненных известий, помещенных под 6813 и 6814 ультрамартовскими годами¹⁹.

Данное известие новгородского летописца 30-х годов XIV в., положенное в основу соответствующих сообщений большинства позднейших летописей, следует принимать с большой осторожностью. Несомненно, взгляд новгородца на «низовские» распри отличался некоторой поверхностностью. В действительности все обстояло гораздо сложнее. Изучение всей совокупности источников позволяет представить следующую картину событий.

Осенью 1304 г. для Москвы речь шла не столько о том, кто займет владимирский стол, сколько о сохранении за Даниловичами тех городов и земель, которые их отец сумел выторговать у своего старшего брата великого князя Андрея Александровича. Пока были живы Андрей и Даниил, речь шла главным образом о перераспределении

¹⁷ По мнению А. А. Горского, переход князей «проигоаевской» группировки на сторону хана Тохты произошел уже в конце 1296 — начале 1297 г. (см.: Горский А. А. Политическая борьба на Руси в конце XIII века и отношение с Ордой // Отечественная история. 1996. № 3. С. 84).

¹⁸ НЛ. С. 92.

¹⁹ Как в Своде 1305 г. (Лаврентьевская летопись), так и в Рогожском летописце эти события не нашли сколько-нибудь подробного освещения. Новгородская 1 летопись (как в Синодальном, так и в Комиссионном списках) помимо приведенной выше фразы сообщает лишь о неудачной попытке Михаила Тверского посадить своих наместников в Новгороде в 1304 г.

великокняжеских владений между их сегодняшним (Андреем) и завтрашним (Даниилом) хозяином. Прочие князья, в том числе и Михаил Тверской, не имели в этом вопросе прямой личной заинтересованности. Они лишь по необходимости принимали сторону одного из братьев, дабы иметь защиту от произвола другого.

Однако с кончиной Даниила ситуация резко осложнилась. Сыновья Даниила стремились удержать за собой все, что стяжал их отец. Михаил Тверской, перед которым в случае кончины Андрея Александровича открывалась дорога к владимирскому столу, качнулся в сторону великого князя. В 1303 г. войны между Андреем Александровичем и его племянниками Даниловичами удалось избежать. Вероятно, сыграло свою роль миротворчество митрополита Максима.

Смерть Андрея Александровича 27 июля 1304 г. сделала Михаила Тверского и по праву старшинства, и по распоряжению покойного законным наследником владимирского венца. Юрий Данилович не имел оснований претендовать на великое княжение Владимирское. Кажется, он и не собирался этого делать всерьез. В то время гораздо выгоднее было быть вторым, чем первым. Однако он «блефовал», надеясь ценой отказа от притязаний на Владимир добиться признания прав Даниловичей на те владения, которые в разное время и на разных условиях признавал за Даниемом князь Андрей Александрович. Круг этих владений (Переяславль, Кострома и, может быть, Нижний Новгород) Юрий обозначил самым наглядным образом, отправив туда своих младших братьев. (Примечательно, что Юрий не пытался утвердиться во Владимире.) Аналогично поступил и Михаил Тверской, пославший в спорные города своих бояр с отрядами.

Сам Юрий загодя объявил о своем намерении отправиться в Орду вслед за Михаилом Тверским. Эта весть заставила тверскую княгиню, мать Ксению, при посредничестве митрополита Максима вступить в переговоры с Юрием. Они попытались умиротворить московского князя обещанием каких-то уступок со стороны Михаила. Это был первый успех предпринятого Юрием блефа. Однако то, что ему предложили, не удовлетворило Юрия. Игра только начиналась. Уклончиво ответив митрополиту, ссориться с которым он явно не хотел, Юрий стал поторапливаться с отъездом в Орду.

Михаил Тверской, исходя из принципа великокняжеской монополии на сношения с Ордой, перед отъездом отдал приказ своим воеводам стеречь Юрия и не дать ему возможности приехать в Орду. Можно полагать, что после кончины Андрея Городецкого (как и после смерти Даниила Московского) Юрий устремился в Переяславль с тем, чтобы не допустить захвата города новым великим князем. Узнав о том, что Михаил Тверской уехал в Орду, Юрий покинул Переяславль и отправился во Владимир, где его уже ждал митрополит Максим. Святитель по просьбе тверской княгини Ксении попытался уговорить Юрия не ездить в Орду вслед за Михаилом и удовольствоваться какими-то территориальными уступками со стороны нового великого князя.

Неуступчивость Юрия объяснялась отчасти и личными мотивами: по дороге из Переяславля во Владимир он едва избежал тверской засады, подстерегавшей его в Суздале. Очевидно, эта акция была организована перешедшими на сторону Михаила Тверского владимирскими боярами.

В конце концов Юрий сумел благополучно добраться до ханской ставки. Там он после долгой тяжбы уступил Михаилу Тверскому великое княжение Владимирское, но, по-видимому, извлек из этого немалую выгоду для Москвы.

В «Истории» В. Н. Татищева содержатся некоторые уникальные сведения о тяжбе Юрия Московского с Михаилом Тверским в 1304–1305 гг. Так, он сообщает, что Юрий в Орде добровольно отказался от притязаний на великое княжение Владимирское²⁰. Оригинальный рассказ на эту тему находим в исторических сочинениях Екатерины II. Здесь летописные сведения дополнены известиями Татищева, а также рядом уникальных подробностей. После кончины Андрея Александровича «посла князь Михаил Ярославич Тверской бояр своих к Новгороду Великому и в Кострому, а князь Юрий Данилович Московский иде в Переславль; брата же своего князя Ивана Даниловича Калиту оставил на Москве, а князя Бориса Даниловича послал в Кострому выгнать оттуда бояр тверских; но они, поймав князя Бориса, отослали его во Тверь, стерегли же они и князя Юрия Даниловича, как пойдет к хану в Орду; но не поймали, понеже иным путем шел, чрез Владимир на Клязьме. Бывшу же ему во Владимире, преосвященный Максим митрополит говорил ему, чтоб не ходил во Орду, глаголаше: “аз имаюсь тебе с княгинею Ксениию, матерью князя Михайловою, чего восхощещи из вотчины своая, то ти будеть не возбранно”. — Он же, обещааясь, рек: “хотя, отче, иду во Орду, но не хочу сильно домогаться великого княжения”»²¹.

Известие о встрече Юрия с митрополитом во Владимире восходит к «Повести о Михаиле Тверском», согласно которой Юрий даже обещал Максиму: «Хотя, отче, идоу в Орду, но не хошу великого княжения»²². Далее говорится о том, что в Орде Юрий не устоял перед подстрекательством татарских вельмож и, нарушив слово, вступил в спор за великое княжение. Однако логика жития и логика реальной политики далеко отстоят друг от друга. Более вероятно, что Юрий своим участием в устроенном татарами торге сознательно провоцировал Михаила

²⁰ «Князем же бывшим во Орде, и яко княздо хотяше великое княжение улучшить, даюше дары многи хану, и ханшам, и князем ордынским, тии же елико емлюше, толико более от другаго желяху. Юрий же, слыша, яко Михаил хосчет хану дань большую обещати, шед к нему, рече: “Отче и брате, аз слышу, яко хосчещи большую дань поступити и землю Русскую погубити. Сего ради аз ти соступаю отчины моея, да не гибнет земля Русская нас ради”. И шедше ко хану, явиша ему о сем. Тогда даде хан ярлык Михаилу на великое княжение и отпусти я» (Татищев В. Н. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М., 1996. С. 70).

²¹ Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. Спб., 1906. С. 53–54.

²² ПСРЛ. Т. 39. М., 1994. С. 99.

Тверского на повышение ставки ордынского «выхода». Зная амбициозный и самонадеянный характер Михаила, Юрий был уверен, что тот не отступится от заветного владимирского венца. Когда ставки взлетели до небывало высокой черты, Юрий вышел из игры, на прощанье язвительно попрекнув Михаила тем, что из-за его упрямства «погибнет земля Русская». Долги Михаила в конечном счете привели к гибели и его самого.

Не имея точных сведений о том, с чем вернулись Юрий и Михаил из Орды в 1305 г., можно, однако, уверенно говорить, что в этой тяжбе Юрий как политик и дипломат оказался сильнее своего тверского соперника. Победа Михаила оказалась «пирровой». Приведенные выше данные заставляют усомниться в принятом мнении о том, что Юрий в 1304 г. действительно пытался отнять у Михаила Тверского великое княжение Владимирское. Очевидно, здесь шла своего рода двойная игра: хан делал вид, что готов поддержать Юрия, и тем самым шантажировал Михаила, заставляя его повышать обязательства; Юрий играл роль, отведенную ему ханом, но при этом не забывал и о собственных интересах.

Михаил Тверской, вероятно, предвидел такой ход событий и потому всеми силами пытался помешать Юрию прибыть в Орду. Однако прозорливость Юрия (а возможно, и помощь ордынских представителей на Руси) позволила ему благополучно добраться до ханской ставки.

2. Сражение за Переяславль в 1304 г.

единственным значительным вооруженным столкновением между Москвой и Тверью в период между кончиной Андрея Городецкого и утверждением во Владимире Михаила Тверского стало сражение за Переяславль-Залесский²³. Здесь впервые проявил себя будущий «собиратель Руси» московский князь Иван Данилович. Его действия в этом трудном положении были решительными и вполне «профессиональными». Несомненно, к 1304 г. он уже имел за плечами определенную школу княжеского ремесла. О начальных классах этой суровой школы можно догадываться по некоторым кратким известиям источников, вписанным в исторический контекст рубежа XIII–XIV вв.

Когда родился княжич Иван, достоверно неизвестно. Летописцы не отметили такое малозначительное событие, как появление на свет еще одного, четвертого сына в семье Даниила Московского. Вероятно, это произошло в середине 80-х годов XIII в. К этой дате приводят наблюдения над некоторыми последующими событиями.

²³ Время этого события определяется лишь приблизительно: конец 1304 или начало 1305 г. (Fennell J. The Emergence of Moscow. 1304–1359. University of California Press, 1968. P. 63. Note 4).

В ноябрьской Служебной минее XII в. имеется уникальная запись конца XIII в., проливающая свет на эти события. «В лето 6804 (1296) индикта 10 при владыце Клименте, при посаднице Андрее сыгонипа новгородци наместников Андреевых с Городища, не хотяше князя Андрея. И послаша новгородци по князя Данильа на Москву, зовуще его на стол в Новъгород на свою отчину. И присла князь переже себе сына своего в свое место именем Ивана. А сам князь Данилици. Того же лета поставиша мост великийи черес Вълхово. А псал Скорень, дьякон святыя Софии»²⁴.

Князь Даниил недолго сидел на новгородском столе. Политическая ситуация менялась в те годы очень быстро. Известно, что в 1298 г. в Новгороде уже вновь был принят великий князь Андрей Александрович. Вначале он сам приехал на берега Волхова, а затем оставил здесь вместо себя своего сына Бориса²⁵. Даниил Московский не попал даже в летописный список новгородских князей²⁶. И все же за эти несколько месяцев княжич Иван успел впервые появиться на исторической сцене и получить полезный жизненный опыт. Знаменательно, что его дебют состоялся в Новгороде — городе, который позднее всегда будет находиться в центре внимания князя Ивана.

Конечно, в 1296 г. Иван еще не играл самостоятельной роли в новгородских делах. Его пребыванием на Волхове Даниил лишь как бы обозначал свое политическое присутствие здесь. Все дела со знатью Новгорода вели бояре из свиты московского княжича. Такую символическую миссию в Новгороде княжеские сыновья могли исполнять в возрасте не ранее 7 лет. Так, например, Александр Невский был оставлен отцом в Новгороде, когда ему было около 8 лет, а сам Невский послал в Новгород сына Дмитрия в возрасте около 9 лет. Примерно столько же было, по-видимому, и княжичу Ивану в 1296 г.

Не вполне понятно, почему Даниил отправил на Волхов именно Ивана, тогда как у него имелись три более взрослых сына — Юрий, Александр и Борис. Возможно несколько объяснений этому недоумению. Первое заключается в предположении о том, что все три старших брата Ивана (Юрий, Александр и Борис) были в это время неотлучно заняты другими делами и потому не могли быть посланы в Новгород; второе, также предположительное суждение высказал В. А. Кучкин. По его мнению, Иван был не четвертым, а вторым сыном Даниила. Этим обстоятельством ученый объясняет и отправление Ивана в Новгород в 1296 г., и его появление в Переяславле в 1304 г.²⁷

²⁴ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 150–151. Рукопись хранится в РГАДА. Ф. 381. № 161. Л. 260 об. № 111. С. 90.

²⁶ Там же. С. 471. Этот список написан в середине XV в. и находится в статьях, предшествующих Комиссионному списку Новгородской 1 летописи.

²⁷ См.: Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. № 1. С. 99, 102. См. также: Козан В. М. История дома Рюриковичей (опыт историко-генеалогического исследования). СПб., 1993. С. 190.

Если первое предположение не может быть ни доказано, ни опровергнуто в силу отсутствия каких-либо конкретных сведений в источниках, то второе допускает дискуссию. Основу для предположения об Иване как втором сыне Даниила может дать одна из четырех первых статей, предшествующих Комиссионному списку Новгородской 1 летописи. (Все эти статьи написаны одним писцом в середине XV в.) Эта статья («Родословие тех же князей») называет сыновей Даниила Московского в следующем порядке: «Сынове Даниловы: Юрьи Великий, Иван, Борис, Семеон, Александр, Афанасии...»²⁸ Этот порядок существенно отличается от того, который принят в исторической литературе и основан на летописях XVI–XVII вв., — Юрий, Александр, Борис, Иван, Афанасий²⁹.

При всей соблазнительности «новгородской» версии московского княжеского родословия нельзя, однако, забывать и о тех сомнениях, которые она вызывает. Во-первых, во всех четырех первых статьях, предшествующих Комиссионному списку Новгородской 1 летописи, много фактических неточностей, пропусков и ошибок. Во-вторых, следует сравнить данное родословие с его аналогом в следующей статье «А се князи Русьстии». Там последовательность перечисления князей-братьев определяется не их возрастом, а исторической значимостью с точки зрения книжника первой половины XV в.: «И от сего князя Александра пошло великое княжение Московское. Александр роди 4 сыны: Данила Московскаго, Дмитриа Переяславскаго, Василия Костромьскаго (ошибочно. — Н. Б.), Андрея Городецкаго. От сего Андреа пошло колено Суждальских князей... А се Даниловичи великий князи: Юрьи Даниловичь, Иван великий князь, Семеон Иванович, Иван Иванович, Дмитрии Иванович, Василии Дмитриевич»³⁰.

Не исключается, что тот же принцип подборки — «по великим князьям» — определил и порядок расстановки сыновей Даниила в статье «Родословие тех же князей». На это косвенно указывает и эпитет Юрия Даниловича — «Юрьи Великий». Он явно означает не имя собственное, а лишь сокращение титула «великий князь». Другим великим князем из сыновей Даниила был только Иван. Быть может, потому-то он и поставлен в перечне сразу после Юрия.

Наконец, требует комментариев и та схема сыновей Даниила, которая представлена в Русском Хронографе, Никоновской и

²⁸ НЛ. С. 466.

²⁹ ПСРЛ. Т. 7. Спб., 1856. С. 237; Т. 10. С. 174; Т. 22. Спб., 1911. С. 402; Т. 31. М., 1968. С. 81. М. М. Щербатов еще более запутал вопрос своим сообщением о том, что по кончине Даниила Московского осталось «пять сынов»: Георгий, Александр, Иоанн, Борис и Афанасий (см.: *Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен*. Т. 3. Спб., 1774. С. 223). Что это: небрежность историка, спутавшего летописный порядок имен, или свидетельство какого-то неизвестного источника?

³⁰ НЛ. С. 468.

Воскресенской летописях и более поздних памятниках. По наблюдению Б. М. Клосса, составители Никоновской летописи заимствовали перечень сыновей Даниила Александровича из Русского Хронографа, созданного в 1516–1522 гг. иноком Иосифо-Волоцкого монастыря Досифеем Топорковым³¹. Племянник Иосифа Волоцкого, Досифей, был одним из самых эрудированных людей своего времени. Его перу принадлежит и Волоколамский патерик, содержащий уникальные сведения об Иване Калите и митрополите Петре. В патерике Досифей использовал воспоминания преп. Пафнутия Боровского (ум. в 1477 г.), близкого к московскому княжескому дому. Все это позволяет думать, что Досифей был достаточно хорошо осведомлен о порядке старшинства сыновей князя Даниила Александровича. Во всяком случае данный вопрос отнюдь нельзя считать решенным.

День рождения княжича Ивана определить еще труднее, чем год его появления на свет. Однако и здесь можно найти в источниках некоторые косвенные указания, приоткрывающие истину. На печатях Ивана Калиты изображен его патрональный святой, которого большинство исследователей определяет как Иоанна Предтечу³². Таким образом, можно думать, что княжич Иван был назван в честь «ангела пустыни». Известно, что имя для младенца в княжеских семьях подбиралось по месяцеслову, как правило, в пределах примерно недели вперед или назад от дня рождения. Существовал определенный, довольно узкий круг «княжеских» имен, за черты которого выходить было не принято. Бытовавший в домонгольской Руси обычай давать князю два имени — славянское и греческое, церковное, — в XIII в. постепенно исчезает (хотя рязанские князья придерживались его до XV в.).

Определить день рождения Калиты по одному только признаку патрональности Иоанна Предтечи невозможно. Однако источники дают еще одну подсказку. Известно, что перед смертью князь принял монашеский постриг и вместе с ним новое, монашеское имя — Анания. Так же поступил и старший сын Калиты Семен, умерший 27 апреля 1353 г. Незадолго до кончины он принял постриг с именем Созонта. Над этими именами стоит задуматься. В XIII–XIV вв. монашеские имена давались достаточно произвольно. Иногда монашеское имя соответствовало имени того святого, чья память праздновалась в день пострижения³³. Однако и это не было обязательным. Александр Невс-

³¹ См.: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XV–XVII веков. М., 1980. С. 169.

³² См.: Бетин Л. В. Исторические основы древнерусского высокого иконостаза // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств. XIV–XVI вв. М., 1970. С. 61.

³³ Так было определено монашеское имя преп. Сергия Радонежского (Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981. С. 300).

кий перед кончиной принял постриг с именем Алексия³⁴. Между тем ни в день его смерти, ни за несколько дней перед ним нет памяти святого Алексия.

Монашеское имя князя Семена было обусловлено днем его рождения. Летописи сообщают, что он появился на свет 7 сентября 1317 г. — в день святого Созонта.

День рождения, несомненно, был особым днем в княжеских семьях. И хотя основное торжество приходилось на «день ангела» (день памяти святого, в честь которого человек был назван), почитали и святого, чье празднование совершалось в день рождения. Известен, например, нагрудный образок царевича Ивана, старшего сына Ивана Грозного. На лицевой его стороне — преподобный Иоанн Лествичник, во имя которого царевич был назван, а на оборотной — святой Марк, епископ Арефусийский, и святой Кирилл-диакон. Их память приходилась на 29 марта, день рождения царевича³⁵.

Продолжая эту цепь рассуждений, заметим, что в московской княжеской семье очень сильна была преемственность, почитание предков. Князь Семен весьма чтил своего отца Ивана Калиту, во всем следовал его заветам и даже в завещании умолял братьев хранить духовную традицию семьи. Сыновья Калиты скрепляли свои договоры целованием креста «у отня гроба» — у могилы отца. Можно думать, что и в выборе монашеского имени Семен последовал примеру отца. А если это так, то, значит, и сам Калита взял свое монашеское имя по имени святого своего дня рождения.

Имя Анания было редким. Оно указывало либо на апостола Ананию, «единого от 70», либо на одного из Трех Отроков книги пророка Даниила. Заметим, что сам месяцеслов с течением времени изменялся. Даже в одно и то же время он мог быть различным в разных рукописях. Поэтому мы пользуемся сохранившимися до нашего времени московскими месяцесловами XIV в., и в первую очередь месяцесловом Сийского Евангелия (Москва, 1340 г.) и месяцесловом Евангелия Семена Гордого, сына Калиты. Согласно этим источникам апостол Анания чествовался индивидуально только один раз в году — 1 октября. Анания-отрок вспоминался церковью 17 декабря, но не особо, а вместе с двумя другими отроками и пророком Даниилом³⁶. Если бы Калита родился в этот день, его монашеским именем стало бы имя наиболее чтимого из этой четверки — Даниила.

³⁴ ПСРЛ. Т. 31. С. 74.

³⁵ См.: *Постникова-Лосева М. М.* Три камня Государственной Оружейной палаты // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975 г. М., 1976. С. 231.

³⁶ См.: *Бугославский Г. К.* Рукописные евангелия древнехранилища Архангельского епархиального церковно-археологического комитета. Архангельск, 1904. С. 13–14; *Леонид (Кавелин), архим.* Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой Лавры // ЧОИДР. 1880. Кн. 4. С. 4, 7; *Сергий (Спасский).* Полный месяцеслов Востока. Т. 2. М., 1997. С. 304, 386.

Итак, остается только одна возможная дата — 1 октября. Применительно к нашей гипотезе она должна отвечать одному условию: где-то поблизости от нее должен быть день памяти Иоанна Предтечи. И такой день, действительно, есть! 23 сентября, за неделю до святого Анании, отмечался большой церковный праздник — Зачатие Иоанна Предтечи³⁷. Значит, есть все основания думать, что будущий «собиратель Руси» родился 1 октября. Он был назван во имя Иоанна Предтечи, но при этом чтит и святого своего дня рождения — апостола Ананию.

Среди ближайших потомков Калиты заметно какое-то особое отношение к дню 1 октября. Князь Семен Иванович в этот день в 1340 г. торжественно взошел на великое княжение Владимирское. Внук Калиты Владимир Серпуховской в этот же день в 1372 г. совершил свою интронизацию в Новгороде. Другой внук князя Ивана, Дмитрий Донской, приурочил к 1 октября торжественное вступление своих войск в Москву после Куликовской битвы. Правнук Калиты московский князь Василий Дмитриевич в этот день в 1405 г. освятил каменный Успенский собор Симонова монастыря — семейного «богомолья» потомков Калиты, основанного Дмитрием Донским в 1370-е годы³⁸.

Со временем день 1 октября в русском православии стал днем одного большого праздника — Покрова Богородицы. Однако в XIV в. в Москве этот праздник был малоизвестен. В месяцеслове Сийского Евангелия и месяцеслове Евангелия Семена Гордого 1 октября — только память св. апостола Анании. Покрова здесь нет вовсе, как нет его и в псковском месяцеслове XIV в. Имя Анания в переводе с древнееврейского означало «тот, кого Бог даровал». То же самое — «благодать Божия», «Божий дар» — означает по-еврейски и имя Иоанн. Среди московских книжников были, конечно, люди, способные разъяснить родителям Ивана, а позднее и ему самому сокровенное значение и связь обоих имен.

О том, как внимательно относились тогда к подобного рода вещам, свидетельствует летописный некролог князя Владимира Васильковича (Ипатьевская летопись, 1288 г.), носившего крестильное имя Иоанн. Летописец строит свою похвалу на хорошо известном ему и его читателям

³⁷ Леонид (Кавелин), архим. Указ. соч. С. 4. В месяцеслове Сийского Евангелия, вообще довольно лаконичном, этот праздник отсутствует. Однако он отмечен в древнем месяцеслове Студийского устава (см.: Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. 2-я пол. тома. М., 1881. С. 667). Есть он и в месяцеслове в исследованных Я. Н. Щаповым псковских списках кормчей книги Русской редакции. Древнейший из известных списков относится ко второй четверти XV в., однако архепит псковского календаря датируется периодом от 1280-х до 1420-х гг. (см.: Щапов Я. Н. Календарь в псковских рукописях XV—XVI вв. // ТОДРЛ. Т. 37. Л., 1983. С. 157—183); Сергей (Спасский). Указ. соч. С. 296.

³⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 53; Т. 11. С. 19; Т. 18. С. 151; Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 156.

значении имени Иоанн: по-древнееврейски — «Божий дар»: «Царю мой благый, кроткий, смиренный, правдивый! Воистину наречено бысть тебе имя во крещении Иван, всею добродетелью подобен еси ему» (то есть Божию дару)³⁹.

Для людей Нового времени названные нами совпадения могут показаться случайными, а построенные на них суждения — натянутыми. Однако не забудем, что речь идет не о наших современниках, а о людях Средневековья. Мир вокруг них был загадочным и пугающим. Символизм расцвел как почти единственное доступное средство его познания. Все числа и имена имели тайный смысл. «Средневековая символика начиналась на уровне слов, — говорит известный французский медиевист Жак Ле Гофф. — Назвать вещь уже значило ее объяснить»⁴⁰. Среди различных форм средневековой символики важное место занимала символика чисел. К ней относилась и символика хронологическая — даты событий, количество лет между ними.

Поиски сокровенного смысла были любимым занятием людей хоть немного образованных и лобознательных. Календарные даты и приуроченные к ним святые — классическое соединение темы чисел с темой имен. За всем этим угадывался тайный смысл мира, слышался грозный гул Провидения. Углубляясь в мир символики, люди подчиняли ей многие свои поступки, говорили на ее языке.

Помимо поездки княжича Ивана в Новгород в 1296 г. есть лишь одно событие его отрочества, где он выступает самостоятельным действующим лицом. Речь идет о крещении сына виднейшего московского боярина Федора Бяконта, будущего митрополита Алексея (1354–1378).

Сведения о рождении и крещении будущего митрополита довольно противоречивы. Рогожский летописец сообщает, что Алексей родился «в княжение великое Тверское Михайлово Ярославича при митрополите Максиме, до оубиения Акинфова, старее сын князя великаго Семена 17 лет, крести же его еще младенца суца князь Иван Данилович, еще сый не в великом княжении»⁴¹. Исходя из того, что князь Семен Иванович родился в 1317 г., рождение Алексея можно отнести к 1300 г.⁴² Однако в том же рассказе «О Алексее митрополите» Рогожского летописца

³⁹ ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 919; Сапунов Б. В. Книга в России в XI–XIII вв. Л., 1978. С. 180.

⁴⁰ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 308. Интересные наблюдения о княжеских именах сделаны О. В. Лосевой (см.: Лосева О. В. Месяцеслов и именовслова в Древней Руси // Румянцевские чтения. Ч. 2. М., 1996. С. 63–71).

⁴¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 121.

⁴² К этому выводу пришел и митрополит Макарий (Булгаков), писавший, что «Алексий родился к концу XIII или в начале XIV в.» (Макарий (Булгаков). Указ. соч. С. 32).

сообщается, что святитель умер в возрасте 85 лет⁴³. В этом случае дата его рождения — около 1293 г.⁴⁴

Заметим все же, что эта последняя дата едва ли верна. Во-первых, исходя из этой даты следовало бы признать, что Калита родился не позднее 1278 г., так как в момент крещения восприемнику надлежало быть не моложе 15 лет⁴⁵. Но такое допущение вступает в противоречие с данными о возрасте старшего брата Калиты Юрия. Источники не сообщают год его рождения, но свидетельствуют о том, что он женился в Ростове в 1297 г.⁴⁶ Стало быть, Юрий родился около 1281 г.⁴⁷ (Учитывая остроту политической борьбы тех лет, можно быть уверенным в том, что Даниил Московский не медлил с женитьбой сына и установлением таким способом полезных родственных связей.) Но Юрий не мог быть младше своего младшего брата! К тому же между ними, судя по всему, стояли еще два брата — Александр и Борис.

Во-вторых, известие Рогожского летописца о том, что Алексей был на 17 лет моложе князя Семена, отмечено конкретностью, тогда как цифра 85 как срок жизни митрополита возникает из сложения весьма округленных, примерных сроков его пребывания в миру и в монашестве. Особое сомнение вызывает цифра «40» — «а в черничестве поживе 40-ть лет», — которая имела прежде всего мистическое, провиденциальное значение.

Таким образом, есть все основания остановиться на 1300 г. как примерном сроке рождения митрополита Алексея и появления будущего великого князя Ивана Даниловича в роли восприемника от купели сына Федора Бяконта⁴⁸. Отсюда, как и из факта появления княжича

⁴³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 124.

⁴⁴ Эта дата встречается в литературе. См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Часть 1. Л., 1988. С. 25.

⁴⁵ См.: Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. М., 1993. С. 993.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Л., 1928. Стб. 528.

⁴⁷ Эту дату принимают современные исследователи княжеской генеалогии (см.: Козан В. М. Указ. соч. С. 259).

⁴⁸ Существует, конечно, вопрос о том, почему именно княжич Иван был приглашен на роль восприемника новорожденного сына Федора Бяконта. Можно высказать некоторые предположения на этот счет. Из жития митрополита Алексея известно, что он имел два мирских имени — Елевферий и Симеон. Вероятно, по аналогии с княжескими традициями наречения имен одно имя было дано при рождении, а другое — при крещении (см.: Лосева О. В. Указ. соч. С. 63–71). Известно также, что крещение младенца в аристократических семьях обычно совершалось на 40-й день после рождения (Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века... С. 268). Во всяком случае, крещение совершали не позднее, чем через сорок дней после появления младенца на свет. Память священномученика Елевферия по месяцеслову той эпохи (месяцеслов Сийского Евангелия, месяцеслов Евангелия Семена Гордого) праздновалась 15 декабря. За сорок дней до этой даты нет памяти св. Симеона. Через сорок дней (25 января) есть в недалеком соседстве память преп. Симеона Ветхого и в более отдаленном — Симеона Богоприимца (3 февраля). Один

Ивана в Новгороде в 1296 г., можно сделать вывод, что время его рождения — середина 80-х годов XIII в.

В 1304–1305 гг. спор в Орде за великое княжение Владимирское развивался параллельно с борьбой московских и тверских сил за контроль над важнейшими городами Северо-Восточной Руси и Новгородом. Кульминацией этой борьбы стало сражение за Переяславль. Оно по-разному освещается источниками. Новгородская 1 летопись обоих изводов вообще умалчивает о нем, ограничиваясь общей фразой о «замятне» в городах Суздальской земли во время спора о великом княжении Владимирском в Орде между Михаилом Тверским и Юрием Московским. О «замятне» вообще не упоминает Свод 1305 г. (Лаврентьевская летопись); нет этих известий и в продолжении Суздальской летописи по Академическому списку. Умалчивают о «замятне» и о борьбе за Переяславль Рогожский летописец и Тверской сборник, наиболее отчетливо сохранившие тверскую летописную традицию XIV столетия.

Подробности «замятни» сохранились лишь в московском летописании. Троицкая летопись, по-видимому, содержала эти сведения в том изложении, которое представляет Симеоновская летопись⁴⁹. Под 6813 ультрамартовским годом сообщается о кончине великого князя Андрея Александровича, о поездке Михаила Тверского в Орду и возвращении с ярлыкание великое княжение Владимирское. Затем следует известие о пожаре от молнии церкви святого Феодора в Костроме (этим сообщением заканчивается Свод 1305 г. в изложении Лаврентьевской летописи). Далее помещен целый блок известий, посвященных «замятне» в городах Северо-Восточной Руси в 1304–1305 гг.: «Того же лета Юрья Московскаго в Суждале переимали да не изнимали. Тогда князь Юрьи со своею братьею в Орду пошел, а князь Бориса, брата своего, послал на Кострому, ине его изнимав да повели на Тферь. Того же лета бысть вече на Костроме на бояр, на Давыда Явидовича, да на Жребца и на иных; тогда же и Зерня убили Александра»⁵⁰. Заканчивается 6813 г. тремя ростовскими известиями: о кончине епископа Тарасия, о падении двух колоколов в Ростове и о кончине князя Константина Ростовского.

Далее, уже под следующим 6814 г. в Симеоновской (и Троицкой) — самостоятельный рассказ о событиях в Переяславле. «В лето 6814 бысть убьение Акинфово, тферскаго боярина, князю Михаилу Тферскому, также и князю Юрию Московскому в Орде сущим. Князь

из этих Симеонов и «подсказал» крестильное имя будущего митрополита Алексея. Таким образом, будущий митрополит родился накануне дня памяти пророка Даниила и Трех Отроков, который по большинству месяцесловов падает на 17 декабря, а по некоторым — на 15 или 16 декабря. Имя одного из Отроков (Анании) указывало на княжича Ивана Даниловича.

⁴⁹ Приселков М. Д. Указ. соч. С. 351–352.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 18. С. 86.

же Иван Данилович с Москвы приехал в Переяславль и сел в нем. Тогда бысть ему бой с Акинфом Тферским, с князем же с Иваном с единого переяславская рать, к тому же приспела и московская рать и бишася зело крепко, и поможе Бог князю Ивану и уби Акинфа у Переяславля, и зятя его Давыда, и множество тферичь, и погнашася за ними и настигающе много тферичь побиша. Дети же Акинфовы, Иван и Федор одва убежали в Тферь. И тое же осени князь Михаило Ярославич Тферский вышел из Орды на княжение великое и того лета ходил ратью к Москве на князя на Юрья и на его братью»⁵¹.

В исторической литературе считалось, что с 1302 г. Переяславль был частью территории Московского княжества. Новая схема борьбы за Переяславль построена В. А. Кучкиным: получив этот город по кончине Ивана Переяславского в 1302 г., сохранив его за собой на каких-то условиях в 1303 г. на княжеском съезде в Переяславле, отстояв его от нападения тверичей в 1305 г., московские князья потеряли его после войны с Михаилом Тверским в конце 1305 г. С этого момента и до времен Дмитрия Донского Переяславль был частью великого княжения Владимирского. Вместе с другими великокняжескими территориями он стал «вотчиной» московских князей по завещанию Дмитрия Донского⁵².

Однако в данном случае нас интересует не общая схема, а само сражение за Переяславль в 1305 г. и его описание в летописях. Прежде всего обращает на себя внимание сам характер данного известия в Своде 1408 г. Оно явно выпадает из ряда обычных сообщений о княжеских войнах. Своеобразие данного известия состоит прежде всего в перечислении имен тверских бояр, участвовавших в набеге на Переяславль (Акинф, его сыновья Иван и Федор, его зять Давыд). Вглядываясь в текст статей 6813 и 6814 гг. в Симеоновской летописи, можно заметить некоторые детали, позволяющие объяснить всю конструкцию данного фрагмента. Между двумя первыми фразами статьи 6814 г. заметен «шов». Здесь, как и в статье предшествующего года, на древний рассказ о «замятне» в городах Северо-Восточной Руси в 1304–1305 гг. довольно неуклюже накладывается поздняя «Повесть об убиении Акинфове» — произведение, связанное с местными спорами московских бояр и их фамильными преданиями⁵³.

Этот древний рассказ отчетливо выделяется как стилистически, так и внутренней логикой повествования: «В лето 6813 месяца Июля в 27 преставися князь великий Андрей Александрович и положен бысть на Городце в церкви святого Михаила. Того же лета князь Михаило

⁵¹ Там же. По мнению Д. Феннела, «бой под Переяславлем состоялся в конце 1304 — начале 1305 г.» (Fennell J. Op. cit.).

⁵² См.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 138–139.

⁵³ См.: Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 104. Прим. 3; Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969. С. 354–356.

Тферский в Орду пошел... Того же лета князя Юрья Московскаго в Суждале переимали да не изнимали. Тогда князь Юрьи съ своею братьею в Орду пошел, а князя Бориса, брата своего, послал на Кострому, ине его изнимав да повели на Тферь. Того же лета бысть вече на Костроме на бояр, на Давыда Явидовича, да на Жребца и на иных; тогда же и Зерня убили Александра... (Продолжение — из статьи 6814 г.) Князь же Иван Данилович с Москвы приехал в Переяславль и сел в нем. Тогда бысть ему бои с Акинфом Тферским, с князем же с Иваном с единого переяславская рать, к тому же приспела и московская рать и бишася зело крепко, и поможе Бог князю Ивану и уби Акинфа у Переяславля, и зятя его Давыда, и множество тферичь, и погнашася за ними и юстигающе много тферичь побиша. Дети же Акинфовы, Иван да Федор одва убежали в Тферь. И тое же осени князь Михаило Ярославич Тферский вышел из Орды на княжение великое и того лета ходил ратью к Москве на князя на Юрья и на его братью»⁵⁴.

По-видимому, вся эта запись была сделана в Москве по горячим следам событий. Об этом свидетельствует и дважды повторенное выражение «Юрий с братиею», подчеркивающее единство Даниловичей. Это единство сохранялось до 1307 г., когда Александр и Борис Даниловичи бежали из Москвы в Тверь⁵⁵. Современностью данной записи или ее протографа событиям объясняется и перечень бояр, пострадавших в Костроме и под Переяславлем.

Данная запись о «замятне» 1304–1305 гг. среди других записей летописного характера времен Юрия и Ивана Калиты попала в руки к составителю Свода 1340 г. По-видимому, он воспроизвел ее без изменений как ценное свидетельство достоинств своего главного героя — князя Ивана Даниловича. Из Свода 1340 г. эта запись через промежуточные памятники попала в Свод 1408 г. (Троицкую летопись). Именно эта летописная запись дала основу для различных построений в боярских родословиях и в том числе для «Повести об убиении Акинфове». В свою очередь эти родословные мотивы наложились на изначальный текст записи, придав ей тот раздробленный вид, который она имеет в летописях XVI в.

В этой связи представляет интерес описание переяславской битвы 1305 г. в позднейших по отношению к Своду 1408 г. московских летописях.

В Софийской 1 летописи содержится краткий рассказ о переяславском сражении, близкий к рассказу Новгородской 4 летописи. Их общий источник — Свод 1448 г. Однако в Софийской 1 летописи есть два дополнения: Юрий Московский назван «великим князем», а об Иване Калите сказано, что он в Переяславле «седе на великом княжении»⁵⁶. Очевид-

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 18. С. 86.

⁵⁵ Там же; *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 352.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 5. Спб., 1851, С. 204; Т. 4. Вып. 1. Пг., 1915. С. 252, Т. 39. С. 97; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 89.

но, оба эти дополнения — ошибки летописца первой половины XVI в. Примечательно, что в Софийской 1 летописи по списку И. Н. Царского данный сюжет изложен почти тождественно с Новгородской 4 летописью и о «великом княжении» Ивана Калиты речи нет.

Никоновская летопись (1520-е гг.) в повествовании о событиях 1304–1305 гг. предлагает чересполосное соединение новгородского (НЛ) и московского (Свода 1408 г.) рассказов. Оба рассказа даны полностью и при этом украшены риторикой⁵⁷. В тексте Никоновской, а позднее и Воскресенской летописи (по-видимому, под влиянием Софийской 1 летописи, с которой составитель Никоновской был знаком) появляется та же двойная ошибка: Юрий Данилович назван «великим князем», а Иван Калита садится в Переяславле на «великом княжении»⁵⁸.

Истоки этой распространившейся по летописям XVI в. ошибки следует искать в соответствующем тексте Симеоновской летописи. Здесь мы находим следующее чтение, восходящее, по-видимому, к Своду 1408 г.: «Князь же Иван Данилович с Москвы приехал в Переяславль и сел в нем»⁵⁹. Здесь глагол «сел» употреблен в смысле «сел в осаду», «затворился в крепости». На одном из этапов последующей работы с текстом Свода 1408 г. (до середины XV в.) какой-то книжник решил разъяснить читателю не вполне ясное слово «сел» как «сел на княжение». В Московском летописном своде конца XV в. под 6812 г. сообщается: «Того же лета князь Иван Данилович пришед в Переславль седе на княжении»⁶⁰. Выражение «сел на княжении» было у летописца «на кончике пера», носило характер литературного клише. Таким образом, нет оснований из этой фразы протографа Софийской 1 и Новгородской 4 летописи делать вывод, что Иван Калита захватил Переяславль лично для себя вопреки воле Юрия и воспользовавшись его отсутствием⁶¹. На несостоятельность такой трактовки событий справедливо указывал А. Е. Пресняков⁶².

Ясно, что Юрию, сохранившему надежду на реванш, было выгоднее держать братьев на роли безудельных подручников. Получив уделы, они неизбежно обособились бы от общемосковских дел, а может быть, и втянулись бы в удельные распри со своим старшим братом. И потому Юрий не дал братьям раздела. В «Истории» В. Н. Татищева Афанасий Данилович назван «можайским»⁶³. Возможно, к концу жизни Юрий

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 10. С. 175.

⁵⁸ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 104. Прим. 3; Клосс Б. М. Указ. соч. С. 148.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 18. С. 86.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.: Л., 1949. С. 393. В «Записках касательно Российской истории» императрицы Екатерины II Иван Данилович именуется «Переяславским» (Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. С. 85). Очевидно, это отражение тех же летописных недоразумений.

⁶¹ См.: Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. 1. Спб., 1890. С. 50.

⁶² См.: Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 104. Прим. 3.

⁶³ Татищев В. Н. Указ. соч. Т. 5. М., 1996. С. 80.

дал ему удел. Однако это уникальное татищевское известие вызывает сомнения у исследователей.

Александр Данилович умер в 1307 г.⁶⁴ Никаких подробностей его жизни и смерти летописи не сохранили. Борис Данилович вернулся в Москву между 1307 и 1317 гг. В Бортеневской битве этот князь участвовал на стороне Юрия Даниловича и попал в плен к тверичам. Однако вскоре он был отпущен. Можно думать, что, получив великое княжение Владимирское в 1317 г., Юрий отправил Бориса своим наместником в Нижний Новгород⁶⁵. Там он умер в 1320 г.

Завершая наблюдения над изображением «замятни» 1304–1305 гг. в летописях, следует признать, что текст Симеоновской летописи есть наиболее близкое воспроизведение протографа — соответствующей записи «Летописца Даниловичей»⁶⁶. Эта запись, пройдя через Свод 1340 г. и какие-то промежуточные памятники XIV в., была воспроизведена составителями Свода 1408 г. (Троицкой летописи). При перемещении из одного летописца в другой запись утратила точную дату и была расчленена на две части, разнесенные между 6813 и 6814 ультрамартовскими годами. Однако она сохранила живые подробности событий и бесхитростность стиля древнейшего московского летописца, чьи вкусы формировались под влиянием лаконичного и строгого ростовского летописания XIII в.

Подводя итог переяславскому конфликту, следует отметить, что в данном случае Москва лишь защищала от нападения тверичей то, что ей уже принадлежало. Как и во всех других эпизодах этой «замятни», Тверь здесь — наступающая сторона. За ней — амбиция владимирского боярства и новгородской олигархии. К Москве тянутся костромские и нижегородские «вечники», новгородская «чернь», переяславские горожане. Не следует преувеличивать значение этого момента. Но не следует и упускать его из виду. Не исключено, что Даниловичи сознательно играли на социальных противоречиях, выставляли себя защитниками «меньших» от произвола знати. Сама социальная ситуация в Московском княжестве, где не было сильной древней аристократии, благоприятствовала такой позиции.

⁶⁴ Симеоновская летопись помещает известие о кончине Александра Даниловича в связке с известием о походе Михаила Тверского на Москву под 6816 г. Видимо, здесь применена ультрамартовская датировка, так как второй поход тверичей на Москву состоялся в августе 1307 г. В Софийской 1 летописи по списку И. Н. Царского кончина Александра Даниловича помещена под 6813 г. Однако предпочтение следует отдать известию Симеоновской летописи: оно содержит указание на время кончины — «тое же осени».

⁶⁵ По мнению В. А. Кучкина, Борис Данилович княжил в Нижнем Новгороде как полноправный правитель (Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 139). Однако трудно поверить в то, что Юрий Данилович вырезал из территории принадлежавшего ему великого княжения Владимирского независимый удел для брата, в лояльности которого он не был уверен.

⁶⁶ Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV века. М., 1983. С. 135.

3. Московская политика в период великого княжения Михаила Тверского (1305–1310)

Попытки тверских и владимирских бояр заставить костромичей, нижегородцев, переяславцев и новгородцев признать Михаила Ярославича великим князем Владимирским еще до его утверждения в Орде на первый взгляд выглядят весьма странно. Ведь воля хана могла разом перечеркнуть все старания доброхотов Михаила. Однако все объяснялось просто. Михаилу, как, впрочем, и Юрию Московскому, были до крайности нужны деньги (или же товары, которые могли быть быстро обращены в звонкую монету). Именно деньги решали тогда судьбу великого княжения в Орде.

Разоренный многолетней войной с Ногаем, хан Тохта как никогда нуждался в средствах. После гибели Ногай обстановка в степях еще лет десять оставалась нестабильной. На землях, где прежде распоряжался Ногай (Северное Причерноморье), пытались утвердиться его сын Джека и внук Каракишек. А в столице государства у хана был тайный соперник — его собственный брат Бурлюк⁶⁷.

По всем этим причинам алчность ханского двора в период пребывания там Юрия и Михаила была поистине беспредельной. Орда не любила спешить в серьезных делах. Русские князья обычно по многу недель ожидали приема у хана, а после приема и вручения подарков опять ждали, пока доверенный чиновник не сообщит им о решении «повелителя всех тех, кто живет за войлочными стенами». Живя в Орде, князья часто слали на Русь гонцов с требованием привезти еще денег. Иногда они уезжали в Орду, обязав своих бояр срочно изыскать деньги тем или иным способом и выслать им вслед. Вероятно, именно эти попытки тверских бояр собрать в городах деньги для еще не утвержденного великого князя и вызвали сопротивление жителей Новгорода, Костромы и Нижнего Новгорода в 1304 г. Ту же цель, вероятно, имел и налет Акинфа на Переяславль, успешно отраженный князем Иваном Даниловичем.

Издав все свои запасы и не получив достаточно денег из Руси, Михаил Тверской обещал хану, что в случае его утверждения великим князем Владимирским он увеличит дань, выплачиваемую Северо-Восточной Русью в ордынскую казну⁶⁸.

А. Е. Пресняков писал: «Перед нами значительный момент в истории Владимирского великого княжества, и нельзя не пожалеть, что лето-

⁶⁷ См.: Шабурдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 19; Hartog L. de. Russia and the Mongol Yoke. The History of the Russian Principalities and the Golden Horde, 1221–1502. London; New York, 1996. P. 76–78.

⁶⁸ Татищев В. Н. Указ. соч. Т. 5. С. 70.

писные своды сохранили лишь отрывочные и слишком глухие известия. Но и по этим весьма недостаточным данным ясно, что борьба между Михаилом и Юрием пошла за широкую задачу — за власть над всей Великороссией, стало быть, за восстановление единства ее политических сил и политического главенства над ними. Попытка Михаила Ярославича и его сторонников бояр захватить такие пункты, как Великий Новгород, Переяславль, Кострома и Нижний Новгород, не может быть сведена к «усилению Твери» или «увеличению тверского удела». Явственно проявились более широкие политические притязания; завязалась борьба за наследие великих князей Александра и Ярослава Ярославичей⁶⁹.

Михаил Тверской в конце 1305 г. торжественно вступил на великокняжеский престол во Владимире. В церемонии интронизации участвовал митрополит Максим⁷⁰. Вероятно, это была его последняя публичная акция. 6 декабря 1305 г. Максим ушел туда, «идеже несть печаль, ни воздыхание, но жизнь вечная». Его похоронили в Успенском соборе во Владимире на Клязьме, в приделе во имя святого Пантелеймона⁷¹.

Тверской князь выиграл схватку в Орде. Но впереди еще была тяжелая борьба на Русн. Прежде всего, Михаил должен был сломить сопротивление своих недругов.

В 1305 или 1306 г., вероятно, по приказу Михаила Тверского сын Андрея Городецкого Михаил расправился с «вечниками», бунтовавшими в Нижнем Новгороде против бояр⁷². Эта расправа была связана с борьбой за великое княжение Владимирское в 1304–1305 гг. Никоновская летопись сообщает, что во время мятежа «избиша черныя люди бояр княже Андреевых Александровичя»⁷³. Далее, продолжая тему, летопись сообщает, что «князь Михайло Андреевич прииде изо Орды в Нижней Новгород, и изби всех вечников, иже избиша бояр»⁷⁴. Правильное написание в Никоновской имени князя Михаил Андреевич, а не Михаил Ярославич заставляет с доверием отнестись и ко всей информации о нижегородском мятеже.

⁶⁹ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 105.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 5. С. 208.

⁷¹ Симеоновская летопись и Рогожский летописец помещают кончину Максима под 6815 г. (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 35; Т. 18. С. 87). Новгородская 1 летопись вообще не содержит этого известия, равно как и Свод 1305 г. (Лаврентьевская летопись). В продолжении Суздальской летописи по Академическому списку кончина Максима датируется 6813 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 528). Ту же дату дает и Софийская 1 летопись по списку И. Н. Царского (ПСРЛ. Т. 39. С. 97). Однако в последней число месяца названо ошибочно — 16 декабря. Наиболее подробная запись о кончине Максима и месте его погребения — в Воскресенской летописи (ПСРЛ. Т. 7. С. 184). Однако здесь, как и в Софийской 1 летописи, день кончины — 16 декабря, год — 6813. Между тем Никоновская летопись, помещая данное известие под 6813 г., закрепляет день 6 декабря указанием — «на память святого чудотворца Николы» (ПСРЛ. Т. 10. С. 176).

⁷² См.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 206–209.

⁷³ ПСРЛ. Т. 10. С. 176.

⁷⁴ Там же.

Но главные действия развернул, конечно, сам Михаил Тверской. Взойдя на великое княжение во Владимире, Михаил вскоре принял поход на Москву. Этот поход состоялся зимой 1305/06 г. Симеоновская летопись сообщает под 6814 ультрамартовским годом: «И тое же осени князь Михайло Ярославич тферский вышел из Орды на княжение великое и того же лета ходил ратью к Москве на князя на Юрья и на его братью»⁷⁵. Эта фраза вместе с другими, составлявшими запись о событиях 1304–1305 гг., по-видимому, читалась уже в Своде 1408 г.⁷⁶ Однако в Симеоновской летописи она явно оборвана: итоги похода не сообщаются. «Потерянная» концовка обнаруживается в летописях, отразивших общерусский Свод 1448 г. и московские своды второй половины XV в. Так, в Софийской 1 летописи по списку Царского сообщается: «Великий князь Михайло Ярославич Тферский прииде из Орды и седе на великом княжении Володимере, и ходи к Москве и взя с Даниловичи мир»⁷⁷. Весьма интересную версию того же сообщения содержат Львовская и Типографская летописи. В первой из них под 6813 г. читаем: «Выиде князь Михайло на великое княжение; иде к Москве, на Юрья и на брата его, и взя с ними мир»; во второй данное известие дано еще более конкретно: «В лето 6813 выиде из Орды на великое княжение князь Михайло Ярославич Тверский и ходи к Москве на князя Юрья и Ивана и смирился с ним»⁷⁸.

Можно, конечно, истолковать приведенные фрагменты как результат позднейших искажений, вкрапившихся в первоначальный текст Свода 1408 г. (по Симеоновской летописи) — «...на Юрья и на его братью». Однако прежде следует исследовать вопрос: кто же из братьев действительно был с Юрием в Москве зимой 1305/06 г.? Присутствие Ивана не вызывает сомнений, так как гнев Михаила был направлен именно на него. Борис Данилович в это время находился в Твери под стражей и вернулся в Москву, конечно, лишь после заключения мира с Михаилом. Афанасий Данилович в 1305 г. был слишком молод, чтобы играть заметную роль. Его первое самостоятельное появление на политической сцене относится лишь к 1315 г., когда при обороне Торжка он действовал с юношеской отвагой и безрассудством. Но самое загадочное лицо в этой истории — названный в честь своего великого деда князь Александр Данилович. Именно он как второй по старшинству сын Даниила представлял наибольшую опасность для Юрия. История борьбы между старшими сыновьями Александра Невского была тогда у всех в памяти. Юрий ездил в Орду в 1304 г. вместе с Александром и, возможно, с

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 18. С. 86.

⁷⁶ См.: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись... С. 352.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 39. С. 97. В Софийской 1 схожий текст. Однако вновь, как и в рассказе о переяславской войне, неправильно используется великокняжеский титул применительно к московским князьям. Михаил Тверской «ходи к Москве, и взя с великими князи с Даниловичи мир» (Там же. Т. 5. С. 204).

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. Спб., 1910. С. 173; Т. 24. Пг., 1921. С. 107.

Афанасием, так как в летописи использовано выражение «Юрьи съ своею братьею». Два других брата остались на Руси. Юрий явно не хотел оставлять Александра вместо себя в Москве, чтобы не допустить укрепления его связей с московским боярством и горожанами. Но и поездки в Орду обычно усиливали у младших князей соблазн выступить против старших. Примечательно и другое. Московские источники первой половины XIV в. хранят об Александре Даниловиче почти полное молчание. Сообщается лишь о его бегстве в Тверь и скорой кончине. Вероятно, это нарочитое замалчивание. Александр был первым мятежником в московской княжеской семье. Он подавал плохой пример последующим поколениям.

Все это заставляет усомниться в том, что Александр вместе с Юрием защищал Москву зимой 1305/06 г. Не подлежит сомнению лишь участие в этой войне Юрия и Ивана Даниловичей. Их-то и называет Типографская летопись, сохранившая в этом фрагменте известие какого-то внесмоковского источника. Очевидно, это был источник среднерусского происхождения, так как Новгородская 1 летопись вообще умалчивает об этой войне. Источник этот был неизвестен даже широко осведомленному составителю Никоновской летописи, который в данном случае лишь украсил риторикой сообщение Свода 1408 г. (Троицкой летописи).

В 1306 — первой половине 1307 г. Михаил Тверской вел переговоры с Новгородом, обсуждая условия своего княжения на Волхве. Сохранился ряд документов, отражающих эту подготовительную работу⁷⁹. Активность московского семейства в эти годы была ослаблена внутренними распрями. Под 6815 ультрамартовским годом Симеоновская летопись сообщает: «Тое же осени князь Александр и Борис отъехали в Тферь с Москвы»⁸⁰.

Бегство братьев Юрия в Тверь связывают с обострением московско-рязанских отношений и казнью в Москве пленного рязанс-

⁷⁹ См.: Янин В. Л. Указ. соч. С. 152–155. Несомненно, московский князь Юрий пытался помешать приходу Михаила в Новгород. Летописи молчат об этом. Однако уникальная информация сохранилась в исторических сочинениях Екатерины II: «Князь Юрий Данилович Московский, возвратясь из Орды и узнав, что новгородцы не приняли тверского наместника и бояр, начал потаенно пересылаться с новгородцами, дабы договор учинили с ним о крестном целовании ему, обещая им всякую помощь противу немец и свей, напоминая им дела Александровы и его сыновей. Новгородцы, яко обычай имели, колебались. Родственники княгини Ксении Тверской, матери князя Михаила, и к ним приверженные кровию или дружбою хотели князя великого Михаила Ярославича, а им противные паче же чернь хотела из рода Александрова князя» (Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. С. 55–56). Стилистика этого фрагмента принадлежит XVIII веку. Однако уникальные подробности (например, поддержка «чернью» Юрия Московского) заставляют видеть в основе этого сообщения какой-то древний новгородский источник, не дошедший до наших дней.

⁸⁰ ПСРМ. Т. 48. С. 86.

кого князя Константина. Такая связь прямо указана и в исторических трудах Екатерины II: «В 1305 году, в Филиппово говение бысть князю Юрию Московскому извет на князя Константина Романовича Рязанского, его же поймал на бою хитростию князь Даниил Александрович Московский, яко пересылается с татары и оных хоцет навести на области Московския, и разгневался зело на князя Рязанского, в имании уже четыре года сидящего, повеле у себя на Москве князя Константина Романовича Рязанского казнити. Братия же князя Юрия Московского — князья Александр и Борис Даниловичи, находя казнь единокровного им князя Рязанского сурову, пришед к брату, говорили ему, что он неприличное и ужас наводящее дело затеял, и бысть речи многи и ссора велия между братий; князь Юрий же разгневался сильно на братий своих, и они, опасаясь гнева его, отъехали от него с Москвы к князю великому Михаилу Ярославичу Владимирскому и Тверскому.

Услыша князь Василий Константинович Рязанский убиеие отца своего на Москве, печалися зело и после ко князю великому Михаилу Ярославичу Владимирскому и Тверскому с жалобою и просить управы на князя Юрия Московского. Князь великий Михаил обещал князю Рязанскому управу и помощь противу князя Московского, но отлагал оныя, дондеже возвратится из Новаграда. Князь Василий же Рязанский между тем сам поехал во Орду к хану Тохте домогаться войск татарских и получил обещание о присылке оных»⁸¹.

В приведенном тексте трудно уловить подлинную причинно-следственную связь событий, хотя сами события достоверны. Начать распутывание этого клубка следует с того очевидного положения, что обострение ситуации на южных рубежах Московского княжества и ухудшение его отношений с татарами было весьма выгодно Михаилу Тверскому. Несомненно, именно он и скрывается за кулисами этой драмы как ее главный режиссер. Другая очевидность состоит в том, что жестокость наказания, уготованного Юрием Константину Рязанскому, соответствовала тяжести его вины перед Москвой. По-видимому, пленный рязанский князь и его рязанские родичи сыграли роль посредников между московскими заговорщиками (Александром и Борисом Даниловичами) и Ордой. Цель заговора состояла в том, чтобы в масштабах Московского княжества повторить переворот 1252 г. и с помощью татарских войск изгнать Юрия куда-нибудь во Псков, освободив московский стол для Александра Даниловича. Примечательно, что второй мятежник, Борис Данилович, при неясных обстоятельствах ушел из тверского плена и вернулся в Москву незадолго

⁸¹ Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. С. 57. В этом фрагменте особенно заметна близость текста Екатерины II к Никоновской летописи. Таким образом, еще раз подтверждается мнение о том, что в основе «Записок касательно Российской истории» лежит один из списков Никоновской летописи (см.: Муравьева Л. Л. Указ. соч. С. 108. Прим. 128). Этот список Никоновской, не сохранившийся до наших дней, содержал целый ряд уникальных подробностей.

до мятежа. Не он ли и был переносчиком интриги, задуманной в Твери с целью отомстить несговорчивому Юрию и устранить его с политической сцены? Если так, то тверичи могли организовать ему мнимый «побег» и посулить в случае успеха комбинации хотя бы ту же самую Кострому в качестве удела.

Благодаря какому-то «извету» планы заговорщиков стали известны Юрию. Что он мог предпринять в этой ситуации? Рязанского князя нельзя было долее держать в Москве, но нельзя было и отпустить домой, озлобленного шестью годами московского заточения. Оставался один выход: публичная или тайная казнь. Юрий предпочел первое. Разумеется, таким решением он нажил себе лютого врага в лице сына казненного — Василия Константиновича Рязанского. Очевидно, тот в бессильной ярости разграбил какие-то пограничные московские волости. Ответом был поход Юрия на Рязань. Тогда Василий отправился с жалобой на Юрия в Орду. Там он был убит при неясных обстоятельствах в 1307 г.

Реакцией Орды на рязанский поход Юрия и жалобы рязанских князей стала отмеченная летописями «Таирова рать». Ее справедливо считают антимосковской. Однако нет сведений о разгроме московских земель. Очевидно, Юрий каким-то образом сумел отвести эту угрозу от своих владений³². Но уже сама весть о том, что на Москву идет карательная экспедиция, крайне обострила вопрос о судьбе причастных к рязанско-тверскому заговору братьев Юрия. Целью всей интриги была замена Юрия на одного из них. Этой рокировкой московские бояре могли откупиться от татар. Исходя из этой очевидности, Юрий

³² По мнению А. А. Горского, князь Юрий Московский в 1305–1306 гг. своим сопротивлением утвержденному Ордой великому князю Михаилу Тверскому вызвал гнев хана Тохты, который послал на Москву в 1306 г. «Таирову рать». Именно гнев Орды заставил старших братьев Юрия бежать в Тверь, где они надеялись дожидаться его низложения с московского стола (см.: *Горский А. А. Москва, Тверь и Орда в 1300–1339 годах // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 35–36*). Данная схема вызывает много вопросов. Главный из них состоит в том, что Юрий, насколько известно, не вел в эти годы каких-либо наступательных действий против великого князя Михаила Ярославича, а лишь оборонялся от его нападений. В «Записках» Екатерины II эта история изложена следующим образом: «Того же лета на осень послано бысть от хана Тохты по домогательству князя Василья Рязанского татарское войско под начальством Таирова на низовские места, принадлежащие князю Юрию Московскому и князю с ним в союзе родства или дружбы находящимся; самого же князя Василья Константиновича Рязанского хан оставил у себя. Князь Юрий Данилович Московский со своей стороны посылал ко хану дары и жалобы на князя великого и на рязанские князи, говоря, что они подданным разоряют и приводят в несостояние платить положенные подати. Хан же, быв убежден представлениями и подарками князя Юрия, обещал учинить рассмотрение». В итоге ханского «рассмотрения» виноватым был признан князь Василий Рязанский. «Того же лета (1308 г. в «Записках». — Н. Б.) убиен бысть во Орде князь Василий Константинович Рязанский, и посланы были татарове собрать дань сполна за прошедшие годы с Рязани, а где собрать не могли, поступали военною рукою» (Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. С. 59).

неизбежно должен был прийти к мысли об уничтожении братьев. Расправа с рязанским князем показала, что во имя своих целей он готов на крайние средства. По неосмотрительности Юрия (быть может, умышленной) Александр и Борис сумели бежать из Москвы в Тверь. Там при неясных обстоятельствах Александр вскоре умер. Борис несколько лет спустя был прощен Юрием и вернулся в Москву. Очевидно, он был не столь опасен для Юрия, как Александр.

Уяснив на основе всей совокупности источников общий ход событий, следует вновь обратиться к источникам для уточнения подробностей. Прежде всего, отметим, что летописи крайне скупо освещают московско-рязанскую войну 1306 г. Свод 1408 г. (Троицкая летопись) содержит следующее известие: «...Юрий въеха на Московь с Рязани»⁸³. (Архаическая форма названия города свидетельствует о древнем происхождении данного известия.) Исходя из хронологических наблюдений Н. Г. Бережкова, известия 6815 г. в Симеоновской летописи даны по ультрамартовскому стилю. Стало быть, само событие произошло в 6814 мартовском году, т. е. в период с 1 марта 1306 по 28 февраля 1307 г.⁸⁴ Понятно, что только чрезвычайные обстоятельства могли заставить Юрия в обстановке тревожного ожидания новых враждебных действий со стороны Михаила Тверского покинуть Москву и отправиться с войском в Рязань. Видимо, такой причиной стало нападение рязанского князя Василия на пограничные московские волости в отместку за казнь Юрием его отца в Москве.

Результатом успешного похода Юрия Московского на Рязань в 1306 г. было установление (или восстановление) московского контроля над коломенскими землями⁸⁵.

Казнь Константина Рязанского в Москве согласно Симеоновской летописи состоялась зимой 6815 ультрамартовского года, то есть зимой 1306/07 г. Никоновская летопись дает известие о казни под 6813 г. и приводит более точную датировку казни: «в Филипово говение»⁸⁶. Однако это уточнение, скорее всего, возникло по ошибке. Составитель Никоновской летописи принял начало следующей фразы в своем источнике, Троицкой летописи, за окончание предыдущей. В Троицкой летописи читалось так: «Тое же зимы князь Юрьи князя Костянтина убил Рязанскаго. Тое же зимы в Филипово говенье преставися пресвященныи архиепископ Максим, митрополит всеа Русии, месяца декабря в 6, на память святого отца Николы»⁸⁷.

И все же датировка московской казни в Симеоновской летописи явно ошибочна. Данное событие имело место годом ранее, зимой 1305/06 г. Именно тогда, в момент предельного обострения московско-

⁸³ См.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 276–277.

⁸⁴ Там же. С. 276–277.

⁸⁵ См.: Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 118. Прим. 2.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 10. С. 176.

⁸⁷ Приселков М. Д. Указ. соч. С. 352.

тверских отношений, интрига пленного рязанского князя, призывавшего татар на Москву, была наиболее актуальной. Именно тогда срок его пребывания в московском плену составлял четыре года (о которых упоминается в исторических трудах Екатерины II)⁸⁸. Очевидно, данное известие было взято московским летописцем из какого-то рязанского источника и ошибочно внесено в текст под 6815 г. Равным образом и следующее известие о кончине митрополита Максима в действительности датируется декабрем 1305 г.⁸⁹ Таким образом, в статье 6815 г. в Симеоновской летописи оказались помещенными (причем, в обратном порядке) три известия, относящиеся к 6814 мартовскому году, и два — к 6813 мартовскому году.

В итоге можно представить следующую картину. Вернувшись из Орды осенью 1305 г., Юрий Московский оказался в крайне опасном положении. Михаил Тверской по благословению митрополита Максима взошел на великое княжение Владимирское. Вскоре после кончины святителя (6 декабря 1305 г.) он начал войну против Москвы. Это была месть Юрию за его вмешательство в вопрос о великом княжении, а также месть Ивану Даниловичу за разгром тверского войска под Переяславлем. Однако, начиная войну, Михаил Тверской не был уверен в своем военном превосходстве. Поэтому он подключил к делу дополнительные силы: рязанские князья принялись интриговать против Юрия в Орде, а в самой Москве Александр и Борис Даниловичи тайно готовились выступить против старшего брата.

В этих условиях Юрий в 1306 г. пошел на какие-то существенные уступки тверскому князю. По-видимому, он отдал ему Переяславль и на этом примирился с Михаилом. Примирение с Тверью подорвало основу для развития рязанской и московской линий борьбы против Юрия. Однако вопрос о Новгороде оставался открытым. В 1306 и первой половине 1307 г. Михаил вел тяжелые переговоры с новгородцами, которые за предшествующие три десятилетия привыкли иметь дело исключительно с потомками Александра Невского. Кроме того, отец Михаила Ярослав Ярославич Тверской оставил по себе в Новгороде плохую память своими силовыми методами давления на горожан. Неприязнь к тверскому князю разжигали в Новгороде и московские доброты, поощряемые Юрием Даниловичем.

Только летом 1307 г. Михаил Тверской сумел утвердиться на новгородском княжении. Новгородская 1 летопись по Синодальному списку сообщает: «Седе князь великий Михаило Ярославич, внук великого Ярослава Всеволодича, в Новгороде на столе, в неделю, на Сбор святых отец 630, иже в Халкидоне»⁹⁰. Над этой датой стоит задуматься. По древнерусским месящесловам, память святых отцов IV Вселенского собора в Халкидоне совершалась в первое воскресенье после дня

⁸⁸ Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. С. 57.

⁸⁹ См.: Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 19.

⁹⁰ НЛ. С. 92.

памяти великомученицы Евфимии (11 июля)⁹¹. Такая увязка объяснялась тем, что, согласно церковному преданию, святая Евфимия чудесным образом засвидетельствовала правильность и богоугодность постановлений собора⁹².

В некоторых месяцесловах память отцов IV Вселенского собора приурочена к 16 июля (месяцеслов Остромирова Евангелия, месяцеслов из Паремийника конца XIII в. из библиотеки Троице-Сергиевой лавры, месяцеслов Сийского Евангелия, 1340 г.)⁹³. Причина увязки переходящего праздника с этим днем состоит либо в том, что в год написания данного месяцеслова первое воскресенье после дня св. Евфимии приходилось именно на 16 июля (так было в 1340 г., когда писалось Сийское Евангелие), либо в том, что переписчик механически перенес дату из более раннего месяцеслова, который служил ему образцом.

В 1307 г. первое воскресенье после дня св. Евфимии — 16 июля. Однако отсюда еще не следует, что именно в этот день Михаил Тверской взшел на новгородское княжение⁹⁴. Это могло произойти и в день памяти святых отцов IV Вселенского собора в 1306 г. (17 июля), и в день их памяти в 1308 г. (14 июля).

Таким образом, определение точной даты интронизации Михаила Ярославича в Новгороде с помощью месяцеслова не представляется возможным. Остается либо признать суждение Н. Г. Бережкова о том, что известия 6816 г. даны в Н1Л по мартовскому счету и, следовательно, сообщение об интронизации относится к лету 1308 г.⁹⁵, либо согласиться с более убедительными, на наш взгляд, аргументами В. Л. Янина, относящего это событие к 1307 г.⁹⁶

Весьма примечателен день, избранный Михаилом Тверским для своей интронизации. Вполне понятно, что эту торжественную церемонию, которую совершал сам новгородский владыка, назначали на воскресенье. Так поступали все князья, занимавшие новгородский стол⁹⁷.

⁹¹ См.: Голубинский Е. Е. Указ. соч. С. 671. Эта увязка встречается, например, в свяцах из Студийского устава, переписанного в Новгороде в конце XII — начале XIII в. (см.: Там же. С. 337).

⁹² См.: Сперанский М. Н. Из старинной новгородской литературы XIV века. Л., 1934. С. 94. 133–135; Булгаков С. В. Указ. соч. С. 260.

⁹³ См.: Погодин М. П. Древняя русская история. Т. 2. М., 1870. С. 564; Леонид (Кавелин), архим. Указ. соч. С. 3; Бугославский Г. К. Указ. соч. С. 16; Сергей (Спасский). Указ. соч. Т. 2. С. 215; Т. 3. М., 1997. С. 274.

⁹⁴ На ошибочное мнение о том, что память святых отцов IV Вселенского собора праздновалась только 16 июля, опирались в своих суждениях многие исследователи (см.: Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 119. Прим. 2; Янин В. Л. Указ. соч. С. 153; Ключ Э. Указ. соч. С. 101, 134).

⁹⁵ См.: Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 277; Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 138; Горский А. А. Москва, Тверь и Орда... С. 36.

⁹⁶ См.: Янин В. Л. Указ. соч. С. 152–153. Эту дату принимал и А. Е. Пресняков (см.: Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 119. Прим. 2).

⁹⁷ Н1Л. С. 323, 324, 327.

Однако выбор воскресенья — дня памяти отцов IV Вселенского собора — едва ли случаен. Этот собор известен в истории церкви прежде всего осуждением монофизитской ереси⁹⁸. Тема борьбы с ересями была весьма актуальна и для новгородского владыки в начале XIV в. По уникальному известию В. Н. Татищева, помещенному в его «Истории» под 1313 г., в Новгороде проповедовал тогда свое учение некий «еретик Вавила»⁹⁹. Занимая довольно высокий пост в иерархии («протопоп новгородский»), Вавила имел много слушателей и сторонников. Одним из главных объектов его обличений было монашество («святой ангельский монашеский чин ругаху безбожным и учением бесовским имяноваху»).

Трудно, конечно, судить об этой ереси на основании одного только скудного татищевского сообщения. Однако известно, что именно монофизитство, осужденное в Халкидоне, питало своими идеями многие еретические движения Средневековья. Кроме того, в деяниях Халкидонского собора содержалось важнейшее для борьбы со всякого рода ересями и настроениями в церкви положение о подчинении монахов местному епископу. Наконец, постановления Халкидонского собора (28-е правило) служили каноническим основанием постановления русских митрополитов константинопольским патриархом¹⁰⁰.

Князь Михаил Тверской хотел играть роль защитника православия, опоры церкви в борьбе с еретиками. Идея привлечь на свою сторону церковные верхи, позднее удачно осуществленная Москвой, была важной частью политики Твери. Отражением этой тенденции было и строительство каменного Спасского собора в Твери в 1285–1290 гг., и сближение с митрополитом Максимом, и отправка собственного кандидата на митрополичью кафедру после кончины Максима. В русле этой церковно-политической программы Твери лежало и содействие новгородским иерархам в борьбе с еретическим движением. Интронизация Михаила Тверского и день памяти Халкидонского собора должна была стать свидетельством его безупречного благочестия, преданности ортодоксальным взглядам.

Другим, еще более явным проявлением той же тенденции стала постройка в том же году в княжеской резиденции церкви во имя святых отцов I Вселенского собора. Летописное известие об этом строительстве довольно загадочно: «Того же лета (6816) Якимовая Столбовича постави церковь камени на княжи дворе святых Отець 318, иже в Никии»¹⁰¹. Известие, очевидно, следует понимать так. Задумав

⁹⁸ См.: *Карташев А. В.* Вселенские соборы. М., 1994. С. 256–275.

⁹⁹ *Татищев В. Н.* Указ. соч. Т. 5. С. 72, 281.

¹⁰⁰ См.: *Карташев А. В.* Указ. соч. С. 279–285; Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992. Т. 2. Стб. 1190.

¹⁰¹ НЛ. С. 92. Следует отметить, что культ святых отцов Никейского собора был широко распространен еще в домонгольской Руси и неразрывно связан с необычайно популярным в Новгороде культом святителя Николая Мирликийского (см.:

построить на своем дворе в Новгороде каменный храм во имя отцов I Вселенского собора в Никее, Михаил Тверской через своих наместников пригласил на роль подрядчика новгородского боярина Иоакима Столбовича. Понятно, что боярин должен был отвечать как минимум двум требованиям: иметь опыт в строительном деле и дружелюбно относиться к Твери.

Между князем и боярином был заключен «ряд», где оговаривались условия сделки. Начались подготовительные работы. Но тут Иоаким Столбович скончался, завещав довести дело до конца своей жене, имя которой летопись не сообщает.

Как уже отмечалось выше, известия, помещенные в Синодальном списке Новгородской 1 летописи под 6816 г., относятся к 6815 мартовскому году (как это и указано в Комиссионном списке той же летописи). Таким образом, интронизация Михаила Тверского в Новгороде состоялась 16 июля 1307 г. Строительство храма «на княже дворе» началось, конечно, значительно раньше. (Наиболее подходящим днем для закладки храма было бы 7 мая 1307 г. — первое после Вознесения воскресенье, переходящий день памяти святых отцов I Вселенского собора, престольный праздник будущего храма.)

Приурочив свою интронизацию ко дню памяти святых отцов Халкидонского собора, Михаил Тверской как бы продолжил антиеретическую тему, обозначенную в посвящении храма «на княже дворе».

Для понимания особенностей новгородской политики Михаила Ярославича необходимо рассмотреть и сообщение Синодального списка Новгородской 1 летописи о постройке церкви Бориса и Глеба в 1305 г. «Того же лета (6813) священа бысть церкы святоу мученику Бориса и Глеба великим священиєм архиепископом новгородским Фектистом, месяца декабря 9, на зачатъе святыя Анны, в державу христолобиваго князя Михаила»¹⁰². Весьма необычна для новгородского летописания ссылка на князя, «в державу» которого произошло событие. Нет оснований сомневаться в датировке данного сообщения: в конце 1305 г. Михаил Тверской уже занимал великое княжение Владимирское. Его наместники, возможно, уже были в Новгороде¹⁰³. Однако

Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). Т. 1. Спб., 1996. С. 161, 173, 218, 418). По преданию, на этом соборе он дал пощечину Арию, обличив тем самым его ересь. Усиление интереса к антиеретической стороне деятельности святого Николая проявилось в новгородской живописи конца XIII в. На знаменитой иконе «Никола Липный» (1294) впервые в новгородской живописи появляется изображение Христа и Богоматери, вручающих святителю Евангелие и омофор. Эта иконографическая деталь иллюстрирует легенду о выступлении Николы против Ария (см.: Смирнова Э. С. Икона Николы 1294 года мастера Алексея Петрова // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975. С. 84).

¹⁰² НЛ. С. 92.

¹⁰³ См.: Янин В. Л. Указ. соч. С. 152–153.

интересно другое. Упоминание о «христолюбивом» князе связано с известием о завершении трехлетнего строительства каменной Борисоглебской церкви в новгородском Детинце. По мнению В. Л. Янина, этот храм к началу XIV в. «приобрел характер общегородского (общегосударственного) института»¹⁰⁴. Он был местом совершения официальных церемоний, средоточием воинского культа святых братьев Бориса и Глеба. Их небесной помощи новгородцы приписывали многие свои победы, в частности — победу над немцами в Ледовом побоище 1242 г. и над шведами в 1301 г. В первом случае предводителем новгородской рати был Александр Невский, во втором — его сын великий князь Андрей Александрович. Князь Михаил Тверской, представлявший себя законным наследником Андрея Городецкого на великом княжении, хотел каким-то образом приобщиться к общеновгородскому делу — возведению и украшению величественной церкви Бориса и Глеба. Этим он мог показать себя продолжателем традиции прежних великих князей — защитников Новгорода от внешних врагов. В условиях весьма неоднозначного отношения к Михаилу Тверскому со стороны новгородского боярства подобная акция должна была помочь ему закрепиться на берегах Волхова.

Поскольку работа над храмом Бориса и Глеба уже приближалась к концу, княжеский вклад, скорее всего, мог относиться к отделке и украшению здания, наполнению его необходимой утварью и книгами. Должно быть, вклад был весьма значительным. Это и заставило новгородского летописца особо отметить, что храм был построен «в державу христолюбиваго князя Михаила».

Летопись сообщает день освящения храма Бориса и Глеба — 9 декабря, «на Зачатье святых Анны». Это довольно странная дата. Обычно каменные храмы начинали строить в конце весны, а заканчивали в конце лета или начале осени. Странно и то, что в данном случае для церемонии освящения храма был избран не выходной, а будний день недели — четверг. Праздник Зачатия Анны не принадлежал к числу «двунадесятых» праздников — нерабочих дней. Очевидно, владыка Феоктист выбрал этот день по каким-то особым соображениям. Праздник Зачатия Анны был посвящен и прославлению родителей Богоматери — святых Иоакима и Анны. В этой связи примечательно, что знатный новгородец, жена или вдова которого строила церковь «на княже дворе» в 1307 г., носил имя Иоаким Столбович¹⁰⁵. Возможно, он сам или его жена (Анна?) имели отношение и к строительству церкви Бориса и Глеба. И как иногда бывало в ту пору, для освящения храма епископ избрал день имени знатного донатора. Если данное предположение верно, то участие семейства Иоакима Столбовича в постройке церкви Бориса и Глеба может служить еще одним свидетельством

¹⁰⁴ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 129.

¹⁰⁵ НЛ. С. 92, 580.

причастности к этому строительству и самого великого князя Михаила Ярославича.

Вскоре после интронизации, состоявшейся 16 июля 1307 г., Михаил Тверской покинул Новгород. Его звали неотложные дела в Северо-Восточной Руси. Под 6816 г. Симеоновская летопись сообщает: «Того же лета князь великий Михаилу Ярославичу Тферскому ходил в другие к Москве ратью, всею силою, и бысть бои у Москвы, на память святого апостола Тита, и града не взяша, и не успеши ничто же възвратишася»¹⁰⁶. Согласно Н. Г. Бережкову, с этого года Симеоновская летопись переходит на мартовский стиль¹⁰⁷. Однако отсутствие общих чтений с НЛ не позволяет твердо обосновать это суждение. Вместе с тем, весьма убедительно выглядят аргументы В. А. Кучкина, который на основании известной записи псковского Апостола 1307 г. отнес второе сражение Михаила Тверского с москвичами к 25 августа 1307 г.¹⁰⁸

Под 6816 г. известие о втором походе Михаила Тверского на Москву вошло и в московские летописные своды второй половины XV — начала XVI в. Никаких существенных дополнений к изначальной информации Свода 1408 г. (Троицкой летописи) поздние летописи не содержат¹⁰⁹.

Судя по московской окраске данного известия, его точной дате и характерному лаконизму, оно восходит к древнейшему слою московского летописания («Летописцу Даниловичей»).

Второй поход Михаила Тверского на Москву отличался необычайной стремительностью: 16 июля 1307 г. князь еще был в Новгороде, а 25 августа уже стоял под стенами Москвы. Очевидно, еще до возвращения князя в Тверь там были собраны большие силы, с которыми он и выступил на Москву. Михаил хотел наказать Юрия за его происки в Новгороде, а может быть, и заставить принять какие-то новые обязательства перед великим князем Владимирским. Конец августа (время сбора урожая) был наилучшим временем для грабежа московских земель. Кроме того, Михаил явно спешил закончить поход до начала осенних дождей. В итоге он ушел назад, заключив мир с Даниловичами¹¹⁰. Условий мира источники не сообщают.

Начиная с 6816 г. в московских летописях, восходящих к Своду 1408 г., тема княжеских деяний временно отступает на второй план, уступая место сообщениям о новом митрополите Петре. Такая перемена

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 18. С. 87.

¹⁰⁷ Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 276–277.

¹⁰⁸ Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 138–139.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 185; Т. 20. Ч. 1. С. 173; Т. 24. С. 107; Т. 25. С. 159; Т. 28. С. 65. В летописях, сохранивших наиболее отчетливо тверскую летописную традицию, известие о втором походе Михаила на Москву крайне лаконично, однако есть новая деталь: в итоге Михаил «взя мир» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 35; Т. 15. Стб. 407). Никоновская летопись добавляет нечто особенное: Михаил Тверской в Московском походе «много зла сотвори» (ПСРЛ. Т. 10. С. 177). Но это уже явно комментарий позднего редактора. Новгородская 1 летопись об этой войне вообще умалчивает.

¹¹⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 35; Т. 15. Стб. 407.

обусловлена как определенным затишьем в княжеских распрях, так, вероятно, и личным участием митрополита Петра в раннемосковском летописании. Святитель Петр, несомненно, оказал сильное воздействие на исход политического соперничества Москвы и Твери. Однако установить достоверную картину его деятельности крайне трудно по состоянию источников.

Будущий митрополит Петр родился где-то в середине XIII в. на Волыни. С детства он имел склонность к затворничеству и уже в 12 лет поселился в монастыре. Со временем он сам стал известным подвижником, основателем и игуменом Спасского монастыря на реке Рате близ Львова. Прослышав о «высоком житии» Петра и его иноков, митрополит Максим посетил их обитель. Это произошло в 1301 г., когда Максим объезжал Галицко-Волынское княжество перед своим визитом в Константинополь. Игумен Петр поклонился иерарху и преподнес ему икону Божией Матери собственного письма. Эта икона под именем «Петровской Богоматери» со временем стала одной из главных святынь московского Успенского собора.

После кончины митрополита Максима 6 декабря 1305 г., великий князь Михаил Ярославич Тверской направил в Константинополь своего кандидата на митрополию игумена Геронтия. Галицкий князь Юрий Львович, в свою очередь, послал к патриарху другого соискателя — игумена Петра Ратского. В Константинополе оба кандидата предстали перед очами патриарха Афанасия I (1289–1293, 1303–1309). Этот выдающийся деятель византийской церкви отличался твердым и независимым характером, аскетизмом и любовью к монашеству. Он стремился укрепить внутрицерковную дисциплину, обеспечить должный порядок во всех епархиях своей обширной патриархии¹¹¹. Дав согласие на открытие самостоятельной Галицкой митрополии в 1303 г., Афанасий пытался компенсировать тот недостаток пастырского надзора за Юго-Западной Русью, который образовался после бегства митрополита Максима из Киева во Владимир. Однако к 1306 г. вопрос о Галицкой митрополии вновь стал актуальным для местного князя Юрия Львовича, который отправил в Константинополь своего кандидата на эту кафедру, а может быть, и на митрополию «всая Руси» — игумена Петра.

По-видимому, игумен Петр понравился Афанасию своим подвижническим жаром и преданностью делу православия. В итоге он решил передать под его управление все русские епархии, упразднив Галицкую митрополию.

Точная дата поставления Петра в Константинополе неизвестна. По мнению А. Е. Преснякова, это произошло в июне 1307 г.¹¹² В

¹¹¹ Барabanов Н. Д. Византия и Русь в начале XIV в. Некоторые аспекты отношений патриарха и митрополита // Византийские очерки. М., 1991. С. 198–203.

¹¹² Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 122. Прим. 2. В связи с вопросом о дате поставления Петра в Константинополе следует также обратиться к соответствующему сообщению Симеоновской летописи: «В лето 6816 поставлен бысть пресвященный архиепископ

пользу этой даты свидетельствует здравый смысл: трудно представить, чтобы патриарх Афанасий на два с половиной года оставил без архипастыря огромную и многомятежную русскую митрополию. Кроме того, в 1305–1307 гг. в Константинополе свирепствовал голод¹¹³. Понятно, что в такой обстановке и патриарх, и его русские гости не склонны были слишком затягивать решение вопроса о митрополии.

Как и Афанасий, Петр не одобрял бегства Максима во Владимир¹¹⁴. Поначалу он решил возвратить Киеву его значение церковной столицы «всёя Руси»¹¹⁵. Однако для успешного осуществления своих замыслов Петру нужно было заручиться признанием Орды. Понимая это, новый митрополит вскоре отправился в Орду. Там ему был выдан ярлык ханом Тохтой (1290–1312). По одним расчетам, это произошло 12 апреля 1308 г., по другим — 21 апреля 1309 г., по третьим — с 3 ноября по 2 декабря 1309 г.¹¹⁶ В ярлыке, в частности, говорилось: «А как ты во Владимире сядешь, то будешь Богу молиться за нас и за потомков наших»¹¹⁷.

5 июня 1308 или 1309 г. митрополит Петр во Владимире-на-Клязьме рукоположил новгородского владыку Давида¹¹⁸. В пользу первой даты высказывался А. Е. Пресняков¹¹⁹. Вторую дату следует при-нять, если взять за основу наблюдение Н. Г. Бережкова над хронологией летописей за эти годы¹²⁰. В данном случае предпочтение следует отдать точке зрения Н. Г. Бережкова. Действительно, дата, предположенная

Петр, митрополит всея Руси, и прииде из Царягорода и седе в Киеве» (ПСРЛ. Т. 18. С. 87). Далее под тем же годом содержатся всего лишь два московских известия: о втором походе Михаила Тверского на Москву и о кончине князя Александра Даниловича. Оба они, как отмечено выше, относятся к 6815 мартовскому году. Естественно предположить, что весь блок статей 6815 г. в Симеоновской летописи, включая и известие о поставлении митрополита Петра, относится, как и предшествующие статьи этой летописи, к 6816 ультрамартовскому году. А если это так — то это еще один аргумент в пользу мнения А. Е. Преснякова о том, что Петр стал митрополитом в июне 1307 г.

¹¹³ *Constantelos D. J. Life and social welfare activity of patriarch Athanasios (1289–1293, 1303–1309) of Constantinople // The Byzantine Fellowship Lectures. N 2. Byzantine Ecclesiastical Personalities. Holy Cross Orthodox Press, 1975. P. 82.*

¹¹⁴ Патриарх обличал и отправлял назад тех иерархов, которые приезжали в Константинополь, спасаясь от турецкого нашествия. Он требовал, чтобы епископы до конца оставались со своей паствой (*Constantelos D. J. Op. cit. P. 76, 83*).

¹¹⁵ Согласно известиям Симеоновской, восходящим к Троицкой летописи, вернувшись из Константинополя, митрополит Петр «седе в Киеве» (ПСРЛ. Т. 18. С. 87).

¹¹⁶ *Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916. С. 68; Плигузов А. И. Древнейший список краткого собрания ярлыков, данных ордынскими ханами русским митрополитам // Русский феодальный архив. XIV – первой трети XVI века. Вып. 3. М., 1987. С. 580–581.*

¹¹⁷ *Приселков М. Д. Ханские ярлыки... С. 68.*

¹¹⁸ НПЛ. С. 92, 333.

¹¹⁹ *Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 122. Прим. 3.*

¹²⁰ *Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 277.*

А. Е. Пресняковым, маловероятна еще и потому, что 5 июня 1308 г. — среда. В ту эпоху разного рода торжества, сопровождавшиеся пиршествами, никогда не приурочивали к постным дням недели — среде и пятнице. Иное дело четверг (5 июня 1309 г.). По четвергам часто проводились всевозможные празднества и церемонии¹²¹.

Несомненно, митрополит тщательно выбрал день для своего первого торжественного деяния в качестве духовного главы Северо-Восточной Руси. Но на первый взгляд день для поставления новгородского владыки был избран самый заурядный — четверг, 5 июня 1309 г. Обычно же хиротонии совершались в воскресенье.

Согласно новгородской летописи, владыка Давыд был поставлен «на память святого Никандра»¹²². Однако в месяцесловах той эпохи под этим днем значится другой святой — Маркиан. Данное противоречие решается легко: 5 июня церковь вспоминает целое сообщество египетских мучеников, пострадавших во времена гонений при императоре Максимиане. Среди десяти имен первым стоит Маркиан, а за ним — Никандр. В месяцесловах называли только первого.

Но подлинной загадкой остается сам выбор Петра. Чем привлекали его эти малоизвестные «десять мучеников»? Что хотел он сказать этим приурочиванием? Ответ может быть только один: день был выбран Петром вовсе не из-за египетских мучеников. Его привлекала другая память этого дня, отмеченная в месяцеслове Евангелия Семена Гордого, а именно «Память с человеколюбием нанесенная на ны страшная беда нашествием поганых»¹²³. Эта память (как и месяцеслов Евангелия Семена Гордого) имеет византийское происхождение. Она содержится в месяцеслове при греческом Евангелии московской Синодальной библиотеки 1055 г. (под 5 июня — «избавление от врагов»), в месяцеслове Мстиславова Евангелия («от иноязычных»), месяцеслове греческого пролога, написанного неким Петром в XI в. и сохранившегося в списке 1249 г., месяцеслове при греческом Евангелии Кристоферратского монастыря в Италии (XI в.), в уставе Константинопольской Великой Церкви (IX–X вв.), наконец — в славянском Студийском уставе 1398 г. в Синодальной библиотеке («от поганых»)¹²⁴.

Обычай совершать 5 июня «литию на поле» (торжественное богослужение вне храма, посвященное избавлению от варваров), вероятно, еще в домонгольские времена был воспринят от византийцев и Русской церковью. Причина этой восприимчивости вполне понятна. И в домонгольский период Русь страдала от нашествий «иноплеменни-

¹²¹ Борисов Н. С. К изучению датированных летописных известий XIV–XV веков // История СССР. 1983. № 4. С. 131.

¹²² НЛ. С. 92. 333.

¹²³ Леонид (Кавелин). Указ. соч. С. 12.

¹²⁴ Сергей (Спаский). Полный месяцеслов Востока. Т. 1. М., 1997, С. 438; Т. 2. С. 169; Т. 3. С. 210–211.

ков» не меньше, чем Византия. Однако в начале XIV столетия данная проблема приобрела для обеих стран небывалую актуальность¹²⁵.

В названии данного праздника, как оно сформулировано в месяцеслове Евангелия Семена Гордого («Память с человеколюбьем нанесенныя на ны страшныя беды нашествием поганых»), выражена церковная трактовка главной политической проблемы Руси — «ордынского плена». Избрав этот день для хиротонии новгородского владыки, митрополит как бы указывал русскому духовенству на его главную задачу: нравственное исцеление общества во имя возвращения милости Божией. Воздействие этого урока было тем сильнее, что сама хиротония обычно сопровождалась съездом высшего духовенства и происходила при огромном стечении народа. Этот день навсегда оставался праздничным, памятным и для новопоставленного архиерея и для его паствы. Можно думать, что митрополит произнес в этот день «слово» к народу, в котором, подобно Серапиону Владимирскому, затронул тему чужеземного ига. Избрав для хиротонии день 5 июня, Петр тем самым predetermined тему своего папского обращения к собравшимся.

Летописи не сообщают о каких-либо политических акциях московских или тверских князей в 1309–1310 гг. В Симеоновской летописи, восходящей к Своду 1408 г., 6817 мартовский год отмечен двумя событиями: страшным голодом и мором, а также приездом митрополита Петра «на Суждалскую землю». Из Новгородской 1 летописи известно, что во время своего пребывания в Северо-Восточной Руси митрополит поставил новгородского владыку Давида 5 июня 1309 г. Весь 6818 г. занимает в Симеоновской летописи рассказ о пребывании митрополита Петра в Брянске и усобице тамошних князей. Кроме того, из внелетописных источников («Житие митрополита Петра») известно, что около 1310 г. состоялся церковный собор в Переяславле-Залесском, созванный для разбора жалоб на святителя. Инициатором этих жалоб, как и вообще недоброжелательного отношения к Петру, считается князь Михаил Тверской. Потерпев неудачу в своей попытке провести на митрополичий престол игумена Геронтия, он не успокоился и стал домогаться низложения Петра. Однако переяславский собор оправдал митрополита. Немалую роль в таком исходе дела сыграла поддержка, оказанная святителю московскими

¹²⁵ В ту пору для Византии не было более серьезной беды, чем «нашествие поганых». Объединенные под властью султана Османа I Гази (1288–1326) турецкие племена к началу XIV века вытеснили византийцев из Малой Азии. В 1302 году императорская армия была разгромлена Османом в битве при Никомидии. Для борьбы с турками византийский император Андроник II Палеолог (1288–1326) решился на крайний шаг: призвал в свои владения каталонских наемников во главе с Рожером де Флором. Однако это лишь ухудшило положение: наемники вышли из повиновения Константинополю и в 1306–1307 гг. разграбили многие западные области империи. (Nicol D. M. *The last centuries of Byzantium. 1261–1453*. Cambridge University Press, 1993. P. 130–143).

князьями. С этого времени началось сближение Даниловичей с митрополичьей кафедрой, которое со временем принесло им обильные политические плоды. Прозорливый Иван Калита совершил «церковление» московской политики, освятил ее авторитетом обосновавшегося в Москве главы Русской Церкви. Такова общая схема деятельности Московских Даниловичей на «церковном направлении», принятая практически всеми исследователями¹²⁶.

Однако внимательное изучение скудных летописных и внелетописных сведений о митрополите Петре позволяет увидеть новые грани событий.

Подробный рассказ о событиях в Брянске в 1310 г., содержащийся в Симеоновской летописи и восходящий к Своду 1408 г. (Троицкой летописи), представляет интерес во многих отношениях. Прежде всего в нем наиболее ярко отразилась та ожесточенная борьба за Брянск между различными княжескими династиями, которая шла на протяжении всего XIV века. Важнейшее военно-стратегическое значение Брянска, его расположение на перекрестке торговых путей влекли сюда князей черниговского, смоленского и московского домов, а также литовцев и татар. Вероятно, в борьбе за влияние в этом регионе участвовали и тверские князья. Для церковного руководства этот город был важен как центр епархии, куда в XIV в. вслед за черниговскими князьями перенес свою резиденцию и черниговский владыка. Иерархи часто бывали в Брянске, так как через этот город шла кратчайшая дорога из Северо-Восточной Руси в Киев и далее — в Константинополь. В итоге борьба за Брянск носила весьма напряженный и сложный характер. Однако утрата летописного наследия чернигово-брянской и смоленской земель не позволяет однозначно ответить на многие вопросы. Историкам остается лишь строить предположения о ходе борьбы за Брянск и, в частности, о роли в ней митрополитов Петра и Феоноста. Согласно мнению Д. Феннела, которое разделяет и А. А. Горский, оба митрополита выступали в этой борьбе как защитники интересов московских Даниловичей¹²⁷.

Весьма интересно и само летописное повествование о брянской «замятне» 1310 г. По существу, это небольшой рассказ, записанный со слов очевидца. Таким очевидцем-информатором мог быть либо сам митрополит Петр, либо кто-то из его ближайшего окружения. Учитывая близость Петра к московским князьям в последние годы его жизни, а также его посмертную славу, можно легко понять тот интерес, который

¹²⁶ Седова С. А. Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993. С. 14–19; Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 123–124.

¹²⁷ Fennell J. The Emergence of Moscow, 1304–1359. P. 201–203; Fennell J. A History of the Russian Church to 1448. London; New York: Longman, 1995. P. 135, 196; Горский А. А. Брянское княжение в политических взаимоотношениях Смоленска, Москвы и Литвы XIV в. // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. М., 1990. С. 56.

испытывали московские книжники к примечательным фактам его биографии.

Протограф рассказа о событиях в Брянске, по-видимому, содержался в московском Своде 1340 г. Его позднейшее редактирование (сокращение, дополнение риторическими украшениями) привело к появлению нескольких версий этого рассказа. Наиболее близкой к оригиналу можно считать версию Свода 1408 г. (Троицкой летописи), сохранившуюся в Симеоновской летописи¹²⁸. Некоторые новые детали сообщает Воскресенская летопись, есть новая информация и в Никоновской летописи, составитель которой, возможно, пользовался каким-то ростовским летописцем, содержащим независимую от Свода 1408 г. редакцию рассказа о пребывании в Брянске митрополита Петра в 1310 г.¹²⁹

Основное содержание рассказа сводится к следующему. Прибыв в Брянск, находившийся тогда под властью князей из смоленского дома, святитель оказался в самом пекле свирепой междоусобицы. Князь Василий Александрович Брянский привел из Орды татар на своего дядю Святослава Глебовича, силой отнявшего у него Брянск.

Весть о приближении татар переположила брянцев. Митрополит посоветовал князю Святославу не вступать в сражение, а договориться с племянником о разделе власти или же просто бежать из города. Но тот, надеясь на поддержку горожан, не послушал Петра. Собрав под свое знамя горожан, Святослав вышел из крепости навстречу татарам.

Битва была жестокой. Князь Святослав отважно сражался впереди своих воинов. Однако постепенно татары стали теснить неопытных в военном деле горожан. Под конец брянцы дрогнули и побежали, оставив Святослава с небольшим отрядом на поле битвы. Здесь в последней отчаянной схватке этот храбрец и честолюбец сложил свою голову под татарскими саблями.

Ворвавшись в город на плечах бегущих ополченцев, татары учинили там страшный погром. Митрополит Петр затворился в церкви и только по счастливой случайности спасся от гибели. Между тем победитель князь Василий повел татар дальше на Карачев и там убил еще одного сородича — князя Святослава Мстиславича Карачевского.

Несомненно, брянская история потрясла Петра и навсегда осталась в его памяти. Похоже, что летописец излагает ее со слов самого святителя: так много в этом эпизоде живых подробностей.

«В лето 6818 пресвященный Петр митрополит приехал в Дьбрянск. Во то же время прииде князь Василей ратью татарскою к Дьбрянску на

¹²⁸ ПСРЛ. Т. 18. С. 87; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись... С. 353–354.

¹²⁹ Возможно, это был тот же летописец, из которого составитель Никоновской летописи взял известие о времени пастырства митрополита Петра (*Клосс Б. М.* Указ. соч. С. 150. Прим. 40). Однако в целом составитель Никоновской летописи в рассказе о брянском мятеже 1310 г. шел за текстом Троицкой летописи (Свода 1408 г.). В «Записках» Екатерины II есть некоторые уникальные подробности этой истории (Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. С. 60–61).

князя Святослава. Петр же митрополит рече князю Святославу: “Поделися, сыну, с Васильем княжением, или отступиися ему, а сам поиди прочь и не бийся”. Князь же Святослав надеяся на свою силу и мужество, и възнесеса умом и многою силою брянскою, отвещав рече: “Господине, брянци мя не пусят, хотят за мя головы свои сложити”, и в том не послуша Петра митрополита; яко же есть писано: *сын ослушлив прииметь въскоре мечь, и паки рече: да не хвалится силныи силою своею, вси бо надеющеся силе своей погибоша*. И тако князь Святослав ратью великою в силе тяжце за полдни изыде противу рати татарския, и поткнуша межи себе копьи, и съступишася обои, и бысть сеча зла. Брянци же выдали князя Святослава, коромолницы суше, стяги своя повергоша, а сами побегоша. Князь же Святослав токмо с своим двором много бився, последи убьен бысть на полку, месяца апреля в 2 день. Петр же митрополит затворися тогда в церкви, и Бог съхрани его тогда цела от поганых татар; якоже в писании речеса: *избавлю избраннаго моего оружиа люта и осенью над главою его в день брани*¹³⁰ (курсивом выделены цитаты из Священного Писания, анализ которых дается ниже. — Н. Б.).

Данный рассказ имеет ярко выраженный правоучительный характер. В нем представлены три персонажа, каждый из которых имеет определенную роль. Положительный герой — митрополит Петр. Он не только мудрый пастырь, наставник князя Святослава, — но и Божий избранник. Ему противостоят «крамольники» — брянцы, толкающие князя Святослава на кровопролитие, а затем предающие его. Сам князь наделен воинскими добродетелями, однако его губит гордыня, упование на силу человеческую, а не на волю Божию, выразителем которой был митрополит Петр.

Рассказы о том, как некий князь погиб из-за своей гордыни, не послушавшись благоразумных советов святого человека, часто встречаются в древнерусской литературе. В основе их сюжета лежит известная библейская сентенция: «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать» (Иак. 4, 6; Притч. 3, 34).

По своему сюжету и фразеологии рассказ о брянской смуте находит прямую параллель в Повести временных лет. Под 1078 г. в ней сообщается о битве на Нежатиной ниве. Композиция этого повествования и его мораль послужили одним из источников для составителя летописной статьи 1310 г.

Суть повествования такова. Не в меру самонадеянный князь Борис Вячеславич ринулся в бой против многочисленного войска своих недругов Изяслава и Всеволода Ярославичей. Союзник Бориса князь Олег Святославич Черниговский тщетно убеждал его проявить благоразумие и уступить старшим князьям. Расплата не заставила себя ждать: в бою Борис был убит. Летописец осуждает поведение Бориса, который «похваливсья велми, не ведый, яко Бог гордым противится,

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 18. С. 87.

смеренным дать благодать, да не хвалится сильный силою своею»¹³¹. Составитель статьи 1078 г. в «Повести временных лет», по-видимому, использовал в завершающей части своей сентенции фрагмент 31-го псалма: «Не спасается царь многою силою, и исполн не спасется множеством крепости своея» (Пс. 31, 16).

Однако есть и существенная разница в характере нравоучений в статьях 1078 и 1310 гг. В первом случае доминирует чисто религиозная идея осуждения гордости; во втором нравоучение значительно глубже. Здесь утверждается необходимость послушания князя митрополиту, причем сам митрополит Петр представлен не только как архипастырь, отец духовный всех князей, но и как Божий избранник, святой. Эти идеи выражены соответствующим подбором цитат из Священного Писания. Первая сентенция в рассказе о событиях 1310 г., как, впрочем, и все остальные, дается летописцем приблизительно, по памяти. Однако ее источник все же узнаваем: «Сын благоразумный послушав отцу, сын же непокорливый в гибель» (Притч. 13, 1). Вторая сентенция — фрагмент из летописной статьи 1078 г. в соединении с замечанием самого летописца, навеянным содержанием летописной статьи 1078 г. Третья сентенция представляет собой достаточно вольное воспроизведение мотивов 139-го псалма: «Изми мя, Господи, от человека лукава... Господи, Господи, сило спасения моего, осенил еси над главою моею в день брани» (Пс. 139, 1-8).

Когда возникла та редакция летописной статьи 1310 г., которую содержит Симеоновская летопись? Очевидно, она уже была в Своде 1408 г. (Троицкой летописи)¹³². В этой связи естественно вспомнить имя митрополита Киприана (1381–1382, 1390–1406). Восхваление митрополита Петра — любимая тема его литературных трудов. Он составил вторую редакцию «Жития митрополита Петра». Киприан участвовал и в летописной работе. Таким образом, закономерен вопрос: не был ли Киприан автором рассказа о брянском мятеже 1310 г. в его нравоучительной редакции? Действительно, идея послушания князя своему духовному отцу митрополиту красной нитью проходит через все его литературно-публицистическое творчество. Однако авторство Киприана маловероятно. Во-первых, цитаты, использованные в статье 1310 г., не имеют параллелей в киприановском «Житии митрополита Петра». Во-вторых, различен и сам метод цитирования: Киприан давал цитаты из священных книг близко к тексту, а составитель статьи 1310 г. — весьма вольно.

Рассказ о брянском мятеже в его современном виде нельзя отнести и к творчеству самого митрополита Петра: последняя фраза причисляет его к Божиим избранникам. Так мог сказать о святителе только его агиограф.

¹³¹ Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978. С. 212; ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989. С. 82.

¹³² Приселков М. Д. Троицкая летопись... С. 353–354.

Таким образом, можно предположить, что статья о брянском мятеже возникла как краткий повествовательный текст вскоре после события. Московские книжники со слов самого митрополита занесли ее в тот сборник погодных записей, который называют «Летописцем Даниловичей». Позднее, в связи с канонизацией митрополита Петра в 1327 г. или ее подтверждением патриархом в 1339 г., статья была отредактирована в нравоучительном духе. Естественно предположить, что это произошло при работе над Сводом 1340 г., когда интерес к деяниям митрополита Петра был столь же актуальным, как и интерес к смоленско-брянским делам¹³³.

Перемены в характере летописной статьи 1310 г. продолжались и на последующих этапах московского летописания. Усиление нравоучительного, агнографического начала влекло за собой сокращение некоторых фактических подробностей. Так, например, версия Симеоновской летописи не содержит указания на время приезда митрополита Петра в Брянск. Нет этой подробности и в Никоновской летописи. В Воскресенской летописи текст статьи 6818 г. существенно отличается от Никоновской и от Симеоновской. Он восходит к Своду 1448 г. в изложении Софийской 1 и Новгородской 4 летописей. Однако концовка рассказа иная, чем в Своде 1448 г., и близка к версии Симеоновской, но без нравоучительных сентенций.

В Софийской 1, Новгородской 4 и Воскресенской летописях сохранилась уникальная подробность — время приезда митрополита Петра в Брянск. «В ту же зиму, по Крещении, Петр митрополит Киевский и всея Роусии, приеха в Брянеск»¹³⁴. Выражение «по Крещении» указывает

¹³³ В 1339 г. состоялся большой поход объединенных сил русских князей на Смоленск. В походе участвовали и татары (ПСРЛ. Т. 18. С. 93). В том же году летопись отмечает усобицу в козельском уделе, где правили князья из дома Михаила Черниговского. Мнение о том, что рассказ о брянском мятеже 1310 г. — «это московская обработка местного известия, связанного с другими смоленскими текстами того времени» (Муравьева Л. Л. Указ. соч. С. 133), представляется малоубедительным. Рассказ носит характер свидетельства очевидца. Между тем о пребывании Петра в Смоленске ничего не известно. Гораздо более естественным является предположение о том, что краткая версия статьи 1310 г. попала в ранние записи летописного характера еще при жизни Петра и при его личном участии. По мнению некоторых исследователей, князь Василий Александрович, совершивший налет на Брянск в 1310 г., был шурином московского князя Ивана Даниловича. Первая жена Калиты Елена доводилась Василию родной сестрой, а убитый Василием в 1310 г. князь Святослав Мстиславич Карачевский был племянником матери Ивана Калиты — неизвестной по имени жены князя Даниила Александровича (Аверьянов К. А. Указ. соч. С. 36; Он же. Московское княжество Ивана Калиты (Московские «трети»). Звенигород. История вхождения в состав Московского княжества). М., 1993. С. 44–47). Если это так, то интерес московских летописцев к брянским событиям 1310 г. становится вполне естественным.

¹³⁴ ПСРЛ. Т. 5. С. 205; Т. 7. С. 185; Т. 39. С. 97. И Софийская 1 летопись, и список Царского использовались при создании Воскресенской летописи (Клюев Б. М. Список Царского Софийской 1 летописи и его отношение к Воскресенской летописи // Летописи и хроники. 1984. М., 1984. С. 34–35).

на период с 7 по 14 января¹³⁵. Несомненно, митрополит Петр избрал для въезда в город выходной день — воскресенье, 11 января. В этот день праздновалась память одного из основоположников христианского монашества Феодосия Великого¹³⁶. В некоторых месяцесловах к этому дню приурочена была и память преп. Феодосия Печерского¹³⁷. Во всяком случае это был день его тезоименитства.

Для жителей Брянска память Феодосия Печерского имела особое значение. Главной обителью города был основанный в 1288 г. князем Романом Михайловичем Успенский Свенский монастырь. Он был своего рода ветвью Киево-Печерского монастыря. Главной иконой обители был образ «Богоматерь Печерская», на котором Богородица была представлена сидящей на престоле с предстоящими ей Антонием и Феодосием Печерскими. В монастыре существовал храм во имя преподобных Антония и Феодосия Печерских¹³⁸. Таким образом, день памяти преподобного Феодосия был для брянцев своего рода общегородским праздником. Можно думать, что резиденцией митрополита Петра в Брянске был именно Свенский монастырь, так же, как в Киеве, — Киево-Печерский.

Что заставило святителя провести в Брянске почти три месяца? Разумеется, он мог заниматься насущными вопросами церковного управления. Однако уместно вспомнить, что в это время Петр, несомненно, уже знал о возникшем против него движении. Летом 1309 г. он был во Владимире и там имел возможность ознакомиться с настроениями князей. Некоторые исследователи полагают, что пребывание в Брянске было как-то связано с московскими политическими интересами¹³⁹. Впрочем, и сам брянский князь был значительной политической фигурой. Петр в этот период как никогда нуждался в поддержке сильных русских князей.

Куда поехал Петр из Брянска — в Киев или Москву, — неизвестно. Однако в том же 1310 г. состоялся церковный собор-суд в Переяславле-Залесском, на котором святитель сумел опровергнуть выдвинутые против него обвинения в различных злоупотреблениях и нарушениях канонов¹⁴⁰.

¹³⁵ По церковному календарю Отдание Богоявления совершается 14 января. В этом диапазоне летописцы употребляли выражение «по Крещении». В Симеоновской летописи под 1283 г. говорится: «...и приидоша татарове ратью к городу Варгугу месяца генваря в 13, по Крещении Господни» (ПСРЛ. Т. 18. С. 79).

¹³⁶ В месяцеслове Евангелия Семена Гордого 11 января — «память преподобного отца Феодосья общежителя» (Леонид (Кавелин), архим. Указ. соч. С. 8).

¹³⁷ Голубинский Е. Е. Указ. соч. С. 337. В этот день совершалось и празднование Елецкой иконы Божией Матери, которая чтится в Чернигове с 1066 г. и, возможно, была перенесена в Брянск вместе с епископской кафедрой во второй половине XIII в. (Сергий (Спасский). Полный месяцеслов Востока. Т. 3. С. 21). Культ этой иконы был связан с почитанием основателей Киево-Печерского монастыря Антония и Феодосия Печерских (Православные русские обители. Спб., 1994. С. 527–528).

¹³⁸ Православные русские обители. Спб., 1994. С. 374–375.

¹³⁹ Горский А. А. Брянское княжение... С. 56.

¹⁴⁰ Седова Р. А. Указ. соч. С. 14. По мнению Д. Феннела, переяславский собор состоялся «в конце 1310 или в начале 1311 г.» (Fennell J. The Emergence of Moscow...P. 71).

Переяславский собор упоминается во всех трудах по истории Руси в XIV столетии. Дискуссии о нем сводятся к обсуждению даты события, а также состава участников¹⁴¹. Однако при этом обычно не рассматривается общая ситуация в Северо-Восточной Руси в 1310 г. А между тем, только через эту призму можно увидеть подлинное значение переяславского собора. Князь Михаил Ярославич Тверской к 1308 г. стал хозяином положения в Северо-Восточной Руси и занял новгородский стол.

Однако уже 1309 г. принес ряд событий, потребовавших от него решительных действий во имя сохранения и укрепления своей власти. Во-первых, «землю Русскую» постигла беда: «В лето 6817 бысть казнь от Бога на человеки, мор на люди и на кони, и на всякы скот, а другая бысть казнь от Бога, по грехом нашим, мышь поела рожь и овес и пшеницу и всякое жито, и того деля бысть дороговь велика и межевина зла, и глад крепок в земли Русской»¹⁴². Симеоновская летопись дает наиболее полную картину небывалого бедствия: эпидемия, соединившись с эпизоотией, вызвали невероятное размножение грызунов, которые опустошили хлебные запасы в амбарах. Нехватка хлеба привела к его резкому подорожанию. Те, кто смог спастись от эпидемии, умирали от голода¹⁴³.

Вполне понятно, что в этих условиях невозможно было собрать обычные дани и оброки с населения, а стало быть, и выплатить положенный ордынский «выход». В результате перечисленных бедствий было, конечно, истреблено и зерно, приготовленное для посева. Стало быть, голодным был и следующий 1310 г. В этих условиях князь Михаил Тверской должен был лично явиться в Орду, чтобы объяснить перед ханом и выпросить отсрочку платежей. Поездка великого князя в Орду в 1309–1311 гг. не отмечена летописями¹⁴⁴. Однако уже ранняя редакция «Жития митрополита Петра» (1327 г.) сообщает о том, что во время собора в Переяславле Михаил находился в Орде¹⁴⁵. Сомневаться в этом нет никаких оснований¹⁴⁶.

¹⁴¹ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 123. Прим. 1; Ключ Э. Указ. соч. С. 102.

¹⁴² ПСРЛ. Т. 18. С. 87. Согласно М. Д. Пришелкову, это известие читалось уже в Троицкой летописи (Своде 1408 г.) (Пресняков М. Д. Троицкая летопись... С. 353).

¹⁴³ В более поздних по отношению к Троицкой летописях рассказ о бедствиях 1309 г. в той или иной мере сокращен (ПСРЛ. Т. 7. С. 185; Т. 10. С. 177; Т. 39. С. 97).

¹⁴⁴ Тверская летописная традиция, в которой и следовало бы искать данное известие, в эти годы представлена лишь фрагментарными известиями. Их хронология носит путанный характер, а два года (6817 и 6819) в Рогожском летописце вообще пропущены. Примерно такая же картина и в Тверском сборнике.

¹⁴⁵ Седова Р. А. Указ. соч. С. 25.

¹⁴⁶ Такие сомнения высказывал А. Е. Пресняков, указавший на отсутствие в летописях известия о поездке Михаила в Орду в 1309–1311 гг. (Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 123. Прим. 1). А. А. Горский считает, что с конца 1309 по 1311 г. Михаил Тверской находился в Орде. Цель его поездки, по мнению исследователя, состояла в том, чтобы получить военную помощь против Юрия Московского, который самовольно захватил Нижний Новгород (Горский А. А. Москва, Тверь и Орда... С. 36).

Князь Юрий Данилович Московский также не назван среди участников переяславского собора. По свидетельству В. Н. Татищева, московскую делегацию возглавлял князь Иван Данилович¹⁴⁷. Это и понятно: Юрий, скорее всего, устремился в Орду вслед за Михаилом Тверским в надежде выиграть на сей раз великое княжение Владимирское. Возможно, он и сам должен был оправдываться по недоимкам в связи с голодом. Тверской князь, конечно, хотел выставить своего недруга главным неплательщиком. Опасность подобных обвинений была слишком серьезной, чтобы Юрий мог спокойно сидеть дома.

Можно полагать, что нападки на митрополита Петра были вызваны не только политическими причинами, но и его действиями по укреплению внутрицерковной дисциплины. Святитель был единомышленником константинопольского патриарха Афанасия I, известного своей непримиримой борьбой со всякого рода нарушениями церковных и монастырских уставов. Патриарх держал себя весьма независимо по отношению к светской власти, не останавливаясь и перед применением такой сильной меры воздействия, как отлучение от церкви. Следуя примеру своего патрона, Петр неизбежно должен был нажить себе множество влиятельных врагов на Руси. Отсюда и то небывалое ожесточение, которым отмечены были дискуссии на переяславском соборе 1310 г.¹⁴⁸

4. Борьба Москвы и Твери за преобладание в Новгороде в 1311–1317 гг.

правданке Петра, совершившееся «ломоскою и заступлением князя Ивана Даниловича»¹⁴⁹, не было, конечно, полной катастрофой для Твери. Михаил Тверской вернулся из Орды, сохранив за собой великое княжение. Однако, укрепившись на кафедре, Петр продолжал действовать весьма решительно и смело. В 1311 г. он пригрозил отлучением сыну Михаила Тверского Дмитрию, в случае если тот начнет поход против московского князя Юрия Даниловича. Симеоновская летопись донесла до нас это известие в том виде, в котором оно читалось и в Троицкой летописи (Свод 1408 г.): «В лето 6819 князь Дмитрей Михайлович Тферьский, събрав воя многи и хоте ити ратью к Новгороду на князя на Юрья, и не благослови его Петр митрополит. Князь же стояв Володимери 3 недели и рать распусти, и възвратишася кождо въ свояси»¹⁵⁰.

¹⁴⁷ Татищев В. Н. Указ. соч. Т. 5. С. 72.

¹⁴⁸ Седова Р. А. Указ. соч. С. 25, 82; Барабанов Н. Д. Указ. соч. С. 206–215; Talbot A.-M. Patriarch Athanasius and the Church // *Dumbarton Oaks Papers*. 1973. N 27. P. 13–28.

¹⁴⁹ Татищев В. Н. Указ. соч. Т. 5. С. 72.

¹⁵⁰ ПСРЛ. Т. 18. С. 87. Приселков М. Д. Троицкая летопись... С. 354.

В некоторых более поздних летописях, восходящих к Своду 1448 г., это известие читается иначе: князь Дмитрий Михайлович собирался в поход не на Новгород, а на Нижний Новгород; митрополит Петр не просто отказал ему в благословении, но «не благослови его митрополит столом в Володимере»¹⁵¹. Эти разночтения уже давно вызывают споры среди исследователей. Большинство из них принимают версию позднейших летописей о походе на Нижний Новгород. Однако в понимании причин и целей этого похода также есть значительные различия. А. Е. Пресняков, обобщив данные источников и мнения историков о походе 1311 г., не дал своих собственных предположений на сей счет¹⁵². Л. В. Черепнин полагал, что Дмитрий Тверской ополчился на Нижний Новгород, так как там среди горожан «очевидно... были союзники Юрия»¹⁵³. В. А. Кучкин считает, что после кончины бездетного князя Михаила Андреевича, владевшего Нижним Новгородом, Юрий Московский «сумел добиться сохранения самостоятельности выморочного княжества, посадив на местный стол своего брата»¹⁵⁴. Появление в Нижнем Новгороде Бориса Даниловича и вызвало воинственные приготовления тверичей.

Однако не следует спешить с отрицанием признанного еще Н. М. Карамзиным свидетельства древнейшего источника (Троицкой летописи) о том, что Дмитрий Тверской готовил поход на Новгород, а не на Нижний Новгород. Единственная серьезная неувязка здесь состоит в географии: тверскому князю для похода на Новгород гораздо удобнее было бы собирать войска в Твери, чем во Владимире. Между тем, из Владимира удобно было двинуться именно на Нижний Новгород. (Видимо, это соображение и заставило летописцев превратить «Новгород» в «Нижний Новгород».)

Рассмотрение странного на первый взгляд похода «из Владимира на Новгород» в контексте летописных известий 1309–1311 гг. полностью снимает это недоумение. Ряд событий выстраивается следующим образом. Небывалый голод 1309–1310 гг. и связанный с ним недобор ордынской дани заставили Михаила Тверского и Юрия Московского отправиться в Орду для объяснений. Оба князя отсутствовали на перяславском соборе, хотя понимали его огромное значение для судеб Северо-Восточной Руси. Юрий Данилович, по-видимому, вернулся из Орды раньше Михаила¹⁵⁵. Он успел наладить какие-то связи с новгородцами,

¹⁵¹ ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. Пг., 1915. С. 255; Т. 5. Слб., 1851. С. 205. Т. 39. С. 97.

¹⁵² Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 124. Прим. 2.

¹⁵³ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 463.

¹⁵⁴ Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 209–211. Остроумное построение В. А. Кучкина имеет, однако, ряд уязвимых мест. Прежде всего, неизвестно, когда именно Борис Данилович стал княжить в Нижнем Новгороде, да и сам факт его княжения там подтверждается только источником XVIII в.

¹⁵⁵ Срок пребывания русских князей в Орде был прямо пропорционален их долгам. Князья годами жили в Орде по существу в роли заложников, дожидаясь, пока на

которые явно тяготились тверским произволом. Примечательно, что в 1311 г. в Новгороде отмечены беспорядки, пожары и грабежи, а также произошла принудительная смена посадника¹⁵⁶. Обычно это было связано с изменением политического курса новгородского правительства. Вопрос о том, кого из князей поддержит Новгород, имел в 1311 г. особую остроту. Этот город был единственным оазисом благополучия в опустошенной «мором» и голодом Руси. Новгородская 1 летопись не сообщает о каких-либо стихийных бедствиях в 1309–1311 гг. Город на Волхове жил своей обычной жизнью: строились новые каменные храмы и крепости, готовились дерзкие набеги на земли соседей-«немцев»¹⁵⁷. Под 6819 мартовским годом Новгородская 1 летопись по Синодальному списку сообщает о морском походе новгородцев в подвластную шведам землю племени «емь» (современная южная Финляндия)¹⁵⁸. Подобный поход, хотя и в зимнее время, совершил в 1256 г. Александр Невский, занимавший тогда великое княжение Владимирское и одновременно — новгородский стол¹⁵⁹. Но на сей раз поход новгородцев возглавил не великий князь Михаил Тверской (еще одно свидетельство его отсутствия на Руси летом 1311 г.), а служивый князь Дмитрий Романович. Он был сыном князя Романа Глебовича, который еще в 1294 г. ходил с новгородским войском на Выборг¹⁶⁰. Оба эти князя принадлежали к смоленскому дому¹⁶¹.

Руси их бояре собирают необходимую сумму и пришлют ее в Сарай. Отсутствие князя-должника в Орде могло привести к личному визиту кредиторов на Русь в сопровождении карательной «рати».

¹⁵⁶ НЛ. С. 93.

¹⁵⁷ Впрочем, некоторые трудности с хлебом город в эти годы все же испытывал. Странное известие Синодального списка НЛ под 6818 г. — «Того же лета, на зиму, грабиша села около Новагорода» — по-видимому, отразило эти печальные обстоятельства. Действительно, кто мог грабить пригородные села? О чужеземцах нет речи. Вероятно, это была новгородская чернь, сбивавшаяся в шайки в поисках пропитания. Да и что можно было добыть в крестьянских дворах, кроме запасов продовольствия?

¹⁵⁸ НЛ. С. 93, 333–334; Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987. С. 72–78.

¹⁵⁹ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. С. 212–226.

¹⁶⁰ Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю... С. 72. Прим. 23.

¹⁶¹ Аверьянов К. А. Московское княжество Ивана Калиты (Присоединение Коломны. Приобретение Можайска). С. 33. На дочери Дмитрия Романовича Феодосье женился в 1342 г. сын Калиты Иван (ПСРЛ. Т. 18. С. 94; Эхземлярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 1. Спб., 1889. С. 92). Однако в «Записках» Екатерины II этот князь Дмитрий Романович назван «Угличским» (Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. С. 61). В этом случае его отцом должен быть князь Роман Владимирович Углицкий, умерший в 1283 г. Но этот последний считается бездетным (Коган В. М. История дома Юрьковичей. Спб., 1993. С. 230).

Каким образом князь Дмитрий Романович оказался в Новгороде? Источники не дают прямого ответа на этот вопрос. Однако уместно вспомнить, что три года спустя другой князь из смоленского дома, Федор Ржевский явился в Новгород как представитель Юрия Московского. Учитывая тесные союзнические, а может быть, и родственные связи московских Даниловичей с князьями смоленского дома¹⁶², можно думать, что князь Дмитрий Романович также был прислан в Новгород из Москвы. Логика поведения новгородцев ясна: им нужен был искусный в военном искусстве князь для руководства набегом на емь. Михаил Тверской отсутствовал на Руси, его старший сын Дмитрий имел всего 12 лет от роду и явно не годился для такой роли. Наместники Михаила Тверского Федор Михайлович и Борис Константинович служили еще во времена великого князя Александра Ярославича. Вместе с другими боярами «служебниками» Андрея они перешли после его кончины к Михаилу Тверскому. Новый великий князь оставил их на новгородской службе. Однако здесь он совершил серьезную ошибку. Оба наместника плохо проявили себя на воинском поприще. Известна грамота новгородцев к Михаилу Тверскому с требованием отозвать обоих за неспособностью¹⁶³. Слабость великокняжеских воевод заставляла Новгород обратиться за помощью к Юрию Даниловичу Московскому или же сидевшему тогда в отсутствие брата на московском столе Ивану Даниловичу.

Михаил Тверской, находясь в Орде, разумеется, получал известия о происходящем на Руси. Появление князя Дмитрия Романовича в Новгороде и усиление там московского влияния угрожало Михаилу потерей важнейшего источника доходов. Не имея братьев и взрослых сыновей, он не мог надежно «прикрыть» Новгород на время своего отсутствия. Тверской князь понимал, что его 12-летний сын не в состоянии организовать и возглавить такое сложное и ответственное дело, как война с Новгородом и Москвой одновременно. Однако и оставить без последствий «измену» новгородцев было нельзя.

Единственный выход состоял в том, чтобы, начав военные приготовления широкого масштаба, припугнуть новгородцев и москвичей, но при этом до возвращения из Орды самого Михаила Тверского не предпринимать каких-либо решительных наступательных действий. Именно это и было сделано. Княжич Дмитрий в сопровождении тверских бояр приехал во Владимир и стал от имени отца

¹⁶² Аверьянов К. А. Московское княжество Ивана Калиты (Присоединение Коломны. Приобретение Можайска). С. 36.

¹⁶³ ГВНП. № 8. С. 18–19. Вероятно, события 1310–1311 гг. должны были развиваться по той же схеме, что и московско-тверская борьба за Новгород в 1314–1315 г. Сначала Даниловичи отправляли на Волхов мелкого служилого князя, затем ехал младший брат Юрия Даниловича, а уже потом и он сам. Такая последовательность позволяла Юрию уклониться от прямой конфронтации с Тверью и иметь свободу маневра в отношениях с новгородцами.

собирает военные силы великого княжения. Летописи не сообщают времени этих сборов, однако исходя из того, что они были ответом на принятие в Новгороде князя Дмитрия Романовича (весной 1311 г.)¹⁶⁴, их можно отнести к лету 1311 г.

В связи с владимирской демонстрацией тверичей митрополит Петр, живший в это время во Владимире, оказался в весьма щекотливом положении: его вынужденное соседство с Дмитрием Тверским можно было истолковать как поддержку затеянного тверичами предприятия. Митрополит не мог уехать из Владимира, ибо это было бы слишком похоже на бегство перед лицом своих тверских недоброжелателей. Он не мог и запретить тверичам готовиться к войне против Юрия Московского и Новгорода, так как это был вопрос не его компетенции. Единственное, что он мог сделать, — это оспорить право Дмитрия Тверского распоряжаться от имени великого князя Владимирского. Вступлению в великокняжеские права предшествовал особый обряд возведения на престол, совершавшийся митрополитом или его местоблюстителем. Без этого обряда великий князь не имел своей сакральной силы, а вместе с ней — и полноты власти. Митрополит публично отказался признать за Дмитрием Тверским великокняжеские прерогативы, присвоение которых позволило бы ему начать сбор войск. Именно этот шаг святителя и послужил основой для летописной фразы: «И не благослови его митрополит столон в Володимере»¹⁶⁵. В сущности, этой декларацией митрополит лишь снял с себя ответственность за действия тверичей, но отнюдь не запретил сам поход на Новгород.

Дмитрий Тверской простоял с войсками во Владимире три недели. Он явно ждал каких-то вестей. Возможно, он ждал приезда из Орды своего отца Михаила Тверского, с которым должен был соединиться в Нижнем Новгороде, а потом вместе идти вверх по Волге и далее — в направлении новгородских владений. Но, может быть, Дмитрий ждал вестей из Новгорода, где летом 1311 г. бушевали политические страсти. Новгородская 1 летопись сообщает о непрерывных пожарах, опустошавших город летом 1311 г., и о каких-то «окаянных человеках», грабивших чужое имущество в суматохе бедствия. Волнения в городе привели к смещению сторонника Москвы посадника Михаила Павшинича и избранию Семена Климовича¹⁶⁶. Несомненно, военные сборы во Владимире произвели должное впечатление на новгородцев. Они решили уклониться от конфликта. Тверская партия в Новгороде взяла верх.

¹⁶⁴ Поход на емь, которым командовал Дмитрий Романович, новгородцы совершили на судах. Они поднимались вверх по рекам и грабили расположенные на берегах города и поселения. Лучшим временем для такого набега была, конечно, весна. Разлив рек открывал максимальный простор для действий новгородских судов.

¹⁶⁵ ПСРЛ. Т. 39. С. 97.

¹⁶⁶ НЛ. С. 93. Низложенный Михаил Павшинич был сторонником Юрия Даниловича. В 1315 г. он погиб в битве под Торжком, сражаясь под знаменами Афанасия Даниловича, брата Юрия и его наместника в Новгороде (НЛ. С. 94).

Дождался ли Дмитрий Тверской желанных известий или просто не смог более содержать во Владимире тысячи томившихся бездельем воинов — неизвестно. Но известен исход всей истории: войско было распушено и эта акция была представлена как следствие благочестивого повиновения митрополиту Петру. Вернувшись из Орды, Михаил Тверской зимой 1311/12 г. начал войну с Новгородом. (Таков был обычаем всех великих князей: возвращаясь от хана в сетях долгов, они первым делом пытались тем или иным способом вытрясти деньги из Новгорода.) Поводом для претензий великого князя к Новгороду могли послужить контакты новгородцев с Москвой в 1310–1311 гг. Сценарий войны был также достаточно традиционным: оккупация южных окраин Новгородской земли (Торжок и Бежичи), запрет на провоз через тверское княжество хлеба, купленного новгородскими купцами в «Низовской земле»¹⁶⁷.

Новгородцы почли за лучшее поскорее умиротворить великого князя. Весной 1312 г., «в роспутье» новгородский владыка Давид приехал в Тверь. Пообещав Михаилу Ярославичу выплатить полторы тысячи гривен серебра, архиепископ вернулся в Новгород с миром. Тверские наместники, отозванные перед началом войны, вновь прибыли на берега Волхова¹⁶⁸.

Летописи ничего не сообщают о действиях московских Даниловичей в 1312 г. По-видимому, они умели ждать и без важных причин не шли на конфликт с Михаилом Тверским.

Осенью 1312 г. на Русь пришло известие о кончине (9 августа 1312 г.) правителя Орды хана Тохты¹⁶⁹. В январе 1313 г. Орда обрела нового хозяина. Им стал племянник Тохты Узбек. Все русские князья потянулись в Орду, чтобы получить ярлыки от нового хана и засвидетельствовать ему свою верность. Никоновская летопись красочно описывает эту ситуацию: «Новый царь Азбяк сел на царстве, и вси обновишася, и вся прихожаху во Орду и ярлыки имаху, койждо на свое имя, и князи и епископи»¹⁷⁰.

Разумеется, изъявление верноподданнических чувств сопровождалось поднесением даров как самому новому хану, так и его новому окружению. Все это требовало от князей денег и денег. Под 6821 г. летописи сообщают о поездке в Орду к новому хану Михаила Тверского и митрополита Петра. Точные даты их путешествия неизвестны. Несомненно, тогда же ездил в Орду и Юрий Московский. Однако московский князь вскоре вернулся на Русь. Весной и летом 1314 г. он уже активно занимается новгородскими делами. Не задержался в Орде и митрополит: «По милости Божией вборзе отпущен бысть Петр митрополит от царя из Орды и прииде на Русь»¹⁷¹.

¹⁶⁷ НЛ. С. 94, 335.

¹⁶⁸ НЛ. С. 94, 335; ПСРЛ. Т. 39. С. 97–98.

¹⁶⁹ Hartog L. de. Op. cit. P. 79.

¹⁷⁰ ПСРЛ. Т. 10. С. 178.

¹⁷¹ ПСРЛ. Т. 18. С. 88.

После переяславского собора святитель заменил двух главных епископов — ростовского и сарайского. Первый из них традиционно считался вторым после митрополита духовным авторитетом Северо-Восточной Руси, второй находился при ханском дворе, в центре всех ордынских интриг. Ростовский владыка Симеон добровольно покинул кафедру. Вероятно, он был уже в преклонных годах¹⁷². На его место Петр избрал архимандрита ярославского Спасского монастыря Прохора. Церемонию поставления нового владыки митрополит решил совершить в Твери, совместно со своим главным обвинителем на переяславском соборе тверским епископом Андреем. Тем самым святитель надеялся умиротворить церковное общество и сгладить остроту своего конфликта с Тверью. Рогожский летописец датирует события этих лет с опозданием на один-два года. Сообщение о приезде Петра в Тверь он помещает под 6820 г.¹⁷³ Однако сочетание числа и дня недели указывает на предшествующий год (возможно, здесь употреблен ультрамартовский стиль). В итоге можно утверждать, что Прохор был поставлен на ростовскую кафедру в воскресенье, 21 марта 1311 г. А накануне, в субботу митрополит с епископом Андреем поставили еще одного епископа — Харлампия (на какую кафедру — неизвестно).

Замена сарайского владыки была делом сложным. Эту акцию необходимо было согласовать с правителями Орды. Симеоновская летопись под 6820 мартовским годом сообщает: «Того же лета Петр митрополит сня сан с владыки с Измаила Сарскаго. Тое же зимы поставлен бысть в него место Варсонофии епископом Сараю»¹⁷⁴. Сообщение о поездке Петра в Орду и его благополучном возвращении помещено под следующим, 6821 мартовским годом. Однако тут летопись несколько отстает от правильного распределения сообщений между статьями. Митрополит вернулся на Русь из Орды в 6820 мартовском году (то есть позднее 1 марта 1313 г.), но поехал он туда в 6820 мартовском году (то есть между 1 марта 1312 и 28 февраля 1313 г.). По-видимому, святитель поехал в Орду, как только узнал о кончине Тохты (то есть осенью 1312 г.). Зиму 1312/13 г. он провел в Орде, поздравив одним из первых занявшего престол в январе 1313 г. хана Узбека. Тогда же, зимой 1312/13 г., Петр снял сан с прежнего сарайского владыки, занимавшего кафедру уже не менее 16 лет¹⁷⁵, и поставил на его место Варсонофия. Несомненно, эту замену Петр произвел уже после прихода Узбека на престол, получив его согласие. Для поставления епископа требовалось присутствие нескольких епископов. Но именно такой

¹⁷² Симеон был рукоположен на владимирскую кафедру митрополитом Максимом в 1295 г., а в 1299 г. переведен на ростовскую кафедру.

¹⁷³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 36.

¹⁷⁴ ПСРЛ. Т. 18. С. 87.

¹⁷⁵ Махарий (Булгаков). Указ. соч. С. 646.

«съезд» владык, по свидетельству Никоновской летописи, имел место в Орде в связи с воцарением Узбека¹⁷⁶.

По возвращении из Орды митрополит Петр отправился в Юго-Западную Русь. Иначе легли дороги Михаила Тверского Обремененный долгами и обязательствами, он вынужден был жить в Орде фактически в роли заложника до осени 1315 г. Его отсутствие создало благоприятную ситуацию для новых московских акций в Новгороде, где постоянно ощущалось как давление тверских наместников, так и отсутствие надежной военной помощи со стороны великого князя Владимирского. Под 6821 мартовским годом Новгородская 1 летопись сообщает о нападении на Ладогу «немцев». По-видимому, это был ответ «свейских немцев» (то есть шведов) на новгородский поход 1311 г. в южную Финляндию. Выбрав удачный момент, когда «посадник ладожский с ладожаны» ушел в набег на тех же самых «немцев», шведы «Ладогу взяща и сожгоша, и люди в полон поведоша, и со многим богатством возвратишась в свояси»¹⁷⁷. Несомненно, «немцы» пришли к Ладоге на судах, а стало быть, поход состоялся летом 1313 г.

Трагедия Ладоги послужила толчком для активизации новгородско-московских связей. Вероятно, уже осенью 1313 г. в Москву отправились тайком от тверичей представители новгородского боярства. Они обратились к Юрию Даниловичу с просьбой послать на Волхов какого-нибудь служилого князя, способного возглавить борьбу с «немцами», а главное — готового вступить в конфликт с великим князем Михаилом Тверским. Князь Юрий подыскал среди князей смоленского дома воинственного Федора Ржевского. Его ржевские владения граничили с тверскими землями. Вероятно, князь Федор имел какие-то земельные споры и личные счеты с Тверью. Он изъявил полную готовность сыграть предложенную ему рискованную роль, собрал отряд и стал ждать сигнала к выступлению¹⁷⁸. Между тем тверские наместники, подстегиваемые приказами, приходившими из Твери и от Михаила Ярославича из Орды,

¹⁷⁶ ПСРЛ. Т. 10. С. 178.

¹⁷⁷ НЛ. С. 94, 335; ПСРЛ. Т. 10. С. 176.

¹⁷⁸ Никоновская летопись сообщает уникальные подробности этой акции: «Того же лета новгородцы сотвориша вече, понеже нелюбы им быша наместники князя Михаила Ярославича Тверскаго, яко многа обида и нужда бысть им от них, и восхотеша их изгнати... И послаша к великому князю (!) Юрию Даниловичю на Москву; он же посла тайно ко князю Феодору Ржевскому, да идет в Новьгород. Он же събрався паки ожидаше другиа весте от великаго князя Юрья. Того же лета князь велики Юрьи Данилович Московский посла в Новьград князя Феодора Ржевскаго; он же пришед в Новьград, наместники княже Михайловы Тверскаго, иже седали в Новеграде, изыма, и иде с новгородци на Волгу, и вынде противу его с тверичи князь Дмитрий Михайлович... и ста против их на своей стране реки Волгы, и стоаше тамо шесть недель и до замороза» (ПСРЛ. Т. 10. С. 178–179). Вторая половина этого повествования повторяет в общих чертах рассказ НЛ, а первая восходит к какому-то уникальному источнику, подробно освещавшему деятельность Юрия Даниловича («Летописец Даниловичей»?)

до крайности усилили финансовое давление на новгородцев. Обстановка в городе накалялась. Тут подоспело известие о захвате «немцами» Корелы — новгородской крепости на западном побережье Ладожского озера: «Новгородци же с наместником Федором идоша на них...»¹⁷⁹. Очевидно, этот «наместник Федор» был главой тверской администрации в Новгороде¹⁸⁰. Покинув Новгород, он увел в поход и своих людей. Этим и воспользовался другой Федор — Ржевский. Сразу после сообщения о походе на Корелу Новгородская 1 летопись сообщает: «Того же лета приеха Федор Ржевский в Новьгород от князя Юрья с Москвы, и изъима наместники Михайловы, и держаша их в владычни дворе, а новгородцы с князем Федором поидоша на Волгу; и выиде князь Дмитрии Михайлович со Твери и ста об ону сторону Волги, и тако стояша и до замороза... По семь dokonчаца с Дмитрием мир, и оттоле послаша по князя Юрья на Москву, на всеи воли новгородской; а сами възвратишася в Новьгород»¹⁸¹.

Грабёж тверских земель должен был хотя бы отчасти компенсировать новгородцам те полторы тысячи гривен серебра, которые буквально выбил из них Михаил Тверской весной 1312 г. Кроме того, в 1314 г. в Новгороде был голод¹⁸². В этой связи новгородцам важно было получить от тверичей гарантии беспрепятственной доставки хлеба из Северо-Восточной Руси. Наконец, новгородцы добивались от Твери признания их старинной привилегии — права принимать и высылать князей по решению веча.

¹⁷⁹ НЛ. С. 94, 335. Виновником сдачи Корелы новгородцы считали тверского наместника князя Бориса Константиновича (ГВНП. № 8. С. 18–19).

¹⁸⁰ ГВНП. № 8. С. 18–19. В 1314 г. в Новгороде действовали сразу три отмеченных источниками Федора. Первый — «наместник Федор», ходивший с новгородцами на Корелу; второй — князь Федор Ржевский, отчество которого летописи не сообщают; третий — «князь Федор Михайлович», который женился на дочери новгородского боярина Дмитрия Жидимирича (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 529). Возможно, два из них — первый и третий — одно и то же лицо.

¹⁸¹ НЛ. С. 94, 335; ПСРЛ. Т. 39. С. 98. Анализ новгородско-тверских договоров этого времени позволил исследователям заключить, что местом противостояния, а затем и перемирия Федора Ржевского с тверичами был Городок (Старица) (Fennell J. The Emergence of Moscow...P. 75. Note 4). С этой трактовкой не согласен В. Л. Янин (Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. М., 1991. С. 155–161). По его мнению, указание «на Городце» относится к договору между новгородским архиепископом Давидом и Тверью, заключенному в 1312 г. Однако согласно летописи, эти переговоры велись в самой Твери (ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. С. 255). И странно было бы предполагать, что новгородский владыка вел переговоры с тверичами в отдаленной Старице. С другой стороны, логика событий 1314 г. указывает именно на Старицу как место «стояния на Волге». Для Афанасия Ржевского было бы вполне естественно привести новгородское войско именно сюда, к Старице, расположенной на полпути между Тверью и Ржевом. В ходе кампании Федор мог решить и собственные проблемы, например отнять у тверичей какие-нибудь спорные пограничные волости. Кроме того, он мог действовать увереннее, имея в тылу собственные ржевские земли.

¹⁸² ПСРЛ. Т. 10. С. 178.

Текст мирного договора, заключенного между Новгородом и Тверью в результате шести недель «стояния на Волге», неизвестен. Новгородская 1 летопись сообщает, что после подписания мира новгородцы послали за Юрием Московским и позвали его на княжение «на всей воли новгородской»¹⁸³. Признал эту «волю» и Дмитрий Тверской. Но последнее слово оставалось, конечно, за Михаилом Тверским. А у него был свой взгляд на новгородскую «волю».

В связи с новгородско-тверской войной 1314 г. возникает вопрос: почему Юрий Московский не воспользовался случаем, чтобы нанести Твери сокрушительный удар? За те шесть недель, которые Федор Ржевский стоял на Волге, Юрий вполне мог подоспеть ему на помощь. От Москвы до Твери конное войско могло пройти походным маршем за 4–5 дней. Однако Юрий устоял перед искушением. Очевидно, он понимал, что любое его неосторожное движение Михаил Тверской представит хану как мятеж против установленных Ордой порядков. (Именно это пытался сделать в 1306 г. рязанский князь Василий Константинович.) Последствием такого «мятежа» может стать нашествие татар на московские земли. Примечательно, что Юрий принял приглашение на новгородский стол только после того, как тверской княжич Дмитрий признал за Новгородом право выбирать себе князя по своему усмотрению.

Зимой 1314/15 г., «пред великим заговением», князь Юрий Данилович прибыл в Новгород «на стол»¹⁸⁴. В 1315 г. «великое заговение» (то есть воскресенье Сырной недели, канун Великого поста) приходилось на 2 февраля и совпадало с праздником Сретения. Московский князь хорошо продумал время своего приезда в Новгород. Это была «широкая масленица», время хмельных пиров и гуляний, то есть самое удобное время для доверительных застольных бесед и налаживания неформальных дружеских связей с влиятельными людьми города. В этой обстановке Юрию удобнее было представить новгородским боярам своего младшего брата Афанасия, которого он привез с собой и предполагал оставить на Волхове своим наместником.

Вероятно, Юрий учел и то, что день его интронизации пришелся на так называемое «прощеное воскресенье», когда христиане по обычаю просили друг у друга прощения за обиды и клялись забыть все плохое, что было в прошлом. (Несколько лет спустя, в 1320 г. Юрий избрал этот же день для примирения с тверскими князьями¹⁸⁵.)

В 1315 г. Сырная неделя была примечательна не только масленичным весельем, но и обилием торжественных богослужений. Здесь Даниловичи могли показать новгородцам свое благочестие и щедрость ко храму, свое уважение к новгородским святыням. В четверг, 30 января,

¹⁸³ НЛ. С. 94, 335.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Муравьева Л. Л. Указ. соч. С. 89.

чествовали «трех святителей» — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста; в пятницу 31 января прославляли новгородского епископа Никиту (ум. 1108 г.), почитавшегося новгородцами как святого; в субботу, 1 февраля, — предпразднество Сретения, а в воскресенье — само Сретение в сочетании со службами «прошеного воскресенья»¹⁸⁶.

Впрочем, веселье новгородцев по случаю масленицы омрачалось надвигавшимся голодом. После известия о прибытии Юрия в Новгород Новгородская 1 летопись сообщает: «Тои же зимы хлеб бяше дорог в Новегороде; а въ Пскове почали бяху грабити недобрии людие села и дворы в городе и клетки на городе, и избиха их пльсковичи с 50 человек; и потом бысть тихо»¹⁸⁷. Очевидно, что псковские события (грабежи сел и «клетей» в городе) были также вызваны голодом. Бедствие имело очень широкие масштабы. Известно, что в 1315–1316 гг. голод охватил всю Ливонию и ощущался даже в Риге. Местные купцы наживались, завозя хлеб из Германии и продавая его по вздутым ценам, недоступным для простонародья¹⁸⁸. В этих условиях Псков и Новгород не имели возможности приобрести хлеб у своих западных соседей.

Тверские правители решили воспользоваться голодом для политического давления на Новгород. Княжич Дмитрий (конечно, по приказу отца) перекрыл все пути для хлебных обозов, направлявшихся в Новгород из «низовской земли». Это была месть тверичей за поход Федора Ржевского и за переход новгородцев к союзу с Москвой. Тем же средством Михаил Тверской воздействовал на Новгород в 1312 г. Однако на сей раз хлебная блокада не принесла ожидаемого успеха. Даниловичи остались на Волхове.

Юрий Данилович пробыл в Новгороде около полутора месяцев. 15 марта 1315 г., «в субботу Лазореву», он уехал из города. Причину его отъезда летописец объясняет лаконично: «...позван в Орду от цесаря»¹⁸⁹. На причины вызова косвенно указывает тот факт, что вслед за московским князем отправилось в Орду новгородское посольство¹⁹⁰. Однако оно было перехвачено тверичами.

¹⁸⁶ Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации XI–XVI вв. М., 1986. С. 45–46.

¹⁸⁷ НЛ. С. 94, 335–336.

¹⁸⁸ Urban W. The Livonian Crusade. University Press of America, 1981. P. 66–67.

¹⁸⁹ НЛ. С. 94, 335–336.

¹⁹⁰ Никоновская летопись сообщает о новгородском посольстве под 6823 г. следующее: «Того же лета новгородцы поидоша во Орду сами о себе, и переняша их тверичи и изымаша, и привелоша во Тверь» (ПСРЛ. Т. 10. С. 179). Это известие помещено в самом конце годовой статьи, после известия о битве под Торжком в феврале 1316 г. Однако здесь имеет место неправильное расположение известий внутри статьи. Новгородское посольство состоялось в 6823 мартовском году, о чем свидетельствует и следующее за известием о посольстве сообщение: «Того же лета бысть Благовещение святых недели во вторник по Пасце». Оно указывает на 1315 г., когда Пасха была 23 марта. Все известия данной годовой статьи в Никоновской летописи даны по мартовскому стилю. Если бы новгородское посольство отправилось в Орду после битвы

На пути в Орду Юрий побывал в Ростове¹⁹¹. Этот визит отчасти объяснялся тем, что князь ехал в Орду, объезжая тверские земли, где его могли перехватить. Самым естественным был путь через новгородские Бежичи на Углич и далее — на Ростов. Для поездки в Орду необходимо было запастись деньгами и всякого рода припасами. С этой целью Юрий из Ростова, по-видимому, отправился в Москву, а уже из Москвы — в Орду.

Отмеченное источниками пребывание Юрия в Ростове перед поездкой в Орду не было простой случайностью, дорожным эпизодом. Московский князь приехал сюда с определенной целью. История Ростова в XIII — начале XIV в. позволяет сделать некоторые предположения относительно этой цели. Известно, что уже с середины XIII в. Ростов стал излюбленным местом поселения для приезжавших на Русь на постоянное жительство татар. Среди них были опальные ордынские вельможи и купцы, чиновники налоговой службы и люди из свиты знатных ордынских невест, выданных замуж за ростовских князей Глеба Васильковича и Константина Борисовича. Вся эта пестрая мусульмано-языческо-православная колония имела прочные связи со своими сородичами в степях. Здесь, в Ростове, можно было узнать самые свежие новости из Орды, получить полезный совет и протекцию при ханском дворе.

Конечно, для коренных ростовцев было весьма неприятным беспоконное соседство татарской слободки. Время от времени они поднимали восстания и выгоняли татар из города. Однако те вскоре возвращались. Местные князья были заинтересованы в дружбе со «своими погаными» и оберегали их интересы.

В Ростове Юрий имел возможность переговорить со своими сородичами по линии жены. Известно, что в 1297 г. он женился на дочери одного из ростовских князей. Полагают, что его тестем был князь Константин Борисович¹⁹². Имя невесты неизвестно. В браке с нею Юрий имел дочь Софью, которая позднее вышла замуж за князя Константина Михайловича Тверского.

Ростовский княжеский дом в конце XIII века разделился на две враждующие между собой группировки. Предводителем одной был князь Дмитрий Борисович, а другой — его брат Константин. Соперники разделили не только территорию княжества, но и сам город Ростов. Однако вражда продолжалась и после раздела 1287 г. Примечательно, что князь Михаил Ярославич Тверской был женат на Анне, дочери князя Дмитрия Борисовича, тогда как Юрия Даниил Московский женил на дочери

под Торжком, то это произошло бы не ранее марта 1316 г., а стало быть, уже в следующем, 6824 мартовском году. В изложении этих событий составитель Никоновской использовал Симеоновскую (Троицкую) летопись, дополняя ее известиями Н1Л и какого-то ростовского источника (*Клосс Б. М. Никоновский свод...* С. 134).

¹⁹¹ ПСРЛ. Т. 7. С. 186; Т. 39. С. 98.

¹⁹² Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 126.

другого брата — Константина. Соответственно оба имели собственную партию в Ростове. В 1315 г. в Ростове княжил Василий Константинович. Он также в 1316 г. был вызван в Орду для объяснений, возможно — по делу Юрия.

Погостив в Ростове, московский князь погнал своего коня на юг, в степи. Там ему суждено было пробыть долгих два года. На Русь он возвратился из Орды только осенью 1317 г. Эти два с лишним года Москвой управлял князь Иван. В сущности, он стал московским правителем задолго до того, как официально получил этот стол.

Юрий Данилович прибыл в Орду летом 1315 г. Между ним и Михаилом Тверским началась тяжба, главным предметом которой, несомненно, был новгородский стол¹⁹³. Хан Узбек принял сторону Михаила. Осенью 1315 г. он был отпущен на Русь в сопровождении отряда под командованием «окаянного Таитемеря». «Поганые» должны были помочь Михаилу утвердиться в Новгороде. Как обычно, пребывание татар сопровождалось произволом, грабежами и расправами. По замечанию летописца, ордынский «посол» «много зла учини в Русской земле»¹⁹⁴.

Взойдя на великое княжение Владимирское и приведя к покорности всех северо-восточных князей, Михаил Тверской в конце 1315 г. приступил к главному и самому трудному делу — покорению Новгорода. Огромное войско, в состав которого помимо собственно тверских сил входили полки «низовских» князей и татарский отряд Таитемеря, готовилось выступить в поход на Торжок и дальше — на Новгород.

Жители Торжка, узнав о надвигающейся беде, обратились за помощью к новгородцам. На вече закипели жаркие споры, в которых вечная вражда между бедными и богатыми перемещивалась с распрями боярских кланов. В итоге московский князь Афанасий Данилович и его помощник Федор Ржевский выступили из Новгорода на помощь Торжку «с новгородскими бояры без черных людей»¹⁹⁵.

Шесть недель князь Афанасий стоял в Торжке с новгородцами, ожидая подхода противника и собирая сведения о его передвижении. Наконец явился и Михаил Тверской, ставший лагерем близ города. 10 февраля 1316 г. Афанасий вывел войско из крепости и приготовился к битве. Михаил немедленно поднял стяги и двинулся вперед.

Силы сражавшихся были явно неравны. Выйдя из крепости, Афанасий Данилович заведомо обрек себя на поражение. Его могла спасти только удача, которая любит смельчаков. Но на сей раз она была занята кем-то другим...

Новгородский летописец рассказывает о битве под Торжоком в своей обычной сдержанной манере: «Тогда же понде князь Михаило со всею Низовьскою землею и с татары к Торжку; новгородци же с князем

¹⁹³ НЛ. С. 94.

¹⁹⁴ ПСРЛ. Т. 18. С. 88.

¹⁹⁵ ПСРЛ. Т. 10. С. 179.

Афанасьем и с новоторжци изидоша противу на поле. Бысть же то попушением Божиим: съступившема бо ся полком обема, бысть сеча зла, и створися немало зла, избиша много добрых муж и бояр новгородских... и купец добрых много, а иных новгородцев и новоторжцев Бог весть; а инии останок вбегоша в город и затворишася в городе с князем Афанасьем»¹⁹⁶.

Остатки разгромленного новгородско-новоторжского войска укрылись в крепости Торжка. Это было мощное по тем временам сооружение. Крепость располагалась на высококом холме над рекой Твердой. С двух сторон ее защищал глубокий овраг, по дну которого протекал ручей, а с третьей — сама река. По гребню холма высились коренастые башни, между которыми тянулись высокие беревенчатые стены с навесами, закрывавшими стоявших на них воинов.

Засевшие в Торжке новгородцы вступили в переговоры с Михайлом. Тверской князь потребовал, прежде всего, немедленной выдачи обоих враждебных ему князей. Осажденные «по неволи» согласились на выдачу одного лишь Федора Ржевского. Выдать Афанасия Даниловича новгородские бояре отказались, так как понимали, что в этом случае могут испортить дружественные отношения с его старшим братом Юрием Даниловичем.

Было заключено перемирие и начались переговоры между тверичами и возглавляемой Афанасием Даниловичем делегацией новгородцев. В ходе переговоров Михаил Ярославич выдвинул какие-то небывалые, неприемлемые для новгородцев условия («и начат с ними укреплятися чрез обычай их изстаринный. Сим же не хотящим тако крепость на себя дати»)¹⁹⁷.

Тогда Михаил Ярославич приказал своим людям схватить князя Афанасия Даниловича и сопровождавших его новгородских бояр, отвезти их в Тверь и там держать под крепкой стражей. Несомненно, князь нарушил при этом свои обязательства относительно безопасности участников переговоров.

Вступив на путь вероломства и безоглядного насилия, Михаил уже не мог сойти с него. Он велел продать в рабство всех захваченных в плен новгородцев за исключением взятых заложниками. У жителей Торжка отобрали всякое оружие, а сами они вынуждены были заплатить выкуп за свою свободу. Князь отыскал в городе лучших ремесленников и насильно вывез их в Тверь. Городские укрепления были разрушены. В сущности это были чисто татарские методы расправы с побежденными.

Весть о битве под Торжком через несколько дней достигла берегов Волхова. Потрясенные новгородцы не нашли сил, чтобы сопротивляться новому призыву Михаила. Он прислал в город своих наместников и заставил возвести в должность посадников своих ставленников. Кроме

¹⁹⁶ НЛ. С. 94.

¹⁹⁷ ПСРЛ. Т. 10. С. 179.

того, Михаил заставил побежденных новгородцев подписать с ним мирный договор, согласно которому они признавали его своим князем. За освобождение новгородских пленников и заложников, за обязательство великого князя не нападать на Новгород и обеспечивать новгородским купцам свободную торговлю в его владениях новгородцы обязывались поэтапно выплатить ему огромную сумму в 50 тысяч гривен серебра¹⁹⁸.

По окончании похода на Торжок ордынский посол в сопровождении великокняжеских бояр отправился в Ростов. Там он передал местному князю Василию Константиновичу вызов в ханскую ставку. Опыненные погромом Торжка, воины Таитемира бесчинствовали в Ростове и «много зла подеаша». Вероятно, сопровождавшие посла тверские бояре умело направляли бесчинства татар против местных недругов своего князя.

Наконец татары Таитемира ушли к себе в Орду. Жизнь на Руси стала понемногу возвращаться в нормальное русло. Очень скоро Михаил понял, что его победа над Новгородом была хотя и внушительной, но далеко не окончательной. В конце весны 1316 г. в Новгороде вспыхнуло восстание против тверского князя. Его наместники были изгнаны из города, а доброхоты князя из числа самих новгородцев были казнены традиционным способом — сброшены с Великого моста в Волхов со связанными руками и ногами.

Узнав об этом, Михаил немедленно стал готовить большой поход на непокорный город. Для начала он разграбил область Волока Ламского — территорию, издавна принадлежавшую Новгороду. После этого великий князь «со всеи землею Низовскою» пошел на Новгород.

Новгородские бояре поняли, что в этом бою будет решаться судьба их независимости. Забыв прежние распри и уняв спесь, они обратились за помощью ко всем городам и волостям Новгородской земли. И земля услышала этот призыв. В Новгород пришли отряды из Пскова, Старой Руссы, Ладоги, а также от неславянских племен края — корелы, ижоры, води. Готовясь к обороне, новгородцы выстроили новый острог вокруг города.

Михаил Тверской остановил свое войско в селе Устьяны на Ловати. Здесь он прекратил поход и велел всем возвращаться по домам. Обратный путь тверичей стал для них настоящим бедствием, о котором не без злорадства повествует новгородский летописец. «Князь же Михаило, не дошед город, ста въ Устьянех; и тако мира не возма, поиде проче, не успев ничтоже, но болшую рану въсприимъ: възвративше бо ся въспяты, заблудиша в озерех и в болотех; и начаша мерети гладомь, ядыху же и конину, а снасть свою пожгоша, а иное пометаша; и придоша пеши в домаы своя, примимше рану немалу»¹⁹⁹.

Что было причиной столь неожиданного поворота событий? Тверской летописец объясняет провал похода коварством врагов. Твер-

¹⁹⁸ Янин В. Л. Новгородские акты... С. 157.

¹⁹⁹ НЛ. С. 95.

ское войско «злыми вожди заведоша в лихаа места»²⁰⁰. Однако помимо козней новгородских предшественников Ивана Сусанина некоторые интересные подробности сообщает в своей «Истории» В. Н. Татищев: «Князь же великий, пришед на усть Цны, первее сам заболел, потом прииде мор на кони. Слышав же, яко Юрий московский готовится на нь со братнею, хотяще волость его погубити, возвратися во Тверь»²⁰¹.

Составитель Комиссионного списка Новгородской 1 летописи, повествуя о неудаче Михаила, не только с явным удовлетворением живописует бедствия тверичей, но и проводит аналогию с событиями первого века нашей эры, когда иудеи, распявшие Иисуса Христа, были наказаны Богом, пославшим на них римское войско во главе с императором Веспасианом и его сыном Титом. «Князь же Михаилю, не дошед города, ста в Устьянех; и тако мира не возмя, поиде прочь, не успев ничтоже, нь болшою рану (то есть несчастье, горе. — Н. Б.) въсприим; възвратися назад, и заблудиша во озерех, в болотех; и начаша измирати гладом, и ядяху конину, а нини, с щитов кожду сдирающе, ядяху, а снасть свою всю пожгоша; приидоша пеши в домы своя, приемше рану, якоже древле иерусалимляне, внегда предасть я Бог в руце цесарю Титу Римьску»²⁰².

История о том, как Бог наказал иудеев нашествием римлян и разрушением Иерусалима (ярко и подробно изложенная в хорошо известной в Древней Руси книге римского историка Иосифа Флавия «Иудейская война»), была прямой аналогией с нашествием татар на Русь. Это уподобление и вытекающие из него идеи, переплетаясь с темой «вавилонского плена», очень часто встречались в русской общественной мысли XIII–XIV веков.

Возвращение Михаила из-под Новгорода было столь поспешным, что он фактически бросил на произвол судьбы своих лишившихся коней воинов, которые заплутались в дремучих новгородских лесах и едва добрались домой пешком. Единственное, что могло заставить его поступить так безоглядно, — весть о движении московского войска к Твери. На это прямо указывает и Татищев: «Слышав же, яко Юрий Московский готовится на нь со братнею»²⁰³. Необходимо только учесть, что сам Юрий был в это время в Орде, Афанасий — в тверской тюрьме, а Александр — в могиле. Таким образом, военную акцию против Твери (или ее имитацию) мог осуществить только Иван Данилович, оставленный Юрием в Москве, или его брат Борис. Однако последний, судя по всему, находился в это время в Нижнем Новгороде. Своими действиями москвичи спасли Новгород от угрозы полного разгрома и потери независимости. Одновременно был нанесен удар могуществу Твери. Неудача Михаила в этом походе во многом предопределяла и его дальнейшие несчастья и, в конечном счете, гибель.

²⁰⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 36.

²⁰¹ Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5. С. 74.

²⁰² НЛ. С. 337; ПСРЛ. Т. 5. С. 206.

²⁰³ Татищев В. Н. Указ. соч. Т. 5. С. 74.

Судя по тому, как серьезно воспринял Михаил весть о намерениях московичей, он считал Ивана способным на быстрые и дерзкие предприятия.

Едва ли Иван за короткий срок успел снестись с Юрием и получить от него распоряжения. Видимо, он действовал самостоятельно, но при этом уже знал, что брат находится в милости у хана. Вскоре стали видны и явные признаки этой милости. Осенью 1317 г. Юрий вернулся на Русь с ярлыком на великое княжение Владимирское и молодой женой — сестрой самого «царя» Узбека...

Подводя итог сделанному в данной главе наблюдениям, необходимо выделить следующее. Московская политика данного периода может быть правильно понята только опосредованно, как реакция на деятельность великого князя Михаила Ярославича Тверского. Политика Михаила Тверского в 1305–1317 гг. отличалась наступательным, зачастую агрессивным характером²⁰⁴. Пользуясь поддержкой Орды, Михаил уже в первые годы своего великого княжения предпринял военное давление на Москву и, по-видимому, вытеснил Даниловичей из Переяславля. Летом 1307 г. он утвердился на новгородском столе.

Та же ставка на силу, излишняя самоуверенность заметна и в действиях Твери по отношению к митрополичьей кафедре. Здесь и попытка провести своего кандидата на митрополию, и противодействие митрополиту Петру.

В целом политика Михаила Тверского — это политика энергичной силовой консолидации Северо-Восточной Руси и Новгорода под эгидой великого князя Владимирского. Очевидно, что Орда до известных пределов допускала и даже поощряла подобные тенденции. Стабилизация политической обстановки в «русском улусе», прекращение затяжной междоусобицы, разделившей правящий слой на два враждебных лагеря и подорвавшей экономику страны, — все это явно коррелировалось с аналогичными процессами, протекавшими в самой Орде в первом десятилетии XIV в.

В этой ситуации любое неповиновение Михаилу Тверскому воспринималось как сопротивление стоявшей за ним Орде.

К 1309 г. Михаил Тверской добился повсеместного признания своей верховной власти. Однако тут на его пути возникли непредвиденные

²⁰⁴ Известно, что почти все летописание Северо-Восточной Руси XIV века, сосредоточенное в Своде 1408 г., дошло до нас в тверской переработке, выполненной в 1412 г. Естественно, все негативные сведения о Михаиле Тверском при этой переработке подвергались сокращению. Да и сам Свод 1408 г., вышедший из митрополичьей канцелярии, едва ли мог удержать какие-либо сведения, бросающие тень на князя-мученика, причисленного к святым. В итоге наиболее достоверным (хотя, конечно, по-своему пристрастным) следует признать рассказ о деятельности Михаила Тверского в Синодальном списке Новгородской 1 летописи. Здесь тверской князь предстает как злодей и клятвопреступник, наводящий на Русь татарскую «рать» (НЛ. С. 94–95).

препятствия. Страшный голод 1309–1310 гг. в Северо-Восточной Руси сорвал своевременную выплату ордынской дани. В связи с этим великий князь отправился в Орду и пробыл там с 1309 по 1311 г. Кончина хана Тохты в августе 1312 г. вновь смещала карты. Для восстановления своих позиций Михаил вынужден был провести в Орде более двух лет (1313–1315). Долгое отсутствие великого князя на Руси вызвало своего рода «вакуум власти». Не имея ни братьев, ни взрослых сыновей, тверской князь вынужден был оставить домашние дела на попечение своих бояр. В результате была проиграна тяжба с митрополитом, а в Новгороде усилились антитверские настроения.

Московский князь Юрий Данилович в этой ситуации проявил большую сдержанность и осторожность. Однако логика событий заставила его втягиваться в борьбу. Ссора Михаила с митрополитом Петром открывала москвичам дорогу к сближению с главой церкви. Желание новгородцев иметь у себя не номинального, правящего через алчных наместников, а реального, боеспособного князя побуждало их искать дружбы с Москвой.

На осторожное московско-новгородское сближение Михаил Тверской ответил весьма жесткими ударами. Его главным оружием являлась поддержка хана Узбека. В 1315 г. Юрий Московский был вызван на суд в Орду. Несомненно, Михаил готовил ему ту же участь, которая постигла его самого в 1318 г. Однако Юрий каким-то образом оправдался перед ханом и остался жить в Орде на положении то ли пленника, то ли заложника. На время его отсутствия (до осени 1317 г.) Москву прочно «прикрывал» князь Иван Данилович.

Вернувшись на Русь с татарским отрядом, Михаил Тверской разгромил новгородцев под Торжком, подвергнув их при этом всяческим унижениям. Однако в борьбе за подчинение Новгорода тверской князь явно «перегнул палку». Его небывалые финансовые домогательства в сочетании с шантажом и запугиванием не только не сломили новгородцев, но еще более ожесточили их и подвигли на новый мятеж против власти Михаила в 1316 г.

Всесторонний анализ ситуации убеждает в том, что жесткая, сугубо «силовая» политика Михаила Тверского объяснялась не только особенностями его характера и традициями новгородско-тверских отношений, но и объективными причинами. В сущности, у Михаила не было другого пути к победе. Его собственное княжество практически не имело возможностей для расширения своей территории. Со всех сторон оно граничило с сильными соседями: на севере и северо-западе с Новгородом, на западе — с Литвой, на юге — с Московским княжеством. Некоторые перспективы имелись лишь на восточном (ростово-суздальском) и юго-западном (ржево-смоленском) направлениях. Внедряясь в эти регионы путем династических связей, тверские князья создавали здесь определенные «точки опоры» и виды на будущее. Однако точно такую же деятельность вели здесь и их соперники — московские

князя. В итоге овладение великим княжением Владимирским оставалось почти единственным шансом для тверских правителей увеличить подвластную им территорию. Отсюда и столь безоглядное стремление Михаила Тверского любой ценой получить ярлык на великое княжение Владимирское.

Что касается Новгорода, то здесь Михаил Тверской поначалу, в 1305–1308 гг., демонстрировал способность к компромиссу, стремление завоевать симпатии новгородского духовенства и боярства, выступив в роли благочестивого храмоздателя и борца с еретиками. Однако обстоятельства сложились так, что Михаил не имел времени и возможности заслужить признательность новгородцев на ратном или ином поприще, но вынужден был, находясь в Орде, в экстренном порядке вымогать у них «серебро». Других столь же весомых источников дохода князь, по-видимому, не имел.

После неудачного карательного похода на Новгород в 1316 г. политика Михаила зашла в тупик. А между тем, ханский двор все более разочаровывался в способности тверского князя стабилизировать ситуацию в «русском улусе» и выполнить свои даннические обязательства. Князь Юрий Данилович, умевший ладить и с Новгородом, и с митрополитом, и с влиятельными членами ханского семейства, все более и более казался подходящей фигурой на смену неудачнику Михаилу. В 1317 г. последовали и соответствующие решения хана Узбека.

В итоге можно констатировать, что вся «политика Москвы», насколько она известна по источникам, сводилась в этот период к наиболее естественной и благоразумной реакции на вызовы времени. Михаил Тверской в силу изменившихся обстоятельств (конец двоевластия в Орде и системы двух княжеских коалиций на Руси) получил возможность вести новую политику, суть которой — силовая консолидация («насилованием») русских земель вокруг великого княжения Владимирского при поддержке Орды. Однако как объективные (стихийные бедствия, смена ханов в Орде, семейная ситуация Михаила Тверского), так и субъективные (излишняя самонадеянность Михаила Тверского, чрезмерное увлечение силовыми методами воздействия) факторы предопределили крах честолюбивых замыслов Михаила Ярославича, а вместе с ними — и первой попытки осуществления «тверского варианта» политической консолидации Северо-Восточной Руси.

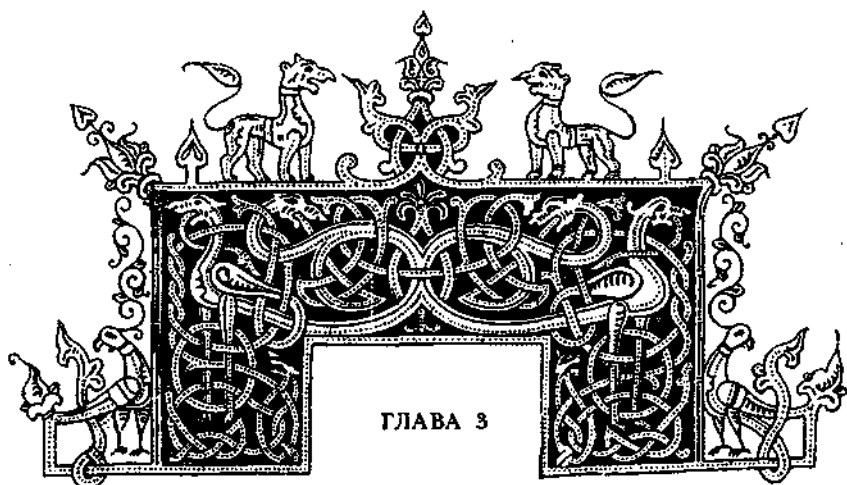
Что касается московских Даниловичей, то их деятельность (как, впрочем, и деятельность Михаила Тверского!) была в значительной мере наследственно-традиционной. Умение терпеливо ждать и до времени довольствоваться вторыми ролями, свойственное Даниилу, передалось Юрию и Ивану Даниловичам. В 1305–1317 гг. Даниловичи явно переиграли Михаила Тверского на поприще политической борьбы. Однако дело было не только в этом. Тверской князь пал жертвой небла-

гоприятных обстоятельств и собственных просчетов. Московские правители не упускали случая воспользоваться просчетами Михаила Тверского, не отталкивали удачу, которая сама плыла к ним в руки²⁰⁵.

Выдержав два тверских нашествия (в 1305 и 1307 гг.), Москва после этого благодаря сдержанности Юрия обрела ту спасительную «тишину», за которую летописцы позднее так хвалили Ивана Калиту. В этой тишине крепло экономическое положение Москвы, копились материальные и людские ресурсы. Полагают, что в изучаемый период между Москвой и Тверью шла борьба за некоторые территории, входившие в состав великого княжения Владимирского (Переяславль, Нижний Новгород). По этим вопросам историками высказан ряд предположений. Однако молчание или косноязычие источников не позволяют прийти здесь к бесспорным заключениям.

Придет время, и брат погибшего в Орде Юрия Иван станет проводить ту же политику консолидации Северо-Восточной Руси путем «насилования», которую проводил и Михаил Тверской. Однако он сумеет учесть горький опыт предшественника, избежать его ошибок. Он найдет более правильное соотношение простого «насилования» с иными, более возвышенными аргументами. Да и общая ситуация на Руси и вокруг нее будет гораздо более благоприятной для Ивана Калиты, нежели она была для Михаила Тверского.

²⁰⁵ А. А. Горский убедительно оспаривает традиционный тезис о «протатарской» политике Москвы и «антиордынской» — Твери (*Горский А. А. Москва, Тверь и Орда...* С. 34–46). Однако при этом исследователь, на наш взгляд, несколько преувеличивает «антиордынскую» тенденцию в деятельности князя Даниила и его сыновей.

ГЛАВА 3

НОВЫЙ КУРС «РУССКОЙ ПОЛИТИКИ» ОРДЫ

1. Ставка на Юрия Московского

ребывание Юрия в Орде в 1315–1317 гг. имело весьма неожиданный и благоприятный для него исход. Овдествший к этому времени 34-летний московский князь получал возможность жениться на сестре Узбека Кончаке.

Это был далеко не первый случай, когда русские князья вступали в родственные отношения с «погаными». Еще в домонгольской Руси браки между Рюриковичами и невестами степного происхождения были довольно обычным делом. На половчанках были женаты Юрий Долгорукий и его внук Ярослав Всеволодович. Татары стали наследниками половцев в степях. И вполне понятно, что смешанные браки вскоре возобновились.

Первым среди русских князей был удостоен чести породниться с татарами ростовский князь Глеб Василькович в 1257 г. Его примеру позднее последовали племянник Константин Борисович Ростовский и внук Федор Михайлович Белозерский. Вторым браком женился на ханской дочери ярославский князь Федор Черный. Нашел себе жену в степях и сын великого князя Андрея Городецкого Михаил.

Конечно, для подневольных русских князей браки в Орде были, как правило, вынужденным, корыстным решением. Этой унижительной очевидности не могли скрыть ни обязательное крещение невесты по православному обряду, ни, быть может, прекрасные семейные отношения. Однако, с точки зрения монгольской знати, женитьба на девушке

из рода Чингисхана возвышала местного правителя, приобщала его к узкому кругу лиц, имевших исключительную привилегию на верховную власть в империи¹.

Сложные, противоречивые чувства, которые вызывали у современников такие брачные союзы, как и вообще личная близость с татарами, хорошо отражены в летописном некрологе ростовского князя Глеба Васильковича, умершего в 1277 г. Его несомненное унижение русский летописец оправдывает как самопожертвование во имя спасения русских людей от произвола татар. «...Преставился князь Глеб Василькович Ростовский, жив от рождения своего 41. Сей от уности своея, по нахождении поганых татар и от пленении от них Русскыя земля, нача служити им и многи христианы, обидимыя от них, избави и печальныя утешая, брашно свое и питие нащадно требующим подавая, и многу милостыню нищим, убогим, сиротам, вдовицам, маломощным подаваше»².

Особенно распространены были ордынские браки среди ростовских князей. И если справедливо предположение А. В. Экземплярского о том, что Юрий Данилович был женат первым браком на дочери князя Константина Борисовича Ростовского, то значит, в своем семейном выборе он последовал примеру тестя. Тот, овдовев, женился вторым браком в 1302 г. в Орде на дочери знатного татарина Кутлукортки.

Хан Узбек любил устраивать выгодные брачные союзы. Известно, что в 1320 г. он выдал свою дочь Тулунбай замуж за египетского султана. Жениху пришлось уплатить за невесту огромный выкуп — 30 тыс. динаров. Однако, получив невесту, султан вскоре разочаровался в ее достоинствах. Прогнав ее от себя, он велел жениться на ней одному из своих эмиров. На запрос разгневанного тестя султан ответил, что его жена умерла³.

Конечно, Юрий Данилович был жених помельче, чем египетский султан. Узбек разрешил ему взять в жены Кончаку исходя из своих взглядов на «русскую политику» Орды, суть которых — консолидация Северо-Восточной Руси под властью одного, наиболее лояльного по отношению к Орде княжеского семейства. Через сплочение Северо-Восточной Руси и ее более прочную интеграцию в структуру Орды Узбеку виделся путь к вовлечению в сферу своего влияния и значительной части литовских земель. Сильное великое княжение Владимирское должно было не только удерживать быстро усиливавшуюся Литву от конфронтации с Ордой, но и вовлекать в свою систему те или иные литовско-русские княжества. В этой связи Узбек приветствовал не только русско-ордынские, но и русско-литовские династические браки,

¹ Miyawaki J. The Chinggisid principle in Russia // Russian History / Histoire Russe. 1992. Vol. 19. N. 1-4. P. 266-267.

² ПСРЛ. Т. 18. Спб., 1913. С. 76.

³ См.: Тузенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Спб., 1884. С. 439.

которые создавали хорошую предпосылку для политической и духовной экспансии.

Новый курс Узбека был рассчитан на длительный срок и отличался широтой замысла. Для его исполнения запутавшийся в долгах и восставший против себя Новгород Михаил Тверской был явно неподходящей фигурой. И потому первым ходом в той сложной политической комбинации, которую задумал правитель Орды, стал брак Юрия Московского с правнучкой Чингисхана Кончакой. Внимательное изучение летописей позволяет увидеть некоторые детали этого события.

Князь Юрий долго размышлял над тем, какое имя дать своей новой жене при крещении. В конце концов, он больше всех был заинтересован в том, чтобы это имя было звучным, красивым и принятым в княжеских семьях. Имя Агафия (в переводе с греческого — «добрая») вполне отвечало этим требованиям.

Обычно имя давалось новокрещенным по тому святому, память которого праздновалась в день крещения. По-видимому, и Кончака была крещена в день памяти святой Агафии. Этот день по месяцесловам той эпохи был только один раз в году — 5 февраля. Конечно, крещение состоялось накануне свадьбы, а сама свадьба — в воскресенье. Именно такая комбинация имели место в 1317 г. В субботу, 5 февраля 1317 г., Кончаку окрестили, а на другой день, в «неделю мясопустную», обвенчали с князем Юрием.

Летом 1317 г. Юрий с молодой женой вернулся на Русь. С ним пришел отряд татар во главе с Кавгадыем. Миссия Кавгадыя явно отличалась от обычных ордынских «ратей», приходивших для свержения провинившегося князя или выколачивания долгов. Кавгадый также не имел целью посадить Юрия на великокняжеский престол во Владимире (кажется, Юрий и вообще не имел еще ярлыка на Владимир). Летописи отмечают активное участие Кавгадыя в переговорах с русскими князьями. Эту сторону его деятельности освещают и «Записки касательно Русской истории» императрицы Екатерины II. Их свидетельство отличается конкретностью и заслуживает доверия. «В сие время хан Азбьяк или Узбек имел войну неудачную с Абузайт Ханом Иранским. Хану Азбеку на то время нужно было, дабы князи русские менее ему нанесли забот; и для того Кавгадыю посланы были приказания приводить распри их к окончанию...» После Бортеневской битвы Кавгадый заявил Михаилу Тверскому, «что он посол ханский, присланный от хана для примирения князей русских, и для исполнения ханского приказания ехал со князем Юрием Московским»⁴.

Несмотря на тенденциозное освещение личности и деятельности Кавгадыя в Повести о Михаиле Тверском, можно думать, что он действительно был послан Узбеком главным образом для прекращения московско-тверского спора за Новгород. Хану наскучили жалобы всех

⁴ Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. Спб., 1906. С. 69–71.

трех сторон конфликта, переросшего в настоящую войну. Следствием такого развития событий мог стать недобор ордынского «выхода» и распад Руси на две враждующие княжеские коалиции.

Хан запретил Кавгадыю участвовать в военных действиях на той или другой стороне. Невольно приняв участие в Бортеневском сражении, Кавгадый нарушил ханский приказ и потому боялся наказания. Именно об этом и говорили татары Кавгадыя Михаилу Тверскому во время их пребывания в Твери. Опасаясь, что тверской князь донесет на него хану, Кавгадый принял активное участие в его примирении с Юрием Московским после Бортеневской битвы («Михаил Ярославич... посредством Кавгадыя пересылался со князем Юрием, и согласились с обеих сторон прислать уполномоченных бояр для заключения мира», — сообщают «Записки Екатерины II».)

Но обратимся к началу этого противостояния. Вернувшись из Орды, Юрий с отрядом Кавгадыя пошел вверх по Волге, направляясь в сторону Твери. Михаил Тверской, не зная о полномочиях и планах Юрия и Кавгадыя, собрал союзных ему «суздальских» князей и выступил навстречу Юрию к Костроме. Здесь князья расположились на противоположных берегах Волги и начали переговоры, в которых активно участвовал и Кавгадый. Спустя некоторое время Михаил прекратил споры и ушел обратно в Тверь.

Однако Юрий остался в Костроме, собирая прежних союзников Михаила под свои знамена и готовясь к большому походу на Тверь⁵. Очевидно, уступки Михаила оказались ему недостаточными.

⁵ Летописи довольно противоречиво излагают эти события. По Рогожскому летописцу «сступився великого княжениа Михаил князь Юрию князю» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 1965. Стб. 37). По Никоновской летописи Юрий «сступився великого княжениа князю Михаилу Ярославичю Тверскому» (ПСРЛ. Т. 10. СПб., 1885. С. 180). Анализируя летописные известия, А. Е. Пресняков пришел к выводу, что стояние под Костромой не привело к заключению мира. Михаил ушел в Тверь, утратив поддержку «суздальских князей» (Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 129. Прим. 3). Очевидно, даже современники не вполне понимали цель миссии Кавгадыя и по привычке объясняли дело сменой лиц на великом княжении Владимирском. Повесть о Михаиле Тверском, представляя своего героя смиренным страдальцем, сообщает о том, что он уступил великое княжение Юрию при встрече с ним у Костромы, но заявил, что не допустит врагов в свою «опришнину» (ПСРЛ. Т. 5. СПб., 1851. С. 208). Это толкование предопределило изложение сюжета в тверских летописях. В Никоновской летописи чтение следует считать ошибочным, плодом описки или неправильного понимания протографа составителем свода. Примечательно, что в той версии Никоновской, которой пользовалась для своих исторических трудов Екатерина II, этой фразы, очевидно, не было. В «Записках» Екатерины II о костромском противостоянии сообщаются следующие подробности: «Князь Юрий требовал, чтобы братья его отпущены были из Твери к нему, и чтобы князь великий на Новгород призываний не делал и пленных новгородцов отпустил во своясы. Князь же великий Михаил братья князя Юрия отпусти, а о новгородцах обещание дал кончить с ними полюбовно, и тако умиришася, и возвратися князь великий во Тверь и заложил Кремль; а князь Юрий иде к Костроме» (Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. С. 68).

Между тем Михаил, вернувшись в Тверь, спешно начал постройку новых городских укреплений («и заложил болюши град кремник»)⁶.

Еще несколько недель Юрий стоял в Костроме, собирая силы, слал гонцов к своим реальным и потенциальным союзникам.

Кострома не случайно стала местом сбора сил Юрия. Ему, конечно, хотелось держать буйных татарских «послов» подальше от московских земель. Там, где проходили, а тем более останавливались эти «послы», обычно оставались одни пепелища. Вероятно, именно у Костромы, на приволжских пойменных лугах Юрий и оставил отряд Кавгадыя, уехав в Москву. Прежние союзники Михаила Тверского, князя суздальские, поразмыслив, присоединились к Юрию. Новгородцы поначалу заняли позицию выжидательного нейтралитета, так как не были уверены в успехе Юрия и боялись нового тверского нашествия. Поддержка новгородской знати, «золотых поясов», была очень важна для Юрия, и потому он послал к ним для переговоров осенью 1317 г. своего брата Ивана и татарского вельможу Телебугу.

Ситуация в Новгороде благоприятствовала успеху московских посланцев. После неудачного похода Михаила Тверского на Новгород в конце весны 1316 г. новгородцы перехватили инициативу в свои руки. Весной 1317 г. (вероятно, получив известие об ордынской женитьбе Юрия Московского) новгородский владыка Давид поехал в Тверь, где добился пересмотра условий прежнего, заключенного после битвы под Торжком договора в сторону уменьшения контрибуции. Летом 1317 г., получив весть о возвращении Юрия Московского из Орды (и соответственно — о начале нового обострения московско-тверского соперничества), новгородцы решили воспользоваться ситуацией и вновь «надавить» на Михаила Тверского. С этой целью новгородское войско прибыло в Торжок, намереваясь отсюда начать вторжение в тверские земли. Не желая ввязываться в войну с Новгородом в столь неблагоприятной обстановке, Михаил Ярославич вновь пошел на косякие уступки⁷.

Однако едва новгородцы успели вернуться из этого похода, как на Волхов явились посланцы Юрия Московского, повелевая от имени нового великого князя Владимирского принять участие в большом походе объединенных сил на Тверь. Новгородцы согласились с доводами Ивана и Телебуги. Их войско вышло на помощь Юрию и вновь стало в Торжке, на границе тверских земель.

⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 37.

⁷ НЛ. С. 96, 338; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.: Л., 1950. С. 355–356. Уникальное известие Троицкой летописи о поездке в Новгород князя Ивана Даниловича вполне заслуживает доверия: татарский вельможа Телебуга едва ли мог выступать в роли посла от московского князя к новгородцам. Хронологическая последовательность действий новгородцев в 1316–1318 гг. убедительно воссоздана В. Л. Яниным (см.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. (Хронологический комментарий). М., 1991. С. 155–161).

В субботу, 17 сентября 1317 г., над Тверью появилось странное, пугающее знамение. «Тои же осени бысть знамение на небеси, месяца сентября, в день суботный до обеда: круг над градом над Тверью, мало не съступился на полночь, имея три лучи: два на восток, а третьей на запад»⁸. Перепуганные жители в страхе ждали худшего. Но князь Михаил сохранял присутствие духа и энергично готовился к обороне города.

Настали первые морозы, сковавшие осеннюю хлябь дорог. И Юрий, не медля, начал войну. Его войско двинулось из Костромы на Тверь через Ростов, Переяславль, Дмитров и Клин. Новгородцы вторглись в тверские земли с севера. Однако они не сумели согласовать по времени свое наступление с действиями Юрия. В итоге новгородское войско, простояв шесть недель в Торжке, устало от томительного ожидания. Не дождавшись подхода Юрия, новгородские воеводы приступили к разорению приграничных тверских волостей. Этой оплошностью воспользовался Михаил Тверской. Как полководец он был, несомненно, гораздо сильнее, чем как политик. Выведя свое войско из крепости, Михаил стремительным броском настиг новгородцев и обратил их в бегство. При этом они потеряли около двухсот человек убитыми⁹. Заключив с Михаилом перемирие, новгородцы ушли восвояси, ослабив тем самым силы Юрия Даниловича, которые медленно, но неуклонно приближались к Твери со стороны Клина.

Ввиду явного численного превосходства неприятеля Михаил с дружиной затворился в новой тверской крепости, штурмовать которую москвичи не стали. Юрий стоял лагерем в восьми верстах от города пять недель. Татарские «послы» ездили к Михаилу в крепость для переговоров¹⁰. Михаил не шел на уступки. Наскучив бесплодным ожиданием, Юрий распустил свои отряды по всему Тверскому княжеству.

Между тем Михаил вышел из крепости с войском, двинулся на Юрия и настиг его в 40 верстах от Твери. Здесь, на берегу Волги, у села Бортенева, 22 декабря 1317 г. произошла «битва велиа». Ярость тверичей удваивала их силы. В «злой сече» они разгромили войско Юрия. Сам московский князь с небольшим отрядом («в мале дружине») на отборных конях ускакал с поля боя. Битва произошла «в вечернюю годину», то есть уже в сумерках короткого декабрьского дня. Наступившая темнота спасла Юрия. Он ушел от погони и благополучно добрался до Торжка.

Среди пленных, захваченных тверичами после Бортенева битвы, оказалась жена Юрия Агафия и его брат Борис Данилович. Их отправили в Тверь и там содержали под стражей.

⁸ ПСРЛ. Т. 10. С. 180; Т. 15. Вып. 1. Стб. 37.

⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 37. Новгородские летописи обходят молчанием поражение своих земляков, объясняя их уход задержкой Юрия (НЛ. С. 96, 338).

¹⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 37. Рассказ тверской летописи об этих событиях отличается яркостью и обилием подробностей. Очевидно, это цельный фрагмент тверского Свода 1327 г.

Ханский «посол» Кавгадый со своим отрядом участвовал в битве на стороне Юрия. Однако, увидев, что москвичи терпят поражение, татары обратились в бегство. «А Кавгадый повеле дружине своей стяги поверещи, и неволею сам побежа в станы»¹¹.

На другой день Кавгадый прислал к Михаилу послов с предложением мира. Князь, не желавший портить отношений с татарами, не только охотно принял предложение, но и пригласил Кавгадыя со всеми его татарами в Тверь. Там он угощал и чествовал своих недавних врагов. Татары уверяли Михаила, что приходили с Юрием не как послы от хана, а по своей воле¹².

В то время, как Михаил пировал с татарами Кавгадыя, Юрий лесными дорогами добрался до Новгорода и ударил челом новгородцам о помощи. Московский князь «прибежа в Новгород и Плесков, поимше с собою владыку Давыда (новгородского архиепископа. — Н.Б.) и припешде на Волгу»¹³.

Михаил узнал о том, что Юрий с новгородцами вновь появился в Тверской земле. Собрав воинов, он встретил врага у Синеевского брода через Волгу. Два войска стояли на берегах замерзшей реки, перестреливаясь и обмениваясь парламентарями. Никто не хотел испытывать судьбу в новом сражении. К тому же новгородцы помнили, что в тверской тюрьме находятся заложники — их друзья и родичи, взятые в плен в Торжке в феврале 1315 г. У Юрия в тверском плену находились жена и два брата.

Михаил предложил московскому князю перенести дело на суд Орды. Юрий согласился, надеясь на милость Узбека. В итоге князь заключил перемирие и целовали крест на том, что оба прекратят военные действия и поедут в Орду. С этим Михаил пропустил Юрия в Москву через свои земли и выпустил из тверской темницы «братью Юрьеву» — Бориса и Афанасия Даниловичей¹⁴. В условия договора входило и освобождение новгородских бояр, взятых в плен вместе с Афанасием.

Жена Юрия княгиня Агафия умерла в тверском плену. Новгородская 1 летопись сохранила распространившийся в связи с этим упорный слух, что ханскую сестру в Твери «смерти предаша»¹⁵. Троицкая

¹¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 181; Т. 15. Вып. 1. Стб. 38. Поражение Юрия в Бортневской битве иногда расценивают как свидетельство подавляющего военного превосходства Твери над объединенными силами всех северо-восточных князей и татар Кавгадыя (см.: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.; Л., 1940. С. 84). Однако нельзя забывать, что Юрий к этому времени уже распустил свое объединенное войско по тверским волостям. Возле Бортнева Михаил застал врасплох только самого московского князя со свитой и отрядом Кавгадыя.

¹² ПСРЛ. Т. 5. Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851. С. 209.

¹³ НЛ. С. 338.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. Пг., 1915. С. 257. Этот договор вообще содержал ряд уступок со стороны Михаила (см.: *Пресняков А. Е.* Образование Великолукского государства. Пг., 1918. С. 129. Прим. 6).

¹⁵ НЛ. С. 96, 338.

летопись выражается еще определеннее: в Твери жена Юрия «зелием уморена бысть»¹⁶. Не все верили этим слухам. Никоновская летопись по поводу отравления Агафии осторожно замечает: «...иные же глаголют»¹⁷. Но сам Юрий, кажется, не имел сомнений на счет смерти жены. С этого времени между ним и Михаилом вспыхнуло то «нелюбие велие» (то есть лютая ненависть), которое в конечном счете свело их обоих в могилу¹⁸.

Смерть Агафии поставила тверичей в довольно сложное положение: им вовсе не хотелось выглядеть убийцами ханской сестры. Князь Михаил Тверской отправил в Москву своего боярина Александра Марковича. Тот ехал с «посольством любви»¹⁹. Но в приступе ярости Юрий приказал убить тверского посла. Убийство посла было тягчайшим оскорблением тому, кто его отправил. После этого никаких переговоров между Юрием и Михаилом быть уже не могло.

Роковой спор князей близился к трагическому исходу. Но прежде свое слово должен был сказать «вольный царь» — хан Узбек. Юрий отправился в Орду с Кавгадыем, а также «понимши князи вси Низовские с собою, и бояре с городов и от Новгорода»²⁰. Очевидно, он хотел иметь как можно больше свидетелей против Твери.

Михаил Тверской еще зимой 1317/18 г. отправил в Орду с боярами своего 12-летнего сына Константина. Но сам он с отъездом замешкался. Причина этой медлительности понятна. Михаил не мог с пустыми руками явиться к ханскому двору, где его ждали неоплаченные счета по ордынской дани и уставшие ждать возврата долгов кредиторы-ростовщики. Однако много ли богатств он мог собрать в основательно опустошенной трехмесячными бесчинствами врагов тверской земле?²¹

Задержка Михаила дала лишний козырь его врагам, которые успели настроить против него ханский двор. Таким образом, тверской князь вновь стал жертвой той авантюристической политики «игры не по карману», которую он вел начиная с 1304 г.

Михаил выехал из Твери в Орду 1 августа 1318 г., во вторник. В этот день по церковному календарю был праздник Спаса Всеми-

¹⁶ ПСРЛ. Т. 18. С. 88; *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 356.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 10. С. 181. Причиной смерти Агафии мог быть и мор в Твери, о котором летопись сообщает под 6826 мартовским годом (ПСРЛ. Т. 18. С. 89).

¹⁸ Там же. С. 182.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 38.

²⁰ ПСРЛ. Т. 5. С. 209. Время отправления Юрия в Орду большинство летописей называют неопределенно: «Того же лета...» (ПСРЛ. Т. 18. С. 89; Т. 7. Спб., 1856. С. 188). Однако Никоновская указывает более точный срок: «Тое же зимы...» (ПСРЛ. Т. 10. С. 182). Кроме того, источники сообщают, что Юрий пошел в Орду вместе с Кавгадыем. Очевидно, что Юрий стремился увести татар из своих земель как можно быстрее.

²¹ «А всего мотчания в Тферской волости 3 месяца» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 37). Отсюда следует, что вторжение Юрия и его союзников в тверские земли началось в середине сентября, после сбора урожая.

достивого. Именно Спасу был посвящен городской собор в Твери. Установление праздника Спаса в день 1 августа связано с победой Андрея Боголюбского над болгарам в 1164 г. Избрав этот день для отъезда, Михаил как бы отдавал себя под покровительство Всемилоостивого Спаса. И сам князь, и вся его семья предчувствовали недоброе. Княгиня Анна с младшим сыном Василием провожала мужа до устья реки Нерль Волжская. Вдоль Нерли до Переяславля и далее «волоком» до другой Нерли, Клязьменской, шел кратчайший путь из Твери во Владимир.

Старшие сыновья Михаила Дмитрий и Александр провожали отца до Владимира. Здесь его уже ждал татарский посол Ахмыл, который велел князю как можно скорее ехать в Орду («понди вборзе, буди за месяц»). На прощание Михаил вручил сыновьям свой «ряд» — духовную грамоту, содержащую распоряжения на случай его кончины²².

Из Владимира Михаил Тверской, по-видимому, отправился на Рязань, а оттуда — в верховья Дона. Несомненно, Ахмыл сообщил князю, где именно ему следует искать правителя Орды. Спустившись вниз по Дону (и уложившись в отведенный ему месяц!), Михаил 6 сентября явился к хану Узбеку, кочевавшему в это время «у моря Сурожьскаго, идеже вьтече Дон река»²³.

Примечательно, что маршрут Михаила Тверского проходил по землям великого княжения Владимирского. Из этого можно сделать вывод, что он занимал в это время великокняжеский стол²⁴.

История гибели в Орде Михаила Тверского подробно изучена и достаточно хорошо известна. Князю были предъявлены три главных обвинения: два политических (сопротивление татарам Кавгадыя; отравление ханской сестры Кончаки) и одно финансовое (утайка части ордынской дани). Суд над Михаилом носил характер фарса: судьба опального князя была предрешена.

Какое же из «преступлений» Михаила Тверского стало подлинной причиной его гибели? Попытаемся ответить на вопрос, воссоздав причинно-следственные связи событий. Очевидно, что, сделав ставку на Юрия, хан не имел намерения уничтожить Михаила. (Для этого ему достаточно было бы вызвать тверского князя в Орду и там без лишнего шума отравить.) Да и что могла бы дать Орде расправа над послушным ей князем? Наконец, с гибелью Михаила теряли свои деньги его заимодавцы в Орде.

В связи с новыми планами Орды необходимо было лишь заставить Михаила примириться с ролью «младшего брата» московского князя. Ханский посол Кавгадый, по-видимому, имел указание смирить и вра-

²² Эти подробности сообщает «Повесть о Михаиле Тверском» в редакции Софийской I и Воскресенской летописей (ПСРЛ. Т. 5. С. 210; Т. 7. С. 191–192; Т. 39. С. 100).

²³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 38.

²⁴ Fennell J. The Emergence of Moscow 1304–1359. University of California Press, 1968. P. 82. Note 1.

зумить Михаила. Именно поэтому он неоднократно выступал в роли посредника между князьями²⁵. Что касается Юрия, то его поступки — лишь естественная ответная реакция на действия Михаила. При встрече у Костромы Михаил отказался принять новые правила игры — и Юрий пошел вслед за ним к Твери; в переговорах под Тверью Михаил вновь проявил неуступчивость — и Юрий, желая «дожать» соперника, занялся обычным по тем временам делом: разорением его владений. Когда Михаил неожиданно перешел в наступление и внезапным ударом разгромил отряд Юрия и Кавгадыя, Юрий при поддержке новгородцев заставил Михаила перенести дальнейший спор в Орду. Во всей этой цепочке событий Юрий проявил выдержку и вел себя как послушный исполнитель воли хана. Таким образом, Юрий шаг за шагом «набирал очки», тогда как Михаил стремительно терял их.

Сражение с татарами Кавгадыя и смерть Кончаки в тверском плену перевели поведение Михаила из плоскости обычной для русских князей финансовой неисправности в плоскость политической неблагонадежности. Именно это и определило меру наказания тверского князя.

Казнь Михаила Тверского в Орде стала темой для религиозного творчества, инициируемого политическими притязаниями его потомков. Известно, что у мифа — своя логика. В «Повести о Михаиле Тверском» причины трагедии Михаила из сферы политической переместились в область морали. Благородный и благочестивый князь изображался жертвой своих «злонравных» врагов. В различных редакциях произведения роли злодеев так или иначе перераспределялись между ханом Узбеком, «окаянным» Кавгадыем и Юрием Московским.

В действительности же трагическая гибель Михаила Тверского стала следствием целого ряда политических просчетов, в основе которых — неспособность правильно оценить ситуацию и сделать адекватные выводы. Эти просчеты помножились на пагубные для политика вообще, а для русского политика начала XIV в. в особенности, черты характера Михаила — импульсивность, амбициозность и самоуверенность.

Впрочем, и Юрию Московскому случалось терять самообладание. Внезапная кончина второй жены не только лишила его надежды обрести семью (церковные каноны воспрещали третий брак), передать московский престол своим собственным потомкам, но и поставила под сомнение его политическую будущность, связанную с русско-ордынской династической унией. После такого удара у Юрия явно стали сдавать нервы. Убийство тверского посла, надругательство над телом Михаила Тверского — все это лишь явные психические срывы ослепленного ненавистью человека.

²⁵ Под Костромой Михаил вел переговоры с Кавгадыем; под Тверью «ездиша послове от Кавгадыя к великому князю Михаилу много» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 37). В «Записках» Екатерины II сообщается, что Кавгадый был прислан от хана «для примирения князей русских» (Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. С. 69).

Однако время Юрия еще не истекло. Жизнь заставляла его исполнять новую роль — политического лидера всей Северо-Восточной Руси.

Из Орды Юрий вернулся на Русь в начале 1319 г. Приехав во Владимир, он торжественно вступил на великое княжение. Скучное раннемосковское летописание не сохранило точной даты этого события. Церемонию интронизации совершал, по-видимому, ростовский епископ Прохор. Митрополита Петра не было в это время в Северо-Восточной Руси (на это указывает отсутствие в источниках каких-либо упоминаний о нем в связи с московско-тверским противостоянием в 1317–1318 гг.).

Во Владимире Юрий принял тверских послов, которые просили вернуть в Тверь тело князя Михаила Ярославича, временно погребенное в Москве, «в церкви Святого Спаса»²⁶. Однако Юрий не склонен был тотчас решать этот вопрос. По его поручению ростовский владыка Прохор отправился в Тверь, где передал местным правителям приглашение явиться во Владимир для переговоров с новым великим князем. Ранний источник тверского происхождения (Рогожский летописец) дает весьма интересное сообщение о миссии епископа Прохора: «Того же лета (6827) приеха на Тферь Прохор епископ Ростовскыи и Ярослав Стародубскыи, зовуще князя Александра къ князю Юрью в любовь. По целованию их князь Александр еде во Владимир...»²⁷. В более поздних источниках (Софийская 1 летопись) дело представлено несколько иначе: «Бывшу же великому князю Юрью Даниловичу в Володимере посла к нему князь Дмитрии Михайлович брата своего князя Александра и бояр своих...»²⁸. На первый взгляд, версия Софийской 1 летописи более убедительна: Дмитрий Михайлович как старший среди братьев должен был занять тверской стол и стать младшим братьям «в отца место». Однако версия Рогожского летописца находит неожиданное подтверждение в тексте Владимирского летописца. Этот памятник сохранил известия, напрямую восходящие к Своду 1408 г. и более ранним памятникам московского летописания²⁹. После сообщения о казни Михаила Тверского в Орде по приказу хана Узбека Владимирский летописец добавляет: «А великое княжение Тферское дасть сыюу его князю Александру»³⁰.

Такое решение хана было достаточно традиционным. Орда не раз по политическим соображениям отдавала предпочтение младшему брату

²⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 40.

²⁷ Там же. Тот же текст читается и в Тверской летописи (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 412).

²⁸ ПСРЛ. Т. 5. С. 215; Т. 39. М., 1996. С. 103. То же чтение в Воскресенской летописи (ПСРЛ. Т. 7. С. 197), составитель которой пользовался текстом Софийской 1 по списку И. Н. Царского.

²⁹ См.: *Муравьева Л. Л.* Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV века. М., 1983. С. 27.

³⁰ ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 103.

перед старшим. Так возник конфликт между Александром Невским и его младшим братом Андреем, между сыном Невского Дмитрием и его младшим братом Андреем. Теперь таким же способом Узбек вносил раскол в тверской княжеский дом. Поводом (а может быть, и причиной) опалы на князя Дмитрия могло послужить его участие в Бортеневской битве и разгроме татар Кавгадыя. В декабре 1317 г. Дмитрию было 19 лет и его участие в сражении вполне вероятно. Иное дело Александр: ему едва исполнилось тогда 16 лет, и в битве он едва ли принимал участие.

Отправляя епископа Прохора к Александру, Юрий Данилович лишь следовал новой расстановке сил в Твери. Вероятно, он надеялся на раскол среди Михайловичей. Однако, судя по всему, им удалось избежать конфликтов. Возможно, здесь сыграла свою миротворческую роль их мать — княгиня Анна. А главное, уже через три года Дмитрий Тверской обретает ханскую милость, а вместе с ней, и великое княжение Владимирское. Должно быть, тогда же он присваивает себе и титул «великого князя Тверского» — старшего среди Михайловичей.

Получив гарантии безопасности от епископа Прохора и авторитетного стародубского князя Ярослава, Александр явился во Владимир. Здесь 29 июня, «на Петров день», он встретился с Юрием и начал переговоры, итогом которых стало «докончание». О его содержании достоверно известно одно: московский князь вернул Михайловичам тело их отца. 6 сентября, в самый день княжеских именин, оно было доставлено в Тверь и с почестями погребено в Спасском соборе³¹.

Несомненно, одним из условий договора было признание Михайловичами прав Юрия на великое княжение Владимирское. Что касается тверских бояр из свиты Михаила, а также его 13-летнего сына Константина, находившихся в плену у Юрия в Москве, то все они были отпущены позже. Среди присутствовавших на погребении Михаила в Твери Константин не назван. Несомненно, для их освобождения тверичам пришлось выплатить немалый выкуп.

Одним из первых своих распоряжений в качестве великого князя Владимирского Юрий отправил в Новгород наместником брата Афанасия³². Это назначение вполне устраивало новгородцев: Афанасий был им хорошо известен со времен битвы за Торжок в 1316 г.

Суздальская летопись по Академическому списку под 6828 г. сообщает: «Князь Юрьи приеха в Ростов, а из Ростова еха в Новь-

³¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 40.

³² НЛ. С. 96, 338. Согласно Новгородской 4 летописи «Юрьи из Орды присла брата Афанасья в Новгород наместником» (ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. Пг., 1915. С. 258). Если это сообщение не является результатом искажения текста протографа, то его можно понимать так, что Юрий был в Орде вместе с Афанасием и, едва получив ярлык на великое княжение, прямо из Орды в срочном порядке отправил брата в Новгород.

город»³³. Данное известие из ростовского летописания попало в Свод 1448 г. и производные от него летописи. Его нет в памятниках, восходящих к Своду 1408 г. Однако оно читается под 6828 г. в Софийской 1 и Новгородской 4 летописях, причем в первом случае отмечено, что в Ростов Юрий прибыл «из Орды», во втором — «ис тотарь»³⁴. Под предшествующим 6827 г. те же летописи дают известие о перевозе тела второй жены Юрия Кончаки из Твери в Ростов, логически увязанное с сообщением о прибытии в Тверь останков Михаила Тверского³⁵.

Эта цепочка известий выстраивается в определенной логической последовательности. Можно думать, что тело умершей зимой 1317/18 г. Кончаки было захоронено в одном из тверских храмов. Тверичи, конечно, не могли сами распорядиться отвезти мертвую Кончаку в Ростов. Такое решение мог принимать только ее муж Юрий или сам хан Узбек. Выдача москвичам тела Кончаки была одним из условий договора, заключенного Юрием Московским с Александром Тверским летом 1319 г. Фактически, произошел обмен: вернув тверичам тело Михаила, Юрий получил тело своей второй жены. Здесь скрывается едва ли не главная причина, по которой Юрий задержал в Москве прах Михаила Тверского.

Визит Юрия в Ростов состоялся в августе — сентябре 1319 г.³⁶ Кроме участия в похоронах Кончаки, великий князь имел в Ростове и собственно политические интересы. Город сотрясали какие-то малопонятные нам из-за скудности источников внутренние распри. В связи с измелечением ростовских князей усиливалась их тяга к влиятельному покровителю. В итоге каждый новый поворот в борьбе за великое княжение приводил к очередной беде для проигравшей части ростовского боярства. Политические катаклизмы, а также неспособность местных князей вовремя рассчитываться по ордынским платежам превратили Ростов в объект регулярных татарских погромов³⁷. Все это и было предметом обсуждения при встрече Юрия Московского с ростовскими правителями. Как великий князь Юрий хотел иметь в Ростове прочные тылы.

³³ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Л., 1928. Стб. 530.

³⁴ ПСРЛ. Т. 5. С. 215; Т. 39. С. 104; Т. 4. Вып. 1. С. 258. Отсюда, из Новгородской 4, — испорченное чтение в Летописи Авраамки: «В лето 6828. Приеха с татары князь Юрьи в Ростов, а из Ростова в Новьгород» (ПСРЛ. Т. 16. Спб., 1889. С. 62).

³⁵ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 529; Т. 4. Вып. 1. С. 258; Т. 39. С. 104.

³⁶ Обмен останками состоялся как раз на рубеже сентябрьских 6827 и 6828 гг. Тело Михаила прибыло в Тверь 6 сентября 1319 г. Тогда же тело Кончаки было привезено в Ростов. Ростовский летописец мог использовать сентябрьский счет как изначально, так и при местной обработке материалов Свода 1408 г. (см.: *Муравьева Л. Л.* Указ. соч. С. 215). Торжественное захоронение Кончаки в Ростове, на которое прибыл, конечно, и князь Юрий, состоялось в начале сентябрьского 6828 г. Поэтому и сообщение о приезде Юрия в Ростов переместилось в следующую погодную статью, утратив при этом связь с сообщением о погребении Кончаки.

³⁷ В 1315 г. приведенные Михаилом Тверским татары «много зла створиша» в Ростове; в 1316 г. в городе были ордынские послы Сабанчи и Казанчии; в 1318 г. некий Конча в Ростове «много зла створи и церковь святыя Богородица пограби и вси

Согласно тому же уникальному ростовскому источнику, из Ростова Юрий отправился в Новгород. Очевидно, его пребывание на Волхове было весьма кратким: новгородские летописцы оставили этот факт без внимания.

В то время, как Юрий Московский обустранивался во Владимире и укреплял свои позиции в Ростове, тверские Михайловичи тоже пребывали в движении. Они рассаживались по своим новым уделам. Согласно завещанию Михаила Тверского (реконструированному на основе более поздних сведений о тверских уделах В. А. Кучкиным), тверское княжество было разделено следующим образом. Старший сын Дмитрий получил тверской стол и земли вокруг Твери; второй сын Александр — южные области тверского княжества с городами Зубцов, Старица, Холм и Микулин; третий сын Константин был пожалован обширными, но слабо заселенными областями на северо-западе княжества; наконец, младший, Василий, получил восточные районы, центром которых был Кашин³⁸. Тверские Михайловичи собирались с силами, вынашивали планы мести. Но главной причиной тревог Юрия были новые идеи и настроения хана.

Подводя итог материалам и наблюдениям, содержащимся в данном разделе, отметим следующее. Женитьба Юрия на сестре хана Кончаке стала началом династической комбинации, целью которой была более тесная интеграция Северо-Восточной Руси в состав Золотой Орды. Потомки Юрия и Кончаки со временем могли выступить в роли ордынских кандидатов на различные «буферные» княжения, включиться в русско-литовские династические унии.

Однако хан не допускал слишком резких поворотов в своей политике. Брак Юрия Московского еще не означал немедленной передачи ему верховной власти в Северо-Восточной Руси. Авторитет Михаила Тверского в глазах Орды был еще достаточно высок. В этой связи заслуживает внимания указание источников на активные переговоры, которые вел с русскими князьями сопровождавший Юрия татарский воевода Кавгадый. Очевидно, ему была поручена роль третьей стороны, беспристрастного арбитра в споре о Новгороде и прочих междукняжеских тяжбах.

церкви и монастыре и села. и люди плениша»; в 1320 г. «быша зли татарове в Ростове, и собравшеся люди, изгоняша их из града» (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 529–530). История с приходом Кончи следующим образом изложена в «Записках» Екатерины II: «В том же году прииде из Орды посол, именем Конча с татарами в область Костромскую, тут баскаки встретили его с жалобой, что с Костромы и Ростова им не платят уговоренное; и просили его, дабы он им дал татары для забрания дани; он же сам с ними пошел, начал насильно собирать и грабить около Костромы, и нашел от жителей сопротивление, убил сто и двадцать человек, и потом, пришел в Ростов, весь Ростов повоева ратню и церкви ограби и людей плени» (Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. С. 70).

³⁸ См.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV веках. М., 1984. С. 180.

Миротворческая миссия Кавгадия не удалась: Михаил Тверской оказался слишком неуступчив, а сам Кавгадий — слишком пристрастен. Надеясь принудить Михаила смириться с московским присутствием в Новгороде, отпустить всех взятых в Торжке заложников и отменить платежи по контрибуции, Юрий Московский предпринял поход объединенных войск северо-восточных князей в тверскую землю. Именно таким способом — методичным разграблением волостей — князья обычно воздействовали на упрямых новгородцев.

Однако и на сей раз Михаил Тверской повел себя неожиданно: окрыленный удачным ударом по оплошавшему новгородскому полку, он таким же внезапным нападением разгромил и дружину Юрия Московского в Бортеневской битве. Действия Михаила делают ему честь как полководцу, но свидетельствуют о полной неспособности этого князя как политика. Своими лихими атаками он отрезал себе путь к примирению с новгородцами и перечеркнул миротворческие планы Орды. Последней ошибкой Михаила стало пленение жены Юрия Кончаки. С точки зрения здравого смысла Юрию следовало бы немедленно и с честью отпустить ханскую сестру на все четыре стороны. Однако Михаил не устоял перед соблазном покичиться перед тверичами столь редкостным трофеем. (Возможно, он руководствовался и другими, более свирепыми мотивами.) Расплатой за недалекновидность стала ответственность за неожиданную и загадочную кончину Кончаки в Твери.

В итоге Бортеневская победа оказалась «пирровой». Михаил Тверской окончательно запутался в собственных подвигах и экспромтах. Юрию оставалось только пригласить его на разбирательство в Орду и позаботиться о том, чтобы Кавгадий своевременно и должным образом представил хану все происшедшее.

После казни Михаила Тверского в Орде в ноябре 1318 г. хан вновь вернулся к своим планам умиротворения Северо-Восточной Руси. Отдав тверской стол Александру Михайловичу, Узбек тем самым сознательно ослабил Тверь. Вместе с тем хан рекомендовал новому великому князю Юрию Даниловичу примириться с тверским семейством путем династического брака Софьи Юрьевны и Константина Михайловича.

Осторожная политика Юрия Московского позволила ему стать обладателем заветного владимирского венца. Теперь ему предстояло самое трудное: удержать его.

2. Возвышение Дмитрия Тверского

Исследования И. Б. Грекова убедительно показывают, что «русская политика» правителей Золотой Орды всегда была составной частью их восточноевропейской политики. Решения, относящиеся к Руси, принимались только с учетом общего расклада сил в Восточной Европе. Необходимо также

отметить, что в политических отношениях того времени большое значение имели династические браки. Только исходя из этих двух посылок можно понять причины падения Юрия Московского и неожиданного возвышения его брата Ивана.

Хан Узбек отчетливо понимал, что в Восточной Европе происходит быстрая консолидация крупных государственных образований: Великого княжества Литовского, королевств Польши и Венгрии. Среди многих причин этого явления не последней была угроза немецкой и татарской экспансии. В начале XIV в. особенно быстро росла Литва, где правил великий князь Гедимин (1316–1341). Его многочисленные сыновья и дочери вступали в браки с детьми правителей соседних земель, создавая тем самым новые возможности для литовской дипломатии. Так, например, в 1318 г. правивший в Витебске (удел Полоцкого княжества) князь Ярослав Васильевич выдал свою дочь замуж за сына Гедимины Ольгерда. А уже через два года витебский князь умер и городом завладел его зять³⁹. В начале 1320-х гг. другой сын Гедимины, Любарт, женился на дочери волынского князя Андрея Юрьевича. И он после смерти тестя в 1323 г. захватил власть в волыньских землях⁴⁰.

Особую остроту приобрела в эти годы проблема раздела территории Юго-Западной Руси. Здесь схлестнулись интересы Польши, Венгрии, Литвы и Орды. Последние местные правители из династии Рюриковичей уже сходили с политической сцены, и назревала большая схватка за их наследство. Орда, привыкшая собирать здесь дань и считавшая эти края частью «русского улуса», не собиралась никому уступать. Между тем Польша и Венгрия в 1320 г. заключили союз, имевший целью совместные действия против немцев и татар⁴¹. Готовился к наступлению на юг и литовский князь Гедимин.

В этих условиях главной задачей ханской дипломатии было не допускать присоединения Литвы к антиордынской коалиции, найти пути к сближению с Гедимином, но при этом наглядно показать ему, сколь тяжкие последствия будет иметь для его владений война с Ордой. Вместе с тем Узбек имел целью включить некоторые владения Гедимины в состав своего «русского улуса». В этой связи ему казались весьма желательными браки правителей Северо-Восточной Руси как с дочерьми Гедимины, так и со знатными невестами из дома Чингизидов. Первые «притягивали» Литву к Руси, вторые — Русь к Орде.

Началом целой серии брачных маневров Орды была свадьба Юрия Московского и сестры хана Узбека Кончаки в 1317 г. Сыновья Юрия и Кончаки-Агафии должны были со временем возглавить русские земли

³⁹ См.: Александров Д. Н., Володихин Д. М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI веках. М., 1994. С. 38.

⁴⁰ См.: Шабунько Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 23; Chase Th. The Story of Lithuania. New York: Stratford House, 1946. P. 30.

⁴¹ См.: Шабунько Ф. М. Земли Юго-Западной Руси...

и обеспечить их полную лояльность по отношению к Орде. Возможно, хан имел и более далекие планы на этот счет.

Смерть Агафии в тверском плену разрушила всю комбинацию. Несомненно, это был сокрушительный удар по могуществу Юрия. Вторую знатную невесту для московского князя хан искать не собирался. Более того, со смертью Кончаки-Агафии Юрий становился лишним в той игре, которую задумал Узбек. Он должен был уступить свой трон другому — тому, кто мог бы стать лучшим исполнителем ханского замысла.

Юрий быстро осознал случившееся. Тяжело униженный, лишенный не только политического будущего, но и семейных надежд, — он был похож на раненого зверя. Здесь открывается причина той лютой ненависти, которую Юрий питал к Михаилу Тверскому после Бор-тневской битвы. Огнем этой ненависти отсвечивает и подозрительный тверской пожар осенью 1318 г., когда «погоре большая половина града»⁴². Глухая кончина ордынской жены Юрия стала «палкой о двух концах»: один ударил по Юрию, другой — по самому Михаилу, которого обвинили в убийстве (отравлении) сестры хана. И если Кончака действительно стала жертвой политического убийства, а не того «зело сильного мора», который гулял по Твери в 1318 г.⁴³, то Михаил Тверской шел на смертельный риск. Собственной жизнью ему пришлось заплатить за гибель жены Юрия.

Но когда гнев Узбека поутих — настал час расплаты и для Юрия. Ему предстояло освободить место во Владимире. Для кого? Над этим вопросом хан размышлял, не торопясь. Во избежание ошибки следовало учесть личные качества, а также политические и родственные связи претендентов. Поначалу Узбек (быть может, по коварному совету Кавгадыя) дал тверское княжение Александру Михайловичу. Однако для далеко идущих планов матримониального характера Александр не годился: к этому времени он уже был женат. Сообщение о его женитьбе тверские летописи помещают под 6827 г., уточняя — «тое же зимы», то есть относят к зиме 1318/19 г.⁴⁴ В сборнике XVII в. из Музейского собрания (ГИМ, № 1473) имеется дополнение: «Тое же зимы к великому говенцю», но указан 1323 г.⁴⁵ Никоновская летопись, сообщая о женитьбе Александра Тверского под 6828 г., определяет время свадьбы иначе: «Тое же осени...»⁴⁶ В новгородской летописной традиции данное событие вообще не отмечено.

⁴² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 38. В этом пожаре сгорели и те припасы, которые были собраны в Твери к 1 сентября — обычному сроку уплаты оброков, даней и пошлин в Древней Руси. Эти поступления являлись, должно быть, последней надеждой Михаила Тверского, ожидавшего в Орде ханского суда.

⁴³ ПСРЛ. Т. 22. Руский хронограф. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 года. Спб., 1911. С. 403.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 41; Т. 15. Стб. 413.

⁴⁵ См.: Насонов А.Н. О тверском летописном материале в рукописях XVII века / Археографический Ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 37.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 10. С. 187.

Когда же в действительности состоялся брак Александра Тверского? Ответ на этот вопрос дает церковный календарь. В 1319 г. «великое заговение» («прощенное воскресенье») приходилось на 18 февраля. В этот день чествовали память «святого отца Леонта папы Римского»⁴⁷.

Венчание во время масленицы в более поздние времена не допускалось церковными правилами. Однако в Древней Руси это правило не имело обязательной силы⁴⁸. Вероятно, обычная житейская суета — опоздание гостей, поиски подарков и прочие хлопоты — затягивали дело до последней черты. Такой хронологической чертой было самое «заговение» — канун поста. Известно, например, что ростовский князь Михаил Глебович женился в воскресенье, 31 июля 1278 г., «на Госпожино заговейно»⁴⁹.

В будние дни недели князья венчались крайне редко. Причиной таких «будничных» свадеб иногда служило желание приурочить торжество ко дню памяти особо чтимого святого, небесного покровителя жениха⁵⁰.

Факт женитьбы Александра Тверского 18 февраля 1319 г. подтверждается сообщением тверских летописей о том, что родившийся у князя в конце февраля 1321 г. сын получил имя Лев, или Леонтий⁵¹. Вероятно, это было исполнением обета, данного молодыми в день свадьбы, на память «святого отца Леонта».

По некоторым сведениям женой Александра Тверского стала княжна Анна, дочь князя Святослава Глебовича, убитого в 1310 г. в Брянске⁵². Этим браком тверской дом вступал в родство с сыновьями Святослава Дмитрием, Глебом и Романом, которые княжили в смоленских и брянских землях⁵³. Женившись на Анне, Александр, по-видимому, исполнил

⁴⁷ Леонид (Кавелин), архим. Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой Лавры // ЧОИДР. 1880. Кн. 4. С. 9; Н1Л. С. 87; Сергий (Спаский). Полный месяцеслов Востока. Т. 2. М., 1997. С. 47.

⁴⁸ См.: Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. М., 1993. С. 1235; Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. 2-я половина тома. М., 1881. С. 389.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 18. С. 76.

⁵⁰ Михаил Ярославич Тверской венчался во вторник, 8 ноября 1295 г. (ПСРЛ. Т. 18. С. 83). Это был праздник его небесного патрона — Собор архангела Михаила. Иван III обвенчался с Софьей Палеолог в четверг, 12 ноября 1472 г., в день памяти св. Иоанна Милостивого (ПСРЛ. Т. 39. С. 158), а старшего сына от этого брака, Василия, женил в четверг, 4 сентября 1505 г. (ПСРЛ. Т. 39. С. 176). Других подобных случаев за весь период XIII–XV вв. летописи не упоминают.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 41; Насонов А. Н. О тверском летописном материале... С. 37.

⁵² См.: Аверьянов К. А. Московское княжество Ивана Калиты (Присоединение Коломны. Приобретение Можайска). М., 1994. С. 51; Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. С. 82.

⁵³ Аверьянов К. А. Указ. соч. С. 33; Коган В. М. История дома Рюриковичей (опыт историко-генеалогического исследования). Свб., 1993. С. 163, 175, 253.

волю отца, о гибели которого в Твери в феврале 1319 г. еще не знали. Впрочем, княгиня Анна скоро умерла и Александр Тверской женился вторично на Анастасии, происхождение которой неизвестно⁵⁴. Их потомки правили в Твери до самого конца ее независимости в 1485 г.

На следующий год после Александра вступили в брак Константин и Дмитрий Михайловичи. Тверские летописи сообщают об этом под 6828 мартовским годом (с 1 марта 1320 по 28 февраля 1321 г.). «В лето 6828 оженися князь Костянтин Михаилович у великого князя Юриа Софиию, венчан бысть на Костроме в Святом Федоре. Тое же зимы за князя Дмитриа Михаиловича приведоша княжну Марию из Литвы Гедиминову дщерь»⁵⁵. Никоновская летопись, сообщая о женитьбе Дмитрия Тверского, добавляет: «...и венчан бысть в церкви святого Спаса во Твери епископом Варсунофием Тверским, и бысть всем людем радость во Твери»⁵⁶.

Примечательно, что первым женился младший брат — 14-летний Константин. Его столь ранняя женитьба, несомненно, явилась результатом миротворческих настроений хана Узбека, чьи пожелания были обязательны для обеих семейств. Вероятно, саму идею такого брака подал хану князь Юрий. Этим браком он надеялся расколоть дружную когорту тверских Михайловичей, перетянуть на свою сторону одного из них. События, происходившие уже после смерти Юрия, показали правильность его расчета. Став в 1328 г. тверским князем, Константин никогда не враждовал с Москвой.

Фрагмент Тверского летописного свода, изученный и опубликованный А.Н. Насоновым, сохранил дату московско-тверской свадьбы: «Того же лета (в рукописи — 6831, в действительности — 6828 г. — Н.Б.) к Филипову заговению оженися князь Константин Михаилович у великого князя у Юрья Софиию и венчан бысть на Костроме»⁵⁷. «Филипово заговение» — канун Филиппова поста, начинающегося с 15 ноября. 14 ноября 1320 г. была пятница — день однодневного поста, когда свадеб не играли. Торжество, по-видимому, состоялось в воскресенье, 9 ноября, или же в субботу, 8 ноября. Последнее более вероятно: в этот день в 1295 г. вступил в брак отец жениха князь Михаил Ярославич Тверской. Возможно, это был также день его рождения. Известно, что Михаил Тверской родился в ноябре 1272 г. Таким образом, костромская свадьба имела особое значение как символ примирения двух семей.

⁵⁴ См.: Коган В. М. Указ. соч. С. 118. Автор данного исследования не отделяет первого брака Александра Тверского от второго и считает матерью всех его детей Анастасию.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 41.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 10. С. 187. Это добавление в несколько сокращенном виде сохранил и фрагмент Тверского летописного свода в рукописи XVII в. (ГИМ. Музейское собрание, № 1473) (Насонов А. Н. О тверском летописном материале... С. 37.

⁵⁷ См.: Насонов А. Н. О тверском летописном материале... С. 37.

Через несколько недель в период между 7 января и 28 февраля 1321 г. в Твери была сыграна свадьба старшего из Михайловичей — Дмитрия⁵⁸. Его женой стала дочь литовского князя Гедимина, принявшая в крещении имя Мария⁵⁹. Очевидно, что подготовка столь значимого в политическом отношении брака потребовала немало времени. Прежде всего, Дмитрий должен был получить прощение хана Узбека и его согласие на этот брак. С этой целью он, по-видимому, лично явился в Орду в 1320 г. Летописи молчат об этой поездке Дмитрия, но ее «зеркальным» отражением стала поездка в Орду московского князя Ивана Даниловича, о которой сообщается в московских летописях под 6828 г.⁶⁰ (горький опыт отношений с Ордой учил князей осторожности — если соперник отправлялся в ханскую ставку, следовало во избежание неприятностей немедленно ехать туда вслед за ним или, по крайней мере, отправить доверенного человека).

Династический союз Дмитрия Тверского с Гедимином отвечал замыслам ордынской дипломатии. Князь получил полное прощение и ярлык на «великое княжение Тверское». После этого он вернулся на Русь и начал переговоры с Гедимином. Тот также увидел в этой комбинации свои выгоды и дал согласие. В итоге Дмитрий Тверской становился как бы посредником между Ордой и Литвой. Это открывало ему путь к великому княжению Владимирскому. Получение заветного венца становилось лишь вопросом времени и осторожности...

Извечная проблема недоимок ускорила падение Юрия, которое было предопределено смертью Агафии и общими переменами в русской политике Орды. Под 6828 г. Никоновская летопись сообщает: «Того

⁵⁸ Запрет на свадьбы в Рождественский пост простирается до 6 января (день Богоявления) включительно (см.: Булгаков С. В. Указ. соч. С. 1235). Великий пост также был временем, когда венчание не совершалось (52-е правило Лаодикийского собора).

⁵⁹ О порядке женитьбы русских князей XIV в. на иноземных невестах свидетельствует описание брака тверского княжича Ивана Михайловича и дочери литовского князя Кейстута, помещенное в Рогожском летописце под 6883 мартовским годом: «А на зиме того же лета о великом заговении месяца февраля в 9 день за князя за Ивана Михайловича приведоша княжну Марию из Литвы во Тферь, Кестутневу дочь некрещену, и крести ея того дни Еуфимии владыка в Святом Воздвижении, а на завтрее венчан бысть с нею в соборной церкви Святаго Спаса владыкою Еуфимием» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 113). К этому можно лишь добавить, что 9 февраля 1376 г. — суббота, день венчания — воскресенье, а «великое заговение» — 24 февраля. Летопись называет невесту Дмитрия Тверского Марией. Не зная дня свадьбы, можно лишь предположительно определить святую, в честь которой литвинка получила свое христианское имя. Диапазон календарного поиска с учетом двухнедельной прикидки в обе стороны весьма широк: от конца декабря до конца февраля. Единственная вероятная небесная покровительница невесты Дмитрия Тверского — святая Мария, память которой совершается 26 января («Преподобного Ксенофонта и супруги его Мария»). Других святых жен с именем Мария в месяцесловах той эпохи в данном интервале нет.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 18. С. 89.

же лета приходил из Орды посол Байдера к великому князю Юрию Даниловичу, и много зла учиниша в Володимери»⁶¹. То же сообщение более подробно читается в тверской летописи: «Тое же зимы приходил из Орды Бадера ко князю Юрию, и много пакости (пропущен глагол «учини» — Н.Б.) святым церквам и людем татбою в Володимире»⁶². Очевидно, что «посол Бадера», чинивший произвол и грабежи во Владимире, приходил за какими-то недоимками. Не получив положенного, он принялся за дело методом «татбы».

У великого князя Юрия была и другая причина для беспокойства. В том же 1320 г. в Ростове после кончины местного князя Юрия Александровича началась смута. В ней досталось и каким-то «злым татарам», находившимся тогда в городе: «И собравшеса людие, и гониша их из города»⁶³. Таких самоуправств Орда русским никогда не простила.

Отправив брата Ивана в Орду, Юрий несколько месяцев спустя принял участие в борьбе вокруг «кашинской дани». Под 6828 мартовским годом (1 марта 1321 — 28 февраля 1322 г.) Рогожский летописец сообщает: «В лето 6829 на весне приездил в Кашин Гаянчар татарин с жидовином дльжником, много тягости учинили Кашину. Того же лета бысть погыбель солнцу. На ту же осень князь Юрии со всею силою низовскою и суждальскою събрався в Переяславлн, хотя к Кашину ити, Михайловичи же князь Дмитрии с братиею с тферским полком и с кашинским противу ему изыдоша к Волзе и доконча мир межн ими владыка Андреи, и разыдошася. Тое же зимы князь Юрии, поймав сребро у Михайловичев выходное по докончанию, не шел противу царева посла, но ступил с сребром в Новгород Великий»⁶⁴.

Летопись довольно невнятно излагает всю эту историю. Возникает ряд вопросов. Почему кредитор явился за долгом именно в Кашин? И кто, собственно, ему был должен? Ясно, что младший сын Михаила Тверского Василий, которому по завещанию остался кашинский удел, был еще слишком юн, чтобы иметь долги в Орде. Он родился около 1304 г.⁶⁵ Ясно и то, что визит «жидовина» в Кашин не имел отношения к уплате «выхода» со всего тверского княжества: эти вопросы решались в Твери, а не в Кашине. Приезд «жидовина» в Кашин был делом частного лица, а сопровождавший его татарин Гаянчар не был ханским «послом».

⁶¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 187.

⁶² *Насонов А.Н.* О тверском летописном материале... С. 37. Согласно «Запискам» Екатерины II, этот посол Байдера «поссорил князя великого со князи Рязанский и со князи Тверский» (Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. С. 82). Однако из контекста можно сделать вывод, что данное заключение не взято из источника, а сделано на основе собственных соображений автора «Записок», соединившего логической связью несколько разрозненных летописных известий: о приходе посла Байдеры, о конфликте Юрия с Рязанью и о конфликте с Тверью из-за кашинской дани.

⁶³ ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. С. 258; Т. 5. С. 216.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 41.

⁶⁵ См.: *Коган В.М.* Указ. соч. С. 141.

Очевидно, ростовщик пообещал Гаянчару определенную часть долга за исполнение им роли телохранителя и вышибалы.

Начало этой истории можно понять только так, что Михаил Тверской в 1318 г. занял в Орде у ростовщика деньги под залог «кашинской дани», то есть годового сбора с Кашин в тверскую княжескую казну. После казни Михаила Ярославича его сыновья не имели ни желания, ни возможности уплатить старый отцовский долг. И тогда «жидовин» сам явился в Кашин за своими деньгами...

Удалось ли незванным гостям собрать в Кашине свои деньги, неизвестно. Дальнейшие события можно понимать двояко: либо «жидовин» и сопровождавший его ордынец не смогли собрать долг и обратились за содействием к Юрию, который решил воспользоваться этим предложением и оказать силовое давление на Тверь в своих собственных целях; либо незванные гости, выжав из кашинцев деньги, уехали, а Юрий уже после их отъезда и без связи с этим событием стал требовать от Твери ордынского «выхода» для доставки его в Орду.

Как бы там ни было, осенью 1321 г. Дмитрий Тверской в «докончании» обязался не искать великого княжения Владимирского.

Едва закончив кашинский поход, Юрий узнал, что его требует к себе ханский посол. Источники не сообщают ни имени посла, ни цели его прибытия. Рогожский летописец так говорит об этих событиях: «Тое же зимы князь Юрии, поймав серебро у Михайловичев выходное по докончанию, не шел противу царева посла нъ ступил съ серебром въ Новгород Великий»⁶⁶. Новгородская 1 летопись не знает подробности с послом, однако замечает, что Юрий явился на Волхов по вызову — «...дозван новгородци»⁶⁷. Сразу по прибытии он энергично стал готовиться к войне со шведами. Московская летописная традиция, сообщая об отъезде Юрия в Новгород, умалчивает о его неявке к ордынскому послу. Таким образом, весь этот эпизод с послом всецело принадлежит тверскому летописанию. Он позволяет хоть как-то оправдать Дмитрия Тверского, который осенью 1321 г. в присутствии тверского владыки Андрея клялся «не подымати» великого княжения Владимирского (о чем тверская летопись умалчивает!), а уже весной 1322 г., воспользовавшись отсутствием в Северо-Восточной Руси обоих Даниловичей, поехал в Орду искать верховной власти.

Если принимать известие Рогожского летописца за истину — возникает картина невероятной дерзости Юрия по отношению к татарам. Именно так понимал эту темную историю Л. В. Черепнин, полагавший, что «Юрий сделал попытку освободиться от тягостной опеки Орды»⁶⁸.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 41.

⁶⁷ НЛ. С. 96, 338.

⁶⁸ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 474. К этому мнению склоняется и А. А. Горский, утверждая, что «великий князь сознательно пошел на неподчинение Орде» (Горский А. А. Москва, Тверь и Орда в 1300–1339 годах // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 38).

Однако такой вывод противоречит всему, что известно о деятельности этого князя.

Совершенно очевидно, что тверские правители совершили какую-то подтасовку с целью обвинить Юрия Московского в самом тяжком поступке — неповиновении Орде. Они решили сразить Юрия тем же оружием, которым он, по их мнению, сразил Михаила Ярославича в 1318 г. Этим оружием была клевета...

Известно, что Юрий лично не встречался с ханским послом. Между ними был, конечно, обмен гонцами и грамотами. Юрий, ссылаясь на срочный вызов в Новгород, просил посла подождать. Тот согласился, но позднее, наскучив затянувшимся ожиданием или соблазнившись тверским золотом, вернулся в Орду и там обвинил московского князя в неповиновении⁶⁹. Князь Иван Данилович, уже более года живший в Орде, ничем не мог помочь брату, так как не был свидетелем событий.

Донос посла лег на подготовленную почву. В Орде уже зрела мысль о замене Юрия на великом княжении Владимирском. Явившись в Орду весной 1322 г. в качестве свидетеля обвинения по делу Юрия, Дмитрий Тверской осенью вернулся оттуда с ярлыком на Владимир. Иван Данилович получил московский стол⁷⁰. Ему пришлось доказать свою верность Орде участием в карательной экспедиции — «Ахмыловой рати», — которая весной 1322 г. опустошила ярославские и ростовские земли.

Таким образом, мнимый «мятеж» Юрия на деле был не чем иным, как интригой явных и тайных врагов московского князя.

Кто первым из потомков Всеволода Большое Гнездо стал пользоваться отравленным оружием клеветы? Ответить на этот вопрос не представляется возможным. Известно, что жертвой клеветы соотечественников стал еще отец Александра Невского и Ярослава Тверского великий князь Ярослав Всеволодович, отравленный татарами за мнимую «измену». Виноват ли Юрий Данилович в том, что оклеветал Михаила Тверского? Неизвестно, как неизвестно и то, какие обвинения выдвигал Михаил Тверской против Юрия на суде в Орде в 1315 г. Вопрос усложняется тем, что ни один князь того времени не мог обой-

⁶⁹ В литературе уже высказывались предположения о том, что причиной или поводом опалы на Юрия был донос ханского посла, а также антимосковская интрига тверских князей. Срочный отъезд Юрия в Новгород, вызванный резким обострением ситуации на Волгове, был использован как повод для обвинений в неповиновении Орде, о котором князь и не помышлял (см.: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь... С. 90; *Fennell J.* The Emergence of Moscow... P. 94).

⁷⁰ Источники подтверждают предположение о том, что Иван Калита стал московским князем уже весной 1322 г. В сообщении о его кончине Никоновская летопись добавляет: «Княжил лет 18» (ПСРЛ. Т. 10. С. 211). Существует мнение, что сиев хана на Юрия был инициирован интригами в Орде Ивана Калиты (*Fennell J.* The Emergence of Moscow... P. 92). Однако никаких доказательств этому в источниках не содержится.

тись без больших или малых «грехов» перед ханом. Погубить соперника можно было и чистой правдой, представленной в виде доноса. Наконец, существовали и просто молва, слухи, которые кто-то заинтересованный доносил до ханских ушей...

Как бы там ни было, но осенью 1322 г. зять Гедимины возглавил «русский улус» Золотой Орды. Тем самым хан Узбек давал понять Литве, что желает мира. Однако при этом оба правителя надеялись с помощью Дмитрия Тверского и его потомства приумножить свои владения.

3. Юрий Московский в Новгороде и Пскове

Юрий Данилович прибыл в Новгород зимой 1321/22 г. Новгородская 1 летопись помещает сообщение о его приезде с некоторым опозданием, в блоке с рассказом о походе на Выборг летом 1322 г.

Великий князь предполагал быстро уладить дела с новгородцами, получить «серебро» и без промедления вернуться к ожидавшему его ордынскому послу. Однако тут вмешались непредвиденные обстоятельства. Шведы совершили нападение на Корельский городок. Новгородцы стали готовить мощный ответный удар по Выборгу. Возглавить кампанию должен был сам великий князь Владимирский. Юрий не ожидал такого поворота событий и поначалу, по-видимому, ответил отказом. Летопись глухо сообщает, что по приезде в Новгород он имел с боярами некую «размолвку», но вскоре «смирися с новгородци»⁷¹. Очевидно, новгородские правители согласились уплатить причитавшееся

⁷¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 188. Возможно, причиной или следствием этой «размолвки» был отъезд Юрия во Псков в начале 1322 г. Согласно «Запискам» Екатерины II, Юрий Данилович, прибыв в Новгород в начале 1322 г., вместе с братом Афанасием поехал во Псков. Там назревал конфликт с немецкими рыцарями, разграбившими пограничные псковские волости. Юрий отправил брата Афанасия в Изборск, а сам сел во Пскове. Между тем Новгород имел тогда весьма натянутые отношения со Псковом и явно не желал его усиления за счет военного потенциала великого князя Владимирского. Зная об этом, Юрий, очевидно, шантажировал новгородских бояр своим сближением с псковичами. Но при этом он не хотел «сжигать мосты» и брать на себя руководство войной Пскова против немцев, с которыми у новгородцев складывались союзнические отношения. Отстраненная позиция Юрия заставила псковичей призвать на помощь князя Давида Довмонтовича Полоцкого. Он явился во Псков «на сыропустной неделе» (то есть в период с 14 по 21 февраля 1322 г.). Во Пскове находился в этот момент и Юрий Данилович. Полоцкий князь повел псковичей в набег на ливонские земли, а Юрий (очевидно, сторговавшись с новгородцами) покинул Псков и вернулся на Волхов. 13 марта 1322 г. немецкое войско подступило ко Пскову и три дня стояло у его стен. В этот момент из Изборска явился князь Афанасий Данилович с отрядом и разбил немцев. В итоге было заключено перемирие «на всей псковской воле» (Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. С. 83–84). Вся эта уникальная информация вызывает определенные сомнения. Возможно, здесь имеет место смешение

Юрию «серебро» только после похода на Выборг. В случае успеха поход сулил Юрию богатую добычу.

В этих условиях Юрий рискнул задержаться в Новгороде. Несомненно, он отправил ханскому послу или прямо в Орду соответствующее уведомление. Однако достиг ли гонец от него своей цели или был перехвачен недругами московского князя — неизвестно. Известно лишь, что интрига против московского князя началась еще весной. 14 марта 1322 г. Дмитрий Тверской отправился в Орду⁷².

В 1322 г. обстоятельства складывались для Юрия самым неблагоприятным образом. Болезнь и кончина брата Афанасия, который был наместником Юрия в Новгороде, заставила его самого заняться организацией похода на Выборг⁷³. Подготовка к походу затянулась, и он начался только в июле. Много времени отняла постройка и починка «пороков» — стенобитных машин для штурма мощной крепости Выборга, заложенной шведами в 1293 г.

Поход на Выборг не принес Юрию ни славы, ни денег. Осада крепости при помощи шести стенобитных машин продолжалась около месяца без всякого успеха. Шведы отразили решающий штурм, состоявшийся 9 сентября 1322 г.⁷⁴ Через несколько дней Юрий ни с чем

обстоятельств 1322 и 1323 гг. Путаница в известиях о пребывании Юрия Даниловича во Пскове ставит в затруднение исследователей (см.: *Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987. С. 89. Прим. 8). Однако участие в событиях весны 1322 г. князя Афанасия Даниловича, вскоре после этого умершего, позволяет согласиться с версией «Записок» Екатерины II. Да и сам приезд Юрия Даниловича во Псков после поражения на Урдоме скорее всего был не экспромтом, а результатом каких-то прежних связей с этим городом.

⁷² Тверская летопись сохранила дату его отъезда — «в великий пост на средокрестной недели» (*Насонов А. Н.* О тверском летописном материале... С. 37). Иначе говоря, это было воскресенье 14 марта 1322 г.

⁷³ Летописи не сообщают точную дату кончины Афанасия. Однако известно, что перед кончиной он принял монашеский постриг и завещал похоронить себя «у святого Спаса в Нередицах в монастыри» (ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. С. 258; НЛ. С. 96). В. Н. Татищев в своей «Истории» называет Афанасия князем Можайским: «Того же лета преставился князь Афанасий Данилович Можайский в Великом Новгороде» (*Татищев В. Н.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М., 1966. С. 80). Возможно, историк имел какие-то неизвестные нам источники, позволившие ему называть Афанасия князем Можайским. Скорее всего, это было завещание Юрия Даниловича, по которому московский престол в случае его смерти переходил к Ивану, а младший брат получал удел в Можайске. Однако Афанасий умер раньше Юрия и поэтому так и не стал в действительности удельным правителем. Юрий использовал его как своего порученца, утешая перспективой на будущее. Удельных князей обычно хоронили в их столицах. Погребение в Новгороде — еще одно свидетельство в пользу того, что Афанасий был не полноправным, а лишь нареченным Можайским князем. Умер он бездетным и потому Можайск остался во власти московского князя. После кончины Афанасия из пяти братьев Даниловичей в живых остались только двое — Юрий и Иван. Борис умер 30 мая 1320 г. (ПСРЛ. Т. 18. С. 89).

⁷⁴ См.: *Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. С. 83.

ушел обратно в Новгород, оставив в холодной карельской земле немало новгородских «добрых удальцов».

Вернувшись из Выборгского похода, Юрий узнал об интриге, которую вели против него тверичи. Очевидно, он имел при себе убедительные свидетельства (или свидетелей) своей договоренности с ханским послом, а значит — своей невиновности. Вопрос заключался лишь в том, как доставить их к ханскому двору. Затеяв рискованную игру, тверичи были готовы идти до конца. В случае разоблачения подлога ханский гнев обрушился бы на головы самих заговорщиков. Поэтому им нельзя было допустить Юрия к хану и вообще — позволить ему явиться в Орду со своими аргументами и свидетельствами. С этой целью тверичи, как и в 1304 г., могли расставить на возможных путях Юрия засады. Понимая это, московский князь попросил у новгородцев сильный отряд для сопровождения. Как ответили «золотые пояса» на эту просьбу — летопись не сообщает. Судя по последующим событиям, Юрий не получил надежного конвоя. Вот как описывает эту историю Новгородская 1 летопись по Синодальному списку: «Князь же Юрьи пришед от Выбора, и поиде на Низь, много молив новгородци, а быша и проводили. И бывшу ему на Урдоме, и ту князь Александр Михайлович со Тфери нападе на нь, да князь Юрьи сам убежа в мале и вбежа в Пльсков, а товар его всь разграбиша...»; в Комиссионном списке той же летописи помещен тот же текст с незначительными сокращениями, а также более ясным чтением одного места: «...и много моли новгородцов, дабы проводиле»⁷⁵.

Еще А. В. Экземплярский отметил, что засада подстерегла Юрия на реке Урдоме, левом притоке Волги⁷⁶.

Эта небольшая река впадает в Волгу чуть выше современного Тутаева (Романов-Борисоглебск). На основе этой географической привязки можно предположить, каким путем Юрий пробирался в Орду. Естественно, он объезжал стороной тверские земли, а также избегал продвигаться по главным речным дорогам — Шексне и Волге. Он не имел судов, да и время его путешествия — поздняя осень, начало зимы — не благоприятствовало судоходству.

⁷⁵ Н1Л. С. 96, 339. Тверская летопись дает это известие в другой редакции. Не сообщая о захвате казны Юрия, летописец отмечает пленение его бояр — «бояре его изыма» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 42). Московские летописи XIV в., по-видимому, не знали этого происшествия с Юрием (см.: *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 357). В общерусские летописи второй половины XV — начала XVI в. это известие перешло в новгородском изложении (ПСРЛ. Т. 39. С. 104; Т. 7. С. 198).

⁷⁶ См.: *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб., 1889. С. 69. Прим. 180. Очевидно, Юрий не случайно направил свой путь к устью Урдомы. Здесь Волга резко сужается, и потому течение ее ускоряется. Осенью река дольше не замерзает, а весной быстрее очищается ото льда именно возле Романова-Борисоглебска (так называемое «тутаевское сужение»). В некоторые периоды времени, когда на Волге ледостав или ледоход, это место бывает единственной действующей переправой на всей Волге от Рыбинска до Костромы. Именно в такое время (поздней осенью 1322 г.) Юрий ехал в Орду.

Очевидно, Юрий ехал через новгородский Бежицкий Верх, а затем вдоль Мологи вниз к Волге. Однако, не доходя до Волги, он перешел с нижней Мологи на Шексну и, не выходя к устью Шексны, свернул на ее левой приток — Ухру. Верховья Ухры находятся недалеко от верховьев Урдомы. Спускаясь по Урдоме на юг, к Волге, Юрий и наткнулся на тверскую засаду. Заметим, что с Ухры на Урдому есть старая проселочная дорога, которая связывала Романов-Борисоглебск с Пошехоньем. Она пересекает реку Урдому у села Белятино. Где-то здесь и могло произойти столкновение Юрия с Александром Тверским.

Вероятно, Юрий предполагал от устья Урдомы, переправившись через Волгу, двинуться через Курбу (обойдя стороной Ярославль) на юг, к Ростову. Там он имел родственников и друзей, которые могли помочь князю добраться до Орды. Во всяком случае, путь из Ростова в Новгород через Белозерский край был хорошо известен Юрию. Здесь он проезжал, путешествуя из Орды в Новгород. Примечательно, что Александр Тверской подстерегал его где-то на границе владений белозерских князей (ветви ростовского дома) и князей ярославских (потомков Федора Ростиславича Черного).

Что касается князя Александра Михайловича, то он выступил из Твери на перехват Юрия как только получил весть о его отъезде из Новгорода. Путь его пролегал, по-видимому, по кратчайшей линии — через Кашин и Углич к Ярославлю. Догадываясь о том, что цель Юрия — Ростов, Александр занял позицию где-то близ устья Шексны. Получив известия от своих разведчиков о приближении московского отряда, Александр перехватил его на Урдоме.

Поражение на Урдоме и потеря всей казны поставили Юрия в крайне тяжелое положение. Он понимал, что Орда уже делает ставку на Тверь. Ехать туда без денег, с вестью о неудаче в шведской войне и о позорном грабеже на Урдоме было не только бессмысленно, но и опасно. Не стоило, конечно, являться и в Новгород в таком унижительном положении. На Волхове не любили слабых и были беспощадны к ним. Незачем было пробираться окольными путями и в Москву: там уже наверняка ждали его татарские «послы» с требованием явиться к хану.

И все же многоопытный Юрий нашел выход из трудного положения, в котором он оказался. Отдыхавшись немного и залечив раны, он повел свой маленький отряд на северо-запад, во Псков. Выбрав именно этот, традиционный для опальных князей путь, Юрий показал, что готов к самому худшему. Если бы татары или тверское войско стали преследовать его с целью захвата, он всегда мог уйти через Псков за рубеж, в Литву или Швецию.

Зимой 1322/23 г. псковичи приняли Юрия с честью. Оглядевшись и убедившись в том, что никто не собирается требовать его выдачи, он решил вновь вступить в политическую игру с целью поправить свои денежные дела и в конце концов вернуть себе великое княжение Владимирское. Обстановка в северо-западной Руси благоприятствовала Юрию,

и Псков был лучшим местом для начала новой игры. Именно в это время псковичам, как никогда, нужен был сильный и опытный князь — предводитель городского ополчения. Псков давно уже вел самостоятельную политику и часто вступал в конфликты со своим могущественным соседом — Новгородом. В борьбе со Псковом новгородские бояре нашли союзников даже в рыцарях Ливонского ордена. В свою очередь псковичи обращались за помощью к литовским князьям витебской и полоцкой земли, вместе с ними совершали набеги на земли Ордена. В конце января 1323 г. новгородцы заключили с рыцарями договор о взаимопомощи в случае войны с псковичами.

Зная все это, Юрий зимой 1322/23 г. вел себя очень осторожно. Он отказался от предложения псковичей возглавить их войско в начавшейся осенью 1322 г. войне с ливонскими рыцарями. Оценив осторожное поведение Юрия во Пскове, новгородские «золотые пояса» вновь пригласили опального князя на берега Волхова. Он возвратился туда весной 1323 г.

Между тем немецкое наступление на Псков принимало серьезный оборот. В мае 1323 г. немцы осадили город и 18 дней стояли под его стенами. Отчаянные призывы псковичей остались без ответа: новгородцы злорадно наблюдали за бедствиями своего непокорного соседа, не оказав Пскову никакой помощи. Псковский летописец с глумим возмущением повествует об этих событиях: «И баше тогда притужно велми Пскову, и мнози гонци посылаху псковичи в Новгород к князю Юрию и к новгородцем, с многию печалию и туюю, абы помогли: и не помогли»⁷⁷.

Не дождавшись помощи от Юрия Даниловича и новгородцев, псковичи пригласили к себе служилого князя Давыда Гродненского из Литвы. Он прибыл во Псков 3 февраля 1323 г. Благодаря его энергичным действиям, а также мужеству и стойкости самих псковичей, нашествие немцев было успешно отражено.

В Новгороде Юрий постарался вернуть себе расположение горожан и новыми заслугами заработать деньги для выплаты старых долгов татарам. С этой целью он активно занялся шведскими делами. Длившаяся уже 30 лет затяжная война со шведами за земли на Карельском перешейке тяжело сказывалась на новгородской торговле. Путь по Неве находился под постоянной угрозой, и купцы боялись им пользоваться. Выбить шведов из Западной Карелии не удалось, а значит, единственный выход состоял в том, чтобы заключить прочный мир, признав территориальные потери. Это был трудный, но необходимый шаг.

Прежде чем пойти на переговоры, Юрий вместе с новгородцами летом 1323 г. построил крепость на Ореховом острове, у входа в Неву из Ладожского озера. Выбор места оказался безупречен: «Никакой другой пункт на Неве не был столь выгодно стратегически расположен, не создавал таких возможностей для господства над невским путем»⁷⁸. Желая продемонстрировать шведам новую крепость, а вместе с ней и

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 5. С. 11.

⁷⁸ Шаскольский И. П. Указ. соч. С. 109.

готовность русских к борьбе, Юрий пригласил уполномоченных на переговоры прибыть именно сюда, на Ореховый остров. Здесь в августе 1323 г. Юрий Данилович, новгородский посадник Варфоломей Юрьевич и тысяцкий Аврам заключили со шведскими уполномоченными знаменитый Ореховецкий договор. Это не только первый договор между Россией и Швецией. Во всей истории Руси феодальной эпохи «Ореховецкий договор был первым соглашением о «вечном мире» с соседней страной; ранее международные соглашения столь высокого ранга еще не заключались. Более того, и в последующие столетия, до конца XVII в., договоры о «вечном мире» заключались только со Швецией в Тявзине и Столбове. Лишь в 1686 г. был впервые подписан договор о «вечном мире» с наиболее крупным соседним государством — Польшей. С третьим соседом — Турцией и подвластным ей Крымским ханством — заключались лишь временные соглашения»⁷⁹.

Согласно Ореховецкому договору, Новгород признавал захват шведами Западной Карелии. Устанавливалась новая граница между русскими и шведскими владениями. Стороны обязывались обеспечить безопасный проезд купеческих караванов, а также не возводить новых крепостей вдоль границы. Шведы обещали не помогать немцам и датчанам Ливонии в случае их войны с Новгородом.

В тексте Ореховецкого договора Юрий Данилович назван «великим князем».

Заключив Ореховецкий договор, Юрий принялся за новое дело, которое также было очень важным для Новгорода. В 1323 г. устюжане захватили дань, собранную новгородцами с населения Югорской земли (так назывались области Северного Урала и Зауралья, населенные предками современных хантов и манси). Эта дань — прежде всего, ценные меха — являлась важным источником пополнения новгородской казны. Пушнина входила в состав ордынской дани. Кроме того, у сибирских народов имелось и серебро, добытое в местных коях или полученное в обмен на меха у соседей.

Измена устюжан сильно обеспокоила новгородское боярство. Для восстановления порядка и наказания мятежников была собрана новгородская рать, которую возглавил сам князь Юрий Данилович. Конечно, это было не слишком почетным занятием для великого князя Владимирского. Однако новгородским боярам хотелось с честью спровести Юрия куда-нибудь подальше, так как на новгородский стол уже претендовал новый, признанный Ордой великий князь — Дмитрий Тверской. Впрочем, и для самого Юрия устюжский поход был подарком судьбы: с хорошими трофеями он имел больше шансов на успех в Орде, куда уже давно собирался.

Вот что говорит об этом походе новгородская летопись: «В лето 6832 (1324). Идоша новгородци с князем Юрьем на Заволочье, и взяша Устюг на щит, и приидоша на Двину; и ту прислаша послы князи

⁷⁹ Там же. С. 121.

устюжский к князю и к новгородцам и dokonчаша мир по старои пошлине; и приидоша новгородци вси здрави; а князь Юрьи поиде в Орду из Заволочья по Каме по реце»⁸⁰.

Поход состоялся зимой 1323/24 г., а вернулись новгородцы домой уже весной, то есть в 6832 мартовском году. Под этим годом летописец и сообщил о походе. Очевидно, что Юрий сразу по окончании похода, то есть весной 1324 г., отправился в Орду по разлившимся весенним рекам на судах.

Наученный горьким опытом, Юрий по окончании устюжского похода поехал в Орду не через Владимиро-Суздальские земли, где могли поджидать его тверские засады, а далеким, но более безопасным окольным путем, через глухие пермские земли. Добравшись до Камы, он на кораблях спустился до Волги, а по Волге отправился на юг, в Орду. Устюжская экспедиция пополнила его казну дорогой пушшиной и серебром.

В целом можно утверждать, что московский князь в своей новгородской одиссее проявил себя как выдающийся дипломат. Он умело использовал в своих интересах новгородско-псковские противоречия. Несомненным успехом Юрия было заключение Ореховецкого мирного договора со Швецией, подготовленного энергичными военными акциями против Выборга и южной Финляндии. Удачным решением было и участие Юрия в устюжском походе новгородцев.

Узнав о том, что Юрий отправился в Орду, Дмитрий Тверской немедленно отправился туда же. Причину его поспешности В. Н. Татищев объясняет так: Дмитрий боялся, что Юрий «и его самого, яко отца его, оклеветает»⁸¹. Впрочем, и Юрий имел основания опасаться того же со стороны Дмитрия.

И подобно тому, как бездетный Юрий оставлял Москву в свое отсутствие на брата Ивана, так и бездетный Дмитрий оставил Тверь на попечение брата Александра.

Князья несколько месяцев жили в Орде, ожидая ханского суда. 22 ноября 1324 г. исполнялось шесть лет со дня гибели в Орде Михаила Тверского. Для братьев Михайловичей это была черная дата: день памяти и вместе с тем — день мести.

Накануне дня памяти отца, 21 ноября 1324 г., Дмитрий Грозные Очи убил Юрия Даниловича. Вероятно, это произошло где-то неподалеку от сарайского кафедрального храма, куда оба князя направлялись для участия в торжественном богослужении по случаю праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы.

Была ли эта роковая встреча случайной, или же тверской князь искал ее, заранее вынашивая свой замысел, — неизвестно. Последнее кажется наиболее вероятным. Никоновская летопись сообщает, что Дмитрий убил Юрия «без царева слова, надеясь на царево жалование,

⁸⁰ Н1Л. С. 339.

⁸¹ Татищев В. Н. Указ. соч. Т. 4. С. 81.

понеже царь Азбяз чтяше князя Дмитрея Михайловича Тверскаго, и он на то надеяся уби великого князя Юрья»⁸².

Дмитрий надеялся, что хан простит ему этот самосуд, так как Юрий давно уже впал в немилость. Однако повелитель Орды как истинный деспот мог простить своим подданным что угодно, кроме самоуправства. Он велел отправить тело Юрия в Москву для погребения, а его убийцу взять под стражу. Выждав почти целый год, хан объявил, наконец, свой приговор. Дмитрий Тверской осуждался на смерть. 15 сентября 1325 г. ханские палачи сделали свое кровавое дело. По странной прихоти Узбека казнь была совершена в день рождения князя Дмитрия. В этот день ему исполнилось 27 лет...⁸³

Вместе с Дмитрием смертную чашу испил и другой русский князь. Летопись сообщает: «В лето 6834 сентября 15 убиша в Орде два князя Дмитриа Михайловича Тферскаго да князя Александра Новосилскаго, единого дни на едином месте на реце, нарицаемей Кондраклии»⁸⁴. По-видимому, новосильский князь Александр Семенович, внук св. Михаила Черниговского, принадлежал к числу близких друзей тверского князя и вместе с ним готовил убийство Юрия Московского⁸⁵. (Предлагаемая нами датировка этих событий отличается от общепринятой на один год. Ее обоснование см. ниже в главе 4, 2.)

Весть о гибели в Орде князя Юрия Даниловича достигла Москвы где-то в самом конце 1324 г. А 23 февраля 1325 г., в первую субботу Великого поста, москвичи встречали гроб с телом Юрия, привезенным из Орды. В этот день праздновалась память Феодора Тирона. Он был великомучеником, казненным за веру во времена гонений. Несомненно, князь Иван избрал день для печального действия не случайно, но после совета с митрополитом. В памяти народа Юрий должен был остаться как воин и мученик за веру. Мало кто знал тогда подошлеку его убийства. Все думали, что оно было совершено по приказу хана Узбека. Ведь убийца Юрия, князь Дмитрий Тверской, еще не был казнен.

Тверичи почитали князя Михаила как мученика за веру и отечество. Москва, по мысли Ивана Калиты, должна была иметь своего мученика — «невинно убиенного» князя Юрия.

Похороны новомученика Георгия (Юрия) были очень торжественными. Его отпевал сам митрополит Петр с четырьмя епископами. В это время в Москве находился новгородский архиепископ Моисей, толь-

⁸² ПСРЛ. Т. 10. С. 189. Некоторый свет на обстоятельства убийства проливает Супрасльская летопись, где под 6833 г. сообщается: «Убиен бысть во Орде князь великий Юрья Данилович повелением князя Дмитрея великого Михайлович Тферского» (ПСРЛ. Т. 17. СПб., 1907. С. 30). Отсюда можно понять, что как-то люди, посланные Дмитрием Тверским, расправились с Юрием Даниловичем.

⁸³ Дмитрий Тверской родился в понедельник, 15 сентября 1298 г. Симеоновская летопись помещает это известие под 6807 г., однако день недели указывает на 1298 г.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 42.

⁸⁵ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 134. Прим. 2.

ко что поставленный в сан митрополитом, а также тверской владыка Варсонофий, прибывший на хиротонию Моисея. Вместе с ними в церемонии участвовали ростовский епископ Прохор и рязанский владыка Григорий.

По одним летописям, Юрий был похоронен «в церкви святого Михаила» (деревянном храме, предшественнике Архангельского собора московского Кремля), по другим — «у Дмитрия Солунского» (одна из церквей московского Кремля, позднее обращенная в придел Успенского собора). Достоверно известно, что в конце XV века прах Юрия находился в аркосолии в стене Дмитриевского придела старого Успенского собора⁸⁶. В новом соборе 1479 г. его поместили в том же Дмитриевском приделе, но в земле, под полом, «и надгробницу учиниша над ним»⁸⁷.

В Древней Руси князья обычно ложились на вечный покой в храмах, построенных ими самими. Можно думать, что именно Юрий построил церковь св. Дмитрия. Культ этого святого воина получил особое распространение в Северо-Восточной Руси со времен Всеволода Большое Гнездо, который в крещении был наречен Дмитрием. Русские люди чтили в солунском герое не только мученика, но и «отечестволюбца». В летописях сохранилась молитва Дмитрия Солунского о его родном городе Солуни: «Господи! Аще погубиши град сей, то и аз с ним погибну. Аще ли спасеши, то и аз спасен буду»⁸⁸. «Повесть о Михаиле Тверском» сравнивает князя-мученика с Дмитрием Солунским, так как оба они готовы были пострадать за свое отечество.

Князь Юрий Данилович был дорог москвичам как их давнишний предводитель и неутомимый боец за возвышение Москвы. Они искренне скорбели о нем. Новгородский летописец, вероятно, со слов свидетеля событий архиепископа Моисея, повествует: «И плакася по нем брат его князь Иван и весь народ от мала до велика плачем великим зело»⁸⁹.

4. Великое княжение Александра Тверского

Н азначение нового великого князя Владимирского потребовало у хана продолжительных размышлений. Его внимание было приковано к событиям в Восточной Европе, развитие которых в перспективе могло быть весьма неблагоприятным для Орды. Правитель Литвы Гедимин еще в 1317 г.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 22. Русский хронограф. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 года. Спб., 1911. С. 487.

⁸⁷ Там же. С. 499.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. 21. Степенная книга. Спб., 1909. С. 336.

⁸⁹ НЛ. С. 340. То же сообщение в несколько иных словах и в Синодальном списке (НЛ. С. 97).

получил послание от папы Иоанна XXII с предложением принять христианство. Какова была непосредственная реакция Гедимины — неизвестно. Однако в начале 1323 г. он объявил о своем намерении отныне жить в мире с христианами и почитать папу как духовного отца.

Превращение языческой Литвы в христианское государство повлекло бы за собой перестройку всей системы политических отношений в Восточной Европе. Однако многие сомневались в искренности намерений литовского князя. Особое беспокойство выражали немецкие рыцари-крестоносцы, для которых борьба с языческой Литвой была главным оправданием присутствия в регионе.

В октябре 1323 г. представители всех заинтересованных сторон (рижского, дерптского и эзельского архиепископов, датского короля, Тевтонского и Ливонского Ордена) прибыли в Вильно для переговоров с Гедимином. Литовский князь уклонился от предложения немедленно принять крещение, однако заключил с участниками встречи договор о мире и беспрепятственной торговле. Папские легаты, прибывшие по этому случаю в регион, повелели всем христианским правителям в течение четырех лет строго соблюдать условия договора с Гедимином. Воспользовавшись перемирием, Гедимин весной 1324 г. двинул войска на юг и захватил Киев с прилежащими к нему землями. Объединенные силы местных князей — Рюриковичей были разбиты литовцами. В Киеве Гедимин посадил наместником своего брата Федора.

Не довольствуясь достигнутым и по-прежнему ощущая враждебность крестоносцев, Гедимин стал искать союзников на юго-западе, где в это время крепнут позиции Польши. В 1324 г. галицким князем стал Болеслав-Юрий II Тройденевич — ставленник Польши. В начале 1325 г. был заключен союз между Польшей и Литвой, скрепленный 16 октября того же года браком дочери великого князя Литовского Гедимины Анны и наследника польского престола Казимира. Этот союз открывал путь к соединению обоих государств для борьбы с Орденом и Ордой⁹⁰.

В этой обстановке хан решил «поиграть мускулами». В 1325 г. он посылал каких-то «князей» (возможно, не только татарских, но и русских) в поход на Литву. Порученцы «много зла сотвориша Литве, и со многим полоном придоша во Орду»⁹¹. Благодаря военной активности Орды Галицко-Волынская Русь и Киевская земля, находившиеся под властью правителей из Польши и Литвы, продолжали платить дань «вольному царю» Узбеку⁹².

Не довольствуясь временными успехами своих «ратей», хан хотел создать у восточных границ Литвы внушительную владимирско-тверскую

⁹⁰ Chase Th. G. The Story of Lithuania. New York, 1946. P. 23-25; Urban W. The Livonian Crusade. University Press of America, 1981. P. 72-75; Шабульдо Ф. М. Указ. соч. С. 33-34.

⁹¹ ПСРЛ. Т. 6. Спб., 1856. С. 189; Т. 10. С. 189.

⁹² Шабульдо Ф. М. Указ. соч. С. 35.

военную силу. Уже самим своим положением Тверь была призвана стать западным форпостом «русского улуса». Кроме того, Узбек не терял надежду вовлечь Литву в политическую систему великого княжения Владимирского, фактической столицей которого была бы Тверь.

Князь Дмитрий Тверской, несомненно, знал, какую важную роль отводил ему в своих замыслах Узбек. Отсюда та самоуверенность, с которой он расправился с Юрием. Хан и вправду долго не хотел расставаться с Дмитрием и с теми политическими комбинациями, которые были с ним связаны.

Наконец, хан решил остановиться на новом варианте той же «тверской» темы. Дмитрий Михайлович отправился под нож ханского палача, а его место занял следующий по старшинству сын Михаила Тверского — Александр. В отличие от Дмитрия, он не был бездетным. В 1321 г. княгиня Анна (?) родила ему сына Льва. Смоленский брак Александра открывал для Твери, а вслед за ней и для Орды возможности экспансии на этом направлении, притягивал эти земли к «русскому улусу».

После казни Дмитрия Александр получил ярлык на великое княжение Владимирское и одновременно стал правителем Твери. Вернувшись к старой схеме Владимир — Тверь — Литва, хан обогатил ее одним существенным дополнением. В Твери он велел разместить сильный татарский отряд под началом Чол-хана (в русском произношении — Шевкал, Щелкан). Историки обычно объясняют этот шаг тем, что «хан хотел поставить великого князя под свой контроль»⁹³. Однако, кроме самоуправства Дмитрия Тверского в споре с Юрием в 1324 г., нет никаких признаков того, что великий князь мог выйти из-под ордынского контроля.

Присутствие отряда Шевкала в Твери имело, прежде всего, «международное значение». Это войско должно было служить своего рода дамокловым мечом, постоянно нависавшим над восточными областями Литвы. Вместе с тем Шевкал мог при ином повороте событий выступить и как союзник Литвы в войне с Орденом. Все это открывало новые возможности для ордынской дипломатии в Восточной Европе. Конечно, хан сознавал, что пребывание татар в Твери может привести к конфликту с местными жителями. Однако князь Александр, видимо, обещал уладить этот вопрос.

Миссия Шевкала имела по меньшей мере два аспекта. Первый — международный, связанный со сложными отношениями в регионе. Второй, несомненно, состоял в том, чтобы помочь Александру Тверскому в сборе недоимок по ордынским платежам в Северо-Восточной Руси. Пребывание в Твери сильного татарского отряда должно было оказать психологическое воздействие на население.

⁹³ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 475.

Разумеется, ни летописцы, ни тем более простые люди не были осведомлены относительно целей прихода Шевкала. Они объясняли дело в привычном русле народной фантазии и эсхатологии. Наученный дьяволом, Шевкал просил хана: «Господине царю! Аще ми велиши, аз иду в Русь и разорю христианство, а князя их избобю, а княгини и дети к тебе приведу»⁹⁴.

Находясь в Орде в 1325 г., князь Александр Тверской действовал всецело в духе своего отца и брата. Он давал любые обещания, не заботясь о том, как сможет их исполнить. Желанная цель заслоняла от него все остальное. В итоге он получил и тверской стол, и великое княжение Владимирское. Однако Александр вернулся на Русь не только с победой, но и с толпой жадных кредиторов, которые требовали платы по векселям: «Приде из Орды князь Олександр Михайлович, и татарове с ним должници, и много бысть тяготы на Низовьской земли»⁹⁵.

Очевидно, что, как и прежде, тверские князья вели игру не по средствам. Однако источники не позволяют говорить и о каком-либо явном материальном превосходстве Москвы. В этой ситуации шаткого равновесия все решалось в сфере политической борьбы, где побеждал более искусный и прозорливый. Козырем москвичей была дружба с Новгородом, которая приносила и существенные финансовые дивиденды.

Новым фактором, существенно влиявшим на ход политической борьбы в Северо-Восточной Руси, стала заинтересованность Орды в мирных отношениях с Литвой. Она возникла как реакция на военно-политическую консолидацию в Восточной Европе. Орда стремилась не допустить участия Литвы в этом процессе, воспрепятствовать ее сближению с Польшей и христианскими правителями Прибалтики. Важная роль в этой игре отводилась политическим лидерам Северо-Восточной Руси. Тверские князья в силу своих давних связей с Литвой казались наиболее перспективными исполнителями этих планов. Однако в конце концов и москвичи могли исполнить ту же роль. Не имея связей с Литвой, они, однако, были более удачливы как политические лидеры Северо-Восточной Руси. Передача великого княжения Александру Тверскому в 1325 г. была последней попыткой хана Узбека разыграть тверскую карту. Однако его недовольство поведением тверских князей неуклонно возрастало...

Иван Калита, как некогда Юрий в том давнем первом споре с Михаилом Тверским о великом княжении в 1304 г., отступил. Чутье уже немолодого, искушенного в ордынских делах правителя подсказывало ему, что время тверских князей подходит к концу. Их манера вести дела была слишком резкой и вызывающей.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 43.

⁹⁵ НЛ. С. 97, 340. Тверские и московские (в тверской обработке) летописи умалчивают об этом обстоятельстве. Новгородская 4 летопись повторяет текст НЛ, но Софийская 1 дает иное чтение: «...и много тяготы бысть земли Тферьской» (ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. С. 260; Т. 5. С. 217).

Ставка на силу, шантаж, террор привела их к глубокому антагонизму с Новгородом, без поддержки которого ни один великий князь не мог сводить концы с концами в Орде. И сам ордынский хан постепенно укрепился в мысли о том, что московский вариант консолидации Северо-Восточной Руси по многим причинам предпочтительнее тверского. Рассказав о казни Дмитрия Тверского, летописец замечает: «И бысть царь Азбяз гневен зело на всех князей тверских, и называше их крамольники и противных и ратных себе»⁹⁶. Хан дал Александру Тверскому великое княжение, но тучи над Тверью сгущались. Ивану Калите оставалось лишь терпеливо ждать...

Изложенные в данной главе материалы — практически все, что известно о политических акциях московских правителей и их соперников в 1317–1326 гг. Что можно сказать на основе этих весьма ограниченных сведений о характере московской политики в данный период?

Во-первых, можно видеть, что Юрий Московский неизменно ведет себя весьма осторожно. Его поход на Тверь осенью 1317 г. — не более чем использование благоприятной ситуации для укрепления московско-новгородских связей. Цель похода — заставить Михаила Ярославича принять определенные политические требования относительно Новгорода. Участие в походе «суздальских князей» объясняется тем, что действия велись по указанию хана Узбека и его представителя — Кавгадыя.

Во всех отраженных источниками ситуациях этих лет Юрий Данилович ищет компромисса, избегает военного конфликта. Эту черту (во многом наследственную) отметил еще В. О. Ключевский, сказавший о первых московских князьях: «это очень мирные люди»⁹⁷. Однако историк ошибался, объясняя их миролюбие военной бездарностью и отсутствием у Даниловичей «как героического, так и нравственного величия». Легко заметить, что склонность к силовому решению проблем являлась в ту пору чертой, присущей огромному большинству князей. Именно способность достигать своих целей без кровопролития, без войны и разрушений была в эпоху всеобщей воинственности верным признаком «нравственного величия», а стало быть, и героизма.

Первые московские князья были, по-видимому, не только «очень мирные», но также и очень умные люди. Они использовали в своей политике самый широкий арсенал средств, среди которых важное место занимали династические браки. Сильным дипломатическим ходом Юрия был, например, брак его дочери с сыном Михаила Тверского Константином в 1320 г., позволивший москвичам иметь своего человека в тверском семействе.

Столь же целесообразным с точки зрения московского дела было и пребывание в Орде Ивана Даниловича в 1320–1322 гг. Смена

⁹⁶ ПСРЛ. Т. 10. С. 190.

⁹⁷ Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. Т. 2. М., 1988. С. 47.

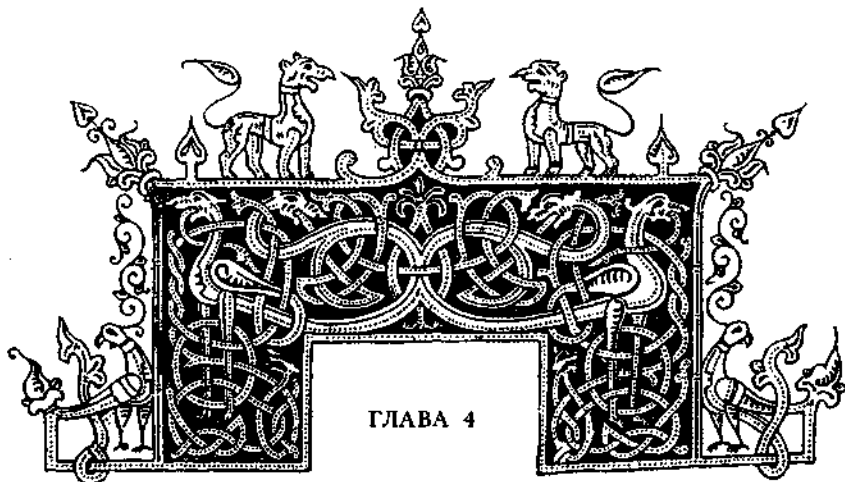
настроений хана, главной причиной которой была, по-видимому, неудача московско-ордынского династического альянса и новые комбинации, связанные с Тверью, не застала Даниловичей врасплох. Опала на Юрия, поводом для которой стала история с ордынским послом, не привела к погрому Москвы. Иван Калита присоединился к «Ахмыловой рати», разорившей ростово-ярославские земли, и тем самым отвел грозу от собственного княжества.

После отъезда Юрия в Новгород в планах Орды вновь выходит на авансцену «тверской вариант» политической консолидации Северо-Восточной Руси, открывавший заманчивые перспективы в отношении Литвы.

И все же нельзя рассматривать события лишь на уровне тенденций и закономерностей. Немалую роль в истории играет субъективный фактор. Поступок Дмитрия Тверского, вызванный его излишней самоуверенностью, а также недостаточно глубоким пониманием ситуации, стоил жизни не только Юрию, но и самому Дмитрию. Сменивший его на тверском и владимирском столе Александр Михайлович отличался все той же наследственной для потомков Ярослава Ярославича Тверского самоуверенностью и безответственностью. Известно, что, стремясь получить великое княжение, он влез в долги и вернулся домой с толпой кредиторов. У него не достало политического опыта и дальновидности, чтобы уклониться под тем или иным предлогом от размещения в Твери отряда Чолхана. Не смог он и разрядить взрывоопасную ситуацию, связанную с пребыванием татар в городе, при большом стечении народа 15 августа 1327 г.

В этой связи вспоминается еще одно замечание Ключевского о московских князьях: «...перед нами проходят не своеобразные личности, а однообразные повторения одного и того же фамильного типа»⁹⁸. Это суждение не в меньшей, а скорее, в большей степени можно отнести к тверским князьям. Все они отличались не столько героизмом и благородством, сколько упрямством и недальновидностью.

⁹⁸ Там же.

МОСКОВСКИЕ КНЯЗЬЯ И МИТРОПОЛИЧЬЯ КАФЕДРА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIV В.

1. Митрополит Петр и московские Даниловичи: предпосылки сближения

В исторической литературе митрополита Петра иногда изображают своего рода «помощником», сотрудником московских князей. Однако это не так. Подобно своему предшественнику на кафедре митрополиту Максиму Петр в целом следовал константинопольским установкам на отстраненность от междукняжеской борьбы. И после столкновения с тверичами на переяславском соборе Петр выступал на политической сцене лишь в традиционной для иерархов роли миротворца. Объективно такая позиция всегда была более выгодна одним и менее — другим. Но это уже не зависело от его воли. Примечательно, что Петр не стал преследовать своего врага — тверского епископа Андрея. Тот покинул кафедру лишь несколько лет спустя. Приведенные ниже наблюдения над источниками позволяют утверждать, что он сделал это добровольно.

В воскресенье, 28 марта 1316 г., тверской епископ Андрей объявил собранному в собор народу о своем решении покинуть кафедру и уйти в монастырь¹. Обычно исследователи объясняют это решение кон-

¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 1965. Стб. 36; Т. 15. М., 1965. Стб. 408; Насонов А. Н. О тверском летописном материале в рукописях XVII века // Археографический Ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 36.

фликтом Андрея с митрополитом², однако при этом упускают из виду, что Петра в момент отречения Андрея попросту не было в Северо-Восточной Руси, а князь Михаил Тверской находился на вершине своего могущества. Цепь событий, предшествовавших уходу епископа, заставляет рассматривать его решение прежде всего в моральной плоскости. Эта цепь выстраивается следующим образом. 10 февраля 1316 г. князь Михаил Тверской разгромил новгородское войско под Торжком. Но радость победы была омрачена злодеянием. Вероломно захватив в плен своих недругов — новгородских бояр и их военного вождя князя Афанасия Даниловича Московского, — Михаил Тверской совершил клятвопреступление. Этим он навлек на себя и на свой город гнев Божий. Возмездие не заставило себя ждать. В пятницу 19 марта 1316 г. в Твери вспыхнул сильный пожар. Горела сама деревянная крепость — Кремль³. Огонь удалось сбить общими усилиями сбежавшихся горожан. Но все эти события произвели очень сильное впечатление на епископа Андрея. Впереди он увидел новые бедствия для Твери. Несомненно, Андрей был человеком незаурядной духовности. Летопись не случайно называет его «преподобным»⁴. Владыка остро почувствовал свою личную вину перед Богом за грех князя и вызванную им кару. Уход в монастырь был прежде всего его личным покаянием.

Найти достойного кандидата на опустевшую кафедру было нелегко. Да и сама процедура поставления нового тверского владыки долго откладывалась из-за отсутствия митрополита, который был тогда на Волыни и вернулся в Северо-Восточную Русь только в начале зимы 1316/17 г. Такой вывод позволяет сделать сопоставление нескольких известных источников. А в статье «А се князи Русьстии», содержащейся в рукописи Археографической комиссии перед Комиссионным списком Новгородской 1 летописи, в рассуждениях по поводу Ивана Калиты имеется и следующая фраза: «А митрополит был Петр, иже бе пришел из Волыня на Суждальскую землю, на Москву, в лето 6824 (1316), и приа его князь великии Иван Данилович с честью великою»⁵. События первой четверти XIV в. в летописании датируются, как правило, по мартовскому стилю. Таким образом, Петр прибыл в Москву между 1 марта 1316 г. и 28 февраля 1317 г.

Это известие трудно заподозрить в недостоверности: во-первых, оно содержится в рукописи середины XV в.; во-вторых, именно в 1316 г. Иван Данилович действительно был правителем Москвы, в то время как его брат Юрий пребывал в Орде.

Рогожский летописец под 6824 мартовским годом сообщает, что митрополит Петр поставил тверского владыку Варсонофия «тое же

² См.: Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 123-124.

³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 36.

⁴ Там же.

⁵ НЛ. С. 469.

зимы»⁶. Значит, наиболее вероятный срок возвращения Петра из Южной Руси — осень 1316 г. На юге митрополит пробыл, конечно, не менее года: ему нужно было какое-то время пожить в Киеве, а также посетить епархии Галиции и Волыни. Вероятно, эта поездка святителя была связана с кончиной объединителя и могущественного правителя Галицко-Волыньских земель князя Юрия Львовича. По мнению исследователей, он скончался в первой половине 1315 г.⁷ Митрополит, конечно, должен был без промедления оформить свои отношения с наследниками Юрия — его сыновьями Андреем и Львом. Этого требовал не только долг вежливости, но и шаткость позиций Петра в вопросе о единстве Киевской митрополии.

Приехав в Северо-Восточную Русь, митрополит застал здесь Михаила Тверского на вершине власти. Это было лучшее его время, когда он чувствовал себя полным победителем. Конечно, великий князь был раздражен новой неудачей своих диверсий против Петра. И у Петра немало накопилось на душе в отношении своих тверских недругов. Поэтому вполне понятно, что митрополит, приехав на северо-восток, направился не в великокняжеский Владимир, где хозяйничали люди Михаила Тверского, а в Москву. Здесь он с радостью был принят своим давним доброхотом князем Иваном Даниловичем. Вероятно, в Москве Петр и поставил нового тверского владыку Варсонофия.

В церковном отношении Москва входила в состав митрополичьей епархии, и потому московские князья по своим духовным делам обращались прямо к митрополиту как к своему епархиальному архиерею. В случае отъезда митрополита епархией управлял его доверенный клирик — наместник.

Москва была крупнейшим городом митрополичьей епархии. Обедневший, многократно разоренный татарами Владимир уже не мог служить достойным местопребыванием для главы всей Русской Православной Церкви.

Впрочем, Петр и после 1316 г. не имел возможности подолгу оставаться на одном месте. По-видимому, он продолжал странствовать по Руси. Можно полагать, что он посетил галицко-волыньские земли после внезапной кончины правивших здесь князей Льва и Андрея Юрьевичей весной 1323 г. Митрополиту необходимо было наладить отношения с новым правительством края. Лишь в самом конце жизни он избрал своим любимым пристанищем Москву. Здесь его всегда приветливо встречал благочестивый князь Иван Данилович.

Москва искала расположения митрополита. Но и митрополит имел все основания искать дружбы одного из сильнейших княжеских семейств Северо-Восточной Руси. Это было необходимо святителю хотя бы потому, что его позиции в Юго-Западной Руси в эти годы существенно ослабли.

⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 36.

⁷ См.: *Исаевич Я. Д.* Галицко-Волыньское княжество в конце XIII — начале XIV в. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 год. М., 1989. С. 73.

Не позднее 1317 г. там возникла самостоятельная Литовская митрополия⁸. Это был еще один, после Галича и Галицкой митрополии, очаг церковного сепаратизма. Конечно, Москва не могла помочь Петру в решении этих проблем. Однако именно из Москвы открывался и в прямом и в переносном смысле самый короткий путь в Орду, поддержка которой могла стать решающим аргументом и при решении церковных вопросов.

Помимо внутрицерковных конфликтов Петра беспокоили и внешние угрозы. Поддержка сильной княжеской власти необходима была для борьбы с экспансией на Русь других вероучений.

Вслед за татарами на Русь пришло мусульманство. После переписи 1257 г. Орда передавала право на откуп русской дани оборотистым мусульманским купцам из Средней Азии и Волжской Болгарии. Они выплачивали в ханскую казну сразу всю сумму, причитающуюся с той или иной области Руси, после чего приезжали на Русь и, обосновавшись в одном из городов, собирали эту дань с населения с большим «наваром» для себя. В случае необходимости им содействовали баскаки — представители орднской администрации в русских землях. Иногда баскаки имели собственные вооруженные отряды. Но главное — они могли жаловаться хану и вызывать на провинившиеся области карательные экспедиции.

Русские люди ненавидели откупщиков — «бесермен» («басурманин», «бесерменин» — искаженное «мусульманин»). Однако нашлись и те, кто, желая угодить откупщикам, а может быть, и вполне бескорыстно, разуверившись в христианском Боге, обращались в мусульманство. Летопись сообщает, что в 1262 г. в Ярославле во время народного восстания против «бесермен» был растерзан толпой один из таких русских мусульман — бывший православный монах Зосима⁹.

Митрополит Петр противодействовал мусульманской проповеди на Руси. В это время при хане Узбеке мусульманство окончательно торжествует в Орде и становится ее государственной религией. Несомненно, имели место и попытки распространения мусульманства в «русском улусе». Согласно первоначальной редакции «Жития митрополита Петра», составленной вскоре по его кончине, митрополит однажды столкнулся с неким Сентом, судя по имени — мусульманским духовным лицом. Одолев противника в споре, святитель проклял его. Когда произошел этот случай, источник не сообщает¹⁰.

Отражением религиозной борьбы тех лет стала история гибели в Болгарах купца Феодора Иерусалимлянина. Ревностный христианин, начитанный в Священном Писании, Феодор смело вступил в спор о вере с местными мусульманами. «Они же окаянии не стерпеша своего поругания, замучиша его за православную веру»¹¹. Это произошло 21 апре-

⁸ См.: Соколов П. П. Русский архиперей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913. С. 261.

⁹ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 72.

¹⁰ См.: Седова Р. А. Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993. С. 16, 25.

¹¹ ПСРЛ. Т. 10. СПб., 1885. С. 189.

ля 1323 г. В этот день по церковному календарю — память древнего христианского мученика Феодора, «иже в Пергии». Более того, память еще двух мучеников с тем же именем празднуется накануне (Феодор Трихина, 20 апреля) и на следующий день (Феодор Сикеот, 22 апреля). Видимо, именно в день своих именин, подражая первым христианским мученикам, Феодор Иерусалимлянин решил публично исповедать свою веру перед иноверцами, за что и поплатился жизнью.

Живший в Твери земляк Феодора, выходец из Византии игумен Иван Цареградец, решил увековечить мученичество постройкой каменной церкви. Вслед за известием о гибели Феодора летопись сообщает: «Того же лета совершена бысть и свещена церковь камена во Твери во имя святого Феодора, юже соверши и украси игумен некий, именем Иван Цареградец»¹². Феодоровский монастырь, где игуменствовал Иван, был расположен на островке у впадения реки Тьмаки в Волгу, прямо под стенами тверского кремля. Второй каменный храм Твери стал памятником всем христианам-мученикам, павшим от рук иноверцев.

Еще большую опасность, чем мусульманство, представляли для русского православия всевозможные ереси. В 1313 г. митрополит Петр должен был созвать поместный собор для осуждения взглядов новгородского протопопа Вавилы. Уникальное известие об этом соборе (смешанное, впрочем, с сообщением о переяславском соборе 1310 г.) содержится в «Истории Российской» В. Н. Татищева. «Того же лета явися в Новеграде еретик Вавила, протопоп Новгородский, к нему же присташа мнози от причта церковна и мирян, и епископ тверский Андрей помагаше има, глаголя: «Се яко рай на земле погibe»; и святыи ангельский монашеский чин ругаху безбожным и учением бесовским имяноваху. И мнози, от инко изшедше, оженяхуси. Преосвященный же митрополит Петр созва на Переславль собор велий, быша ту вси епископи, игумены, попы, диаконы и чернцы, и от патриарха Афанасия клирок ученый. И многу прению бывшу, и едва преосвященный Петр, митрополит Киевский и всея Руси, от божественного писания и помосчю и заступлением князя Ивана Даниловича преодоле и проклят того еретика; а сам иде по градом, поучая право верити, и укроти молву, а смущение диаволе прогна»¹³.

Интересное предположение высказал Б. А. Рыбаков. Оно касается древнерусского публицистического сборника «Власфимия». В нем под видом «хулы на еретиков» содержится острая критика официальной церкви. По мнению историка, новгородский протопоп Вавила, которого проклял митрополит Петр, «был одним из первых читателей (а может быть, и создателем?) полной, воинствующей Власфимии (1274–1312 гг.)»¹⁴.

¹² Там же; Тверские летописи сообщают лишь о постройке Федоровской церкви: заложена в 6831 и окончена в 6833 г. (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 42; Т. 15. Стб. 414–415).

¹³ Татищев В. Н. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М., 1996. С. 72.

¹⁴ Рыбаков Б. А. Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия. М., 1993. С. 156.

Примечательно, что, согласно Татищеву, Иван Калита уже в 1313 г. помог митрополиту Петру в борьбе с еретиком, имевшим таких влиятельных покровителей, как тверской епископ Андрей.

Весьма сомнительную с точки зрения ортодоксального православия идею о том, что «рай на земле погиге», вслед за Андреем отстаивал и другой тверской владыка — Феодор (1342–1360). В 1347 г. новгородский епископ Василий Калика обличал его за это в своем известном послании «о земном рае».

Среди духовных соблазнов для православных в ту пору не последнее место занимало и несторианство. Эта ересь, основателем которой был константинопольский патриарх Несторий (428–431), подверглась осуждению на Эфесском Вселенском соборе в 431 г. Суть несторианства — в признании преимущественно человеческой природы Христа. Из этого следовало, что дева Мария не может быть названа Богородицей. Осужденное собором и изгнанное из западных провинций Византии, несторианство ушло на Восток и там получило значительное распространение. Среди кочевников Золотой Орды было немало несториан. И хотя прямых сведений о проникновении этой ереси на Русь не имеется — не приходится сомневаться, что митрополит Петр сталкивался с ней.

«Житие Петра» очень лаконично и наивно рассказывает о приезде митрополита в Москву. Святитель много путешествовал, исполняя свой пастырский долг. Он учил слову Божию повсюду, «не токмо по градом, но и вся и везде в странах, и вся места преходя». Однажды в своих странствиях он попал в город, известный только своей «кротостию и смиренни»¹⁵. Это была Москва. Здесь жил князь Иван Данилович, милостивый до святых церквей и до нищих, любивший святые книги, внимавший наставлениям духовенства. И святитель стал жить в Москве.

2. Строительство Успенского собора в московском Кремле

Митрополит советовал Ивану возвести в Москве каменный епископский собор, подобный тем, что украшали все главные города Северо-Восточной Руси. Иван, вероятно, и сам думал об этом, но вечная нехватка средств не позволяла приняться за дело.

Москвичи не имели большого опыта в каменном строительстве. Нет оснований полагать, что еще князь Даниил построил каменный

¹⁵ Седова Р. А. Указ. соч. С. 25. Некоторые исследователи полагают, что Петр стал постоянно жить в Москве с 1322 г. (*Pelenski J. The Origins of the Moscovite Ecclesiastical Claims to the Kievan Inheritance (Early Fourteenth Century to 1458/61) // California Slavic Studies. XVI. Christianity and the Eastern Slavs. 1993. Vol. 1. P. 103–104.*)

храм в Даниловом монастыре¹⁶. Трудно точно атрибутировать остатки каменных фундаментов еще двух храмов, стоявших на Соборной площади московского Кремля¹⁷. Письменные источники ничего не сообщают о них. Свод 1408 г. (в изложении Симеоновской летописи) называет Успенский собор, построенный Иваном Калитой, первой каменной церковью в Москве¹⁸.

Бывая в Москве наездами, митрополиты останавливались на своем подворье, располагавшемся на западной оконечности Боровицкого холма. Там, среди высоких сосен древнего бора, высилась деревянная церковь Рождества Иоанна Предтечи. Рассказывая о ее постройке в камне в 1461 г., летописец замечает: «Глаголют же, яко то пръвваа церковь на Москве, на том месте бор был и церковь та в том лесу срублена была тогда, та же и соборнаа церковь была при Петре митрополите и двор митрополич туто же был, иде же ныне двор князь Иванов Юрьевича»¹⁹.

Таким образом, постройка каменного Успенского собора сопровождалась и переносом митрополичьих покоев на новое место. Все это требовало немалых средств. Однако затраты должны были окупиться теми преимуществами, которые сулила эта акция.

Создатель Пространной редакции «Жития митрополита Петра» митрополит Киприан так передает наставление Петра князю Ивану: «Аще мене, сыну, послушаеши и храм Пресвятое Богородици въздвигнеши в своем граде, и сам прославившиися паче инех князий, и сынове и вьнуци твои в роды, и град сей славен будет в всех градах Русских, и святители поживут в нем, и възьдут «руки его на плеча враг его», и прославится Бог с нем. Еще же и мои кости в нем положени будут»²⁰.

Этот текст Киприанова «Жития митрополита Петра» известен по рукописи конца XIV в., то есть времени самого Киприана, занимавшего митрополичью кафедру в 1377–1406 гг. и жившего в Москве в 1381–1382 и 1390–1406 гг. Митрополит хорошо знал московские летописи и устные предания. Эти познания он использовал и в «Житии митрополита Петра». Избранная им для «пророчества Петра» цитата из Библии весьма примечательна. Она взята из ветхозаветной книги Бытия. Праотец Иаков перед кончиной возвещает своим 12 сыновьям их будущее. Особое процветание он предсказывает четвертому сыну Иуде: «Иудо! тебе похвалят братия твоя, руце твои на плещу враг твоих; поклонятся тебе сынове отца твоего. Скимен львов Иуда, от

¹⁶ См.: *Беляев Л. А.* Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1995. С. 146–148.

¹⁷ См.: *Вагнер Г. К., Шеляпина Н. С.* Фрагменты раннемосковской скульптуры из находок в московском Кремле // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975. М., 1976. С. 148; *Выголов В. П.* Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988. С. 59–64.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 18. С. 89.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949. С. 277.

²⁰ *Седова Р. А.* Указ. соч. С. 83.

леторасли, сыне мой, взошел еси. Возлег, уснул яко лев и яко скимен: кто возбудит его? Не оскудеет князь от Иуды и вождь от чресл его, дондеже приидут отложеная ему, и той чаяние языков» (Быт. 49, 8–9).

При разделе Земли Обетованной колено Иудино получило по жребию первый удел.

Предсказание святителя о том, что и его «кости» будут положены в Москве, также имеет как прямой, так и иносказательный смысл. И если прямой смысл этих слов был очевиден (Петр перед кончиной завещал похоронить себя в стенах московского Успенского собора), то иносказательный открывается лишь через ветхозаветные книги Бытие и Исход. Благочестивый Иосиф, сын Иакова, перед кончиной завещал иудеям вынести его «кости» из Египта и погребсти их в Земле Обетованной. Во время исхода евреев из Египта это повеление Иосифа было исполнено Моисеем (Быт. 50, 25; Исх. 13, 19; Нав. 24, 32). Таким образом, тема «костей» святителя Петра, положенных в Москве, есть иносказательное выражение мысли о том, что Москва — место, избранное Богом, своего рода новая Земля Обетованная.

Идея богоизбранности Москвы и рода Ивана Калиты (четвертого из сыновей Даниила!) принадлежит к древнейшему пласту московской публицистики.

Известие о закладке Успенского собора в Симеоновской летописи (через Троицкую летопись и Свод 1408 г.) восходит к московским летописям XIV столетия (Свод 1389–1392 гг., Свод 1340 г.). Оно отличается большой точностью и вместе с тем — обилием подробностей, выдающих руку позднейших редакторов.

«Того же лета в Госпожино говение, месяца августа в 4, на память святого мученика Елферна, заложена бысть первая церковь камена на Москве на площади, во имя святыя Богородица, честнаго ея Успения, пресвященным Петром митрополитом и благоверным князем Иваном Даниловичем. Пресвященный же Петр митрополит създа себе своима рукама гроб камен в стене, идеже последи положен бысть, еже и ныне лежить»²¹. Это же сообщение в несколько отредактированном виде находится и в Воскресенской летописи, где к нему есть небольшое добавление: Петр устроил себе гроб «близ святаго жрътовника во стене»²². Данное дополнение, как, впрочем, и тема совместной работы князя Ивана и митрополита над созданием Успенского собора, восходит ко второй, киприановской редакции «Жития митрополита Петра», существовавшей еще в период создания Свода 1408 г.²³

В Никоновской летописи дан тот же текст, хотя и несколько отредактированный. Есть новая подробность: митрополит заложил храм «на площади у своего двора»²⁴. Очевидно, это позднейший анахронизм:

²¹ ПСРЛ. Т. 18. С. 89–90.

²² ПСРЛ. Т. 7. Воскресенская летопись. Спб., 1856. С. 200.

²³ См.: Седова Р. А. Указ. соч. С. 83.

²⁴ ПСРЛ. Т. 10. С. 190.

переносить митрополичий двор было уместно лишь после завершения строительства кафедрального собора. Примечательной особенностью варианта Никоновской является некоторое умаление роли Ивана Калиты в закладке собора — «...при князе Иване Даниловиче».

В приведенном выше сообщении Симеоновской летописи о закладке храма многое следует отнести к позднейшим украшениям лапидарного изначального известия. По-видимому, не ранее конца XIV — начала XV в. появилось указание на «Госпожино говение». Успенский пост утвердился в обиходе русской церкви не ранее второй половины XIV в.²⁵

Указание на память «святого мученика Елфериа» уводит нас в сложнейшую проблематику древнерусского месяцеслова. В русских и греческих месяцесловах XIII–XIV вв. существует множество разночтений. Есть немало месяцесловов, где под 4 августа находится память св. Елевферия²⁶. Однако трудно поверить, что святитель Петр сознательно приурочил закладку собора ко дню памяти этого ничем не примечательного для русских людей той эпохи византийского святого. В некоторых месяцесловах XIII–XIV вв., особенно тех, которые связаны с Иерусалимским богослужебным уставом, сменившим Студийский устав в XIII–XIV вв., 4 августа — день памяти «семи спящих отроков эфесских»²⁷. Эта память весьма многозначительна по своему историко-церковному содержанию²⁸. Однако во времена митрополита Петра она еще

²⁵ См.: Смирнов С. Как говели в Древней Руси? // Прибавление к «Церковным ведомостям». 1901. № 8. С. 268–269.

²⁶ См.: Сергей (Спаский). Полный месяцеслов Востока. Т. 2. Святой Восток. Ч. 1. М., 1997. С. 236.

²⁷ Там же. С. 235; Сергей (Спаский). Полный месяцеслов Востока. Т. 1. Восточная агниология. М., 1997. С. 445, 455.

²⁸ «Семь отроков» — христианские юноши из Эфеса, замурованные в пещере по приказу императора-язычника Декия. Спустя более 170 лет вход в пещеру был случайно открыт и на глазах у всех собравшихся людей совершилось чудо: юноши ожили, как бы очнувшись от многолетнего сна. Это чудо предзнаменовало всеобщее воскресение из мертвых на Страшном Суде. Легенда о семи отроках пользовалась особой популярностью на Руси в XII–XIV вв. О них упоминает в своем «Хождении» в Святую Землю русский игумен Даниил (начало XII в.). Посетив Эфес, он записал в своей книге: «И ту есть пещера, иде же лежат тела 7-ми отрок, иже спали 300 и 60 лет; при Декии цари успоша, а при Феодосии цари явишася» (Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 28). Их изображение встречается в росписи жертвенника Благовещенской церкви Аркажского монастыря близ Новгорода (конец XII в.). Композиция «Семь спящих отроков», вписанная в круг, занимает видное место в резных декорациях Георгиевского собора в Юрьеве Польском. Здесь она обозначала прежде всего духовное единение, а также могущественную «охранительную силу божества» (Вагнер Г. К. Легенда о семи спящих эфесских отроках и ее отражение во владимиро-суздальском искусстве // Византийский временник. Т. 23. М., 1963. С. 96). Наряду с такими популярными во владимиро-суздальской пластике композициями, как «Три отрока в пещи огненной» и «Даниил во рву львином», тема «Семи отроков эфесских» наполнилась новым звучанием в период ордынского ига. Они символизировали «твердость духа, стойкость в сопротивлении деспотической воле, то есть в конце концов идею героического по-

не была жестко приурочена к 4 августа. Этот праздник встречается в месяцесловах того времени и под 2 августа²⁹. Есть он и под 7 августа³⁰. Можно предположить, что митрополит Петр сознательно приурочил закладку собора ко дню памяти «семи спящих отроков», которую он отнес к 4 августа. Однако доказать это со всей полнотой не представляется возможным.

Московские летописи первой трети XVI в. рассматривают основание Успенского собора ретроспективно, с приетом по отношению к его святыням. Однако необходимо выяснить, как читалось это известие в ранних московских источниках. В выписках Н. М. Карамзина из Троицкой летописи данное событие никак не фигурирует. Очевидно, это известие в Троицкой летописи отличалось лапидарностью и потому не привлекло внимания историка. Однако в самом тексте «Истории Государства Российского» Карамзин излагает событие в подробностях. «Иоанн исполнил желание старца и в 1326 году, 4 августа, заложил в Москве на площади первую церковь каменную во имя Успения Богоматери, при великом стечении народа. Святой митрополит, собственными руками построив себе каменный гроб в ее стене, зимою преставился; над прахом его в следующем году освятил сию церковь епископ ростовский»³¹ (курсив Н. М. Карамзина. — Н. Б.). Текст Карамзина очень близок к сообщению Симеоновской летописи. Однако этот памятник не был известен историку. Между тем, Симеоновская в интересующем нас пространстве «имеет почти тождественный Троицкий текст»³².

И все же текст Троицкой (Симеоновской) о закладке Успенского собора, разумеется, не является первоначальным. На это указывает уже само его окончание — «...еже и ныне лежить». Ближе к оригиналу вариант Рогожского летописца — тверской обработки Свода 1408 г.,

двига» (Там же. С. 99). Существует и определенная теологическая связь между культом семи отроков и прославлением Божьей Матери. Защитный характер культа семи отроков наглядно отразился в мелкой пластике. Нагрудные иконки с их изображением в сочетании с центральными образами русского православия — Богоматерью, Николой, Спасом — были особенно популярны на Руси именно в XIII–XIV вв. Есть основания полагать, что композиция «Семь спящих отроков» присутствовала в росписи первого московского Успенского собора или же пристроенного к нему Петроверигского придела. Спящих отроков встречаем и в росписи Благовещенского собора московского Кремля (1508), которая представляла собой своего рода «лицевой свод» московских святынь XIV–XV вв. (см.: *Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков.* М., 1986. С. 55).

²⁹ См.: *Сергий (Спасский).* Полный месяцеслов Востока. Т. 2. Святой Восток. Ч. 1. С. 234.

³⁰ Там же. С. 239.

³¹ *Карамзин Н. М. История Государства Российского.* Т. 1–4. Калуга. 1995. С. 502–503.

³² *Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси XIII–XV века.* М., 1983. С. 23.

обогащенной привлечением дополнительных источников. Под 6834 г. он содержит лаконичное известие: «Того же лета заложиша на Москве Успение Святыя Богородица»³³. Сходное чтение находим и в Суздальской летописи по Академическому списку: «Того же лета (6834) заложена бысть церковь святая Богородица на Москве августа 4»³⁴. Возможно, именно ростовская традиция, отраженная в этой летописи, сохранила дату закладки Успенского собора и довела ее до первых собственно московских летописных сводов (Свод 1340 г., Свод 1389–1392 гг.). Известна близость ростовского епископа Прохора к митрополиту Петру, а также его личное участие в освящении Успенского собора в 1327 г.

К истокам московского летописания восходят и некоторые известия Владимирского летописца. Его трактовка основания Успенского собора достаточно своеобразна. «Того же лета Петр митрополит заложи церковь камени на Москве Успение святей Богородици при князи Иване Данильевиче месяца августа 4 день, и гроб себе в ней заложи, в нем же и положены честныя его мощи»³⁵. Такое же истолкование роли Петра в постройке храма находим и в Софийской 1 летописи: «Того же лета заложена бысть церкви камени святая Богородица на Москве митрополитом Петром»³⁶.

Источник такой трактовки находим в Синодальном списке Новгородской 1 летописи (первая половина XIV в.), где под 6834 мартовским годом читается следующий текст: «Тои же зимы преставися митрополит Петр всея Руси на Москве, и положиша и в церкви святыя Богородица, юже сам начал здати камени; молитвами его у гроба его створи Бог чудеса»³⁷. Известно, что как Софийская 1 летопись, так и Владимирский летописец связаны с новгородской летописной традицией. Отсюда же (возможно, через промежуточные памятники) эта трактовка попала и в Никоновскую летопись.

Составитель Новгородской 1 летописи рассматривал постройку каменной Успенской церкви в Москве не как самостоятельное и

³³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 42; Т. 15. Стб. 415. По-видимому, точной даты не было и в тверском летописном своде — протографе Рогожского летописца и Тверского сборника. На это указывает сообщение о закладке Успенского собора в рукописи XVII в. из Музейского собрания (ГИМ. Музейское собр. № 1473): «Того же лета заложена бысть на Москве церковь святая Богородицы Успения» (Насонов А. Н. О тверском летописном материале... С. 37). Составитель этой рукописи пользовался протографом Рогожского летописца и Тверского сборника и при этом был очень внимателен к точным датам. Видно, даты закладки Успенского собора не было и в оригинале тверского свода.

³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Л., 1928. Стб. 530.

³⁵ ПСРЛ. Т. 5. Спб., 1851. С. 217; Т. 30. М., 1965. С. 104.

³⁶ ПСРЛ. Т. 5. С. 217; Т. 39. М., 1994. С. 105. Тот же текст, но без окончания «Петром митрополитом» в Новгородской 4 летописи (ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. Пг., 1915. С. 260).

³⁷ НЛ. С. 97–98.

достойное внимания событие, а как одну из составляющих другого, более важного события общерусского значения — кончины митрополита Петра и чудес у его гроба. Он отметил факт участия митрополита в создании каменной церкви, так как привык отмечать аналогичные акции новгородских владык. Сама же информация и об участии митрополита в строительстве своей будущей усыпальницы, и о посмертных чудесах Петра была заимствована составителем Синодального списка Новгородской 1 летописи, очевидно, из Первоначальной редакции «Жития митрополита Петра», подготовленной в 1327 г. и рассмотренной иерархами на Владимирском соборе. Там было принято решение о местном почитании Петра как святого. В этой связи список его жития был отправлен и в Новгород. Для новгородского летописца было существенно, конечно, лишь то, что митрополит Петр — первый общерусский святой «татарского периода», чья святость не приправлена местным патриотизмом той или иной княжеской династии. Что касается его связи с Москвой, — то составитель Синодального списка Новгородской 1 летописи решительно отбросил всю информацию на сей счет, содержащуюся в «Житии митрополита Петра».

Таким образом, ранние источники содержат две версии постройки Успенского собора в московском Кремле. Согласно первой (Симеоновская — Троицкая летописи) это было совместное начинание митрополита и его смиренного духовного сына князя Ивана; согласно второй (Синодальный список Новгородской 1 летописи) Петр действовал самостоятельно и по собственной инициативе, создавая себе каменную усыпальницу в Москве. Первая версия сильно напоминает о политических взглядах митрополита Киприана и может быть продуктом литературной деятельности его окружения; вторая, возможно, отражает неприязнь, которую испытывали новгородцы к Ивану Калите и Семену Гордому в 30-е и 40-е годы XIV в.

Летописи противоречиво характеризуют роль князя Ивана в строительстве собора. Не менее противоречива информация о времени его сооружения. Впрочем, месяц и число (4 августа) не вызывают особых разночтений. Однако год в разных летописях указан по-разному. Принятая ныне в литературе дата начала строительства (1326 г.) опирается на свидетельство ряда летописей, восходящих к Своду 1408 г.³⁸ Однако уже свидетельство Синодального списка Новгородской 1 летописи выглядит достаточно противоречиво: под 6834 мартовским годом сообщается о кончине митрополита и в связи с этим — об основании им «церкви святых Богородица» (без точной даты). Иная традиция представлена Владимирским летописцем, который отразил глубинные пласты московского и новгородского летописания. Здесь сообщение о закладке Успенского собора дано под 6833 г. и при этом —

³⁸ ПСРЛ. Т. 18. С. 89–90; Т. 15. Вып. 1. Стб. 42.

в изложении, отличном от традиции Свода 1408 г.³⁹ Под тем же 6833 г. помещено известие о закладке собора и в Никоновской летописи⁴⁰.

Данное противоречие по-разному трактовалось исследователями. И. Е. Забелин в «Истории города Москвы» называет датой закладки Успенского собора 4 августа 1326 г., но при этом в примечании замечает: «Принимаем этот год, хотя сомневаемся в его достоверности»⁴¹. Митрополит Макарий (Булгаков) называл временем закладки собора 1324 г.⁴² А. Е. Пресняков однозначно относил ее к 1325 г.⁴³

Источники не позволяют окончательно решить вопрос о годе закладки Успенского собора. Однако заметим, что раннюю дату (1325 г.) косвенно подтверждают и календарные наблюдения. 4 августа 1326 г. — понедельник. Этот день недели в XIV–XV вв. обычно не избирался для такого рода торжественных актов⁴⁴. Никакого большого праздника — выходного дня для горожан — в этот день не было. Между тем, 4 августа 1325 г. было воскресенье — обычный день для церемоний по закладке храмов.

По-видимому, новгородские летописи наиболее близки к истине: митрополит по существу выступил заказчиком Успенского собора в Москве. Сведения Первоначальной редакции «Жития митрополита Петра» о тех суммах, которые святитель перед кончиной передал московскому тысяцкому Протасию, слишком конкретны, чтобы быть чистым вымыслом. Однако вопрос заключается в другом. Какие мотивы руководили Петром в его заботе о постройке Успенского собора и устройстве в нем своей гробницы? Очевидно, что этой акцией он хотел превратить Москву в постоянную резиденцию митрополита Киевского и всея Руси. Однако было бы наивно приписывать это намерение лишь расположению святителя к благочестивому князю Ивану. Не исключая полностью личного момента, заметим однако, что Петр был прежде всего человеком Церкви, единомышленником сурового аскета патриарха Афанасия. Он заботился о сохранении единства Русской митрополии и в этой связи должен был так или иначе решить вопрос о ее новой столице.

Решение митрополита Максима о переносе кафедры из разграбленного татарами Киева во Владимир-на-Клязьме было не вполне

³⁹ ПСРЛ. Т. 30. С. 104. Согласно этому известию, собор заложил митрополит Петр «при князи Иване Данильевиче».

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 10. С. 190.

⁴¹ Забелин И. Е. История города Москвы. М., 1990. С. 70.

⁴² См.: Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. 3. М., 1995. С. 143.

⁴³ См.: Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 136.

⁴⁴ См.: Борисов Н. С. К изучению датированных летописных известий XIV–XV веков // История СССР. 1983. № 4. С. 130–131. О том, как относился к этому календарному фактору Иван Калита, свидетельствуют даты закладки построенных им храмов: воскресенье, 21 мая 1329 г. (церковь Иоанна Лествичника); воскресенье, 13 августа 1329 г. (придел Спавения вериг при Успенском соборе); четверг, 10 мая 1330 г. (собор Спасского монастыря).

удачным: Владимир сам в ту пору недалеко ушел от Киева по части благополучия и безопасности⁴⁵. К тому же географически Владимир находился слишком далеко от Юго-Западной Руси. Тверь как центр митрополии отталкивала Петра не только по политическим мотивам, но и в силу ее удаленности от Киева, отсутствия удобных путей туда. Из прочих претендентов речь могла идти только о Москве или Брянске. В Брянске, как можно понять из статьи 6808 г. в Лаврентьевской летописи, останавливался и митрополит Максим во время своего бегства из Киева во Владимир. Однако и Брянск, очевидно, был слишком беспокойным местом. (В этом Петр лично убедился весной 1310 г.)

Несомненно, митрополит должен был принять очень ответственное решение. Он до последней возможности медлил с его принятием. Святитель понимал, что однозначная ставка на один из городов вызовет недовольство всех остальных и может привести к новым смутам и даже расколу митрополии. Наконец, он понял, что медлить более нельзя: жить ему оставалось совсем недолго. И тогда митрополит явно для всех определил свое решение, начав на свои средства строительство Успенского собора в Москве и обозначив в нем место для своей гробницы.

Решение Петра, явленное в столь выразительной форме, стало несомненно большим политическим успехом московских князей. Однако речь шла не о «союзе» Москвы с митрополичьей кафедрой и тем более не о «содействии» митрополита политическим усилиям Давиловичей. Речь шла лишь об избрании митрополитом Киевским и всея Руси наиболее удобного места для своей постоянной резиденции. Расположение Москвы на границе двух политических и историко-культурных миров — Киево-Черниговского и Ростово-Суздальского — стало важнейшей предпосылкой выбора Петра, а политическое благообразие Давиловичей окончательно склонило чашу весов.

С этой точки зрения следует рассматривать историю строительства Успенского собора в московском Кремле.

Дата кончины митрополита Петра, тесно связанная с датой закладки собора, также является спорной. Большинство исследователей вслед за Н. М. Карамзиным указывали на 20 или 21 декабря 1326 г.⁴⁶ Однако А. Е. Пресняков называл 1325 г.⁴⁷ В этой связи следует обратить пристальное внимание на соответствующие фрагменты Симеоновской летописи, сообщения которой, судя по тексту «Истории» Карамзина,

⁴⁵ *Ostrowski D. Why did the Metropolitan Move from Kiev to Vladimir in the Thirteenth Century? // California Slavic Studies. XVI. Christianity and the Eastern Slavs. 1993. Vol. 1. P. 93–95.*

⁴⁶ См.: *Седова Р. А.* Указ. соч. С. 19–20.

⁴⁷ См.: *Пресняков А. Е.* Указ. соч. С. 136. Датировку А. Е. Преснякова косвенно поддержал И. У. Будовниц, относивший гибель Юрия в Орде к 1324 г. (см.: *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М., 1960. С. 377).

весьма близки пергаменной Троицкой летописи, в свою очередь близкой к Своду 1408 г. Прежде всего бросается в глаза хронологическая сбивчивость и эклектичность текста Симеоновской летописи в изложении событий 1320-х годов. Так, в статье 6829 г. неверно указана дата солнечного затмения («июня в 20 день» вместо 26 июня). В той же статье известие о поездке князя Юрия Даниловича в Новгород, а оттуда в Орду, дано в виде экстракта из трех годовых статей Новгородской 1 летописи (6830–6832), на основании которых сделано и вычисление — «и в Орду пошел на четвертое лето». В статье 6830 г. известие об Ахмыловой рати отражает тверскую обработку этого события, которая в свою очередь восходит к Синодальному списку Новгородской 1 летописи. Статья 6831 г. вместила в себя тверские известия 6831 и 6833 гг. Статья 6832 г. содержит новгородские известия 6830–6832 гг. Статья 6833 г. освещает московско-тверские распри в период с лета или осени 1324 г. (отъезд Дмитрия Тверского в Орду; датировка обоснована ниже) до февраля 6833 мартовского года (похороны Юрия Даниловича в Москве по хронологии Новгородской 1 летописи). Наконец, наиболее важная для нас статья 6834 г. кроме сообщения о рождении у Ивана Калиты сына Ивана 30 марта и казни в Орде Дмитрия Тверского содержит два известия церковного характера — о закладке Успенского собора и о кончине митрополита Петра.

Учитывая показанную выше хронологическую сбивчивость Симеоновской (Троицкой? Свода 1408 г.?) летописи в сообщениях данного периода, следует осторожно относиться и к датировке сообщений статьи 6834 г. Ниже мы попытаемся осуществить проверку достоверности датировки Симеоновской (Троицкой) летописи на основании различных косвенных свидетельств.

Во-первых, отметим, что не следует упускать из виду сообщение первоначальной редакции «Жития митрополита Петра» о том, что князь Иван в момент его кончины отсутствовал в Москве и вернулся лишь к похоронам⁴⁸. Никоновская летопись под 6834 г. перед сообщением о кончине Петра помещает известие: «Того же лета прииде из Орды князь велики Иван Данилович Московский»⁴⁹. Годом ранее та же летопись сообщает об отъезде Ивана Даниловича в Орду. Несомненно, эта поездка и была причиной отсутствия князя в Москве в последние дни жизни святителя.

Никоновская летопись не указывает даты отъезда Калиты в Орду и даты его возвращения. Последнюю можно назвать на основе «Жития митрополита Петра» — конец декабря. Какого года — вопрос спорный. Некоторым хронологическим ориентиром могут послужить известия летописей о рождении у Ивана Даниловича сына Ивана 30 марта 1326 г.⁵⁰ Эта дата подтверждается прозвищем князя — Иван Красный. Оно

⁴⁸ См.: Седова Р. А. Указ. соч. С. 25–26.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 10. С. 190.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 18. С. 89.

объяснялось тем, что день его рождения в 1326 г. совпал с первым воскресеньем после Пасхи — «Красной горкой»⁵¹. Следующий сын Калиты, Андрей, родился 4 июля 1327 г.⁵² Из этих бесспорных дат следует, что князь Иван Данилович был в Москве в июне — июле 1325 г. и сентябре — октябре 1326 г. Своих жен русские князья в Орду не брали⁵³.

Для правильной ориентации во времени уместно вспомнить, что Михаил Тверской летом 1318 г. доехал из Владимира до ханской ставки в устье Дона за месяц, передвигаясь «вборзе» и, очевидно, на судах по Дону. Тело убитого в Орде Юрия Московского везли в Москву по зимнему пути около двух с половиной месяцев. Если вести расчет исходя из ситуации 1326 г., следует принять во внимание и то, что князь Иван должен был ехать в Орду осенью, когда ненастье замедляло всякое передвижение. В итоге, приняв дату кончины митрополита Петра как 20 декабря 1326 г., мы должны допустить, что князь Иван сумел буквально «слетать» в Орду в период с середины октября по 20 декабря. А между тем в Орде немалое время должно было уйти на различные ритуальные визиты, подготовку к тязбе и само состязание с Александром Тверским за великое княжение Владимирское. Все эти соображения заставляют отказаться от декабря 1326 г. как даты смерти митрополита Петра.

Более вероятным является следующий порядок событий. Закладка Успенского собора и кончина митрополита Петра относятся соответственно к августу и декабрю 1325 г. Иначе говоря, собор был заложен в 6833 мартовском и 6833 сентябрьском году. Святитель скончался в 6833 мартовском и 6834 сентябрьском году⁵⁴. Осенью 1325 г. князь Иван Данилович был в Орде в связи с той тязбой за великое княжение Владимирское, которая началась после казни Дмитрия Тверского 15 сентября этого года. Вероятно, Иван Калита и Александр Тверской были вызваны в Орду еще летом 1325 г., чтобы присутствовать на суде и казни и сделать соответствующие выводы. После гибели Дмитрия Тверского спор за великое княжение Владимирское продолжался полтора — два месяца. Хан предпочел отдать ярлык Александру Михайловичу. Сразу после этого Иван поспешил обратно в Москву, выехав из Орды где-то в ноябре 1325 г. Через месяц он был уже дома. Однако митрополит скончался за день до его приезда. Закладка Успенского

⁵¹ Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. М., 1993. С. 649. Прим. 3.

⁵² ПСРЛ. Т. 18. С. 90.

⁵³ Единственный известный по летописям случай «семейной» поездки в Орду имел место в 1295 г., когда князь Андрей Городецкий «иде в Орду и с княгиней» (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 528). Примечательно, что летопись отмечает это обстоятельство как нечто необычное.

⁵⁴ Возможно, именно неудачный перевод мартовских лет в сентябрьские и послужил причиной смещения ряда дат, связанных с митрополитом Петром, на один год вперед.

собора состоялась в отсутствие Калиты, по инициативе и на средства митрополита Петра, что и зафиксировали некоторые летописи⁵⁵. В этой самостоятельности святителя был заложен особый смысл: при таком раскладе никто не мог обвинить Ивана Калиту в том, что у него водятся лишние деньги. Обвинений же в свой адрес святитель не боялся хотя бы потому, что стоял уже на пороге вечности.

Существенным опровержением предложенной выше хронологической схемы может показаться известие Синодального списка Новгородской 1 летописи. Под 6833 мартовским годом она сообщает о том, что в первую субботу Великого поста митрополит Петр участвовал в погребении привезенного из Орды тела Юрия Даниловича. При безусловном восприятии этого свидетельства приходится признать, что в феврале 1326 г. (в конце 6833 мартовского года) митрополит был не только еще жив, но и достаточно здоров для подобных церемоний. Однако некоторые дополнительные сведения заставляют усомниться в таком решении вопроса. Согласно летописной статье «А се архиепископи», предшествующей Комиссионному списку Новгородской 1 летописи, Давид был владыкой 17 лет⁵⁶. Он сменил ушедшего на покой в 1307 г. архиепископа Феоктиста. Таким образом, его правление закончилось 5 февраля 1324 г. Преемник Давида Моисей, согласно той же статье, был владыкой пять лет. О его уходе с кафедры Новгородская 1 летопись сообщает под 6838 г. (март 1330 — февраль 1331 гг.), причем из контекста статьи ясно, что произошло это в начале года⁵⁷. Стало быть, поставление Моисея относится к началу 1325 г. Это подтверждает наше предположение о том, что Моисей хиротонисан митрополитом Петром в начале 1325 г., а не в начале 1326 г.⁵⁸ Но если

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 30. С. 104.

⁵⁶ НЛ. С. 474. Неожиданное подтверждение тому, что Моисей был поставлен на кафедру митрополитом Петром в начале 1325 г., находим в «Записках касательно Российской истории» императрицы Екатерины II. Здесь сообщение о возвращении владыки в Новгород дано с точной датой: «В 1326 году марта 26 дня на вербной неделе, во вторник, прииде в Новгород архиепископ Моисей, поставлен Петром митрополитом» (Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. Спб., 1906. С. 92). Очевидно, что создатель «Записок» не выдумывал точных дат, а черпал их в своих источниках. (В данном случае это мог быть какой-то источник новгородского происхождения, так как Никоновская летопись, оригинальным списком которой щедро пользовалась императрица, излагает весь сюжет о поездке Моисея в Москву совершенно иначе.) Приведенная в «Записках» уникальная дата соответствует не 1326, а именно 1325 г., когда вторник Вербной недели приходился на 26 марта.

⁵⁷ НЛ. С. 99, 474; Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. М., 1991. С. 153.

⁵⁸ Г. М. Прохоров называет дату поставления митрополитом Петром архиепископа Моисея — «весной 1325 г.». Год назван правильно. Однако исследователь не обратил внимания на то, что «первая суббота Великого поста», когда Моисей уже в сане архиепископа участвовал в погребении князя Юрия в Москве, в 1325 г. приходилась на 23 февраля, то есть на зиму (НЛ. С. 97; Прохоров Г. М. Петр // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 327).

это так, то и весь ряд событий (убийство Юрия Даниловича, казнь Дмитрия Тверского, погребение Юрия Даниловича в Москве, участником которого оказался приехавший на хиротонию к митрополиту Моисей) выстраивается соответственно нашему предположению, то есть на год ранее общепринятых дат.

Для проверки нашего предположения обратимся к статьям 6831, 6832, 6833 и 6834 гг. Синодального списка Новгородской 1 летописи — древнейшего из имеющихся в нашем распоряжении источников по данному периоду. Внимательное изучение этих статей позволяет заметить ряд хронологических нюансов.

Под 6831 г. (март 1323 — февраль 1324 г.) сообщается о вечном мире, заключенном Юрием Даниловичем со шведами на Ореховом острове. Это произошло в пятницу, 12 августа 1323 г. Дата не вызывает сомнений³⁹. Далее следуют сообщения о войне новгородцев с Литвой и о нападении устюжан на новгородцев. Точных дат этих событий источники не содержат.

Под 6832 г. (март 1324 — февраль 1325 г.) сообщается о походе новгородцев во главе с Юрием Даниловичем на Устюг, победе над «князьями устюжскими» и благополучном возвращении домой. В конце этого сообщения указано, что князь Юрий Данилович «поиде въ Орду из Заволочья по Каме реце». Очевидно, что это сообщение фиксирует момент окончания похода и летописец записывает данное сообщение на основе рассказа участников войны. Поход имел место зимой 1323/24 г., а вернулись домой новгородцы уже весной 1324 г., то есть в начале 6832 мартовского года. Очевидно и то, что Юрий пошел из Устюга вверх по Вычегде, затем через волок на Каму и, наконец, — вниз по Каме весной 1324 г., по большой воде. Скорее всего, он передвигался на судах, построенных побежденными им устюжанами. Летом 1324 г. Юрий был уже в Орде.

Под тем же 6832 г. помещено известие о кончине новгородского архиепископа Давида 5 февраля. Если рассуждать буквально, его следует отнести к февралю 1325 г. Однако легко заметить, что оно является лишь началом рассказа об избрании нового владыки Моисея, которое произошло уже весной 1324 г., то есть в 6832 мартовском году. Таким образом, оба основных известия 6832 г. (поход на Устюг, смена владык) — длительные акции, начало которых относится к 6831 мартовскому году, а завершение — к 6832 г. В таких случаях новгородский летописец датировал весь сюжет по его конечной стадии, завершающему всю историю эпизода. (Примером такой запоздалой датировки может служить статья 6827 г., содержащая краткую историю о гибели Михаила Тверского в Орде, возвращении Юрия на великое княжение, о приезде в Новгород его брата Афанасия.) Однако, поместив

³⁹ См.: Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987. С. 96.

известие о кончине архиепископа Давида под 6832 г. (5 февраля), летописец тем самым поставил себя (или своего продолжателя, редактора) перед необходимостью во избежание явной несуразницы перенести известие о поставлении Моисея в Москве митрополитом с февраля того же 6832 мартовского года (то есть февраля 1325 г.) на февраль следующего, 6833 мартовского года (то есть февраль 1326 г.), а сообщение о возвращении Моисея в Новгород отнести к марту 6834 г. (март 1326 г.). В свою очередь, этот порядок церковных событий заставил отнести к 6834 г. и сообщение о кончине митрополита Петра, так как было очевидно, что святитель умер уже после хиротонии Моисея и его возвращения в Новгород.

Статья 6833 г. (март 1325 — февраль 1326 г.) начинается сообщением о приезде из Орды князя Александра Михайловича Тверского с ордынскими кредиторами, от которых «много бысть тяготы на Низовьской земли». Это сообщение не относится к смещенному на год ряду церковных известий и потому имеет верную датировку. Она подтверждает наше хронологическое построение. Если Юрий Московский (как мы полагаем) был убит Дмитрием Тверским в ноябре 1324 г., а сам Дмитрий Михайлович был казнен в сентябре 1325 г., то Александр Тверской мог вернуться на Русь с ярлыком на великое княжение, а также с «должниками» в конце 1325 — начале 1326 г., то есть именно в 6833 мартовском году. Если же (как принято считать в литературе) все произошло на год позже, данное сообщение не может находиться под 6833 г.

В этой связи уместно привести и соответствующий фрагмент Тверского летописного свода (ГИМ. Музейское собр., № 1473). Здесь в статье «В лета 6834» собраны различные известия, относящиеся к 1322–1327 гг. Однако их последовательность в целом соответствует порядку сообщений Рогожского летописца и Тверского сборника. Рассказав о возвращении Александра Тверского из Орды на великое княжение, составитель Рогожского летописца переходит к теме тверского восстания 1327 г. с помощью следующей фразы: «Потом, за мало днии, за умножение грех ради наших Богу попустившу диаволу възложити злаа в сердца безбожным татаром...»⁶⁰. Та же фраза и в Тверском сборнике⁶¹. Несколько иначе читается в рукописи № 1473 Музейского собрания: «По том, летом малом минувшим, за умножение грех ради наших, Богу попустившу, диаволу вложившу злаа в сердца беззаконным татаром...»⁶².

Чтение Рогожского летописца «потом, за мало днии» выглядит весьма странным в ряду предшествующих и последующих сообщений, где интервалы времени измеряются месяцами и годами. Зато вполне естественно звучит здесь выражение «по том, летом малом минувшим...».

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 42.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 415.

⁶² Насонов А. Н. Указ. соч. С. 37.

Несомненно, оно-то и читалось в общем протографе тверских известий Рогожского летописца, Тверского сборника и рукописи Музейского собрания ГИМ. Однако данное выражение можно понимать только так, что между возвращением Александра Тверского из Орды на великое княжение и приходом в Тверь Шевкала прошел год или два. Это вполне соответствует действительности, если датировать возвращение тверского князя 6833 мартовским годом (то есть зимой 1325/26 г.). Приход в Тверь Шевкала следует отнести к весне — лету 1327 г., то есть 6835 мартовскому году.

Для объяснения хронологических недоумений может быть использовано следующее предположение. Мартовский 6834 г., то есть период от 1 марта 1326 по 28 февраля 1327 г., был на редкость беден событиями, достойными внимания тверского летописца. С его точки зрения, он был «пустой». Действительно, главный источник возможных беспокойств — князь Александр Тверской был поглощен проблемой долгов и вел себя настолько миролюбиво по отношению к Москве, что даже допустил местную канонизацию московского святителя Петра на Владимирском соборе в начале 1327 г.⁶³

Через этот хронологический «провал» и был перекинут мостик в виде фразы «по том, летом малом минувшим» в протографе тверского свода, лежащего в основе Рогожского летописца, Тверского сборника и рукописи Музейского собрания, № 1473. Однако позднее, при использовании в Твери общерусского свода 1408 г., из его статьи 6834 г. было взято «заполнение» для пустой статьи 6834 мартовского года: сообщение о закладке Успенского собора и о казни Дмитрия Тверского. Последнее читается в Рогожском летописце почти точно так, как оно читалось в Троицкой летописи, причем заметны следы сокращения (отсутствует указание на осень)⁶⁴. Известие о казни Дмитрия Тверского потянуло за собой в эту годовую статью и сообщение о возвращении Александра Тверского из Орды на великое княжение — надо думать, из статьи предыдущего, 6833 г. Так сложилась статья 6834 г. Рогожского летописца.

Вернемся, однако, к годовым статьям Синодального списка Новгородской 1 летописи, рассмотрение которых мы довели до 6832 г.

Далее в статье 6833 г. находим сообщение о поездке нареченного владыки Моисея на поставление к митрополиту в Москву и о его участии в погребении тела Юрия Даниловича, привезенного из Орды. Последнее произошло «в субботу 1 поста». Учитывая то, что владыка Моисей был избран новгородцами весной 1324 г. и после этого еще немалый срок пробыл на владычном дворе, ожидая, «дондеже позоветь его митрополит», его визит в Москву можно без колебаний отнести к началу 1325 г. Первая суббота Великого поста — 23 февраля 1325 г.

⁶³ См.: Седова Р. А. Указ. соч. С. 20.

⁶⁴ См.: Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 358.

Хиротония Моисея состоялась, вероятно, неделей ранее — в «прошеное воскресенье», 17 февраля 1325 г. (В этот день церковь вспоминала великомученика Феодора Тирона, почитание которого в Новгороде во время правления владыки Моисея засвидетельствовано изображением его подвигов на Людогощинском кресте 1359 г.)

В статье 6834 г. Синодального списка Новгородской 1 летописи находим две группы известий: собственно новгородские (о возвращении владыки Моисея, о пожаре в городе и о приходе литовских послов) и «низовские» (о казни Дмитрия Тверского в Орде и о кончине митрополита Петра). Прежде чем комментировать эти сообщения, необходимо напомнить убедительное построение А. А. Шахматова относительно данного источника. По мнению ученого, Синодальный список — лишь копия середины XIV в. с более раннего оригинала. «Оригинал Синодального списка составлен около 1330 г. на основании трех источников: летописи церкви Иакова, Софийского владычного свода и Владимирского полихрона начала XIV в. Синодальный список передает свой оригинал довольно точно, но допустил, как увидим, и некоторые сокращения»⁶⁵.

Одним из источников, которым пользовался создатель оригинала Синодального списка, по-видимому, была первоначальная редакция «Жития митрополита Петра», представленная на Владимирском соборе в начале 1327 г. Именно оттуда пришло известие о трех больных, исцелившихся у гробницы митрополита⁶⁶. Это известие в более полном виде читается в Комиссионном списке и более кратко — в Синодальном⁶⁷. По-видимому, в том списке жития, который был прислан в Новгород после Владимирского собора, имелась и дата кончины святителя. Поскольку материалы канонизации Петра предполагалось представить для утверждения в Константинополь, в житии был использован более привычный для византийцев сентябрьский календарный стиль. По этому стилю кончину Петра следовало отнести к 6834 г. (с 1 сентября 1325 по 31 августа 1326 г.). Не вникая в тонкости хронологии, составитель оригинала Синодального списка поместил сообщение о кончине святителя в статью 6834 мартовского года. Этого требовала и смещенная на год вперед начиная с 6832 г. последовательность церковных событий.

Что касается известия о казни Дмитрия Тверского, то оно попало в статью 6834 г. «поневоле», так как находилось в одной связке с сообщением о кончине митрополита Петра и предшествовало ему. Кроме того, данное сообщение как бы завершает рассказ статьи 6833 г. об убийстве Юрия Даниловича Дмитрием Тверским с его заключительной сентенцией: «...еже бо сееть человек, тоже и пожнеть». «Жатва» для Дмитрия Тверского состоялась через год после «сева»...

⁶⁵ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 131.

⁶⁶ См.: Седова Р. А. Указ. соч. С. 26.

⁶⁷ НЛ. С. 98, 341.

Из предложенных выше наблюдений выстраивается следующая цепь событий 1324–1326 гг. Князь Юрий Данилович был убит в Орде Дмитрием Тверским 21 ноября 1324 г. На его погребении в Москве 23 февраля 1325 г. помимо новгородского владыки Моисея присутствовали три епископа во главе с митрополитом Петром (Варсонофий Тверской, Прохор Ростовский, Григорий Рязанский). Отсутствовал лишь сарайский владыка. В сущности, это был приуроченный к «неделе православия» архиерейский собор для Северо-Восточной Руси и Новгорода. С какой целью он был созван — сказать трудно. Во всяком случае очевидно, что похороны Юрия Даниловича не могли служить к тому достаточным основанием, а хиротония Моисея была, скорее, предлогом для встречи святителя со своим епископатом, чем причиной ее. По-видимому, митрополит обсуждал с владыками какие-то важные проблемы, касающиеся всей Северо-Восточной Руси. Среди них и вопрос о перенесении в Москву митрополичьей резиденции и постройки здесь каменного Успенского собора.

4 августа 1325 г. митрополит Петр заложил московский Успенский собор. До конца строительного сезона стены лишь немного поднялись над уровнем фундаментов. Однако этого хватило для устройства аркосолия — будущей гробницы святителя. Согласно древней монашеской традиции, митрополит сам обозначил ее место и, вероятно, положил первый камень в свод аркосолия. В ночь с 20 на 21 декабря 1325 г. св. Петр митрополит скончался.

Строительство собора велось в течение двух летних сезонов (лето 1326 и лето 1327 гг.) 14 августа 1327 г. храм был освящен ростовским епископом Прохором. Данная продолжительность строительства вполне естественна в условиях нехватки средств и упадка традиции каменного строительства в Северо-Восточной Руси. В Твери два года (1323–1325) строилась каменная Федоровская церковь и пять лет (1285–1290) возводили Спасский собор.

Таким образом, известные «Жития митрополита Петра» в редакции Степенной книги — «Двемя же летом минувшим по честнем его преставлении, совершена бысть соборная та церкви и освящена Прохором епископом Ростовским» — вполне соответствует действительности⁶⁸.

Согласно некоторым летописным преданиям, незадолго до кончины святителя князь Иван Данилович попросил его истолковать странный сон, приснившийся ему накануне. Во сне, будто наяву, ехал он на коне по окрестностям Москвы и вдруг увидел впереди небывалую высокую гору, вершина которой была покрыта сверкающим на солнце снегом. Пораженный, князь остановился. Вскоре снежная вершина исчезла из глаз, а вслед за нею растаяла в воздухе и сама гора. Митрополит Петр так объяснил князю видение: как исчез снег на вершине горы, так и он, Петр, скоро исчезнет из этого мира; но потом придет черед и самого Ивана покинуть сей мир, исчезнув без следа, как эта могучая гора. И

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 21. Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. Спб., 1908. С. 318.

еще святитель предрек Ивану, что перед смертью к нему придет некий старец — вестник скорой кончины⁶⁹.

Так рассказывал эту историю и игумен Пафнутий Боровский (1394–1477), хорошо знавший семейные предания московских князей⁷⁰. В истолковании сна (по другим версиям — видения) Ивана Калиты митрополитом Петром трудно узреть что-либо иное, кроме горькой сентенции в духе Екклесиаста о том, что все произошло из праха и вернется в прах. Однако сам сон весьма многозначителен. Он перекликается с мотивами 67-го псалма о Божией Горе. «Аще поспите посреде предел, криле голубине посребрене, и междорамиа ея в блещании злата: внигда разнствует небесный цари на ней, оснежатая в Селмоне: Гора Божия, гора тучная, гора усыренная, гора тучная! Вскую непушуете, горы усыренные; гора, юже благоволи Бог жити в ней: ибо Господь вселится до конца» (Пс. 67, 15–17). Гора из «сна Ивана Калиты» — реминисценция Горы Божией, Синая. Идея богоизбранности Москвы, засвидетельствованной пребыванием здесь святителя Петра, — семантический подтекст «сна Ивана Калиты».

Несколько иная версия этого предания, согласно которой князь Иван Данилович имел видение горы с заснеженной вершиной во время охоты в урочище Высокое близ Москвы, содержится в «Сказании о чудесах митрополита Петра», созданном около 1470 г. московским книжником по имени Кифа. Это версия запечатлена в четырнадцатом клейме знаменитой житийной иконы митрополита Петра, созданной в конце XV в. художником из круга Дионисия. Два всадника, князь Иван и его спутник боярин Протасий, в изумлении взирают на дивную гору с заснеженной вершиной. Ее явление непостижимо: «...а место же тамо равно, ни холмов ни имея, а время не снежное беаше»⁷¹.

Но особенно красочно эта история изложена в Мазуринском летописце (конец XVII в.). Здесь кроме горы и снега появляется третий символ — широкое поле, по которому ехал князь с Протасием. Митрополит объяснил Ивану его видение так: «Поле великое — твое государство Московское, а гора великая ты, государь, а снег на горе, то аз многогрешный; начат снег таяти, то прежде мне умерети, а после меня и тебе, государю, преставитися, егда услышиши старца к тебе пришедша и у дверей толкущися, и ты уразумееш жития твоего конец». С тех пор князь Иван «всегда старца того ожидаше пришествия»⁷². На месте видения снежной горы князь Иван устроил монастырь с храмом в честь иконы Боголюбской Божией Матери⁷³. Эта икона со времен Андрея Боголюбского считалась палладиумом Владимирской Руси.

⁶⁹ Там же. С. 317.

⁷⁰ См.: Седова Р. А. Указ. соч. С. 111.

⁷¹ Там же.

⁷² ПСРЛ. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII века. М., 1968. С. 84.

⁷³ Там же. Современные исследователи датируют основание монастыря «никак не ранее рубежа 1330–1340-х гг.» (см.: Беляев Л. А. Указ. соч. С. 175). При этом под-

Старец Пафнутий Боровский рассказывал ученикам и следующую поучительную историю из жизни митрополита Петра. Однажды, когда святитель молился в храме «о неких делах земских», его келейник инок Целада обратился к нему с таким упреком: «Ты молишься и хочещи услышан быти, а в казне у тебе три рубли». Митрополит велел келейнику тотчас пойти и раздать последние деньги нищим. После этого немедленно исполнилось то, о чем он просил Бога в своей молитве. «Вижь ми, какво нестяжание имяше блаженный сей, и сего ради наречен бысть новый чудотворец»⁷⁴, — завершает старец Пафнутий. Трудно сказать, достоверен ли этот рассказ. Но именно так и должен был поступить верный ученик патриарха Афанасия.

Москва глубоко чтит умершего святителя. Среди москвичей ходили рассказы о его посмертных чудесах. Один иноверец, присутствовавший на его похоронах, клялся, что увидел своими глазами, как при перенесении тела Петра в гробницу умерший приподнялся на одре и благословил весь народ и князя Ивана. Некий сухорукий юноша исцелился у гробницы Петра уже через 20 дней после его кончины. Потом чудесным образом Петр исцелил слепого. Князь Иван велел записывать все эти происшествия, а также составить краткое «житие» — рассказ о жизни святого.

Вскоре во Владимире-на-Клязьме состоялся поместный собор Русской Церкви. Исполнявший тогда обязанности митрополита ростовский епископ Прохор зачитал присланный из Москвы список чудес, случившихся у гробницы Петра. Для причисления к лику святых (канонизации) требовались три условия: чудеса у гроба, наличие письменного «жития» и нетленность мощей. Впрочем, иногда обходились и двумя первыми.

На владимирском соборе, по-видимому, присутствовал и великий князь Александр Тверской. Едва ли он желал появления у Москвы собственного святого. Однако в тот момент князю нельзя было усложнять свое и без того крайне шаткое положение новыми распрями с москвичами, а также и с иерархами, которые глубоко чтит Петра и желали его прославления. В итоге Владимирский собор утвердил местное, московское, почитание Петра как святого. Это был первый шаг к его общерусской канонизации, состоявшейся в 1339 г. Тогда святость Петра была признана и константинопольским патриархом.

14 августа 1327 г., в канун праздника Успения Божией Матери, Успенский собор московского Кремля был торжественно освящен. Обряд «великого священья» совершил ростовский епископ Прохор, управлявший митрополичьей епархией после кончины Петра. Согласно

черкивается относительно позднее появление в источниках рассказа о «сне Ивана Калиты» (вторая половина XV в.) и еще более поздняя (середина XVI в.) увязка этого предания с Высоко-Петровским монастырем (Там же. С. 154).

⁷⁴ Волоколамский Патерик (по рукописи Московской Синодальной библиотеки № 972). Сергиев Посад, 1915. С. 22.

киевской традиции, которой на Северо-Востоке Руси особенно твердо придерживались именно в ростовской епархии, день освящения становился как бы «днем рождения», ежегодным праздником этого храма⁷⁵. Отсюда и выбору этого дня придавали особое значение.

День, избранный Иваном Калитой для освящения его любимого детища — Успенского собора, имел глубоко символическое значение. Из летописей и преданий было известно, что великий князь Владимирский Всеволод Большое Гнездо (родоначальник всех князей, правивших в Северо-Восточной Руси во времена Ивана Калиты!) освятил отстроенный им Успенский собор во Владимире 14 августа 1189 г.⁷⁶ В Московском соборе был устроен Дмитриевский придел, напоминая о Дмитриевском соборе Всеволода.

Владимирская традиция, определившая столь многое в строительстве Ивана Калиты, в свою очередь восходила к традициям Киевской Руси. Согласно «Киево-Печерскому патерику» (книге, знакомой в ту пору каждому благочестивому человеку) 14 августа 1089 г. был освящен каменный собор во имя Успения Божией Матери в Киево-Печерском монастыре. Через два года в тот же самый день было совершено перенесение мощей преподобного Феодосия Печерского в новый собор⁷⁷.

Колыбель русского монашества, Киево-Печерский монастырь пользовался огромным авторитетом по всей Руси. Его устав был взят за образец другими обителями. Собор монастыря вызвал многочисленные подражания, наиболее известным из которых был Успенский собор в Ростове, построенный как точная копия древнего храма. Да и сама ростовская кафедра была создана в XI в. мужественными монахами-миссионерами, выходцами из Киево-Печерской обители.

Но не только ростовский владыка питал особое почтение к киево-печерской традиции. Князь Иван Данилович также имел основания поклоняться киевским святыням. В то время Москва наполнялась беженцами не только из Северо-Восточной, но и из Юго-Западной Руси. Для того чтобы завоевать доверие южных переселенцев, московскому князю важно было показать преемственность духовных традиций Москвы не только от Ростова, Суздаля и Владимира, но также и от Киева. Символика посвящений, календарные сближения событий как нельзя лучше служили этой цели. Такие прозрачные намеки были в ту пору понятны и самым незатейливым головам.

14 августа 1327 г. протянута была невидимая, но прочная духовная нить от древних киевских святынь через владимирские — к новым

⁷⁵ См.: Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. 2-я половина тома. М., 1881. С. 397. Супрасльская летопись называет днем освящения Успенского собора 15 августа 1327 г. (ПСРЛ. Т. 17. Западнорусские летописи. Спб., 1907. С. 30).

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 18. С. 34.

⁷⁷ Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978. С. 222; Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 432.

святыням поднимавшейся Москвы. Полтора века спустя, в 1479 г., в те же дни перед праздником Успения Божией Матери (12 августа) митрополит Геронтий совершил освящение нового Успенского собора московского Кремля⁷⁸.

Сам обряд освящения храма был прост, но торжествен. Вечером накануне и утром в самый день освящения в церкви пели молебен тому святому или празднику, во имя которого она посвящена. Во время литургии духовенство совершало крестный ход вокруг храма, а вернувшись в него, творило ектению. Освящение нового храма самим епархиальным архиереем называлось «великим священьем». «Малым священьем», в котором участвовали только местные клирики, освящались рядовые приходские храмы. Священник возлагал на престол освященный владыкой антиминос — особый прямоугольный плат с зашитыми в уголки частицами святых мошей.

Как выглядел Успенский собор 1327 г. снаружи и внутри, можно только догадываться. Он был разобран по указу Ивана III и на его месте Аристотель Фиораванти в 1475–1479 гг. построил тот храм, который и поныне украшает кремлевский холм. По мнению Н. Н. Воронина, собор Калиты был небольшим, но стройным и нарядным четырехстолпным одноглавым храмом. Он повторял архитектурные формы Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1231–1234) — последнего каменного храма в Северо-Восточной Руси, построенного до Батыева нашествия⁷⁹.

Однако последующие археологические работы в Московском Кремле дали основание для совершенно иной реконструкции. По мнению новейших исследователей, «Успенский собор Ивана Калиты (1326) вовсе не был своего рода копией Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, а представлял весьма внушительное сооружение. Его подкупольные столбы имели в сечении примерно 240×240 см. Эта величина может показаться невероятной, но почти такими же мощными (233×233 см) были столбы другого собора Ивана Калиты — Архангельского. Иначе говоря, оба собора мало чем уступали по размерам современному Архангельскому собору, построенному Алевизом в 1508 г. Дмитровская же церковь конца XIII в., наоборот, была почти копией небольшого собора в Юрьеве-Польском. Сечение ее подкупольного столба составляет 136×136 см»⁸⁰. Однако это суждение убедительно оспорено В. П. Выголовым⁸¹.

О внутреннем убранстве Успенского собора также можно лишь строить предположения. В одном из списков «Жития митрополита Пет-

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 324. Празднества, связанные с освящением собора, перешли в торжества по случаю его престольного праздника; все это ликование заняло четыре дня: от четверга до воскресенья.

⁷⁹ См.: Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. 2. М., 1962. С. 152.

⁸⁰ Вагнер Г. К., Шеляпина Н. С. Указ. соч. С. 149.

⁸¹ См.: Выголов В. П. Указ. соч. С. 193–195.

ра» сообщается, что князь Иван Данилович украсил храм «святыми иконами, а святитель святыми книгами»⁸². Стенописи собора были выполнены греческими мастерами митрополита Феогноста уже после кончины Калиты, в 1344 г.

Убранство Успенского собора Ивана Калиты предопределило убранство Успенского собора 1475–1479 гг. Преемственность образов, идей и настроений была в высшей степени характерна для московской княжеской династии. Отличительной чертой собора Ивана III было широкое представление монашеской темы в его росписях. Однако именно в эпоху Калиты возрождение монашества представлялось важнейшей общенациональной задачей: только праведники могли спасти Русь от гнева Божиего, от «вавилонского плена». Тема прославления отцов монашества с особой силой прозвучала уже в убранстве Успенского собора Ивана Калиты. Отсюда она перешла в иконостасы и стенописи московских и подмосковных монастырских храмов конца XIV — начала XV в. В росписях второго Успенского собора она возродилась прежде всего как дань уважения древней московской традиции, у истоков которой стоял Иван Калита.

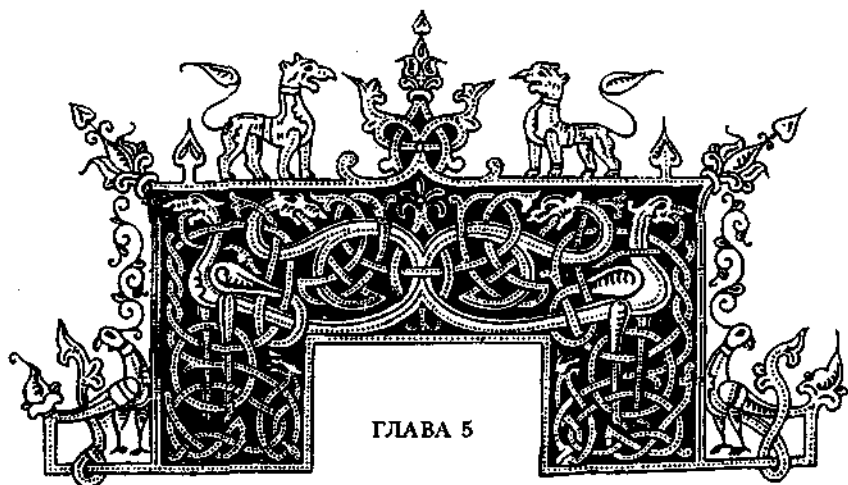
К первому Успенскому собору, несомненно, восходят и композиции «Три отрока в пещи огненной», «Семь спящих отроков эфесских», «Сорок мучеников севастийских», изображенные в стенописях восточной части второго Успенского собора.

Подводя итоги изложенному в данной главе, можно констатировать следующее. Пребывание митрополита Петра в Москве в последние годы его жизни было обусловлено не столько дальновидной политикой московских князей, создавших наиболее благоприятные условия для жизни и деятельности главы Русской Церкви, сколько совокупностью геополитических факторов, подталкивавших митрополита к этому решению.

Можно утверждать, что строительство Успенского собора в московском Кремле, начатое по инициативе митрополита Петра, велось два года. Дольше, чем принято думать, продолжалась и подготовка к местной канонизации святителя Петра на Владимирском соборе. Последняя акция, несомненно, была выдающимся политическим успехом Ивана Калиты, сумевшего использовать благоприятные обстоятельства для укрепления духовного авторитета Москвы.

Символическое значение дней закладки и освящения Успенского собора, как и само его посвящение, должно были подтвердить правомерность перенесения в Москву центра религиозной и политической жизни Северо-Восточной Руси. Этот храм стал средоточием московских традиций, зримым воплощением религиозно-политических амбиций потомков князя Даниила Александровича.

⁸² Седова Р. А. Указ. соч. С. 19.

УСИЛЕНИЕ МОСКВЫ В КНЯЖЕНИЕ ИВАНА КАЛИТЫ

1. Тверское восстание

Летом 1327 г., когда в Москве готовились к торжественному освящению нового Успенского собора, в Твери назревали события совсем иного порядка. Их общий ход можно восстановить путем внимательного изучения весьма противоречивых сообщений различных летописей. Эту работу проделал Л. В. Черепнин¹. При этом сам исследователь весьма осторожно определил свое построение как «опыт гипотетической реконструкции на основании не всегда бесспорной интерпретации источников»². И все же общие контуры случившегося в интерпретации Черепнина вырисовываются достаточно отчетливо.

Отряд под началом ханского племянника Чолхана разместился прямо в городе. Сам Чолхан со свитой поселился в княжеском дворце. Татары всячески оскорбляли и притесняли горожан. Терпение тверичей иссякло. Достаточно было искры, чтобы в городе полыхнул мятеж.

¹ См.: Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 475–497. Соотношение различных летописных рассказов о восстании 1327 г. исследовал также Дж. Феннел (*Fennell J. The Emergence of Moscow 1304–1359. University of California Press, 1968. P. 105. Note 4*). Он выделил две первоначальные версии. Одна из них, тверская, представлена в Рогожском летописце, другая — новгородская — в Новгородской 1 летописи. Новгородская версия, по мнению ученого, является наименее тенденциозной.

² Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 497.

Как это часто случается в истории, великие события начались с мелких, незначительных происшествий, которые, непостижимым образом цепляясь друг за друга, превратились в грозную лавину. 15 августа рано утром, когда еще только собирался праздничный торг «Успеньева дня», некий дякон по прозвищу Дудко повел лошадь к Волге, чтобы напоить ее. Случившиеся на его пути татары, завидев «кобылицу младу и зело тучну», без лишних слов отняли лошадь. Дякон стал вопить: «Люди тверские, не выдайте!» Между тверичами и татарами началась драка. Степняки схватились за сабли. Схватка переросла в побоище. Загудели тревожно городские колокола. Толпы народа собрались на вече. Предводителями здесь были братья Борисовичи: тверской тысяцкий и его брат. На вече было решено всем городом выступить против татар. Вооружившись чем попало, тверичи кинулись на врагов. Весь отряд Чолхана был уничтожен. Последние его бойцы укрылись в княжеском дворце, но были сожжены вместе с ним. Татарские пастухи, сторожившие свои табуны в окрестностях города, успели бежать в Москву, а оттуда в Орду.

Узнав о тверском мятеже, хан велел собирать большое войско для карательной экспедиции. К участию в походе на Тверь он решил привлечь и сильнейших русских князей, которые срочно прибыли в ханскую ставку.

Источники по-разному описывают эти события, украшая их множеством дополнений баснословного характера. Один из наиболее ранних рассказов содержится в той новгородской летописи 1330 г., которую А. А. Шахматов считал протографом Синодального и Комиссионного списков Новгородской 1 летописи³.

Новгородская 1 летопись старшего извода в характерном для всего новгородского летописания лаконичном и по-своему выразительном тоне так повествует о событиях 1327–1328 гг. «Того же лета, на Успенье святых Богородица, князь Александр Михайлович изби татар много во Твери и по иным городом, и торговли гость хопыльскыи исече: пришел бо бяше посол силен из Орды, именован Шевкал, с множеством татар. И присла князь Олександр послы к новгородцем, хотя бечи в Новьгород, и не прияша его. Того же лета присла князь Иван Данилович наместники своя в Новьгород, а сам иде в Орду. На ту же зиму приде рать татарская множество много, и взяша Тверь и Кашин и Новоторжскую волость, и просто реши всю землю Русскую положиша пугу, толко Новьгород ублуде Бог и святая Софья. А князь Олександр вбежа в Пльсков; а Костянтин, брат его, и Василии в Ладогу; и в Новьгород прислаша послы татарове, и даша им новгородци 2000 серебра, и свои послы послаша с ними к воеводам с множеством даров. Убиша же тогда татарове Ивана, князя Рязаньского»⁴.

³ См.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 128.

⁴ НЛ. С. 98.

Из приведенного текста можно уяснить следующее. В глазах новгородского летописца — современника событий — виновником тверского восстания был князь Александр. При этом летописец отмечает, что он «избил» татар не только в Твери, но и «по иным городам». Это интересное замечание проливает свет на то, о чем умалчивают все другие источники, — действия князя Александра между 15 августа 1327 г. и его бегством во Псков от приближавшейся карательной экспедиции. Если тверской мятеж был стихийным, то избиение татар в подконтрольных Александру территориях (Кашин, новоторжская волость) либо было произведено по его прямому указанию, либо явилось столь же стихийной реакцией местных жителей на весть о тверском мятеже. Последнее маловероятно. Если бы князь Александр желал предотвратить избиение ордынцев в своих владениях после 15 августа, он имел на это и время, и возможности. Однако можно думать, что после мятежа Александр решил играть ва-банк и с этой целью втянуть в мятеж как можно больше территорий, дабы увеличить масштабы движения и в конечном счете — шансы на успех. Этим успехом могло быть только полное свержение власти Орды над Северо-Восточной Русью.

Вероятно, Александр пытался втянуть в мятеж и другие княжества. Но тут его призывы были нейтрализованы деятельностью Ивана Калиты, который сразу же после тверского мятежа присвоил себе великокняжеские полномочия и, в частности, взял под контроль Новгород.

Узнав о приближении «Федорчуковой рати», Александр отправился во Псков, где был принят с почетом.

Братья опального Александра демонстративно отмежевались от него и отправились пережить грозу в Ладугу, откуда в случае опасности могли легко уйти за пределы Руси. Иван Калита, принятый в Новгороде, очевидно, не препятствовал младшим Михайловичам, которых более хотел иметь своими союзниками или вассалами, чем врагами.

Ордынские каратели, опустошив Тверскую землю, двинулись через Торжок на Новгород. Вероятно, они имели ханский приказ поймать Александра Тверского и доставить его в Орду. Однако разорение Новгорода не входило в планы Орды. Ханские воеводы отправили туда послов с какими-то требованиями. Содержания их источники не сообщают. Однако в итоге новгородцы откупились от татарских послов двумя тысячами гривен серебра. Помимо этого, они отправили с ордынцами свое посольство к ханским воеводам с персональными подарками. На этом дело было окончено. Можно думать, что в мирном исходе не последнюю роль сыграл находившийся с татарами Иван Калита.

Заметим, что в новгородском варианте повествование о тверском восстании лишено каких-либо провиденциальных объяснений, кроме трафаретной фразы о том, что Новгород спасли «Бог и святая Софья».

Иначе представляет восстание 1327 г. тверская летописная традиция, дошедшая до нас главным образом в составе Рогожского летописца и Тверского сборника, где соответствующие тексты

практически идентичны. В сильно сокращенном виде та же версия рассказа о событиях 1327 г. представлена в Музейской рукописи (ГИМ. Музейское собр., № 1473).

Исследователи полагают, что уже в тверском Своде 1327 г. читалась «Повесть о Чолхане»⁵. Заметим, что о том же свидетельствуют и некоторые особенности провиденциальной мотивации данного события. Создатели повести, оправдывая восставших тверичей, приписывали Чол-хану (в русском произношении — Шевкалу, Щелкану) самые ужасные намерения. «... За умножение грех ради наших Богу попустившу диаволу вложить злаа в сердца безбожным татаром глаголати незаконному царю: аще не погубиши князя Александра и всех князии Русских, то не имаша власти над ними»⁶.

В этом введении к тверской повести явственно ощутимо влияние рассказа той же тверской летописи о Батыевом нашествии. Завершая рассказ о событиях 1237–1238 гг., летописец замечает: «Грех ради наших попусти Бог найти на ны поганяя; наводит бо Бог, по гневу своему, иноплеменники на землю; и тако съкрушеном им въспоманутся к Богу; усобная же рать бывает от наваждения диавола»⁷. Данная сентенция почти дословно воспроизводит фрагмент из «Слова о казнях Божиих», приписываемого Феодосию Печерскому и содержащегося в «Повести временных лет» под 1068 г.⁸ Однако в данном случае интересно другое. В «Повести о Чолхане» провиденциальный взгляд на татар как орудие Божиего гнева интерпретирован таким образом, что позволяет оправдать действия тверичей, их мятеж против установленной Богом власти «царя». «Царь» — орудие Бога, но «треклятый» Шевкал — орудие дьявола. Его главная цель — «разорить христианство», уничтожить самих христиан. При таком истолковании тверской мятеж вполне укладывался в традиционную для русской публицистики XIII — первой половины XIV в. концепцию ига, восходящую к библейской Книге пророка Даниила. Суть ее — покорность «беззаконному царю» как правителю, но стойкость в защите своей веры. Органическим элементом этой концепции были козни царских придворных («мужей халдейских»), стремящихся навлечь гнев Навуходносора на благочестивого Даниила и Трех Отроков.

В тверском рассказе о событиях 1327–1328 гг. бросается в глаза несоответствие между прописанной до деталей историей гибели Шевкала и скупыми строками, посвященными «Федорчуковой рати». Заметим, что и в этом сюжете летописец обращается к рассказу о Батыевом нашествии, откуда заимствует свой горестный финал: «И людий множество погубиша, а иныя в плен поведоша, а Тर्फь и вся грады

⁵ См.: *Муравьева Л. Л.* Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV в. М., 1983. С. 102.

⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М.; Л., 1965. Стб. 42.

⁷ ПСРЛ. Т. 15. М.; Л., 1965. Стб. 371.

⁸ Памятники литературы Древней Руси XI — начала XII в. М., 1978. С. 180.

огнем пожгоша»⁹. В описании взятия Рязани в той же Тверской летописи события завершаются аналогично: «И изсекше люди, а иных пленивше, зажгоша град»¹⁰. Музейская рукопись добавляет: «...грех ради наших»¹¹. Очевидно, этот текст читался в протографе всех трех памятников, наиболее отчетливо отразивших тверское летописание — Рогожского летописца, Тверского сборника и Музейской рукописи.

Трудно поверить, что столь значительное событие, как взятие татарами Твери, осталось без соответствующего подробного описания. Московская «Повесть о нашествии Тохтамыша» могла иметь своим прототипом тверскую повесть о «Федорчуковой рати». Однако это произведение не сохранилось до наших дней. О его идейной направленности можно сказать лишь то, что оно, конечно, отвечало анти-московским настроениям тверичей во второй четверти XIV в. В этой связи уместно еще раз отметить упоминание дьявола во введении «Повести о Чолхане». В контексте использованного тверским книжником «Слова о казнях Божиих» появление дьявола неизбежно вело к мысли о том, что погром Твери — результат княжеских усобиц. Виновником, навлекшим на Тверь ярость «царя», мог быть не кто иной, как московский князь Иван Данилович.

Известно, что тверские летописи дошли до нас не в оригинале, а в виде фрагментов, побывав предварительно в руках московских редакторов. Да и сами тверичи в некоторые периоды своей истории вступали в союзнические отношения с Москвой и в этой связи подвергали чистке свои летописи. В итоге все, что осталось от изначально пространный рассказа о «Федорчуковой рати», сводится к нескольким фразам. Осколком целостного рассказа выглядит концовка статьи 6835 г., повествующая о возвращении в Тверь после погрома братьев Александра.

На фоне подозрительного молчания тверских летописей о действиях Ивана Калиты во время «Федорчуковой рати» резко выделяется реплика из «Предисловия летописца княжения Тверского», содержащего краткий обзор истории тверской династии. Сообщая о расправе над Шевкалом, составитель предисловия замечает: «Татарове же слышавше се же, не уловиче беззаконнаго желаниа, видевше ся посрамлени, събрашея множество бесчисленое татар, с ними же Иван Московскийи грядяше и вож им на грады тверския бываше»¹². Далее сообщается, что князь Александр Тверской по совету епископа Андрея (умершего в 1323 г.) не стал сражаться с войском «царя», которого поставил Бог. Вместо этого он уехал во Псков. Послушание своему владыке принесло благие плоды: «Татарове же, Александру не сущу въ Твери, отъидоша в свою

⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 43–44.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 367.

¹¹ См.: Насонов А. Н. О тверском летописном материале в рукописях XVI в. // Археографический Ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 38.

¹² ПСРЛ. Т. 15. Стб. 466.

землю»¹³. Данная интерпретация событий явно имеет целью обелить князя Александра и очернить его московского соперника.

Но так ли черен был в действительности поступок Ивана, как изображает его тверской книжник? (а вслед за книжником — и множество позднейших историков!). Совершенно очевидно, что зимой 1327/28 г. каратели, да и сам хан Узбек относились к русским князьям по принципу «кто не с нами, тот против нас». Уклониться от участия в походе на Тверь, значило обречь свою землю на опустошение и своих людей на гибель. Ясно и то, что татары все равно разорили бы Тверь — с Иваном или без Ивана. Все русские князья ходили на Тверь, спасая свои собственные княжества, а также и свое положение как правителей. Эгоизм был до неразличимости переплетен здесь со здравым смыслом.

Что до роли Ивана как «проводжатога» татар — то это явная гипербола. За сто лет владычества над Русью татары достаточно хорошо изучили дороги к ее городам. Да и городов-то в Тверской земле было, собственно, всего два: Тверь на Волге и Кашин на речке Кашинке, притоке Волги. Дойти до них по рекам не составляло никакого труда. Суть же дела состояла в том, что князь Иван как старший среди участвовавших в походе на Тверь русских князей был, видимо, назначен ответственным за действия всей русской части Федорчуковой рати и в этом качестве был ее «вожем», командиром.

Третий после новгородского и тверского вариант повествования о событиях 1327–1328 гг. содержался в московском летописании XIV в., наиболее ярко отразившемся в Своде 1408 г. и производных от него памятниках. Наиболее близкой по времени к этому своду была Троицкая летопись, послужившая одним из главных источников для «Истории» Н. М. Карамзина. В данном разделе примечаний Карамзина нет прямых указаний на Троицкую летопись, за исключением известия о гибели князя Ивана Рязанского¹⁴. В самом тексте «Истории» рассказ о тверском восстании построен в духе изложения Воскресенской и Никоновской летописей и к тому же сильно беллетризован¹⁵.

Симеоновская летопись (в этом периоде почти тождественная с Троицкой) начинает рассказ о тверских событиях как бы с середины — с прихода «Федорчуковой рати»: «Тое же осени (под 6835 г.) князь Иван Данилович Московский в Орду пошел. Тое же зимы и на Русь пришел из Орды; и бысть тогда великая рать татарская, Федорчук, Туралык, Сюга, 5 темников воевод, а с ними князь Иван Данилович Московский, по повелению цареву, и шед ратью, плениша Тферь и Кашин и прочия города и волости и села, и все княжение Тферское взяша и пусто сътвориша, и бысть тогда земли великая тягость и много

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.: Л., 1950. С. 358–359.

¹⁵ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. 1–4. Калуга, 1995. С. 496–497.

томления, множества ради грех наших, кровь христианская проливаема бываше от поганых татар, оных в полон поведоша, а друга мечи изсекоша, а иныя стрелами истреляше и всяким оружием погубиша и смерти предаша, а князь Александр побегал съ Тфери въ Псков»¹⁶.

Далее помещено сообщение об убийстве князя Ивана Ярославича Рязанского, после которого летописец как бы в противоположность печальной судьбе рязанского князя отмечает: «Великий же Спас милостивый человеколюбец Господь своею милостию заступил благоверного князя нашего Ивана Даниловича и его ради Москву и всю его отчину от иноплеменик, от поганых татар»¹⁷. Выражение «князя нашего» свидетельствует о том, что данная фраза была написана современником Ивана Калиты, а обращение к образу Спаса указывает на московский Спасский монастырь как место летописной работы¹⁸. Отталкиваясь от этой очевидности, можно сделать предположение, что и весь рассказ о «Федорчуковой рати» в Симеоновской летописи — древнейшая московская версия событий 1327 г., содержащаяся в Своде 1340 г.

В обоснование этого предположения можно сказать следующее. Для московского летописца, работавшего в середине XIV в., тверской мятеж 1327 г. был в высшей степени щекотливым сюжетом. Принять тверскую версию событий с ее апологией князя Александра как защитника христианства или же невинной жертвы обстоятельств было невозможно, так как он был злейшим врагом Москвы, а князь Иван — участником карательной экспедиции на Тверь. Однако летописцу трудно было и осудить восстание тверичей против «иноплемеников», так как это противоречило бы как его собственным, так и общественным настроениям. В этой ситуации «фигура умолчания» представлялась наилучшим выходом из затруднительного положения. Сохранение в тексте одного лишь рассказа о «Федорчуковой рати» сразу упрощало задачу, перевода повествование в накатанную колею сообщений о татарских нашествиях. Последнее нашествие, сопоставимое по размаху с «Федорчуковой ратью», имело место в 1293 г. Его описание в той же Симеоновской летописи отчетливо перекликается с рассказом о

¹⁶ ПСРЛ. Т. 18. Спб., 1913. С. 90. Изучая тверские известия в составе московского летописания XIV в., М. Д. Приселков отмечал, что их московская обработка «сократила состав известий Тверского свода 1327 г., иногда даже по непонятным теперь для нас соображениям (напр., весь эпизод с Шавкалом)» (Приселков М. Д. История русского летописания XI — XV вв. Спб., 1996. С. 179). В комментариях к книге Приселкова Я. С. Лурье высказывает предположение, что известия о приходе Шевкала в Тверь и о его гибели там все же имелись в Троицкой летописи, хотя и в очень кратком виде (Приселков М. Д. Указ. соч. С. 227. Прим. 115). Однако в таком случае остается непонятным, почему составитель Симеоновской летописи, тщательно придерживавшийся своего главного источника — Троицкой, вдруг опустил известие о Шевкале?

¹⁷ ПСРЛ. Т. 18. С. 90.

¹⁸ Приселков М. Д. История русского летописания... С. 182; Муравьева Л. Л. Указ. соч. С. 143–144.

«Федорчуковой рати». Присутствуют и сходные выражения («великая тягость», «овех посече, а овех в полон поведе»), и аналогичные ситуации (князь Дмитрий Александрович от татар «побеже... кь Пскову»; князь Александр Михайлович также «побежал с Тфери вь Псков»), и общая тема чудесного избавления князя-избранника от татар (в первом случае — Михаила Тверского, во втором — Ивана Калиты)¹⁹.

Никоновская летопись содержит обширное повествование о событиях 1327–1328 гг., которое, однако, представляет собой не более чем украшенную риторикой компиляцию из названных выше новгородских, тверских и московских источников. Однако есть в ней и уникальные подробности различной степени достоверности. Так, например, сообщение о том, что хан, получив известие о мятеже, «посла на Русь по князя Ивана Даниловича Московскаго», кажется вполне правдоподобным. Действительно, без гарантий безопасности Иван едва ли мог поехать в охваченную ненавистью к русским Орду. Да и сам правитель Орды, прежде чем начинать войну, должен был знать соотношение сил. Столь же достоверным можно признать и сообщение Никоновской летописи об участии в походе на Тверь князя Александра Васильевича Суздальского. Известно, что в 1328 г. он получил ярлык на половину великого княжения Владимирского и был соправителем Калиты до своей кончины в 1331 г.

Весьма загадочно замечание составителя Никоновской летописи после сообщения об участии в походе суздальского князя — «и инде пишет и с ним дядя его Василей Александрович»²⁰. Это замечание можно понять двояко: дядя Калиты и дядя суздальского князя. По мнению некоторых исследователей, это был брат жены Ивана Калиты Елены — князь Василий Александрович Брянский, дядя Семена Гордого²¹.

В. Н. Татищев, следовавший в своем повествовании о событиях 1327–1328 гг. за текстом Никоновской летописи, после слов о «томлении и кровопролитии от татар» поставил запятую и прибавил уникальную страшную подробность: «зане (потому что. — Н. Б.) не токмо кменя выбираху, скоты и кони забирали, но жены и дщери емлюще по своей воле и держаху, елико хотяху, а кто поперекова (сопротивлялся. — Н. Б.), мучаху и убиваху»²².

Все летописи сообщают о гибели в ходе этой войны от рук татар рязанского князя Ивана Ярославича. Воскресенская летопись уточняет, что князь погиб в Орде²³. Какова была связь между тверским восстанием и убийством рязанского князя и была ли она вообще — источники не разъясняют.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 18. С. 82–83, 90.

²⁰ ПСРЛ. Т. 10. Свб., 1885. С. 194.

²¹ См.: *Левяков К. А.* Московское княжество Ивана Калиты (Присоединение Коломны. Приобретение Можайска). М., 1994. С. 30–33.

²² *Татищев В. Н.* Собр. соч. В 8 т. Т. 5. М., 1996. С. 83.

²³ ПСРЛ. Т. 7. Свб., 1856. С. 201.

Подводя итог изучению событий 1327–1328 гг., необходимо отметить следующее. Тверское восстание нельзя понимать как нелепую случайность, в одночасье погубившую политические успехи тверичей. Напротив, это был закономерный результат той политики «игры не по карману», которой придерживались и Михаил Тверской, и его сыновья. Стремясь любой ценой сохранить великое княжение Владимирское, они до предела истощили материальные возможности своего княжества и растеряли всех своих потенциальных союзников. Именно крайнее обнищание Твери в результате непомерных платежей в Орду было причиной такого настроения горожан, при котором достаточно было искры, чтобы зажечь огонь восстания. В огне этого восстания сгорели остатки политических амбиций Михайловичей.

Московскому князю оставалось пожинать то, чего он не сеял... Как можно в целом оценить действия Ивана Калиты в 1327–1328 гг.? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо отметить те причины, под влиянием которых определились эти действия. Одна из них — типичный для того времени метод принятия решений «по старине». В трудных ситуациях обращались к опыту предков, к их решениям аналогичных вопросов. Несомненно, князь Иван Данилович в 1327 г. вспоминал о том, что его дед Александр Невский после восстания 1262 г. поехал в Орду, чтобы «отмолить грозу», спасти свою землю от погрома. Великий князь Александр Михайлович Тверской в 1327 г. не проявил желания последовать примеру Александра Невского и, рискуя головой, «отмолить грозу». Однако его действия также не выходили за рамки семейной традиции и напоминали поведение Ярослава Ярославича Тверского во время событий 1252–1253 гг. Последний, как известно, имел конфликт с татарами и бежал от них в Новгородскую землю. Там он благополучно переждал плохие времена, со временем вернулся в Северо-Восточную Русь и даже получил ярлык на великое княжение Владимирское в 1263 г.

Что касается явки на суд в Орду Михаила Тверского в 1318., — то это был не столько вопрос самопожертвования (как представляли дело агиографы), сколько вопрос степени риска. Без той или иной доли риска не обходилась ни одна княжеская поездка в Орду. Михаил Тверской, дважды выносивший свою тяжбу с Юрием Московским на суд Орды и оба раза одержавший победу, на третий раз просто недооценил опасность и переоценил значимость своей фигуры для хана. Та же переоценка собственных возможностей сгубила и Дмитрия Тверского в 1324 г. Имея перед глазами два таких суровых урока, Александр должен был сделать соответствующие выводы. К тому же его вина была куда тяжелее, чем вина брата и отца. Впрочем, наследственная склонность к переоценке своих возможностей со временем проявилась и у Александра Тверского. Именно ей он обязан своей гибелью в 1339 г.

В итоге можно констатировать, что ни Иван Калита, ни Александр Тверской не проявили в событиях 1327–1328 гг. каких-то ориги-

нальных подходов к решению политической проблемы. Оба действовали всецело в русле традиций своего княжеского дома. Однако московская традиция, восходившая к Александру Невскому, в той конкретно-исторической ситуации оказалась более реалистичной и перспективной. Своими действиями Калита спас от ордынского погрома все, что еще можно было спасти.

2. Перемены в «русской политике» Орды

Политике Орды в отношении Северо-Восточной Руси в XIV столетии была изначально присуща внутренняя противоречивость. С одной стороны, дробление княжеств на уделы и расцвет междоусобиц приводили к падению платежеспособности русских земель. Кроме того, в ходе междукняжеских конфликтов нередко страдали и оказавшиеся втянутыми в них татары. На насилие над «своими» Орда вынуждена была отвечать карательными мерами. Выколачивание недоимок по ордынскому «выходу» и сведение счетов с русскими обидчиками татар с помощью карательных экспедиций давали кратковременный эффект и в перспективе только ухудшали ситуацию. Для умиротворения Северо-Восточной Руси нужен был своего рода «сельский староста» — сильный не только поддержкой Орды, но и своими собственными возможностями великий князь Владимирский.

К такому же решению подталкивала правителей Орды и внешнеполитическая ситуация. Усиление Великого княжества Литовского, обострение борьбы за Юго-Западную Русь требовали консолидации Северо-Восточной Руси, использования ее военно-политического потенциала в качестве дополнительного козыря в той сложной игре, которую вела ордынская дипломатия. Однако при всем том чрезмерное усиление великого князя Владимирского создавало угрозу ордынскому владычеству в Северо-Восточной Руси. В такой ситуации очень многое зависело от личности великого князя, от его лояльности по отношению к Орде. Именно поэтому хан часто менял своих «улусников», заподозрив их в измене. Периоды укрепления власти великого князя Владимирского сменялись периодами, когда Орда, словно испугавшись «перебора», начинала эту власть резко ослаблять.

Тверское восстание заставило хана Узбека окончательно отказаться от тверского варианта консолидации Северо-Восточной Руси. Близость тверского княжества к свободным от ордынского контроля территориям в условиях явной неблагонадежности тверских правителей и их подданных делала такой вариант слишком рискованным. Да и сама идея возвышения одного княжеского семейства над другими теперь показалась хану ошибочной. Под свежим впечатлением происшед-

шего он решил вернуться к старой «многоглавой» политической структуре Руси.

Летом 1328 г. русские князья были вызваны в Орду. Здесь они узнали окончательное решение Узбека. В Твери утвержден был на княжении брат мятежного Александра князь Константин Михайлович, а в кашинском уделе тверского княжества — другой брат, Василий.

Распоряжение хана относительно великого княжения Владимирского поразило всех своей необычностью. Обеспокоенный тверским мятежом, хан решил разделить области великого княжения между двумя правителями — Иваном Калитой и суздальским князем Александром Васильевичем, который также принимал участие в походе на Тверь. Так на Руси появились сразу два великих князя Владимирских.

Известие о разделе великого княжения Владимирского между Иваном Даниловичем Московским и Александром Васильевичем Суздальским содержится только в одном источнике, который в силу своей оригинальности и ценности заслуживает самого пристального изучения. Среди статей, предшествующих Комиссионному списку Новгородской 1 летописи, находится и статья под заголовком «А се князи Русьстии». Она представляет своего рода конспект истории Северо-Восточной Руси от Владимира Мономаха до Ивана Калиты, занимающий в рукописи всего лишь три листа. Краткий и довольно сбивчивый текст статьи интересен прежде всего содержащейся в нем уникальной информацией о событиях 1328–1331 гг. «Михаил роди Александра, иже убил Шеккала Деденевиця. Потом приходила рать Туралкова, а воевода Федорчюк, а темников 5, и плениша Тферь. И по Турлакове рати поидоша князи в Орду, и Озбък поделил княжение им: князю Ивану Даниловичю Новгороду и Кострому, половина княжения; а Суждальскому князю Александру Васильевичю дал Володимер и Поволжье, и княжи полтьретья году. Сии князь Александр из Володимеря вечныи колокол святеи Богородици возил в Суждаль, и колокол не почял звонити, якоже был в Володимере; и помысли в себе князь Александр, яко съгрубил святеи Богородици, и повеле его паки вести в Володимерь; и привезше колокол, поставиша и в свое место, и паки бысть глас богуугоден. И по смерти сего Александра поиде въ Ворду князь великий Иван Данилович, и царь его пожаловал и дал ему княжение великое надо всею Русьскою землею, якоже и праотец его великий Всеволод Дмитрии Юрьевич; а правил княжение ему Албуга. *И оттоле пошли русьскыи князи. Въ всех сих прославим в Троици единого Бога и православных великих князеи, заступников наших всея Русьския земля*»²⁴.

Важно отметить, что приведенный фрагмент совершенно не связан с соответствующими годовыми статьями Комиссионного списка Новгородской 1 летописи. Там после рассказа о «Федорчюковой рати», начинающего статью 6836 г., читается следующий текст: «Ходи князь великий Иван Данилович и Костянтин Михаиллович, и новгородци от себе посла-

²⁴ НЛ. С. 469.

ца Федора Колесницю, во Орду к цесаревни; и отпусти я цесарь, и повелев искати князя Александра. И посла князь Иван свои послы, а новгородци от себе владыку Моисия и Авраама тысячкого къ князю Александру въ Плесков, веляще ему, дабы пошел в Орду, и не послуша»²⁵.

Очевидно, новгородцы поехали в Орду, опасаясь ответственности за действия псковичей, принявших у себя Александра Тверского, а также желая поддержать притязания Ивана Калиты на великое княжение Владимирское. Его наместники еще осенью 1327 г. были приняты на Волхове.

Новгородский летописец сообщает только о том, что непосредственно касалось Новгорода: о ханском приказе заставить Александра Тверского явиться на суд в Орду. Что до раздела великого княжения Владимирского между московским и суздальским соискателями, то эта тема прямо не относилась к Новгороду и потому осталась без внимания.

После рассказа о приходе Ивана Даниловича на великое княжение в той же статье «А се князи Русьстии» содержится очень интересное, хотя и не вполне понятное добавление: «А Иванова княжения Даниловича до преставления князя Ивана Васильевича и тогда минуло великому князю Ивану Данильевичу 100 лет и 8. А митрополит был Петр, иже бе пришел из Волиня на Суждальскую землю, на Москву, в лето 6824 (1316), и приа его князь великий Иван Данилович с честию великою»²⁶. О каком князе Иване Васильевиче, сопоставленном с Калитой, идет речь в этом исчислении? В первой половине XV в. было только три правивших князя, носивших это имя. Один из них — внук дочери Калиты Евдокии и ее мужа ярославского князя Василия Давыдовича. Он владел Ярославлем и назывался «великим князем Ярославским». Умер Иван Васильевич Ярославский в 1426 г. Однако в данном случае речь идет не о нем, так как за 108 лет до его кончины, в 1318 г., Иван Данилович не был ни великим, ни даже московским князем. Другой князь Иван Васильевич, младший брат первого, по прозвищу Воин, был совсем мелким правителем и рано умер бездетным. Речь явно не о нем. Третий и единственный возможный претендент на сопоставление с Калитой — московский князь Иван Васильевич, прямой потомок Ивана Даниловича. После возвращения его слепого отца Василия Темного на великокняжеский престол в 1447 г. Иван стал его официальным наследником и соправителем²⁷.

²⁵ Там же. С. 341. Тот же текст читается и в Синодальном списке (НМЛ. С. 98).

²⁶ Там же. С. 469. По мнению А. А. Шахматова, Комиссионный список Новгородской 1 летописи составлен в 1453–1462 гг. и «вскоре после составления своего, основная часть Комиссионного списка подверглась дополнению в конце и в приставленных к началу листах на основании опять-таки Свода 1448 г. Из него заимствован летописный рассказ о событиях 1440–1447 гг., а также ряд историко-юридических статей, помещенных в приложении к летописи» (Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 171).

²⁷ См.: Зимин А. А. Витязь на распутье (Феодальная война в России XV в.). М., 1991. С. 132–133.

Слово «преставление» могло быть написано летописцем по ошибке вместо близкого по составу «поставление» (то есть возведение в княжеское достоинство, коронация). В таком случае изначальный, правильный вид фразы очевиден: «А Иванова княжения Даниловича до поставления князя Ивана Васильевича и тогда минуло великому князю Ивану Данильевичу (то есть со времен правления Ивана Даниловича. — Н. Б.) 100 лет и 8». Действительно, от кончины Ивана Калиты в 1340 г. до официального объявления Ивана Васильевича великим князем в 1448 г. прошло 108 лет. Таким образом, подтверждается предположение Шахматова о том, что статьи «Кто колико княжил» и «А се князи Русьстии» «проредактированы составителем Свода 1448 г.»²⁸. Учитывая связь этого свода с митрополичьей кафедрой, можно объяснить и появление в статье уникального известия о приезде митрополита Петра в Москву в 6824 г.

В изучаемом фрагменте из статьи «А се князи Русьстии» примечательно и сопоставление Ивана Калиты с его великим «праотцем» Всеволодом Большое Гнездо. Сравнивая его со Всеволодом Юрьевичем, летописец имел в виду прежде всего сходство их династического значения. Всеволод — младший сын Юрия Долгорукого, получивший великое княжение Владимирское «по Божьей воле», то есть по воле случая, после ранней смерти всех старших братьев. Всеволод — родоначальник всего «гнезда» северо-восточных князей XIII–XIV вв. Но для московского дома Иван Калита стал тем же, кем был Всеволод для всего сообщества владими́ро-суздальских Рюриковичей. От Калиты «пошли русские (в смысле «московские». — Н. Б.) князи», которым и возносит хвалу автор данной статьи — составитель Свода 1448 г.

Однако Иван Калита привлекает внимание летописца не только своим особым положением в генеалогической росписи. Он — первый из московских князей, получивший великое княжение Владимирское («...и царь его пожаловал и дал ему княжение великое над всею Русьскою землею»). В этой записи Калита предстает не только как «праотец» всех московских князей, но и как великий правитель своего времени. Таким видел Ивана Калиту неизвестный московский книжник середины XV в. Учитывая официальный характер Свода 1448 г., можно думать, что такова была и общая точка зрения московского двора.

Небывалый раздел великого княжения Владимирского в 1328 г. напомнил далекие времена хана Батая. Тогда, в 1249 г., татары поделили великое княжение между Александром Невским и его братом Андреем. Это деление продержалось всего три года: в 1252 г. Андрей чем-то прогневил Орду и был силой изгнан из Владимира. Александр стал полновластным хозяином всей территории великого княжения. С тех пор она оставалась неделимой. В чем же все-таки заключалась причина

²⁸ Шахматов А. А. Указ. соч. С. 171. Что касается источника сведений, содержащихся в статье «А се князи Русьстии», то он, судя по всему, был каким-то образом связан с владимирским Успенским собором.

нового двоевластия на Руси? Обычно здесь видят прежде всего непосредственную реакцию хана на тверское восстание, попытку ослабить русские земли путем создания системы «двоевластия». Однако учитывая отмеченную выше тенденцию в политике Москвы к уклонению от бремени великокняжеских забот и обязательств, эту историю можно понимать иначе. Не хан, а Иван Калита предложил разделить великое княжение, мотивируя это трудностями со сбором дани, невозможностью для одного человека угладеть за столь обширной территорией. Огромные недоимки по платежам служили веским подтверждением такого рассуждения. Именно эти недоимки (точнее, силовые методы их взыскания) и привели к ростовскому, а потом и тверскому мятежам. Разграбление мятежных областей, разумеется, не могло решить проблему и только обостряло ее. Учитывая все это, хан склонен был искать новых решений. И князь Иван подсказал ему такое решение. Разумеется, схема раздела была также подсказана Калитой. Себе он взял наиболее доходные статьи: Новгород и вскормленную волжской торговлей Кострому. Своему «коллеге» Александру Суздальскому Калита отдал престижный, но немощный в податном отношении Владимир с округой. Недалекий и амбициозный суздальский князь клюнул на эту наживку. В итоге Калита получил еще несколько лет покоя, позволивших ему заново отстроить соборный комплекс на Боровицком холме.

Предпринятый Узбеком раздел существовал, как и первый, всего лишь три года. После кончины суздальского князя Александра Васильевича в 1331 г. зимой 1331/32 г. князь Иван Данилович Московский, князь Константин Михайлович Тверской и другие князья побывали в Орде²⁹. Там были приняты новые важные решения. Созданное ханом в 1328 г. «двоевластие» в «русском улусе» отменялось. Иван Калита получал в управление все территории, так или иначе теперь связанные с великим княжением Владимирским. Помимо этого он получил Сретевскую половину Ростовского княжества³⁰.

Решения правителя Орды обычно являлись результатом взаимодействия целого ряда факторов, среди которых интересы государства имели далеко не последнее значение. Устроенный ханом раздел великого княжения Владимирского противоречил его же собственной линии на консолидацию Северо-Восточной Руси под эгидой одного княжеского семейства, а затем использование этого мощного образования в интересах Орды. Хана не могло не тревожить неуклонное усиление Литвы, притязания Гедимина на Западную и Юго-Западную Русь, его сближение с польским королем. Смерть Александра Суздальского подтолкнула хана к возврату на прежние позиции. Однако на сей раз центром консолидации должна была стать не Тверь, а Москва.

²⁹ НЛ. С. 99, 344.

³⁰ См.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 141.

Принимая решение о воссоединении великого княжения Владимирского в руках Ивана Калиты, хан, вероятно, уже тогда предполагал женить его старшего сына и наследника 15-летнего Семена на дочери великого князя Литовского Гедимина. Эта свадьба, сыгранная год или два спустя, была третьей (после неудачных браков Юрия Московского с Кончакой и Дмитрия Тверского с Марией Гедиминовной) попыткой хана разыграть перспективную с точки зрения интересов Орды матримониальную комбинацию с участием ведущих князей Северо-Восточной Руси.

Идея этого брака принадлежала, вероятно, хану Узбеку. Князь Иван едва ли мог предложить хану эту династическую комбинацию, слишком похожую на измену. Самое большее, что он мог сделать, это исподволь, через подкупленных придворных вложить хану мысль о повторе неудавшейся комбинации 1320 г. — брака тверского князя Дмитрия Михайловича и дочери Гедимина Марии. Этот брак оказался бездетным, а в 1325 г. и сам Дмитрий был казнен в Орде.

Брак московского князя с дочерью Гедимина должен был способствовать безопасности «русского улуса» со стороны Литвы. Сыновья, рожденные в этом браке, со временем могли выступить в роли претендентов на княжение в западнорусских землях. Именно такие правители смешанного, русско-литовского или русско-польского, происхождения сидели в то время в областях, находившихся под двойной (ордынско-литовской) или тройной (ордынско-польско-литовской) юрисдикцией. Так, например, в Галицко-Волынском княжестве с 1324 по 1340 г. правил ставленник польской короны Болеслав-Юрий — сын мазовецкого князя Тройдена и его жены Марии Юрьевны, дочери галицко-волынского князя Юрия Львовича³¹ (Мазовия — историческая область Польши в среднем течении Вислы).

Будущий внук Калиты и Гедимина мог принять под свою власть не только великое княжество Владимирское, но и спорные территории Юго-Западной или Северо-Западной Руси. Орда, конечно, предпочла бы иметь дело со своим выдвигателем, нежели со ставленником Литвы или Польши.

Непосредственно на мысль о московско-литовском браке навела хана, вероятно, женитьба галицко-волынского правителя Болеслава-Юрия на дочери Гедимина Евфимии. Этот брак был заключен в 1331 г., причем венчание состоялось в Польше по католическому обряду³². Брак Семена Ивановича и Анастасии Гедиминовны должен был стать своего рода противовесом галицкой династической комбинации.

Можно полагать, что хан высказал свою мысль Калите во время его пребывания в Орде зимой 1331/32 г. Вернувшись домой, Иван Данилович принялся за дело. Более года ушло на переговоры с Гедимином, на засылку сватов и путешествие невесты из Вильно в Москву.

³¹ См.: Шабельдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 33.

³² См.: Там же. С. 36.

Что касается отца невесты, великого князя Литовского Гедимина, то и он, вероятно, возлагал на этот брак большие надежды. Ему нужен был покой на восточной границе для того, чтобы иметь свободные руки в войне с Орденом. Вперед он видел также тяжелую борьбу с Польшей за юго-западные русские земли. Московские родственники могли стать хорошими посредниками в отношениях с Ордой, которую Гедимин в это время предпочитал не задевать.

Таким образом, женитьба старшего сына Калиты стала большим политическим событием. Она оказалась одним из узловых моментов в истории Восточной Европы в 1330-е годы. Особое значение, которое придавалось этому браку, отразило и летописное известие о нем: «Тое же зимы приведена бысть князю Семену Ивановичу княжна из Литвы, именем литовским Аугуста, и крестиша ю, и наречена бысть в святом крещении Анастасиа; и бысть брак велик на Москве, свадьба князю Семену, а князь Семен тогда был семинатцати лет»³³. Торжественно-

³³ ПСРЛ. Т. 18. С. 92. Замечание летописца о возрасте Семена в момент брака (17 лет), учитывая известную дату его рождения (7 сентября 1317 г.), указывает на время свадьбы: зима 1334/35 г., то есть не 6841, а 6842 мартовский год. Собой датировки в этих годах в Симеоновской летописи наблюдается и в следующем известии о пожаре в Юрьеве (под 6842 г.), который согласно Новгородской 1 летописи следует датировать 6836 г. Попытка А. В. Экземплярского и солидарных с ним авторов сместить время рождения Семена с 1317 на 1316 г. неубедительна: сообщение это в Симеоновской летописи находится в ряду известий, бесспорно относящихся к 6825 мартовскому году (см.: *Экземлярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 1. Спб., 1889. С. 80. Прим. 209; Коган В. М. История дома Рюриковичей: опыт историко-генеалогического исследования. Спб., 1993. С. 242*). Названная дата первого брака Семена Гордого подтверждается и другими соображениями. Из летописи известно, что свадьба состоялась «тое же зимы». Однако для зимних свадебных периодов 1333 и 1335 гг. это невозможно по той простой причине, что отец жениха (без участия которого эти торжества трудно себе представить) с 6 января по 7 февраля 1333 г. находился в Торжке, а в январе — феврале 1335 г. совершил путешествие в Новгород (см.: *Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 284, 295*). Следует учитывать компилятивный характер статей 6841–6843 гг. в Симеоновской летописи и сомнительные датировки содержащихся в них сообщений (см.: *Кучкин В. А. Указ. соч. С. 141*). Так, предшествующее сообщению о свадьбе Семена Гордого известие о кончине суздальского князя Александра Васильевича опаздывает на два года, а статья следующего, 6842 г. состоит всего из одного новгородского известия о пожаре в Юрьеве, которое в действительности относится к 6836 г. (НПЛ. С. 98). Что касается сообщения о возрасте Семена в момент свадьбы («а князь Семен тогда был семинатцати лет»), то оно носит характер личного припоминания книжника и не совпадает с тем возрастом (16 лет), который явствует из данных самой же Симеоновской летописи о рождении жениха в 6825 г. и браке в 6841 г. Очевидно, замечание о возрасте жениха принадлежит перу составителя Свода 1340 г., который вообще любил такого рода отступления (см.: *Присяжков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. С. 184*). Позднейшие московские летописцы сохранили его комментарий, не обратив внимания на то, что он противоречит постатейной хронологии.

витиеватый характер этого сообщения, уникальная формулировка «брак велик» явно свидетельствуют об особом значении события в глазах современников.

Князь Иван Данилович очень хотел «тишины» в отношениях со своим могущественным соседом великим князем Литовским Гедимином. Война с Гедимином была бы для Ивана подлинным бедствием. Справиться с ним в одиночку он не мог, а звать на помощь татар не хотел, зная, что от их «помощи» пострадали бы прежде всего сами московские земли. Конечно, ни один брак не давал гарантий от военных столкновений между родственниками жениха и невесты. Однако родственные связи, несомненно, увеличивали возможность избежать войны или побыстрее ее прекратить.

Брак князя Семена Ивановича с Анастасией Гедиминовной (как и брак Дмитрия Тверского!) не имел, однако, тех последствий, которых от него ожидали. Первым ребенком в их семье стала дочь, названная Василисой. Она родилась в 1334 или 1335 г. Летописи об этом умалчивают, однако известно, что в 1349 г. Василиса была выдана замуж за князя Михаила Васильевича Капинского — внука казненного в Орде в 1318 г. князя Михаила Тверского³⁴.

В 1337 г. у княжича Семена родился наконец первенец-сын, нареченный Василием. Московские летописи отметили это важное событие: «В лето 6845 (1337) месяца априля в 12 день князю Семену Ивановичу родился сын, и нарекоша имя ему Василеи»³⁵. Княжич родился в Лазареву субботу, канун Вербного воскресенья. По месящеслову 12 марта была память исповедника Василия Парийского — византийского святого, известного своей борьбой с иконоборцами. То было счастливое совпадение. Калита, должно быть, очень хотел, чтобы его внук, которому готовилось великое будущее, носил царское имя. Равным образом и внучка была названа Василисой (в переводе с греческого — «царственная»), конечно, не только по случайности срока рождения.

Внук Калиты, с которым связывали столько надежд, умер через год после рождения. Второй сын у князя Семена и княгини Анастасии родился только в 1341 г. Он умер в тот же день, но его успели все же окрестить и назвать Константином. А еще через четыре года, 11 марта 1345 г., умерла и сама Анастасия Гедиминовна³⁶. Идея династического сближения Москвы и Вильно потерпела неудачу по причинам, не зависевшим от воли людей.

Одним из последствий раздела территории великого княжения Владимирского в 1328 г. стало обесценивание великокняжеского титула. И если в 1328–1331 гг. в Северо-Восточной Руси было два законных великих князя, то в середине XIV в. многие русские князья начинают

³⁴ См.: *Экземпларский А. В.* Указ. соч. С. 88.

³⁵ ПСРЛ. Т. 18. С. 92.

³⁶ Там же. С. 95.

называть себя «великими». При этом обладание Владимиром перестает быть необходимым условием ношения титула «великого князя». Появляются великие князья тверские, нижегородские, рязанские...

Вероятно, летом 1328 г. Иван Калита одержал в Орде и еще одну бескровную победу. Никоновская летопись сообщает, что кроме земель из состава великого княжения Владимирского хан Узбек «и иные княжения даде ему к Москве»³⁷. Вероятно, это были три огромные территории, центрами которых служили города Галич, Белоозеро и Углич. Внук Ивана Калиты князь Дмитрий Донской, передавая эти земли своим сыновьям, назвал их в своем завещании «куплями деда своего».

Историки давно спорят о том, как понимать слово «купля». Скорее всего, Иван Данилович купил в Орде ярлыки, дававшие ему право на управление этими областями³⁸.

Области имели большое стратегическое значение для борьбы с Новгородом за русский Север. Кроме того, Углич с округой имел очень выгодное положение на Волге: отсюда начинались водные пути в тверские, новгородские и белоозерские земли. Наконец, лесные княжества были богаты пушным зверем. Ценные меха составляли важнейший источник пополнения казны московского князя. «Мягкое золото» являлось главной статьей русской торговли с восточными и западными соседями. Известно и то, что князь Иван посылал на Север и артели охотников «сокольников» для добычи высоко ценившихся в Орде ловчих птиц — соколов и кречетов. Местным властям он строго-настрого приказывал беречь сокольников, не брать с них никаких поборов, «занеже ми люди те надобны»³⁹.

Остановившись на 1331 г., когда московский князь Иван Данилович стал хозяином всей территории великого княжения Владимирского, отметим, что это был его важный, однако далеко не решающий успех. Весь опыт прошлых правителей показывал, что трудно получить заветный владимирский венец, но еще труднее сохранить его на длительный срок. И если первую задачу Иван Данилович решил во многом благодаря игре случая и чужим ошибкам, то вторую предстояло решать только самому.

Однако уже то, как князь Иван использовал первые два-три года своего фавора, показало, что он умеет быть не только вторым, но и первым. И дело заключалось не только в его личных талантах. Вся первая треть XIV в., благодаря выдержке и рассудительности Даниловичей, была для Москвы временем накопления сил и средств. За этот период Московская земля, насколько известно, опустошалась лишь дважды: в 1305 и 1307 гг. Этот горький урок пошел на пользу

³⁷ ПСРЛ. Т. 10. С. 195.

³⁸ См.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 247–256.

³⁹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3. М., 1964. С. 15.

Юрию Даниловичу. Он смирился с ролью «второго лица» и воспользовался теми существенными преимуществами, которые доставляла эта роль. Так же поступил и Иван Данилович, сумевший много лет быть смиренным «вторым при втором». Приход Юрия Даниловича на великое княжение Владимирское в 1317 г. был, по-видимому, не столько личным достижением Юрия, сколько прихотью хана Узбека. Но и попав в немилость к хану в 1322 г., Юрий вел себя так, что его личное падение не повлекло за собой опустошения московских земель татарами.

Можно сказать, что «тишина», установившаяся по всей Северо-Восточной Руси с приходом на великое княжение Владимирское Ивана Калиты, была естественным продолжением той «тишины», которая взрастила могущество Москвы в первой трети XIV в.

Разумная политика создавала благоприятные условия для развития экономики. В свою очередь расцвет экономики питал новые устремления в политике.

3. Некоторые особенности внутренней политики Ивана Калиты

Главной заслугой Ивана Калиты как великого князя Владимирского, руководителя всей политической системы Северо-Восточной Руси стал мир. В этом вопросе его собственные интересы совпали с политическими приоритетами хана Узбека, желавшего превратить Владимирское великое княжение в противовес растущему могуществу Литвы.

Однако мир и порядок в самой Руси могли стать реальностью лишь при условии выполнения всех финансовых обязательств по отношению к Орде. В сущности, это были две стороны одной медали: платежеспособность русских земель прямо зависела от политической стабильности, являлась ее финансовым выражением. И наоборот, любой внутренний конфликт вел к срыву ордынских платежей и далее — к окончательному разорению данной территории в результате карательной экспедиции Орды.

Возглавив Северо-Восточную Русь, Иван Калита оказался вынужденным взять на себя роль свирепого «вышибалы» ордынских долгов. Это был путь наименьшего зла. Московские репрессии оказывались далеко не столь пагубными, как имевшие ту же цель ордынские «рати» или «посольства». Задача облегчалась тем, что Калита в эти годы стал бесспорным лидером Великороссии. Те, кого постигал его гнев, не имели возможности апеллировать к противостоящей княжеской группировке: таковая попросту отсутствовала. Лишь возвращение на политическую сцену князя Александра Тверского в конце 30-х годов XIV в. оживило надежды обиженных Москвой на реставрацию прежней, двухполярной

политической системы. Однако Калита сумел своевременно предотвратить эту угрозу.

Установление московского порядка осуществлялось средневековыми методами. Прошедшие через руки московских редакторов летописи молчат об этой темной стороне «великой тишины». Однако некоторые письменные источники донесли до нас жалобы и стоны удельной знати, попавшей под тяжкие жернова московского порядка. Автор «Жития Сергия Радонежского» монах Епифаний Премудрый, рассказывая о детстве и отрочестве своего героя, делает небольшой исторический экскурс. Он сообщает, что в Ростове, где около 1314 г. родился будущий подвижник, царило в то время страшное оскудение. Обнищал и отец Сергия ростовский боярин Кирилл. «Како же и что ради обнища, да скажем и се: яко частыми хоженми еже с князем в Орду, частыми ратми татарскими еже на Русь, частыми послы татарскими, частыми тяжкими данми и выходы еже в Орду, частыми глады хлебными»⁴⁰.

Ко всем бедам ростовцев зимой 1327/28 г. добавилась страшная татарская рать, «глаголема Федорчукова Туралькова». Но и это был еще не конец тяжелых времен. После ухода татар явилась новая беда: «Егда по ней за год един наста насилование, сиречь (потому что. — Н. Б.) княжение великое досталоя князю великому Ивану Даниловичу, купно же и досталоя княжение ростовское к Москве. Увы, увы тогда граду Ростову, паче же и князем их, яко отьяся от них власть, и княжение, и имение, и честь, и слава, и вся прочая потягну к Москве»⁴¹.

Князь Иван предпринял суровые меры по отношению к задолжавшим ростовцам. Посланные им воеводы Василий Кочева и Мина учинили в Ростове настоящий погром. Насилием, а порой и пытками они заставляли жителей отдавать последние деньги и ценности. По-видимому, князь Иван выплатил ханской казне недоимку по ордынской дани с Ростова и за это года три спустя получил от хана право включить Сретенскую половину ростовского княжества в состав великокняжеских владений⁴².

Агиограф несколькими фразами рисует эту черную, неприглядную работу князя Ивана и его людей по «собиранию Руси». Когда московские воеводы вошли в Ростов, «тогда възложиста велику нужю на град да и на вся живушаа в нем, и гонение много умножися. И не мало их от ростовець москвичем имениа своа с нуждею отдаваху, а сами противу того раны на телеси своем с укоризною вземающе и тщина рукама отхождааху. Иже последняго беденьства образ, яко не токмо имениа обнажени быша, но и раны на плоти своей подъяша, и язвы жалостно на себе носипа и претръпеша. И что подобает много глаголати? Толико дръзновение над Ростовом съдеяша, яко и самого

⁴⁰ Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV в. М., 1981. С. 288.

⁴¹ Там же.

⁴² Кучкин В. А. Указ. соч. С. 140–141.

того епарха градского, старейшаго боярина ростовского, именован Аверкый, стремглавы обесиша, и възложиша на ня руце свои, и оставиша поругана. И бысть страх велик на всех слышащих и видящих сиа, не токмо в граде Ростове, но и въ всех пределех его»⁴³.

Однако цель Ивана Калиты заключалась не только в том, чтобы выжать из населения припрятанные средства и решить свои спиюминутные финансовые проблемы. Он смотрел дальше. Беспощадно обирая, например, ростовцев, он в то же время давал им возможность подняться и хотя бы отчасти восстановить свое благосостояние, но уже на другой, Московской земле. И уже в качестве подданных московского князя. «Житие Сергия Радонежского» повествует, что князь Иван, разорив Ростов, в то же время предоставил широкие льготы тем ростовцам, которые готовы были переселиться в Московское княжество. Обширная и слабозаселенная волость Радонеж в северо-восточной части московских земель, ближе всего к границам ростовского княжества, была поставлена в особые условия. Здесь князь Иван «лготу людем многу дарова, и ослабу обещася тако же велику дати. Ея же ради лготы събрашася мнози, яко же и ростовская ради нужа и злобы разбегошася мнози»⁴⁴.

Как и надеялся князь Иван, со временем переселенцы забывали о причиненном им зле. Своим трудом, своей службой они укрепляли Московское княжество. А некоторые из них становились столпами его экономического, военного или духовного могущества. Так, среди ростовцев, перебравшихся в Радонежскую волость после погрома 1328 г., был и сын боярина Кирилла Варфоломей — будущий основатель Троицкого монастыря Сергий Радонежский.

Стремясь упрочить свое положение в ростовско-ярославских и белозерских землях, князь Иван прибегнул к старому, испытанному средству — династическим «бракам по расчету». Одна из дочерей Калиты, Мария, в 1328 г. была выдана замуж за юного ростовского князя Константина⁴⁵. Отец жениха князь Василий Константинович к этому времени уже давно умер, а старший брат Федор, едва ли обрадованный таким поворотом дела, не мог в тех обстоятельствах противиться воле московского князя. (Мнения же самих молодых никто, разумеется, не спрашивал.)

Вероятно, свадьба была сыграна осенью 1328 г., вскоре после возвращения Ивана Даниловича из Орды с великокняжеским ярлыком⁴⁶. Тогда же Калита обеспечил владельческие права своего зятя, организовав формальный раздел города Ростова и Ростовского княжества на две

⁴³ Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV в. С. 288–290.

⁴⁴ Там же. С. 290.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Л., 1928. Стб. 531.

⁴⁶ Ростовская летопись помещает сообщение о женитьбе Константина под 6836 мартовским (?) годом, сразу после сообщения о кончине ростовского епископа Прохора 7 сентября и приезде на Русь митрополита Феогноста (без точной даты) (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 530–531).

половины — Сретенскую и Борисоглебскую. Первая досталась старшему брату, Федору Васильевичу, а вторая младшему, Константину. После смерти Федора в 1331 г. московский князь уговорил хана передать ему Сретенскую половину Ростовского княжества во временное управление, как часть великого княжения Владимирского.

Другая дочь Калиты, Феодосия, в 1339–1340 гг. была выдана замуж за князя Федора Романовича⁴⁷. Ее муж со временем стал старшим в доме белозерских князей. Он не был завистлив, дружно жил со своей московской родней — великими князьями Семеном Гордым и Иваном Красным. В 1375 г. Федор по призыву Дмитрия Московского принял участие в походе на Тверь. В 1380 г. зять Калиты вместе со своим сыном Иваном сложил голову в битве на Куликовом поле, куда он явился в главе белозерских полков. Его владения перешли под власть Москвы.

Княгиня Феодосия Ивановна прожила долгую жизнь. Она еще жила в 1389 г., когда по завещанию Дмитрия Донского основная часть Белозерского княжества была передана его третьему сыну князю Андрею Дмитриевичу. Однако своей тетке Феодосье Дмитрий Донской оставил в пожизненное владение несколько белозерских волостей. После ее кончины они должны были перейти ко вдове Дмитрия Ивановича княгине Евдокии.

Еще одну дочь, Евдокию, Иван Данилович выдал замуж за ярославского князя Василия Давыдовича, внука князя Федора Черного и дочери ордынского хана Тохты. Когда был заключен этот брак — источники не сообщают. Известно лишь, что в 1339 г. Василий уже был зятем Ивана Калиты⁴⁸. Княгиня Евдокия Ивановна умерла в 1342 г., оставив трех сыновей — Василия, Глеба и Романа⁴⁹. Отсюда можно заключить, что она вышла замуж за Василия Давыдовича не позднее середины 30-х годов XIV в.

Родственные узы, связывавшие Калиту с ярославским князем Василием, отнюдь не гарантировали его верность московскому делу. Известно, что в 1339 г. Иван Данилович послылал отряд для захвата зятя, самовольно отправившегося в Орду⁵⁰.

⁴⁷ См.: Кучкин В. А. Указ. соч. С. 306; Коган В. М. Указ. соч. С. 253, 256.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 5. СПб., 1851. С. 221; Т. 39. М., 1994. С. 107; НЛ. С. 350. А. И. Копанев считает недостоверным известие названных летописей о том, что ярославский князь Василий Давыдович был зятем Ивана Калиты. По его мнению, у Ивана Даниловича вообще не было дочери по имени Евдокия. В действительности речь идет об Анастасии, выданной замуж за сына Василия Давыдовича Ярославского — Василия. Этот брак был плодом победы Калиты над его недругами во главе с Александром Тверским в 1339 г. Победенные, среди которых находился и Василий Давыдович, искали таким способом примирения с победителем (см.: Копанев А. И. О «куплях» Ивана Калиты // Исторические записки. Вып. 20. М., 1946. С. 26–30). Однако остается непонятным, зачем понадобилось составителю Свода 1448 г., из которого почерпнули данное известие названные летописи, выдумывать для Калиты небывалого зятя?

⁴⁹ См.: Коган В. М. Указ. соч. С. 177.

⁵⁰ НЛ. С. 350.

Помимо брачных союзов московские правители широко использовали еще один мирный способ овладения соседними землями — покупку. И сам Иван, и его бояре приобретали у местных правителей на началах частной сделки села, деревни и целые волости. Опираясь на эти островки московских владений, они продолжали внедряться в чужие территории.

Историков давно занимает вопрос: откуда Иван Калита брал деньги для своих приобретений? Одни полагают, что он утаивал часть ордынской дани, другие считают, что он резко увеличил торговлю хлебом, третьи указывают на освоение им богатых пушнной областей русского Севера⁵¹.

Но все это не более чем догадки. Заметим, что от исследователей как-то ускользало самое простое и, как нам кажется, естественное объяснение. Московский князь твердой рукой навел относительный порядок в том беспределе анархии, воровства и местного произвола, который царил на Руси. Огромное количество средств (в том числе и тех, которые должны были идти на выплату ордынской дани) попросту разворовывалось всякого рода «сильными людьми». Эту вакханалию грабежа дополнял разбой на дорогах, сильно затруднявший торговлю между городами.

Неизвестный автор статьи «Сие родословятся велицей князи Русьстии», помещенной в рукописи Археографической комиссии перед Комиссионным списком Новгородской 1 летописи, с похвалой отзываясь об Иване Даниловиче за то, что он «исправи Русьскую землю от татен и от разбойник»⁵². Это свидетельство относится к середине XV в. и, по видимому, восходит к более раннему источнику. Некоторые особенности статьи выдают руку новгородца. Да и сама похвала князю Ивану за борьбу с татями и разбойниками как нельзя более естественна именно в устах тесно связанного с торговыми делами новгородца, чье благосостояние особенно страдало «от татен и от разбойник».

По-настоящему приняться за эту работу князь Иван смог только после того, как внес существенные изменения в тогдашние правовые нормы. Согласно древней традиции, крупные земельные собственники (бояре, монастыри, епископские кафедры) имели право суда по всем без исключения уголовным делам в пределах своих вотчин. Однако далеко не все вотчинники могли вести успешную борьбу с разбойничьими шайками. Кроме того, даже изловив злодеев, местные судьи зачастую отпускали их за взятку. Только сильная рука центральной власти могла как следует наладить это сложное дело.

⁵¹ См.: Смирнов П. П. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. // Вопросы истории. 1946. № 2–3. С. 77. М. Н. Тихомиров полагал, что богатство ранней Москвы основано было главным образом на хороших природных условиях этого региона, а также на преимуществах Москвы как основного центра транзитной торговли (см.: Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 396–399).

⁵² НЛ. С. 465.

Иван Калита стал изымать наиболее серьезные уголовные дела из ведения вотчинников и передавать их своей администрации. Сохранилась его грамота новгородскому Юрьеву монастырю. Согласно ей, монастырские люди, жившие в городе Волоке (современный Волоколамск), должны были судиться у своих монастырских властей по всем делам, «опроче татбы, и розбоя, и душегубства»... Расследование и наказание этих преступлений князь вверял своим наместникам.

Случай с юрьевскими вотчинами не исключение. Исследователи древнерусского права отмечают, что в московских землях княжеская администрация взяла в свои руки борьбу с тяжкими преступлениями гораздо раньше, чем в других русских княжествах⁵³.

Но главными ворами всегда были представители местной знати. С ними князь Иван расправлялся «не взирая на лица». Судьба ростовского «епарха градскаго (то есть, видимо, тысяцкого. — Н. Б.), старейшаго боярина» Аверкия, подвешенного за ноги и замученного до полусмерти московскими палачами, служит примером того, какими средствами Иван Данилович сбивал спесь с этих людей.

В этой связи уместно еще раз вспомнить наблюдение С. М. Каштанова относительно слабого развития частнофеодального землевладения (и соответственно — самой земельной аристократии) в Московском княжестве в XIII—XIV вв. как важнейшей предпосылки усиления здесь великокняжеской власти⁵⁴. Заселенное в основном новоприходцами, Московское княжество не знало острого противостояния князя и боярства, характерного для старых ростово-суздальских земель. Выступая верховным собственником практически всей земли, московский князь имел широкие возможности для развития условного землевладения и консолидации правящего класса.

Достоинства Ивана Калиты как правителя редко уживались с христианскими добродетелями. И все же одна из его личных добродетелей, несомненно, была и достоинством правителя. Речь идет о милосердии.

Тема милосердия приобрела особое значение в период «злой татарщины», когда количество «сирых» и «вдовиц» на Руси многократно возросло. Монах Яков в своем послании воинственному ростовскому князю Дмитрию Борисовичу (около 1281 г.) напоминал известные, но оттого не менее важные истины: «...милостивии помиловани будут, милость бо на суде всем лишнее хвалима есть и смерти избавляет»⁵⁵. Он вспоминал и перефразировал «Слова святого Василия»: «Человече, на торгу еще еси житиисцем; да иже торг не разыдется, купи си милостыню нищих помилованье от Бога»⁵⁶.

⁵³ См.: Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 365.

⁵⁴ См.: Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника. Акты X—XVI вв. М., 1996. С. 95.

⁵⁵ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 460.

⁵⁶ Там же. С. 612.

Исходя «из худшего», можно утверждать, что прославленное «Похвалой» и летописью милосердие Ивана Калиты — не более, чем дань «литературному этикету», требовавшему изображать князей идеальными правителями. Однако от подобных подозрений князя спасает уникальное прозвище, иронический оттенок которого убеждает, что оно родилось в народе, а не выдуманно придворными книжниками. Подобно тому как Александр Невский остался в памяти народа как храбрый, а Иван IV как грозный правитель, — так Иван Данилович стал в ней символом правителя доброго. Именно так его и называет один из древних источников — Иван Добрый⁵⁷.

В. О. Ключевский, весьма скептически отзывавшийся о способностях московских князей XIV–XV вв., нашел, однако, несколько добрых слов для Калиты. Историк тонко почувствовал, в чем состояло своеобразное очарование личности князя Ивана для современников. Став великим князем, Иван Данилович «первый начал выводить русское население из того уныния и оцепенения, в какое повергли его внешние несчастья. Образцовый устроитель своего удела, умевший водворить в нем общественную безопасность и тишину, московский князь, получив звание великого, дал почувствовать выгоды своей политики и другим частям Северо-Восточной Руси. Этим он подготовил себе широкую популярность, то есть почву для дальнейших успехов»⁵⁸.

Но Калита как историческая личность был гораздо значительнее, чем просто добрый и милосердный правитель, хороший хозяин, «образцовый устроитель своего удела». Порядок, который он навел в своем Московском княжестве и других подвластных ему землях, был, по существу, новым решением вечной проблемы власти. Разрозненные русские княжества XIII в., стоявшие под властью татар, не способны были консолидироваться в единый политический организм. Историки справедливо говорят о «кризисе средневековой Руси» во второй половине XIII столетия, когда преобладающими в жизни страны стали процессы упадка и дезинтеграции.

В сущности, князь Иван сотворил чудо: из мертвых с точки зрения будущего политических молекул он создал живую, способную к развитию клетку — Московское княжество.

Наведя порядок на дорогах и усмирив произвол местных князей в городах, Иван Данилович заслужил благодарность купцов. В годы его княжения они вздохнули с облегчением. Торговля пошла в гору. Однако, судя по всему, князь не замедлил наложить и на купцов свою тяжелую руку. Одной рукой расчищая им путь, он другой рукой душил их тяжкими налогами.

⁵⁷ НЛ. С. 561. Статья, в которой представлено родословие русских князей, содержится в составе рукописи 60-х годов XVI в. после Троицкого списка Новгородской I летописи (Отдел рукописей РГБ. МДА, 69).

⁵⁸ Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. Т. 2. М., 1988. С. 20.

Административно-хозяйственная сторона правления Ивана Калиты вообще очень мало известна. Почти единственным источником служит его завещание («духовная грамота»), сохранившееся в двух вариантах. Точная дата его написания неизвестна.

Анализируя эти грамоты, сравнивая их с завещаниями его сыновей и внуков, исследователи приходят к выводу, что князь Иван много занимался развитием налоговой системы в своих землях. Его труды в этой области требуют особых комментариев.

Во второй половине XIII в. на Руси существовали две самостоятельные налоговые структуры. Одна, укомплектованная в основном татарами и «бессерменами», занималась сбором ордынского «выхода»; другая, княжеская, обеспечивала Рюриковичей средствами для содержания дружины, ведения войны и иных нужд. Со временем русские князья сумели убедить хана передать сбор ордынской дани в их руки. Каждый князь стал лично собирать и отвозить к ханскому двору причитавшийся с его удела ордынский «выход». Новый порядок избавил страну от сотен и тысяч чужеземных паразитов — откупщиков, сборщиков дани. Однако и он был весьма несовершенен. Путевые расходы, связанные с частыми поездками в Орду, разоряли мелких князей, делали их неоплатными должниками ордынских ростовщиков. Требуя выплаты княжеских долгов, татары подчистую разоряли целые города и волости. Кроме того, такой порядок отношений с Ордой способствовал возникновению новых усобиц, так как младшие князья часто использовали свои поездки в Орду для плетения всевозможных интриг против старших сородичей.

Следующим шагом в развитии системы сбора ордынской дани стало признание ханом исключительного права великого князя Владимирского на получение и доставку в Сарай «выхода» со всех русских земель. Разумеется, расплывчатость правовых норм и огромное значение личных контактов в этом патриархальном обществе приводили к тому, что элементы старой системы еще очень долго сохранялись внутри новой. Ханские баскаки и откупщики собирали дань в некоторых областях Руси и после упразднения старой налоговой системы; некоторые местные князья самостоятельно вели дела с Ордой и после признания особых прав в этой области великого князя Владимирского. И все же введение «ордынской монополии» великого князя Владимирского было большим шагом вперед на пути создания единого Русского государства.

Некоторые историки полагают, что именно Иван Калита создал эту новую систему. Источники не содержат, однако, прямых подтверждений этого положения. Единственным косвенным доказательством можно считать одну загадочную фразу Никоновской летописи. Рассказав о передаче Ивану Даниловичу великого княжения Владимирского в 1328 г., летописец многозначительно добавляет: «и иныя княжения даде ему к Москве»⁵⁹. Возможно, имелась в виду не привилегия Калиты на

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 10. С. 195.

сбор ордынского «выхода», а лишь «купли» князя (Углич, Галич и Белоозеро) и пожалованные ему права на половину Ростовского княжества.

Всегда осторожный в своих догадках В. О. Ключевский объяснял это следующим образом. «Татары по завоевании Руси на первых порах сами собирали наложенную ими на Русь дань — ордынский выход, для чего в первые 35 лет ига три раза производили через присылаемых из Орды численников поголовную, за исключением духовенства, перепись народа, но потом ханы стали поручать сбор выхода великому князю Владимирскому. Такое поручение собирать ордынскую дань со многих, если только не со всех, князей и доставлять ее в Орду получил и Иван Данилович, когда стал великим князем Владимирским. Это полномочие послужило в руках великого князя могучим орудием политического объединения удельной Руси»⁶⁰.

Как бы там ни было, князь Иван собирал ордынский «выход» со всей Северо-Восточной Руси и Новгорода. Он очень дорожил этой привилегией и запечатлел ее в своем титуле. Первым из великих князей Владимирских Калита стал именоваться «князь великий всея Руси»⁶¹. Видимо, здесь он последовал примеру митрополита, который в ответ на галицкий церковный сепаратизм начал именовать себя «митрополит всея Руси»⁶².

В поисках выхода из финансовых затруднений Иван Данилович набрел на идею, которая оказалась плодотворной. Он начал расплачиваться со своими слугами не деньгами, а землями. Однако земли эти они получали не «в вотчину», то есть на правах частной собственности,

⁶⁰ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 21. По мнению Г. В. Вернадского, хан Узбек (1313–1341), придя к власти, «реализовал один новый проект: поскольку он даровал право собирать налоги ряду крупнейших русских князей, институт баскаков стал излишним, поэтому вместо них хан назначил специальных уполномоченных, наблюдавших за делами в том или ином русском княжестве (Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997. С. 205). Если это так, то следует признать, что первым среди великих князей Владимирских эту систему наладил именно Иван Калита. Его предшественники, владевшие владимирским столом в первой четверти XIV в., попросту не имели времени для столь сложного и хлопотного дела, как переустройство налоговой системы. Но если Иван Данилович первым наладил новую систему — то он первым и воспользовался теми преимуществами, которые она давала главному сборщику. Вместе с тем, нельзя не согласиться с Ч. Гальпериним в том, что введение новой системы шло постепенно, по мере экономической и политической готовности регионов к нововведению (Halperin Ch. Russia and the Golden Horde. Bloomington, 1985. P. 38). Наиболее сильные князья получали от хана в качестве привилегии право лично, без посредников доставлять дань в Орду. Владимирские князья, разумеется, всеми средствами боролись с этими привилегиями. Равным образом и местные «великие князья», имевшие такие привилегии, шли на любые средства, чтобы помешать своим младшим братьям напрямую сноситься с Ордой.

⁶¹ Каптанов С. М. Указ. соч. С. 73.

⁶² Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966. С. 103.

а во временное, условное держание. В завещании Калиты среди прочих встречается и следующее указание: «А что есмь купил село в Ростове Богородичское, а дал есмь Бориску Ворькову, аже иметь сыну моему которому служити, село будет за ним, не иметь ли служити детем моим, село отонмут»⁶³. Историки по-разному объясняют это довольно загадочное распоряжение московского князя. Все сходятся на том, что по своему положению Бориска Ворков, несомненно, помещик, однако далее мнения расходятся. Некоторые считают его первым и даже единственным в то время русским помещиком; другие (как, например, Н. П. Павлов-Сильванский) полагают, что таких, как он, помещиков во времена Калиты было уже много. Особое упоминание Воркова в завещании московского князя Павлов-Сильванский объясняет тем, что это поместье находилось не в московских землях, а в чужом княжестве. «О селах, пожалованных слугам в пределах московских владений, разделенных между князьями-наследниками Семеном, Иваном и Андреем, не надо было упоминать особо, потому что условия пожалования были хорошо известны, а принадлежность таких сел тому или другому князю определялась границами выделенных уделов»⁶⁴.

Так или иначе, Иван Калита, несомненно, одним из первых среди русских князей оценил преимущества поместного землевладения. С его легкой руки оно со временем станет повсеместным, а выросшее на его основе дворянство — военно-административным каркасом Российского централизованного государства.

Среди доходных статей своего бюджета Иван Данилович особо выделял торговые пошлины. И на то были все основания. Если прямой поземельный налог, взимаемый с крестьян («дань»), нельзя было увеличить без риска разорить земледельцев, то городские оброки могли возрасти по мере оживления торговли и промыслов. Вероятно, именно при Калите в Московском княжестве появилась новая торговая пошлина с татарским названием «тамга»⁶⁵. Она равнялась определенной части от стоимости проданного и купленного товара. Размер тамги мог изменяться в зависимости от обстоятельств и распоряжений местных властей. Поначалу тамга шла исключительно в ханскую казну и ее сбором занимались сами татары. Она дополнила старую русскую таможенную пошлину — «осьмичное», равную восьмой части цены товара. Существовала в то время еще одна торговая пошлина — «мыт».

⁶³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 10. (Далее — ДДГ.)

⁶⁴ Павлов-Сильванский Н. П. Указ. соч. С. 453.

⁶⁵ См.: Каштанов С. М. Финансовое устройство Московского княжества в середине XIV в. по данным духовных грамот // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 178. Вопрос о налогах и повинностях населения Руси в «татарский период» весьма сложен и имеет обширную историографию (см.: Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 215–238; Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 30–35; Halperin Ch. Op. cit. P. 33–43).

Она взималась при пересечении купеческим обозом границы княжества, уезда или города.

Распределение доходов от торговых пошлин между княжеской и ханской казной было подвижным, изменчивым. Случалось, что московские Даниловичи уговаривали хана пожаловать им тот или иной город или признать право на его захват под условием передачи татарам сбора в этом городе тамги, осьмичного или мыта. Бывали и обратные случаи, когда доходные статьи, принадлежавшие прежде татарам, возвращались в карманы князей московского дома⁶⁶.

Внимательный ко всему, что могло принести доход, князь Иван не упустил из виду и торговлю хмельным «медом». Есть оснований думать, что он расширил производство «меда» в своих подмосковных «варях», то есть варницах, где собранный бортниками мед диких пчел превращался в веселящую душу медовуху⁶⁷.

Спрос на хмельную продукцию княжеских «варей» был постоянным. Пили русские люди в ту темную пору весьма и весьма основательно, отгоняя хмелем тоску и безысходность. Хмель гулял по избам и по княжеским теремам. Монах Яков в послании к ростовскому князю Дмитрию Борисовичу (около 1281 г.) умолял его: «...блюдися запойства!»⁶⁸.

Неистовое пьянство сопровождало тяжкие бедствия, которыми так обильна была тогдашняя русская жизнь. По воспоминаниям игумена Пафнутия Боровского, во время «великого мора» 1427 г. одни постригались в монахи, а другие, напротив, «питию прилежаху, заве множество меду пометнуто и презираемо бе». Дикое пиршество в заброшенных домах порою прерывалось тем, что «един он пиющих внезапно пад умераше; они же, ногами под лавку впах, паки прилежаху питию»⁶⁹.

Подводя итог всему сказанному выше, отметим следующее. В литературе идет давний спор о том, насколько самостоятельной была политика Ивана Калиты. Одни историки склонны видеть в нем всего лишь «верного слугу хана, блюстителя ордынских интересов»; другие признают его политику «относительно прогрессивной», а его самого представляют крупной исторической фигурой⁷⁰. По-разному понимают и главные цели ордынской дипломатии в эпоху Калиты. Согласно одной

⁶⁶ См.: *Кашианов С. М.* Финансовое устройство Московского княжества... С. 184.

⁶⁷ См.: Там же. С. 186.

⁶⁸ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. С. 456.

⁶⁹ Волоколамский Патерик (по рукописи Московской Синодальной библиотеки № 927). *Сергиев Посад*, 1915. С. 17.

⁷⁰ Первую точку зрения высказывал А. Н. Насонов, позднее — Дж. Фенел (см.: *Насонов А. Н.* Монголы в Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л., 1940. С. 93; *Fennell J.* Op. cit. P. 120); второй придерживался, например, Л. В. Черепнин (см.: *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 512).

точке зрения, хан был озабочен прежде всего сохранением баланса сил в Северо-Восточной Руси, нейтрализацией объединительных тенденций; сторонники другой точки зрения считают главной заботой Орды создание на основе великого княжения Владимирского сильного военно-политического противовеса Литве, быстро расширявшей свою экспансию на восток.

Состояние источников не позволяет дать однозначный ответ на вопрос о приоритетах ордынской политики по отношению к Северо-Восточной Руси. Однако уже то немногое, что известно о деятельности Ивана Калиты, позволяет утверждать, что в узких рамках своей самостоятельности он проводил энергичную работу на благо Москвы, а в конечном счете — и всей Северо-Восточной Руси.

Согласно известному афоризму, «политика — это искусство возможного». И чем меньше сфера возможного, тем выше мастерство политика, который, несмотря ни на что, добивается успеха.

4. Превращение Москвы в религиозный центр Северо-Восточной Руси

После кончины митрополита Петра патриарх Исая поставил митрополитом Киевским и всея Руси своего придворного клирика Феогноста. Точные даты поставления Феогноста в Константинополе, а также его въезда в Киев, Владимир или Москву неизвестны. Это еще раз свидетельствует о том, что московское летописание второй четверти XIV в. было слабо связано с митрополичьей кафедрой. Летописи, восходящие к Своду 1408 г., под 6836 г. содержат лаконичную запись о поставлении «Феогноста Гречина» митрополитом «на всю Русскую землю»⁷¹.

Впрочем, определенные хронологические ориентиры может дать история Византии. Там осенью 1327 г. предельно обострилась борьба между императором Андроником II и его внуком, будущим императором Андроником III. Оба противника стремились заручиться поддержкой высшего духовенства. Патриарх Исая отказывался выполнить требование императора Андроника II и отлучить мятежного внука от церкви. За это он был лишен престола и отправлен в монастырь. Лишь окончательная победа Андроника III, захватившего Константинополь 23 мая 1328 г., вернула патриарху свободу и власть⁷². Таким образом, вопрос о назначении Феогноста на русскую митрополию мог быть решен или до кризиса (летом 1327 г.) или уже после развязки династической драмы.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 44; Т. 18. С. 90–91.

⁷² Nicol D. M. The last centuries of Byzantium, 1261–1453. Cambridge University Press, 1993. P. 159–161.

В пользу первого варианта свидетельствует известная запись о поставлении русских епископов при митрополите Феогносте в Ватиканском греческом сборнике, опубликованная В. Н. Бенешевичем в приложениях ко второму изданию «Памятников древнерусского канонического права». Она сообщает, что в мае 1328 г. митрополит Феогност был во Владимире-Волынском, где поставил местного владыку Афанасия⁷³. А если так, то, стало быть, Феогност прибыл на Русь летом 1327 г. (греческие архиереи приезжали на Русь обычно морским путем, который был доступен только летом, путешествие по суше зимой 1327/28 гг. было опасным и по причине гражданской войны, охватившей Византию в это время). На раннюю дату поставления Феогноста (не позднее лета 1327 г.) указывает и обоснованная выше дата кончины митрополита Петра — декабрь 1325 г. Летом 1326 г. в Константинополь прибыли русские послы и кандидаты на митрополию (одним из них был, вероятно, некий архимандрит Феодор, которого митрополит Петр желал видеть своим преемником на кафедре). Избрание нового главы Русской Церкви было отложено до лета 1327 г., что дало византийцам возможность тщательно изучить ситуацию и выбрать лучший вариант.

Трудной задачей для нового митрополита стала ликвидация самостоятельной Литовской митрополии, открытой в 1316–1317 гг. по ходатайству литовского князя Гедимина. С этой целью он должен был провести какое-то время в Юго-Западной Руси. Сумел ли он решить эту задачу, неизвестно. Но как бы там ни было, только в начале 1329 г. новый глава Русской Церкви смог отправиться на северо-восток.

Приезд на Русь нового митрополита не вызвал особой радости у Ивана Калиты. По-видимому, он ожидал увидеть на кафедре совсем другого человека — некоего архимандрита Феодора, которого в конце жизни Петр наметил своим преемником⁷⁴. Некоторые историки полагают, что этот Феодор позднее был епископом в Галиче⁷⁵. Примечателен и сам факт появления «наследника» Петра. Церковные правила запрещают передавать митрополичью кафедру «по наследству», от одного лица к другому. Несмотря на это, русские митрополиты постоянно намечали себе преемника и всячески домогались у патриарха его утверждения.

Иван Калита не повторил ошибки Михаила Тверского, поссорившегося с митрополитом Петром. С самого начала он стремился быть в добрых отношениях с новым митрополитом, оказывал ему самое радуш-

⁷³ РИБ. Русская историческая библиотека. 2-е изд. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Спб., 1908. Однако эта дата противоречит известию Никифора Григоры о поставлении митрополита Феогноста в 1328 г. (см.: Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913. С. 265). Возможно, Феогност был поставлен в самом начале 6836 сентябрьского года, то есть в сентябре 1327 г., до начала византийской «смуты».

⁷⁴ См.: Седова Р. А. Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993. С. 26.

⁷⁵ См.: Махарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. 3. М., 1995. С. 26, 364.

ное гостеприимство в Москве. Феогност не раз останавливался в Москве, жил во дворце святителя Петра на Боровицком холме. Однако он (вопреки мнению некоторых историков) никогда не был «усердным москвичом», «усердным помощником Калиты»⁷⁶. Опасаясь быть втянутым в распри русских князей и понимая, сколь переменчива судьба и ханская милость, Феогност всегда стремился встать над схваткой. Конечно, это не мешало ему воздавать должное победителю и сотрудничать с ним — до нового поворота колеса Фортуны.

Позиция византийского ставленника на митрополии Киевской и всея Руси была сходной с позицией хана Золотой Орды. Как митрополит, так и хан были заинтересованы в сохранении политической раздробленности, повышавшей авторитет каждого из них как верховного судьи в своей области. Оба они опасались усиления Великого княжества Литовского, которое вело к выходу обширных территорий из-под их контроля. Ответом хана на вызов Литвы стал курс на консолидацию Северо-Восточной Руси под эгидой великого князя Владимирского и под пристальным надзором Орды. Ответом митрополита на литовский и галицкий (в смысле — польский) церковный сепаратизм стал курс на сближение с Ордой и ее креатурами — московскими князьями. Основой для такого курса являлся тот факт, что до середины XIV в. Орда сохраняла сильное влияние на ход событий в Юго-Западной Руси, где по-прежнему сидели ханские баскаки и собирався ордынский «выход». Правители польско-литовского происхождения, постепенно вытеснявшие здесь последних Рюриковичей, до поры до времени признавали верховную власть Орды и прислушивались к ее мнению в церковно-административных вопросах.

Что касается константинопольской патриархии, то ее непосредственное влияние на ход событий в Восточной Европе было весьма ограниченным. Империя остро нуждалась в деньгах для укрепления армии. Деньги, поступавшие через митрополита из русских земель, стали «почти единственным источником средств для поддержания Византийской империи. Империализм же в церковной области, по отношению к России, выражался главным образом в двух принципах: архиерей из Византии и нераздельность территории Русской митрополии при таком предположении»⁷⁷. Однако угрозы и посулы со стороны правителей Литвы и Польши порой заставляли патриархию изменять своим принципам. Отстаивая эти принципы, митрополит Киевский часто оказывался солдатом, преданным своими генералами. Не имея надежного тыла в Константинополе, он вынужден был искать поддержки у тех, кто обладал реальным влиянием на ход событий в Восточной Европе.

⁷⁶ *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви. Т. 1. М., 1991. С. 305; *Fennell J.* A History of the Russian Church to 1448. London; New York: Longman, 1995. P. 136.

⁷⁷ *Соколов П. П.* Указ. соч. С. 265; см. также: *Борисов Н. С.* Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. М., 1976. С. 63–71.

Весной 1329 г. Феогност прибыл в Новгород⁷⁸. Летописи не сообщают точной даты его визита. Вероятно, он участвовал в торжествах «Соборного воскресенья» («недели православия») и приуроченном к этому дню епархиальном съезде духовенства (12 марта 1329 г.).

Иван Калита и новгородцы обратились в Феогноста с просьбой о помощи в борьбе с мятежным князем Александром Тверским, укrywшимся во Пскове.

Митрополит отправил грамоту Александру, в которой повелевал ему явиться на ханский суд. Тверской князь не послушал митрополичьего слова. Тогда Феогност отлучил от церкви не только его самого, но и весь Псков и всю псковскую землю⁷⁹. Эта небывалая церковная кара смутила псковичей. Затворились все церкви, прекратились службы, умолкли колокола. Попы перестали крестить новорожденных, причащать и исповедовать. Между тем это был конец Великого поста, когда по древней традиции даже самые беззаботные бродяги тянулись в церковь, чтобы исповедаться и причаститься Святых Тайн. Поразмыслив, князь Александр собрал псковичей на вечевой площади и обратился к ним с такими словами: «Братия и друзи вернии, и любовьнии и храбрии псковичи! Не буди на вас отлучения и проклятия святительскаго мене ради худаго и грешнаго. И не буди крестнаго вашего целованна на мене грешнем и худем, ни моего на вас. И се убо аз худый отхожу от вас в Немцы и в Литву, да вам и вашей земле никоея же тягости от царя Азбяка и от русских князей не будет. И да починуть вси врази мои, гонящии мя и ищущии душу мою изъяти от мене»⁸⁰.

Патетический рассказ Никоновской летописи о добровольном изгнании князя Александра, решившего пожертвовать своими личными интересами для блага псковичей, никак не согласуется с комментарием новгородского летописца. По его объяснению, псковичи попросту «выпроводиша князя Олександра от себе»⁸¹.

В истории с отлучением Александра Тверского митрополит Феогност выполнил не столько просьбу Калиты, сколько приказ Ор-

⁷⁸ НЛ. С. 98. Учитывая мартовский стиль данной летописи, можно уточнить срок прибытия Феогноста в Новгород: не ранее 1 марта 1329 г.

⁷⁹ «Князь великий Иван Данилович... намолви митрополита Феоноста, и посла митрополит проклятие и отлучение на князя Александра и на пскович» (ПСРЛ. Т. 5. С. 219; Т. 39. С. 106; Т. 4. Вып. 1. Пг., 1915. С. 263). Эта версия событий восходит к Своду 1448 г. и имеет тверское, либо псковское происхождение (см.: Лурье Я. С. *Общерусские летописи XIV–XV вв.* Л., 1976. С. 103). В Никоновской летописи говорится, что Иван Калита «нача увещевати и мълвити пресвященнаго митрополита Феогнаста, дабы отлучением и запершением связал его (Александра Тверского. — Н. Б.), и послал во Орду ко царю Азбяку» (ПСРЛ. Т. 10. С. 202). Однако это не новая версия событий, а всего лишь амплификация — типичный для поздних летописей прием, на который указывал еще А. А. Шахматов (см.: *Шахматов А. А. Указ. соч.* С. 42). Известие Никоновской восходит к версии Свода 1448 г.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 10. С. 202.

⁸¹ НЛ. С. 98, 342.

ды. По многим причинам он хотел угодить хану. Однако эта история еще раз показала Калите, сколь сильные средства воздействия имеет в своем распоряжении глава Русской Церкви. Теперь необходимо было убедить Феоноста последовать примеру святителя Петра и обосноваться в Москве. Но для этого и сама Москва должна была стать достойной расположения нового митрополита Киевского и всея Руси.

Обстоятельства и недостаток средств не позволяли Ивану возвести храм, подобный Успенскому собору во Владимире или Софийскому собору в Киеве. И все же он сумел исполнить задуманное. Согласно Библии царь Соломон строил свой храм семь лет. Не разменяв на мелочи выпавшую ему крупную удачу (падение Твери, временное затишье в междукняжеских распрях), присовокупив к ней собственные достижения (дружба с митрополитом Петром, доверие хана Узбека), московский князь сумел почти за те же «соломоновы» семь лет выстроить в московском Кремле пять небольших белокаменных храмов. Зримо соединенные в единый архитектурный ансамбль, а незримо — в некую теологическую формулу величия Москвы, они образовали духовное целое.

Продолжая традицию, восходящую к Ивану Калите, московские государи и в более поздние времена любили строить храмы, состоявшие из нескольких небольших храмов-приделов, соединенных композиционно (через их формы) и духовно (через их посвящения) в единое целое. Это «собирательное» начало в древнерусской архитектуре в XVI в. увенчалось такими перлами, как храм Василия Блаженного и Спасо-Преображенский собор Соловецкого монастыря.

Московскому Успенскому собору необходима была соответствующая «свита» — придел-усыпальница для епископов, соборная звонница, а также (если вести дело по владимирскому или ростовскому образцу), дворцовая церковь и придворный монастырь с каменным собором. Успенский сбор как бы «тянул» за собой целую строительную программу, исполнение которой должно было придать московскому Кремлю облик, достойный резиденции великого князя Владимирского и митрополита Киевского и всея Руси.

Примечательно, что московские летописцы, часто пропускавшие целые пласты событий, бережно сохранили сведения о строительстве Ивана Калиты. По-видимому, они осознавали его особое историческое значение. Вероятно, эта информация содержалась и в московском Своде 1340 г., и в тех записях и надписях, которые сохранялись в самих храмах. В посвящениях храмов, а также в датах их закладки и освящения угадывается сложная символика, связанная с московским княжеским домом и общерусскими духовными традициями.

Как и все люди той эпохи, князь Иван полагал, что между ним и Господом находится множество земных и небесных посредников, от простого монаха, молящегося о здравии князя, до самой Пречистой Богородицы, нашей общей заступницы. Среди этих посредников князь

особенно выделял своего патронального святого Иоанна Предтечу, а также преподобного Иоанна Синайского. Его знаменитый трактат «Лествица» (то есть «лестница»), рассказывающий о путях достижения духовного совершенства, был переведен с греческого на старославянский язык еще в XI в. и пользовался огромной любовью русских иноков. Сам Иоанн Синайский, которого на Руси называли обычно «Иоанн Лествичник», почитался церковью как один из отцов христианского монашества.

Именно ему, своему святому тезке, наставнику иноков, задумал Калита посвятить новую каменную церковь-колокольню в московском Кремле⁸². Уже во второй половине 1328 г. (вероятно, с приездом князя Ивана из Орды) начались подготовительные работы по заготовке строительных материалов. Возможно, кое-что оставалось и от строительства Успенского собора.

По мнению современных исследователей, церковь-колокольня являлась весьма оригинальным сооружением. «Иван Лествичник 1329 г. был однопрестольным, без подклета, выше средней высоты башнеобразным призматическим восьмигранником, с закомарами, барабаном и главой»⁸³. Трудно даже предположить, к какой архитектурной школе принадлежали мастера, создавшие церковь Иоанна Лествичника. «Это было, судя по всему, еще небывалое на Руси сооружение. Отсутствие в русских источниках каких-либо более ранних известий о церквах такого рода позволяет считать, что церковь «иже под колоколы» была построена впервые и названа так впервые»⁸⁴.

В воскресенье, 21 мая 1329 г., толпы москвичей собрались в Кремль, чтобы стать свидетелями торжественной церемонии — закладки церкви Иоанна Лествичника. Согласно некоторым летописям, князь Иван в это время еще не вернулся из псковского похода. «Того же лета мая 21, егда бысть князь великии в Новгороде, заложена бысть церковь камена на Москве — Иоанн Лествичник»⁸⁵. Очевидно, Калита не знал, сколько времени ему придется еще пробыть в Новгороде, и потому

⁸² Наиболее детальную запись об этом событии содержит Никоновская летопись: «В лето 6837. Основана бысть церковь камена на площади Иоаннъ Лествичный, иже естъ под колоколы» (ПСРЛ. Т. 10. С. 201). Однако сообщение Симеоновской летописи, восходящее к Своду 1408 г. и более ранним московским памятникам, содержит точные даты: «В лето 6837 месяца Маиа в 21, на память святого правовернаго царя Костянтина и матери его Елены, основана бысть церковь камена на Москве, во имя святого отца Ивана Лествичника; того же лета свершена и священа бысть месяца Сентября в 1 день, на память святого отца Симеона Столпника» (ПСРЛ. Т. 18. С. 91).

⁸³ Кавельмахер В. В., Панова Т. Д. Остатки белокаменного храма XIV в. на Соборной площади московского Кремля // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С. 77.

⁸⁴ Там же. С. 74.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 23. Спб., 1910. С. 103; ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. Уваровская летопись. М.: Л., 1963. С. 68.

велел начинать строительство без него. Однако день закладки храма, конечно, не мог быть избран без его ведома.

Кто же играл главные роли в церемонии закладки церкви Иоанна Лествичника? Вероятно, здесь распоряжался тысяцкий Протасий Вельяминов — душеприказчик митрополита Петра. Возможно, что средства для постройки храма в честь учителя иноков были завещаны Петром. На это косвенно указывает одно место из первоначальной редакции жития Петра, написанной кем-то из его современников. Здесь говорится, что перед кончиной Петр призвал Протасия Вельяминова. Этого боярина он особенно любил за его милосердие и нищелюбие. Благословив его, Петр «вда ему влагалище, еже на строение церкви и на поминание своея памяти, и прочаа дома церковныя приказа»⁸⁶.

21 мая праздновалась память «святого правоверного царя Константина и матери его Елены»⁸⁷. Для людей той эпохи имя римского императора Константина Великого (309–337) символизировало торжество христианства над язычеством, прекращение эпохи гонений. Византийцы считали его основателем своего государства, идеальным правителем, чьи деяния служат вечным образцом для подражания, а узаконения — незыблемыми устоями порядка в империи.

По легенде, мать Константина Елена, исполняя волю сына, отыскала в Палестине Животворящий Крест, на котором был распят Спаситель. По приказу Константина над пещерой Гроба Господня был сооружен храм во имя Воскресения, ставший маяком для паломников со всего христианского мира.

Величественный образ императора Константина, созданный многовековой христианской традицией, неотступно стоял перед мысленными глазами Ивана Калиты. С годами князь находил все более и более общего в своей собственной судьбе и судьбе «царя Константина». Подобно Константину, он видел свое высшее назначение в том, чтобы утвердить христианство, искоренить ереси, избавить православных от насилия «поганых». Вслед за Константином князь Иван стремился перенести столицу страны из старого города в новый, молодой. Он мечтал основать новое сильное государство, которому суждено великое будущее.

Московские книжники, посвященные в чаяния своего князя, не случайно к концу жизни называли его русским Константином. Такого почетного сравнения удостоивались лишь очень немногие правители Древней Руси.

Подтверждение своей духовной близости с царем Константином князь Иван мог видеть и в некоторых случайных совпадениях, которые в ту пору рассматривали как намеки на сокровенный, провиденциальный смысл. Московский князь правил ровно через тысячу лет после Константина. Такой вывод позволяет сделать, например, Летописец

⁸⁶ Седова Р. А. Указ. соч. С. 25.

⁸⁷ Сергий (Спасский). Полный месяцеслов Востока. Т. 2. М., 1997. С. 151.

патриарха Никифора с русскими статьями в пергаменной Новгородской кормчей (ГИМ. Синод. № 132, л. 567 об. — 575 об.), написанной в конце XIII в. Здесь содержится ряд хронологических выкладок, относящихся к Константину Великому: «От Възнесения Христова до 1 собора лет 318, а от Адама до умъртвия Костянтинова лет 5836»⁸⁸. Таким образом, от Сотворения мира до кончины Константина Великого книжник насчитывает 5836 лет. Строительство церкви Иоанна Лествичника в московском Кремле началось в 6837 г., а замысел и подготовительные работы можно отнести к юбилейному 6836 г. Библейская традиция придавала «круглым датам» особое мистическое значение. И мог ли такой любитель всякой книжной премудрости, как князь Иван, оставить без внимания эти знаменательные рубежи?

Являясь средством постижения мира, средневековая символика была сложной и многослойной, как мир. В истории постройки церкви Иоанна Лествичника общехристианские образы и символы тесно переплетались с личными, относящимися только к семье Ивана Калиты. За три года до постройки церкви, 30 марта 1326 г., «на память святого преподобного отца Ивана Лествичника князю Ивану Даниловичу родился сын и наречен бысть Иван»⁸⁹. Соответственно, святой Иоанн Лествичник стал считаться небесным покровителем сына Калиты.

⁸⁸ Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности // Археографический Ежегодник за 1960. М., 1960. С. 237.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 18. С. 89. Возникает вопрос о том, какой святой считался небесным покровителем Ивана Красного? Главный святой дня 30 марта — преп. Иоанн Лествичник. Однако на печатях князя Ивана Ивановича Красного изображен не он, а святой с Евангелием, то есть святитель. Очевидно, это Иоанн, патриарх Иерусалимский, память которого находится под 30 марта в некоторых древних месяцесловах (см.: Соболева Н. А. Русские печати. М., 1991. С. 148; Сергей (Спаский). Полный месяцеслав Востока. Т. 2. С. 91). Остается неясным, почему Иван Красный изображал на своих печатях (или почему он считал своим патроном) не популярного Иоанна Лествичника, а малоизвестного Иоанна Иерусалимского? Равным образом и князь Семен Гордый, родившийся 7 сентября 1317 г. и названный явно в честь преп. Симеона Столпника (память — 1 сентября), на своих печатях изобразил какого-то мученика с крестом, точная идентификация которого затруднительна (см.: Кучкин В. А. К датировке завещания Симеона Гордого // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 год. М., 1989. С. 103; Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 2. М., 1970. С. 26; Лосева О. В. Месяцесловы и именованья в Древней Руси // Румянцевские чтения. Ч. 2. М., 1996. С. 68–69). Объяснить эту странную ситуацию можно лишь после того, как будут даны ответы на три вопроса: 1) сколько строго соблюдался иконографический канон в таком специфическом виде художественного ремесла, как печати; 2) мог ли князь иметь двух небесных покровителей с одинаковым именем; 3) на основании каких соображений назначался день официального восшествия князя на престол и отмечалась ли как-то память святого этого дня? Но уже сейчас очевидно, что Семен Гордый ощущал определенную духовную связь с мучеником Созонтом, в день памяти которого он родился, а Иван Красный считал своим покровителем (возможно, «неофициальным», сугубо личным) Иоанна Лествичника. То же самое можно сказать и о самом Иване Калите. Поместив на своих печатях изображение Иоанна Предтечи,

«Царица» Елена была тезоименитой святой жены Ивана Калиты княгини Елены.

Церковь Иоанна Лествичника освящалась в пятницу, 1 сентября 1329 г. Как обычно, для торжества такого значения был избран нерабочий день, когда все горожане могли собраться в Кремль. Византийская церковь с древнейших времен праздновала 1 сентября начало нового года.

Помимо новогодних торжеств, 1 сентября церковь отмечала память преподобного Симеона Столпника — святого, тезоименитого старшему сыну Калиты. По некоторым древним месяцесловам, в этот день — память семи отроков эфесских, с культом которых связан был и день закладки Успенского собора в Москве⁹⁰.

К концу лета, когда созидание Ивановской церкви уже подходило к концу и строители стали понемногу освобождаться, решено было устроить при Успенском соборе придел Поклонения веригам апостола Петра. Уникальное посвящение придела основано на одном событии, описанном в Деяниях апостолов. Брошенный в темницу царем Иродом, апостол Петр накануне суда «спал между двумя воинами, скованный двумя цепями (веригами. — Н. Б.), и стражи у дверей стерегли темницу. И вот, Ангел Господень предстал, и свет осиял темницу. Ангел, толкнув Петра в бок, пробудил его и сказал: встань скорее. И цепи упали с рук его. И сказал ему Ангел: опояшься и обуешься. Он сделал так. Потом говорит ему: надень одежду твою и иди за мною» (Деяния, 12, 6–8). Ангел вывел Петра из темницы и спас его от неминуемой гибели. Благочестивые люди, узнав о чуде, отыскали спавшие с Петра оковы и хранили их как драгоценную реликвию.

Какие мысли и образы хотел выразить князь Иван через это новое строительство?

Символика Петроверигского придела сложна и неоднозначна. Несомненно, она была тесно связана с византийской духовной традицией. Одной из главных святынь Константинополя была верига апостола Петра. Она хранилась в приделе во имя св. Петра, примыкавшем к северо-восточному углу собора св. Софии⁹¹.

Московский Петроверигский придел, по-видимому, был задуман Иваном Калитой как подражание царьградскому храму. (Эту аналогию должен был оценить митрополит-византиец Феогност.) Он представлял собой небольшой самостоятельный храм-придел, примыкавший к северо-восточному углу собора. Такие храмы-приделы часто встречались и у древнерусских соборов. Имел такой придел (во имя святой Троицы) и

князь чтит и своего тезоименитого ангела — Иоанна Лествичника. Об этом свидетельствует и новгородский потир с изображением избранных святых, изготовленный владыкой Моисеем к приезду на Волхов московского князя в 1329 г.

⁹⁰ См.: Булгаков С. В. Настольная книга священно-церковно-служителей. М., 1993. С. 337; Сергей (Спасский). Указ. соч. Т. 2. С. 266–267.

⁹¹ Majeska G. St. Sophia in the Fourteenth and Fifteenth centuries: The Russian travellers on the Relics // *Dumbarton Oaks Papers*. 1973. N 27. P. 78–87.

Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, возможно, послуживший образцом для московского Успенского собора. В кафедральных храмах эти приделы обычно использовались как усыпальницы для епископов⁹².

Князь Иван не забыл и о том, что в Твери к этому времени уже существовал Введенский придел Спасского собора — самостоятельная «малая церковь», предназначенная быть усыпальницей тверских владык. Москва не имела своих епископов. Но она уже располагала находившейся в жертвеннике Успенского собора гробницей «своего» митрополита и теперь надеялась заполучить к себе его преемника. Во всяком случае, достойная усыпальница для него уже была готова. Митрополиту представлялась возможность лечь на вечный покой бок о бок с новым чудотворцем митрополитом Петром. Феогност, конечно, не торопился воспользоваться московской любезностью. Он без устали странствовал по всей Руси, устраивая дела своей огромной митрополи в соответствии с интересами Константинополя. Прошло без малого четверть века, прежде чем он оправдал надежду давно уже спавшего могильным сном князя Ивана и занял-таки предназначенное ему место в глубокой нише южной стены Петроверигского придела.

Торжественная закладка придела состоялась в воскресенье, 13 августа 1329 г.⁹³ Выбор именно этого дня был обусловлен многими соображениями. Конечно, князю нужен был нерабочий день, чтобы дать возможность всем москвичам стать свидетелями еще одного знаменательного события. Однако остается неясным, почему князь назначил торжества не на 15 августа — Успение Божией Матери, престольный праздник Успенского собора? Очевидно, он хотел выделить закладку придела из череды служб, связанных с Успением, и сделать это событие самостоятельным предисловием к успенскому циклу.

В день 13 августа церковь праздновала память Максима Исповедника (582–662). Можно предположить, что образ Максима Испо-

⁹² Кавельмахер В. В., Панова Т. Д. Указ. соч. с. 74.

⁹³ ПСРЛ. Т. 7. С. 202; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 169. В Троицкой летописи текст, относящийся к основанию Петроверигского придела, был, по-видимому, дефектным. В результате Н. М. Карамзин отнес к первой дате (дню памяти Максима Исповедника) завершение строительства (см.: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись... С. 360. Прим. 1). Дефект Троицкой отразился в изложении данного события в Симеоновской летописи, где день основания в тексте оставлен пробелом, хотя названа память св. Максима (ПСРЛ. Т. 18. С. 91). Такое же происхождение имеет и чтение данного известия во Владимирском летописце, находившемся под сильным влиянием Троицкой летописи. Здесь дата начала строительства вообще отсутствует: «Того же лета заложена церковь святаго апостола Петра, Положенне честных вериг месяца октября 14 день» (ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 105). Однако в другом списке Владимирского летописца та же фраза о закладке придела завершается датой «августа 13 день», то есть восстанавливается правильное чтение, согласное с Воскресенской летописью. Новгородская 1 летопись, Свод 1448 г. в изложении Софийской 1 и Новгородской 4 летописей, а также тверские обработки Свода 1408 г. вообще не содержат известий о Петроверигском приделе. Никоновская приводит его, но без указания дат строительства.

ведника ассоциировался с памятью митрополита Петра по их общей ревности о чистоте веры и борьбе с еретиками. Однако такая параллель носит слишком общий характер и во всяком случае не исключает другой, более конкретной. В прямой связи с выбором даты для закладки придела следует отметить тот факт, что в целом ряде ранних русских месяцесловов византийского происхождения под 13 августа помещена память «царицы» Евдокии, благочестию которой обязан был своим появлением культ Петровых вериг⁹⁴. Позднее эта память исчезает из русских месяцесловов, всецело уступая этот день Максиму Исповеднику.

Освящение придела Поклонения веригам состоялось в субботу 14 октября 1329 г.⁹⁵ Маленький придельный храм был выстроен за два месяца. В этот день праздновалась память святых мучеников Назария, Гервасия, Протасия и Кельсия⁹⁶. Учитывая «именинный» характер некоторых дат московского строительства, можно предположить, что в данном случае освящение было приурочено к именинам московского тысяцкого Протасия Вельяминова.

В то время как мастера возводили Ивановскую церковь и Петроверигский придел, Иван Данилович уже был воодушевлен новым замыслом: выстроить в Кремле близ своего двора монастырь с белокаменным собором. Целью всей цепи строительных работ, принятых Калитой, было зримое воплощение его мечты о Москве как новой столице Северо-Восточной Руси. Обновленный московский Кремль должен был стать постоянной резиденцией митрополита Киевского и всея Руси.

Суть этой программы состояла в том, чтобы повторить в Москве воплощенную в белокаменных храмах церковно-государственную символику Владимира-на-Клязьме. Дмитровский собор (придворный храм, выстроенный князем Всеволодом Большое Гнездо во имя своего небесного покровителя святого Димитрия Солунского) повторился в Дмитриевской церкви⁹⁷. Ее сменил одноименный придел Успенского собора. Пантелеймоновский придел Успенского собора во Владимире, в котором покоился его устроитель митрополит Максим, был воспроизведен в Петроверигском приделе московского Успенского собора.

Следующим шагом Калиты должно было стать устройство близ княжеского дворца и митрополичьего двора мужского монастыря — аналога придворных монастырей Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо. Придворный монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы основал во Владимире великий князь Всеволод Большое Гнездо в 1191 г. Посвящение главного храма нового монастыря предопределялось

⁹⁴ См.: *Сергий (Спасский)*. Указ. соч. Т. 2. С. 244–245.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 18. С. 91; Т. 25. С. 169.

⁹⁶ См.: *Сергий (Спасский)*. Указ. соч. Т. 2. С. 318.

⁹⁷ См.: *Вагнер Г. К., Шеляпина Н. С.* Фрагменты раннемосковской скульптуры из находок в московском Кремле // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975. М., 1976. С. 148.

тем особым почитанием Богородицы как заступницы Владимиро-Суздальской Руси, начало которому положил князь Андрей Боголюбский. В XIII столетии Рождественский монастырь стал главной обителью всей Северо-Восточной Руси. Его настоятели с 1230 г. носили почетный и редкий в то время сан архимандрита. Из иноков этой обители подбирались кандидаты на епископские кафедры. Во время своих приездов во Владимир обычно здесь останавливался киевский митрополит. Перенос митрополичьей кафедры из Киева во Владимир в 1299 г. превратил обитель в постоянную резиденцию митрополита. И после переезда главы Русской Церкви в Москву этот монастырь еще долго сохранял свое прежнее положение. Только в 1561 г. Иван Грозный особым указом передал первенство среди русских обителей Троице-Сергиеву монастырю, поставив Рождественский на второе место.

Дед Ивана Калиты великий князь Александр Ярославич Невский питал особое почтение к Рождественскому монастырю и завещал похоронить себя в его стенах. Благодарные иноки чтили память князя и работали над составлением его жития. Для этого у них имелись необходимые источники: монастырь обладал хорошей библиотекой. Здесь велось летописание, работали многие выдающиеся книжники и писатели XIII в⁹⁸.

История владимирского Рождественского монастыря предопределила многое в истории его московского собрата — Спасского монастыря. Так же, как и владимирский, московский монастырь был задуман как придворный, расположенный близ княжеского дворца. Историк Москвы И. Е. Забелин полагал, что Спасский монастырь существовал на Боровицком холме задолго до Калиты⁹⁹. Древнейший из московских монастырей, он представлял собой небольшую и незнатную обитель, все постройки которой были деревянными. В 1319 г. князь Юрий Данилович приказал поместить в Спасском монастыре гроб с телом князя Михаила Тверского, привезенный им из Орды. Иван Калита решил перенести монастырь на новое место (ближе к своему дворцу), выстроить в нем белокаменный собор и «подтянуть» его до уровня знатнейших монастырей Северо-Восточной Руси.

Приготовления к строительству Калита начал уже в 1329 г.¹⁰⁰ К концу весны 1330 г. все необходимое было собрано. 10 мая, в четверг,

⁹⁸ См.: Буланин Д. М. Владимирский Рождественский монастырь как культурный центр Древней Руси // ТОДРЛ. Т. 36. Л., 1981. С. 71–76.

⁹⁹ См.: Забелин И. Е. История города Москвы. М., 1990. С. 77.

¹⁰⁰ Суздальская летопись по Академическому списку относит закладку Спасской церкви к 6837 г. (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 531). Владимирский летописец под 6838 г. сообщает о постройке всех трех каменных церквей — Спасской, Ивановской и Петро-веригского придела (ПСРЛ. Т. 30. С. 105). Новгородская 4 летопись сообщает о сооружении Спасской церкви под 6838 г., однако в той же статье повествует о псковском походе Ивана Калиты, состоявшемся в 1329 г. (ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. Пг., 1915. С. 262). Такое же расположение этих известий находим и в Софийской 1 летописи (ПСРЛ. Т. 5. С. 218; Т. 39. С. 105). В Троицкой летописи (через Симеоновскую и выписки Карамзини) находим под 6838 г. обширное, украшенное

состоялась закладка белокаменного собора новой обители. Летопись сохранила своего рода повесть об основании Спасского монастыря. В ней нарисован, возможно, идеализированный, но, конечно, не противоположный реальности портрет создателя обители.

«В лето 6838 (1330) месяца мана в 10 день, на память святого апостола Симона Зилота, благоверный князь великий Иван Данилович заложил церковь камену на Москве, во имя святого Спаса, честнаго его Преображенна, близ суцу своего двора, и нарече ту быти манастырь и собра чернци, и възлюбил манастырь этот паче инех манастырев, и часто прихожаше в он молитвы ради, и многу милостыню подаваше мнихом живущим ту, ясти же и пити, и одежа, и оброки, и всяка требовання неоскудна, и лготу многу заборонь велику творяше им, и еже не обидимым быти никим же. И церковь ту украси иконами и книгами и сосуды и всякими узорочы, и приведе ту перваго архимандрита, именованна Ивана, мужа сановита сущи, разумна же и словесна, и сказателя книгам, иже за премногую его добродетель последи поставлен бысть епископом Ростову и тамо доброе упасе порученое ему стадо, и в старости глубоце к Господу отыде.

Глаголют же неци от древних старец, яко первее бе князь Данило Александрович сию архимандритию имеаше у святого Данила за рекою, яко в свое ему имя церкви той поставленой сущи. Последи же не по колицех летех сын его, князь великий Иван, боголюбив сын, паче же рещи мнихолюбив и страннолюбив, и теплее сын верою, преведе отуду архимандритию и близ себе учини ю, хотя всегда в дозоре видети ю; и въздвиже и устрои таковую богомолию, и приобрете себе мзду благочестну и славу богоугодну, благу бо часть избра, яже не отыметса от него. Да яко же он христолюбивый князь благое основание положи, сице и дети его и внучата, правнучата по тому же ходяще и тако же творяще, ту же мзду и славу приемлют, благаго бо корени и отрасли благородни суще неизречени»¹⁰¹.

Эта повесть, помимо благочестивой риторики, содержит несколько интересных фактов, перекликающихся с историей владимирского Рождественского монастыря. Так, повесть сообщает, что настоятель Спасского монастыря получил сан архимандрита; что из числа спасских иноков избирались кандидаты на епископские кафедры; что монастырь содержался на средства самого великого князя Ивана Даниловича, а позднее его потомков; что монастырь с самого начала стал центром книжности.

Из других источников к этому можно прибавить, что Спасский монастырь получил «все наследие Даниловского монастыря», включая и сам погост Даниловский и принадлежавшие монастырю села»¹⁰².

риторикой повествование об основании Спасского монастыря, где дается дата закладки каменного собора, но почему-то опущена дата его освящения.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 18. С. 91.

¹⁰² ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. Летописцы последней четверти XVII века. С. 84.

Спасский архимандрит стал одновременно и настоятелем Даниловского монастыря, которым он управлял, вероятно, через своего наместника.

Согласно церковным канонам, основать новую обитель можно было только по благословиению епархиального архиерея. Поскольку Московское княжество входило в состав митрополичьей епархии, Иван Калита должен был получить благословение самого митрополита Феогноста. Однако возникает вопрос: почему он не сделал этого весной 1329 г., когда жил одновременно с Феогностом в Новгороде и сотрудничал с ним в деле Александра Тверского? В поисках ответа на этот вопрос проследим за действиями митрополита в 1329–1333 гг.

Из Новгорода митрополит отправился в Юго-Западную Русь. Путь его лежал через земли Великого княжества Литовского. Вероятно, он посетил епархиальные центры, а также столицу княжества Вильно. Митрополит встречался, конечно, с правителем Литвы князем Гедимином. Затем Феогност поехал на юг — на Волынь, в Галич и, наконец, в Киев. Там, в Киеве, к нему явились московские послы. Их целью было получить благословение митрополита на создание (или перенесение на новое место) Спасского монастыря и учреждение в нем архимандритии. В составе посольства, по-видимому, был и кандидат, которого московский князь хотел видеть архимандритом своей новой обители. Обряд возведения в сан архимандрита мог совершить только епископ, глава той епархии, где находился монастырь. Для Москвы этим епископом был сам митрополит.

Уникальное известие об этом московском посольстве сохранилось в Никоновской летописи: «Того же лета (6837) пресвященный Феогнаст митрополит Киевский и всеа Русии поиде из Новагорода в Волыньскую землю, и оттуда иде в Галич и в Жараву, а оттуду прииде в Киев. И тамо приидоша к нему послы от великого князя Ивана Даниловича Володимерскаго и Московскаго составити ему манастырь внутри града Москвы, и церковь създвигнути святаго Спаса Преображения, и тамо архимандритию принести от Данила святаго из Заречья, юже князь велики Данило Александрович имяше тамо в свое имя... Сей же (Иван Данилович. — Н. Б.) въсхоте ю вселити внутри града, близ своего двора... И тако благословение приемлет от пресвященнаго Феогнаста, митрополита Киевскаго и всеа Русии, и делу касашеся»¹⁰³.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 10. С. 203. По мнению Д. Феннела, данное известие Никоновской летописи, а также известия некоторых других летописей о том, что митрополит Феогност весной 1329 г. из Новгорода поехал на Волынь, не соответствует действительности (Fennell J. Op. cit. P. 127). По мнению ученого, митрополит был в Новгороде в Северо-Восточной Руси с весны 1329 до весны 1330 г. Действительно, скорость передвижения святителя в 1329 г. кажется почти невероятной. Трудно объяснить и его неожиданный отъезд из Новгорода на Волынь в условиях, когда в Северо-Восточной Руси оставались вакантными ростовская и тверская кафедры, требовали решения многие церковно-административные вопросы. Но если признать, что Феогност никуда не уезжал и после визита в Новгород вернулся в Северо-Восточную Русь, — то как быть в таком случае со вполне достоверным известием о

Удивляет торопливость московского князя в деле об устройстве Спасского монастыря. Зачем понадобилось ему тратить силы и средства на отправку летом 1329 г. посольства в Киев, если уже в октябре 1329 (или во всяком случае в начале 1330 г.) митрополит Феогност вновь побывал в Северо-Восточной Руси?

Определенный свет на эту темную историю проливает наблюдение Я. Н. Шапова. По его мнению, вся история с устройством Спасского монастыря и перенесением туда архимандритии может быть истолкована «как шаг на пути подчинения княжеской власти московской монастырской организации. Этот акт может быть сопоставлен с ликвидацией в 1370-х гг. традиционной должности московского тысяцкого и с подчинением городского посада княжескому двору, также имевшими политическое значение»¹⁰⁴.

Действительно, Иван Калита, очевидно, предпринял своего рода церковно-административную реформу, цель которой состояла в усилении власти князя над московским монашеством. Он добился отмены старой практики избрания архимандрита монашеским сообществом и перешел к назначению этого должностного лица митрополитом по представлению московского князя. Что касается митрополита, то и он, подобно князю, стремился поставить монастыри под свой эффективный контроль. В итоге возникли хорошие предпосылки для сотрудничества Калиты и Феогноста в этом вопросе. Посылая своего кандидата к Феогносту для утверждения, Калита демонстрировал почтение к святителю. Возможно, и кандидатура игумена Ивана была найдена митрополитом. Князю выгоднее было иметь архимандрита, присланного из митрополии, нежели избранного местными монашескими кругами и опирающегося на их поддержку. Для Феогноста важно было провести церемонию утверждения нового архимандрита именно в Киеве. Это должно было послужить примером для монашества Юго-Западной Руси, создать определенный прецедент, на который можно было бы сослаться в

посольстве из Москвы в Киев по поводу Спасского монастыря? Единственный выход из этого затруднения — отбросив датировку Никоновской летописи, как правило, весьма сбивчивую, отнести московское посольство к лету 1328 г., когда Феогност только что прибыл на Русь и объезжал юго-западные епархии. Составитель Никоновской летописи не понял данные своего источника. Зная из летописей о пребывании Феогноста в Новгороде в 1329 г., он поменял Новгород (Новогрудок в Черной Руси, в 120 верстах южнее Вильно, где находилась резиденция литовского митрополита-сепаратиста) на Новгород Великий. Вполне вероятно, что в ходе своего объезда Юго-Западной Руси в 1328 г. Феогност побывал и в Новогрудке, где он мог иметь встречу с Гедиминоном для обсуждения церковных проблем. Если все это было действительно так, то посольство Ивана Калиты наполняется глубоким политическим смыслом. Оно было хорошим поводом для того, чтобы Калита мог ранее других северо-восточных князей вступить в контакт с новым митрополитом и пригласить его в Москву.

¹⁰⁴ Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 161–162.

будущем. В данном случае церковная и светская централизация шли параллельно, не вступая в противоречие друг с другом. История с новой московской архимандритией призвана была наглядно продемонстрировать всей Русской Церкви прерогативы митрополита в данной области.

Между тем митрополит Феогност, проявлявший в эти годы необычайную энергию и подвижность, вскоре вновь приехал в Северо-Восточную Русь. Уже в феврале — марте 1330 г. он находился в Костроме, где состоялся архиерейский собор. На нем, в частности, рассматривался конфликт между сарайским и рязанским владыками о спорной области Червлёный Яр. Тогда же, 2 марта 1330 г., в пятницу, была совершена хиротония суздальского епископа Даниила¹⁰⁵.

Очевидно, съезд иерархов в Костроме был приурочен митрополитом к обычному дню епархиальных съездов духовенства — Соборному воскресенью, то есть первому воскресенью Великого поста (25 февраля 1330 г.). Кострома входила в состав собственно митрополичьей епархии и он, как ее глава, должен был встречаться со своим духовенством именно в этот день.

Феогност не хотел устранивать съезд в Москве или во Владимире по политическим мотивам: в первом случае он слишком явно оказал бы предпочтение Ивану Калите, во втором — его соправителю Александру Суздальскому. Кострома была более нейтральной территорией, хотя по разделу 1328 г. верховная власть здесь принадлежала все же Ивану Калите.

В Соборное воскресенье на торжественном архиерейском богослужении читался Синодик, содержащий проклятья всякого рода еретикам и славословия благочестивым царям и князьям. Состав Синодика менялся в соответствии с особенностями церковно-политической ситуации, а сам он неизменно был эффективным инструментом идейной борьбы.

Именно тема Синодика была, по-видимому, одной из главных тем костромского собора. Наличие двух великих князей Владимирских одновременно неизбежно вызывало вопрос: кого из них следует почитать

¹⁰⁵ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. С. 340—344; РИБ. 2-е изд. Т. 6. Ч. 1. Стб. 442. Известно, что в октябре 1329 г. митрополит Феогност в присутствии епископов Феодора Галицкого и Григория Рязанского поставил на кафедру нового ростовского владыку Антония (РИБ. 2-е изд. Т. 6. Ч. 1. Стб. 434). Трудно предположить, что рязанский владыка ездил для участия в поставлении в Юго-Западную Русь. Его участие в хиротонии, равно как и отсутствие юго-западных иерархов, указывает на то, что церемония состоялась в Северо-Восточной Руси. Уместно вспомнить, что в субботу, 14 октября 1329 г., состоялось освящение придела во имя Спасаения Вериг над гробом святителя Петра. Это событие было хорошим поводом для того, чтобы пригласить митрополита Феогноста в Москву. Не здесь ли и была совершена хиротония нового ростовского владыки? Обычно такого рода церемонии совершались в воскресенье. Известно, что прежний ростовский владыка Прохор был близок с Москвой. Естественно, Иван Калита хотел «приложить руку» и к избранию нового ростовского епископа.

первым? Порядок поминания в Синодике служил образцом и для поминаний на ектеньях во всех приходских храмах. Таким образом, речь шла о признании церковью политического первенства того или иного правителя.

С разделом великого княжения Владимирского связано было и поставление суздальского владыки. С переездом митрополита Максима в Северо-Восточную Русь владими́ро-суздальская епархия была ликвидирована, ее территория включена в состав митрополичьей епархии, а сам владыка Симеон в 1299 г. переведен на вакантную ростовскую кафедру. Поставление Даниила на суздальскую кафедру влекло за собой сокращение митрополичьих владений и было, по-видимому, следствием давления со стороны амбициозного суздальского князя Александра Васильевича, пожелавшего восстановить прежнюю Владимирскую епархию, но с центром в Суздале. (Это стремление Александра Васильевича к переносу духовного центра из Владимира в Суздаль проявилось и в известной истории о вывозе им из Владимира в Суздаль соборного колокола.)

В 1330 г. Соборное воскресенье было 25 февраля. Вероятно, именно к этому дню и были приглашены в Кострому иерархи: Софоний Сарайский, Антоний Ростовский, Григорий Рязанский и нареченный суздальский владыка Даниил. Несколько дней заняло рассмотрение территориального спора рязанского и сарайского епископов о Червленом Яре. Наконец, покончив с этим, иерархи 2 марта совершили хиротонию суздальского владыки Даниила. После этого сарайский и рязанский владыки были отпущены по своим епархиям, а Даниил Суздальский и Антоний Ростовский вместе с митрополитом отправились в Тверь, где не позднее конца марта 1330 г. состоялась хиротония нового тверского владыки Феодора¹⁰⁶. Вероятно там же, в Твери, митрополит встретил Пасху, которая в 1330 г. приходилась на 8 апреля.

¹⁰⁶ РИБ. 2-е изд. Т. 6. Ч. 1. Стб. 442. Согласно Никоновской летописи, митрополит Феогност поставил тверского епископа Феодора на Волини (ПСРЛ. Т. 10. С. 203). Однако это известие вызывает некоторые сомнения. В памятниках, непосредственно отразивших тверское летописание XIV в., сообщается лишь о самом факте поставления нового владыки. «Того же лета поставиша епископом Феодора граду Тфери» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 45). Такое же чтение, слегка испорченное, в Тверском сборнике (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 417). По-видимому, наиболее близкое к протографу (тверскому своду начала XV в.) чтение сохранила рукопись Музейского собрания (ГИМ. Музейское собр., № 1473). В ней говорится: «Того же лета поставиша епископом Феодора во Твери» (Насонов А. Н. О тверском летописном материале... С. 38). Чтение Никоновской — «...постави Феодора епископа во Тверь» — представляется испорченным чтением протографа Музейской рукописи. Упоминание о Волини попало из соседнего известия о прибытии святителя во Владимир-Волинский. Да и само выражение «постави... епископа во Тверь» звучит как-то неестественно. Обычно летописец говорил: «поставиша... епископом» Твери, Ростову и т. д. Очевидно, митрополит Феогност посетил Тверь и поставил там владыку во время своего пребывания в Северо-Восточной Руси в 1330 г.

После костромского собора митрополит Феогност на некоторое время исчезает из поля зрения летописцев. О его передвижениях можно догадываться по косвенным данным. Так, известно, что в конце марта 1331 г. в Новгород прибыли послы «от митрополита из Вельи́нской земли», позвавшие нареченного новгородского владыку Василия Калику к святителю на Вошь для хиротонии¹⁰⁷. Летопись не сообщает точной даты избрания Василия Калики в качестве кандидата на новгородскую кафедру. Известно лишь, что он принял монашеский постриг и тем самым дал свое согласие на эту роль «месяца генваря»¹⁰⁸. Прежнее, мирское имя Григорий заменило новое, монашеское, имя — Василий. Учитывая обычную для XIV столетия практику наречения монашеского имени по тому святому, чья память совершалась в день пострижения, можно с большой долей вероятности полагать, что этот обряд состоялся в день памяти св. Василия Великого — 1 января, во вторник. Других дней памяти святых с именем Василий в русских месяцесловах того времени нет¹⁰⁹.

После этого не медля — ибо дело и так сильно затянулось — новгородцы послали известие о своем выборе митрополиту Феогносту, находившемуся тогда на Вошны. Через месяц — полтора новгородские посланцы прибыли к святителю. Он также, не затягивая дело, отправил своих послов («Федорко и Семенко») в Новгород с приглашением нареченному владыке явиться для хиротонии на Вошь. Митрополичьи послы явились в Новгород «на Страстной неделе», то есть между 25 и 30 марта 1331 г.¹¹⁰ Василий Калика и сопровождавшие его новгородские бояре собирались в путь целых три месяца. Очевидно, столь дальнее и ответственное путешествие требовало всесторонней подготовки. Известно, что свита и охрана владыки в этой поездке составляла около 600 человек¹¹¹. Помимо подготовки людей и средств требовалось время для получения от литовского князя Гедимина разрешения на проезд по его владениям. В итоге новгородская делегация отправилась в путь лишь через три месяца — 24 июня 1331 г. Для торжественных проводов был избран день большого праздника — Рождество Иоанна Предтечи. И хотя это был будний день (понедельник), но по случаю праздника народ, вероятно, не работал и мог собраться на проводы владыки в далекий и опасный путь.

Собираясь в дорогу, новгородские бояре, конечно, уже знали, что их вечные соперники-соседи псковичи также готовят посольство к Феогносту с просьбой дать им отдельного епископа. Важным аргументом в будущем споре с псковичами должны были стать щедрые дары митрополиту, для сбора которых также требовалось время.

¹⁰⁷ НЛ. С. 99.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ *Сергий (Спаский)*. Указ. соч. Т. 2. С. 1–30.

¹¹⁰ См.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 294.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 205.

Пережив немало приключений, новгородский владыка и его спутники к концу августа добрались до места назначения. В воскресенье, 25 августа 1331 г., митрополит Феогност во Владимире-Вольнском совершил хиротонию Василия Калики. Тогда же была рассмотрена и отклонена поддержанная литовским князем Гедимином просьба псковичей об изъятии их из юрисдикции новгородского владыки. Просьбу псковичей поддерживал и вернувшийся во Псков из Литвы опальный князь Александр Михайлович Тверской.

Не желая брать на себя единоличную ответственность за решение столь щекотливого политического вопроса, митрополит собрал архиерейский собор, на котором присутствовали пять епископов (Григорий Полоцкий, Афанасий Владимирский, Федор Галицкий, Марк Перемышльский, Иоанн Холмский), то есть, в сущности, весь епископат Юго-Западной и Западной Руси¹¹². Разумеется, по псковскому вопросу был заслушан и новый новгородский владыка Василий, на чьи прерогативы покушались псковичи. В итоге этой умело организованной акции Феогност сумел отклонить требования псковичей, не вызвав явного конфликта внутри церкви.

В воскресенье, 1 сентября 1331 г. (в первый день нового церковного года), после торжественного богослужения Василий Калика отбыл в обратный путь. Опасаясь литовского плена, он поехал не через Вильно, а окольным путем, через Киев, Брянск и, вероятно, Москву. Вслед ему Феогност отправил гонца с известием о литовской погоне.

В воскресенье, 3 ноября, Василий въехал в Торжок — первый город на Новгородской земле. Здесь он прожил несколько недель. После чего, преодолев последние три сотни верст, приехал в Новгород. Его торжественная встреча состоялась в воскресенье, 8 декабря 1331 г.

Эта исполненная драматизма и приключений новгородская эпопея хорошо рисует нравы той эпохи. Кроме того, из нее можно заключить, что в сентябре 1331 г. митрополит оставался на Вольни. Данный факт важен для выяснения хронологии его последующих передвижений. Из летописи известно, что в сентябре 1333 г. Феогност прибыл в Москву, «бывъ во Цареграде и во Орде»¹¹³. Возникает вопрос: когда святитель покинул Русь и отбыл в Константинополь? Совершенно ясно, что он не мог отбыть ранее 1332 г., так как, согласно греческим записям о поставлении русских епископов, при митрополите Феогносте в апреле 1332 г. святитель поставил на черниговскую кафедру епископа Павла. Состав епископов, присутствовавших на торжестве, свидетельствует о том, что оно состоялось в Юго-Западной Руси.

Исходя из этой даты, можно следующим образом представить дальнейший ход событий. Феогност выехал в Константинополь летом

¹¹² НЛД. С. 343; РИБ. 2-е изд. Т. 6. Ч. 1. Стб. 443–444.

¹¹³ ПСРЛ. Т. 5. С. 220; Т. 39. С. 106; Т. 4. Вып. 1. С. 265. Данное известие отсутствует в группе летописей, восходящих к Троицкой и ее тверской переработке. Оно читалось в Своде 1448 г., созданном при митрополитичьей кафедре.

1332 г., получив известие о кончине патриарха Исаян в мае 1332 г.¹¹⁴ Он предвидел, что литовский князь Гедимин будет обращаться к патриарху с требованием о назначении отдельного митрополита (Галицкого или же только Литовского), и хотел предупредить эти поползновения личным объяснением с тем, кто займет место Исаян.

Из Константинополя Феогност отправился в Орду. Вероятно, он имел какое-то дипломатическое поручение. Новый император Андроник III, занявший престол в 1328 г., терпел одну неудачу за другой в борьбе с турками-османами в Малой Азии. Дело дошло до того, что в августе 1333 г. император обязался платить им ежегодную дань в обмен на прекращение наступления на византийские города в Малой Азии¹¹⁵. В этих условиях для Византии был крайне необходим союз с Золотой Ордой. Такой союз мог как минимум прекратить совместные набеги болгар и татар на северные области империи, а как максимум — отвлечь силы как европейских (сербы, болгары), так и азиатских (турки-османы) врагов империи на войну с татарами. Не случайно одной из жен хана Узбека до 1334 г. была византийская принцесса¹¹⁶.

Побывав в Орде в 1332–1333 гг., митрополит Феогност лишь в конце сентября 1333 г. вновь оказался в Москве. Его долгое отсутствие не помешало князю Ивану Даниловичу продолжать каменное строительство в московском Кремле.

Закладка Спасского собора состоялась в четверг, 10 мая 1330 г. В этот день не было никакого большого церковного праздника. До ближайшего из них, Вознесения, оставалась еще неделя. Согласно древним месящесловам, 10 мая вспоминается Симон Зилот — один из 12 апостолов¹¹⁷. Однако в русской традиции его память ничем не выделялась из других рядовых памятей церковного календаря. Таким образом, на первый взгляд это был вполне обычный, будничным день.

И все же, зная внимательное отношение Калиты к выбору дней для начала и окончания строительных работ, нельзя усомниться в том, что день 10 мая был избран им не случайно.

Загадка этого дня несколько проясняется, если ввести его в контекст древнерусской книжной и фольклорной традиции. Прежде всего, стано-

¹¹⁴ Nicol D. M. Op. cit. P. 162; Соколов П. П. Указ. соч. С. 274. Возможно, митрополита подтолкнуло к этой поездке и появление в Константинополе в 1331 г. какого-то самозванного митрополита Галицкого (см.: Карташев А. В. Указ. соч. С. 314–315).

¹¹⁵ Nicol D. M. Op. cit. P. 170.

¹¹⁶ О ее печальной судьбе рассказывает в своих записках Ибн Батута. По его словам, «хатунь Баялунь» была дочерью византийского императора. В 1334 г. она попросила разрешения съездить в Константинополь к своему отцу на некоторое время, однако более в Орду уже не возвращалась. По-видимому, она была дочерью императора Андроника III (род. в 1296 г.). Время ее брака с ханом Узбеком можно определить как начало 1330-х гг. Не этот ли брачный союз был одной из тем переговоров Феогноста в Орде? (См.: Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Спб., 1884. С. 289, 302, 305.)

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 18. С. 91; Т. 25. С. 116; Сергий (Спасский). Указ. соч. Т. 2. С. 137–138.

вится очевидным, что день 10 мая был одним из дней, когда вспоминались события земной жизни Спасителя. Древнерусские книжники заимствовали из византийской традиции представление о том, что Иисус Христос был распят 30 марта, воскрес 1 апреля и «възнесся на небеса к Отцу» в четверг 10 мая¹¹⁸. Такие глубокие знатоки книжности, как Иван Калита и митрополит Феогност, несомненно, знали эту древнюю легенду.

На выборе дня сказалось и еще одно народно-христианское представление: о счастливых и несчастливых днях. Наблюдения над летописями показывают, что четверг считался в старину счастливым днем, благоприятным для всяких начинаний. На него падает гораздо больше всевозможных торжеств, чем на любой другой будний день¹¹⁹. Для Калиты имело значение и то, что соседние дни, среда и пятница, были «постными». В эти дни церковь вспоминала осуждение и распятие Спасителя и потому требовала соблюдать пост. Праздничный пир, сопровождавший торжественное начало строительства, в среду и пятницу был неуместен. В четверг никаких ограничений по части поста не существовало.

Глубоко символичен и тот хронологический ряд, в котором князь Иван определил место для своего праздника. 10 мая он заложил Спасский собор, а на другой день, 11 мая, был великий праздник византийского государства и церкви — день основания Константинополя. Согласно древней традиции считалось, что Константин Великий освятил отстроенный им Константинополь 11 мая 330 г.¹²⁰ В этот день в Царьграде ежегодно совершались молебны, торжественные процессии и яркие представления на ипподроме. Однако 11 мая 1330 г. было особым днем в этом ряду — это было 1000-летие Константинополя. (Конечно, Калита едва ли знал точную хронологию византийской истории. Древнерусские представления о ней были весьма смутными и противоречивыми. Согласно Хронографу, «от вознесения Господня до перваго лета Коньстянтина царя лет 306», а Константинополь был основан «в 13-е лето царства его»¹²¹.)

Закладка Спасского собора накануне, а не в самый день празднования вполне понятна. Точно так же Успенский собор в московском Кремле был освящен в 1327 г. не в самый праздник Успения, а накануне — 14 августа. В Древней Руси канун праздника был ритуально связан с самим праздником. Песнопения в честь праздника звучали уже вечером и в ночь на самый день празднования. Событие, совершавшееся накануне, служило как бы предисловием к празднику¹²².

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 4.

¹¹⁹ См.: Борисов Н. С. К изучению датированных летописных известий XIV–XV веков // История СССР. 1983. № 4. С. 131.

¹²⁰ См.: Сергей (Спасский). Указ. соч. Т. 2. С. 139.

¹²¹ ПСРЛ. Т. 22. Русский хронограф. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 г. Спб., 1911. С. 269, 443.

¹²² См.: Брюсова В. Г. О времени освящения новгородской Софии // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 112.

Праздник основания Константинополя был хорошо известен русским летописцам, называвшим его «бытие Царяграда»¹²³. Знали о нем и книжники. Он содержится в русских месяцесловах XIV в., в том числе и в месяцеслове Евангелия Семена Гордого — сына Калиты¹²⁴. Согласно записи в псковском Апостоле 1307 г., в этот день состоялось освящение церкви св. Софии в Киеве, построенной княгиней Ольгой¹²⁵.

Весьма памятным в истории русского храмоздательства был и следующий день — 12 мая. В этот день князь Владимир Святославич освятил Десятинную церковь в Киеве — первый и главный до построения Софийского собора храм победившего христианства на Руси¹²⁶. Разрушенная во время нашествия Батюга Десятинная церковь была символом прежнего величия и нынешних бедствий Русской Церкви.

Увязав день закладки своего Спасского собора с важнейшими датами киевского строительства, а также с днем основания Константинополя, Иван Калита протянул еще одну незримую нить преемственности от «второго Рима» и Киева — к Москве, будущему «третьему Риму».

Византийские реминисценции даты закладки собора Спасского монастыря мог по достоинству оценить такой знаток греческой традиции, как митрополит Феогност. Но был ли он в Москве 10 мая 1330 г.? Летописи ничего не сообщают об этом. Однако их молчание легко объяснить как проблемами и утратами в источниках, так и позднейшим редактированием. Тверские редакторы начала XV в., поработавшие над Сводом 1408 г., не желали подчеркивать близость митрополитов с Москвой; московские редакторы времен Ивана III были весьма равнодушны к памяти грека Феогноста, которого сам великий князь не желал признавать за святого.

Между тем ход событий весны 1330 г. вел Феогноста в Москву. Как показано выше, в конце марта он был в Твери, куда приехал из Костромы (скорее всего, через Ярославль, Углич и Кашин). После хиротонии тверского владыки Феодора Феогност должен был пробыть в Твери не менее месяца (включая пасхальную неделю с 8 до 15 апреля), так как дороги затопило весеннее половодье. В конце апреля, когда земля подсохла, митрополит отправился из Твери в Юго-Западную Русь. Его путь естественным образом проходил через Москву. Да и с политической точки зрения святитель должен был соблюсти определенный баланс: посетив Тверь, побывать и в Москве. В первой он праздновал Пасху, во второй — Воздвижение и Троицу. Наконец, Спасский монастырь создавался по его благословению, да и

¹²³ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 236; Т. 22. Ч. 1. С. 268, 270.

¹²⁴ См.: Леонид (Кавелин). Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой Лавры // ЧОИДР. 1880. Книга 4. С. 11.

¹²⁵ См.: Сергей (Спасский). Указ. соч. Т. 2. С. 139.

¹²⁶ См.: Там же. С. 140.

сложная проблема новой архимандритии требовала его личного участия. Таким образом, есть основания полагать, что митрополит Феогност участвовал в торжествах по случаю закладки собора Спасского монастыря в московском Кремле 10 мая 1330 г.

К сожалению, летописи не сохранили день освящения собора Спасского монастыря. Однако о многом свидетельствует и само посвящение этого храма, избранное Калитой. Его нельзя объяснить только преемственностью от прежнего Спасского монастыря в московском Кремле: летописи дают немало примеров изменения названия соборов и монастырей после их обновления. Кроме того, Иван Данилович при желании мог бы перенести на новое место, в Кремль, Данилов монастырь. Сам по себе такой акт не представлял нарушения канонов. (Так поступил полтора века спустя Иван III, перенесший Спасский монастырь Калиты из Кремля в урочище Васильцев стан на левом берегу Москвы-реки, где он существует и по сей день под названием Новоспасского монастыря.)

Иван Калита хотел, чтобы его монастырь был посвящен именно Спасу, по многим причинам как религиозного, так и политического характера. В этом посвящении, прежде всего, ясно читается желание князя превратить Москву в столицу всей Северо-Восточной Руси. И вполне закономерно, что построенные им в 1327–1333 гг. в московском Кремле белокаменные храмы были посвящены центральным образам тогдашнего христианского «пантеона» — Успению Божией Матери, Спасу, Архангелу Михаилу, а также патрону Москвы св. Петру (как апостолу, так и митрополиту) и покровителю иноков Иоанну Лествичнику. Московский Кремль становился впечатляющим зримым символом политических притязаний этого города. Собрание земли и власти шло рука об руку с собиранием святости.

Посвящение собора придворного монастыря было связано и с желанием Калиты воспроизвести в Москве святыни стольного Владимира. Еще Владимир Мономах, основав город Владимир, выстроил в нем каменный храм Спаса. В 1160-е годы Андрей Боголюбский заново отстроил этот храм и сделал его своей дворцовой церковью. Своими утонченными формами Спасская церковь напоминала построенную в те же годы церковь Покрова на Нерли. Известно, что в XIII в. храм Спаса был монастырским. Вероятно, Спасский монастырь существовал во Владимире и при Калите. Спасская церковь простояла до конца XVIII в., когда была разобрана за ветхостью¹²⁷

Идея посвящения собора придворного княжеского монастыря в московском Кремле «святого Спаса Преображению» имела владимирское происхождение. Однако принимая такое решение, князь Иван учитывал и огромную популярность культа Спаса в Северо-Восточной Руси. В то время почитание Спаса являлось особенно характерным для росто-

¹²⁷ См.: *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982. С. 56.

ярославских земель. Здесь этот культ был в первую очередь монастырским. Виднейшие монастыри ростовской земли в ту пору — Спасский Княгинин в Ростове и Спасский в Ярославле. Крупнейшим монастырем Белозерья был Спасский монастырь на Кубенском озере, основанный около 1260 г. ростовским князем Глебом Васильковичем. В Костромском крае культ Спаса также имел первостепенное значение. В 1330-е годы в Галиче («купля» Ивана Калиты) близ княжеского дворца стояла церковь Спаса и был устроен монастырь¹²⁸. Уступая по численности лишь храмам, посвященным Богородице, Спасские соборы имелись во многих русских городах: Твери, Нижнем Новгороде, Угличе, Торжке, Переяславле-Залесском.

Отсутствие в летописях дня освящения собора Спасского монастыря, возможно, указывает на то, что работы по его отделке затянулись на несколько лет. Этому не приходится удивляться. Ведь и сам великий Всеволод строил свой владимирский Рождественский монастырь целых четыре года. Но то были времена свободной и богатой Владимиро-Суздальской Руси. А ныне праправнук Всеволода князь Иван Данилович правил «в опустевшей земле», над которой постоянно была занесена ордынская сабля.

Год 1331-й оказался на редкость тяжелым для князя Ивана. 1 марта умерла его жена Елена. Перед кончиной она приняла монашеский постриг. Княгиню похоронили в стенах собора Спасского монастыря. Думал ли князь Иван, создавая эту обитель, кто станет первым в ее некрополе!

В начале мая полыхнул по Москве небывалый пожар, испепеливший весь деревянный Кремль¹²⁹. Город остался почти беззащитным. Нужно было срочно собирать деньги на строительство новой крепости, а кроме того, долго и трудно убеждать хана в ее необходимости. Князь Иван знал, что татары крайне подозрительно относились к постройке любых военно-оборонительных сооружений на Руси, видя в этом угрозу своему господству.

Московский пожар 1331 г. прервал равномерный ритм кремлевского строительства. В этом году летописи не сообщают о каких-либо новых работах на Боровицком холме. Впрочем, это объяснялось не одним только пожаром. В 1331 г. случились два события, которые заставили князя Ивана прекратить расходы и собрать все средства для поездки в Орду. 28 марта, на Страстной неделе, умер, не оставив наследников, ростовский князь Федор Васильевич, правивший в Средней половине Ростовского княжества¹³⁰. Калита решил добиться в Орде права на управление этими землями.

Вскоре подоспела и другая новость: умер соправитель Калиты по великому княжению Владимирскому князь Александр Васильевич

¹²⁸ См.: Тиц А. А. На земле древнего Галича. М., 1971. С. 11.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 18. С. 91.

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Стб. 531; Т. 10. С. 204.

Суздальский¹³¹. В связи с этим Ивану пришлось собираться в новую поездку в Орду. Предпринятое зимой 1331/32 г. путешествие было удачным в политическом отношении, однако потребовало мобилизации всех финансовых возможностей Москвы. Строительство в Кремле пришлось прекратить до лучших времен.

Летом 1332 г. Северо-Восточную Русь посетила беда: неурожай и вызванный им голод. «Того же лета бысть меженина велика (засуха, недород. — Н. Б.) в земли Русской, дороговь и глад хлебный и скудота всякого жита. Сию же дороговь неции глаголют: рослую рожь»¹³².

Расходы, связанные с поездкой в Орду и получением всей территории великого княжения Владимирского, а также голод на Руси не позволили князю Ивану и в 1332 г. возобновить каменное строительство. Однако уже к концу года он начал готовиться к тому, чтобы заняться этим в следующем, 1333 г.

Замысел постройки нового Архангельского собора, как и другие строительные предприятия Ивана Калиты, был связан прежде всего с желанием князя превратить Москву в постоянную резиденцию митрополита Киевского и всея Руси. Отсюда — тесная связь символики храма с византийской традицией. Особое почитание Михаила Архангела (как и культ Вериг апостола Петра) имело прямую параллель в семантике константинопольской Софии. Архистратигу Михаилу была посвящена западная часть Софии, где находился основной вход в храм. По преданию, София Константинопольская находилась под его особым покровительством. Основатель Константинополя император Константин Великий построил в городе Анапле «церковь прекрасну» во имя предводителя небесного воинства. Будучи в этом городе, он однажды услышал во сне «глас велик»: «Аз есмь архистратиг силы Господня, христианом заступник и тебе, яко верну угоднику владыки моего Иуса Христа, поспешник невидимо на вся злочестивыя мучителя и поганья языки»¹³³. Прежде в Анапле существовала «мала церквица» во имя Михаила. Она была поставлена местными жителями в память о том, как архистратиг помог им победить напавших на них врагов.

В Москве, как и в Анапле, была старая деревянная церковь во имя архистратига Михаила, построенная, вероятно, еще во времена жившего здесь некоторое время князя Михаила Хоробрита — младшего брата Александра Невского.

Задуманный князем Иваном новый белокаменный храм должен был стать одновременно и усыпальницей Даниловичей. Посвящение храма-усыпальницы именно архистратигу Михаилу определялось не только «софийскими» параллелями, но и общими градостроительными идеями Калиты, его желанием ввести Москву через библейские и визан-

¹³¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 46; Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 140–141.

¹³² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 47.

¹³³ ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 269; Majeska G. Op. cit. P. 74–75.

тийские ассоциации в круг всемирной истории, а через киево-владимирские параллели — в круг истории общерусской.

В Киеве Михаила Архангела почитали как покровителя города. Здесь в домонгольский период построено три каменных храма во имя «Михаила, князя великого» (Даниил, 12, 1). Ему же был посвящен и южный придел Софийского собора¹³⁴. Давнее почитание «ангельских ликов чиновачальника» существовало и во Владимиро-Суздальском княжестве. В самом Владимире великий князь Константин Всеволодович выстроил на своем дворе церковь Михаила Архангела¹³⁵. Храм во имя Архистратига, выстроенный из белого камня, существовал во времена Калиты в Нижнем Новгороде. Особым распространением этого культа в первой половине XIV в. отличалась Тверь. Многие важные события в Твери были приурочены к дням памяти Архистратига. Однако тверские князья имели у себя при дворе лишь деревянную Михайловскую церковь. Выстроив в московском Кремле каменный Архангельский собор, Калита наглядно продемонстрировал свое превосходство над Тверью.

Некоторые свидетельства источников позволяют думать, что Архангельский собор Калиты отличался большими размерами. Во времена Семена Гордого художники не успели за одно лето выполнить и половины его росписи «величества ради церкви тоя»¹³⁶. Успенский собор, построенный Иваном Даниловичем, был расписан за один сезон.

Летописи не сохранили день торжественной закладки Архангельского собора. Известно лишь, что построен он был «одиного лета» и освящен 20 сентября 1333 г.¹³⁷ Храм освятил сам митрополит Феогност, только что вернувшийся из Орды.

В этой дате содержится загадка — одна из многих загадок в истории того времени. Весьма странным оказывается выбор дня недели, когда было совершено торжественное освящение Архангельского собора. 20 сентября 1333 г. — понедельник. Этот день недели в Древней Руси почитался несчастливым и крайне редко избирался для каких-либо важных событий. Кроме того, освящение храма обычно приурочивали к нерабочему дню — воскресенью или празднику. Эту неожиданную дату можно объяснить только двумя предположениями: либо летописец ошибся и отнес событие 1332 г. к 1333 г.; либо князь и митрополит непременно хотели освятить храм 20 сентября.

За первое объяснение говорит то, что 20 сентября 1332 г. было воскресенье. В смысле дня недели все становится на свои места. Кроме того, летописи вообще весьма сбивчивы в датировке событий 1331–1333 гг.¹³⁸

¹³⁴ Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. 2-я половина тома. М., 1881. С. 255–260.

¹³⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 449.

¹³⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 56.

¹³⁷ ПСРЛ. Т. 18. С. 92; Т. 25. С. 116.

¹³⁸ Так, например, в Симеоновской летописи, а также и в Троицкой вслед за сообщением об освящении Архангельского собора следует сообщение о кончине князя

Однако вторая версия более обоснована, чем первая. Как показано выше, в 1332–1333 гг. митрополит Феогност путешествовал в Константинополь и Орду. В сентябре 1332 г. он никак не мог быть в Москве.

Столь необычный для освящения храмов день (понедельник) был избран, конечно, не случайно. Организаторам торжества важно было приурочить его именно ко дню 20 сентября. Этим они хотели выразить какую-то важную и общезначимую мысль. Прочсть эту загадку можно лишь при помощи месящеслова. В византийских святцах день 20 сентября связан главным образом с именем святого Евстафия Плакиды¹³⁹. Никаких особых ассоциаций это имя у русских людей XIV в. не вызывало. Однако в тот же день чтилась память святого князя Михаила Всеволодовича Черниговского, убитого в Орде в 1246 г. за отказ поклониться «кусту и идолам». Имя этого князя-мученика символизировало готовность к самопожертвованию за веру. Подобно трем отрокам, брошенным царем Навуходоносором в огненную печь за отказ поклониться идолу, он отвечал грозному повелителю Орды: «Тебе, цесарю, кланяюся понеже Бог поручил ти есть царство света сего. А ему же велиши поклонитися не поклонюся»¹⁴⁰. В подвиге Михаила Черниговского, каким он представлен в его житии, явно ощутимо горячее дыхание библейской книги Даниила — любимой книги Калиты. Освящая собор во имя Михаила Архангела в день памяти Михаила Черниговского, Калита в завуалированной форме выражал свою приверженность религиозно-патриотическим целям. Вероятно, эти чувства разделял и митрополит, только что побывавший в Орде.

Имя Михаила Черниговского в начале XIV в. было широко известно в Северо-Восточной Руси. В середине XIII в. в Ростове при дворе княгини Марьи Михайловны, дочери князя-мученика, было составлено его краткое проложное житие. Оно легло в основу всех последующих пространных редакций этого памятника¹⁴¹. Есть сведения, что уже в середине XIII в. в Ростове существовала церковь, посвященная новым святым — князю Михаилу Черниговскому и казенному вместе ним боярину Федору. Вероятно, именно о ней упоминает Никоновская летопись под 1288 г.: «В Ростове сгорела церковь от грома святого Михаила»¹⁴². Пожар деревянной церкви — дело весьма обычное и редко

Александра Васильевича Суздальского, которое в действительности следует отнести к 1331 г. (*Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 361. Прим. 5). По мнению Дж. Феннела, собор был освящен 20 сентября 1334 г. (*Fennell J.* Op. cit. P. 145. Note 2).
¹³⁹ *Сергий (Спаский)*. Указ. соч. Т. 2. с. 289.

¹⁴⁰ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. С. 228. Эта мысль содержится и в «Повести о Михаиле Тверском». Здесь хан Узбек сравнивается с вавилонским царем Навуходоносором (ПСРЛ. Т. 5. Спб., 1851. С. 208; Т. 7. Спб., 1856. С. 189; Т. 39. М., 1994. С. 99).

¹⁴¹ *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в. М., 1990. С. 27–30.

¹⁴² ПСРЛ. Т. 10. С. 167.

упоминаемое летописью. Однако в данном случае летописец отмечает это как событие особое, достойное внимания.

Еще одним очагом культа Михаила Черниговского был, по-видимому, суздальский Ризположенский монастырь, в котором с 1227 по 1250 г. жила другая дочь князя-мученика — Евфросинья. Уже в XVI в. было составлено житие Евфросиньи Суздальской, согласно которому именно она своим посланием вдохновила отца на подвиг в Орде. По описи 1628 г. в Ризположенском монастыре существовал придел во имя Михаила Черниговского и его боярина Федора¹⁴³.

Особым почитанием Михаила Черниговского отличалась его родина — Северская земля. Во второй половине XIII в. в черниговобрянской земле, столицей которой стал Брянск, правил князь Роман Михайлович Старый (1263—1288), сын Михаила Черниговского. Его братья и племянники сидели в Глухове, Новосиле, Карачеве и других уделах. Однако в начале XIV в. брянским столом завладели князья из смоленского дома, что привело к переезду многих бояр в московские земли. Среди бояр, выехавших в Москву из Чернигова во времена князя Даниила Александровича, выделялся Федор Бяконт, отец будущего митрополита Алексея. Согласно свидетельству родословных книг, при Иване Калите «за ним была Москва»¹⁴⁴. Видимо, именно он в качестве княжеского наместника отвечал за безопасность и порядок в городе во время отлучек князя. А. Е. Пресняков полагал, что Федор Бяконт занимал должность московского тысяцкого — главы посадской общины и опочения¹⁴⁵.

День освящения Архангельского собора приобщал Москву к традиции прославления той святой жертвенности, которая для тверичей была связана с именем их князя Михаила Ярославича. Почитание первого князя-мученика Михаила Черниговского как бы отодвигало на второй план тверской культ, который претендовал на то, чтобы стать общерусским. Борьба между Москвой и Тверью шла не только на полях сражений и в юртах ханской ставки, но и в душах людей. Каждый из молодых городов стремился показать себя наследником почтенной старины, обрести собственных святых, свои традиции и предания.

Образ Михаила Черниговского со времен Калиты прочно вошел в московскую традицию. Князь-мученик и погибший вместе с ним боярин Федор представлены в росписи Благовещенского собора московского Кремля, выполненной в 1508 г.¹⁴⁶ Многие сюжеты этой росписи восходят

¹⁴³ Колобанов В. А. К вопросу о происхождении Евфросиньи Суздальской // Памятники истории и культуры. Вып. 1. Ярославль, 1976. С. 56—62.

¹⁴⁴ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 247.

¹⁴⁵ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 290.

¹⁴⁶ Мнева Н. Е. Стенопись Благовещенского собора московского Кремля // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV—XVI вв. М., 1970. С. 200.

Однако вторая версия более обоснована, чем первая. Как показано выше, в 1332–1333 гг. митрополит Феогност путешествовал в Константинополь и Орду. В сентябре 1332 г. он никак не мог быть в Москве.

Столь необычный для освящения храмов день (понедельник) был избран, конечно, не случайно. Организаторам торжества важно было приурочить его именно ко дню 20 сентября. Этим они хотели выразить какую-то важную и общезначимую мысль. Прочсть эту загадку можно лишь при помощи месящеслова. В византийских святцах день 20 сентября связан главным образом с именем святого Евстафия Плакиды¹³⁹. Никаких особых ассоциаций это имя у русских людей XIV в. не вызывало. Однако в тот же день чтилась память святого князя Михаила Всеволодовича Черниговского, убитого в Орде в 1246 г. за отказ поклониться «кусту и идолам». Имя этого князя-мученика символизировало готовность к самопожертвованию за веру. Подобно трем отрокам, брошенным царем Навуходоносором в огненную печь за отказ поклониться идолу, он отвечал грозному повелителю Орды: «Тебе, цесарю, кланяюся понеже Бог поручил ти естъ царство света сега. А ему же велиши поклонитися не поклонюся»¹⁴⁰. В подвиге Михаила Черниговского, каким он представлен в его житии, явно ощутимо горячее дыхание библейской книги Даниила – любимой книги Калиты. Освящая собор во имя Михаила Архангела в день памяти Михаила Черниговского, Калита в завуалированной форме выражал свою приверженность религиозно-патриотическим целям. Вероятно, эти чувства разделял и митрополит, только что побывавший в Орде.

Имя Михаила Черниговского в начале XIV в. было широко известно в Северо-Восточной Руси. В середине XIII в. в Ростове при дворе княгини Марьи Михайловны, дочери князя-мученика, было составлено его краткое проложное житие. Оно легло в основу всех последующих пространных редакций этого памятника¹⁴¹. Есть сведения, что уже в середине XIII в. в Ростове существовала церковь, посвященная новым святым – князю Михаилу Черниговскому и казненному вместе с ним боярину Федору. Вероятно, именно о ней упоминает Никоновская летопись под 1288 г.: «В Ростове сгорела церковь от грома святого Михаила»¹⁴². Пожар деревянной церкви – дело весьма обычное и редко

Александра Васильевича Суздальского, которое в действительности следует отнести к 1331 г. (*Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 361. Прим. 5). По мнению Дж. Феннела, собор был освящен 20 сентября 1334 г. (*Fennell J.* Op. cit. P. 145. Note 2).
¹³⁹ *Сергий (Спаский)*. Указ. соч. Т. 2. с. 289.

¹⁴⁰ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. С. 228. Эта мысль содержится и в «Повести о Михаиле Тверском». Здесь хан Узбек сравнивается с вавилонским царем Навуходоносором (ПСРЛ. Т. 5. Спб., 1851. С. 208; Т. 7. Спб., 1856. С. 189; Т. 39. М., 1994. С. 99).

¹⁴¹ *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX в. М., 1990. С. 27–30.

¹⁴² ПСРЛ. Т. 10. С. 167.

упоминаемое летописью. Однако в данном случае летописец отмечает это как событие особое, достойное внимания.

Еще одним очагом культа Михаила Черниговского был, по-видимому, суздальский Ризположенский монастырь, в котором с 1227 по 1250 г. жила другая дочь князя-мученика — Евфросинья. Уже в XVI в. было составлено житие Евфросиньи Суздальской, согласно которому именно она своим посланием вдохновила отца на подвиг в Орде. По описи 1628 г. в Ризположенском монастыре существовал придел во имя Михаила Черниговского и его боярина Федора¹⁴³.

Особым почитанием Михаила Черниговского отличалась его родина — Северская земля. Во второй половине XIII в. в черниговобрянской земле, столицей которой стал Брянск, правил князь Роман Михайлович Старый (1263—1288), сын Михаила Черниговского. Его братья и племянники сидели в Глухове, Новосиле, Карачеве и других уделах. Однако в начале XIV в. брянским столом завладели князья из смоленского дома, что привело к переезду многих бояр в московские земли. Среди бояр, выехавших в Москву из Чернигова во времена князя Даниила Александровича, выделялся Федор Бяконт, отец будущего митрополита Алексея. Согласно свидетельству родословных книг, при Иване Калите «за ним была Москва»¹⁴⁴. Видимо, именно он в качестве княжеского наместника отвечал за безопасность и порядок в городе во время отлучек князя. А. Е. Пресняков полагал, что Федор Бяконт занимал должность московского тысяцкого — главы посадской общины и ополчения¹⁴⁵.

День освящения Архангельского собора приобщал Москву к традиции прославления той святой жертвенности, которая для тверичей была связана с именем их князя Михаила Ярославича. Почитание первого князя-мученика Михаила Черниговского как бы отодвигало на второй план тверской культ, который претендовал на то, чтобы стать общерусским. Борьба между Москвой и Тверью шла не только на полях сражений и в юртах ханской ставки, но и в душах людей. Каждый из молодых городов стремился показать себя наследником почтенной старины, обрести собственных святых, свои традиции и предания.

Образ Михаила Черниговского со времен Калиты прочно вошел в московскую традицию. Князь-мученик и погибший вместе с ним боярин Федор представлены в росписи Благовещенского собора московского Кремля, выполненной в 1508 г.¹⁴⁶ Многие сюжеты этой росписи восходят

¹⁴³ Колобанов В. А. К вопросу о происхождении Евфросиньи Суздальской // Памятники истории и культуры. Вып. 1. Ярославль, 1976. С. 56–62.

¹⁴⁴ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 247.

¹⁴⁵ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 290.

¹⁴⁶ Мнева Н. Е. Стенопись Благовещенского собора московского Кремля // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV–XVI вв. М., 1970. С. 200.

к предшествовавшей ей росписи 1405 г. Интересна композиционная деталь этой росписи: композиция «Чудо Георгия о змие», символизировавшая победу над вековым врагом Руси — Золотой Ордой, зрительно как бы опирается на фигуры Михаила Черниговского и боярина Федора. Это сочетание самостоятельных композиций создает своеобразный живописный диптих, выражающий мысль о подвиге и самопожертвовании как подлинной основе торжества Руси над врагом.

Архангельский собор был последним каменным храмом, построенным Иваном Калитой. Настало время подводить итоги. За семь лет напряженной работы, строжайшей экономии и риска прослыть богачом он превратил свою столицу в один из самых красивых городов Северо-Восточной Руси. Москва стала достойным местопребыванием не только великого князя Владимирского, но и главы церкви — митрополита Киевского и всея Руси.

Конечно, ограниченность в средствах сильно сказалась на московском храмоздательстве. Более десяти лет после их освящения московские соборы стояли без росписей и колоколов. Только сын Калиты Семен Гордый, став великим князем Владимирским, в 1344–1346 гг. завершил дело отца.

История московского культового строительства времен Ивана Калиты наглядно демонстрирует широкий и, так сказать, «комплексный» подход этого правителя к решению политических проблем. Вкладывая свои весьма ограниченные средства в каменное строительство, Иван Данилович стремился закрепить политические успехи Москвы превращением ее в ведущий религиозный центр Северо-Восточной Руси. По существу, он строил «второй Владимир». Каждый из его храмов был связан многими нитями с владимирской и даже киевской традициями.

Культовое строительство Ивана Калиты имело и сугубо практическую цель: привлечь в Москву на постоянное жительство митрополита Феогноста. С этой целью князь выстроил все необходимые элементы епископской резиденции — кафедральный собор с эффектной соборной колокольней, усыпальницу для святителей, прилегающий к резиденции монастырь, наконец, само здание митрополичьих покоев. Возможно, собор Михаила Архангела также изначально предполагался монастырским. Однако позднее святитель Алексей устроил митрополичий монастырь во имя Архангела Михаила на другом месте.

Что касается митрополита Феогноста, то достоверно известно лишь о его участии в освящении храма Михаила Архангела в 1333 г. и о его благословении на устройство (или переустройство) Спасского монастыря. Однако есть основания предполагать его участие в освящении Петроверигского придельного храма в октябре 1329 г., а также в закладке собора Спасского монастыря 10 мая 1330 г. И все же из этого нельзя делать вывод об активном содействии Феогноста именно и исключительно Москве.

Позиция митрополита Феогноста заключалась в том, чтобы оказывать равное внимание всем частям своей обширной митрополии,

сохраняя ее единство. Едва наметившееся в 1330-е гг. первенство Москвы в Северо-Восточной Руси могло быть в любой момент ликвидировано властным вмешательством Орды. Опытный дипломат, Феогност не хотел связывать свою политическую перспективу с шаткой победой одного из феодальных центров¹⁴⁷.

Явная отстраненность Феогноста от московского «собрания Руси» запечатлелась в исторической памяти потомков Ивана Калиты. Примечательно, что полтора века спустя московский великий князь Иван III и митрополит Геронтий дружно воспротивились прославлению Феогноста как святого¹⁴⁸.

Вместе с тем митрополит Феогност не хотел и отталкивать от себя кого-либо из правителей русских земель, а тем более — великого князя Ивана Даниловича. Тщательно дозируя свое благосклонное внимание, Феогност наделял им Москву и Тверь, Владимир и Кострому, Новгород и Сарай, Киев и Владимир-Вольнский. Подобно митрополиту Петру, он странствовал по Руси, не имея постоянной географической «точки отсчета».

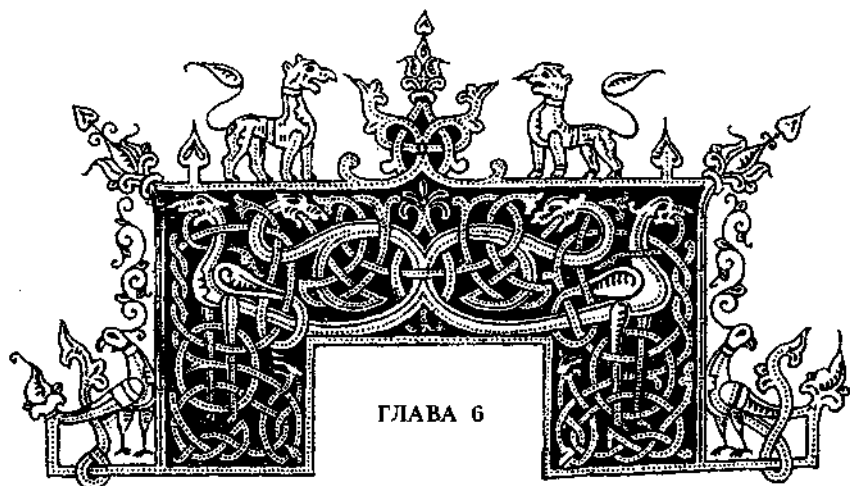
В этой ситуации Ивану Калите приходилось использовать все аргументы для привлечения святителя в Москву. Такими аргументами служили и проникнутые константинопольской церковной символикой новые московские храмы, и культ последователя святого патриарха Афанасия I митрополита Петра, и реформа архимандритии, и личная набожность князя Ивана Даниловича, его истовое преклонение перед святителем, о котором Феогност рассказывал в Константинополе своему другу историку Никифору Григору¹⁴⁹.

В целом Иван Калита в своих отношениях с церковью проявил качества выдающегося политика. Воспользовавшись благоприятной для Москвы внешнеполитической ситуацией конца 20-х — начала 30-х гг. XIV в., он сумел резко усилить ее потенциал как религиозного центра. Созданный Калитой новый культовый образ Москвы предопределил закрепление за ней роли церковной столицы Северо-Восточной Руси, центра всей митрополии.

¹⁴⁷ Примечательно, что византийский историк середины XIV в. Никифор Григора, рассказывая (очевидно, со слов самого митрополита Феогноста) о тогдашних русских церковных делах, даже не упоминает Москву (*Obolensky D. Byzantium, Kiev and Moscow: a Study in Ecclesiastical Relations // Dumbarton Oaks Papers. N 11. 1957. P. 30. Note 34*).

¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. 6. Спб., 1853. С. 198.

¹⁴⁹ См.: Соколов П. П. Указ. соч. С. 278–279.

НОВГОРОДСКО-ПСКОВСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ МОСКОВСКОЙ ПОЛИТИКИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIV В.

Налаженные еще при Юрии Даниловиче прочные московско-новгородские связи помогли Ивану Калите получить сначала часть, а затем и все великое княжение Владимиро-Псковское. Заняв великокняжеский престол, князь Иван, естественно, хотел сохранить эту традицию. Однако теперь его положение было гораздо более сложным, чем раньше. Если прежде москвичей сближала с новгородцами общая ненависть к тверскому насилию, то теперь эта тема ушла на второй план. Отныне уже сами москвичи должны были сурово требовать от новгородцев своевременной — а иногда и досрочной! — выплаты ордынской дани, заставлять их участвовать в общерусских военно-политических акциях, обеспечивать безопасность их западных рубежей. Все эти неприятные обязанности могли испортить добрые отношения москвичей с Новгородом, подтолкнуть новгородцев к сотрудничеству с тверскими князьями и Литвой.

Новгородские и связанные с ними псковские дела потребовали от нового великого князя всех его дипломатических способностей. Он начал сложную политическую игру, в которой использовал самые различные средства и приемы.

Сильным козырем великих князей Владимирских в их отношениях с Новгородом была ордынская угроза. Тверские князья, кажется, сильно злоупотребляли ею, болезненно задевая достоинство новгородцев, а порою переходя от слов к делу. Иван Данилович действовал более гибко. Несомненно, именно он помог новгородцам откупиться от ордынского погрома зимой 1327/28 г. В 1329 г., преследуя по приказу хана опального тверского князя Александра, укrywшегося во Пскове,

князь Иван отказался от помощи татар. В случае их участия новгородско-псковские земли подверглись бы разорению.

Псковский поход 1329 г. заслуживает особого внимания и как первая крупная акция Ивана Калиты по отношению к Новгороду и Пскову. В ее подробностях приоткрываются принципы московской политики в этом регионе.

Отпуская русских князей и новгородских послов из своей ставки летом 1328 г., хан на прощанье приказал им поймать и привести в Орду на суд князя Александра Михайловича Тверского.

Главная роль в преследовании и поимке тверского князя отводилась Ивану Калите: он получил от хана новгородский стол, а вместе с ним и ответственность за весь северо-запад Руси. Московскому князю, вероятно, очень не хотелось отправляться в этот далекий, трудный и явно бессмысленный поход на Псков. Поймать Александра было так же невозможно, как схватить рукой выпорхнувшую из клетки птицу. Но и оставить приказ хана без исполнения было немыслимо. Для начала Иван пытался воздействовать на родственников беглеца, и прежде всего — брата Константина. Новый тверской правитель выразил готовность сотрудничать с москвичами. Став тверским князем после поездки в Орду вместе с Иваном Калитой летом 1328 г., он никогда не проявлял враждебных намерений по отношению к Москве. Жена Константина Софья, племянница Ивана Калиты, вероятно, всячески поддерживала это миролюбие.

Впрочем, дело было не только в личности Константина. Окажись на его месте любой другой — и он едва ли смог бы действовать иначе. Тверское княжество было столь сильно разорено и опустошено, что о какой-либо новой войне с Москвой не приходилось и думать. Рассказывая о возвращении княжеской семьи в Тверь после погрома, Никоновская летопись замечает: «И седоша во Твери в велицей нищете и убожестве, понеже вся земля Тверская пуста»¹. Это выражение органично вписывается в рассказ о событиях 1327–1328 гг. в летописях, хорошо сохранивших тверскую летописную традицию XIV в. (Рогожский летописец, Тверской сборник, Музейская рукопись с фрагментами тверского свода XV в.). Возможно, здесь, как и в ряде других случаев, Никоновская летопись восходит непосредственно к тверскому первоисточнику названных памятников.

Тверские летописцы отмечают, что князь Константин Михайлович, утвердившись в Твери, «нача княжити тогда тихо мирно»².

Осторожная политика Константина способствовала возрождению тверской земли после погрома 1328 г. Даже его опальный брат Александр позднее уважительно говорил о Константине: «Се есть наставник отчине нашей, о нем же утвердишася люди по рати сеи»³.

¹ ПСРЛ. Т. 10. Слб., 1885. С. 195.

² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М.; Л., 1965. Стб. 45; Т. 15. М.; Л., 1965. Стб. 417.

³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 49.

Разгром Твери таил в себе большое искушение для москвичей: попытаться овладеть тверской землей. Но князь Иван сумел благоразумно предпочесть журавлю в небе синицу в руке. Этой «синицей» — «ручным» тверским князем — Иван и решил воспользоваться в самом начале своей многолетней борьбы с Александром Тверским. Калита убедил Константина написать письмо к брату с призывом явиться на суд к хану и тем самым спасти свое княжество и всю Русскую землю от новых бедствий. Александр не послушался и остался во Пскове.

Впрочем, Иван, вероятно, и не питал особых надежд на эту переписку. Затеяв ее, он хотел лишь потянуть время в надежде на то, что хан забудет о своем приказе и все как-нибудь само собой устроится. Однако Узбек не забыл сказанного. В конце 1328 г. он вновь потребовал от русских князей захватить и доставить в Орду Александра Тверского.

На сей раз пришлось князю Ивану без промедления садиться на коня. На Псков двинулось большое войско, включавшее в себя, кроме московских ратников, дружины тверских князей Константина и Василия Михайловичей. Отправился в поход и соправитель Ивана по великому княжеству Владимирскому князь Александр Васильевич Суздальский и другие князья.

В фундаментальных работах по истории Руси в XIV–XV вв. псковский поход Ивана Калиты занимает весьма скромное место⁴. Его тщательное изучение затруднено состоянием источников. Летописи весьма противоречиво описывают это событие. Памятники, наиболее ярко отразившие тверское летописание XIV в., как ни странно, ограничиваются одной фразой. В Рогожском летописце: «Того же лета (6837) князь великий Иоанъ Даниловичъ поиде ратию къ Пскову на князя Александра Михайловича и увернулся в Опоках»⁵. Почти тождественный текст — в Тверском сборнике⁶. Сокращенный текст тверского летописного свода (ГИМ. Музейское собр., 1473) вообще не содержит сведений о псковском походе Ивана Калиты.

Более подробно, «по горячим следам», сообщает об этих событиях Новгородская 1 летопись (Синодальный список), протограф которой, согласно А. А. Шахматову, возник около 1330 г.⁷ Из этого рассказа можно понять, что новгородцы активно участвовали в переговорах с Александром Тверским, а затем и в походе на Псков. Их заинтересованность

⁴ См.: *Экземлярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 1. Спб., 1889. С. 74; *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 140–142; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 498–500; *Fennell J.* The Emergence of Moscow 1304–1359. University of California Press, 1968. P. 115–119.

⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 45.

⁶ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 417.

⁷ См.: *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 128.

данным вопросом вполне понятна. Ее истоками были и давняя вражда новгородцев с Тверью, и стремление изгнать из Пскова потенциального врага Новгорода, и боязнь испортить отношения с Ордой, грозное дыхание которой новгородцы явственно ощутили во время «Федорчуковой рати». Новгородский владыка Моисей вместе с тысяцким Авраамом ездил во Псков для переговоров с князем Александром Тверским, а также с псковским боярством, однако не достиг желаемого результата⁸.

В Троицкой летописи (по реконструкции М. Д. Приселкова) псковский поход 1329 г. вообще не упоминается. Вероятно, молчал о нем и Свод 1408 г. Это умолчание можно понять как результат редакторской работы митрополита Киприана. Однако на более поздних этапах развития московского летописания (Свод 1448 г.) псковский сюжет был воссоздан главным образом на основе данных новгородских и псковских летописей. Его знают уже Софийская 1 и Новгородская 4 летописи, изложение которых легло в основу рассказа о псковском походе по Воскресенской летописи. Тот же рассказ, хотя и расцвеченный риторикой, находим в Никоновской летописи. Однако в ней можно заметить и некоторые уникальные подробности событий 1328 г., например указание на то, что Александр Тверской из Пскова отъехал «в немцы» и лишь потом — в Литву⁹. Интересно и замечание составителя Никоновской летописи о том, что князь Александр Тверской прожил во Пскове в общей сложности 10 лет¹⁰. Происхождение этих уникальных дополнений Никоновской летописи достаточно убедительно раскрывается в исследовании Б. М. Клосса¹¹.

Обширный рассказ о псковском походе, содержащийся в московских летописях второй половины XV — начала XVI в., восходящих к Своду 1448 г., явно идеализирует князя Александра Тверского. По-видимому, в основе его — псковское (тверское?) повествование о событиях 1329 г., основательно обработанное московскими книжниками¹².

⁸ По мнению некоторых исследователей, Моисей дважды ездил во Псков в 1328–1329 гг. (см.: Соколов П. П. Русский архиепиеп из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913. С. 280). Однако данная точка зрения основана на недоразумении: летописи, непосредственно восходящие к Своду 1448 г. (Софийская 1 и Новгородская 4) дважды, но под разными годами (6836 и 6838) поместили одно и то же известие — о московских и новгородских послах во Псков (ПСРЛ. Т. 5. Спб., 1851. С. 218; Т. 4. Вып. 1. Пг., 1915. С. 262; Т. 39. М., 1994. С. 105). Такая накладка, по-видимому, объясняется тем, что составителю Свода 1448 г. не удалось органично вписать псковскую (тверскую?) повесть об Александре Тверском в сетку погодных статей.

⁹ ПСРЛ. Т. 10. С. 202.

¹⁰ Там же. С. 195.

¹¹ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 147, 179–180.

¹² По мнению Я. С. Лурье, апология Александра Тверского и сарказмы в адрес его противников попали в протограф Софийской 1 и Новгородской 4 летописей (Свод 1448 г.) из псковских источников (см.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 102–103).

И если первые стремились возвысить Александра как страстотерпца и мученика за веру, то вторые позаботились о том, чтобы устранить из повествования негативные оценки Ивана Калиты. По версии Никоновской летописи, Калита призывает союзных с ним князей выполнять приказ хана о поимке Александра Тверского, ссылаясь на то, что в противном случае «все от царя Азбяка отечества своего лишени будем и смерти предани, и землю Русскую пусту сотворим»¹³. Эклектичный характер всего повествования о псковском походе 1329 г. в Никоновской летописи особенно наглядно проявился во вступительной фразе: «Того же лета вложи окаанный враг дьявол злую мысль князем Руским възискати князя Александра Михайловича Тверскаго, повелением татарскаго царя Азбяка...»¹⁴ Очевидно антимосковское звучание данного «зачина», в соответствии с которым Иван Калита выступал как исполнитель «злой мысли» дьявола, а не как спаситель Руси от многих бедствий.

Существовал ли рассказ о псковском походе 1329 г. в московских летописях XIV столетия? Не имея оснований для однозначного ответа, заметим лишь, что рассуждение Калиты в передаче Никоновской летописи («землю Русскую пусту сотворим») близко перекликается с комментариями московского летописца второй четверти XIV в. по поводу «Федорчуковой рати» и прихода Калиты на великое княжение. Созвучно оно и мотивам похвалы Ивану Калите в Сийском Евангелии. Возможно, в этой фразе — осколок Свода 1340 г., уцелевший в составе тех фондов, из которых почерпнуты и другие уникальные московские известия Никоновской летописи¹⁵. Да и весь рассказ о псковском походе в монологах Александра Тверского и Ивана Калиты как бы соединяет две «правды», два взгляда на ситуацию — московский и тверской. Возможно, рассказ Никоновской летописи и возник как синтез двух более ранних произведений на ту же тему.

Но вернемся к самому псковскому походу и попытаемся проследить его подробности. В воскресенье, 26 марта 1329 г. князь Иван Данилович торжественно взшел на новгородский «стол»¹⁶. В этот день церковь праздновала Собор архангела Гавриила. А накануне, 25 марта, был один из двенадцати важнейших праздников — Благовещение. Очевидно, в

¹³ ПСРЛ. Т. 10. С. 202.

¹⁴ Там же. С. 201. Примечательно, что уже в Софийской I летописи по списку И. Н. Царского этот фрагмент звучит иначе: «Того же лета вложися в сердце князем роусским възискати князя Александра, повелением окааннаго царя Озбяка, и подьяша всю землю Роусскую» (ПСРЛ. Т. 39. С. 105).

¹⁵ См.: Клосс Б. М. Указ. соч. С. 181–189; Муравьева Л. Л. Об «избытке» известий Никоновской летописи (конец XIII — начало XV в.) // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 145.

¹⁶ НЛ. С. 98, 342. Церковные уставы запрещали пить вино во время Великого поста. Однако в воскресные дни, а особенно в дни больших церковных праздников, строгость поста ослабевала (см.: Иоанн (Маслов). Обрядовые особенности покаянной дисциплины Древней Руси // Богословские труды. Вып. 31. М., 1992. С. 20–21).

этот день Иван Калита принимал новгородских бояр в княжеской резиденции на Городище. Здесь, на правом берегу Волхова, в двух верстах от города, обычно жили князья, приглашенные в Новгород на княжение. В центре Городища, рядом с княжеским дворцом возвышалась каменная церковь Благовещения, построенная еще сыном Владимира Мономаха Мстиславом Великим в 1103 г. 25 марта в ней совершалась торжественная служба по случаю престольного праздника. За ней, конечно, следовало пиршество, на котором князья имели возможность переговорить с новгородскими боярами «по душам» в непринужденной обстановке застолья. Впрочем, заканчивалась третья неделя Великого поста и особого веселья в этот период не допускалось.

В день, когда князь Иван взшел на новгородское княжение, совершался обряд поклонения кресту. Согласно древней традиции, в третье воскресенье Великого поста на утрене священники выносили святой крест для поклонения из алтаря на середину храма. Здесь он лежал на аналое до пятницы четвертой недели Великого поста.

Конечно, князь Иван не случайно выбрал эти праздничные дни для своего въезда в Новгород. Они позволяли ему проявить как благочестие и щедрость к храму, так и хлебосольное гостеприимство.

В четверг, 30 марта, церковь вспоминала древнего подвижника Иоанна Синайского, учителя и наставника иноков, автора знаменитой «Лествицы»¹⁷. А через три дня, 2 апреля, праздновалась переходящая память того же Иоанна Лествичника (четвертое воскресенье Великого поста). Судя по всему, в один из этих дней и выступило из Новгорода на Псков воеводою Калитой многолюдное войско, включавшее в себя кроме дружин северо-восточных князей еще и ополчение новгородцев¹⁸.

Действительно, ни князьям, ни новгородским боярам не было смысла тянуть с началом похода: приближалась весенняя распутица. К тому же содержание томившейся бездельем многотысячной рати в Новгороде было крайне обременительным делом как для князей, так и для местных властей.

Для князя Ивана Даниловича вступление псковского похода в решающую стадию было моментом наивысшего напряжения всех его душевных сил. От успеха этого похода зависело его будущее. В случае безрезультатной осады Пскова (а тем более поражения от псковичей!) его ожидал ханский гнев, последствия которого могли быть самыми

¹⁷ См.: *Сергий (Спасский)*. Полный месяцеслов Востока. Т. 2. М., 1997. С. 91.

¹⁸ В этой связи уместно вспомнить предположение, высказанное еще И. Е. Забелиным, относительно связи постройки каменной церкви Иоанна Лествичника в московском Кремле со псковским походом Ивана Калиты (см.: *Забелин И. Е.* История города Москвы. М., 1990. С. 75–76). Действительно, уникальное посвящение храма наводит на мысль о его обетном происхождении. Вероятно, выступая из Новгорода на Псков, князь Иван дал обет: в случае успешного завершения похода построить храм во имя того святого, чья память совершалась в день начала кампании. Такого рода обеты нередко давались и исполнялись русскими князьями.

плачевными. Разумеется, князья-соперники тотчас бы выставили его перед ханом в самом дурном свете: как бездарного полководца, труса и даже тайного изменника. Да и в самом походе князь Иван не мог вполне положиться на верность своих соратников: и Александр Суздальский, и младшие братья Александра Тверского в глубине души мечтали о неудаче похода, ответственность за которую должен был понести их московский предводитель. Его падение открывало перед ними заманчивые политические перспективы.

В этой обстановке единственной надеждой князя Ивана (помимо собственной дружины) было новгородское ополчение. Очевидно, он заставил взяться за оружие и выступить на Псков всех способных к воинскому делу новгородцев. Об этом косвенно свидетельствует и Новгородская 1 летопись. В статье 6837 г. помимо рассказа о псковской войне сообщается о сильном пожаре, случившемся как раз в то время, когда войско Калиты находилось в пути на Псков. «Того же лета без князя и без новгородцев загорелся Ондрешков двор в Плотниках, и погоре и до Федора святого, и потом на той же недели погоре Ильина улица мало не вся и Лубяница, и церкви святого Спаса и святого Луки сторе»¹⁹. Выражение летописца «без князя и без новгородцев» трудно понять иначе, как свидетельство массового ухода горожан в псковский поход.

Несомненно, такая решимость новгородцев во «псковском вопросе» во многом объяснялась однозначной позицией архиепископа Моисея. Еще в 1325 г. во время своего визита в Москву для хиротонии он, по видимому, нашел общий язык с Иваном Калитой. Их сотрудничество окрепло в трудные времена «Федорчуковой рати», когда Калита помог новгородцам откупиться от ордынского погрома. В 1328 г. новгородские послы поддержали Калиту в Орде, а сам владыка Моисей попытался своим духовным авторитетом воздействовать на псковичей с тем, чтобы помочь московскому князю так или иначе решить проблему наказания опального князя Александра Тверского. Следующим эпизодом этого сотрудничества и была активность владыки в деле организации новгородского ополчения для похода на Псков весной 1329 г.²⁰

¹⁹ Н1Л. С. 99, 342.

²⁰ Однако, помогая Калите,¹ новгородский владыка вызвал ненависть псковского боярства, которое надеялось с помощью князя Александра Тверского укрепить псковскую независимость. Ответные действия псковичей не заставили себя ждать. Уже новгородские пожары, вспыхнувшие после ухода горожан во псковский поход, выглядят в этой связи весьма подозрительно. Весть о гибели своих домов и имущества, несомненно, заставила многих новгородских воинов вернуться с полпути. «Красный петух», пущенный коварной рукой поджигателя, — обычное средство сведения счетов в Древней Руси. Но это было лишь начало. Вскоре после вынужденного отъезда Александра Тверского из Пскова униженные псковичи решили отомстить новгородскому владыке и освободиться от его руки. С этой целью они подняли вопрос о создании самостоятельной псковской епархии, заручившись поддержкой в этом вопросе великого князя Литовского Гедимина. В случае успеха этого замысла

Отрывочные и противоречивые летописные известия о псковском походе не позволяют в полной мере восстановить хронологическую последовательность событий. Так, например, Софийская 2 и Новгородская 4 летописи представляют дело так, будто московский посол Лука Протасьев вместе с владыкой Моисеем и тысяцким Авраамом отправились с посольством во Псков уже после того, как Иван Калита прибыл в Новгород²¹. Это известие (как и весь сюжет о псковском походе) ошибочно датировано 6838 г. А двумя годами ранее те же летописи сообщают о поездке московских послов и новгородских правителей во Псков с той же миссией. Более достоверно излагает дело Новгородская 1 летопись, которая упоминает лишь одно московско-новгородское посольство во Псков под 6836 г., то есть сразу после возвращения Ивана Калиты из Орды осенью 1328 г. Действительно, было бы весьма странно, если бы архиепископ Моисей, однажды получив отказ от псковичей, вновь поехал к ним с той же просьбой через несколько месяцев.

Столь же туманна хронология действий митрополита Феогноста. Синодальный список Новгородской 1 летописи лишь кратко сообщает

новгородский владыка терял существенную часть своих доходов, связанную с его юрисдикцией над Псковом. Кроме того, обрывалась почти единственная нить административной связи Новгорода и Пскова, что неизбежно вело к дальнейшему обособлению Пскова от Новгорода и от всей политической системы великого княжения Владимирского. Такая перспектива серьезно обеспокоила новгородское боярское правительство, да и самого Ивана Калиту. (Согласно «Запискам касательно Российской истории» императрицы Екатерины II, московские послы, посетившие митрополита Феогноста в Киеве в 1329–1330 гг., обсуждали с ним не только вопрос об основании Спасского монастыря: «...наедине же уговаривали и просили митрополита Феогноста, да не поставит псковитянам особенного епископа» — Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. СПб., 1906. С. 102.) Поначалу новгородские «золотые пояса» попытались умиротворить псковичей, принеся в жертву своего предводителя — архиепископа Моисея. В мае 1330 г. он «по своей воли» покинул кафедру и ушел в монастырь. Нового владыку не избирали очень долго (8 месяцев!), очевидно, надеясь найти здесь точку примирения с псковичами и подобрать устраивавших обе стороны кандидатов. Однако псковичи не пошли на мировую. Дело было вынесено на суд митрополита. Летом 1331 г. к нему на Волынь прибыло новгородское посольство с нареченным владыкой Василием Каликой и одновременно с ним — псковское посольство с кандидатом на самостоятельную псковскую кафедру, неким Арсением. Псковских просителей поддерживал Гедимин. Однако митрополит Феогност решительно отверг затею псковичей, созвав для этого поместный архиерейский собор. Опытный дипломат, Феогност, конечно, понимал, что самостоятельный псковский владыка может со временем перейти под юрисдикцию постоянно появлявшихся в Юго-Западной Руси в те годы церковных сепаратистов — митрополита Литовского или митрополита Галицкого. В этом случае в выигрыше мог оказаться не только Новгород, но и сам «митрополит Киевский и всея Руси». Возможно, в этом и состояла вторая, сокровенная цель псковского церковного антагонизма с Новгородом. Под номинальным началом митрополита-сепаратиста псковский архиерей стал бы практически совершенно самостоятельным.

²¹ ПСРЛ. Т. 5. С. 218; Т. 39. С. 105; Т. 4. Вып. 1. С. 262.

о его приезде в Новгород под 6837 г.; Комиссионный список добавляет к этому, что иерарх «прокля плескович»²². В Софийской 1 и Новгородской 4 летописях сообщается, будто Иван Калита обратился к митрополиту, лишь дойдя со своим войском до первой псковской крепости Опоки и убедившись в решимости псковичей до конца стоять за Александра («...и уедав, что не вынати Александра ни выгнати ратью, и намолви митрополита Феогнаста; и посла метрополит проклятие и отлучение на Александра и на Псков»)²³. Эта версия выглядит достаточно убедительной. Именно в начале боевых действий митрополиту было бы естественно выступить в роли миротворца.

Дорога из Новгорода во Псков шла сначала вдоль берега озера Ильмень, а затем по реке Шелонь до устья Узы. Здесь Шелонь поворачивала на юг, а псковская дорога тянулась вдоль Узы и дальше, через водораздел, к верховьям реки Черехи, выведившей к Пскову. Большая часть всей дороги пролегла по низменным местам, весной почти непроходимым из-за половодья. Казалось бы, союзникам следовало спешить, чтобы успеть до распутицы. Однако войско князя Ивана двигалось крайне медленно. За три недели оно прошло не более полутораста верст и достигло городка Опоки. Здесь союзники встали и начали готовиться к осаде этого восточного форпоста псковской земли.

Псковский летописец пронизательно замечает, что князь Иван вел свою армию столь медленно, «не хотя пскович розьгневити»²⁴. Это похоже на правду. Князь Иван, конечно, понимал, что стремительное вторжение воодушевило бы привычных к войне псковичей на решительное сопротивление. Напротив, медлительность наступавших давала им время одуматься, здраво оценить ситуацию и принять благоразумное решение. А главное состояло в том, что именно в эти недели и была введена в действие новая фигура — митрополит Феогност. Калита медлил, чтобы дать время ему сказать свое веское слово, а псковичам — в полной мере ощутить тяжелые последствия интердикта. И этот ход принес успех.

В лагерь Калиты, разбитый близ Опоки, прибыли псковские послы во главе с посадником Селогой. Они передали великому князю «слово псковское» (послание псковского вече): «Князь Александр изо Пскова

²² НЛ. С. 98, 342.

²³ ПСРЛ. Т. 5. С. 218; Т. 39. С. 105–106; Т. 4. Вып. 1. С. 263.

²⁴ Псковские летописи. Вып. 2. М.; Л., 1941. С. 91. Обе стороны псковского конфликта, несомненно, внимательно следили за событиями на западе. Новгородцы надеялись на поддержку Ордена, а псковичи — Гедимины. Однако с июня 1328 по март 1330 г. рыцари были заняты войной с Ригой. К осажденной Риге двинули свои войска и Гедимин, к которому рижане обратились за помощью. Убедившись в том, что основные силы Ордена прикованы к Риге, Гедимин повел свою армию в центральную часть Ливонии с целью грабежа. Точная хронология этих событий неизвестна. Однако очевидно, что длительная осада Пскова московско-новгородским войском могла бы привести к столкновению с Гедимином, который был свободен от обычной угрозы со стороны Ордена (Urban W. The Livonian Crusade. University Press of America, 1981. P. 82–85).

поехал прочь; а тебе господину своему князю великому весь Псков кланяется»²⁵.

В присутствии Ивана Калиты между новгородцами и псковичами был заключен «вечный мир», подтверждавший традиционный суверенитет Пскова. При этом псковичи взяли на себя обязательство не принимать князей «из литовской руки». Это условие было важным и для великого князя Владимирского, не желавшего упускать Псков из сферы своего политического влияния, и для новгородцев, опасавшихся чрезмерного усиления города за счет его литовских и полоцких связей.

Согласно убедительному предположению В. Л. Янина, этот мир был заключен в деревне Болотово (Волотово), верстах в 7 к юго-востоку от городка Опоки (позднее — Погост Опоцкий на Шелони). В историю новгородско-псковских отношений он вошел под названием «Болотовский договор»²⁶.

Довольные таким исходом дела, князья и новгородцы поспешили назад. Теперь Калита мог доложить хану, что сделал все возможное для исполнения его воли. На радостях союзники закрыли глаза на то, что князь Александр оставил во Пскове свою жену и свиту — верный признак надежды на скорое возвращение.

Псковская кампания завершилась с наименьшими потерями для всех ее участников. Такой исход, во многом явившийся результатом умелой политики Ивана Калиты, создавал хорошие предпосылки для укрепления сотрудничества между Москвой и Новгородом. Однако вскоре авторитет Калиты в северо-западных землях подвергся серьезному испытанию. Причиной тому стали его действия в качестве великого князя Владимирского.

Во время съезда князей в Орде зимой 1331/32 г. по случаю кончины Александра Васильевича Суздальского хан объявил им о своем решении увеличить размеры дани, выплачиваемой русскими землями. Свое решение он, по-видимому, объяснил тем, что со времен татарской переписи в 1257–1259 гг. территория Руси увеличилась, а количество дворов в городах и селах возросло. Великому князю Владимирскому совместно с другими правителями предоставлялось самим произвести новую раскладку ордынского «выхода» по городам и волостям. Хана в данном случае интересовал лишь конечный результат.

Посоветовавшись с князьями, Калита решил, что основную тяжесть новых платежей следует возложить на Новгородскую землю. Ее территория и податное население действительно заметно возросли после

²⁵ Псковские летописи. Вып. 2. С. 91–92. По некоторым сведениям, расположившись близ Опоки, князья послали в Орду донесение о своих действиях (Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. С. 100). Очевидно, они опасались, что, раздосадованный их медлительностью, хан пошлет на Русь свое войско.

²⁶ Янин В. Л. «Болотовский» договор о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII–XIV вв. // Отечественная история. 1992. № 6. С. 5.

1259 г. за счет освоения обширных областей по рекам Вычегде и Печоре, а также в верховьях Камы.

Отношения Новгорода с Ордой очень слабо освещены источниками. Ясно лишь, что в основе их лежал «черный бор» — новгородская дань в Орду. Одни историки считают, что «черный бор» составлял только часть всего новгородского «выхода» в Орду; другие полагают, что этим термином обозначался весь «выход»²⁷. Как бы там ни было, новгородцы платили «черный бор» примерно один раз в восемь лет. Его общая сумма была вычислена еще в 1259 г., когда татарские «численники» посетили Новгород и под защитой князя Александра Невского провели перепись дворов в городе. Установив общую сумму, татары предоставили новгородцам самим определить порядок сбора денег. В соответствии с традициями древнерусского налогообложения новгородские бояре решили возложить эту подать на определенную территорию. Такой областью, по мнению В. Л. Янина, стала Новоторжская волость, центром которой был город Торжок²⁸. Расчет бояр вполне понятен: именно здесь, в самой южной части новгородских земель, угроза татарского погрома ощущалась особенно живо. Весной 1238 г. полчища Батые разорили эти земли, оставив по себе страшную память.

В год, когда новоторжцы выплачивали «черный бор», они освобождались от «поралья посадника и тысяцкого» — основной поземельной дани в казну Великого Новгорода. В 1331 или 1332 г. как раз наступил очередной срок уплаты новоторжцами «черного бора». Однако на сей раз князь Иван, вернувшись из Орды весной 1332 г., потребовал от новгородского правительства уплаты еще и новой, прежде не существовавшей дани — «закамского серебра». Несомненно, князь ссылался на распоряжение хана и приводил соответствующую аргументацию. Однако новгородцы истолковали дело по-своему: московский князь за их счет решил устроить свои собственные дела. Они наотрез отказались платить «закамское серебро».

Новгородцы не хотели идти ни на какие уступки северо-восточным князьям, так как хорошо знали их ненасытность. В отношениях с ними они поднимали шум из-за любой мелочи, в которой можно было усмотреть посягательство на их независимость. Бесконечные препирательства с новгородскими «золотыми поясами» были общим уделом великих князей Владимирских. Их накопившую досаду ярко выразил московский летописец конца XIV столетия в своем комментарии к сообщению об очередной тяжбе: «Таков бо есть обычан новгородцев: часто правают ко князю великому и паки рагозятся. И не чудися тому: беша бо человеци суровы, непокоривы, упрямчиви, непоставни... Кого от князь не прогневаша, или кто от князь угоди им, аще и великии Александр Ярославич (Невский. — Н. Б.) не уноровил им?.. И аще хочещи

²⁷ См.: Янин В. Л. «Черный бор» в Новгороде XIV–XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 102.

²⁸ Там же.

распытовати, разгни книгу, Летописец великий руський, и прочти от великаго Ярослава и до сего князя нынешняго»²⁹.

В спорах с «золотыми поясами» великие князья использовали все средства, не исключая и откровенную демагогию. В конфликте 1332 г. князь Иван Данилович, явно сгущая краски, пытался представить дело так, будто, отказываясь платить возложенную на них новую ордынскую дань, новгородцы фактически выходят из политического сообщества княжеств и земель, возглавляемых великим князем Владимирским. Такое решение следовало понимать как измену. Последствия этой «измены» легко было предвидеть: карательный поход на Новгород объединенных сил всех северо-восточных княжеств.

В сущности Калита на полтора столетия предвосхитил замысел Ивана III, обосновавшего завоевание боярской республики как борьбу с «новгородской изменой».

Новгородская 1 летопись (Синодальный список) так сообщает о начале тяжбы с Калитой: «Того же лета (6840. — Н. Б.) великий князь Иван приде из Орды и възверже гнев на Новгород, прося у них серебра закамского, и в том взя Торжек и Бежичьский верх за новгородскую измену»³⁰. Другой извод той же летописи передает это известие в чисто новгородском толковании: без упоминания «измены», но с указанием на то, что князь Иван действовал «черес крестное целование»³¹.

Летописи позволяют разглядеть несколько этапов наступления Калиты на Новгород. В его действиях явственно заметны черты, ставшие со временем традиционными для московских князей: неторопливость, последовательность и тщательное идейное обоснование. Летом 1332 г. князь Иван сделал только первый шаг: направил в Торжок и Бежецкий верх московских воевод с полками, но сам остался дома³². Захватив эти области, он стал ждать ответа новгородцев. Ему явно не хотелось рисковать. Да и куда ему было спешить? Вперед, на Новгород? Но штурмовать город было бы большой глупостью. Даже если бы у Калиты достало сил, чтобы одолеть новгородскую рать, то зачем было резать курицу, приносящую золотые яйца?

Упрямые новгородцы не поддались первому нажиму Калиты. Тогда в конце 1332 г. он предпринял еще более грозную акцию — поход на Новгород объединенного войска всех «низовских» (то есть северо-восточных) князей. Отозвав своих наместников из Новгорода, князь Иван со своими союзниками остановился в Торжке, ожидая, когда у новгородцев сдадут нервы. Его огромное войско, томясь бездельем, кормилось грабежом окрестных сел и деревень.

²⁹ Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.: Л., 1950. С. 438-439.

³⁰ НЛ. С. 99.

³¹ Там же. С. 344.

³² См.: Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 503; Бержков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 294-295.

«Приде князь Иван в Торжек съ всеми князи низовьскими и с рязаньскими, и присла в Новгород, сведе наместники, а сам седе в Торжку от Крещения до Сбора (с 6 января до 21 февраля 1333 г. — Н. Б.), теряя волость Новгородскую»³³.

Наконец, новгородцы не выдержали и направили к Ивану послов: юрьевского архимандрита Лаврентия и с ним двух бояр. Не знаем, что они предложили Калите, но их предложение его не устроило. Князь «молбы не приял, а их не послушал, а миру не да, поеха прочь»³⁴. Оккупация новгородских областей, разумеется, продолжалась.

Не успев в мирных переговорах, новгородцы стали укреплять город. Архиепископ Василий Калика достроил начатую им еще в 1331 г. каменную стену вокруг своей резиденции на Софийской стороне. Ему хватило средств и на то, чтоб заняться ремонтом Софийского собора — покрыть крышу свинцом, позолотить крест на центральной главе. Серьезный вклад в оборону Новгорода внес и архимандрит Юрьева монастыря Лаврентий. Он окружил свою обитель — южный форпост города — мощными стенами³⁵.

Укрепившись, новгородцы вернулись к мысли о переговорах. На сей раз к московскому князю отправился сам архиепископ Василий с двумя боярами. Они нашли Калиту в Переяславле-Залесском.

Новгородцы предложили Ивану 500 рублей откупа (сумма по тем временам огромная) в обмен на мир и возвращение к условиям договора 1329 г. Но Калита и на сей раз остался тверд в своем запросе «закамского серебра»: «И много моли его владыка, чтобы мир взял, и не послуша»³⁶.

И вновь маятник новгородской политики от смирения перед великим князем Владимирским качнулся в сторону сопротивления. Не имея ни сил, ни желания воевать со всей Северо-Восточной Русью, новгородцы вступили на путь хитроумной и сложной дипломатической игры. Архиепископ Василий Калика хорошо знал, что слабое место Калиты — отношения с Литвой. Однако здесь необходим особый исторический экскурс.

Литва стала враждебной силой для Руси еще в XIII в. Однако тогда мелкие литовские князьки ограничивались грабежом пограничных русских волостей. Однажды Александр Невский жестоко их проучил. Он «победи 7 ратий едином выездом и множество князей их изби, а овех руками изыма. Слугы же его, ругающиеся, вязахуть их к хвостом коней своих»³⁷.

После превращения Северо-Восточной Руси в «русский улус» Орды открылась возможность совместных действий русских и татар против сохранившей независимость Литвы. Однако жизнь показала, что подобное «сотрудничество» между поработителями и поработенными к добру

³³ НЛ. С. 99.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 100.

³⁶ Там же. С. 345.

³⁷ Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М., 1981. С. 434.

не приводит. В 1275 г. состоялся совместный поход татар и русских князей на Литву. В войне с литовцами союзники «не успевши ничто же». Однако по дороге татары страшно разграбили русские земли. «Татарове же велико зло и велику пакость и досаду сотвориша христианом, идуше на Литву, и пакы назад идуше от Литвы того злее сътвориша, по волостем, по селом двory грабяще, кони и скоты и имение отъемлюше, и где кого стретили и облупивше нагого пустят, а около Курска и кострове лянни в руках потеряли, и всюду и вси двory, кто чего отбежал, то все пограбиша поганин, творящяся на помощь прешеде, обретошася на пакость»³⁸.

Рассказав эту поучительную историю, летописец не удержался от прямого назидания: «Се же написах памяти деля и пользы ради». Не принеся Руси никакой выгоды, военное сотрудничество князей с татарами дало обратный результат: оно ускорило военно-политическую централизацию в самой Литве, оказавшейся под угрозой не только с севера, от Ордена, но и с юга. Уже при князе Витене (1293–1315) Литва значительно консолидировалась и усилилась. Подлинным создателем могущественного Великого княжества Литовского стал брат Витеня Гедимин (1316–1341). В первой четверти XIV в. в состав Великого княжества Литовского были включены Полоцк (1307) и Витебск (1320) с прилегающими к ним землями, а в 1326 г. — Минск³⁹. Своего рода «буферной зоной» между Великим княжеством Литовским и сферой влияния великого князя Владимирского стало Смоленское княжество. Именно при Иване Калите началось прямое противостояние между Литвой и московско-владимирским политическим миром, за спиной которого стояла Орда.

Это была поистине странная война между двумя половинами одной и той же страны. Коренные земли Литвы (Аукшайтия и Жемайтия) составляли лишь около 1/10 в сравнении с понавшими под ее власть восточнославянскими землями⁴⁰. Русские земли в составе Великого княжества Литовского преобладали не только территориально; они были его лучшей частью и в экономическом, и в культурном отношении.

В этой трехвековой тяжбе русско-литовского и русско-татарского блоков историкам порой трудно бывает определить, какая сторона в большей степени представляла интересы русского народа. Борьба с Москвой толкала Литву к унии с Польшей, Москву — к сохранению вассальных отношений с Ордой. В конце концов, между двумя частями русского народа, оказавшимися по разную сторону московско-литовской границы, легла отчетливая социально-культурная межа.

³⁸ ПСРЛ. Т. 18. Спб., 1913. С. 74.

³⁹ Александров Д. Н., Володихин Д. М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI вв. М., 1994. С. 38; Chase Th. The Story of Lithuania. New York: Stratford House, 1946. P. 26.

⁴⁰ Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 27.

Завязку этого трагического противостояния точно очертил А. Е. Пресняков: «Образование великого княжества Литовского, завершенное великим князем Гедимином, оказывает значительное давление на Псков, Новгород и Тверское княжество, не говоря уже о Смоленске и чернигово-северских княжествах... Великокняжеское положение Ивана Даниловича сильно осложнялось этими литовскими отношениями: тяготение западных областей Великороссии к новой политической силе Великого княжества Литовского питалось в значительной степени ролью великого князя как представителя ордынской власти и ее требований. А такая роль была для великого князя Ивана Даниловича неизбежной политической необходимостью. С трудом отвел он от Руси грозу золотоордынского гнева и на покорности власти хана построил свое значение главы великорусского политического мира. Нараставший напор литовской силы лишь укреплял связи Великороссии с ханской властью, заинтересованной в сохранении своего «русского улуса»⁴¹.

К этому можно добавить лишь одно. Тяготение западнорусских земель к Литве усиливалось по мере ее побед над татарами. Обратной стороной литовской экспансии на территорию Юго-Западной Руси было избавление этих земель от власти татар и от ордынского «выхода». После гибели в борьбе с татарами последних галицко-волинских князей из рода Романовичей (1323) литовцы начали большое наступление и уже в 1324 г. захватили Волинь и Киев⁴². Одновременно Польша и Венгрия ввели свои войска в Галичину.

Орда пыталась отстоять свои позиции в Юго-Западной Руси как военными, так и дипломатическими средствами. Однако вскоре, занявшись войной на Кавказе и в Северном Иране, татары примирились с потерей части русских земель⁴³. Впрочем, они твердо держались за район южнее Киева, где с давних времен находились любимые летние кочевья золотоордынских ханов. На несколько десятилетий Киев стал литовско-ордынским пограничьем.

Опасность нового натиска татар, а также общие интересы в борьбе с крестоносцами в Прибалтике побудили правителей Литвы и Польши к сближению. Проявлением этого сближения стал брак дочери Гедимины Альдоны (Анны) и сына польского короля Владислава Локетекса Казимира в конце 1325 г. Укрепляя свой союз с польской короной (наследниками которой был его зять Казимир), Гедимин уступил полякам некоторые из захваченных им русских областей.

Московский князь Иван Данилович внимательно наблюдал за развитием событий на западе. Больше всего он опасался того, что литов-

⁴¹ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 142.

⁴² См.: Шабельдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 28.

⁴³ Конфликт между Узбеком и иль-ханом Абу-Сандом относится к 1324–1325 гг., когда войска иль-хана вторглись на Северный Кавказ, но были остановлены и отброшены (см.: Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь; Москва, 1997. С. 204).

цы, соединившись с поляками и примирившись с Орденом, двинутся на восток (Смоленск и Москву), либо на северо-восток (Псков и Новгород). И тогда первые слабые ростки московской государственности могли погибнуть под копытами литовских полчищ или «дружественных» татарских орд...

В конце 1320-х гг. татары, собравшись с силами, стали вытеснять польско-литовские войска из южных областей Киевской земли и Подолии. Многие местные правители, посаженные из Вильно или Кракова, обязались платить дань Золотой Орде и принимать у себя ханского баскака. В воздухе запахло новой большой войной между Западом и Востоком, исход которой трудно было предугадать. И вот в этой предгрозовой ситуации произошло событие, о котором заговорили все.

Зимой 1333/34 г. 17-летний наследник московского престола Семен женился на 15-летней Айгусте (в крещении Анастасии). Смысл этого брака был ясен: Москва, как и стоявшая за ней Орда, хотели мира с Литвой.

Время показало, сколь прозорлив был князь Иван в своих опасениях относительно Литвы. Именно нашествие литовцев в 1368 г. и последовавшая за ним пятилетняя война оборвали ту «великую тишину», которую установил Калита. Но когда литовцы всей своей силой навалились на Москву, она уже достаточно окрепла, чтобы выдержать этот натиск.

Два основных завета Калиты — мир с Ордой и мир с Литвой — стали путеводными для московской дипломатии на полтора столетия. Руководствуясь этими принципами, московские правители сумели объединить Северо-Восточную и Северо-Западную Русь и к концу XV в. поднять Московию на ту ступень могущества, с которой открывались уже совершенно новые горизонты.

Но вернемся к новгородским делам князя Ивана. Потерпев неудачу в своей попытке договориться с Калитой о мире во время встречи в Переяславле летом 1333 г., новгородский архиепископ Василий Калика решил «разыграть литовскую карту». Незадолго перед тем, летом 1331 г., Василий совершил поездку в Юго-Восточную Русь к митрополиту. Во время этого путешествия владыка мог подробно изучать расклад политических сил в Литве и вокруг нее. Он имел даже личную встречу с великим князем Гедимином, которая носила весьма своеобразный характер. Согласно летописи, архиепископ и его свита в Литве были схвачены и брошены в темницу. «Гедимен Литовский пойма их на миру, и в той неволе дали слово правое сыну его Нариманту на пригороды на новгородския Ладогу и Орехов городок, и Корелскую землю и половину Копорья ему и детям его в вотчину и в дедину, и тако отпустиша их»⁴⁴.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 10. С. 204. В «Записках касательно Российской истории» императрицы Екатерины II содержатся некоторые уникальные подробности этой истории. Нареченный новгородский владыка Василий и его спутники «поехали же путем чрез Литву, и князь великий Гедимант Витянович Литовский (желая продлить им путь,

Смысл политики Гедимины совершенно ясен. Прибрав к рукам Псков с помощью Александра Тверского, литовский князь собирался теперь проделать то же самое с Новгородом при помощи старшего сына. Конечно, обещания, данные новгородскими представителями под угрозой темницы, стоили немногого. Владыка вполне мог отречься от них, вернувшись домой. Но он решил немного поугрызть московского князя возможностью сближения Новгорода с Литвой. Не исключено, что вся эта история с пленением послов и их вынужденным согласием на предоставление важнейших новгородских пограничных крепостей «в вотчину и в дедину» князю Наримонту Гедиминовичу была тонкой инсценировкой, разыгранной архиепископом Василием. Новгородским правителям было выгодно балансировать между Москвой и Вильно. В условиях, когда ни Калита, ни Гедимин не собирались начинать большой войны, такая политика была особенно выигрышной для Новгорода. Однако она требовала определенного камуфляжа, так как для православного архиепископа и его паствы было nepозволительным делом сотрудничать с «погаными огнепоклонниками» — литовскими князьями. Кроме того, Новгород временами остро ощущал над собой тяжелую десницу хана Узбека. Правитель Орды очень не любил, когда его «улуcники» проявляли самостоятельность в вопросах внешней политики.

Литовский флирт новгородцев начался с того, что архиепископ Василий сразу же по приезде из Переяславля, где он тщетно пытался отговорить Калиту от запроса «закамского серебра», отправился во Псков.

Этот город, фактически не признававший над собою власти Орды, принял у себя князя-изгнанника Александра Тверского. «Отъехав» на полтора года в Литву весной 1329 г., Александр вновь вернулся во Псков и княжил здесь «из литовской руки»⁴⁵. Формально он все еще находился под отлучением, которое наложил на него митрополит Феогност в 1329 г. Однако об этом никто, в том числе и сам митрополит, предпочитал не вспоминать.

дондеже услышит, како отзовется митрополит на просьбу пскович, да поставит им особенного епископа), не пропусти их, предлагая им, дабы сыну его, князю Нариманту (во святом крещении Глеб) дали слово правое уступить в потомственное владение пригороды новгородские Ладогу, Орехов, Корельскую землю и половину Копорья. Они же сказали, что на то не уполномочены от своей братии, а дали слово о том прилагать старание. Получив же Гедимант весть, что митрополит псковичам особенного епископа не поставит, дондеже не доедет до него новозбранный новгородцами владыко, отпусти нюка Василья с новгородцами во Владимир на Вошьнь, взяв с них слово, да помогут ему посадить сына его Нариманта на пригородки новгородские» (Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. С. 103–104). В «Записках» Екатерины II заметно использование некоторых неизвестных нам источников. Однако порой их трудно отличить от авторского комментария к событиям.

⁴⁵ Н1Л. С. 343. В Литве Александр Тверской нашел приют у сына Гедимины Ольгерда (в крещении — Александра), правившего с 1320 г. в Витебске (Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. С. 101, 106; Александров Д. Н., Володихин Д. М. Указ. соч. С. 38).

Псковичи были очень обрадованы приездом Василия Калики и приняли его «с великою честью»⁴⁶. Последний раз глава новгородско-псковской епархии был во Пскове семь лет назад — в 1326 г. Потерпев неудачу в своей попытке получить собственного епископа, псковичи рады были восстановить нормальные отношения с новгородским архиепископом. Приезд владыки Василия во Псков означал прекращение церковно-политической изоляции города. Более того, псковичи увидели в этом событии предвестие надвигающихся больших перемен. Архиепископ встретился с князем Александром Тверским и в знак дружбы окрестил его новорожденного сына.

Вторым действием политической игры, начатой новгородцами против Калиты, стал приезд в Новгород в октябре 1333 г. князя Наримонта.

Начало этого сюжета относится к лету 1331 г., когда литовский князь Гедимин заставил плененных им новгородских послов дать обещание содействовать его сыну Наримонту в получении некоторых новгородских пригородов. Такой договор, несомненно, усиливал позиции Гедимины в Новгороде. Кроме того, отправка Наримонта в Новгород помогала Гедиминому решить чисто семейную проблему: пристроить к делу этого оставшегося без собственного владения сына. Этот аспект освещает лишь западнорусская летопись и основанный на ней пассаж «Записок касательно Российской истории» императрицы Екатерины II. Под 1333 г. в этом своеобразном источнике содержится уникальное сообщение: «Того же лета приидоша из Орды князь великий Иван Данилович Владимирский и Московский, и привеле с собою князя Нариманта, во святом крещении Глеба, Гедимантовича Пинского, выкупя его у татар из плена, и отпусти его в Литву, но, приехав в Литву, князи Литовские ему не даша его княжение»⁴⁷. Сама ситуация достаточно реалистична. Пинская земля находилась на южной границе литовских владений, соседствуя с Вольныю. Сюда вполне могли совершать свои набеги татары. Жертвой одного из таких нападений и стал Наримонт. Очевидно, он прожил в Орде достаточно долго и обзавелся там друзьями и связями. Известно, что в 1344 г. Наримонт укрывался в Орде от преследования своих братьев Ольгерда и Кейстута. Известно также, что московским князьям в XIV в. случалось вывозить из Орды попавших туда по разным причинам литовских князей. Сомнения вызывает лишь дата, названная в «Записках» Екатерины II. Если в 1331 г. Гедимин уже принуждал новгородцев принять к себе

⁴⁶ НЛ. С. 345.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 17. Западнорусские летописи. СПб., 1907. Стб. 590–591, 604; Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. С. 106. Особый интерес московских летописцев второй половины XV — начала XVI в. к Наримонту Гедиминовичу объяснялся высоким положением его потомков на московской службе (см.: Бычкова М. Первые родословные росписи московских князей в России // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 136).

Наримонта, значит, его возвращение из ордынского плена состоялось не позднее этого хронологического рубежа.

Если история о том, как Иван Калита вызволил Наримонта из ордынского плена, достоверна, то и весь сюжет с приглашением Наримонта в Новгород представляется уже в несколько ином свете. Это был не прямой вызов Москве, а своего рода компромисс. Новгород принимал на пригороды литовского князя, но этот князь был хорошо знаком московскому князю и, вероятно, близок с ним. Примечательно, что потомки Наримонта были связаны родственными узами с потомками Ивана Калиты.

Однако минуло целых два года, прежде чем новгородцы сочли уместным вспомнить свое обещание, данное Гедимину летом 1331 г. Очевидно, и литовцы не питали особых иллюзий относительно новгородских обещаний. Во всяком случае Наримонт не спешил принимать крещение по православному обряду. Его крещение (а вместе с ним и новая стадия этой политической интриги) состоялось, судя по всему, в сентябре 1333 г. В это время новгородский владыка Василий Калика находился во Пскове, где окрестил новорожденного сына князя Александра Тверского. Имя младенца (Михаил) и традиции тверского княжеского дома позволяют думать, что крестины были приурочены к одному из двух «Михайловых дней»: 6 сентября (Чудо архистратига Михаила иже в Хонех) или 8 ноября (Собор архистратига Михаила). Первая дата предпочтительнее, так как она находит подтверждение в истории с князем Наримонтом-Глебом. Очевидно, что его крещение должен был совершить сам новгородский владыка. Ясно также, что это должно было произойти незадолго до прибытия литовского князя в Новгород в октябре 1333 г. (Если бы крещение Наримонта состоялось в самом Новгороде, летописец, подробно описавший его приезд, непременно упомянул бы это обстоятельство. Кроме того, желание «поклониться святей Софен», которое выразил Наримонт, объяснимо только для православного христианина, и особенно для новокрещеного. Наконец, во всех летописях известия о поездке Василия Калики во Псков и о приезде Наримонта-Глеба в Новгород находятся в едином смысловом блоке, следуя одно за другим.)

Можно думать, что Наримонт прибыл во Псков в конце лета 1333 г. по приглашению псковичей для встречи с Василием Каликой. Во время этой встречи они договорились об условиях пребывания Наримонта в Новгородской земле. Затем достигнутые условия были посланы на утверждение в Новгород. Оттуда поступило официальное подтверждение условий и приглашение, которое привезли во Псков новгородские послы Григорий и Александр. Теперь все вопросы были урегулированы. Осталось лишь совершить крещение Наримонта, так как язычник не мог быть, конечно, новгородским князем.

Дату крещения Наримонта подсказывает его христианское имя — Глеб. Несомненно, оно было дано по тому святому, память которого

праздновалась в день крещения. Единственный известный в то время святой с этим именем — «страстотерпец» Глеб Владимирович, убитый по приказу Святополка Окаянного в 1015 г. Святые братья Борис и Глеб прославились вместе. Их вспоминали дважды в году — 2 мая (перенесение мощей) и 24 июля (гибель Бориса). Если бы Наримонт был крещен в один из этих дней, его нарекли бы, конечно, именем старшего из братьев — Бориса. Единственный день, когда вспоминали одного Глеба — 5 сентября, день его гибели⁴⁸. В 1333 г. 5 сентября было воскресенье — самый подходящий день для торжественного крещения знатного язычника. А на следующий день, 6 сентября, был «Михайлов день», с которым увязывается крещение новорожденного сына Александра Тверского. Учитывая то, что Александр пришел во Псков «из литовской руки», можно говорить о его близости с Наримонтом. Примечательно, что сын Наримонта, выступавший в роли его наместника в новгородских землях, носил имя Александр. Вероятно, он приехал в Новгород вместе с отцом, а стало быть, и окрещен был тогда же. В месяцесловах той эпохи под 30 августа — память Александра, патриарха Цареградского.

Младший сын Наримонта, также выступавший в роли наместника отца в новгородских землях в 1330-е гг., носил христианское имя Феодор. Возможно, он также был окрещен одновременно с отцом и старшим братом владькой Василием во Пскове в начале сентября 1333 г. В месяцесловах той поры память мучеников по имени Феодор встречается и 4 и 5 сентября⁴⁹.

По-видимому, в течение одной недели (или одного дня?) новгородский владыка окрестил литовского князя Наримонта, двух его сыновей и новорожденного сына Александра Тверского. Причем сыновья Наримонта получили те же имена, которые носили их тверской союзник и его старший (?) сын — Александр и Феодор. В этом отразились их дружеские, почти родственные связи.

Вскоре после крещения Наримонт-Глеб вместе с новгородским владькой покинули Псков. Где-то в начале октября их встречали на берегах Волхова. Сын Гедимины присягнул на верность Новгороду и получил в управление обещанные ему города. Разумеется, интронизация Глеба могла состояться лишь в присутствии и при участии новгородского владыки.

⁴⁸ См.: *Сергий (Спасский)*. Указ. соч. Т. 2. С. 128, 222, 272. Почитание Бориса и Глеба как защитников Новгорода от военной угрозы особенно характерно для XIV–XV вв. (см.: *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 130–135). Несомненно, это обстоятельство сыграло свою роль при выборе имени для князя Наримонта, от которого ожидали решительных действий по защите северо-западных рубежей Новгородской земли от тех же врагов, которых при помощи святых братьев Бориса и Глеба некогда разгромил Александр Невский.

⁴⁹ Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. С. 110; *Сергий (Спасский)*. Указ. соч. Т. 2. С. 270–272.

Надеясь на помощь со стороны Литвы, новгородское правительство в то же время продолжало укреплять город. В 1334 г. над каменными стенами поднялись высокие деревянные «заборолы» — башни и навесы. Руководителем строительства по-прежнему выступал сам архиепископ.

Между тем князь Иван зимой 1333/34 г. побывал в Орде⁵⁰. Хан вызвал его к себе для каких-то объяснений. Возможно, причиной вызова стали новгородские дела. Узбека не могли не беспокоить сведения о литовских сношениях новгородцев, об их примирении с Псковом и сидевшим там Александром Тверским. Такие сведения он, несомненно, получил от своих осведомителей уже осенью 1333 г. Служба стратегической разведки была хорошо поставлена в монгольском государстве еще со времен Чингисхана.

Поездка в степи на этот раз не была долгой и обошлась вполне благополучно. Вероятно, князь Иван заплатил недостающую сумму «закамского серебра» из собственного кармана или же собрали ее со всех русских князей.

Вернувшись домой и отпраздновав свадьбу Семена, Калита начал распутывать новгородский узел. Вероятно, по его просьбе митрополит Феогност вступил в переговоры с Василием Каликой во Владимире. Он пригласил его к себе для участия в поставлении нового сарайского епископа, однако использовал эту встречу и для обсуждения политических событий⁵¹. Исследователь хронологии русских летописей Н. Г. Бережков полагает, что переговоры во Владимире имели место в марте — августе 1334 г.⁵² О содержании переговоров летопись, конечно, умалчивает.

⁵⁰ В Рогожском летописце, в ряде случаев наиболее верно передающем чтение свода 1408 г., известие о зимней поездке Калиты в Орду закрывает годовую статью 6841 г. (приезд) (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 47). При этом дается важная подробность: Иван был позван в Орду ханским послом по имени Сарап. Таким образом, можно признать, что Калита ездил в Орду зимой 1333/34 г., а вернулся уже весной 1334 г. Версию Рогожского летописца воспроизводит и рукопись Музейского собрания ГИМ, № 1473 — краткое изложение тверского свода начала XV в. (см.: *Насонов А. Н.* О тверском летописном материале в рукописях XVII в. // *Археографический Ежегодник за 1957 год.* М., 1958. С. 38). Из тверского свода или его источника. свода 1408 г., эта версия попала в Никоновскую летопись. Однако здесь характерное для тверского свода расположение материала (отъезд — конец статьи 6841 г., приезд — начало статьи 6842 г.) сочетается с характерным для московских летописей комплиментом в адрес Калиты: он вернулся из Орды «с пожалованием и честью» (ПСРЛ. Т. 10. С. 206). Однако этот комплимент в Симеоновской летописи относится к другой поездке Калиты в Орду, о которой эта летопись сообщает под 6844 г. Действительно, Калита ездил в Орду в 6844 г. (НЛ. С. 347). Составитель Симеоновской (Троицкой? свода 1408 г.?) летописи, вообще сильно путаясь в событиях 1331–1335 гг., умалчивает о поездке Калиты в Орду в 1333–1334 гг. Возможно, он отождествлял ее с поездкой 6844 г. и из двух известных сделал одно. Эта ошибка позднее перешла в Свод 1448 г. и далее — в Софийскую 1, Новгородскую 4, Воскресенскую и некоторые другие летописи.

⁵¹ НЛ. С. 346.

⁵² См.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 296.

Известно только, что смекалистый новгородец явился к самолюбивому и скуповатому византийцу «с» многими дары и с честью»⁵³. Видимо, Василий предчувствовал, что разговор будет тяжелым...

Посредничество митрополита Феогноста вновь, как и во время псковского похода 1329 г., принесло князю Ивану успех. Архиепископ Василий от имени новгородского правительства согласился на выплату «закамского серебра». Новгородские летописи умалчивают об этом событии. Молчат об исходе спора и московские летописцы. Свет проливает лишь провинциальная Коми-Вымская летопись. Под 1333 г. она сообщает: «Князь Великий Иван Данилович взверже гнев свой на устюжцов и на ноугородцов, почто устюжци и ноугородци от Вычегды и от Печеры не дают чорный выход ордынскому царю, и дали князю Ивану на черный бор Вычегду и Печеру, и с тех времен князь московский начал взымати дани с пермские люди»⁵⁴. Летописец в этой записи вплотную сблизил завязку и развязку конфликта. В жизни между ними пролегло более двух лет драматической борьбы.

Осенью 1334 г. в Москву прибыло новгородское посольство во главе с тысяцким Варфоломеем Юрьевичем. Должно быть, именно он и привез великому князю «закамское серебро». Не случайно летописец отмечает, что Калита принял новгородцев на сей раз «с любовью»⁵⁵.

Новгородские послы пригласили князя Ивана вновь посетить город и торжественно возобновить свое пребывание на новгородском столе. Иван не заставил себя долго упрашивать: «Он же прият моление их, иде в Новгород»⁵⁶.

16 февраля 1335 г. князь Иван Данилович приехал в Новгород⁵⁷. Архиепископ Василий встречал его с крестами и иконами перед воротами своей резиденции на Софийской стороне. Почему Калита выбрал для своего въезда в город именно этот день — ничем не примечательный четверг, отмеченный в церковном календаре лишь памятью малоизвестного мученика Памфила? Выбор «скоромного» дня понятен: князь Иван собирался отметить свой приезд добрым застольем с новгородскими боярами. Кроме того, это был канун дня памяти великомученика Феодора Тирона — знаменитого змеборца, образ которого в период ордынского ига приобрел особое, героико-патристическое содержание. Со времен Чингисхана дракон (он же крылатый змей) изображался на

⁵³ ПСРЛ. Т. 10. С. 207.

⁵⁴ Яким В. Л. «Черный бор» в Новгороде... С. 101.

⁵⁵ НЛ. С. 346.

⁵⁶ Татищев В. Н. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М., 1996. С. 88.

⁵⁷ НЛ. С. 346. А. Е. Пресняков высказывал некоторые сомнения по поводу даты приезда Калиты в Новгород (Пресняков А. Е. Образование Великолукского государства... С. 144. Прим. 3). Однако эти сомнения основаны на недоразумении: указанная Комиссионным списком НЛ дата («в четверток на мясопустной недели, месяца февраля в 16, на святого мученика Памфила») абсолютно точна. В 1335 г. «мясопустная седмица» продолжалась с понедельника 13 февраля до воскресенья 19 февраля.

монгольских знаменах. Древний китайский символ счастья стал для русских людей знаком беды. Победители змия Георгий Победоносец и Феодор Тирон чтились как заступники от татар⁵⁸.

Несомненно, князь Иван учитывал традиции новгородцев, горячо почитавших великомученика Феодора Тирона. Впрочем, эти последние десять дней перед Великим постом, которые Калита провел в Новгороде, были вообще весьма насыщенными всякого рода ритуалами. В субботу мясопустной недели церковь молилась об усопших православных царях и великих князьях, в воскресенье с трепетом вспоминали о близящемся Страшном Суде. Но потом наступало время масленичных гуляний и застолий — Сырная седмица. В пятницу Сырной седмицы Калита справлял свои именины — праздник Обретения главы Иоанна Предтечи. История московско-новгородских отношений показывает, что свой приезд в Новгород князь часто приурочивали именно к масленице и началу Великого поста. И в этом был определенный политический расчет: сложные дела легче решались в «неформальной обстановке» масленичных пиров, а поминальные службы этих дней оживляли общие воспоминания о подвигах предков, сражавшихся за Новгород и «за землю Русскую».

Приезд князя Ивана в Новгород имел большое политическое значение. Уже самое его появление на берегах Волхова заставило уехать оттуда литовского князя Наримонта-Глеба Гедиминовича. Впрочем, он оставил в новгородских пригородах своих наместников, которых Калита благоразумно не тронул. Ему вообще не удалось полностью разбить тревоживший его новгородско-псковско-литовский альянс. Желая основательно рассорить Новгород со Псковом, князь Иван стал уговаривать новгородцев предпринять вместе с ним и со всей «низовской» силой новый поход на Псков. Основанием для войны, как и в 1329 г., было пребывание во Пскове опального князя Александра Тверского. При этом князь Иван, вероятно, ссылался на ханский приказ и на угрозу татарского нашествия в случае его неисполнения.

Надеясь заручиться поддержкой одного из самых влиятельных лиц в Новгороде — архимандрита Юрьева монастыря, Иван Калита особой грамотой пожаловал иммунитетные права населению монастырской волости в Волоке Ламском⁵⁹. Эта территория была новгородским анклавом в Московском княжестве и управлялась на договорных началах новгородскими и московскими представителями.

Однако новгородские бояре отказались воевать с Псковом. Им не хотелось закрывать себе дорогу на запад и создавать новый повод для псковского церковного сепаратизма. Дело ограничилось лишь разрывом прежнего новгородско-псковского договора, заключенного во время визита во Псков архиепископа Василия в 1333 г.

⁵⁸ См.: Рыбаков Б. А. Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия. М., 1993. С. 124.

⁵⁹ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 164.

Калита мог быть доволен лишь тем, что новгородцы великодушно оставили ему оправдание перед ханом: поход на Псков был всего лишь отложен.

Весной 1335 г. архиепископ Василий продолжил строительство новгородских каменных стен. На сей раз он решил укрепить правобережную, Торговую сторону. Согласно летописи, князь Иван был свидетелем этого события. «Того же лета заложил владыка Василии со своими детьми, с посадником Федором Даниловичем и с тысячким Остафьем и со всем Новым городом, острог камен по одной стороне, от Ильи святого к Павлу святому, при великом князе Иване Даниловичи»⁶⁰.

Каменное строительство в Новгороде могло начаться не ранее мая месяца. Следовательно, визит Калиты в Новгород был довольно длительным. Это объяснялось сложностью «псковского вопроса». На переговоры с новгородцами, обмен посольствами со псковичами, а также приготовления к новому общерусскому походу на Псков ушло месяца три-четыре. Но, подобно тому, как во время первого псковского похода 1329 г. запылал вдруг Новгород, так и теперь, во время приготовлений ко второму псковскому походу, вспыхнула Москва. Под 6843 мартовским годом (с 1 марта 1335 по 28 февраля 1336 г.) Новгородская 1 летопись Комиссионного списка сообщает: «Того же лета, по грехом нашим, бысть пожар в Руси: погоре город Москва, Вологда, Витебско»⁶¹. Новгородские летописи вообще мало интересовались московскими происшествиями. Очевидно, этот пожар каким-то образом затронул сферу их интересов. Несомненно, это был тот самый пожар, о котором Симеоновская летопись, «убегающая» в изложении событий 6843–6845 гг. на два года вперед, сообщает под 6845 г. в таких словах: «Тое же весны месяца июня в 3, на память святого отца Лукиана, бысть пожар на Москве, згорело церкви 18»⁶². Вероятно, именно этот страшный пожар заставил князя Ивана отказаться от нового похода на Псков и спешно вернуться в Москву.

На обратном пути из Новгорода Калита неожиданно получил возможность показать новгородцам на деле, что дает им дружба с великим князем Владимирским. В Торжке он узнал, что некоторые новоторжские волости подверглись нападению литовцев. Удар был вероломным: Новгород имел тогда мир с Литвой. Вероятно, литовцы этим набегом хотели наказать новгородцев за их сближение с Москвой. Впрочем, это мог быть и обычный разбой.

Не медля, великий князь послал своих людей вместе с новоторжцами в ответный набег. Отойдя верст на 50 к юго-западу от Торжка,

⁶⁰ НЛ. С. 346.

⁶¹ Там же.

⁶² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 48; Т. 18. С. 92. Очевидно, это известие ошибочно читалось под 6845 г. уже в Своде 1408 г. Н. Г. Бережков ошибался, полагая, что «в московском летописании не сохранилось известия о пожаре Москвы», о котором НЛ сообщает под 6843 г. (см.: *Бережков Н. Г. Указ. соч.* С. 295).

они разорили приграничные литовские городки Осечен и Рясну с прилегающими к ним волостями. Литовцы, видимо, были готовы к нападению и оказали сильное сопротивление. Несмотря на скромные масштабы этого конфликта, он стоил жизни многим: «...и убиша тогда литва много мужей добрых новгородцких, а литвы избиша без числа»⁶³. Однако князь Иван не желал втягиваться в эту войну и поспешил назад, в почерневшую от огня Москву.

Страшнее пожара была весть, прилетевшая из Пскова. Князь Александр Тверской отправил в Орду своего старшего сына Федора⁶⁴. Тот должен был от имени отца молить хана Узбека о прощении. Сама поездка тверского княжича была, конечно, результатом каких-то предварительных переговоров и перемен в настроениях хана. Выражая готовность принять сына мятежника, Узбек недвусмысленно показывал свое охлаждение к московскому великому князю. Все это могло иметь тяжелые последствия для московского дела.

Князь Иван знал, что очень многое в этом новом споре будут решать деньги. Проблема сводилась для него к двум вопросам: кто даст деньги Александру Тверскому и где взять деньги ему самому? Многое, если не все, зависело от позиции Новгорода, который в это время был богат, как никогда прежде. Почти каждый год здесь строились новые каменные церкви. Калита подозревал, что поездка Федора Александровича в Орду оплачена не только псковским, но и новгородским золотом. В Новгороде существовала сильная боярская партия, тянувшая к Литве и ее ставленнику Александру Тверскому. Время от времени эта партия устраивала в городе мятежи и беспорядки, пытаясь захватить власть. Однако основная часть новгородского боярства была настроена на сотрудничество с великим князем Владимирским. К тому же новгородцы слишком хорошо помнили о своих кровавых счетах с Михаилом Тверским и его старшим сыном Дмитрием.

Как бы там ни было, Ивану Даниловичу нужно было срочно переговорить с новгородскими правителями, попросить их поддержки в борьбе с тверскими князьями. Ехать для этого самому на Волхов, только что вернувшись оттуда ни с чем, было унизительно, а вести переговоры через послов — сомнительно. И князь Иван нашел необычное решение: он пригласил к себе в Москву всю новгородскую

⁶³ Татищев В. Н. Собрание сочинений... Т. 5. С. 88.

⁶⁴ Рогожский летописец под 6843 г. сообщает: «того же лета прииде князь Феодор Александрович изо Орды» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 47). Рукопись Музейского собрания повторяет эту фразу, но добавляет: «...а с ним посол Авдул» (см.: Насонов А. Н. Указ. соч. С. 38). В Тверском сборнике 6841–6843 гг. оставлены пустыми. Это известие в краткой форме, без «посла Авдула», читается под 6844 г. в Софийской 1 и Новгородской 4 летописях. Очевидно, оно имелось уже в их протографе — Своде 1448 г., куда попало из тверского летописания. Есть оно и в Воскресенской летописи под тем же 6844 г. Никоновская летопись, следуя тверской традиции, помещает это известие в полном объеме в конце годовой статьи 6843 г., при этом слегка разукрашивая его генеалогическими справками (ПСРЛ. Т. 10. С. 207).

верхушку как бы в ответ на добрый прием, оказанный ему в Новгороде. «Золотые пояса» не заставили себя долго упрощивать: им самим хотелось переговорить с Калитой о происходящем. Осенью 1335 г. «князь великий позва владыку к собе на Москву на честь, и посадника и тысяцкого и вятских бояр; и владыка Василии ездив, и чести великою много видел»⁶⁵.

Не знаем, насколько успешными были переговоры Калиты с новгородской знатью в Москве. Однако его опасения относительно Александра Тверского быстро сбывались. Поездка Федора Тверского в Орду стала началом возвращения его отца на общерусскую политическую арену. Эту историю на основании летописей, часть которых не сохранилась до наших дней, подробно излагает В. Н. Татищев: «Князь великий Александр Михайлович, видя себя и свои чада отчины лишен, и умысли со псковичи, посла во Орду сына своего Федора с дары просити хана Азбьяка, дабы дал ему отчину его или некие волости детям его. И егда прииде Федор Александрович во Орду к хану Азбьяку и просил его со слезами многими об отцы своем, хан же отвесча: «Асче отец твой сам приидет с виною и просит, тогда не отыдет от меня без милости». И с тем отпусти его, и с ним отпусти посла своего. И того же лета прииде из Орды князь Федор Александрович во Тверь, а с ним посол ханский Авдул»⁶⁶.

Глубоко встревоженный политическим воскресением своих старых соперников, князь Иван зимой 1336/37 г. сам совершил поездку в Орду⁶⁷. По свидетельству летописи, он вернулся оттуда «с пожалованием и честью»⁶⁸. Однако остановить процесс, начатый поездкой Федора Тверского ко двору Узбека, Калита был не в состоянии. Казалось, хан решил вернуться к прежней, традиционной схеме: соперничество двух сильнейших русских князей при минимальном перевесе одного из них. Возможно, это была лишь игра многоопытного правителя: в эти годы хану сильно нужны были деньги для войны с персами в Азербайджане, а также для назревавшего военного противостояния с Литвой и Польшей⁶⁹. Шантажируя Ивана Калиту «прощением» Александра Тверского, Узбек тем самым мог получить дополнительные приношения от своего русского «улусника».

Под 6844 г. тверские летописи сообщают о приезде князя Александра Михайловича из Пскова в Тверь, где в это время находился вернувшийся из Орды княжич Федор Александрович. Вероятно, был тогда в Твери и сопровождавший Федора татарский посол Авдул. Забрав сына, Александр из Твери вернулся во Псков. Источники не сообщают дату приезда опального князя в Тверь. Однако можно думать,

⁶⁵ НЛ. С. 347.

⁶⁶ Татищев В. Н. Указ. соч. Т. 5. С. 88.

⁶⁷ См.: Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 295.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 10. С. 206.

⁶⁹ См.: Вернадский В. Г. Указ. соч. С. 204, 209.

что именно это событие побудило Ивана Калиту отправиться в Орду зимой 1336/37 г.

Несомненно, Александр Тверской «посла бояр своих к Фегнасту митрополиту, благословения деяя и молитвы, и прием от него благословение и молитву, и от всех святитель. И поим бояре свои и слугы»⁷⁰. Это был важный шаг к полному возрождению Александра Тверского как политической фигуры великорусского масштаба.

Между тем князь Иван хорошо понимал, что только деньгами, «данями новгородскими», он может остановить восхождение Александра Тверского.

Вернувшись из Орды, он снова вспомнил о каких-то подлинных или мнимых долгах новгородцев и решил сам заняться их возвращением. В 1337 г. князь Иван послал войско «на Двину за Волок» во владения новгородцев, откуда и шел основной доход пушного промысла. При этом он вновь нарушил присягу, скрепленную целованием креста. И если верить новгородскому летописцу, московские воины на Двине «крестною силою посрамлени быша и ранени»⁷¹.

Однако во все времена отчеты об одних и тех же сражениях, представленные разными сторонами, очень сильно отличались. Московские летописцы (в изложении В. Н. Татищева) представляют эту кампанию как довольно удачную. «Великий князь Иван Данилович (в тексте ошибочно — Иван Иванович. — Н. Б.) прогневался на новгородцы за неисpravление их, посла на Двину за Волок дани взяти. Они же, взявше дани, идоша; а новгородцы с белозерцы, пришед, хотяху не дати, и бысть им бой, и тако разыдошася»⁷².

Но даже и сквозь оптимизм московских летописей угадывается слабый успех двинской экспедиции. Испортив отношения с Новгородом, Иван не получил в Заволочье большой добычи, столь необходимой ему для противодействия успехам Александра Тверского в Орде.

Впрочем, новгородцы по многим причинам не стали раздувать этот конфликт с Калитой. Они сами переживали тогда довольно трудные времена. Хрупкое равновесие, установившееся в 1335 г. в треугольнике Москва — Новгород — Псков, было вскоре нарушено псковичами. В 1337 г. (вероятно, уже после отъезда из Пскова князя Александра Михайловича Тверского) псковичи почему-то отказались дать новгородскому архиепископу традиционный «подъезд» — право высшего апелляционного суда по духовным делам. Уехав из города ни с чем, владыка Василий проклял псковичей⁷³. Отныне Псков опять становился врагом Новгорода. Вновь возникала опасность союза Пскова с Литвой или Орденом.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 48; Т. 15. Стб. 418.

⁷¹ НЛ. С. 348.

⁷² Татищев В. Н. Собр. соч. Т. 5. С. 89.

⁷³ НЛ. С. 348.

Другой неприятностью для новгородцев стало нападение «немцев» (так в новгородских летописях именуются все западные народы, в данном случае шведы) и подвластных им корел на новгородские земли. В 1337 г. нападению подвергся новгородский город Корела на западном берегу Ладожского озера. На следующий год новгородский посадник попытался миром уладить дело со шведами и с этой целью ездил в Ореховец на переговоры со шведским воеводой Стеном. Но шведы не пошли на мир. Они совершили новый набег на приладожские земли и даже попытались захватить внезапной атакой крепость Ладогу.

Последнее им не удалось, но ущерб новгородской торговле и промыслам был нанесен большой. В ответ «молодцы новгородстии с воеводами» совершили набег на карельские области, находившиеся под контролем шведов. Рейд завершился удачно: «И много попустошиша земли их и обилье хлеб пожгоша и скот иссекоша, и придоша вси здрави с полоном»⁷⁴.

Шведы предприняли в том же 1338 г. ответный удар. Они вторглись в Водскую землю, но были отбиты отрядом, вышедшим навстречу им из Копорья. После этого шведы начали мирные переговоры. Зимой 1338/39 г. из Выборга прибыли уполномоченные тамошнего воеводы Петрика. Объявив конфликт в Приладожье результатом самоуправства местных военачальников, они заключили мир с Новгородом, подтвердив условия Ореховецкого договора 1323 г.⁷⁵

Все эти события наглядно показали новгородцам, что Литва не собирается помогать им в борьбе со шведами. Князь Наримонт-Глеб, приглашенный в 1333 г. именно для управления пограничными крепостями Ладогой, Корелой, Орешком и Копорьем, не только сам отсиживался в Литве, но даже своего сына Александра спешно отозвал из Орешка⁷⁶. В крепостях он оставил только своих наместников с поручением собирать причитающиеся ему платежи. Возможно, Наримонт имел соответствующие указания от Гедимины, не желавшего портить отношения со Швецией.

⁷⁴ НЛ. С. 348–349.

⁷⁵ См.: Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л., 1987. С. 142; НЛ. С. 349.

⁷⁶ НЛ. С. 349. В «Записках касательно Российской истории» императрицы Екатерины II этот сюжет изложен с некоторыми подробностями, в достоверности которых нет оснований сомневаться: «Новгородцы, услыша, что князь Наримант взял из Орехова сына своего к себе, послали ко князю Нариманту просить его, да приедет сам с сыном оборонить пределы их, ему на содержание данные; он же не приехал, быв на войне противу татар, а прислал меньшого сына своего, князя Феодора» (Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. С. 110). Действительно, во второй половине 30-х гг. XIV в. татары неоднократно совершали нападения на земли великого князя Литовского и его вассалов (см.: Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 209). В этой связи занятость Наримонта борьбой с татарами вполне могла быть реальностью, а не пустой отговоркой для новгородских просителей.

Неудачное сотрудничество с литовцами лишило новгородцев возможности воспользоваться в этом вопросе покровительством великого князя Владимирского. И если Юрий Данилович в свое время, не щадя сил, бился со шведами за интересы Новгорода, то теперь его брат Иван лишь посмеивался у себя на Боровицком холме, наблюдая за ходом новгородско-шведской войны.

В конце концов многие в Новгороде стали поговаривать о необходимости более прочного союза с Калитой. К положенному сроку в 1339 г. новгородцы загодя приготовили для великого князя ордынский «черный бор» и со своим посольством отправили его в Москву. Но едва успели отвозившие дань новгородские бояре вернуться домой, как на Волхов прибыли московские послы. От имени своего князя они попросили новгородцев немедленно собрать еще один «выход». Изумленные новгородцы выслушали княжеское послание, суть которого летописец выразил в нескольких словах: «А еще дайте ми запрос цесарев; чего у мене царь запрошал»⁷⁷.

Неясно, шла ли речь о досрочном сборе следующего (за 1347 год) «черного бора» или же об одноразовой выплате крупной суммы на нужды хана. Как бы там ни было, новгородские бояре не захотели идти на уступки. Их ответ Калите в передаче новгородской летописи был столь же лаконичным: «Того у нас не бывало от начала миру, а ты целовал крест к Новугороду по старой пошине новгородчкои и по Ярославим грамотам»⁷⁸. Этот чрезвычайный московско-ордынский запрос был, несомненно, связан с подготовкой хана к польской войне. Отказ новгородцев положил начало новому острому московско-новгородскому конфликту. Князь Иван зимой 1339/40 г. вывел своих наместников из Новгорода, что означало формальный разрыв отношений. Однако завершать этот спор довелось уже сыну Калиты Семену Гордому. Вступив на великокняжеский престол после смерти отца, он повел дело по тому же самому сценарию, который разработал князь Иван в 1332 г.: захват московскими войсками Торжка, разграбление Новоторжской волости, посредничество митрополита и, наконец, смирение новгородцев и желанный «черный бор».

Сын Калиты сдержал слово, которое дал хану его отец. Но когда новгородские дани, с таким трудом вырванные московскими князьями, пришли в Орду, там уже царили совсем другие настроения. С весны 1340 г. события в Восточной Европе пошли стремительной чередой. 7 апреля 1340 г. галицко-волинский князь Болеслав-Юрий был отравлен своими боярами. В его гибели не без основания видели месть Орды. На опустевший трон местные бояре пригласили сына литовского князя Гедимина Дмитрия-Любарта. В ответ польский и венгерский короли двинули свои войска в Галицию и на Вольшь⁷⁹. Предвидя вмешательство

⁷⁷ НЛ. С. 350.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ См.: Шабурдо Ф. М. Указ. соч. С. 38.

Орды, король Казимир обратился к папе с просьбой объявить крестовый поход против татар. 1 августа 1340 г. папа Бенедикт XII направил соответствующую буллу своим епископам в Польше.

Часть галицко-волинских бояр, не желая попасть под власть обоих королей, обратилась за помощью к хану Узбеку. Тот и сам давно уже был готов к вторжению. В конце июля 1340 г. огромная ордынская армия отбросила польские войска за Вислу и страшно разорила весь Привисленский край⁸⁰. В итоге Галицко-Волинское княжество осталось в совместном владении Литвы и Орды. Татары по-прежнему брали с этих земель дань, а литовские князья Гедиминовичи спорили здесь за власть с местными боярскими кланами.

Князь Иван мог бы быть удовлетворен таким исходом событий: жизнь еще раз подтвердила правильность его стремления к мирным отношениям с татарами. Орда в ту пору была на вершине своего могущества, и одолеть ее не могли даже такие крепкие страны, как Польша, Венгрия и Литва. Идея «крестового похода» против татар вновь оказалась утопичной. Для русских земель ставка на «помощь Запада» была самоубийственной.

Ход событий вновь и вновь подтверждал преимущество для Северо-Восточной Руси неяркой, но реалистичной традиции Александра Невского (укрепление владими́ро-суздальской государственности в рамках «русского улуса» Золотой Орды, энергичный отпор военно-политической и духовной экспансии католического мира) перед яркой, но пагубно-идеалистической традицией Даниила Галицкого, суть которой — стремление освободиться от власти Орды на путях военно-политического и культурного сближения с католическим миром⁸¹.

Несмотря на крайнюю скудность источников, можно все же заметить некоторые особенности политики Ивана Калиты по отношению к Новгороду и Пскову.

Прежде всего, следует отметить, что обстоятельства развязывали руки московскому князю для жесткого силового давления на Новгород. Однако Калита не встал на этот соблазнительный в своей простоте путь. По отношению к Новгороду он применял силу весьма умеренно и лишь в периферийных областях — на Двине, в Новоторжской волости. Его военные действия против Пскова ограничились осадой пограничной крепости Опоки.

Несомненно, князь Иван учитывал горький опыт тверских князей, чья силовая политика на северо-западе в итоге закончилась крахом. Он помнил также и о том, что новгородские купцы имеют немалый вес в Орде и могут до известной степени влиять на ханскую политику в отношении великого княжения Владимирского. Наконец, новгородцы нашли своего рода противовес московской экспансии в сотрудничестве

⁸⁰ См.: Там же.

⁸¹ См.: Егоров В. Л. Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. 1997. № 2. С. 56.

с Литвой. Выдающийся политический деятель своего времени, новгородский архиепископ Василий Калика и возглавляемое им боярское правительство выработали удачное для Новгорода решение, позволявшее совместить великокняжеское (владимирское) и литовское присутствие в *Новгородской земле: приглашение одного из сыновей Гедимина на роль защитника северо-западных рубежей боярской республики*. Такая формула позволяла вести сложную дипломатическую игру, отстаивая интересы Новгорода, но при этом не доводя дело до конфликта с Литвой или Ордой. Как и Василий Калика, Иван Калита в новгородских делах показал себя мастером гибкой политики, основанной на идее компромисса.

Отвергнув «тверские» методы новгородской политики, Иван Калита критически отнесся и к традиции, выразителем которой был князь Юрий Данилович. Старший брат Калиты пытался заработать поддержку «золотых поясов» боевыми заслугами под знаменами Новгорода. Кроме того, он постоянно держал в Новгороде в качестве наместника своего младшего брата Афанасия. Князь Иван не ходил во главе новгородских полков. Его действия против литовцев вместе с новоторжцами в 1335 г. носили случайный и кратковременный характер. Он даже не держал в Новгороде в роли наместника одного из своих сыновей. Очевидно, это объяснялось не только семейной ситуацией Калиты: отсутствием братьев и малолетством сыновей. То был сознательный отказ от старой схемы отношений и поиск нового подхода к проблеме.

Кто представлял Калиту в Новгороде? Новгородская летопись называет их обобщенно и во множественном числе — «наместники». Из этой номинации можно сделать вывод: это были личности сугубо служилые, возможно, не имевшие даже княжеского титула.

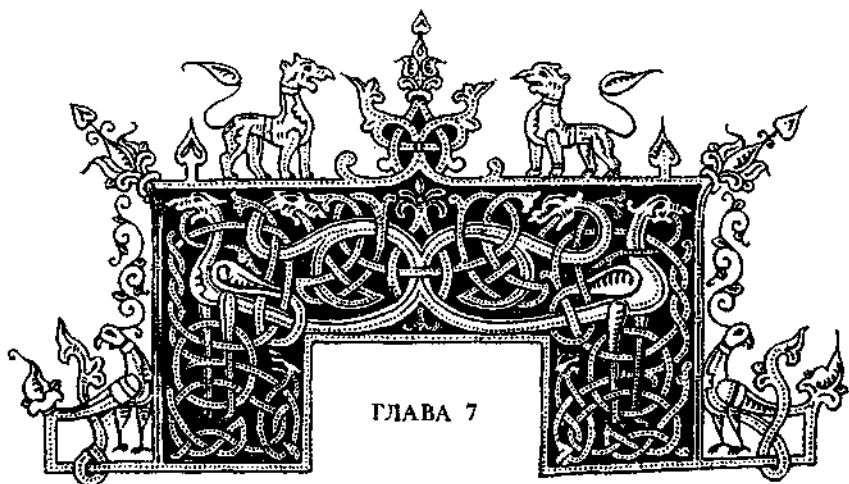
Политика гибкого компромисса, проводимая Иваном Калитой по отношению к Новгороду и Пскову, предопределила активное участие в переговорах «третьей силы» — митрополичьей кафедры. Святитель Феогност выступил в роли арбитра и в псковском конфликте 1329 г., когда он нашел устраившее всех решение, и в московско-новгородском конфликте 1333–1334 гг., когда он вел переговоры с новгородским владыкой Василием во Владимире. Можно думать, что именно его посредничество позволило спорящим сторонам прийти к компромиссу. Опытный дипломат константинопольской школы, Феогност как нельзя лучше мог исполнить роль посредника.

Важной предпосылкой взаимопонимания между Новгородом и Москвой, несомненно, послужила та сторона деятельности Калиты, которую летописец кратко определил словами «иже исправи Русьскую землю от татен и от разбоиник»⁸². Кто как ни новгородские купцы, причем наиболее влиятельные, занимавшиеся транзитной торговлей, более всего страдали от грабежей на сухопутных и водных дорогах?!

⁸² НЛ. С. 465.

Решив эту проблему с помощью своей администрации, Калита заслужил благодарность верхушки новгородского купечества.

Новгородская политика Ивана Калиты имела положительные результаты для обеих сторон. Новгород переживает в эти годы подлинный расцвет, свидетельством которого стало интенсивное каменное строительство. Москва прочно удерживает за собой роль ведущего политического центра Северо-Восточной Руси. Во многом благодаря взаимопониманию с Новгородом Калита сумел укрепить свои позиции в Орде и установить на Руси ту «великую тишину», за которую его так чтили современники и потомки.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ БОРЬБЫ МОСКВЫ С ТВЕРЬЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 30-Х ГГ. XIV В.

В первой половине 30-х годов XIV в. в ослабевшей после погрома 1328 г. Твери правил осторожный князь Константин Михайлович, избегавший любых конфликтов с Москвой. Тверские дела вновь стали беспокоить москвичей лишь с середины 30-х годов XIV в., когда по воле Орды из политического небытия воскресает старый враг Москвы князь Александр Тверской.

В этой подготовленной Ордой усобице в ход шли любые средства. Ставка была очень велика. В сущности, на карту ставилось будущее обоих княжеских домов. И потому не исключено, что пожар Москвы накануне Троицина дня в 1335 г. стал делом рук поджигателей, подкупленных тверичами. На другой год последовал ответ: страшный пожар во Пскове, где княжил тогда Александр Тверской. Псковский посад выгорел «весь, что ни есть дворов за стеною и церковей»¹. Странное совпадение: Псков, как и Москва в 1335 г., вспыхнул в канун двенадцатого праздника (Рождества Богородицы)². Теперь настало время псковичам и их князю Александру в день веселья рыдать на пепелищах. А на следующий год снова запылала Москва. Здесь летом 1337 г. одних только церковей сгорело сорок одна³. Иначе говоря, этот

¹ НЛ. С. 347.

² См.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 295.

³ См.: Татищев В. Н. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М., 1996. С. 89. Цифра, приведенная Татищевым, уникальна, однако не доверять ей нет оснований. Следует заметить, что летописи путаются с хронологией известий о пожарах не менее, чем с датами княжеских поездок в Орду. О пожаре Москвы 6845 г. сообщает и Никоновская

пожар почти вдвое превзошел пожар 1335 г. по своей разрушительной силе. Страшный ливень погасил огонь, но затопил имущество москвичей, вынесенное из горящих домов или спрятанное от пожара в подвалы. «Того же лета Москва вся погоре; и тогда же наиде дождь силен, и потопа все, иное в погребех, иное на площадех, что где выношено»⁴. Понятно, что каждый такой пожар наносил тяжелый удар по благосостоянию города и его правителей.

Московский пожар стал хорошей новостью для Александра Тверского. Занятые восстановлением города, москвичи, вероятно, не могли в полной мере выплатить свои долги Орде. Между тем сам Александр в 1337 г. решился, наконец, на рискованный шаг и отправился с повинной в Орду.

Тверской князь поехал к хану, находясь в состоянии войны с великим князем Иваном Даниловичем (по выражению летописи — «не укончав с князем с великим с Иваном с Даниловичем»⁵). И потому, прежде чем попасть в Орду, ему пришлось сделать большой крюк, объезжая стороной земли, находившиеся под властью великого князя Владимирского. Александр предполагал (или знал), что Калита выслал заставы с приказом перехватить его на пути из Пскова в Нижнее Поволжье. Именно так в 1304 г. пытался остановить на пути в Орду своего соперника Юрия Московского князь Михаил Тверской. Так и сам Александр в 1322 г. захватил казну и обоз Юрия, но упустил его самого. Теперь настал черед тверского князя остерегаться вражеских засад.

«Обищеди всю землю Русскую» (то есть, очевидно, проехав через Литву, Смоленск и Киев), Александр Тверской приехал в Орду из Пскова и ударил челом хану. Тверская летопись так передает его покаянную речь: «Господине царю! Аще много зла сотворих ти, во всем есмь пред тобою, готов есмь на смерть»⁶. В ответ хан ободрил князя:

летопись (ПСРЛ. Т. 10. Спб., 1885. С. 208). Однако число сгоревших церквей она называет 18, то есть дает здесь данные о московском пожаре 3 июня 1335 г. Эту догадку подтверждает и текст Воскресенской летописи, где под 6845 г. вслед за известием, аналогичным Никоновской, следует отсутствующее в Никоновской сообщение об осенней «пловоди» (ПСРЛ. Т. 7. Спб., 1856. С. 205). Эта же связка — в Симеоновской и Рогожском летописце, но ошибочно помещенная под 6845 г. вместо 6843 г. Очевидно, так читалось и в Своде 1408 г. Ключом к раскрытию этих хронологических неувязок может служить Новгородская 1 летопись (Комиссионный список). Так, например, под 6843 г. в ней читается известие об осеннем наводнении в Новгороде. Несомненно, это то же самое бедствие, вызванное затяжными поздними дождями, о котором (как и о пожаре Москвы 3 июня) Свод 1408 г. и следующие за ним летописи ошибочно сообщают под 6845 г. Н1Л правильно говорит о двух пожарах Москвы — в 6843 и 6845 гг.

⁴ Н1Л. С. 348. Замечание о потерянном имуществе, может быть, указывает на источник этой реалистической картинки: впечатления новгородского купца, оказавшегося свидетелем московского потопа и понесшего убытки от него.

⁵ ПСРЛ. Спб., 1913. Т. 18. С. 92.

⁶ ПСРЛ. М., 1965. Т. 15. Вып. 1. Стб. 48.

«Аще тако еси сотворил (то есть пришел с повинной. — Н. Б.), то имаши живот получить, многы бо послы слах, не приведоша тя».

В итоге Узбек «пожаловал» князя Александра: разрешил ему вернуться в «отчину свою» — тверскую землю и вновь занять тверской стол.

Здесь необходимы некоторые комментарии. В Рогожском летописце рассказ о поездке Александра Тверского в Орду дается дважды: под 6845 г. — беллетризованная версия с диалогом князя и хана Узбека; под 6846 г. — лаконичная информация о поездке в Орду в стиле погодных записей, но с некоторыми отсутствующими в первом фрагменте подробностями: Александр вернулся в Тверь из Орды, «а с ним послы силны Киндяк и Авдул, беяше в годину осеннюю и много сътворишеться тягости христианом. А бояре мнози отъеха на Москву к великому князю Ивану. А на зиму князь Александр посла сына своего князя Феодора с Авдулом в Орду, а князь великий Иван с Москвы поиде в Орду»⁷. Тот же текст — в Музейской рукописи, содержащей сокращенный вариант тверского свода XV в.⁸ При этом два московских известия, разрывающие тверскую тему в Рогожском летописце (о рождении сына у князя Семена Ивановича и о пожаре Москвы 3 июня), разумеется, отсутствуют. В Тверском сборнике рассказ прерван обширной лакуной в самой рукописи⁹.

Прочие летописи по содержанию мало что могут добавить к известиям тверского происхождения. В Новгородской 1 летописи (Комиссионный список) — краткое сообщение о поездке Александра Тверского из Пскова в Орду под 6845 г., а под 6846 г. — его благополучное возвращение («...князю же Александру бысть пожалование от цесаря, и прииде из Орды в свою отчину во Тферь; и пославши въ Плесков, выведе княгиню свою к собе и дети») ¹⁰.

Никоновская летопись в своем изложении в целом следует за тверской традицией: под 6845 г. — поездка Александра Тверского из Пскова в Орду, под 6846 — его возвращение «на великое княжение во Тверь» с послами Киндяком и Авдулом. Однако известие Рогожского летописца о втором «отъезде» Александра в Орду 6846 г. опущено. Под 6847 г. — рассказ о последней роковой поездке тверского князя в Орду. Что касается двух других действующих лиц этой драмы (Ивана Калиты и тверского княжича Федора), то их действия Никоновская летопись рисует так: Калита ездил в Орду в 6844, 6846 и 6847 гг.; Федор Тверской — в 6843, 6846 и 6847 гг.¹¹

Противоречивость летописных известий породила разномыслие среди историков. А. Е. Пресняков не доверял Никоновской летописи в

⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 1965. Стб. 48.

⁸ См.: Насонов А. Н. О тверском летописном материале в рукописях XVII в. // Археографический Ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 38–39.

⁹ ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. Стб. 418.

¹⁰ НЛ. С. 348–349.

¹¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 207–208.

вопросе о том, сколько раз Иван Калита и Федор ездили в Орду. По его мнению, «тут явно удвоены и поездка в Орду великого князя Ивана, и поездка княжича Федора и ханская посылка в Тверь»¹². При этом исследователь полагал, что Александр Тверской и его сын Федор были убиты в Орде 28 октября 1338 г.

Л. В. Черепнин соглашался с версией Рогожского летописца: князь Александр Тверской ездил в Орду в 1337 г. (когда получил прощение от хана Узбека) и в 1338 г. (когда получил от хана титул «великий князь» и вернулся с послами Киндяком и Авдулом). Иван Калита был в Орде в 1336–1337 г., потом, вместе со старшими сыновьями — в 1339 г. При этом историк отметил, что о московско-тверской борьбе в 1337–1339 гг. «летописи говорят довольно путано»¹³.

По мнению В. А. Кучкина, Иван Калита в эти годы ездил в Орду трижды: 1) 1336 — зима 1336/37 г.; 2) конец 1338 г. (срок возвращения неизвестен); 3) летом 1339 г. (вместе с сыновьями; вернулся 13 августа 1339 г.)¹⁴

Замечание Черепнина о летописях абсолютно справедливо. Однако следует продолжить его мысль. Путаница в летописях объясняется наложением друг на друга по меньшей мере двух источников: погодных статей тверской летописи за 6845–6847 гг. и особого литературного произведения (А. Е. Пресняков называл его «сказанием», а Л. В. Черепнин — «повестью»), посвященного трагической гибели князей Александра Михайловича и Федора Александровича в Орде. Несомненно, это был памятник тверского происхождения, созданный по заказу кого-то из прямых наследников Александра Тверского. Возможно, он включал в себя и рассказ о деятельности Александра Михайловича в 1327–1329 гг. Данное произведение (как и Повесть и Михаиле Тверском) служило материалом для подготовки к местной канонизации князя-мученика. Его характерная особенность — патетические монологи, приносимые князем, а также обширные речи других действующих лиц.

От воздействия этого произведения совершенно свободна Новгородская 1 летопись (Комиссионный список). Ее хронология и должна быть положена в основу реконструкции последовательности событий. Александр Тверской поехал из Пскова в Орду и получил там прощение в 6845 мартовском году, а вернулся на Русь уже в 6846 г. Тогда же он вызвал из Пскова свою княгиню с детьми. В 6847 г. (то есть весной

¹² Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 156. Прим. 2.

¹³ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 507. По мнению Д. Феннела, Александр Тверской поехал в Орду в 1337 г. и жил там до лета 1338 г., когда вернулся в Тверь (Fennell J. The Emergence of Moscow 1304–1359. University of California Press, 1968. P. 161. Note 2).

¹⁴ Кучкин В. А. Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты? // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. 1989. М., 1989. С. 221. В этой работе помещен и обзор суждений историков относительно хронологии поездок Ивана Калиты в Орду (Там же. С. 207–212).

1339 г. — начало годовой статьи 6847 г.) Иван Калита с двумя старшими сыновьями ездил в Орду. Князь Александр для противодействия проiscaм москвичей послал в Орду сына Федора. В конце лета 1339 г., когда Иван Калита уже вернулся в Москву, Александр Тверской, получив вызов от хана, поехал в Орду. Там он прожил около месяца и 29 октября 1339 г. был казнен вместе со своим сыном Федором. Все три сына Калиты ездили в Орду осенью 1339 г. одновременно с Александром Тверским.

Установив общую последовательность событий, обратимся к некоторым деталям и размышлениям.

Татарские послы пробыли в Твери все лето 1338 г. Тогда же состоялись и переговоры между Калитой и Александром Тверским. Соперники через послов обсуждали какие-то вопросы, но «не докончаша и мира не взяша»¹⁵.

Александр мог бы, конечно, и остановиться на достигнутом, заняться тверскими делами и не искать большего. В этом случае он, вероятно, избежал бы своей трагической участи. Однако подобное смирение было выше его меры. Он не сумел свернуть с дороги, проторенной его отцами и дедами. Историк тверского княжества В. С. Борзаковский справедливо заметил: «Виноват был Александр в том, что в последствие времени, получив прощение в Орде и вернув Тверь, поднял спор с Москвой и за то погиб сам в Орде»¹⁶.

Хан Узбек, следуя старой ордынской традиции, не спешил определять свое мнение в вопросе о великом княжении Владимирском. Орде выгодно было устроить своего рода аукцион, где побеждал тот, кто обещал заплатить наибольшую сумму. В свою очередь, Александр страстно желал получить Владимир. Дело заключалось не только в честолюбии и властолюбии: тверского князя мучили долги, расплатиться с которыми он надеялся при помощи великокняжеской владимирской

¹⁵ ПСРЛ. Т. 10. С. 208. В Троицкой летописи под 6846 г. сообщалось о том, что Александр Тверской «поиде въ Орду, а не уокчав со князем великим» Иваном Даниловичем (Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 362). Такое же чтение находим в Симеоновской летописи, где следом идет фраза, отличная от версии Рогожского летописца: «На ту же зиму выиде из Орды во Тферь князь Александр, пожалован животом от царя, а с ним прииде посол именем Киндык, а другии Авдуля» (ПСРЛ. Т. 18. С. 92). Выражение «пожалован животом от царя» свидетельствует о том, что здесь речь идет о поездке Александра в Орду из Пскова, когда хан даровал ему «живот», то есть жизнь, прощение за прежнее преступление — события 1327 г. Таким образом, как это часто бывало, в статье 6846 г. Троицкая летопись (вслед за Сводом 1408 г.) давала итоговую информацию о поездке Александра в Орду в 6845 мартовском году и его возвращении в 6846 г. По своему происхождению это явно московское известие. Владимирский летописец сообщает о возвращении Александра Тверского из первой (1337) поездки в Орду несколько более пространно, чем Симеоновская: «...а царь его пожаловал животом, отдал ему казнь» (ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 106).

¹⁶ Борзаковский В. С. История Тверского княжества. Спб., 1876. С. 132.

казны. В «Истории» Татищева находим уникальное свидетельство на сей счет: «Бывшу же Александру Михайловичу в Немцах и Литве, тогда мнози истязаху от него многи дары и обеты, прирекающе ему помогати, но ничто полезно ему сотвориша. И он, отдав имения своя, живяше во странах чюжих в велием убожестве и нищете. И егда прият от хана княжение Тверское... тогда тии немцы и литовстии вельможи прошаху от него обетов. Он же, яко ведый себя неповинна и не имуща, что дати, разорено бо еще бе и княжение его, отказа им, а инех проси, да пождут до исправы. Тии же, шедше во Орду, начаша хану Азбяку жаловатися и клеветати на князя Александра»¹⁷.

Уникальное известие Татищева о литовских кредиторах Александра Тверского позволяет понять общий замысел Калиты. Разыскав кредиторов, потерявших надежду вернуть свои деньги, московские агенты обещали им возместить ущерб, но при одном условии: пострадавшие должны были устно или письменно обвинить Александра Тверского перед ханом. Конечно, Узбека мало интересовали неоплаченные долги его русского вассала виленским или рижским купцам. Однако ясно, что озлобленные кредиторы, подученные московской разведкой, примешивали к финансовым претензиям политические обвинения. Самым тяжким из них могло быть обвинение Александра в тайных отношениях с Литвой после покаяния в Орде и возвращения в Тверь.

Неизвестно, какими именно аргументами или документами князь заставили хана «оскорбиться до зела». Вероятно, самые сильные из них представил Узбеку сам Иван Калита, явившийся в Орду вместе с двумя старшими сыновьями в начале 1339 г. Судя по последующим событиям, можно думать, что речь шла о литовско-тверском сотрудничестве, направленном против интересов Орды.

Впрочем, речь тогда шла не только об «измене» Александра Тверского. Этот визит Калиты к хану отличался какой-то особой значительностью и торжественностью. По мнению многих историков, князь Иван во время этой поездки не только представил хану своих старших сыновей, но и предложил для утверждения «духовную грамоту» — завещание¹⁸.

¹⁷ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 89. В «Записках касательно Российской истории» императрицы Екатерины II этот сюжет воспроизведен почти дословно по Татищеву (или же по тому же источнику, которым пользовался Татищев). Однако есть уникальная подробность. Среди кредиторов Александра Тверского, возмущенных его отказом платить долги, императрица называет и тверских бояр. Отчаявшись вернуть деньги и впав в нищету, они почли за лучшее отъехать в Москву. Кроме того, сообщается, что князь Александр Тверской, жена которого Анастасия была дочерью Смоленского князя Всеволода Глебовича, без согласования с Ордой, но при поддержке Литвы пытался посадить своего сына Льва на княжение в Смоленске (Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. СПб., 1906. С. 111).

¹⁸ См.: Кучкин В. А. Указ. соч. С. 207–212; Эту традиционную точку зрения недавно поставил под сомнение А. Б. Мазуров. (см.: Мазуров А. Б. Утверждались ли духовные грамоты Ивана Калиты в Орде? // Вопросы истории. 1995. № 5. С. 150).

Особый, итоговый характер своей последней поездки в Орду в 1339 г. князь Иван мог обосновать только двумя причинами: тяжкая болезнь, предчувствие скорой кончины, или намерение принять монашеский постриг. Вероятно, само по себе заявление Калиты о его намерении уйти с политической сцены в этот решающий момент было тонко рассчитанным действием. Этот ход должен был произвести впечатление на хана, заставить его благосклоннее отнестись к молодому предводителю московского княжеского дома князю Семену Ивановичу.

В ходе визита Калиты в Орду в 1339 г. судьба Александра Тверского была предрешена. Хана насторожила не только личная неблагонадежность Александра Тверского, о которой так много говорили московские ходатаи. Один из самых выдающихся правителей Орды, хан Узбек умел заглянуть в будущее. Он хорошо понимал, что возвышение тверского княжеского дома неизбежно приведет к усилению антиордынских настроений на Руси. Дело было не в личностях, а в логике политических традиций и геополитических интересов. Тверь уже в силу своего географического положения выступала носителем «западнических» настроений в сообществе земель и княжеств, объединенных под эгидой великого княжения Владимирского. В условиях быстрого усиления Литвы передача великокняжеской власти тверским князьям могла привести к ослаблению контроля Орды над русскими землями. Тверской вариант политической консолидации Северо-Восточной Руси был реальностью в первой четверти XIV в. Однако по мере усиления Литвы он становился все более и более рискованным с точки зрения Орды. Тверское восстание 1327 г. окончательно укрепило хана в его недоверии к тверским князьям. Что же касается игры с помилованием опального Александра Тверского, то, может быть, и правы те, кто видит здесь тонкий расчет ордынской и московской дипломатии. Приняв покаяние князя и вернув ему тверской стол, Орда лишила его ореола героя сопротивления. Вынужденный любой ценой выполнять свои непомерные финансовые обязательства, он быстро восстановил против себя своих прежних сторонников. В этих условиях казнь Александра Михайловича в Орде в октябре 1339 г. была воспринята Северо-Восточной Русью почти равнодушно. Случись это в первый приезд опального князя в Орду в 1337 г. — расправа над ним была бы воспринята совершенно по-иному¹⁹.

В связи с историей гибели Александра Тверского необходимо сделать и некоторые уточнения хронологического характера. Рогожский летописец дает следующие ориентиры: Александр Тверской вернулся в Тверь из первой поездки к хану (1337–1338) «на ту же зиму», то есть в конце осени 1338 г. Пришедшие с ним татарские послы «беяше в годину осеннюю и много сътворишеться тягости христианом»²⁰. Эту

¹⁹ Fennell J. Op. cit. P. 161–163.

²⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 48.

фразу можно понимать так, что «послы» разграбили те припасы и прибитки, которые люди имели после сбора урожая. Впрочем, послы эти не засиделись в Твери: той же зимой князь Александр выпроводил в Орду вместе со своим сыном Федором одного из них — Авдула. Этого требовали и соображения безопасности: с Авдулом Федор мог не бояться московских засад. Помимо этого, Авдул, кажется, был приятелем Федора: он сопровождал княжича на Русь из Орды еще в 1335 г.

В начале зимы 1338/39 г. из Москвы в Орду отправился и Иван Калита, взяв с собою двух старших сыновей. Вероятно, именно отъезд Калиты и заставил Александра Тверского срочно отправить в Орду сына Федора для противодействия московским интригам в ханской ставке. Своего младшего сына Андрея Калита отправил в Новгород. Неизвестно, с какой целью 11-летний Андрей прибыл на берега Волхова. Ясно, что руководить новгородцами в войне со шведами за корельские волости он не мог по причине своего малолетства. Знаменательно, что новгородские летописи не отметили пребывания Андрея в Новгороде. Очевидно, Калита послал сына в Новгород исключительно как знак своего присутствия. Сопровождавшие княжича московские бояре должны были предотвратить возможные попытки Александра Тверского утвердиться в Новгороде во время пребывания Калиты в Орде. Миссия Андрея была, таким образом, лишь поводом для отправки на Волхов сильной московской «делегации».

Время возвращения Калиты из Орды на Русь неизвестно. Единственное указание на сей счет содержит Владимирский летописец под 6847 г.: «Того же лета прииде из Орды князь Иван Данильевич месяца августа 13 день. Во церкви у святого Лазаря от иконы святая Богородици явися знамение, из обею очию слезы течаху»²¹. Здесь, конечно, ошибка летописца: знамение от иконы Богородицы, согласно Новгородской 1 летописи (Комиссионный список), имело место именно 13 августа 1339 г. («Того же лета бысть знамение, месяца августа в 13, у святого Лазаря от иконы святая Богородица навечерни из обею очю яко слезы течаху...»)²². В протографе Владимирского летописца (как и в Новгородской 4 летописи) известие о знаменении в Новгороде начиналось с даты: «Месяца августа в 13 день...» Переписчик по рассеянности отнес ее к концу предыдущего сообщения о возвращении Ивана Калиты из Орды. В принципе нельзя исключить возможность

²¹ ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 106. Ту же дату, вероятно, вслед за Владимирским летописцем (или его протографом) приводят и исторические записки императрицы Екатерины II (Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. С. 113). Эту дату безоговорочно принимают и некоторые современные исследователи (см.: Кучкин В. А. Указ. соч. С. 221).

²² НЛ. С. 350; ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. Пг., 1915. С. 267. Очевидно, под «святым Лазарем» следует понимать небольшой Лазаревский монастырь на Неревском конце Новгорода (см.: Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 205).

того, что два события (знамение в Новгороде и возвращение Калиты в Москву) имели место в один и тот же день. Однако приведенные выше соображения заставляют отнестись к такой возможности с большой осторожностью.

Как бы там ни было, новгородское чудо случилось именно тогда, когда его можно было ожидать. Во-первых, это было за два дня до праздника Успения Божией Матери, в котором характерное для русского православия усиленное почитание Богородицы достигало наивысшей точки. Шел Успенский пост. Чудо случилось в пятницу. В субботу весь Новгород ходил дивиться на источавшую слезы икону Богоматери, а в воскресенье праздновали Успение.

Однако сам характер знамения был весьма тревожным. Слезы от иконы Богоматери в новгородской традиции понимались как знак того, что Пречистая молит своего Божественного Сына помиловать многогрешных новгородцев и отвести надвигающуюся на город беду. Так объяснял летописец чудесное истечение слез от иконы Богородицы в трех церквах Новгорода в 1169 г. перед нашествием суздальцев. Конфликт с Москвой в 1339–1340 гг., очевидно, был воспринят в Новгороде столь серьезно, что даже нашел аналогию в нашествии суздальцев в 1169 г. И там, и здесь потребовалось вмешательство самой Божией Матери, чтобы спасти город от разгрома.

Из летописей известно, что Александр Тверской прибыл в Орду во второй половине сентября и, проведя там около месяца, был казнен 28 или 29 октября 1339 г. Отсюда следует, что его отъезд в Орду, точную дату которого источники не сохранили, состоялся где-то в середине августа 1339 г.

Тогда же отправились в Орду и другие русские князья — Василий Давыдович Ярославский, Роман Михайлович Белозерский²³. Очевидно, хан решил устроить нечто подобное суду над Александром Тверским в присутствии других князей. Московская «делегация» состояла из трех сыновей Калиты, выехавших в Орду, должно быть, одновременно с тверским князем. Сама идея такого суда принадлежала Калите. По свидетельству Новгородской 1 летописи князья были вызваны к хану «его же думою»²⁴. В этой связи довольно странно выглядит попытка Калиты перехватить на пути в Орду князя Василия Ярославского. Если князья ехали в Орду по замыслу Калиты, то зачем ему было им мешать? Исследователи давно высказывают мнение (переходящее в утверждение), что князь Василий Давыдович был на стороне тверского князя Александра и потому Калита хотел помешать ему явиться в Орду²⁵.

²³ НЛ. С. 349–350; ПСРЛ. Т. 5. Слб., 221. С. 221; Т. 10. С. 209. Согласно историческим запискам императрицы Екатерины II, Александр Тверской приплыл по Волге в Ярославль, а отсюда отправился в Орду вместе с князьями Василием Ярославским и Романом Белозерским (Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. С. 114).

²⁴ НЛ. С. 349.

²⁵ См.: Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 155–156.

Однако никаких иных подтверждений этого тезиса, кроме самой попытки захвата, не имеется. Между тем дело может объясняться и несколько иначе. В том же году рязанский князь Иван Коротопол перехватил на пути в Орду своего родича князя Александра Пронского и убил его. Причиной расправы стало желание «младшего» князя иметь прямые контакты с Ордой, минуя «старшего», а главное — лично отвозить ордынский «выход». Возможно, ярославский князь также решил отвезти в Орду «выход» без участия великого князя Владимирского. Такого рода самоуправство жестоко пресекалось «старшими» князьями. Калита, узнав от своих информаторов о намерении ярославского князя, принял меры. Однако эта история, кажется, не сделала их смертельными врагами²⁶.

Тверская разведка имела сведения о намерении хана расправиться с князем Александром. Однако самонадеянный, как все Ярославичи, тверской князь полагался на свою удачу и, конечно, не жалел последнего золота, чтобы качнуть чашу весов в свою пользу. После долгих колебаний в самом конце лета 1339 г. он все же решил ехать в Орду. У многих было такое ощущение, что они провожают Александра в последний путь. Тверское духовенство во главе с епископом, княгиня Анастасия с младшими детьми сопровождали его по Волге до устья речки Кашинки. Здесь стояла церковь Спаса, в которой отслужили напутственный молебен. Брат Александра Василий Михайлович ехал с ним еще дальше — до Святославля Поля, находившегося, вероятно, на месте нынешнего города Калязина²⁷. Другой брат, Константин, не смог прибыть на проводы из-за тяжелой болезни, приковавшей его к постели.

В Орде Александр по обычаю одарил хана, ханшу и всех влиятельных придворных. Сын Федор передал ему последние новости. Они были неутешительны. Князю оставалось только ждать и молить Бога о милости. Хан не спешил объявить свою волю. В тягостном ожидании прошел целый месяц. Одни говорили Александру, что хан хочет дать ему великое княжение Владимирское, другие предупреждали его о скорой гибели. За три дня до казни князю был объявлен смертный приговор. Настал день казни — 28 октября. Исповедавшись и причастившись святых тайн, отец и сын ждали страшного конца, распевая псалмы.

Наконец, показалась толпа татар во главе с неким Черкасом. Татары подбежали к Александру, схватили его за руки, сорвали с него одежду. Нагой, со связанными руками, он был поставлен перед ханским вельможей Товлубеем. Восседавший на коне Товлубей приказал своим

²⁶ По мнению А. И. Копанева, уже после конфликта с Василием Давыдовичем Ярославским Иван Калита породнился с ним, выдав свою дочь Настасью замуж за его сына Василия (см.: *Копанев А. И. О «куплях» Ивана Калиты // Исторические записки. Вып. 20. М., 1946. С. 30*).

²⁷ См.: *Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 160*.

подручным: «Убейте их!» Оба князя были тут же зарезаны ножами. Бросив тела на землю, палачи отрубили им головы.

При виде кровавой расправы приближенные и слуги князя в ужасе разбежались. Обезглавленные тела Александра и Федора долго лежали в пыли, собирая ворон и бродячих собак. Наконец, хан разрешил подобрать их и, положив в гробы, отправить на Русь.

Мертвые уже не были опасны для Орды. Воздавать им последние почести не возбранялось. Во Владимире печальную процессию встретил митрополит Феогност. Вместе с собором местного духовенства он отслужил панихиду по погибшим. Затем тела князей через Юрьев-Польский повезли на Переяславль. Там их отпевали ростовский епископ Гавриил и тверской владыка Феодор. Здесь же были и братья Александра Константин и Василий Михайловичи.

Из Переяславля похоронная процессия направилась в Тверь. Горожане встретили ее на подъезде, возле Михайловского монастыря. Они взяли из повозки гробы с телами отца и сына «и на главах несоща в град к святому Спасу»²⁸.

Рассказ тверского летописца о гибели Александра Тверского и его сына Федора, о возвращении их останков через всю Северо-Восточную Русь обратно в Тверь, несмотря на свой лаконизм, зримо передает то глубокое потрясение, которое испытали свидетели и современники этой трагедии. Такого еще не бывало в северорусских княжеских семьях: сразу три поколения (дед, отец, сын) стали жертвами ханских палачей. Многие вспоминали о том, что и Ярослав Ярославич (прадед) умер на пути из Орды, а Ярослав Всеволодович (прапрадед) был отравлен татарами. Невольно возникала мысль о проклятье, тяготевшем над этой линией потомков Всеволода Большое Гнездо...

Гибель Александра Тверского и его сына легла мрачной тенью на историческую репутацию московских князей. Очевидно, что Калита приложил немало стараний, чтобы избавиться от опасного соперника руками ханских палачей. Однако не следует механически переносить в прошлое современную систему моральных оценок. Казнь тверских князей воспринималась людьми той эпохи прежде всего как Божий суд. Описывая их гибель, летописец содрогается не столько от самого зрелища крови и убийства, сколько от трепета перед грозным явлением Провидения. Хан Узбек — новый царь Навуходносор. Он есть орудие Божьего Промысла. Поэтому обвинять лично его в жестокости и прочих пороках — бессмысленно и нелепо. К тому же жестокая казнь — такой же необходимый атрибут верховной власти, как и милосердие.

Средневековая концепция царской власти, которой руководствовались летописцы, четко изложена в библейской Книге Даниила. Пророк возвещает вавилонскому царю Валтасару: «Царь! Всевышний Бог даровал отцу твоему Навуходносору царство, величие, честь и

²⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 51.

славу. Пред величием, которое он дал ему, все народы, племена и языки трепетали и страшились его: кого хотел, он убивал, и кого хотел, оставлял в живых; кого хотел, возвышал, и кого хотел, унижал. Но когда сердце его надломилось и дух его ожесточился до дерзости, он был свержен с царского престола своего» (Даниил, 5, 18–20). Итак, царю позволено все, кроме одного: дерзости перед Богом. В его деяниях можно видеть исполнение Высшей Воли.

Только в этой провиденциальной системе представлений о судьбе и власти объяснима поразительная «бесчувственность» древнерусского летописца. Завершив рассказ о гибели Александра Тверского и его сына Федора жуткой подробностью: «...и разоимани быша по съставом» (то есть палачи разрубили тела убитых князей по суставам, как разделявают животных), летописец в следующей фразе радуется благополучию тех, кто с точки зрения реальной истории был причастен к гибели тверичей: «А князя Семена и брата его с любовью на Русь отпустиша и приидоша из Орды на Русь пожалованы Богом и царем»²⁹.

Как восприняли в Москве расправу хана с тверскими князьями? Конечно, сама жуткая сцена казни на всю жизнь осталась в памяти сыновей Калиты, находившихся тогда при ханском дворе. Они либо видели казнь собственными глазами, либо слышали о ней подробные рассказы очевидцев. Однако трудно поверить некоторым современным романистам, рисующим дело так, будто Калита и его сыновья чувствовали себя убийцами тверских сородичей, стонали под тяжестью смертного греха, каялись ночи напролет в дворцовой молельне. Едва ли это было так. Напротив, осенью 1339 г. в Москве торжествовали победу и благодарили Бога за такой исход дела. Никоновская летопись сообщает, что сыновья Калиты вернулись из Орды «с великой радостью и веселием»³⁰. Конечно, они радовались не самой гибели Александра (ибо сказано: «Не радуйся смерти человека, хотя бы он был самым враждебным тебе: помни, что все мы умрем» (Сирах, 8, 8), а тому политическому облегчению, которое наступило в Северо-Восточной Руси с уходом этого неугомонного бойца.

Гибель Александра Тверского и его сына Федора была страшной. Но следует учесть и то, что люди Средневековья вообще были менее чувствительны к жестокости. Зрелище крови и страданий не вызывало у них столь сильного потрясения, как у современного человека. Смерть была скучной повседневностью в обществе, где большинство детей умирало в младенчестве, а средняя продолжительность жизни, вероятно, не превышала сорока лет. Да и сама грань между «быть» и «не быть» не ощущалась тогда с той болезненной остротой, которая присуща новому времени. Средневековые правители развлекали толпу зрелищем казни. Иногда такие действия устраивались с целью назидания. Александр

²⁹ ПСРЛ. Т. 18. С. 92.

³⁰ ПСРЛ. Т. 10. С. 211.

Невский в 1257 г. во Пскове устроил публичную казнь своих захваченных в плен недругов: одним палачи отрезали носы, другим выкалывали глаза. «Всяк бо зло дея зле да погибнет»³¹, — назидательно замечает по этому поводу летописец, явно сочувствуя акции князя. Враг должен погибнуть, иначе погибнешь ты сам — такова была аксиома того времени. Милосердие допускалось лишь как роскошь: в небольших количествах и там, где оно не могло повредить делу. Могли ли московские князья думать и поступать иначе?

Летописание не сохранило каких-либо упреков в адрес московских князей в связи с гибелью Александра Тверского. Упоминание Новгородской 1 летописи о том, что тверской князь был вызван в Орду «думую», то есть по замыслу Ивана Калиты, есть лишь констатация факта. Действительно, московский князь хотел вынести на суд Орды свой спор о власти с Александром Тверским, грозивший польхнуться новой общерусской усобицей. И каждый из них делал все возможное, чтобы чаша весов этого суда склонилась в его пользу. Показательно, что и «Повесть об убиении Александра Тверского», сохранившаяся в составе некоторых летописей, далека от каких-либо политических обвинений. Ее тема — гибель двух благочестивых христиан, отца и сына, от рук «поганных» татар. Мораль повести — чисто христианская идея гибели «за ближних своих».

В 1339 г. произошел важнейший перелом в истории русско-ордынских отношений, а вместе с ним — и в истории формирования единого Русского государства. Казнь Александра Тверского вновь продемонстрировала отказ Орды от политики «разделяй и властвуй» внутри Северо-Восточной Руси. По многим причинам, среди которых далеко не последнюю роль сыграла полтика Ивана Калиты, Орда решила отдать предпочтение московским князьям, дать этой династии возможность до известной степени консолидировать Северо-Восточную Русь под эгидой великого княжения Владимирского.

Центр политической и духовной жизни Северо-Восточной Руси, переместившийся в конце XIII в. из Владимира в Тверь, теперь вновь переместился, но уже из Твери в Москву.

Князь Иван остро ощутил эту историческую перемену. Человек своего времени, он захотел отметить ее каким-нибудь символическим торжественным действием. Зимой 1339/40 г. такое действие состоялось...

Символом достоинства всякого средневекового города, его гордостью, если угодно — его душой был колокол. Горожане относились к колоколу как к живому существу, давали ему имя. Согласно древнему поверью, его звон отгонял злые силы. На Руси в эпоху Калиты лишь немногие крупные города могли позволить себе такую роскошь, как колокола. Но и в больших городах они имелись обычно только на соборной колокольне. Прочие церкви довольствовались повешенными

³¹ НЛ. С. 309.

на ремне железными или медными досками («било»). Когда нужно было созвать прихожан на богослужение, в эти доски изо всех сил били молотом.

Колокола соборной колокольни различались соответственно их церковному назначению: «благовестный», «завонный», «красный», «трапезный». Другие колокола исполняли сигнальные функции и имели соответствующие названия — «вестовой», «набатный», «осадный», «сполошный», «ратный». Тревожный звон набатного колокола, созывавшего народ на площадь в случае пожара или неожиданного нападения врага, был хорошо знаком каждому горожанину. Заслышав его, люди бросали свои дела и бежали на соборную площадь. Именно такой «набатный» колокол и поднял тверичей на восстание в тот роковой день 15 августа 1327 г.

И вот теперь московский князь Иван решил наказать колоколятежник. Зимой 1339/40 г. по его приказу он был снят с соборной колокольни в Твери и отвезен в Москву. Тверская летопись сообщает об этом предельно лаконично: «А князь великий Иван в Твери от святого Спаса взял колокол в Москву»³².

Калита не был оригинален в своем деянии. Такое случалось на Руси и прежде, хотя нечасто. В 1066 г. князь Всеслав Полоцкий, захватив Новгород, снял колокола у Софийского собора. «О, велика бяше беда в час тыи!»³³ — воскликнул по этому поводу новгородский летописец. Снимал колокола у владимирского Успенского собора и незадачливый князь Александр Васильевич Суздальский, вскоре возвративший его назад. В первом случае это был чистый грабеж, во втором — грабеж, слегка прикровенный: Александр получил тогда от хана великокняжеский титул и хотел иметь у себя дома «великокняжеский» колокол.

Совсем по-иному воспринималась акция Калиты. Это было символическое деяние, смысл которого можно выразить словом «покорность». Тверской колокол был отвезен в Москву точно так же, как позднее Иван III увез в Москву вечевой колокол из Новгорода, а Борис Годунов отправил в Сибирь набатный колокол из Углича, поднявший горожан на восстание в мае 1591 г. Такие уроки запоминались надолго в силу своей наглядности.

Вывоз колокола (вероятно, единственного в Твери) в Москву, еще не имевшую своих собственных колоколов, символизировал победу Москвы над Тверью. Этот удар должен был сломить самолюбие тверичей, заставить их смириться со своей участью побежденных. Похоже, что удар Калиты достиг цели. Летопись сообщает, что после гибели Александра Михайловича в Орде «княжение тверское до конца опусте»³⁴. Тогда же произошел и новый массовый отъезд тверских бояр

³² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 52.

³³ НЛ. С. 17.

³⁴ ПСРЛ. Т. 10. С. 210.

на московскую службу³⁵. По мнению А. Е. Преснякова, из летописей впоследствии было вычеркнуто описание тех гонений на Тверь, которые осуществил Иван Калита после казни Александра Тверского³⁶. От всего рассказа сохранилась лишь последняя фраза об окончательном опустении тверского княжения. Следствием этих бедствий Твери и был отъезд местных бояр в Москву.

Еще одним наглядным свидетельством глубоких перемен в политической ситуации в Восточной Европе явился новый московский Кремль. Он был выстроен из могучих дубовых бревен зимой 1339/40 г. Старая московская крепость после многих пожаров обветшала и выглядела совсем убого. Однако для сооружения новой требовалось, конечно, разрешение Орды. Князь Иван мог получить такое разрешение во время своей поездки к хану весной 1339 г. Свое прошение Калита, вероятно, обосновал тем, что ему нужно подготовиться к надвигавшейся сербезной войне с Литвой.

Однако и получив одобрение хана, осмотрительный князь Иван не спешил приступать к делу, ожидая окончательного решения судьбы Александра Тверского. До этого он не мог начать разборку старых стен для их замены новыми. Ведь в случае неожиданной перемены настроений хана князь Александр мог вернуться из Орды с пожалованием. И тогда война Твери с Москвой была бы неизбежной. И можно ли было вступить в эту войну с разобранными городскими стенами? Получив весть о казни Александра, московский князь принялся за дело.

Такое дело, как возведение крепости, делалось всем миром, и потому князю нужна была поддержка не только знати, но и всей московской посадской общины. На эту коллективную замысли и исполнения указывает летописец, используя множественные формы глагола: «На ту же зиму месяца ноября в 25, на память святого мученика Климента, замыслиша заложити рубити город Москву, а кончаша тое же зимы на весну, в великое говение»³⁷.

Для начала столь великого дела князь Иван, как обычно, выбрал день не случайный. В четверг, 25 ноября, когда состоялась торжественная закладка новой крепости, церковь вспоминала святого мученика Климента, ученика апостола Петра³⁸. Это имя многое говорило людям той эпохи. Оно было окружено легендами. Сосланный во времена гонений на тяжкие работы в крымские каменоломни, римский епископ Климент и здесь прославился своими проповедями, обращением в хри-

³⁵ См.: Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 158.

³⁶ См.: Там же. С. 158. Прим. 2.

³⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 51; Т. 18. С. 92. «Великое говение» в 6847 мартовском году начиналось в самом конце года — 28 февраля 1340 г. Пасха в 1340 г. приходилась на 16 апреля. Вообще же это сообщение явно составлено из двух, находившихся в соседних годовых статьях: о начале и об окончании строительства. На компилятивный характер фразы указывает и странное словосочетание «замыслиша заложити рубити город Москву».

³⁸ См.: Сергей (Спаский). Полный месяцеслов Востока. Т. 2. М., 1997. С. 365.

стианскую веру множества язычников. Мощи святого, находившиеся в Корсуні (Херсонесе), были обретыны святыми братьями-миссионерами Кириллом и Мефодием. Завоевав Корсунь, князь Владимир Святой перенес мощи Климента в Киев и поместил их в Десятинной церкви³⁹. Полагают, что «креститель Руси» был похоронен в этой церкви именно в приделе св. Климента. Наряду с легендой о посещении Руси апостолом Андреем, история св. Климента утверждала древность русского христианства, его прямую связь с апостольской традицией.

Почитание св. Климента из Киева перешло в Новгородскую землю. В 1153 г. архиепископ Нифонт заложил каменную церковь Климента в Ладоге. Среди прочих избранных святых Климент был изображен на медных позолоченных дверях новгородского Софийского собора, изготовленных архиепископом Василием Каликой в 1336 г. Позднее Климента изобразил Феофан Грек в своих росписях в церкви Спаса на Ильине в Новгороде (1378).

Через образ св. Климента протянулась еще одна нить духовной связи от Москвы к стольному Киеву и Великому Новгороду.

Однако выбор дня для закладки московского Кремля был еще более многозначительным, чем можно видеть с первого взгляда. 25 ноября был канун праздника св. Георгия — осеннего «Юрьева дня». Этот праздник также имел киевское происхождение. Его установил Ярослав Мудрый в память об освящении построенной им Георгиевской церкви. Покровитель воинов, победитель дракона, мученик за веру, святой Георгий был одним из самых светлых, героических образов в древнерусской христианской традиции. Знаменитый эпизод его жития — «Чудо Георгия о змие» — стал символом борьбы русского народа за свою независимость в XIV–XV вв. Со временем Георгий-змееборец станет официальным гербом Москвы.

Хронологическая точность записи о постройке московского Кремля выдает руку московского летописца. Возможно, им был составитель Свода 1340 г., в котором данная запись находилась в самом конце, перед известием о кончине Ивана Калиты. В этой связи возникает вопрос о более точном определении даты окончания строительства. Летописец говорит: «тое же зимы на весну, в великое говение». В високосном 1340 г. Великий пост начинался с понедельника 28 февраля. Таким образом, «зимы» как таковой оставалось всего один день — 29 февраля. Совершенно очевидно, что для торжественного освящения новой крепости был избран нерабочий день — воскресенье. Наиболее

³⁹ См.: Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. 1. М., 1994. С. 110, 248; Он же. История русской церкви. Кн. 2. М., 1995. С. 46, 50–51. В «Слове на обновление Десятинной церкви», составленном неизвестным автором в 1039 г., св. Климент прославляется как небесный покровитель всей Русской земли, ее апостол (см.: Чичуров И. С. «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 16).

подходящим для торжества было бы Соборное воскресенье — 5 марта 1340 г. Этот день наиболее адекватен летописному выражению «зимы на весну». К этому дню (первое воскресенье Великого поста) приурочивался ежегодный съезд духовенства к епархиальному архиерею. Можно думать, что в связи с этим в Москве находился тогда и митрополит Феогност: Москва была крупнейшим городом митрополичьей епархии. Наконец, 5 марта — день кончины (а значит, и день поминаения) отца Ивана Калиты князя Даниила Александровича, строителя старой крепости, на смену которой пришел Кремль 1339–1340 гг.

Все это позволяет утверждать, что торжества по случаю постройки новой московской крепости состоялись 5 марта 1340 г. Завершив строительство Кремля и тем самым как бы подведя черту под своей политической деятельностью, Иван Калита тогда же удалился в придворный Спасский монастырь, где принял постриг с именем Анании и прожил еще несколько недель до своей кончины 31 марта 1340 г.

Не ограничившись возведением нового Кремля, князь Иван, по некоторым сведениям, одновременно предпринял и работы по благоустройству и укреплению Москвы: «Такоже и посады в ней украсив и слободы, и всем утверди»⁴⁰. Простояв всего около 25 лет, Кремль Калиты был заменен на новый, белокаменный. Внук Ивана Дмитрий Донской, подобно своему деду, предусмотрительно подготовился к войне с Литвой, отстроив заново московскую крепость. Но эти тревожные 25 лет Москва без потерь прожила под защитой стен Калиты, поминая добрым словом их строителя.

Зимой 1339/40 г. хан Узбек приступил к исполнению своего замысла о совместном русско-татарском наступлении на Литву. Из Орды с этой целью отправлен был с войском воевода Товлубей — тот самый, что руководил казнью Александра Тверского. Вероятно, он был одним из тех ханских вельмож, которые выступали за войну с Литвой и потому ненавидели дружившего с литовцами тверского князя. С Товлубеем шел и некий «князь Менгукаш, и иные мнози князи с татары»⁴¹.

Первым из русских князей к войску Товлубея присоединился рязанский князь Иван Коротопол. Он шел вместе с татарами из Орды, где был, вероятно, свидетелем казни Александра Тверского. По дороге в степи им повстречался другой местный князь — Александр Михайлович Пронский. Тайком от старшего в роду Ивана Коротопола он вез в Орду собранную со своих земель дань. Подобно тому, как великий князь Владимирский запрещал другим князьям иметь прямые контакты с Ордой и возить туда свой «выход», так и местные правители не пускали свою младшую братию к хану. Причина запрета была та же самая: боязнь интриг и подсиживания.

⁴⁰ Забелин И. Е. История города Москвы. М., 1990. Ч. 1. С. 82.

⁴¹ Татищев В. Н. Указ. соч. Т. 5. С. 93.

Разгневанный Иван Коротопол, имея за спиною товлубеевых татар, велел схватить своего двоюродного брата, отнять у него весь обоз, а самого под стражей доставить в Переяславль-Рязанский.

Род рязанских князей уже с начала XIII в. отличался какой-то особой жестокостью. Ненависть к ближнему часто толкала их на братоубийство. Конечно, тут сказывалась и близость степи, бедность и безысходность пограничного быта. Обиженные судьбой, рязанские князья ощущали себя изгоями, «отрезанными ломтями». Но и слиться со степным миром они, конечно, тоже не могли. Такая раздвоенность надламывала психику, толкала на безрассудные поступки. Князь Иван Коротопол не был исключением. Доставив своего пленного сородича в Переяславль-Рязанский, он тут убил его. Разумеется, эта расправа не прошла для него безнаказанно. Несколько лет спустя сыновья убитого, захвачен в плен самого Коротопола, поступили с ним так же, как он поступил с их отцом.

Кровавая разборка рязанских князей не остановила поход на Литву. Расправившись с братом, Иван Коротопол собрал своих воинов и вместе с татарами направился дальше, на Смоленск.

Смоленское княжество в этот период, по-видимому, перестало платить дань Орде⁴². Надеясь на помощь Литвы, смоленские князья держались независимо по отношению к татарам. В 1333 г. Узбек отпустил войско на Смоленск. Вместе с татарами брянский князь Дмитрий Романович попытался захватить город, но встретил сильный отпор. Дело кончилось тогда ничем⁴³. Теперь татары вновь вспомнили о Смоленске.

В походе на Смоленск зимой 1339/40 г. хан велел принять участие всем военным силам Северо-Восточной Руси. Туда пошли со своими дружинами князь Константин Суздальский, Константин Ростовский, Иван Юрьевский, Иван Друцкий, Федор Фоминский. Мос-

⁴² По некоторым сведениям, в Смоленске в это время находился старший сын Александра Тверского (от первого брака?) князь Лев, получивший этот «стол» при помощи Литвы (Сочинения императрицы Екатерины II. Т. II. С. 111. Прим. 1. С. 116. Прим. 1). Относительно этого князя Льва среди исследователей существуют разные мнения. Одни считают, что он умер в младенчестве (см.: *Кучкин В. А. Формирование государственной территории... С. 169*), другие полагают, что он жил до 1369 г. и обладал Можайским уделом Смоленского княжества (см.: *Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV века. М., 1983. С. 253*). Его мать была дочерью смоленского князя Святослава Глебовича. По одним сведениям, ее звали Анна, по другим — Анастасия.

⁴³ В Рогожском летописце известие о смоленском походе дано под 6841 г. и содержит ряд фактических подробностей. Примечательно, что тверской летописец проявил особый интерес к смоленским делам и представил подробную информацию о походе. Несомненно, это связано со смоленскими родственными связями тверской династии. Сообщение о смоленском походе содержится и в Никоновской летописи под 6842 г. Оно явно восходит к известию Рогожского летописца, сильно сокращенному и слегка разбавленному риторикой (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 47; Т. 10. С. 206).

ковскую рать возглавили бояре-воеводы Александр Иванович и Федор Акинфович. Примечательно, что в числе участников коалиции летопись не называет тверских князей. Видимо, хан еще не решил тогда, кому передать тверской престол после казни Александра Михайловича. Поэтому тверичей решили пока оставить в покое. К тому же они были не очень надежными союзниками в войне с Литвой из-за своих давних литовских связей.

По свидетельству летописи, на эту войну явились со своими отрядами и остававшиеся еще кое-где в Северо-Восточной Руси ханские баскаки. Калита поднял и погнал под Смоленск даже и тех, кто отродясь не хаживал в такие походы — «мордовския князи с мордовичи»⁴⁴.

Замах был сделан очень сильный, но результаты смоленского похода оказались весьма скромными. «И пришедше под Смоленск, посады пожгоша, и власти и села пограбиша и пожгоша, и под градом немного дней стояше, и тако татарове поидоша во Орду со многым полоном и богатством, а русстии князи возвратишася во свояси здравы и целы»⁴⁵.

В концовке этого сообщения явно ощутимы нотки горькой иронии: татары ушли «со многим полоном и богатством», а русские князья ни с чем, но благодаря Бога за то, что остались «здравы и целы».

Неожиданно быстрый и бесславный конец смоленского похода вызывает недоумение. Стоило ли собирать и гнать за сотни верст такое огромное войско, чтобы пограбить несколько десятков смоленских деревень? Конечно, Товлубей не рискнул бы своей властью прекратить поход и вернуться в Сарай с таким ничтожным результатом. Его ждал бы там в лучшем случае позор, а в худшем — петля ханского палача.

Но Товлубею явно ничего не грозило. Он ушел из-под Смоленска, выполняя ханский приказ.

В начале 1340 г. Узбек, видимо, получил какие-то важные вести, которые заставили его начать подготовку к большой войне с Польшей. О характере этих вестей позволяют догадываться предшествующие события в Восточной Европе. В 1335 г. венгерский король Карл-Роберт и польский король Казимир III Великий (1333–1370) на встрече в Вышеграде заключили союз. Венгерский монарх обещал помочь полякам в их стремлении полностью овладеть Галицко-Волынской землей, а Казимир III посулил союзнику право на польский трон в случае, если он умрет без наследников. На следующей встрече двух монархов, состоявшейся в 1338 г., к их союзу присоединился и галицко-волынский князь Болеслав-Юрий II. Он присягнул на верность венгерскому королю и объявил Казимира III своим преемником в Галицко-Волынском княжестве⁴⁶. Во время встречи 1338 г. короли подтвердили свою верность соглашениям 1335 г.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 10. С. 206.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См.: Шабудько Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 36.

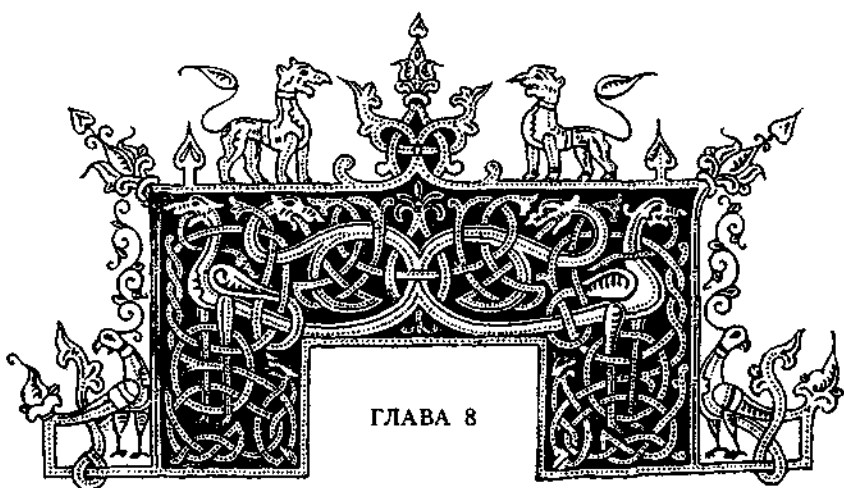
Таким образом, впервые возникла вполне реальная перспектива ухода огромного и богатого региона из-под власти Орды, которая доселе исправно получала дань с галицко-волинских земель и считала их своим «улусом». Уяснив ситуацию, хан Узбек понял, что медлить нельзя. Вероятно, решение о войне с Польшей было принято им еще до смоленского похода, а сам этот поход имел целью показать литовскому князю Гедимину военный потенциал Северо-Восточной Руси и Орды, заставить его воздержаться от вмешательства в ордынско-польский конфликт. Хан хотел как бы пригрозить кулаком Гедимину, но при этом не озлоблять его ударом. Поэтому для демонстрации сил ордынско-московского блока был избран «ничейный» Смоленск, а сама эта демонстрация носила откровенно предупредительный характер.

Хорошо осведомленный о делах в Юго-Западной Руси благодаря митрополиту Феогносту, князь Иван, конечно, понимал подлинный смысл ханских распоряжений. Возможно, Узбек и не скрывал от него своих замыслов. Именно поэтому Калита и не послал в смоленский поход своих сыновей, ограничившись воеводами. В глубине души он благодарил Бога за такой оборот событий: ему очень не хотелось всерьез воевать с Литвой. А кто бы ни победил в ордынско-польской войне, Москва от этого только выигрывала, ибо ее до времени оставили в покое.

В истории гибели Александра Тверского ярко проявились характерные черты московской и тверской политики того времени.

Что касается Александра Тверского, то он в этой истории проявил себя как истинный сын своего отца. Горопливость, опрометчивость, неумение сделать правильный выбор между синицей в кармане и журавлем в небе — родовые черты характера потомков Ярослава Тверского. Однако причина трагедии тверского князя заключалась не только в его ошибках как политика. На решение хана повлияла и принятая после 1327 г. общая стратегия Орды, направленная на консолидацию Северо-Восточной Руси под эгидой Москвы. На исходе событий сказались, конечно, и слишком близкие — с точки зрения Орды — отношения Александра Тверского с литовскими князьями.

В финальной схватке с Александром Тверским Иван Калита в полной мере проявил свои качества искусного политика, тонко чувствовавшего настроения хана и осведомленного в тайных пружинах ханского двора. Его победа была подготовлена долгими годами безупречной службы в качестве великого князя Владимирского. Кому же служил князь Иван: Орде или Руси? Очевидно, что в этот период экономическое возрождение Северо-Восточной Руси, ее политическая стабильность отвечали стратегическим интересам Орды. Но, служа Орде, князь Иван служил Руси. И, служа Руси, он должен был служить Орде...

ИДЕЙНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПОЛИТИКИ МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ

1. «Похвала Ивану Калите» как памятник раннемосковской публицистики

Крайняя ограниченность сведений о деятельности трех первых московских князей (Даниила, Юрия и Ивана) порождает у исследователей весьма разноречивые оценки их достижений. Важным аргументом в этих спорах могут стать произведения раннемосковской публицистики. Несмотря на откровенную тенденциозность этого источника, он все же позволяет представить те идеи, из которых складывалось политическое credo данного правителя. Масштабность и новизна или, наоборот, узость и традиционность этих идей, несомненно, коррелируются с реальными достижениями и установками правящего князя. Разумеется, теории порой опережают действительность, а порой отстают от нее. И все же наличие или отсутствие определенной теории, ее развитость и направленность — важный компонент политики любого режима.

Учитывая слабую социально-экономическую мотивировку процесса объединения русских земель в XIV–XV вв., а также обусловленное этим особое значение духовного (и, в частности, церковного) начала в политической жизни Северо-Восточной Руси, можно предполагать существование достаточно развитых религиозно-политических теорий ранней Москвы. Источники в значительной мере подтверждают это предположение.

Ценным источником для изучения московских религиозно-политических представлений второй четверти XIV в. служит так называемая

«Похвала Ивану Калите» — приписка на последнем листе Сийского Евангелия (БАН, Арх. ком., № 338). Эта книга была написана в 1339 или 1340 г. по заказу великого князя Ивана Даниловича писцами Мелентием и Прокошей.

История Сийского Евангелия полна загадок. Уже сам факт отправки дорогой, хорошо украшенной рукописи «на Двину к святей Богородици» вызывает недоумение. Но самая трудная из загадок — знаменитое послесловие. Чего стоит одна только его хронологическая заставка! Дата завершения книги указана сразу в нескольких календарных системах¹: «В лето 6000-е 800-е 47-е, индикта 12, миротворенаго и солнечного круга в 4-е лето висикостное, жидовъ сего ирук в 7-е лето, епакта 18 лето, в 5-и каланд месяца марта, жидовъскы нисана, написано бысть си еуангелье»². Однако эти системы противоречат друг другу. 6847 (1339) год имел число индикта 7, а не 12, и число круга солнца 15, а не 4. Указания на «лето висикостное» и на еврейский «длинный год» («сено ируко») совпадают, однако високосным был не 6847-й, а следующий, 6848 (1340) год. Запись указывает на календы марта. В древнееврейском календаре месяц нисан соответствует марту. Очевидно, что автор приписки, не вполне владея еврейским, римским и византийским календарями, запутался в них либо и не стремился к точности, используя все системы иносказательно, как своего рода метафоры. Последнее вполне вероятно: он действовал подобно художнику и создавал своего рода «вселенскую» заставку перед текстом похвалы. В самом тексте московский князь сопоставляется с израильскими царями Давидом и Соломоном, римским императором Константином Великим, византийскими императорами Юстинианом и Мануилом. Эти сопоставления и определили включение в хронологическую заставку элементов древнееврейской, римской и византийской календарных систем. Отсюда следует, что похвала не экспромт, а целостное, тщательно обдуманное произведение.

Сама идея такой своеобразной хронологической заставки, несомненно, заимствована автором похвалы из книги пророка Иезекииля, на которую он прямо ссылается несколькими строками ниже. Пророк неоднократно сообщает даты своих видений (Иез. 1, 1; 26, 1; 29, 1; 31, 1; 32, 17). Все датировки открывают текст главы или самостоятельную ее часть. Кроме того, все они, как и датировка перед похвалой Ивану Калите, весьма противоречивы и туманны. В книге пророка Иезекииля датировки имеют не столько хронологическое, сколько художественно-

¹ См.: *Вздорнов Г. И.* Из истории искусства русской рукописной книги XIV века // *Древнерусское искусство. Рукописная книга.* М., 1972. С. 143–143; *Шапов Я. Н.* Древнерусский календарь на Руси // *Восточная Европа в древности и средневековье.* М., 1978. С. 337–341.

² *Мещерский Н. А.* К изучению ранней московской письменности // *Изучение русского языка и источниковедение.* М., 1969. С. 94–96. (Здесь и далее текст похвалы Ивану Калите дается по публикации Н. А. Мещерского.)

символическое значение. Они как бы усиливают достоверность и значимость самих видений, но не «приземляют» их излишним реализмом.

Весьма сложным является принципиально важный вопрос о том, в каком году была сделана изучаемая запись. Дополнительное подтверждение датировки Сийского Евангелия началом 1340 г. можно найти в его месяцеслове. Там памяти святых и праздники расположены в порядке сентябрьского церковного года начиная с 1 сентября. Под 16 июля помещена память «святых отец 630, иже в Халкидоне»³. Известно, что память святых отцов IV Вселенского собора в Халкидоне — переходящий праздник. Он приурочен к первому воскресенью после дня св. Евфимии (11 июля)⁴. В 1340 г. 16 июля было воскресеньем. Переписчик святцев Сийского Евангелия (или их протографа) внес переходящую память святых отцов IV Вселенского собора в ряд фиксированных памятей месяцеслова, поместив ее под тем числом, на которое она приходилась в год написания книги. Вероятно, это было связано с особым значением некоторых правил Халкидонского собора для Русской Церкви. 28-е правило этого собора служило каноническим основанием права константинопольского патриарха поставлять митрополита на Русь.

Г. И. Вздорнов весьма убедительно показал, что искомой датой может быть либо 25 февраля 1340 г., либо 5 марта 1340 г.⁵ К этому следует добавить, что вторая названная Вздорновым дата может быть подтверждена двумя существенными обстоятельствами. Во-первых, 5 марта был день памяти отца Ивана Калиты, князя Даниила Александровича, умершего 5 марта 1303 г. Учитывая развитый культ предков, характерный для московского княжеского дома, можно не сомневаться, что Калита хорошо помнил день кончины отца. С его стороны было бы вполне естественно повелеть мастерам закончить работу над книгой именно к этому дню. Как известно, Евангелие предназначалось для вклада в один из северных монастырей. Вполне вероятно, что данный ценный вклад сопровождался требованием вечного поминовения всего рода князя Даниила.

Во-вторых, 5 марта 1340 г. было так называемое «Соборное воскресенье» (или коротко — «сбор») — воскресенье первой недели Велико-

³ См.: Бугославский Г. К. Рукописные евангелия древлехранилища Архангельского епархиального церковно-археологического комитета. Архангельск, 1904. С. 16.

⁴ См.: Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. 2-я половина тома. М., 1881. С. 671. В некоторых месяцесловах память Халкидонского собора показана непереходящей, приуроченной к 16 июля. Есть и традиция, согласно которой в этот день следует вспоминать шесть или даже все семь соборов. Однако в греческой церкви преобладала традиция, согласно которой все семь соборов праздновались особо и дни их памяти были переходящими (см.: Сергей (Спасский). Полный месяцеслов Востока. Т. 2. М., 1997. С. 215; Т. 3. М., 1997. С. 274). Надо полагать, что именно эта традиция утвердилась в Москве в те времена, когда высшим церковным авторитетом здесь был грек митрополит Феогност.

⁵ См.: Вздорнов Г. И. Указ. соч. С. 142–143.

го поста. В древнерусской церковной традиции этот день также принято было называть «Неделей православия» или «Неделей правоверия». В песнопениях этого дня доминирует прославление апостолов и отцов церкви, осуждение еретиков и врагов церкви, поминовение «правоверных царей» Константина Великого, Юстиниана и др.⁶ Вспоминались также русские правители, послужившие делу христианства. В этот день духовенство съезжалось к своему архиерею на ежегодный епархиальный съезд. Вероятно, к этому дню в Москву приехал и митрополит Феогност, находившийся в конце 1339 г. во Владимире-на-Клязьме.

Существует несомненная связь между молитвами и песнопениями «Недели правоверия» и фразеологией похвалы Ивану Калите⁷.

В источниках нет прямых указаний на то, сколько времени Калита прожил в Спасском монастыре. Однако некоторые косвенные свидетельства позволяют думать, что речь идет не о днях, а о неделях. Если верить рассказу Мазуринского летописца, Иван Калита не был пострижен на смертном одре, а сам пришел в Спасский монастырь, когда получил «небесный знак», предсказанный ему митрополитом Петром⁸. Можно высказать некоторые уточнения на сей счет. Конечно, князь Иван ушел из мира не ранее чем получил известие о гибели в Орде своего главного соперника Александра Михайловича Тверского. Его казнь состоялась 28 октября 1339 г. Весть о ней пришла в Москву где-то в середине ноября. Вскоре вернулись из Орды и находившиеся там из-за тяжбы с Александром Тверским сыновья Калиты Семен, Иван и Андрей. По горячим следам достигнутого успеха был нанесен тяжелый удар по амбициям тверичей: вывезен по приказу Калиты тверской

⁶ См.: Булахов С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. М., 1993. С. 564–569. Известно, что уже в конце XIII в. проводились епархиальные съезды духовенства для обсуждения насущных вопросов церковной жизни (см.: Флоря Б. Н. Отношения государства и церкви у восточных и западных славян. Эпоха средневековья. М., 1992. С. 115). Традиционным сроком таких съездов было Соборное воскресенье. В чинопоследовании Недели православия могли включаться и воспоминания историко-патриотического характера. «Совершение чина православия в древней России было своего рода драматическим воспроизведением пред слушателями целой истории Отечества», — отмечает исследователь этого сюжета М. И. Горчаков (Праздничные службы и церковные торжества в старой Москве / Сост. Г. Георгиевский. М., 1995. С. 58). Для совершения чина православия духовенство с крестами и выносными иконами исходило из храма и направлялось в специально подготовленное для этого место, где собиралась толпа народа. «Подобает ведати, яко по отпусе утрени литню творим обще, со святыми древы крестными и честными иконы. Отходяще на место отдаленое, идеже подобает чести соборное» (Триодь Постная. М., 1663. С. 223).

⁷ Последование в Неделю православия существенно менялось с течением времени. Его текст от времен Калиты не сохранился. Однако можно думать, что в Москве пользовались тогда переводами с греческих службеников митрополита Феогноста. Более поздний пример такого рода переводов можно найти в соответствующей части Триоди Постной, изданной в Москве в 1663 г.

⁸ ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 85.

соборный колокол. Наконец, 25 ноября состоялась торжественная закладка нового московского Кремля, а 5 марта 1340 г. — окончание работ. Только по окончании всех этих дел — и, вероятно, в тот же самый день 5 марта — князь Иван мог передать власть сыну и уйти в монастырь⁹. Пример библейского царя Давида, еще при жизни торжественно передавшего престол своему сыну Соломону, несомненно, был путеводным для Калиты (З Цар. 1, 32–53).

Монашеское имя Ивана Калиты (как позднее и его старшего сына Семена), по-видимому, предопределил святой, память которого праздновалась в день рождения князя¹⁰. С именем Анании он пришел в мир, с ним же и покидал его.

Сама похвала Ивану Калите из Сийского Евангелия представляет собой сложное переплетение авторских суждений с цитируемыми по памяти фрагментами библейских и иных авторитетных в ту пору текстов. Через все произведение красной нитью проходит мысль об особой исторической миссии князя Ивана Даниловича.

Исследователями высказаны некоторые наблюдения и предположения об источниках похвалы Ивану Калите и ее идейном содержании. Однако обстоятельный анализ этого интереснейшего произведения московской религиозно-политической мысли первой половины XIV в. еще не осуществлен. Имея целью сделать шаг в этом направлении, мы и обратимся к тексту произведения, разделив его для удобства изучения на самостоятельные в смысловом отношении фрагменты.

⁹ Сам по себе случай ухода князя в монастырь за некоторое время до кончины не единичен. В 1399 г. так поступил тверской князь Михаил Александрович. Торжественно передав власть сыну и простившись с народом, он ушел в монастырь, где прожил восемь дней (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 1965. Стб. 173). В воскресенье, 17 февраля 1107 г. принял монашеский постриг в Киево-Печерском монастыре черниговский князь Святослав Давыдович (Святоша). Летописная дата этого события — 6614 г. дана по мартовскому стилю (Бержков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 220).

¹⁰ См.: Кучкин В. А. К датировке завещания Симеона Гордого // Древнейшие государства на территории СССР. 1987 год. М., 1989. С. 99–106. Примечательно, что преемник Ивана Калиты Семен Гордый придавал дню памяти пророка Даниила и отроков Анании, Азарии и Мицана (17 декабря) особое значение. Об этом свидетельствует история изготовления известного «Евангелия Семена Гордого» (1344). Согласно надписи на драгоценном серебряном окладе книги, он был завершен 18 декабря. Видно, надпись сделана на другой день после того, как работу принял сам заказчик — великий князь Семен Иванович. (Чеканить надпись до сдачи работы заказчику было бы неуместно, так как во время приемки он мог потребовать доделок или переделок.) А если так, то срок представления готовой работы заказчику был назначен князем именно на 17 декабря — день именин его отца и начала его самостоятельного правления. Известно, что князь Семен высоко чтл своего отца и оозначал себя продолжателем его дела. Эта мысль выражена в известной фразе о неугасимой свече в духовной грамоте Семена Гордого. Возможно, Евангелие было вложено князем Семеном «на помин души» отца в один из кремлевских соборов или монастырей.

Вслед за своеобразной датировкой книги, о которой сказано выше, помещено указание на другие обстоятельства ее создания: «*Написано бысть си Еуагелие в граде Москове на Двину к святеи Богородици повелением рабом Божиим Ананиею чернцем*».

В этом фрагменте помимо достаточно выясненного вопроса о том, куда предназначалась книга, привлекают внимание еще два момента. Во-первых, использование архаичной для этого времени формы названия города — Москов («в граде Москове»)¹¹. Во-вторых, выражение «рабом Божиим Ананиею» при всей его трафаретности весьма напоминает богословскую преамбулу духовной грамоты Ивана Калиты, где в обоих вариантах князь именуется весьма необычно для такого рода документов — «грешный худый раб божи Иван»¹².

Следующая фраза открывает собственно похвалу Ивану Калите: «*О сем бо князи великом Иване пророк Езекии глаголет: «В последнее время в опустевшии земли на запад встанет цесарь правду любя и суд не по мзде судяи ни в поношение поганым странам*».

Комментировавший этот фрагмент Н. А. Мецкерский справедливо отметил, что «если мы раскроем книгу Иезекииля, мы там не обнаружим места, которое буквально соответствовало бы нашему тексту». Отметив некоторые параллели с книгой пророка Иезекииля, исследователь в итоге констатирует, что здесь имеет место «не дословное цитирование источника, а свободное изложение достаточно широкого контекста, без сомнения, хорошо известного составителям похвалы. Возможно, что на стиль записи оказал воздействие не только собственный текст пророчества Иезекииля, канонической книги Ветхого завета, а какое-либо из толкований на эти тексты. Однако пока мы не располагаем материалами для установления такого предположения с абсолютной точностью»¹³.

Попробуем еще раз внимательно прочесть похвалу Ивану Калите в контексте современных ей произведений и идей. Для удобства поиска выделим ключевые образы. Для первого фрагмента это «последнее время», «опустевшая земля» (с характерным московским «ақаньем» — «апустевшая»), «запад», «цесарь», любящий «правду» и творящий справедливый «суд»¹⁴.

В эпоху Ивана Калиты ужасы татарских погромов естественным образом переплетались в сознании людей с ожиданием скорого конца света. Тема «последних времен» подпитывалась и календарем. Окан-

¹¹ См.: Кучкин В. А. Москва в XII — первой половине XIII века // Отечественная история. 1996. № 1. С. 7.

¹² ДДГ. № 1. С. 7, 9.

¹³ Мецкерский Н. А. Указ. соч. С. 99–100.

¹⁴ Использование формы «цесарь» вместо «царь» характерно для памятников конца XIII в. Примером может служить Летописец патриарха Никифора с русскими статьями в пергаменной новгородской кормчей (см.: Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962. С. 235–236).

чивалась тысяча лет со времени утверждения христианства в качестве государственной религии Римской империи Константином Великим (306–337) — основателем Византии. В Средние века такого рода юбилеи вызывали тревогу. Мистическое «тысячелетнее царство» из Откровения Иоанна Богослова должно было завершиться губительным нашествием Гога и Магога¹⁵. «И егда скончается тысяща лет, разрешен будет сатана от темницы своея и изыдет прельстити языки сушья на четырех углех земли, Гога и Магога, собрати их на брань, их же число яко песок морской» (Откр. 20, 7). Отсчет срока «тысячелетнего царства» (или «Божиего дня», равного тысяче лет) от рождения Иисуса Христа заставлял византийцев ждать бедствий в конце X в.¹⁶ Однако тогда все обошлось. Теперь наступал новый роковой срок — тысячелетие торжествующего христианства. Согласно древнерусским хронографам, от Рождества Христова до начала царствования Константина Великого прошло 339 лет¹⁷. Сийское Евангелие было написано в 1340 г.

Неистовый народ «последних времен» в средневековой Европе отождествляли со скифами, в Византии — с россам (Русью), а на Руси в XIII–XIV вв. — с татарами. О «последних летах» говорит в своем первом слове (1230) уже Серрапион Владимирский, потрясенный различными бедствиями этого времени и первым поражением русских князей от татар в 1223 г.¹⁸

¹⁵ Среди популярных в Древней Руси легенд о подвигах Александра Македонского был и сюжет о том, как Александр изгнал «в горы северския» и затворил там железными воротами некий дикий, свирепый народ, у которого цари — Гог и Магог. Нравы этих людей — «ядяху всякую нечистоту и мертвечину и человека телеса мертвая не погребяху, но ядыху» — весьма напоминали нравы татар. Эти последние были весьма неразборчивы в пище, отчего русские часто именовали их «сыроядцами». Своих умерших татары-язычники не погребали, а оставляли лежать на земле на съедение зверям и птицам. Отсюда естественно вытекало отождествление татар с теми самыми племенами Гога и Магога, которых усмирил Александр Македонский. Согласно представлениям древнерусских книжников, Гог и Магог придут обратно перед концом света. «В последняя же дни, по пророчеству Иезекиилеву, излушени, излезуть в скончание мира» (ПСРЛ. Т. 22. Спб., 1911. С. 213). Эту историю рассказывает и автор «Повести временных лет» в связи с разграблением половцами Киево-Печерского монастыря в 1096 г.

¹⁶ Лев Диакон. История. М., 1988 С. 7, 166. Вычисление «последних времен» усложнялось существованием так называемого «малого апокалипсиса» — рассуждений Спасителя о признаках приближающегося конца света в 24-й главе Евангелия от Матфея. В их числе названы голод, мор, землетрясение, междуусобицы и войны, предательство и ненависть между людьми, появление лжепророков, затмения луны и солнца, падение звезд. Столь обширный перечень заставлял средневекового человека жить в постоянном ожидании грозного Второго Пришествия.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 22. С. 269. К тем же датам выводят и хронологические выкладки, содержащиеся в пергаменной Новгородской коричей, написанной около 1280 г. (см.: Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 237).

¹⁸ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1980. С. 440. В поисках ответа на вопрос о происхождении татар русские книжники XIII в. переосмыслили представления о варварских народах, существовавшие еще в домонгольский пе-

Таким образом, «последние времена» в похвале Ивану Калите — это времена нашествия татар, времена бедствий, предсказанных в Библии и в «Откровении Мефодия Патарского».

Загадочное слово «запад» («в апустевшии земли на запад») не имеет прямой аналогии в Священном Писании, где запад рассматривается лишь как одна из четырех сторон света. Некоторый свет здесь проливает «Послание Василия Новгородского Феодору Тверскому о рае» (около 1347 г.). Рассуждая о рае и аде, Василий замечает: «О тех двою месту великий Иван Златоустый рече: «Насади Бог рай на вьстоце, а на западе — муки уготова». Чуть ниже он добавляет: «То же, брате, не речено Богом видети человеком святого рая, а муки и ныне суть на западе»¹⁹.

Н. А. Мещерский указал несколько мест в книге Иезекииля, которые содержат суждения, созвучные данному фрагменту похвалы. При этом он не углублялся в их анализ, но лишь отметил, что в похвале дается не дословное цитирование источника, а свободное изложение достаточно широкого контекста. Весьма вольный подход к цитированию библейских текстов был обычным явлением в Древней Руси. По наблюдению Г. Купера для домонгольской Руси «нельзя предполагать не только точного знания, но хорошей осведомленности в библейских текстах (за исключением тех, которые использовались на литургии или во время ежедневных служб) даже для наиболее образованных киевских церковников; библейские знания происходили прежде всего от слушания, а не от чтения, поэтому библейские цитаты в оригинальных сочинениях часто неправильны»²⁰.

Вольное цитирование облегчало создателю похвалы выражение собственных мыслей, закамуфлированных в библейские облачения. Похвала — это уникальная тайнопись, составленная из иносказаний и намеков. Понять ее сокровенный смысл мог только посвященный. Каждый семантический элемент похвалы имеет как бы два измерения. «По горизонтали» он связан с соседними словами данной фразы, выражая вместе с ними определенную информацию первого порядка; а «по вертикали» — уводит читателя вглубь, в тот контекст, из которого взят данный элемент. Иначе говоря, краткий и довольно невнятный текст похвалы — это лишь связка ключей, с помощью которых посвященный должен открыть ряд комнат, хранящих некие духовные сокровища.

Поиск источника (или источников) первой фразы собственно похвалы естественно было бы начать по признаку ключевых слов — «цесарь» («царь»), «правда» и «суд». Однако на этом пути сразу же

народ (*Chekin L. S. The Godless Ismaelites: The Image of the Steppe in Eleventh-Thirteenth Century Rus // Russian History / Russe Histoire. 1992. Vol. 19. N. 1-4. P. 9-28*).

¹⁹ Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1982. С. 44.

²⁰ *Cooper H. R. The Bible in Rus': A Case Study // Canadian-American Slavic Studies. 1991. Vol. 25. N. 1-4. P. 72-73.*

возникают практически непреодолимые трудности. В Ветхом Завете образ «царя», творящего справедливый суд и утверждающего «правду», встречается повсеместно: «Блажени хранящии суд и творящии правду во всякое время» (Пс. 105, 3); «Сотворих суд и правду: не предаждь мене обидящим мя» (Пс. 118, 121); «Се бо праведный воцарится, и князи со судом владети начнут... И почиет в пустыни суд, и правда в кармиле вселится. И будут дела правды мир, и одержит правда покой, и уповающе будут до века» (Исайя, 32, 1, 16-17); «Сия глаголет Господь: сохраните суд и сотворите правду, приблизится бо спасение мое приити и милость моя открытися. Блажен муж, творяй сия...» (Исайя, 56, 1-2). Слова «суд» и «правда» обычно встречаются вместе, составляя своего рода сакральную формулу.

Прямое указание автора похвалы на книгу пророка Иезекииля заставляет внимательно изучать ее текст в поисках тех идей и образов, которые содержатся в похвале Ивану Калите вообще и ее изучаемом фрагменте в частности.

Забегая вперед, заметим, что стержневая тема всей похвалы, ее идейная цель — апология «царской» (в условиях тогдашней Руси — сильной великокняжеской) власти. Образы знаменитых ветхозаветных царей Давида и Соломона использовались автором похвалы в качестве прототипов. Их примеру следовал великий князь Иван. Его правление стало для Русской земли столь же благодатным временем, как для Израиля время Давида и Соломона.

Развитие этой мысли начинается уже в первой фразе похвалы. Ее основная часть — «...встанеть цесарь правду любя и суд не по мьзде судяи ни в поношение поганым странам» — содержит мотивы из Иезекииля, переплетающиеся с образами Первой книги Царств. Приведем вначале искомый фрагмент из пророчеств Иезекииля, на начало которого обратил внимание еще Н. А. Мещерский. «И возставлю им пастыря единого, и упасет я, раба моего Давида, той упасет я, и той упокоит я, и будет им пастырь. Аз же Господь буду им в Бога, и раб мой Давид князь среде их: аз Господь глаголах. И завещаю Давидови завет мирный, и потреблю звери злы от земли, и вселяться в пустыни, уповающе успнут в дубравах. И дам им окрест горы моея благословение, и испущу дождь вам во время свое, дождь благословения. И деревья на поли дадут плод свой, и земля даст силу свою, и вселяться на земли своей с надеждою мира, и уведят, яко аз есмь Господь, егда сокрушу узы ига их; и избавлю я из руки поработивших я, и не будут ктому во пленение языком, и зверие земнии не поядят их к тому; и вселяться с надеждою, и не будет устрашай их. И возставлю им сад мирен, и не будут ктому малы числом на земли, и не будут погублены голодом на земли, и не примут ктому укорения от язык...» (Иез. 34, 23-29).

Связь приведенного выше пассажа из книги Иезекииля с изучаемым фрагментом похвалы несомненна. И все же данный фрагмент впитал в себя и образы некоторых других библейских книг. Для продолжения поиска определим общий смысл изучаемой фразы. На наш взгляд,

его следует понимать таким образом: в тяжкие времена у народа появится царь; он установит закон и справедливый суд; с его появлением народ наш перестанет быть в презрении у других народов. (Подчеркнем, что «поношение» от «поганых стран» относится не к «суду», а именно ко всей ситуации, которая была до появления «царя». В противном случае фраза становится практически абсурдной.) При таком понимании смысла фразы становится очевидным, что в основе этого рассуждения лежат идеи двух ветхозаветных книг — Книги Судей израилевых и Первой книги Царств. Уже сам глагол «въстанеть» (в смысле «явится») употребляется именно в этих книгах применительно к правителям Израиля. «И воста по Авимелесе спасти Израиля Фола, сын Фуи...» (Суд. 10, 1, 3). Рассказывая о желании израильского народа иметь царя, названные библейские книги объясняют его рядом причин. Одна из них — недовольство произволом разного рода «сильных» лиц в «доцарский» период. «И в тыя дни не баше царя во Израили: муж еже угодно пред очима его, творяше» (Суд. 21, 24). Эти сановники «уклоняшася вслед лихоимания, и принимаху дары, и разврашаху суды» (1 Цар. 8, 3). Возмущенные люди обращаются к пророку Самуилу: «Постави над нами царя, да судит ны, якоже и прочии языки» (1 Цар. 8, 5).

Самуил пытался отговорить людей от этого намерения. С этой целью он ярко описал им темные стороны царской власти («...и пажити вапши одесятствует, и вы будете ему раби»). Однако народ продолжал настаивать на своем: «И не восхотеша людие послушати Самуила и реща ему: ни, но царь да будет над нами, и будем и мы якоже вси языци: и судити имать нас царь наш, и изыдет пред нами, и поборет поборением о нас» (1 Цар. 8, 17–20).

Легко заметить, что в приведенных выше фрагментах из Книги Судей и Первой книги Царств содержится весь набор идей, изложенных в изучаемой фразе из похвалы Ивану Калите. Царь нужен народу для того, чтобы жить по закону («правде»), а не по произволу имущих власть мздоимцев и корыстолюбцев; появление царя позволит народу встать вровень с другими народами. Таковы два главных аргумента Библии, а вслед за ней и похвалы Ивану Калите в пользу царской власти²¹.

²¹ Исследователями отмечено, что автор похвалы Ивану Калите использовал в своей работе «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона. Однако помимо этого он обращался и к «Повести временных лет». Там тема «правды» и «суда» раскрывается в весьма многозначительном контексте. После рассказа об убийстве Бориса и Глеба (под 1015 г.) следует осуждение Святополка Окаянного, который не ведал, что «Бог дает власть, емуже хоцеть. Поставляет бо цесаря и князя Вышнии, емуже хоцеть дать. Аще бо кая земля управится пред Богом, поставляет ей цесаря или князя праведна, любяща суд и правду, и властеля устраять и судью правящаго суд. Аще бо князи правдыни бывають в земли, то многа отдаются согрешенья земля; аще ли зли и лукави бывають, то больше зло наводит Бог на землю, пошеже то глава есть земля» (ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926. Стб. 139–140). Таким образом, появление князя, любящего суд и правду, свидетельствует о том, что Русская земля (и прежде всего, конечно, Московская земля) «управилась пред Богом». А это в свою очередь сулит скорое окончание Божиего гнева — «авиловского плена», господства иноплеменников.

«В сказанном подразумевай и умолчанное», — учил Василий Великий. В Первой книге Царств содержится и третий аргумент в пользу царской власти, который по понятным причинам отсутствует в похвале Ивану Калите: цари освободят Израиль от власти иноплеменников. Сам Господь повелевает пророку Самуилу совершить обряд помазания на царство над своим избранником Саулом: «И да помажеша его царя над людьми моими Израилем, и спасет люди моя от руки иноплеменничи: яко призрех на смирение людий моих, яко възыде вопль их ко мне» (1 Цар. 9, 16). Исполнив Божие повеление, Самуил говорит Саулу: «Ты царствовати будещи в людех господних, и ты спасеши я от руки врага их окрест» (1 Цар. 10, 1).

Мысль о том, что объединение Русской земли под властью «царя» — прямой и единственный путь к освобождению от ига чужеземцев, была, конечно, самым сильным аргументом в пользу единодержавия. Уже сам факт умолчания об этом автором похвалы свидетельствует о том, какова была в эпоху Калиты цензура (или самоцензура) во всем, что касалось запретной ордынской темы. И все же каждый христианин знал, что именно установление царской власти послужило основой возрождения независимости Израиля. Время первых царей стало временем его освобождения от власти филистимлян, началом его процветания.

Уже в первой фразе похвалы Ивану Калите в иносказательной форме раскрывается главная тема всего произведения — апология «царской» власти. Предвидя возможные возражения, автор стремится аргументировать свою позицию не только ссылками на библейские примеры, но и указанием на те блага, которые принесло Руси правление нового «царя» — Ивана Калиты.

Сама возможность подобных сопоставлений убеждает в том, что деятельность Ивана Калиты в самых различных областях жизни произвела сильное впечатление на современников. Возвыснвшись благодаря стечению обстоятельств и милости хана, Иван сумел закрепить свое временное превосходство над прочими князьями Северо-Восточной Руси целым рядом хорошо продуманных, впечатляющих акций (сокращение могущества Твери, покупка прав на управление обширными областями вокруг Углича, Галича и Белоозера, кремлевское каменное строительство, канонизация митрополита Петра, умиротворение Новгорода, династический союз с литовским князем Гедимином, постройка новых стен Кремля, прекращение разбоев на дорогах и прочее). Несмотря на постоянную оглядку в сторону Орды, в его действиях угадывались «царские» черты: сила, размах, беспощадность к врагу, уверенность в себе, в своей богоизбранности.

«Царская» идея — апология единовластия — красной нитью проходит через всю похвалу Ивану Калите. В этом можно убедиться, обратившись к последующим фрагментам ее текста. Вторая фраза похвалы — «*При семь будет тишина велья в Руской земли и всяять в дни*

его правда, яко же и бысть при его царстве» — в смысловом отношении продолжает первую. Здесь вновь идет перечисление благотворных последствий установления царской власти. И если в Ветхом Завете первым успехом после объединения всех 12 колен израилевых под властью царя стало освобождение от власти филистимлян, то для Руси такие выводы были еще преждевременны. Автор похвалы говорит об отношениях своего «царя» с иноплемениками крайне осторожно. Не называя конкретных врагов и не имея в виду никаких побед (коих просто не было!), он восхваляет установленную «царем» Иваном «тишину велью», то есть мир, прекращение вражеских нашествий и грабежей.

Само выражение «при семь будет тишина велья в Руской земли» восходит к сходному выражению, часто встречающемуся в Книге Судей: «И бысть в покои земля четыредесять лет» (Суд. 3, 11), «и бысть в покои земля осмьдесят лет» (Суд. 3, 30), «и бысть в покои земля четыредесять лет во дни Гедеоновы» (Суд. 3, 30). Оно используется в рассказах о выдающихся правителях Израиля, свергнувших господство его поработителей и после этого мирно правивших народом долгие годы.

Взяв за основу ветхозаветную конструкцию «и бысть в покои земля во дни...», автор похвалы Ивану Калите дополнил слово «земля» указанием — «Русская». Кроме того, он заменил «покой» на более яркое и многозначительное выражение — «тишина велья». Эта «великая тишина» использовалась позднее и в летописной похвале Ивану Калите. Видимо, она являлась ключевым образом для характеристики правления Калиты. Каково же происхождение данного выражения?

Словосочетание «великая тишина» происходит из Евангелия от Матфея. Там, в рассказе о буре на Тивериадском озере, говорится: «Тогда востав (Иисус. — Н. Б.) запрети ветром и морю, и бысть тишина велия. Человецы же чудишася, глаголюще: кто есть сей, яко ветри и море послушают его?» (Матф. 8, 26–27). Таким образом, через этот общеизвестный евангельский текст само понятие «великая тишина» ассоциировалось с чудом, проявлением высшей силы.

Использование автором похвалы Ивану Калите евангельского образа «великой тишины» имело и отчетливое конкретно-историческое звучание. В «Повести временных лет» этот образ использован примерно в том же контексте, что и в текстах, посвященных Ивану Калите. Под 1026 г. содержится рассказ о мире между Мстиславом и Ярославом Мудрым, которым завершилась долгая череда усобиц и нестроений. «И начаста жити мирно и в братолюбстве, и уста усобица и мятеж. И бысть тишина велика в земли»²². Здесь «тишина велика» — долгий мир, дарованный Богом за благочестие князей, о котором сообщается в последующих статьях летописи. Такое же небесное происхождение приписывает автор похвалы и той «велией тишине», которая установилась

²² Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978. С. 162.

в правление Ивана Калиты. Образ «великой тишины» встречается и в «Слове о князьях» (вторая половина XII в.). О благочестивом и миролюбивом князе Давиде Святославиче Черниговском здесь сказано: «В велице тишине бысть княжение его»²³.

Второй смысловой блок, входящий в состав изучаемой фразы похвалы, — «и вссияет в дни его правда». Здесь имеет место прямое цитирование 71-го псалма — одного из главных источников образного ряда похвалы Ивану Калите. Несколько ниже автор похвалы дает еще одну цитату из того же псалма. Приводим в полном объеме те строфы 71-го псалма, которые привлекли внимание автора похвалы, выделяя курсивом места, прямо цитируемые в ее тексте. «*Боже, суд твой царице даждь, и правду твою сыну царице*: судити людем твоим в правде и нищим твоим в суде. Да восприимут горы мир людем и холмя правду. Судит нищим людским, и спасет сыны убогих, и смирит клеветника. И пребудет с солнцем, и прежде луны рода родов. Сидет яко дождь на руно, и яко капля, каплющая на землю. *Возсияет во днех его правда* и множество мира, дондеже отимется луна. И обладает от моря до моря, и от рек до конец вселенныя. Пред ним припадут Ефиопляне, и враи его персть полижут. Царие Фарсийстии и острови дары принесут, царие Аравстии и Сава дары приведут. И поклонятся ему царие земстии, вси языцы поработают ему яко избави ница от сильна, и убога, ему же не бе помощника. Поощадит ница и убога, и души убогих спасет: от лихвы и от неправды избавит души их, и често имя его пред ними» (Пс. 71, 1–13).

Этот псалом, согласно библейскому преданию, царь Давид посвятил своему сыну царю Соломону. Таким образом, «царская» тема, намеченная уже в первой фразе похвалы, получает дальнейшее развитие, соединяясь с темой «правды» (в данном контексте — законодательства). Придворные книжники Ивана Калиты, несомненно, находили много общего между своим правителем и царем Соломоном. Тот был третьим царем Израильским, этот — третьим московским князем. Оба они получили власть не по праву старшинства, но по Божию избранию; оба делом всей жизни поставили созидание Храма, с возведением которого связывали надежду на первенство своего града и благоденствие своего рода; оба славились справедливым судом. Создатели «Степенной книги» сравнивали отца Ивана Калиты князя Даниила с отцом Соломона царем Давидом: он «бысть последний во братии своей, яко же и прадед его, великий князь Всеволод Георгиевич. Их же уподоби Господь древнему царю, богоотцу же пророку Давыду: мал бо бе и той во братии своей»²⁴. Несомненно, это сравнение уходит своими корнями в XIV столетие.

Не только библейский диптих Давид — Соломон, но и созданный на его основе митрополитом Иларионом русский диптих Владимир — Ярослав Мудрый волновали воображение автора похвалы Ивану Кали-

²³ Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 340.

²⁴ ПСРЛ. Т. 21. Спб., 1909. С. 296.

те, а также, несомненно, и самого князя. Сопоставляя себя с правителями древности, князь Иван мог занять в таком же построении (отец — сын) только второе место. Подобно Соломону и Ярославу Мудрому он отличился как миролюбивый правитель, мудрый судья и усердный храмоздатель. (Между тем отец Ивана Даниил по ряду признаков напоминал царя Давида: младший среди братьев, он стал основателем династии, которой суждено было великое будущее; храбрый и хитроумный воин, он победил многих врагов.)

Фраза, завершающая первую смысловую часть похвалы — «яко же и бысть при его царстве», — как бы возвращает читателя к началу и замыкает круг рассуждений. Правление князя Ивана имеет для Русской земли провиденциальное значение. Он — «царь», а его власть — «царство»²⁵.

«Слово о Законе и Благодати»	«Похвала Ивану Калите»
<p><i>Хвалить же похвальными гласы Римская страна Петра и Паула, има же вероваша в Иисуса Христа, сына Божия; Асия и Ефес, и Патм — Иоана Богословца, Индия — Фому, Египет — Марка. Вся страны, и гради, и людие чтуть и славят коегождо их учителя, иже научиша я православнеи вере...²⁶</i></p>	<p><i>Хвалить Римская земля Петра и Павла, Асия — Иоана Богословеца, Индиская — Фому, Ераполь — Филипа, Руская земле — перевозанаго апостола Андрея, Греческая земля — цесаря Костянтина. Сему благодородному князю великому Ивану створшему дела подобна в Руской земли правоверному цесарю Ко- стянтину...</i></p>

Вторая смысловая часть похвалы Ивану Калите — уподобление этого князя Константину Великому. Образ основателя Константинопо-

²⁵ Лексема «царь» неоднократно использовалась книжниками применительно к русским князьям. Для периода до середины XV в. известно 47 таких случаев (*Vodoff W. Remarques sur la valeur du terme «tsar» applique aux princes russes avant le milieu du XVe siecle // Oxford Slavonic Papers. 1978. Vol. 11. P. 1-47*). «Царем» называл тверского князя Михаила Ярославича монах Акидин в своем послании к нему (около 1316 г.) (РИБ. Изд. 2-е. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Спб., 1908. Стб. 158). Однако, как справедливо отмечает Б. Н. Флоря, «важен контекст, в котором политическая формула выступает в послании» (Флоря Б. Н. О некоторых аналогиях в развитии древнерусской и западноевропейской общественной мысли в эпоху Средних веков // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. М., 1997. С. 241). В контексте похвалы Ивану Калите появление царя воспринимается как свидетельство долгожданной милости Божией к опустевшей от многих бед стране. В этом — залог ее скорого возрождения и освобождения от власти иноплеменников.

²⁶ *Иларион. Слово о Законе и Благодати. М., 1994. С. 72*. Вероятно, автор похвалы Ивану Калите был знаком и с текстом жития Леонтия Ростовского, где использо-

ля, первого христианского императора в византийской традиции, перенесенной на Русь еще в XI в., понимался как своего рода идеал государственного мужа — благочестивого и мудрого правителя-христианина. Однако автор похвалы не просто сравнил Калиту с Константином Великим, но, как уже отмечалось исследователями, использовал в этой связи фрагменты «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона, скомпоновав их по-своему. Заслуживает внимания избирательный подход автора похвалы к тексту «Слова о законе и благодати». Здесь бросаются в глаза два дополнения и одна замена. Автор похвалы ввел в свое произведение отсутствующие в параллельном тексте «Слова» образы Константина Великого и апостола Андрея. Однако это едва ли было его изобретением. В обширном рассуждении митрополит Иларион уподобляет князя Владимира Константину Великому. Апостол Андрей не назван в «Слове» прямо по имени, но, по-видимому, косвенно упомянут²⁷.

К собственному отбору создателя похвалы можно отнести только замену апостола Марка на апостола Филиппа. Чем вызвана эта перемена? Нельзя, конечно, полностью исключать случайность, личные мотивы автора похвалы. И все же более вероятно, что за этой заменой скрывалась определенная публицистическая мысль. В биографии апостола Марка нет никаких точек соприкосновения с Русью. Иное дело Филипп. Он проповедовал Евангелие в Скифии и Фригии, казнен и похоронен в Иераполе, в южной Фригии. Память апостола Филиппа праздновалась 14 ноября — в тот же день, что и память Александра Невского. Имя Филиппа носил и 40-дневный Рождественский пост, начинавшийся 15 ноября.

Заметим, что автор похвалы в этой смысловой части, не углубляясь в перечисление достойных похвалы дел князя Ивана, просто замечает, что он сотворил в Русской земле «дела подобна... правоверному цесарю Костянтину». Данное сравнение призвано усилить аргумента-

ван тот же, что и в произведении митрополита Илариона, образ земель, восхваляющих своих апостолов. В «Житии» есть и Византия, восхваляющая Константина Великого (*Подскальский Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). Спб., 1996. С. 228–229). Та же тема присутствует и в «Похвале митрополиту Петру», создание которой, возможно, относится к концу 30-х годов XIV в. (см.: *Кучкин В. А.* «Сказание о смерти митрополита Петра» // ТОДРЛ. Т. 18. Л., 1962. С. 64; *Polenski J.* The Origin of the Moscovite Ecclesiastical Claims to the Kievian Inheritance (Early Fourteenth Century to 1458/1461) // *California Slavic Studies*. XVI. Christianity and the Eastern Slavs. 1993. Vol. 1. P. 104). Образ апостола Андрея появляется в похвале Ивану Калите под влиянием Повести временных лет в изложении свода 1305 г. (см.: *Кузьмин А. Г.* Сказание об апостоле Андрее и его место в Начальной летописи // *Летописи и хроники*. 1973. М., 1974. С. 37–47). Что касается самого уподобления прославляемого героя знаменитым личностям древности, то этот литературный прием восходит к Священному Писанию и византийским житиям святых (*Seemann K.* Allegorical-Exegetical Devices in Kievan Literature // *Canadian-American Slavic Studies*. 1991. Vol. 25. N. 1–4. P. 29–31).
²⁷ См.: *Иларион*. Указ. соч. С. 84, 90, 139.

цию права князя Ивана на царское достоинство: он сделал в своей земле то же, что «цесарь» Константин — в своей.

Автор похвалы не стал отклоняться в сторону, перечисляя заслуги Константина Великого. Однако любой образованный человек той эпохи знал, что именно в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона содержится развернутый перечень деяний Константина Великого и его первого русского подражателя — князя Владимира Святославича. Важнейшие из них — утверждение вместе с епископами закона для народа, распространение в народе христианской веры. Константин со своей матерью Еленой принесли крест из Иерусалима в Византию; Владимир со своей бабкой Ольгой (в крещении Елена) перенесли символический крест — христианскую веру — из нового Иерусалима (Константинополь) на Русь, в Киев.

Похвала князю Владимиру сплетается с похвалой его сыну и наследнику Ярославу Мудрому. Оба они — строители Храма, подобно библейским царям Давиду и Соломону. Этот Храм — «святая църкы святыя Богородици Марие». Десятинная церковь в Киеве — детище Владимира. Ярослав, продолжая храмоздательство, строит «дом Божий великыи святыи Его Премудрости» — Софийский собор.

Легко заметить, что все эти мотивы в том или ином виде воспроизведены и в похвале Ивану Калите. В этом литературном заимствовании скрывается важная политическая идея: Москва — историческая преемница Киева, наследница его духовных традиций. Данные параллели свидетельствуют и о том, что уже современники видели в князе Иване «царя последних времен», строителя Храма, создателя нового государственного образования²⁸. Во всяком случае таким его представляли придворные книжники, хорошо знавшие сокровенные чаяния своего господина.

Разумеется, автор похвалы знал, что титул «царь» применялся русскими книжниками в виде комплимента и к киевским великим князьям — Ярославу Мудрому и Владимиру Святому. Однако в те времена Русь была единой, сильной и свободной страной. Иван Калита стал первым «царем» иных, «последних времен». И правил он в иной, опустевшей земле. Именно эту мысль об особой роли Калиты как первого «царя» поработенной татарами, рассыпавшейся на уделы Русской земли и обозначил двумя яркими и точными образами («в последнее время в апустевшии земли на запад») автор похвалы Ивану Калите. Обоснованию особой, провиденциальной роли князя Ивана должна была послужить и ссылка на пророка Иезекииля.

Следующая смысловая часть похвалы вновь возвращает читателя в мир ветхозаветных аллюзий: «*О сем бо песнословец глаголет: «Постави, Господи, законодавца над ними, да разумеють языки, яко*

²⁸ В средневековой Европе литературный образ «царя последних времен» нередко отождествляли с выдающимися политическими деятелями своего времени (Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 177–178).

человецы суть». То же рек: «Боже, суд цесареву дай же правду сынови цесареву».

Первая цитата из «Песнословца» (то есть царя Давида, создателя Псалтири) представляет собой фрагмент 9-го псалма: «Постави, Господи, законоположителя над нами, да разумеют языци, яко человецы суть» (Пс. 9, 21). (В русском тексте: «Наведи, Господи, страх на них; да знают народы, что человеки они».)

Главная тема 9-го псалма — прошение к Господу об отмщении «нечестивым» народам, язычникам за их злодеяния: «Да возвратятся грешницы во ад, вси языцы забывающии Бога» (Пс. 9, 18); «Воскресни, Господи, да не крепится человек, да судятся языцы пред тобою» (Пс. 9, 20); «Господь царь во век и в век века: погибните, языцы, от земли его» (Пс. 9, 37). В этом тематическом ряду стоит и фраза, воспроизведенная в похвале Ивану Калите.

Приведенная в похвале цитата переключается с одним фрагментом из книги пророка Исаяи, в котором осуждаются те, кто обращается за помощью к египтянам, чтобы защитить Израиль от нашествия ассирийцев: «Горе сходящим во Египет помощи ради, уповающим на кони и на колесницы... египтянина человека, а не Бога, конски плоти, и не будет помощи: Господь же наведет руку свою на ня, и утрудятся помогающии, и вси вкупе погибнут» (Ис. 31, 1–3).

Таким образом, общий смысл цитаты из 9-го псалма, приведенной в похвале, можно передать так: великий князь Иван славен еще и тем, что он навел страх на «языков», заставил их понять, что они всего лишь люди, а не боги. Однако если под «языками» понимать «поганных» татар, то такой комплимент Калите выглядит весьма неожиданно: насколько известно, он никогда не выходил из повиновения Орде. Данное недоумение можно объяснять по-разному. Во-первых, это мог быть чисто риторический прием, который не следовало понимать буквально. Ведь и о столь же лояльном по отношению к Орде Александре Невском его современник-биограф писал, что «жены моавитские» пугали непослушных детей угрозой: «Александр едет!»²⁹. Во-вторых; под «языками», которых устранил князь Иван, можно понимать не язычников (татар, литовцев), а своих, русских. Слово «языки» можно понимать и как «народы». В этом случае под «языками» могут подразумеваться все уstraшенные Калитой соотечественники — тверичи, новгородцы, рязанцы, ростовцы, псковичи. Такое понимание смысла цитаты из 9-го псалма представляется нам наиболее убедительным.

Вторая половина рассматриваемого фрагмента похвалы Ивану Калите («То же рек: «Боже, суд цесареву дай же правду сынови цесареву») представляет собой начальную фразу уже упомянутого выше 71-го псалма. Она нередко встречается в древнерусских текстах, посвя-

²⁹ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. С. 434.

щенных прославлению мудрого правителя³⁰. Под «цесарем» подразумевается библейский царь Соломон, чье правление было «золотым веком» еврейской истории. Само имя Соломон означает «мирный». Его важнейшими деяниями были строительство Храма, мудрое законодательство и справедливый суд. Вполне понятно, что книжники Ивана Калиты проводили параллель между знаменитым царем и своим правителем, отличившимся на том же поприще, что и Соломон.

В следующем отрывке автор похвалы возвращается к заслугам князя Ивана: *«Сии бо князь великои Иоан имевше правыи суд паче меры, поминая божественнае писания, исправления святых и преподобных отец, по правилу моноканунным, ревнуя правоверному цесарю Устиану. В то бо время благочестию велию восиявши, многим святым церквам съзидаемым, учению божественных словес от уст его яко источнику велию текущу, напаяюци благочестивых святитель сердца и христоролюбивых в его державе людши. Безбожным ересям преставишим при его державе. Многим книгам написанным его повелением. Ревнуя правоверному цесарю гречьскому Мануилу, любяи святительскыи сан, постничьское житие любяи и удержает правоверную святую веру. Сырым в бедах помощник, вдовицы от насилник изимаа яко от уст львов»*.

В связи с этим фрагментом похвалы уместно вновь вспомнить о «чине православия» как одном из ее вероятных источников. И сам князь Иван Данилович, и его предки были, несомненно, внесены в Синодик наряду с византийскими императорами. Синодик служил своего рода свидетельством духовного единства Руси и Византии, а также приемственности власти московских князей от их владимирских и киевских «прародителей»³¹. В этом заключалось его особое церковно-политическое значение.

³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 423; Похвалы ростовскому князю Константину Всеволодовичу, обильно рассыпанные в летописном Своде 1305 г. (Лаврентьевская летопись), судя по многим параллелям, послужили одним из источников похвалы Ивану Калите; Морозова Л. Е. Сочинения Зиновия Отенского. М., 1990. С. 277–278.

³¹ Древнейший список русского перевода «чина православия» относится к XV в. В его тексте трудно обнаружить какие-либо параллели с похвалой Ивану Калите. Византийские «цари» упомянуты здесь все вместе, в одной фразе: «Всем православным цесарем грецким иже по благочестии побаравшим, вечная память» (Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика // Издания Общества любителей древней письменности. Т. 108. 1895. С. 40). Однако эта редакция Синодика распространилась на Русь не ранее 90-х годов XIV в. в результате деятельности митрополита Киприана, а также антивизантийских поповозновений московских князей, не желавших помянуть императоров. Краткая формула поминовения «царей» стала своего рода компромиссом, принятым в XV в. При Иване Калите: в Москве использовалась другая, более древняя редакция «чина православия». По-видимому, ее текст был близок сербской редакции Синодика, известной по рукописи 1380–1395 гг., принадлежавшей Троицкому монастырю у города Плевли в Герцеговине. Фразеология соответствующих мест этой редакции весьма близка похвале Ивану Калите. В частности, главным эпитетом византийских «царей» Константина, Юстиниана и других в обеих рукописях служит слово «правоверный». В Синодике оно обусловлено антитезой «право верующих» светских правителей и иерархов — и анафемствуемых еретиков. «Коньстантину

Настойчивое повторение темы «правого суда» как важнейшей заслуги великого князя Ивана не случайно. С одной стороны, оно отражает историческую реальность: какие-то действенные меры в области укрепления порядка и совершенствования законодательства, принятые Калитой. Известно, что уже в ранних источниках московский князь восхваляется за то, что он «исправи Русьскую землю от татей и от разбойник»³². Однако для автора похвалы деятельность Ивана Калиты — лишь повод для размышлений о судьбах Русской земли. Священное Писание дает ему ключ к пониманию ее настоящего, прошедшего и будущего. Доминирующий в похвале образ царя — праведного судьи раскрывается прежде всего через книгу пророка Исайи. Самый почитаемый из ветхозаветных пророков, яснее других говоривший о Христе, он был известен каждому христианину благодаря паримийным чтениям в течение года и особенно на Великий пост.

В понедельник и вторник первой недели Великого поста читалась первая глава из книги пророка Исайи. Тема праведного царя-судьи переплетается в ней с темой Божиего прощения и возвышения «града правды, мати градом» Иерусалима после долгих лет унижения и страданий. «Научитесь добро творити, възшците суда, избавите обидимаго, судите сиру и оправдите вдовицу, и приидите, и истяжимся, глаголет Господь. И аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю; аще же будут яко червленое, яко волну убелю» (Ис. 1, 17–18). Пророк обличает зло, царящее в великом городе: «Князи твои не покаряются, общницы татем, любяще дары, гоняще воздаяние, сирым не судящими и суд вдовиц не внимающими» (Ис. 1, 23). Ярость Господня обрушится на грешников и истребит их. Но потом опять вернется его милость к Иерусалиму: «И приставлю судии твоя якоже прежде, и советники твоя яко от начала: и по сих наречешися град правды, мати градовом, верный Сион. С судом бо спасется пленение его и с милостынею» (Ис. 1, 26–27).

Легко заметить, что в этом фрагменте из книги пророка Исайи содержится своего рода конспект похвалы Ивану Калите, включая и некоторые мотивы, которые не вошли в приписку к Сийскому Евангелию, но отразились в Новгородской 1 летописи. Это и «суд правый», «суд не по мзде», и проблема «сырых и вдовиц», и борьба с «татами».

правоверному царю нашему и светому начальникоу всем православным царем и с матерью его светою Еленою — вечная память... Иоустяноу и великому Феодосию и малому Феодосию правоверным царем — вечная память...» (Мошин В. А. Сербская редакция Синодика в неделю православия // Византийский временник. Т. 17. М.: Л., 1960. С. 304).

³² НЛ. С. 465. Существует мнение, что разработка темы «суда» и «правды» в похвале Ивану Калите возникла под влиянием предисловия к византийской Эклоге (см.: Пиотровская Е. К. Славяно-русская версия земледельческого закона // Византийский земледельческий закон. Л., 1984. С. 226–227).

На пророка Исаяю четырежды ссылается Иларион в «Слове о Законе и Благодати»³³. Указанный выше фрагмент из книги Исаяи использовал в своем «Поучении» Владимир Мономах («Избавите обидима, судите сироте, оправдайте вдовицу. Придете, да сождемся, глаголетъ Господь. Аще будут греси ваши яко оброшени, яко снег обелю я, и прочее»)³⁴. В Лаврентьевской летописи (Свод 1305 г.) содержится около десятка явных, названных цитат из книги пророка Исаяи.

Уподобление князя Ивана великим правителям Византии выполнено весьма тонко: автор похвалы Калите замечает, что тот «ревновал» (то есть подражал) Юстиниану. Этот император традиционно славился благочестием, храмоздательством, любовью к книгам, борьбой с ересью. Все это было свойственно и Калите.

Другим примером для подражания московский князь взял «правверного цесаря греческого Мануила». Византийский император Мануил Комнин (1143–1180) выделялся среди других «цесарей» воинской доблестью, рыцарским благородством и благочестием. Таким рисуют его византийские историки³⁵. В древнерусской литературной традиции «царь Мануил» предстает как покровитель церкви, духовенства и монастырей³⁶. Лаврентьевская летопись упоминает о нем под 1164 г. в связи с рассказом об осуждении «еретика» — суздальского епископа Леона. Мануил показан в этой истории как истинно православный царь, гонитель еретиков³⁷.

Последняя фраза этой части текста похвалы — «Сирым в бедах помощник, вдовицы от насилник изимая яко от уст львов» — вновь возвращает читателя в круг образов Псалтири и четырех «великих пророков» — Исаяи, Иеремии, Иезекииля и Даниила: «... Отверзоша на мя уста своя, яко лев восхищай и рыкай» (Пс. 21, 14); «Да смягутся от лица его,

³³ См.: Иларион. Указ. соч. С. 44, 63, 68, 70.

³⁴ Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. С. 396.

³⁵ Памятники византийской литературы IX–XIV веков. М., 1969. С. 192.

³⁶ См.: Мещерский Н. А. Указ. соч. С. 102–103. Эта оценка не лишена исторических оснований. Известно, что Мануил боролся с еретиками и увлекался богословием (Runciman S. The Byzantine Theocracy. Cambridge University Press, 1977. P. 132–134).

³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 352. И все же обращение автора похвалы Ивану Калите к далекому не первостепенному по своему историко-церковному значению образу императора Мануила выглядит несколько неожиданным. Возможно, это объясняется особенностями той редакции Синодика, которая была принята в Москве во времена Ивана Калиты. Не восходила ли эта редакция к эпохе Андрея Боголюбского, который, как известно, имел оживленные отношения с Константинополем по церковным вопросам? (См.: Воронин Н. Н. Андрей Боголюбский и Лука Хризовберг (Из истории русско-византийских отношений XII в.) // Византийский временник. Т. 21. М., 1962. С. 29–49.) Можно предположить, что в ходе полемики по вопросу об отношениях Русской Церкви с патриархией из Константинополя был прислан Синодик, отредактированный при императоре Мануиле и содержащий восхваления в его честь. В начале XIV в. митрополит Петр принес этот Синодик из Владимира (а может быть, из Киева) в Москву.

отца сирых и судии вдовиц: Бог в месте святем своем» (Пс. 67, 6); «Господь хранит пришельцы, сира и вдову примет» (Пс. 145, 9); «... Судите сиру и оправдате вдовицу» (Ис. 1, 7); «Сиру и вдовице не сотворите насилия» (Ис. 7, 6). «Бог твой, ему же ты служиши присно, возможе ли избавити тя от уст львовых?» (Дан. 6, 20); «Егоже старейшины среде его, яко львы рыкающе, восхищающе восхищения, души изыдающе насилем, богатство и честь приемлюще, и вдовицы твоя умножишася посреде тебе» (Иез. 22, 25). Кажется, именно эта последняя цитата из пророка Иезекииля (на которого прямо ссылается автор похвалы в начале своего произведения) и была использована при составлении данной фразы. В контексте всей 22-й главы книги пророка Иезекииля можно понять и сокровенный смысл данной фразы похвалы. Господь прогневался на Израиль за «неправды». Пророк обличает Иерусалим: «В кумирех твоих, иже творил, осквернился еси... Сироту и вдовицу преобидяху в тебе... Мужие разбойницы беша в тебе... Мзды взимаху в тебе...» (Иез. 22, 4, 7, 9, 12).

Однако первоосновой всех этих сентенций является одно из узаконений, данных Богом пророку Моисею на горе Синай. «Всякия вдовы и сироты не озлобите; аще же злобою озлобите я, и возстенавше возопиют ко мне, слухом услышу глас их и разгневаюся яростию, и побюю вы мечем, и будут жены ваша вдовы, и чада ваша сироты» (Исх. 22, 22). Нарушение этой заповеди Серапион Владимирский считал едва ли не главной причиной гнева Божиего и нашествия татар на Русь. «Моисееви что рече Бог: “Аще злобою озлобите вдовицу и сироту, възпють ко мне, слухом услышу вопль их, и разгневаюся яростию, погублю вы мечем”. И ныне збытсья о нас реченое: не от меча ли падохом? не единою ли, ни двожды?»³⁸ Автор Жития Александра Невского (последняя треть XIII в.) восхваляет князя за то, что он «не внимая богатства и не презря кровь праведническую, сироте и вдовице въправду судяй, милостилюбець, благ домохадцем своим и вънешним от стран приходящим кормитель»³⁹. В этом перечне явно воспроизводится набор добродетелей из заповедей Моисея (Исх. 22, 21–25).

Беды Руси вписывались в библейскую схему: преступление — наказание — покаяние — прощение. Согрешившая страна опустошена гневом Божиим. Но вот явился великий князь Иван, очистивший страну от этих грехов. Он прекратил «безбожные ереси», судил суд «не по мзде», защищал «сироту и вдовицу», избавил свою землю от разбойников (об этом — см. НЛ. С. 465). Отсюда неизбежно следовал вывод: близок

³⁸ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. С. 448. О нарушении заповедей Моисея как причине всех несчастий говорил и современник Калиты монах Акнадин в послании к тверскому князю Михаилу Ярославичу. Однако там акцент поставлен на требовании блюсти чистоту веры (РИБ. 2-е изд. Т. 6. Ч. 1. Стб. 156).

³⁹ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. С. 436. Некоторые темы похвалы Ивану Калите явственно переключаются со «Словом Иоана Златоуста о казнях Божиих на ны» (Отдел редких книг Библиотеки Московского университета. Карельское собр. Сб. № 109 (XVI век). Л. 300–305 об.). Оно читалось во время богослужения в неделю 36-ю по Пятидесятнице, то есть 30 января 1340 г.

конец Божиего гнева, грядут времена Божией милости к Русской земле. Появление такого правителя как князь Иван, знаменует начало новой полосы в истории Русской земли.

Завершающая часть похвалы Ивану Калите вводит несколько новых мотивов. *«Всеи Рускои земли поминая велегласно державу его царства. Сии бо великии раб божию Анания чернец, поминая его святительскыи сан, горя духовною мыслию к Богови, хотяи видети вышнии Ерусалим, поминае душою первых правоверных цесарии, всех святых и молитвою — прародитель своих. А писали многогрешнии дьяци Мелентии да Прокоша. Благословите их, а не клените».*

Вначале вынесем за скобки те положения заключительной части похвалы, которые лишь повторяют в иных словах сказанное прежде. К их числу отнесем уважение князя Ивана к святительскому сану («поминая... святительский сан»), почитание «первых правоверных цесарей». Далее отметим примечательный момент в этой фразе — слова «царство» и «держава». Сочетание понятий «царство» и «держава» характерно для древнерусской литературы. Так, в Сборнике богослужебных и богословских текстов (XVI в.) из собрания Кирилло-Белозерского монастыря помещена запись о гибели пермского епископа Питирима, начинающаяся словами: «В лето 6964 месяца августа в 15 день в царство иже при державе русских началник боговенчанного русийскаго царя великаго князя Василя Василевича и сына его благовернаго великаго князя Иоана Василевича...» (ГПБ. Кирилло-Белозерское собр. № 275/532. Л. 348).

Применение к московским великим князьям царского имени — пока лишь в виде литературного комплимента — неизбежно разрушало всю библейскую аргументацию необходимости покорности ордынскому «царю» — новому Навуходносору. Похвала Ивану Калите как бы нащупывает этот путь к духовному самоутверждению Руси.

В конце похвалы появляется образ «вышнего Иерусалима». Князь Иван «хотяи видети вышнии Ерусалим». За этим на первый взгляд вполне традиционным «этикетным» выражением вновь приоткрывается существенная особенность духовной культуры ранней Москвы — ее эсхатологическая ориентация.

Известно, что именно во времена Ивана Калиты «вечный вопрос» о соотношении материального и духовного начала в феноменах горнего мира привлекал особое внимание. На эту тему возник спор между новгородским архиепископом Василием (1331–1352) и тверским владыкой Феодором Добрым (1342–1360). Последний признавал лишь «мысленный», то есть духовный, рай. Василий же настаивал на том, что и «насаженный» Богом рай, в котором жили Адам и Ева до грехопадения, существует. Он находится где-то на краю земли, где однажды его обнаружили новгородские мореплаватели. Новгородский владыка не отрицал «мысленного рая», однако связывал это понятие с концом света и вторым пришествием Спасителя. «А мысленный рай то и есть, брате, егда вся земля огнем искушена будет, по апостольскому

словеси: «Чаем небес новых и земли новые, егда истинный свет — Христос — сниде на землю»⁴⁰.

В цитируемом Василием фрагменте из второго Послания апостола Петра («Нова же небесе и новы земли по обетованию его чаем, в нихже правда живет» (2 Пет. 3, 13) говорится о Втором Пришествии и о его сокровенных сроках («един день пред Господом яко тысяща лет, и тысяща лет яко день един» (2 Пет. 3, 8). Тема «нового неба и новой земли» у другого апостола, Иоанна Богослова, тесно переплетается с образом «горнего Иерусалима»: «И видех небо ново и землю нову, первое бо небо и земля первая преидоста, и моря несть к тому. И аз, Иоанн, видех град святыи Иерусалим нов сходящ от Бога с небесе, приготован яко невесту украшену мужу своему» (Откр. 21, 1–2).

Окончание «господнего дня» — тысячелетия торжествующего христианства — усилило эсхатологические настроения во второй четверти XIV в. В это тревожное время одни (как тверской владыка Феодор) чаяли «нового неба и новой земли», ждали скорого появления в небесах «вышнего Иерусалима»; другие (как новгородский архиепископ Василий), видимо, сомневались в скором конце света и призывали не забывать о традиционной, проверенной временем двухполярной системе мира: вполне материальная, устрашающая геенна огненная для грешников и сладостные райские куши для праведников.

Предложенные выше комментарии к образу «вышнего Иерусалима» позволяют по-новому взглянуть на заключительную часть похвалы Ивану Калите. В ней явственно ощутимо то же тревожное эсхатологическое настроение, которое прямо выражено и в начале произведения образом «последних времен». Однако в этой части похвалы данная тема дана инносказательно. О князе Иване сказано, что он «горя духовною мыслию к Богови, хотяи видети вышнии Ерусалим». В контексте новозаветной символики, а также на фоне дискуссии о «мысленном рае» эти слова указывают на близость московского князя к тем, кто, подобно Феодору Доброму, ждал скорого конца света — схождения на землю «мысленного рая», «вышнего Иерусалима». Князь Иван «хотяи видети вышнии Ерусалим», подобно тому как Иоанн Богослов «видех град святыи, Иерусалим нов, сходящ от Бога с небесе» (Откр. 21, 2). Однако именно такое мечтание осуждает архиепископ Василий: «Не возможно бо его («мысленного рая», «царствия Божия». — Н. Б.), брате, ни святым видети... в плоти суще»⁴¹. Впрочем, желание Калиты «видеть» рай можно было истолковать и в переносном, духовном смысле...⁴²

⁴⁰ Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV вв. М., 1981. С. 48.

⁴¹ Там же. Образ Небесного Иерусалима имеет связь и с литургическими песнопениями (см.: Лидов А. М. Образ Небесного Иерусалима в восточнохристианской иконографии // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 19–23).

⁴² Нельзя не отметить еще одной грани образа «горнего Иерусалима». В Послании к Галатам апостола Павла содержится рассуждение о превосходстве Нового Завета

Весьма интересно самое последнее замечание автора похвалы: о том, что князь Иван «*поминие душею первых правоверных цесарии, всех святых и молитвою — прародитель своих*». Этот фрагмент, очевидно, возник под впечатлением Синодика, прочитанного в «неделю православия». Можно думать, что именно в этот день, под впечатлением целого ряда важных событий (завершения строительства Кремля, пострижения Ивана Калиты, торжества «недели православия», дня памяти князя Даниила Александровича) и была сделана приписка к Сийскому Евангелию, ставшая своего рода откликом взволнованного современника на эти события.

Почитание «прародителей», ритуальной формой которого являлась заупокойная молитва, было очень развито в русских княжеских семьях того времени. Считалось, что не только живые могут молить Бога за мертвых, но и мертвые (причем, не святые!) также могут молить Бога за своих живых потомков⁴³.

Последняя фраза изучаемого текста — «*А писали многогрешнии дяци Мелентий да Прокоша. Благословите их, а не клените*» — сообщает имена писцов, работавших над Сийским Евангелием. Однако это вовсе не значит, что именно они (в соавторстве?) создали и похвалу Калите. Вполне возможно, что они просто приписали тот текст, который приготовил для этой цели кто-то другой, более соответствующий роли великокняжеского биографа, нежели простые писцы. Этом «другим» мог быть, например, архимандрит придворного княжеского монастыря Иван, которого летописец характеризует как «*мужа... разумна же и словесна, и сказателя книгам*»⁴⁴. Именно такие качества — глубокомыслие, литературный дар, обширную начитанность — обнаруживает и автор похвалы Ивану Калите.

Похвала Ивану Калите в Сийском Евангелии — один из лучших образцов древнерусской публицистики. Ее неизвестный автор рассматривает деятельность князя Ивана Даниловича на фоне мировой истории,

над Ветхим, Благодати над Законом. Для обоснования этой идеи использована сложная метафора: земной Иерусалим — это рабство, так как он со своими жителями находится в рабстве у чужеземцев. Его прообраз — Агарь, рабыня и наложница праотца Авраама. Иное дело — «вышний», горний Иерусалим. «А вышний Иерусалим свободь есть, иже есть мать всем нам» (Гал. 4, 26). Символ свободного небесного града — жена Авраама Сарра и ее потомство. «Мы же, братие, по Исааку обетования чада есмы... Тем же, братие, несмы рабынина чада, но свободныя» (Гал. 4, 28–31). Это рассуждение апостола широко использовал в «Слове о Законе и Благодати» митрополит Иларион (С. 34–43). Разумеется, оно было знакомо и автору похвалы Ивану Калите. Подчеркивая превосходство христиан над «погаными», русские писатели часто именуют последних «агарянами» (то есть потомками рабыни Агарь) или же «изманиянами» (потомками Измаила — сына Агарь и Авраама). Можно связать образ «горнего Иерусалима» в похвале Ивану Калите с «антиагарянской», освободительной темой.

⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473, 483.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 18. Спб., 1913. С. 91.

сопоставляя его с великими правителями древности — Моисеем, Соломоном, Константином Великим. Этот традиционный для древнерусской панегирической литературы образный ряд по-особому воспринимался в Северо-Восточной Руси во второй четверти XIV в. Главная тема произведения — возрождение Руси, освобождение от власти «поганных». Однако раскрывается эта тема иносказательно, на языке символов и метафор, исторических параллелей и библейских аллюзий.

Объявляя московского великого князя «царем», автор тем самым фактически оспаривает верховенство ордынского «царя», несокрушимость его верховной власти над Русской землей. В системе ветхозаветных представлений, пронизывающих художественную ткань похвалы, появление «царя» знаменует скорое освобождение народа от ига иноплемеников.

Законодательная и судебная деятельность московского князя рассматривается автором похвалы прежде всего как важная часть того нравственного очищения народа и его правителей, которое согласно тем же библейским представлениям необходимо для снискания милости Божией и прекращения гнева Божиего. В этом отношении похвала продолжает тему покаяния, подробно разработанную в «Словах» Серапиона Владимирского.

В похвале заметна связь с литературной и духовной традициями Киева. Автор пользовался не только «Словом о Законе и Благодати» митрополита Илариона, но, возможно, и сочинениями Иакова мниха, посвященными прославлению князя Владимира. По-видимому, он был хорошо знаком и с текстом «Повести временных лет», летописного Свода 1305 г., использовал их образы и идеи.

Необычайно ярко представлена в похвале и византийская тема — запечатленное текстом Синодика почитание «правоверных царей», сопоставление Калиты и императорами Константином Великим, Юстинианом и даже весьма скромным по своим историческим заслугам Мануилом. Несомненно, в этом отразились византийские связи раннемосковской культуры, в частности — духовное влияние митрополита Феогноста и его окружения.

2. Летописный панегирик Ивану Калите

еще один памятник древнерусской публицистики, посвященный деятельности Ивана Калиты, — краткий панегирик московскому князю, помещенный в некоторых летописях под 1328 г.⁴⁵ Приводим его полный текст, разделенный для удобства изучения на смысловые элементы.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 18. С. 90; Т. 15. Вып. 1. Стб. 44.

«Седе князь великий Иван Данилович
на великом княжении всеа Руси,
и бысть оттоле тишина велика на 40 лет,
и престаша погани воевати Русскую землю
и заклати христиан.
И отдохнуша
и починуша христиане
от великия истомы
и многыя тягости,
от насилна татарскаго.
И бысть оттоле тишина велика
по всеи земли»⁴⁶

Уже при первом чтении заметны своеобразный внутренний ритм произведения и его художественная отточенность. Это своего рода миниатюрная поэма, написанная современником князя. В тексте панегирика есть несколько хронологических слоев. По мнению М. Д. Приселкова, «первоначальный текст, теперь разорванный вставкой о сорока годах тишины, сообщал только о том, что, когда Иван сел на великое княжение, «и бысть оттоле тишина велика по всей земле»⁴⁷. Однако в этом случае остается все же неясным главный вопрос: как мог возникнуть столь яркий, проникнутый живым чувством панегирик через много десятилетий после кончины того, кому он был посвящен? Кроме того, как будет показано ниже, фразеология панегирика и его идейная направленность тесно связаны с произведениями, бесспорно возникшими в 40-е годы XIV в., — похвалой Ивану Калите в Сийском Евангелии и его летописным некрологом.

Упоминание о сорока годах «тишины», конечно, появилось при позднейшем редактировании московского Свода 1340 г.⁴⁸ Можно предположить, что эта вставка была сделана при работе над Сводом 1389–1392 гг.⁴⁹ Его создатели обратили внимание на ремарку, сделанную

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 18. С. 90.

⁴⁷ Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. Л. Л. Муравьева считает «поздней вставкой» не только указание на срок тишины, но и всю фразу «и бысть оттоле тишина на 40 лет и престаша погани воевати Русскую землю» (см.: Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV века. М., 1983. С. 136).

⁴⁸ Еще М. Д. Приселков высказал предположение о создании в Москве в 1340 г. летописного свода, подводившего итоги княжению Ивана Калиты. Эта идея развита и обоснована современными исследователями московского летописания. Свод 1340 г., по-видимому, был составлен в Спасском монастыре (см.: Муравьева Л. Л. Указ. соч. С. 124, 140–144).

⁴⁹ Этот свод, известный также как Летописец Великий Русский, исследователи датируют по-разному, но в пределах 1389–1392 гг. М. Д. Приселков полагал, что пространное рассуждение о тишине, установленной Иваном Калитой, было вставлено в летописную статью 6836 г. при ее переработке для Свода 1408 г. (см.: Приселков М. Д. Указ. соч. С. 198–199).

кем-то из московских летописцев при ведении погодных записей: «От Федорьчуковы до Олгердовы рати лет 41»⁵⁰. Сохранив ее в своем тексте, он развил эту хронологическую тему применительно к статье 6836 г., превратив ординарную цифру 41 в мистическую, вызывающую многозначительные аналогии цифру 40⁵¹.

В результате этой редакторской работы в тексте панегирика, существовавшего уже в Своде 1340 г., произошел сбой. Фраза «и бысть оттоле тишина велика по всей земли», а точнее, ее последние слова оказались отсечены сакральной цифрой 40. Не желая полностью утратить оказавшуюся неуместной фразу, летописец (вероятно, на этапе Свода 1389–1392 гг.) поместил ее в самом конце панегирика, в виде своего рода «довеска», нарушив тем самым цельность и стройность всего произведения⁵².

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 90. Можно согласиться с Г. М. Прохоровым относительно идейного значения отождествления татарской и литовской «рати» в контексте антилитовской политики Дмитрия Донского. Однако трудно признать убедительным его предположение о создании летописцами Дмитрия Донского всего текста летописного панегирика Ивану Даниловичу (*Прохоров Г. М.* Центральнорусское летописание второй половины XIV в. Анализ Рогожского летописца и общие соображения // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Вып. X. Л., 1978. С. 174–176). Мирный политический курс Калиты, его «великая тишина» были прямой противоположностью той активной и дерзкой политике по отношению к Орде и Литве, которую вел Дмитрий Донской в 1374–1382 гг. В сущности в этот период Дмитрий порвал с политической традицией деда и потому его летописец едва ли стал бы сочинять ей панегирики и даже повторять тот панегирик, который находился в Своде 1340 г. Иное дело — первые годы после кончины Дмитрия Ивановича (1389–1392), когда барометр политической погоды вновь указывал на «мирно». Тема «великой тишины» вновь становилась актуальной, а сам Калита возвышался до «собирателя земли Русской».

⁵¹ Сорок лет как некий провиденциальный срок часто встречается в Библии. Сорок лет нудей скитались по пустыне после исхода из Египта, питаясь манной небесной (Исх. 16, 35). На сорок лет скитаний обрек Господь свой народ за его маловерие и сомнения после первого знакомства с обетованной землей. «По числу дней, в них же соглядаете землю, сорок дней, за день лето целое, понесете грехи ваша сорок лет, и увесте ярость гнева моего» (Чис. 14, 34). Случалось, что сорок лет отмеривались Богом не как срок страданий, а как время благополучия. Так было при князе Гофонииле (Суд. 3, 11), при знаменитом воителе Гедеоне (Суд. 8, 28). Сорок лет правил народом «песнословец» царь Давид (3 Цар. 2, 11). Однако его время никак нельзя было назвать «тихим». Единственный знаменитый правитель, правивший мирно в течение сорока лет, был царь Соломон — мудрый законодатель, строитель Храма (3 Цар. 11, 42). Сравнение Калиты с Соломоном (само имя которого в переводе с древнееврейского означает «мирный») содержится уже в приписке к Сийскому Евангелию. Там оно дано косвенно, через текст Псалтири, посвященный Соломону и примененный к князю Ивану. В летописном Своде 1389–1392 гг. Калита вновь косвенно был сопоставлен с Соломоном, но уже через общее количество мирных лет, которые оба они обеспечили своему народу. Через образы царей Давида и Соломона цифра 40 выводила на идею московской власти как «царства» — важнейшую идею московской публицистики в эпоху Куликовской битвы.

⁵² Примечательно, что в Московско-Академическом списке Суздальской летописи при описании событий 1328 г. от всего панегирика Калите редактор первой половины

Обратившись к самому тексту панегирика, находим в нем целый ряд идей и образов, перекликающихся с похвалой Ивану Калите в Сийском Евангелии. Это, прежде всего, «великая тишина» — длительный мир, установление которого современники считали важнейшей заслугой Калиты и вместе с тем — свидетельством милости Божией к этому князю.

Среди основных источников летописного панегирика Ивану Калите были и древнерусские летописи. В частности, панегирик и в смысловом и в текстовом отношении связан с рассказом об антитатарском восстании 1262 г. в Своде 1305 г. В этом легко убедиться, вчитавшись в текст Лаврентьевской летописи под 1262 г. (слова и выражения, встречающиеся в тексте об Иване Калите, даны курсивом).

«В лето 6770. Избави Бог от лютаго томленья (в панегирике «истомы». — Н. Б.) бесурменьскаго люди Ростовския земля, вложи ярость в сердца кристьяном. Не терпяще *насилья поганых*, изволиша вечь и выгнаша из городов: из Ростова, из Володимера, ис Суждаля, из Ярославля. Окупахуть бо ти оканьнии бесурмене дани и от того *велику пагубу* людем творяхуть. Роботяще резы и многы души кристьянска раздно ведоша. Видевше же человеколюбец Бог, послуша моления Матеря, избави люди своя от *великия беды*». Далее следует рассказ о принявшем мусульманство ярославском монахе Зосиме, который при поддержке «басурманина» Титяма «творяше христьяном велику досаду»⁵³. В ходе восстания отступник был казнен местными жителями.

Приведенный текст, включая рассказ о Зосиме, носит характер небольшого самостоятельного произведения. Его неизвестный автор, по-видимому, работал при ростовской епископской кафедре. Отсюда — резкая неприязнь к вероотступнику Зосиме, ссылка на милость Бога и заступничество Божией Матери, особый акцент на конфессиональной стороне событий 1262 г.

Этот ростовский летописец отличался некоторыми литературными пристрастиями. В частности, он питал слабость к прилагательному «великий» («великая пагуба», «великая беда», «великая досада»). Эта же особенность присуща и автору летописного панегирика Ивану Калите, где всего в нескольких строках оно встречается пять раз.

Другая параллель — употребление словосочетания «насилие татарское» в панегирике и сходного «насилья поганых» в рассказе о восстании 1262 г. Примечательно, что данное выражение встречается в Своде 1305 г. и в рассказе о том, как митрополит Максим в 1299–1300 г. ушел из Киева «не терпя татарьского насилья»⁵⁴. Несомненно

XV в. сохранил только финальную фразу в несколько искаженном виде: «Князь Иван Данилович седе на великом княжении, и бысть всей земли тишина» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 530). Такого сокращения требовал общий, «конспективный» характер данного памятника. При этом финальная фраза в сжатом виде выражала идею всего панегирика.

⁵³ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 476.

⁵⁴ Там же. Стб. 485.

перед нами литературное клише. Его истоки отыскиваются в Священном Писании. Господь говорит «законодавцу» Моисею: «Аз же услышах стенание сынов Израилевых, имже египтяне поработиша их, и помянух завет мой. Иди, рцы сыном Израилевым, глаголя: «Аз Господь, и изведу вас от насилия египетска, и избавлю вас от работы их, и отиму вас мышцею высокою и судом великим; и приму вы себе в люди, и буду вам Бог, и уразумеете, яко аз Господь Бог ваш, изведый вас от земли египетския и от насилия египетска» (Исх. 6, 5–7).

Таким образом, использование в текстах выражения «насилие татарское» (вариант — «насилие поганых») вызывало у читателя вполне определенную цепь исторических ассоциаций: страдания иудеев в Египте, «насилие египетское», появление вождя и «законодавца» Моисея, который исполнил волю Божию и вывел Израиль из Египта. Символизм средневекового мышления позволял воспринять ветхозаветную историю как прообраз событий, случившихся и долженствующих случиться в Русской земле: порабощение от «поганых», «насилие татарское», а затем — появление вождя и «законодавца», который по милости Божией спасет народ «от работы их», то есть от рабства. Таким правителем, соединившим в себе черты Моисея и Соломона, московские книжники изображали Ивана Калиту.

Сходные выражения используются в рассказе о восстании 1262 г. и в летописном панегирике Ивану Калите и для характеристики чужеземного ига. В первом случае — «лютное томление», во втором — «великая истома».

Обращение автора панегирика Ивану Калите к рассказу Свода 1305 г. об антитатарском восстании в Северо-Восточной Руси в 1262 г. вполне естественно. Панегирик Калите являлся составной частью летописного рассказа о событиях 1327–1328 гг., то есть, в сущности, о тверском восстании и его последствиях. Этим рассказом начинал свою работу выдающийся книжник, плодотворно трудившийся на ниве летописания до середины 40-х годов XIV в. Судя по некоторым косвенным данным, им мог быть любимец Ивана Калиты архимандрит Иван — настоятель Спасского монастыря в московском Кремле.

Летописец Ивана Калиты уже в самом начале своей работы столкнулся с трудной задачей: дать такое истолкование событий 1327–1328 гг., которое бы не только оправдывало действия московского князя, но и служило бы своего рода впечатляющей заставкой к описанию его княжения. По-видимому, в полной мере эта задача была решена лишь при работе над Сводом 1340 г. Однако ее основные контуры были найдены уже в ходе «стыковки» тверского великокняжеского Свода 1327 г. с московским летописанием конца 20-х годов XIV в. Вывезенный в Москву после «Федорчуковой рати» тверской летописец завершался, по-видимому, лаконичным рассказом очевидца о восстании 15 августа 1327 г. (этот рассказ сохранился в Рогожском летописце). Описания «Федорчуковой рати» (зима 1327/28 г.) тверской летописец по понятным причинам сделать уже не успел...

С этого трагического события и должен был начать свой труд летописец Ивана Калиты. Его работу лучше всего представляет Симоновская летопись, сохранившая соответствующие тексты московских Сводов 1340, 1389–1392 и 1408 гг. без существенной тверской переработки.

При решении сложных задач девнерусские книжники обычно обращались к поискам авторитетных образцов. Так поступил и летописец Ивана Калиты. Описывая события 1327–1328 гг., он работал «с оглядкой» на два сюжета об Александре Невском в Своде 1305 г. Первый из них, как показано выше, — рассказ о восстании 1262 г. в Северо-Восточной Руси. Другим стал рассказ того же свода о «Неврюевой рати» и приходе на великое княжение Владимирское Александра Невского в 1252 г. И если из рассказа 1262 г. московский летописец заимствовал фразеологию и пафос для темы избавления от «насилия поганых» в правление Ивана Калиты, то рассказ 1252 г. дал ему ключ к изображению тверского мятежа, «Федорчуковой рати» и действий в этой ситуации князя Ивана Даниловича. Разумеется, такие аналогии имели целью не только оправдать, но и возвысить Калиту, представить его продолжателем политики уже причисленного к святым Александра Невского.

Из статьи 1252 г. свода 1305 г. заимствована общая логическая конструкция московского рассказа о событиях 1327–1328 гг. В обоих рассказах летописец представляет точку зрения того князя, который пришел к власти после подавления антитатарского мятежа и благодаря расположению Орды. Оба князя (Александр Невский и Иван Калита) в реальности были так или иначе причастны к карательной экспедиции татар, о чем летописец либо вовсе умалчивает, либо лишь вскользь упоминает. Само описание мятежа против татар опущено. Акцент сделан на изображении бедствий, причиненных населению ордынской карательной «ратью». Поведение князя-мятежника изображено в саркастическом тоне. Андрей Ярославич «здума... с своими бояры бегати, нежели цесарем служити, и побеже на неведому землю»; Александр Михайлович Тверской, убоявшись татарской «рати», «побежал с Твери в Псков»⁵⁵.

Внимательное прочтение текста Симоновской летописи, посвященного событиям 1327–1328 гг., позволяет увидеть его как единый рассказ, восходящий к московскому Своду 1340 г. Начало и конец рассказа взаимосвязаны, переплетены нитями единой художественной ткани. Общий рисунок заимствован из рассказа о событиях 1252 г. в Лаврентьевской летописи (Свод 1305 г., основанный в этом сюжете на ростовском своде последней четверти XIII в.). Курсивом выделяем те элементы текста, которые свидетельствуют о его художественном единстве.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 473; Т. 18. С. 90.

«В лето 6835... Тое же осени князь Иван Данилович Московский в Орду пошел. Тое же зимы и на Русь пришел из Орды; и бысть тогда великая рать татарская, Федорчук, Туральк, Сюга, 5 темников воевод, а с ними князь Иван Данилович Московский, по повелению цареву, и шедь ратью, плениша Тферь и Кашин и прочия города и волости, и села, и все княжение Тферское взяша и пусто сътвориша, и бысть тогда земли великая тягость и многа томления, множества ради грех наших, кровь христианская проливаема бываше от поганых татар, овых в полон поведоша, а друга мечи изсекоша, а иныя стрелами истреляше и всяким оружием погубиша и смерти предаша, а князь Александр побежал с Тфери в Псков...

Того же лета убиша князя Ивана Ярославича Рязанскаго.

Великий же Спас милостивый человеклюбец Господь своею милостию заступил благовернаго князя нашего Ивана Даниловича и его ради Москву и всю его отчину от иноплеменник, от поганых татар.

В лето 6836 седе князь великий Иван Данилович на великом княжении всеа Русии, и бысть оттоле тишина велика на 40 лет и престаша погани воевати Русскую землю и заклати христиан, и отдохнуша и починуша христиане от великия истомы и многия тягости, от насилія татарскаго, и бысть оттоле тишина велика по всей земли»⁵⁶.

Вторая часть данного текста служит антитезой к первой. Там — «великая рать татарская» со всеми ее ужасами, здесь — «великая тишина» и ее благодатные последствия.

Указание на участие московского князя в походе на Тверь, по видимому, является более поздней вставкой, сделанной на этапе Свода 1389–1392 гг. под воздействием тверских летописей. Летописец как бы оправдывает Калиту, поясняя, что он шел на Тверь «по повелению цареву». Само по себе такое оправдание могло звучать убедительно лишь в контексте общих представлений о необходимости подчинения установленной свыше власти хана. Эти представления доминировали в московском летописании XIV в.

Исследователи летописания давно обратили внимание на фразу о том, что «великий Спас... заступил благовернаго князя нашего Ивана Даниловича и его ради Москву и всю его отчину от иноплеменник, от поганых татар». Прежде всего, в словах «князя нашего» можно видеть явное свидетельство работы московского летописца времен Ивана Калиты. Кроме того, образ Спаса как покровителя московского князя косвенно указывает на Спасский монастырь как место, где работал этот летописец. Что касается самой идеи взаимной ответственности правителя и народа перед Богом, то она вполне обычна для древнерусской публицистики.

Летописный панегирик Ивану Калите в своей фразеологии и идейной направленности перекликается не только с ростовской летописью, но и с похвалой этому князю в Сийском Евангелии. Оба произведения сближает возвышенное, провиденциальное истолкование личности и де-

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 18. С. 90.

тельности московского правителя. Суть такого взгляда на историческую личность сформулировал неизвестный автор «Жития Александра Невского». Применив к своему герою одно из пророчеств Исаии, он делает вывод: «Без Божья бо повеленья не бе княженъе его»⁵⁷.

С провиденциальной концепцией «князя-избранника Божьего» тесно связана и другая общая черта похвалы и панегирика: подчеркивание общерусского масштаба деятельности князя Ивана.

Тут и там в центре внимания находится тема господства иноплемеников над Русью. В похвале князь Иван восхваляется за то, что он избавил свой народ от страданий, хотя и не говорится о том, каким образом он это сделал. Здесь мысль об избавлении от «насилия татарского» выражена преимущественно иносказательно, через ветхозаветные параллели (Моисей, Давид, Соломон); в летописном панегирике вещи уже прямо названы своими именами.

3. Летописный некролог Ивану Калите

ретье произведение, посвященное Ивану Калите, — его летописный некролог. В наиболее полном виде он сохранился в Рогожском летописце под 6848 г. Учитывая прямую связь этого памятника летописания с московскими сводами XIV в. и общерусским Сводом 1408 г., можно утверждать, что данная редакция некролога лучше других передает его изначальный текст. В Симеоновской летописи, также хорошо сохранившей текст Свода 1408 г. и Свода 1389–1392 гг., некролог Ивану Калите дан с некоторыми сокращениями. В Новгородской 1 летописи младшего извода под 6848 г. — лишь краткое сообщение о кончине Калиты: «Преставися князь великий Иван Данилович на Москве, в чернцах и в скиме»⁵⁸.

Обратимся к тексту некролога, помещенному в Рогожском летописце.

«В лето 6848 преставися князь великий всея Роуси Иван Данилович, внук великаго Александра,
 правнук великаго Ярослава,
 в черньцах и в скиме,
 месяца марта в 31 день,
 на память отца Стефана чудотворца.
 А в гроб положен бысть месяца априля 1 день,
 на память преподобныя Марии Египетскыя
 в церкви святого Архангела Михаила,
 юже сам создал в своей отчине на Москве.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 477.

⁵⁸ НЛ. С. 351.

И плакашася над ним князи и бояре, и велможи, и вси мужи москвичи, игумени, попы, и диаконы, и чернцы, и черницы, и вси народи, и весь мир христьяньский и вся земля Роусская, оставше своего господаря.

Сына же его князя Семена не бысть на провожании отца своего, бяше бо был в то время в Новегороде в Нижнем.

И проводивше христяне господина своего князя Ивана

и поюще над ним надгробныя песни

и разидошася плачущися

и поплънишася великыя печали и плача.

И бысть господину нашему князю великому Ивану Даниловичу всея Руси вечная память»⁵⁹.

Прежде чем перейти к анализу приведенного текста, отметим его общие жанровые особенности. К середине XIV в. уже сложился довольно устойчивый формуляр летописных сообщений о кончине князя. Его структурными элементами были: а) само известие о кончине; б) указание на год, месяц и день кончины; в) сообщение о том, какой святой или какой праздник был в этот день по церковному календарю; г) замечание о том, что князь умер «в чернецах и в схиме», то есть приняв полный монашеский постриг; д) указание на время и место погребения; е) оплакивание умершего правителя его подданными, выстроенными в определенном иерархическом порядке.

По этой схеме в Своде 1305 г. строились сообщения о кончине Владимира Святого, Ярослава Мудрого, Андрея Боголюбского, Всеволода Большое Гнездо, Константина Всеволодовича Ростовского, Александра Невского, Даниила Московского и других правителей. Эту традицию хорошо знал и использовал в своем произведении автор некролога Ивана Калиты.

Иногда данная схема по каким-то причинам сокращалась на тот или иной ее элемент; иногда, напротив, к ней добавлялись посмертная похвала князю или относящиеся к кончине замечания фактического характера. Часто к некрологу прилагали соответствующие цитаты из Священного Писания, а в тех случаях, когда сообщалось о кончине святого, — его житие. Наиболее ценным для исследователя являются именно эти дополнительные тексты, примыкающие к сообщению о кончине князя. Так, например, посмертная похвала часто содержит в себе наряду с традиционной риторикой крупницы ценных исторических сведений⁶⁰. Замечания, выходящие за рамки традиционного формуляра, также представляют большой интерес. Наконец, отсутствие тех или иных структурных элементов данного жанра также может дать пищу для размышлений.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 52–53.

⁶⁰ См.: Пауткин А. А. Характеристика личности в летописных княжеских некрологах // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1. XI–XVI века. М., 1989. С. 244–245; Collins D. E. Early Russian Topoi of Deathbed and Testament // California Slavic Studies. XIX. Medieval Russian Culture. Vol. 2. 1994. P. 158–159.

В сознании московского книжника XIV в. родовое начало, определявшее характер связей в русском обществе, помножалось на проникнутую родовыми отношениями библейскую традицию. В результате принадлежность к роду в целом и одной из его ветвей в частности становилась важнейшим параметром даже самой выдающейся личности.

Размышляя о жизни и смерти того или иного правителя, летописец обычно вспоминал жизненный путь его отца. Тем же путем шел и создатель летописного некролога Ивану Калите. Работая над своим произведением, он вспоминал о некрологе отца Калиты князя Даниила Александровича. В этом можно убедиться, сопоставив оба текста по Симеоновской летописи. (В Рогожском летописце нет статьи 6812 г.) Курсивом выделены текстуальные и смысловые параллели.

<p><i>Некролог Даниила Александровича (Симеоновская летопись)</i></p>	<p><i>Некролог Ивана Даниловича (Симеоновская летопись)</i></p>
<p><i>В лето 6812 месяца марта в 5, в великое говейно, на безымянной неделе въ вторник, преставися князь Данило Александрович, внук Ярославлъ, правнук великаго Всеволода, в чернцех и в скиме, и положен бысть в церкви святого Михаила на Москве, в своеи отчине. А по животе княже Данилове Переславци яшася за сына его за князя Юрья и не пустиша его не погребение отне...</i> ПСРЛ. Т. 18. С. 85–86.</p>	<p><i>В лето 6848 преставися князь великий Московский Иван Данилович, внук великаго Александра, правнук великаго Ярослава, в чернцех и в скиме, месяца Марта в 31, на память святого отца Стафана чудотворца, а в гроб положен бысть месяца Апреля в 1, на память преподобныя Марии Египетския, в церкви святого Михаила, юже сам създад в своеи отчине на Москве; и плакашася над ним князи, бояре, велможи, и вси мужие Москвичи, игумени, попове, дьякони, чернцы и черницы, и вси народи, и весь мир христианьский, и вся земля Русская, оставши своего государя. Сына же его князя Семена не бысть на провожании отца своего, бяше бо был в то время в Нижнем Новгороде...</i> ПСРЛ Т. 18. С. 93.</p>

Нетрудно заметить, что некролог Даниила послужил образцом при составлении некролога Калиты. Однако связь этих двух памятников является весьма сложной и неоднозначной.

Некролог князя Даниила Александровича имеет собственную, весьма сложную судьбу в русских летописях. Новгородская 1 летопись вообще не упоминает о кончине Даниила. В своем кратчайшем и, видимо,

изначальном виде это известие читается в Своде 1305 г. (Лаврентьевская летопись). Свод 1408 г. (Троицкая летопись в выписке Карамзина) давала более подробный вариант, основанный, однако, на тексте Свода 1305 г.

<p style="text-align: center;"><i>Некролог</i> <i>Даниила Александровича</i> <i>(Лаврентьевская летопись)</i></p>	<p style="text-align: center;"><i>Некролог</i> <i>Даниила Александровича</i> <i>(Троицкая летопись)</i></p>
<p><i>В лето 6812 мѣсяца марта в 5 на безыменьной неделе во вторник преставися князь Данило Александрович на Москве в своей отщине в чернцех и в скиме...</i></p> <p>ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 486.</p>	<p><i>В лето 6812 Марта в 5, в великое говеино, на безымянной недели во вторник преставишь князь Данило Александровичь, в чернцех и в скиме, и положен бысть в церкви святого Михаила на Москве...</i></p> <p>Приселков М. Д. Троицкая летопись. М.; Л., 1950. С. 351.</p>

Некоторое недоумение вызывает сообщение Свода 1408 г. о том, что Даниил был похоронен в кремлевской церкви Михаила Архангела. Другие источники сообщают о его погребении в Даниловом монастыре⁶¹. По-видимому, создатели Свода 1408 г. уже не имели точных сведений о могиле Даниила. Учитывая устоявшуюся к этому времени традицию хоронить князей в кремлевской церкви Михаила Архангела, они распространили ее и на Даниила. Непосредственным источником для данной аналогии мог послужить некролог Калите в московском Своде 1340 г., где прямо указывалось место погребения князя Ивана: «...положен бысть... в церкви святого Архангела Михаила... на Москве»⁶².

«Обратная связь» между записью о кончине Даниила и обстоятельствами смерти Ивана Калиты отчетливо заметна в том варианте записи, который содержится в Симеоновской летописи (куда он попал через Свод 1408 г. из Свода 1340 г.). Добавление о том, что сын Даниила Юрий отсутствовал на похоронах отца из-за событий в Переяславле, выглядит весьма неорганично в летописной статье 6812 г. Примечательно, что его нет в тексте Свода 1305 г. Напротив, замечание о причинах отсутствия князя Семена на похоронах отца вполне удачно вписывается в текст некролога Калиты. Видимо, работая над статьей 6812 г., создатель московского Свода 1340 г. отметил сходство ситуации с отсутствием старшего сына на похоронах Даниила и Ивана Калиты и внес это в свой текст. Сделал он это с определенным умыслом. Первым читателем его труда должен был стать молодой князь Семен Иванович.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 21. С. 298.

⁶² ПСРЛ. Т. 18. С. 93.

Его отсутствие на похоронах отца, вероятно, служило тогда темой пересудов и упреков. Должно быть, и сам Семен, глубоко чтивший отца, сильно переживал это обстоятельство. В этих условиях упоминание в летописи о том, что и дед Семена Даниил не смог перед кончиной благословить старшего сына, занятого заботами власти, могло быть приятно для державного читателя Свода 1340 г.

Возникает вопрос: откуда составитель Свода 1340 г. взял информацию об отсутствии Юрия в Москве в марте 1303 г.? Ни Свод 1305 г., ни тем более основанный на нем тверской Свод 1327 г. не могли сообщить ему это весьма специфическое известие. Факт этот явно не тянул по своей значимости на историческое событие и едва ли был зафиксирован летописью⁶³. Он мог сохраниться только в памяти какого-нибудь старого московского книжника, очевидца событий 1303 г., или же, что более вероятно, в памяти самого Ивана Калиты. Тоскуя по старшему сыну, князь перед кончиной утешал себя этим воспоминанием и поделился им с придворными, стоявшими у его изголовья. Одним из них, конечно, был его любимец, игумен Спасского монастыря Иоанн. Он-то, должно быть, и внес позднее это воспоминание в приготовленный в Спасском монастыре Свод 1340 г.

В некрологе Ивана Калиты наряду с традиционными, восходящими к летописным образцам выражениями можно заметить и некоторые особенности, отразившие личность автора. Прежде всего, это стремление подчеркнуть общерусский масштаб деятельности князя Ивана. Согласно некрологу, Калиту оплакивают «все народы, и весь мир христианьский и вся земля Русская». И в начале и в конце текста он назван «князем великим... всея Руси». Подобной тенденции нет в некрологе Даниила и даже Александра Невского⁶⁴.

⁶³ Можно думать, что в княжение Юрия Даниловича в Москве велись отрывочные погодные записи, пополнявшие тот фонд раннемосковских известий, который исследователи обозначают как «Летописец Даниловичей» (см.: *Муравьева Л. Л.* Указ. соч. С. 134–135). Однако сам Юрий, кажется, не имел особого интереса к книгам и летописям. Примечательно, что даже его кончина и погребение наиболее подробно описаны новгородским летописцем. Московские летописи не сохранили почти ничего, кроме краткого известия о его смерти. Некролога Юрия Даниловича, в сущности, не существует, если не считать ритуальной фразы новгородского летописца: «И плакася его князь Иван и весь народ плачем великим, от мала и до велика» (НЛ. С. 97). Но даже и этот фрагмент возник довольно случайно: по стечению обстоятельств новгородский архиепископ Моисей оказался в Москве в день похорон Юрия и принял участие в его отпевании. Вероятно, по его инициативе краткое сообщение об этом было внесено в новгородскую летопись. Летописное забвение Юрия объясняется, впрочем, не только слабостью московской литературной традиции в его время, но также и тверской и новгородской «чисткой» дошедших до нас раннемосковских летописей. Сыграло свою роль и отсутствие у Юрия прямых потомков, заинтересованных в его прославлении. Наконец, Юрий явно заслонила исторически более масштабная фигура его младшего брата Ивана Калиты.

⁶⁴ В Своде 1306 г. некролог Александра Невского состоял из краткого сообщения о его кончине и вставленного в текст летописи жития. Такая же композиция имела

Подобно авторам похвалы Ивану Калите и летописного панегирика этому князю, создатель его некролога питал слабость к прилагательному «великий». Оно соответствовало общему приподнятому, патетическому тону его произведения. Оба предка Калиты, князья Александр и Ярослав, названы «великими», но не в смысле «великими князьями», а просто — «великий Александр», «великий Ярослав». Автор замечает, что, похоронив князя Ивана, люди исполнились «великой печали и плача».

Панегирик Калите был помещен в Своде 1340 г. под 1328 г. и служил своего рода торжественным предисловием к описанию правления великого князя Ивана Даниловича. Некролог столь же торжественно подытоживал его деятельность. Оба произведения связаны единством темы и стилистическими параллелями.

Похвала Ивану Калите в Сийском Евангелии, отличаясь по жанру, тем не менее весьма близка к двум названным летописным текстам по своему идейному содержанию и особенностям фразеологии. Это позволяет предположить, что все три произведения принадлежат перу одного автора — выдающегося московского книжника второй четверти XIV в. Из всех трех произведений явствует, что он был глубоким знатоком Священного Писания, древнерусской литературы и летописей. Его патриотизм поднимался над узкомосковскими пристрастиями и возвышался до таких понятий, как «вся Русская земля» и «весь мир христианьский». Главной бедой Руси было для него «насилие татарское», а политическим идеалом — «великая тишина», прекращение ордынских погромов, открывавшее путь к возрождению страны.

4. Летописная запись

об основании Спасского монастыря

Поиски возможного автора намеченного выше ряда произведений, посвященных Ивану Калите, приводят к летописной статье 1330 г., повествующей об основании в московском Кремле мужского Спасского монастыря. В наиболее раннем виде она читается в Рогожском летописце, сохранившемся в рукописи 40-х годов XV в.

«Того же лета месяца мая в 10 день, святого апостола Симона Зилота, благоверный князь великий Иоан Данилович заложил церковь

и в Своде 1408 г. (см.: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 328). В житии Александр назван «солицем земли Суздальской» и сцена оплакивания князя носит сугубо местный, «владимирский» характер (Памятники литературы Древней Руси. XIII век. С. 438). Единственным, кто поднялся до осознания общерусской значимости деяний Александра Невского, был новгородский летописец, отметивший, что князь много потрудился «за Новгород и за всю Русьскую землю» (НЛ. С. 84).

камену на Москве во имя святого Спаса честнаго Его Преображения, близ сушоу своего двора, и нарече быти ту монастырь и собора черноризци и възлюбю монастырь тѣи паче иных монастырев и чясто приходя в него молитвы ради и много милостыню подаваше мнихом, живущим ту, ясти же и пити и одежа и оброку и всяка требованиа неоскудно и лготу многу и заборонь велику творяше им и еже не обидимым быти никым же. И церковь ту оукраси иконами и книгами и съсуды и всякими узорочии. И преведи ту прѣваго архимандрита Иоана, мужа сановита суща, разумна же и словесна сказателя книгам, иже за многую его добродетель последи поставлен бысть епископом Ростову и тамо добре оупасе порученое ему стадо, в старости глубоце к Господу отиде. Глаголють же неци от древних старецъ, яко прѣвии бе князь Данило Александрович сиа архимандритию имеяше у святого Данила за рекою, яко в свое ему имя церкви тои поставленеи сущи, последи же не по колицех летех сын его князь великий Иоан боголюбив сын паче же рещи мнихолюбив и страннолюбив и топлее сын верою и приведе отьтуду архимандритию ту и близь себе оучини ю, хотя всегда в дозоре видети ю и въздвиже и оустрои таковую богомолию и приобрете себе мзду благочестну и славу богоугодну, благу бо часть избра, яже не отьимется от него да яко же онъ христолюбивый князь благо основание положи, сице и дети его и внучата и правнучата по тому же ходяще и тако же творяше ту же мзду и славу приемлють, благаго бо корени и отрасли благородни суще»⁶⁵.

Данная запись восходит к Своду 1408 г. и состоит из двух хронологических пластов⁶⁶. Первый — запись современника о постройке в московском Кремле каменного Спасского собора и основании князем Иваном Даниловичем Спасского монастыря. Это сообщение, основанное на современной событию записи, следует отнести к Своду 1340 г. Оно первоначально заканчивалось словами «и всякими узорочьи». Второй хронологический пласт — рассуждение об архимандрите Иоанне и о переносе архимандритии из Данилова монастыря в Спасский. На время этой записи указывает упоминание о еще здравствующих «древних старцах», которые помнят времена, когда архимандрития была в Даниловом монастыре. Время молодости «древних старцев» — 1330-е гг., а время их старческих припоминаний — 1380-е гг. Таким образом, воспо-

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 45–46. В Симеоновской летописи фрагмент о Спасском монастыре почти дословно совпадает с текстом Рогожского летописца. В Никоновской летописи данный сюжет изложен значительно более пространно. Однако все «избытки» этого варианта возникли за счет риторических украшений первоначального текста. Никаких новых фактов вариант Никоновской не содержит.

⁶⁶ См.: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 360; *Он же.* История русского летописания... С. 196–197. На сложный состав записи об основании Спасского монастыря, а также на ранний характер ее основного ядра справедливо указывает и Л. Л. Муравьева (см.: *Муравьева Л. Л.* Летописание Северо-Восточной Руси XIII — начала XV века. М., 1983. С. 152).

минания о даниловской архимандритии и спасском архимандрите Иване попали в московскую летопись не на этапе Свода 1408 г., как полагал М. Д. Приселков, а, скорее всего, на этапе Свода 1389–1392 гг. («Летописца Великого Русского»), дополнив сообщение об устройстве Спасского монастыря. Можно думать, что этот историко-церковный экскурс был порожден борьбой между игуменами московских монастырей за первенство, символом которого служил сан архимандрита. Известно, что в конце 70-х годов XIV в. в Москве архимандритами были и настоятель Высоко-Петровского монастыря Иоани, и настоятель Чудова монастыря Елисей Чететка, и настоятель Спасского монастыря Иван Непейца⁶⁷. Последнего на посту архимандрита сменил княжеский печатник поп Митяй. Назначение новичка, в монашестве Митяя, на столь почетную ступень произошло по настоянию великого князя Дмитрия Ивановича и вызвало сильное недовольство в московских монашеских кругах. Резкое вмешательство Дмитрия Донского в церковные дела привело к длительному кризису в отношениях митрополичьей кафедры и великокняжеской власти.

В условиях «смуты на митрополии» в 1380-е гг. высшие иерархи, участвовавшие в борьбе за митрополичий престол, стремились провести своих людей в сан архимандрита и получить тем самым поддержку московского монашества.

С кончиной Дмитрия Донского и митрополита Пимена в 1389 г. ситуация постепенно нормализуется. Новый великий князь Василий I в 1390 г. приглашает в Москву опального митрополита Киприана, который и объединил под своей властью все православные епархии на территории Литвы и Великороссии.

Стремясь восстановить у себя архимандритию, спасские монахи вносят в Свод 1389–1392 гг. историческую справку, обосновывающую их права на эту привилегию. Отсюда и довольно необычное в своей откровенности объяснение причины, по которой Иван Калита перенес архимандритию в Спасский монастырь («... хотя всегда в дозоре видеть ю») ⁶⁸, и упоминание о «правнучатах» Калиты (то есть сыновьях Дмитрия Донского), которым надлежит следовать заветам своего благочестивого прадеда.

В стилистическом отношении запись об основании Спасского монастыря в том виде, в каком она вышла из-под пера создателя Свода 1389–1392 гг., несет на себе явный отпечаток киево-печерской литературной традиции. Так, например, создатель «Жития Феодосия Печерского» Нестор любил отмечать случаи выдвижения печерских иноков на епископские кафедры. Такие факты украшали историю монастыря, повышали его престиж. Так же рассуждал и книжник XIV в., писавший о Спасском монастыре. Сходство в выражениях позволяет гово-

⁶⁷ См.: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Л., 1978. С. 220–223.

⁶⁸ См.: Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 162.

речь о прямом заимствовании московских летописцев из сюжета о поставлении ростовского епископа Исая в житии Феодосия.

Житие Феодосия Печерского	Запись о Спасском монастыре
<p><i>Тгда же христоролюбивый князь от монастыря великааго отьца нашего Феодосия избрав единого от братия, иже в чьрньчьемь житии просиявша, Исая наричемааго, того же извед, игумена постави в монастыри своемь у святааго мученика Димитрия, иже и послеже добрых ради правь его, поставлен бысть епискупьмь Ростову городу...</i></p> <p>Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. С. 340.</p>	<p><i>...благоверный князь великий Иван Данилович... приведе ту первого архимандрита, имением Ивана... иже за премнозую его добродетель последи поставлен бысть епископом Ростову...</i></p> <p>ПСРЛ. Т. 18. С. 91.</p>

Другой фрагмент жития Феодосия повествует о карьере инока Стефана⁶⁹. Поначалу он был экклесиархом в Киево-Печерском монастыре⁷⁰. «Послеже же игумену сущу того монастыря по съмрьти блаженнааго Феодосия, таче по томь епискупу в Володимирьскую оболость»⁷¹.

Сходство двух произведений прослеживается и в изображении благочестивого князя, покровителя монастыря. В житии Феодосия князь Изяслав Ярославич описан так: «Боголюбивый же князь Изяслав, иже поистине бе тепл на веру... съ любовью имеа... не просту к отцу нашему Феодосию, и часто приходя к нему, и духовных тех словес насыщаяся от него»⁷². В записи о Спасском монастыре находим весьма сходные выражения: «...князь великий Иван, боголюбив сын... и теплее сын верою». Несколько выше говорится о его любви к обители: «... и възлюби монастырет, паче инех монастырев, и часто прихожаше в онь молитвы ради...»⁷³

Все эти параллели позволяют думать, что автором записи об основании Спасского монастыря (точнее, ее второй части, посвященной игумену Ивану и переносу архимандритии) был некий киевлянин из свиты

⁶⁹ Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. С. 340.

⁷⁰ Экклесиарх – монах, ответственный за правильность совершения церковной службы.

⁷¹ Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. С. 342.

⁷² Там же. С. 368.

⁷³ ПСРЛ. Т. 18. С. 91.

митрополита Киприана, поселившийся в придворном Спасском монастыре. В этой связи уместно вспомнить, что именно митрополичий протодьякон Арсений, возведенный Киприаном в 1392 г. на тверскую епископскую кафедру, был инициатором создания «Арсениевской редакции» Киево-Печерского патерика, включавшей и «Житие Феодосия Печерского»⁷⁴.

Для выяснения истоков записи о Спасском монастыре в Своде 1389–1392 гг. следует отметить и то, что одним из самых близких к митрополиту Киприану людей был ростовский епископ Григорий, получивший кафедру в 1396 г.⁷⁵ Именно он мог быть источником сведений о том, что бывший спасский игумен Иван, став ростовским владыкой, дожил до глубокой старости и оставил по себе добрую память. Вероятно, еще до поставления на ростовскую кафедру Григорий был как-то связан с этим городом. Впрочем, не исключается и то, что он был причастен к составлению митрополичьего Свода 1408 г. и внес дополнение о ростовском периоде деятельности архимандрита Ивана уже на этом этапе летописной работы.

Как бы там ни было, автор второй части записи, несомненно, был достаточно хорошо осведомлен о личности первого спасского архимандрита. Характеризуя его достоинства, он использует не обычные трафаретные выражения («благочестивый», «блаженный», «смирный» и т. п.), а достаточно индивидуальные, «портретные» определения — «мужа сановита... разумна же и словесна и сказателя книгам».

Вчитываясь в текст записи, можно заметить и еще некоторые подробности, относящиеся к архимандриту Ивану. Сказано, например, что князь Иван Данилович «приведе» иерарха в новый монастырь. Данное выражение, видимо, употреблено не случайно. Оно указывает на то, что Иван не был воспитанником одной из московских обителей, а был именно «приведен» в Москву откуда-то издалека. В этой связи уместно вспомнить о той волне переселений из Ростова в Московское княжество, которая имела место около 1328 г.⁷⁶ Возможно, среди прочих князь Иван «привел» тогда в Москву и украшенного многими достоинствами «сказателя книгам» Ивана.

Примечательно, что летописная запись не говорит о поставлении Ивана в сан архимандрита. Видимо, он уже имел его, придя в качестве настоятеля в создаваемую Калитой Спасскую обитель. Если бы Иван был прежде архимандритом Данилова монастыря, этот факт был бы,

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 15. Спб., 1863. Стб. 445; Памятники литературы Древней Руси. XII век. С. 692.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 39. М., 1994. С. 135, 138.

⁷⁶ Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века... С. 288; см. также: Голубинский Е. Е. Преп. Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра // ЧОИДР. 1909. Кн. 2. С. 19–21. По мнению В. А. Кучкина, данное событие имело место в 1332 г. (см.: Кучкин В. А. Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 76). Однако аргументация данной датировки не вполне убедительна.

конечно, отмечен автором записи об основании Спасского монастыря. Помимо настоятеля Данилова монастыря сан архимандрита имели в то время в Северо-Восточной Руси только игумены Рождественского монастыря во Владимире, Авраамиева Богоявленского монастыря в Ростове и Спасского монастыря в Ярославле⁷⁷.

Известно, что именно Ростов в силу ряда обстоятельств стал во второй половине XIII — начале XIV в. ведущим религиозным и культурным центром Северо-Восточной Руси⁷⁸. Заботясь о становлении московской культурной традиции, Иван Калита должен был искать пригодных для этой работы людей прежде всего в Ростове. Одним из них был ростовский епископ Прохор. Он был близок с Иваном Калитой и митрополитом Петром, активно участвовал в посмертном прославлении последнего⁷⁹.

С Ростовом Ивана Калиту связывали и устойчивые политические интересы, и личные родственные связи. Все это позволяет предположить, что первый спасский архимандрит Иван прежде возглавлял ростовский Авраамиев монастырь. В 1346 г. он вернулся в Ростов уже в качестве епископа и умер здесь в 1356 г.⁸⁰

Если данное предположение верно, становится более понятным и сообщение Никоновской летописи о посольстве Ивана Калиты к митрополиту Феогносту в Киев по вопросам, связанным с основанием Спасского монастыря⁸¹. Решение о переводе архимандрита из одной епархии в другую могло быть принято только высшей церковной инстанцией.

Деятельность архимандрита Ивана в Москве началась около 1330 г. и закончилась в 1346 г., когда он был возведен на ростовскую кафедру. В этот период московское летописание представлено последовательной чередой точно датированных записей, относящихся прежде всего к делам церковным или к событиям в семье Ивана Калиты. Как бы подытожив княжение Ивана Калиты Сводом 1340 г., московский летописец и после этой даты продолжал до середины 40-х

⁷⁷ См.: Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. С. 161—162.

⁷⁸ См.: Борисов Н. С. Русская архитектура и монголо-татарское иго 1238—1300 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1976. № 6. С. 67—71.

⁷⁹ См.: Седова Р. А. Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993. С. 29—32.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 64.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 10. Стб., 1885. С. 203. Согласно византийской традиции, основатель (китор) монастыря имел право выдвинуть своего кандидата на пост настоятеля. Однако епархиальный архиерей мог отвести предложенную кандидатуру и назначить другое лицо (Thomas J. Private Religious Foundations in the Byzantine Empire. *Dumbarton Oaks Studies*. XXIV. Washington, D. S. 1987. P. 53). Уже по одному этому Калита должен был представить своего кандидата на пост настоятеля Спасского монастыря митрополиту Феогносту. Впрочем, традиция Русской церкви XII—XIII вв. состояла в том, что митрополит утверждал того кандидата на роль епископа или настоятеля, которого предлагал местный князь (см.: Флоря Б. Н. Отношения государства и церкви у восточных и западных славян. Эпоха средневековья. С. 60—62).

годов XIV в. вести погодные записи в том же стиле и с тем же вполне определенным кругом интересов. Характерным признаком этого стиля можно считать свойственное всем трем произведениям, посвященным Ивану Калите (Похвала в Сийском Евангелии, летописная запись о «великой тишине» 1328 г., летописный некролог под 1340 г.), увлечение эпитетом «великий»⁸². Постоянное его использование придает стилю московского летописца (архимандрита Ивана?) патетическую приподнятость и мистическую многозначительность.

Другая столь же характерная черта этого выдающегося московского книжника — приверженность теме «всей Русской земли». Она звучит не только в его летописных и внелетописных произведениях, посвященных Ивану Калите, но также и в рядовых, погодных известиях московской летописи второй четверти XIV в. Так, например, о митрополите Феогносте под 1328 г. сказано, что он был поставлен «на всю Русскую землю»⁸³. Под 1332 г. — сообщение о том, что «бысть меженина велика в земли Русской»⁸⁴. Под 1339 г. после рассказа о походе русско-татарской рати на Смоленск летописец замечает: «Милостию же Божиею вся съблюдена бысть рать русская»⁸⁵. Под 1340 г. отмечен «съезд на Москве всем князем Роусским»⁸⁶.

Последнее известие в «Истории» В. Н. Татищева дополнено уникальной подробностью — изложением речи, с которой выступил на московском съезде князь Семен Иванович⁸⁷. Примечательно, что в этой речи один из ключевых образов — «вся Русская земля», которую захватили татары и которую общими усилиями князей следует от поганых «оборонити»⁸⁸.

⁸² По Симеоновской летописи в статье 6835 г. — «великая рать», «великая тягость», 6840 г. — «меженина велика», 6841 г. — «брак велик», 6845 г. — «поводь велика», 6848 г. — «в велицен... церкви», «велие съезд», 6851 г. «пожар великни», 6852 г. — «величества ради церкви тоя», 6854 г. — «три колоколы великна», «мор велик», 6855 г. — «поводь велми велика», «бои велик зело». Далее эта особенность летописного стиля исчезает совершенно. Нет ее и в тверских известиях этого периода, наиболее полно представленных в Рогожском летописце.

⁸³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 44; Т. 18. С. 91.

⁸⁴ Там же. Стб. 46; Т. 18. С. 91.

⁸⁵ Там же. Стб. 52; Т. 18. С. 93.

⁸⁶ Там же. Стб. 53; Т. 18. С. 93.

⁸⁷ Происхождение этого известия можно объяснять по-разному. Однако следует отметить, что под 1340 г. у Татищева содержится помимо этой речи и ряд других уникальных подробностей о начале княжения Семена Гордого (о беседах московских князей с ханом в Орде, о речи Семена к новгородским послан в Торжке и об их унижениях перед ним). Все эти известия носят характер записей лица, находившегося при князе или же получавшего сведения из достоверных бесед с ним. Таким приближенным к великому князю книжником мог быть прежде всего спасский архимандрит Иван. Возможно, Татищев имел в своем распоряжении не дошедшие до нас летописные тексты, сохранявшие фрагменты летописи архимандрита Ивана, изъятые в силу изменившейся политической конъюнктуры уже из свода 1389–1392 гг.

⁸⁸ Татищев В. Н. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М., 1996. С. 94.

Представленные выше произведения московской публицистики первой половины XIV в. носят фрагментарный характер. Это и понятно, если вспомнить хотя бы тот огромный урон, который понесла московская книжность в результате разгрома Москвы Тохтамышем в 1382 г. Однако и в таком виде эти фрагменты, рассмотренные в контексте всей информации о деятельности Ивана Калиты, позволяют говорить о том, что уже во второй четверти XIV в. было преодолено известное отставание Москвы от Твери в области идейного обоснования политики обоих феодальных центров.

Религиозно-политические идеи ранней Твери отразились как в ее культовом строительстве, так и в памятниках письменности (летописный Свод 1305 г., послание монаха Акиндина тверскому князю Михаилу Ярославичу, «Повесть о Михаиле Тверском»). Общественная мысль Твери первой четверти XIV в., отразившая настроение ее феодальных верхов, отмечена антиордынскими настроениями, а также идеей безусловного подчинения младших князей своему сюзеру — великому князю Владимирскому⁸⁹. Есть в ней и византийская по своим истокам мысль о великом князе как «царе» — главе церковной организации Северо-Восточной Руси⁹⁰. Однако особенностью тверской идеологии (как, впрочем, и тверской политики) была ее беспочвенность, слабая связь с реальными достижениями и возможностями местных князей. Запутавшийся в долгах и почти не выходявший из Орды великий князь Михаил Ярославич, несмотря на силовые методы своей политики, был в действительности очень мало похож на «самодержца». Его сыновья Дмитрий и Александр потеряли власть в Твери и во Владимире, даже не успев как следует освоиться с ней. Третий Михайлович, Константин, правил в Твери с вечной оглядкой на Москву.

Москва испытала серьезную потребность в собственных религиозно-политических идеях лишь с приходом Ивана Калиты на великое княжение Владимирское в 1328 г. Определяющее воздействие на характер раннемосковских теорий оказали именно события 1327–1328 гг. — тверской мятеж и страшный погром тверской земли татарами. Другим катализатором московской общественной мысли стал приезд в Москву митрополита Петра и связанное с этим масштабное культовое строительство в московском Кремле. Оба события были в значительной мере случайными (во всяком случае, выглядели таковыми) и потому неизбежно порождали мысли о «Божием Промысле». В итоге центральной темой московских книжников времен Ивана Калиты стала тема богоизбранности Москвы и московской династии. Свидетельства этой богоизбранности искали и находили повсюду: в скромном династическом положении Даниила Московского, сходном с положением

⁸⁹ См.: Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в. М., 1990. С. 46–54.

⁹⁰ См.: Флоря Б. Н. О некоторых аналогиях... С. 241–242.

других «избранников» — Всеволода Большое Гнездо и библейского царя Давида; в том, что митрополит Петр избрал для жительство скромный городок («град честен кротостию») Москву; в том, что татарский погром 1328 г. миновал Москву, и во многом другом.

Чертами «Божиего избранника» московские книжники щедро наделили и самого Ивана Калиту. Он — «царь последних времен», новый Соломон, с приходом которого в стране воцарилась почти мистическая «великая тишина».

Тема богоизбранности являлась парафразой темы «Божией милости». На смену безысходной философии «гнева Божиего» пришла более оптимистическая вера в то, что Москва заслужила «Божью милость», а значит, близок и конец эпохе «насилия поганых».

В истории Руси избранничество было сакральной прерогативой Киева и Владимира. В первом случае его засвидетельствовал апостол Андрей, во втором — сама Божия Матерь через свою чудотворную икону. Избрание Москвы совершилось через митрополита Петра. Следовательно, он неизбежно должен был быть святым. Именно здесь, а не в мелочном честолюбии москвичей, их амбициозном желании иметь собственного святого — причина той невероятной энергии, с которой князь Иван добивался канонизации Петра во Владимире и Константинополе.

При таком понимании событий московская публицистика времен Ивана Калиты не могла, конечно, содержать явных антиордынских идей. (Разумеется, они могли существовать на уровне обыденного сознания, выражаться в княжеских речах и фольклоре.) Идея стойкости в отстаивании своей веры, восходящая к ветхозаветной книге Даниила и воплощенная на русской почве в образе князя Михаила Черниговского, органично вписалась в московскую концепцию в силу как ее религиозного содержания, так и вполне вероятных родственных связей московской династии с домом Михаила Черниговского.

Историко-философское осмысление происходящего, как обычно, отставало от самих событий. Идея богоизбранности Москвы укоренялась и развивалась параллельно с политическими успехами ее правителей, подпитываясь ими. На основе ее тщательного усвоения в последней четверти XIV в. началась работа по обоснованию роли Москвы как центра объединения русских земель и лидера в борьбе за освобождение страны от чужеземного ига.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном исследовании был использован практически весь фонд сведений, прямо или косвенно относящихся к политике первых московских князей. При этом само понятие «политика» рассматривалось предельно широко, включая ее отражение в религиозно-политических идеях и семейных традициях, художественных образах и общественных настроениях. Характер источниковой базы не позволяет исследователям показать социально-экономическую систему Московского княжества в конце XIII — первой половине XIV в. Но с тем большим вниманием следует отнестись к сведениям, которые касаются политической истории. Правильные представления в этой области откроют новые возможности для проникновения в другие, менее доступные сферы жизни ранней Москвы.

Обращаясь к московской политике, следует прежде всего напомнить известное суждение В. О. Ключевского: «...московские князья рано выработывают своеобразную политику, с первых шагов начинают действовать не по обычаю, раньше и решительнее других сходят с привычной колеи княжеских отношений, ищут новых путей»¹. Историк чутко угадал главное: первые московские князья в своей политике выработали новые подходы и принципы. В этом — едва ли не главная причина их успеха.

Однако там, где В. О. Ключевский пытается определить причины, обусловившие своеобразие московской политики, и выяснить, в чем же конкретно заключалось это своеобразие, его построения часто превращаются в оторванные от источников умозрительные схемы. Объяснения Ключевского вкратце сводятся к тому, что династическое положение Даниила Александровича и его потомков как младших в роду лишало их возможности достичь заветного владимирского стола обычным, «лестничным» порядком. Не имея перспективы получить желаемое законным и мирным путем, московские князья превратились в «беззастенчивых хищников», устремившихся к цели по головам

¹ Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. Т. 2. М., 1988. С. 13.

своих сородичей. Со времен Калиты они проявили себя и в другом качестве: как «скопидомные, домовитые устроители своего удела»². Еще одной характерной чертой политики московских князей Ключевский называл «угодничество», раболепство перед ханами Золотой Орды, позволившее им получить поддержку татар.

Историк, по-видимому, чувствовал недостатки своей схемы и неоднократно возвращался к ней, обогащая новыми штрихами. Однако слабые места этого построения (тиражированного множеством позднейших историков и публицистов) очевидны. Что касается династического положения москвичей, то после смерти Михаила Тверского в 1318 г. Даниловичи, бесспорно, становятся старшими среди потомков Ярослава Всеволодовича. (Ростовская линия потомков Константина Всеволодовича в спорах за великое княжение участия не принимала.) Возвращаясь к характеристике москвичей как «хищников», «скопидомов» и «угодников», следует отметить, что В. О. Ключевский не приводит (и не может привести!) каких-либо доказательств того, что эти черты были характерны для Даниловичей в большей мере, чем для других князей той эпохи.

На основе тщательной проработки всего фонда источников по политической истории Северо-Восточной Руси в конце XIII — первой половине XIV в. мы можем утверждать следующее.

Уже при Данииле Александровиче определились основные принципы московской политики. К ним относится прежде всего сознательный отказ от попыток силовыми методами или с помощью интриг в Орде получить великое княжение Владимирское. История соперничества Дмитрия и Андрея Ярославичей наглядно свидетельствовала о пагубности этого пути как для самих князей, так и для их подданных. Вместе с тем после кончины Дмитрия Александровича в 1294 г. Даниил естественным образом выходит на роль второго лица в политической иерархии Северо-Восточной Руси. Это положение, подкрепленное значительным экономическим и военным потенциалом Москвы, оказалось весьма выигрышным. Он был свободен от разнообразных расходов, связанных с политическим первенством. К нему тянулись все недовольные великим князем Андреем Александровичем — от Ивана Переяславского до новгородских бояр. Эти настроения Даниил умело использовал для усиления Москвы и расширения своих владений. Характеризуя методы московской экспансии, нельзя говорить о какой-то особой агрессивности Даниила. История с Переяславлем показывает один из мирных способов приращения им московских владений. Что же касается Коломны и Можайска, то гипотеза об их постепенном и мирном освоении москвичами не менее (а на наш взгляд, и более) убедительна, чем мнение об их грабительском завоевании.

² Ключевский В. О. Указ. соч. С. 14.

Мирная политика Даниила имела под собой вполне реальные экономические обоснования. Здравый смысл подсказывал этому князю, что только в условиях «тишины» Москва будет привлекательна для многочисленных переселенцев из других земель, приток которых питал ее могущество.

После кончины Даниила в 1303 г. его наследник князь Юрий Данилович сохраняет отцовские приоритеты в области политики. Он не проявляет особого желания получить великое княжение Владимирское и успешно пользуется теми преимуществами, которые давала роль «второго лица». Юрий решительно и умело пресекает попытки ослабить Москву путем внутренних раздоров или навлечь на нее гнев Орды. Подобно отцу, он идет на сближение с Новгородом, где усиливается недовольство действиями великого князя Михаила Ярославича Тверского.

Укрепив свои позиции женитьбой на ханской сестре, Юрий становится участником «большой политики» Орды в Восточной Европе. Опрометчивая политика Михаила Тверского, взвалившего на свои плечи непосильную ношу великого княжения, привела его к политической, а затем и физической смерти. В этих условиях Орда, исходя из своих далеко идущих планов, передает Юрию ярлык на великое княжение. В качестве великого князя Владимирского Юрий избегает военных конфликтов, однако не допускает ущемления своих прерогатив как единоличного представителя всей Северо-Восточной Руси в Орде.

Внезапная кончина жены Юрия обесценивает его в глазах ордынской дипломатии как возможного родоначальника русско-монгольской династии. Неспособность московского князя ликвидировать давние долги Северо-Восточной Руси по ордынским платежам усиливает недовольство хана. В то время как Юрий в поисках средств отправляется в Новгород, тверские и ордынские недруги убеждают хана лишить старшего Даниловича ярлыка на владимирское и даже на московское княжение. Явившись в Орду два года спустя, Юрий становится жертвой убийц, посланных тверским князем Дмитрием Михайловичем.

Источники не дают оснований говорить о какой-либо повышенной агрессивности этого князя. Напротив, оригинальность Юрия состояла в его миролюбии, отказе от претензий на великое княжение Владимирское. В политической драме Юрий явно предпочитал играть ту же выигранный роль, что и его отец — роль «второго лица» в Северо-Восточной Руси. Поневоле оказавшись первым, он вскоре стал жертвой этого двусмысленного положения.

Политика московских князей может быть правильно понята только в сопоставлении с политикой тверских князей, основы которой заложил князь Ярослав Ярославич Тверской. Тверская политика изначально отличалась склонностью к силовым методам, неоправданному риску и «игре не по карману». Основы экономического могущества Твери были

заложены в 80–90-е годы XIII в., когда княжеством осторожно управляла княгиня-вдова Ксения. Самостоятельный выход Михаила Ярославича на политическую сцену знаменовал собой возврат к прежним авантюристическим методам.

«Игра не по карману» заставляла тверских правителей широко прибегать к насилию и террору, умножая тем самым ряды своих врагов. И Дмитрий, и Александр Михайловичи следовали по стопам своего отца. Закономерным итогом этой силовой политики стало появление в Твери отряда Шевкала и восстание 1327 г., надолго (если не навсегда) перечеркнувшее политические перспективы Твери. Нет оснований говорить о каком-то особом героизме или благородстве тверских князей. Те из них, кто сложил голову в Орде, увенчали свой конец ореолом мученичества. Однако в повседневной жизни той эпохи главной политической добродетелью была дальновидность, чувство ответственности за судьбу своих подданных. Но как раз в этом у тверичей был явный недобор. И никакие рассуждения агиографов не в состоянии этого опровергнуть.

Участие Ивана Калиты в походе татар на Тверь зимой 1327/28 г. было вынужденной акцией. Нельзя увидеть здесь какую-то особенную низость московского князя. С татарами ходили едва ли не все князья той эпохи. Уклонившись от участия в «Федорчуковой рати», Калита не спас бы Тверь от погрома, но поставил бы под удар собственное княжество.

Более интересно другое. Среди исследователей идет давний спор о том, в какой мере действия русских князей были самостоятельными, а в какой определялись повелениями Орды. Кроме того, существуют различные точки зрения и относительно того, сколь важную роль отводила Орда Северо-Восточной Руси в плане борьбы с литовской экспансией и сколь серьезно воспринимал хан Узбек литовскую угрозу.

Эти вопросы всплывают и в связи с решением хана в 1328 г. разделить великое княжение Владимирское между Иваном Калитой и князем Александром Суздальским. Здесь видят прежде всего непосредственную реакцию хана на тверское восстание, попытку ослабить русские земли путем создания системы «двоевластия». Однако, учитывая отмеченную выше тенденцию в политике Москвы к уклонению от бремени великокняжеских забот и обязательств, эту историю следует понимать иначе. Не хан, а Иван Калита предложил разделить великое княжение, мотивируя это трудностями со сбором дани, невозможностью для одного человека углядеть за столь обширной территорией. Огромные недоимки по платежам служили веским подтверждением такого рассуждения. Именно эти недоимки (точнее, силовые методы их взыскания) и привели к ростовскому, а потом и тверскому мятежу. Разграбление мятежных областей, разумеется, не могло решить проблему, но только обостряло ее. Учитывая все это, хан склонен был искать новых решений. И князь Иван подсказал ему такое

решение. Схема раздела была также подсказана Калитой. Себе он взял наиболее доходные статьи: Новгород и вскормленную волжской торговлей Костромой. Своему «коллеге» Александру Суздальскому Иван Данилович отдал престижный, но немощный в податном отношении Владимир с округой. Недалекий и амбициозный суздальский князь клонул на эту наживку. В итоге Калита получил еще несколько лет покоя, позволивших ему заново отстроить соборный комплекс на Боровицком холме.

Кончина Александра Суздальского в 1331 г. заставила Калиту принять на себя весь гнет ордынского «тягла». Для него настали трудные времена. Очевидно, исполнить все запросы Орды он был не в состоянии. Признаком недовольства Узбека стало «прощение» мятежного тверского князя Александра в 1336 г. Однако, опираясь на окрепшую за десятилетия «тишину» экономики Москвы, умело используя различные способы воздействия на Новгород, Калита сумел в целом удовлетворить притязания Орды. Ситуация благоприятствовала ему и в том отношении, что Москва практически не имела в этот период серьезных политических конкурентов и могла, не оглядываясь на Тверь, заняться упорядочением административной системы в Северо-Восточной Руси. Эта работа дала хороший стимул и для развития экономики.

Консолидация Северо-Восточной Руси под эгидой Москвы устраивала Орду как в податном, так и во внешнеполитическом аспектах. Хан надеялся использовать объединенные силы русских князей в качестве сильного аргумента в своих спорах с Литвой.

Иван Калита существенно пересмотрел принципы московской политики, намеченные Даниилом и развитые Юрием Даниловичем. Оставив главным приоритетом «тишину», князь Иван в силу изменившихся обстоятельств должен был разработать новую модель московской политики. Теперь ему приходилось играть роль «первого лица» в Северо-Восточной Руси, но при отсутствии дышавшего в затылок «второго лица». В этой новой ситуации преимущества великокняжеского статуса в целом перевешивали его недостатки. Именно поэтому князь Иван так много усилий приложил для обеспечения великокняжеского венца своему старшему сыну Семену. Именно поэтому он, очевидно, много сделал для уничтожения Александра Тверского, претендовавшего на выигрышную роль «второго лица».

Политика Ивана Калиты, сохраняя традиционную для москвичей склонность к компромиссам и мирным методам экспансии, отличалась масштабностью и идейным богатством. При его дворе расцветает публицистика, осколки которой можно видеть в приписке к Сийскому Евангелию и уцелевших фрагментах раннемосковского летописания. Он осуществляет перестройку московского Кремля, сопоставимую со строительством Ивана III. Обновленный московский Кремль призван был стать достойной резиденцией великого князя Владимирского и митрополита Киевского и всея Руси.

Об отношениях Ивана Калиты с церковью написано немало. Следует, однако, подчеркнуть, что сближение с Москвой отвечало коренным интересам главы Русской Церкви, озабоченного поиском новой постоянной резиденции. Москва по многим признакам была наиболее подходящим кандидатом на роль церковной столицы Северо-Восточной Руси. Кроме того, окончательный переезд митрополита в Москву относится лишь ко второй половине XIV в. Страннический образ жизни митрополитов Петра, Феогноста, а поначалу и Алексея убедительно свидетельствует о том, что роль Москвы как церковной столицы окончательно определилась лишь тогда, когда окончательно определилась ее роль как столицы светской. Прямое содействие митрополитов московским князьям допускалось лишь там, где оно отвечало интересам и задачам кафедры.

Политика Ивана Калиты получила продолжение в деятельности его сыновей, великих князей Семена Гордого и Ивана Красного. Эта политика подготовила почву для развития новых идей и настроений, отчетливо обозначившихся уже в эпоху Дмитрия Донского. Но, несмотря на все повороты идей и событий, сутью московской политики в XIV в. оставались тесная связь собственно московских задач с задачами общенациональными, а также чувство огромной религиозной ответственности, свойственное строителям Московского государства. Именно такая политика открывала Москве путь к превращению в столицу единого Русского государства.

ЛИТЕРАТУРА

Источники

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. III. М., 1964.

Волоколамский патерик (По рукописи Московской Синодальной библиотеки № 927). Сергиев Посад, 1915.

Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. М.; Л., 1950.

Житие митрополита Петра. Все редакции // *Седова Р. А.* Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993.

Житие Пафнутия Боровского. — В приложении к ст.: *Кадлубовский А. П.* Житие преподобного Пафнутия Боровского, написанное Вассианом Саниным // Сборник Историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине. Т. 2. Нежин, 1899.

«Записки касательно Российской истории» императрицы Екатерины II // Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. Труды исторические. СПб., 1906.

Идея Рима в Москве XV—XVII веков. Источники по истории русской общественной мысли. Рим, 1993.

Иларион. Слово о Законе и Благодати. М., 1994.

Малиновский А. Ф. Обзорение Москвы. М., 1992.

Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. М.; Л., 1950.

Памятники византийской литературы IX—XIV веков. М., 1969.

Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980.

Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.

Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981.

Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982.

Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984.

Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1962.

Полное собрание русских летописей. Т. IV. Вып. 1. Новгородская 4 летопись. Пг., 1915; Вып. 2. Новгородская 5 летопись. Пг., 1917.

Полное собрание русских летописей. Т. V. Псковские и Софийские летописи. Спб., 1851.

Полное собрание русских летописей. Т. VI. Софийская 2 летопись. Спб., 1856.

Полное собрание русских летописей. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. Спб., 1856.

Полное собрание русских летописей. Т. X. Никоновская летопись. Спб., 1885.

Полное собрание русских летописей. Т. XV. Вып. 1. Рогожский летописец. М., 1965.

Полное собрание русских летописей. Т. XV. Тверской сборник. М., 1965.

Полное собрание русских летописей. Т. XVI. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. Спб., 1889.

Полное собрание русских летописей. Т. XVII. Западнорусские летописи. Спб., 1907.

Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. Симеоновская летопись. Спб., 1913.

Полное собрание русских летописей. Т. XX. Львовская летопись. Ч. 1. Спб., 1910.

Полное собрание русских летописей. Т. XXI. Первая половина. Кн. Степенная царского родословия. Спб., 1908.

Полное собрание русских летописей. Т. XXI. Вторая половина. Кн. Степенная царского родословия. Спб., 1913.

Полное собрание русских летописей. Т. XXII. Русский хронограф. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 года. Спб., 1911.

Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Типографская летопись. Пг., 1921.

Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949.

Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959.

Полное собрание русских летописей. Т. XXVIII. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. Уваровская летопись. М.; Л., 1963.

Полное собрание русских летописей. Т. XXX. Владимирский летописец. М., 1965.

Полное собрание русских летописей. Т. XXXI. Летописцы последней четверти XVII века. М., 1968.

Приселков М. Д. Троицкая летопись. (Реконструкция текста.) М.; Л., 1950.

Псковские летописи. Вып. 2. М.; Л., 1941.

Путешествия в Восточные страны (*Джиованни дель ПIANO Карпини*. История монголов. *Гильом де Рубрук*. Путешествия в Восточные страны). М., 1957.

Русская историческая библиотека. 2-е изд. Т. VI. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Спб., 1908.

Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. Вып. 2-3. М., 1987.

Татищев В. Н. История Российская. Т. 5. М.; Л., 1965.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Спб., 1884.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л., 1941.

Ханские ярлыки русским митрополитам // Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 1987.

Историография

Аверьянов К. А. Московское княжество Ивана Калиты. Введение. Историческая география завещания Ивана Калиты. М., 1993.

Аверьянов К. А. Московские «трети». Звенигород. История вхождения в состав Московского княжества. М., 1993.

Аверьянов К. А. Московское княжество Ивана Калиты. Присоединение Коломны. Приобретение Можайска. М., 1994.

Александров Д. Н., Володихин Д. М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII — XVI веках. М., 1994.

Барabanов Н. Д. Византия и Русь в начале XIV в. (Некоторые аспекты отношений патриархата и митрополии) // Византийские очерки. М., 1991.

Беляев Л. А. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1995.

Бержков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

Бетин Л. В. Исторические основы древнерусского высокого иконостаса // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV—XVI вв. М., 1970.

Борзаковский В. С. История Тверского княжества. Спб., 1876.

Борисов Н. С. Русская архитектура и монголо-татарское иго 1238–1300 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1976. № 6.

Борисов Н. С. К изучению датированных летописных известий XIV–XV веков // История СССР. 1983. № 4.

Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М., 1986.

Борисов Н. С. Московские князья и митрополиты XIV века // Вопросы истории. М., 1986. № 8.

Борисов Н. С. Иван Калита. М., 1995.

Брюсова В. Г. О времени освящения новгородской Софии // Культура средневековой Руси. Л., 1974.

Бугославский Г. К. Рукописные евангелия древнехранилища Архангельского епархиального церковно-археологического комитета. Архангельск, 1904.

Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. М., 1960.

Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. М., 1966.

Буланин Д. М. Владимирский Рождественский монастырь как культурный центр Древней Руси // ТОДРЛ. Т. 36. Л., 1981.

Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. М., 1993.

Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994.

Бычкова М. Е. Первые родословные росписи литовских князей в России // Общество и государство феодальной России. М., 1975.

Вагнер Г. К. Легенда о семи спящих эфесских отроках и ее отражение во владими́ро-суздальском искусстве // Византийский временник. Т. 23. М., 1963.

Вагнер Г. К., Шеляпина Н. С. Фрагменты раннемосковской скульптуры из находок в Московском Кремле // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1975. М., 1976.

Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Вздорнов Г. И. Из истории искусства русской рукописной книги XIV века // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972.

Воронин Н. Н. Архитектурный памятник как исторический источник. Заметки к постановке вопроса // Советская археология. Вып. 19. М., 1954.

Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. 1. М., 1961; Т. 2. М., 1962.

Выголов В. П. Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988.

Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966.

Головань И. А. Новые данные по иконографии древней росписи Софии Киевской // София Киевская. Киев, 1973.

Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. 2-я половина тома. М., 1881.

Голубинский Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. Ч. 1. Жизнеописание преподобного Сергия // ЧОИДР. 1909.

Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV – начале XVI века. М., 1974.

Горский А. А. Брянское княжение в политических взаимоотношениях Смоленска, Москвы и Литвы XIV в. // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. М., 1990.

Горский А. А. Москва, Тверь и Орда в 1300–1339 годах // Вопросы истории. 1995. № 4.

Горский А. А. Политическая борьба на Руси в конце XIII века и отношения с Ордой // Отечественная история. 1996. № 3.

Горский А. А. К вопросу о причинах «возвышения» Москвы // Отечественная история. 1997. № 1.

Греков И. Б. Заключительная часть Троицкой летописи и проблема авторства летописного свода 1409 года // Советское славяноведение. 1982. № 2.

Греков И. Б. Варианты «Повести о нашествии Едигея» и проблема авторства Троицкой летописи // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982.

Гудзий Н. К. Зарождение и становление московской литературы // Вестн. Моск. ун-та. 1947. № 9.

Гумилев Л. Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. М., 1992.

Дмитриев Л. А. Литература конца XIV – первой половины XV в. // История русской литературы X–XVII веков. М., 1980.

Дробленкова Н. Ф. Сказание о Вавилоне // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Часть 2. «Л–Я». Л., 1989.

Древнерусское градостроительство X–XV веков / Под общей ред. Н. Ф. Гуляницкого. М., 1996.

Егоров В. Л. Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. 1997. № 2.

Забелин И. Е. История города Москвы. Ч. 1. М., 1990.

Зимин А. А. Народные движения 20-х годов XIV века и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1952. Т. 9. № 1.

Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991.

- Зубов В. П.* Епифаний Премудрый и Пахомий Серб. К вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского» // ТОДРЛ. Т. IX. М.; Л., 1953.
- Иловайский Д. И.* Краткие очерки русской истории. Ч. 1. М., 1992.
- Иоани (Маслов).* Обрядовые особенности покаянной дисциплины Древней Руси // Богословские труды. Сб. 31. М., 1992.
- Исаевич Я. Д.* Галицко-Волынское княжество в конце XIII — начале XIV в. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 год. М., 1989.
- История СССР с древнейших времен до конца XVIII века / Под редакцией Б. А. Рыбакова. М., 1983.
- Кавельмахер В. В., Панова Т. Д.* Остатки белокаменного храма XIV в. на Соборной площади Московского Кремля // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995.
- Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
- Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. I–IV. Калуга, 1995.
- Карташев А. В.* Вселенские соборы. М., 1994.
- Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви. Т. 1. М., 1991.
- Каштанов С. М.* Богословская преамбула жалованных грамот // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 5. Л., 1973.
- Каштанов С. М.* Финансовое устройство Московского княжества в середине XIV в. по данным духовных грамот // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982.
- Каштанов С. М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996.
- Кизилов Ю. А.* Земли и народы России в XIII–XV вв. М., 1984
- Кизилов Ю. А.* Начало образования многонациональной структуры Русского государства XIII–XV вв. Ульяновск, 1986.
- Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.
- Клосс Б. М.* Жития Сергия и Никона Радонежских в русской письменности XV–XVII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. Вып. 3. Ч. 2. М., 1990.
- Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994.
- Ключевский В. О.* Соч.: В 9 т.: Т. 2. М., 1988.
- Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989.
- Коган В. М.* История дома Рюриковичей (опыт историко-генеалогического исследования). Спб., 1993.
- Колобанов В. А.* К вопросу о происхождении Евфросиньи Суздальской // Памятники истории и культуры. Вып. 1. Ярославль, 1976.

Комарович В. Л. Из наблюдений над Лаврентьевской летописью // ТОДРЛ. Т. XXX. Л., 1976.

Копанев А. И. О «куплях» Ивана Калиты // Исторические записки. Вып. 20. М., 1946.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. Господство дома св. Владимира. Спб., 1915.

Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. М., 1965.

Кузьмин А. Г. Сказание об апостоле Андрее и его место в Начальной летописи // Летописи и хроники. М., 1973.

Кузьмин А. Г. Татищев. М., 1981.

Кучкин В. А. Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. // Новое о прошлом нашей страны М., 1967.

Кучкин В. А. Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // Исторические записки. Вып. 94. М., 1974.

Кучкин В. А. Повесть о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Кучкин В. А. Московское княжество в XIV в.: система управления и проблема феодальной государственной собственности // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Вып. 2. М., 1988.

Кучкин В. А. «Свой дядя» завещания Семена Гордого // История СССР. 1988. № 4.

Кучкин В. А. К датировке завещания Семена Гордого // Древнейшие государства на территории СССР. 1987 год. М., 1989.

Кучкин В. А. Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты? // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1989. М., 1989.

Кучкин В. А. О дате основания Московского Данилова монастыря // Вопросы истории. 1990. № 7.

Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников XIII — первая четверть XIV в. // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в.: Сб. научн. тр. М., 1990.

Кучкин В. А. Русь под игом: как это было? М., 1991.

Кучкин В. А. Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10.

Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. № 1.

Кучкин В. А. Москва в XII — первой половине XIII века // Отечественная история. 1996. № 1.

Лев Диакон. История. М., 1988.

- Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- Леонид (Кавелин).* Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой Лавры // ЧОИДР. 1880. Кн. 4.
- Лидов А. М.* Образ Небесного Иерусалима в восточнохристианской иконографии // Иерусалим в русской культуре. М., 1994.
- Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967.
- Лосева О. В.* Месяцеслов и именовслов в Древней Руси // Румянцевские чтения. Ч. 2. М., 1996.
- Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.
- Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. СПб., 1994.
- Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.
- Мавродин В. В.* Образование единого Русского государства. Л., 1951.
- Мазуров А. Б.* Утверждались ли духовные грамоты Ивана Калиты в Орде? // Вопросы истории. 1995. № 5.
- Макарий (Булгаков).* История русской церкви. Кн. 3. М., 1995.
- Мещерский Н. А.* «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958.
- Мещерский Н. А.* К изучению ранней московской письменности // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969.
- Мещерский Н. А.* Избранные статьи. СПб., 1995.
- Михаил Ярославич великий князь Тверской и Владимирский.* Тверь, 1995.
- Мневва Н. Е.* Стенопись Благовещенского собора Московского Кремля // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и принадлежащих к ней княжеств. XIV–XVI вв. М., 1970.
- Моисеева Г. Н.* Троицкая летопись 1408 г. в сочинениях Екатерины II // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976.
- Морозова Л. Е.* Сочинения Зиновия Отенского. М., 1990.
- Мошин В. А.* Сербская редакция Синодика в неделю православия // Византийский временник. Т. XVI. М., 1959.
- Муравьева Л. Л.* Об общерусском источнике Владимирского летописца // Летописи и хроники. М., 1973.
- Муравьева Л. Л.* Летописание Северо-Восточной Руси. XIII–XIV века. М., 1983.
- Муравьева Л. Л.* Об «избытке» известий Никоновской летописи (конец XIII – начало XV в.) // Древности славян и Руси. М., 1988.
- Муравьева Л. Л.* Московское летописание второй половины XIV–начала XV века. М., 1991.
- Мюллер Л.* Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород // Летописи и хроники. М., 1973.
- Насонов А. Н.* Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.; Л., 1940.

Насонов А. Н. О тверском летописном материале в рукописях XVII века // Археографический Ежегодник за 1957 год. М., 1958.

Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969.

Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976

Паелов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988.

Панеях В. М. Панорама истории России XV—XVI веков А. А. Зими́на (К выходу в свет книги «Витязь на распутье») // Отечественная история. 1992. № 6.

Пауткин А. А. Характеристика личности в летописных княжеских некрологах // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1. XI—XVI века. М., 1989.

Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959.

Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.

Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. Изд. Общества любителей Древней письменности. 1895. Т. 108.

Платонов С. Ф. Статьи по русской истории (1883—1912). 2-е изд. Спб., 1912.

Плигузов А. И. Древнейший список краткого собрания ярлыков, данных ордынскими ханами русским митрополитам // Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. Вып. 3. М., 1987.

Плигузов А. И., Хорошкевич А. Л. Русская церковь и антиордынская борьба в XIII—XV вв. (по материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.

Плугин В. А. Нерешенные вопросы русского летописания XIV—XV веков (к выходу в свет книги Я. С. Лурье «Общерусские летописи XIV—XV вв.») // История СССР. 1978. № 4.

Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Т. 1. М., 1933.

Постникова-Лосева М. М. Три камня Государственной Оружейной палаты // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1975 г. М., 1976.

Православные русские обители. Спб., 1994.

Праздничные службы и церковные торжества в старой Москве / Сост. Гр. Георгиевский. М., 1995.

Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918.

Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Спб., 1996.

Приселков М. Д., Фаснер М. Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века // Изв. Отд. рус. яз. и словесности императорской Академии Наук. 1916 г. Т. 21. Кн. 1. Пг., 1916.

Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Т. XXVIII. Л., 1973.

- Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе. Л., 1978.
- Прохоров Г. М.* Центральнорусское летописание второй половины XIV в. (Анализ Рогожского летописца и общие соображения) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 10. Л., 1978.
- Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Л., 1987.
- Прохоров Г. М.* Петр // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987.
- Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982.
- Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI–XIV вв. М., 1964.
- Рыбаков Б. А.* В. Н. Татищев и летописи XII в. // История СССР. 1971. № 1.
- Рыбаков Б. А.* Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия. М., 1993.
- Салимов А. М.* Тверской Спасо-Преображенский собор. Тверь, 1994.
- Салмина М. А.* Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы // ТОДРЛ. Т. 41. Л., 1988.
- Сапунов Б. В.* Книга в России в XI–XIII вв. Л., 1978.
- Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1959.
- Сахаров А. М.* Церковь и образование Русского централизованного государства // Вопросы истории. 1966. № 1.
- Сахаров А. М.* Изучение социально-экономической основы объединения русских земель в советской исторической литературе // История СССР. 1976. № 6.
- Седова Р. А.* Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993.
- Семячко С. А.* Повесть о Тверском Отроче монастыре. СПб., 1994.
- Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Т. 1. СПб., 1890.
- Сергий (Спасский).* Полный месяцеслов Востока. Т. 1–3. М., 1997.
- Смирнов П. П.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. // Вопросы истории. 1946. № 2–3.
- Смирнов С.* Как говела в Древней Руси? // Прибавление к «Церковным ведомостям». 1901. № 8.
- Смирнова Э. С.* Икона Николы 1294 года мастера Алексы Петрова // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975.
- Соболева Н. А.* Русские печати. М., 1991.
- Соколов П. П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913.
- Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1988.
- Сперанский М. Н.* Из старинной новгородской литературы XIV века. Л., 1934.
- Татищев В. Н.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. V. М., 1996.
- Тиц А. А.* На земле древнего Галича. М., 1971.

- Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV–XV вв. М., 1957.
- Тихомиров М. Н.* Забытые и неизвестные произведения русской письменности // Археографический Ежегодник за 1960. М., 1960.
- Тихомиров М. Н.* Древнейшая история г. Москвы XII–XIV вв. (Доклад на заседании группы по истории г. Москвы) // Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975.
- Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979.
- Тихомиров Н. С.* Древние жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
- Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989.
- Филюшкин А. И.* Термины «царь» и «царство» на Руси // Вопросы истории. 1997. № 8.
- Флоря Б. Н.* Отношения государства и церкви у восточных и западных славян. М., 1992.
- Флоря Б. Н.* О некоторых аналогиях в развитии древнерусской и западноевропейской общественной мысли в эпоху средних веков // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. М., 1997.
- Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие. Алма-Ата, 1992.
- Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.
- Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации XI–XVI вв. М., 1986.
- Черетин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960.
- Чернышов А. В.* Очерки по истории Тверского княжества XII–XV вв. Тверь, 1996.
- Чичуров И. С.* К вопросу о формировании идеологии господствующего класса Древней Руси в конце XV–XVI в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975.
- Чичуров И. С.* Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М., 1990.
- Чичуров И. С.* «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
- Шабильдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.
- Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978.
- Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987.
- Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938.

Щапов Я. Н. Древнеримский календарь на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.

Щапов Я. Н. Календарь в псковских рукописях XV-XVI вв // ТОДРЛ. Т. 37. Л., 1983.

Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв. М., 1989.

Щапов Я. Н. Политическая концепция о месте страны в мире в общественной мысли Руси XI-XIV вв // Древнейшие государства на территории СССР. 1987 год. М., 1989.

Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Т. 3. Спб., 1774.

Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 1. Спб., 1889.

Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 2. Спб., 1891.

Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Т. 2. М., 1970.

Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.

Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981.

Янин В. Л. «Черный бор» в Новгороде XIV - XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.

Янин В. Л. Роль Новгорода в отечественной истории // Социально-экономическое развитие России. М., 1986.

Янин В. Л. Новгородские акты XII-XV вв. (Хронологический комментарий). М., 1991.

Янин В. Л. «Болотовский» договор о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII - XIV веках // Отечественная история. 1992. № 6.

Chase Thomas. G. The Story of Lithuania. New York, 1946.

Chekin Leonid S. The Godless Ismaelites: The Image of the Stepp in Eleventh-Thirteenth Century Rus' // Russian History / Histoire Russe. 1992. Vol. 19. N. 1-4.

Cherniavsky Michael. Khan or Basileus: an Aspect of Russian Medieval Political Theory // Journal of the History of Ideas. (1959) 20. P. 459-476.

Collins Daniel. Early Russian Topoi of Deathbed and Testament // California Slavic Studies. 1994. XIX.

Constantelos Demetrios J. Life and social welfare activity of patriarch Athanasios (1289-1293, 1303-1309) of Constantinople // The Byzantine Fellowship Lectures. 2. Byzantine Ecclesiastical Personalities. Holy Cross Orthodox Press, 1975.

Cooper Henry. The Bible in Rus': A case Study // Canadian-American Slavic Studies. 1991. 25. N. 1-4.

Crummey Robert. The Formation of Muscovy 1304-1613. London; New York: Longman, 1987.

Fennell J. The Emergence of Moscow. 1304-1359. University of California Press, 1968.

Fennel John. The Crisis of Medieval Russia. 1200-1304. London; New York: Longman, 1983.

Fennel John. A History of the Russian Church to 1448. London; New York: Longman, 1995.

Halperin Charles. Russia and Stepp: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 1985.

Halperin Charles. J. Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington: Indiana University Press, 1985.

Halperin Charles. J. The Tatar Yoke. Slavica Publishers, Inc., 1985.

Kloss Boris M. Determining the authorship of the Trinity Chronicle // California Slavic Studies. 1991. XIX. Medieval Russian Culture. Vol. 2.

Lenhoff Gail. Canonization and Princely Power in Northeast Rus': The Cult of Leonty Rostovskij // Die Welt der Slaven. (1992). Vol. 37, NF. 16.

Luria Jakob S. Fifteenth-Century Chronicles as the Source for the History of the Formation of the Muscovite State // California Slavic Studies. 1994. XIX. Medieval Russian Culture. Vol. 2.

Martin Janet. The Land of Darkness and the Golden Horde: The Fur Trade under the Mongols XIII-XIVth Centuries // Cahiers du Monde russe et soviétique. (1978). Vol. 19.

Martin Janet. Medieval Russia. 980-1584. Cambridge University Press, 1995.

Miller David. Monumental Buildings as Indicator of Economic Trends in Northern Rus' in the Late Kievan and Mongol Periods, 1138-1462 // American Historical Review. (1980). Vol. 94.

Miyawaki Junko. The Chinggisid Principle in Russia // Russian History / Histoire Russe. 1992. Vol. 19. N. 1-4.

Nicol Donald. M. The Last Centuries of Byzantium. 1261-1453. Cambridge University Press, 1993.

Ostrowski Donald. Why Did the Metropolitan Move from Kiev to Vladimir in the Thirteenth Century? // California Slavic Studies. 1993. XVI. Vol. 1.

Pelenski Jaroslaw. The Contest between Lithuania-Rus' and the Golden Horde in the Fourteenth Century for Supremacy over Eastern Europe // Archivum Eurasiae Medievil. (1982). Vol. 2.

Paszkiewicz Henryk. The Rise of Moscow's Power. East European Monographs, Boulder distributed by Columbia University Press. New York, 1983.

Thomas John P. Private religious foundations in the Byzantine Empire. Dumbarton Oaks Studies. XXIV. Washington, D. C., 1987.

Roublev Michel. Le tribut aux Mongols d'après les Testaments et accords des Princes Russes // Cahiers du monde russe et soviétique. (1966). Vol. 7.

Rowland Daniel. Biblical Military Imagery in the political culture of Early Modern Russia // California Slavic Studies. 1994. XIX.

Rungiman Steven. The Byzantine Theocracy. Cambridge University Press, 1977.

Seemann Klaus-Dieter. Allegorical-Exegetical Devices in Kievan Literature // Canadian-American Slavic Studies. 1991. 25. N. 1-4.

Urban William. The Livonian Crusade. University Press of America, 1981.

Vernadsky George. A History of Russia. Sixth Revised edition. New Haven: Yale University Press, 1969.

Vodoff W. Remarques sur la valeur du terme 'tsar' appliqué aux princes russes avant le milieu du XV siècle // Oxford slavic papers, 1978. Vol. XI.

Walter Christopher. Art and Ritual of the Byzantine Church. London: Variorum Publications LTD, 1982.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСЭИ** — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.
- ГВНП** — *Грамоты Великого Новгорода и Пскова* (М.; Л., 1949).
- ДДГ** — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (М.; Л., 1950).
- Н1Л** — Новгородская 1 летопись Старшего и Младшего изводов (М.; Л., 1950).
- ПСРЛ** — Полное собрание русских летописей.
- РИБ** — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией.
- ТОДРЛ** — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.
- ЧОИДР** — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.